СЛОВЕСНОСТЬ

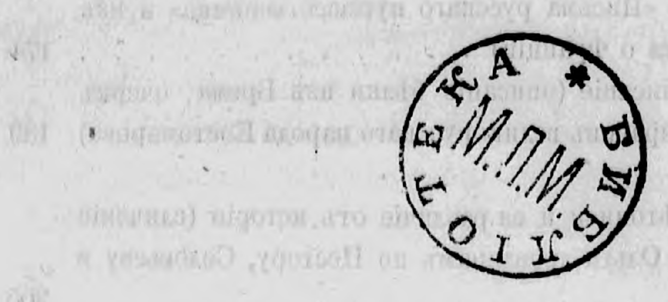
ВЪ

ОБРАЗЦАХЪ И РАЗБОРАХЪ,

СЪ ОБЪЯСНЕНІЕМЪ ОБЩИХЪ СВОЙСТВЪ СОЧИНЕНІЯ И ГЛАВНЫХЪ РОДОВЪ ПРОЗЫ И ПОЭЗІИ

В. Водовозова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.
На углу Могилевской и Канонерской, № 7/2.
1868.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Проза.

Поэзія.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаю настоящую книгу не болѣе какъ опытъ руководства для упражненій въ теоріи словесности, назначаемый въ пособіе тѣмъ, кто затрудняется, что излагать въ классахъ по этому столь неопредѣленному у насъ предмету. Надѣюсь, что, при всѣхъ недостаткахъ моей книги, преподаватели найдутъ въ ней нѣкоторыя указанія на то положительное знаніе, къ которому у насъ такъ заботливо стремятся. Съ цѣлію представить примѣры классныхъ толкованій, въ первой половинѣ книги, я слѣдовалъ разговорному способу изложенія (что у нѣмцевъ называютъ катехетикой): такъ она и была напечатана въ журналѣ: «Педагогическій сборникъ», издаваемомъ при главномъ управленіи военно-учебныхъ зеведеній. Впрочемъ катехетическій методъ во всей силѣ примѣненъ лишь вначалѣ, въ объясненіи повѣсти «Старосвѣтскіе помѣщики» и въ статьяхъ о слогѣ: далѣе постепенно переходилъ я къ обыкновенному способу изложенія, чтобы по возможности уменьшить объемъ книги. Но вездѣ я держался правила: начинать объясненія съ разбора образцовъ. Я приводилъ въ примѣръ почти исключительно русскіе образцы, какъ болѣе къ намъ близкіе и болѣе удобные для первоначальныхъ толкованій; но, конечно, полезно дополнить ихъ и иностранными, представивъ, напримѣръ, по путешествіямъ, отрывки изъ Ливинг-

стона, Кена, — по общимъ описаніямъ, отрывки изъ книги «Человѣкъ и природа на дальнемъ сѣверѣ» Гартвига, — по исторіи, болѣе легкія мѣста изъ Тьери, изъ Прескота, изъ Маколея, и проч. Въ отдѣлѣ поэзіи, возможно познакомить съ нѣкоторыми пѣснями Беранже (Урокъ, Старый нищій, Падающія звѣзды, Тоска по родинѣ), съ однимъ изъ романовъ Вальтерскота, съ драмою Шекспира «Король Лиръ» (въ переводѣ Дружинина). Однако заниматься подобными сочиненіями удобнѣе послѣ предварительныхъ объясненій. Я опустилъ также всю историческую часть, то есть, объясненіе старинныхъ формъ ложно-классической и ложно-романтической поэзіи, для которыхъ нужно бы подробнѣе знакомить съ образцами древней греческой литературы и средневѣковаго творчества. Знакомство съ главнѣйшими образцами литературы въ ея историческомъ развитіи могло бы составить предметъ особой книги: въ настоящемъ сочиненіи, только при изложеніи эпоса, какъ наиболѣе распространеннаго рода поэзіи, я коснулся исторической основы, что особенно было необходимо, чтобы объяснить современное значеніе романа. [Разборы языка и слога я представилъ отдѣльно, но считаю полезнымъ при разборѣ каждаго замѣчательнаго сочиненія обращать вниманіе на языкъ и слогъ писателя, какъ отчасти и дѣлаю при объясненіи нѣкоторыхъ сочиненій. Я однако не держусь того мнѣнія, чтобы однимъ граматическимъ путемъ, хотя бы и самымъ усовершенствованнымъ, можно было дойти до пониманія содержанія въ сочиненіяхъ. Напротивъ, не выяснивъ всесторонне мысли автора, невозможно приступить и къ объясненію языка и слога; слѣдовательно, толкованіе перваго должно всякій разъ предшествовать толкованію втораго. Знаніе роднаго языка лучше всего пріобрѣтается внимательнымъ разборомъ содержанія прочитанной статьи, такъ какъ, вникая во всѣ части сочиненія, учащійся по неволѣ усвоиваетъ и разные способы выраженія: передавая съ точностью содержаніе, онъ

и самъ постоянно упражняется въ слогѣ. Поэтому я считаю также не сообразнымъ съ педагогическою цѣлію начинать курсъ словесности съ объясненія древнихъ образцевъ, каковы: лѣтописи, сказанія, записки Курбскаго, и проч. При объясненіи содержанія этихъ сочиненій всетаки нельзя удѣлить много времени для упражненій въ формахъ древняго языка, — упражненій, которыя принадлежатъ исключительно граматическому курсу. Касательно порядка, принятаго мною при изложеніи разныхъ частей словесности, я долженъ предупредить, что не считаю необходимымъ слѣдовать ему во всей точности въ преподаваніи: разборомъ слога, конечно, придется заниматься и при объясненіи характера разныхъ сочиненій; нѣкоторыя болѣе простыя формы поэтическихъ произведеній могутъ быть истолкованы въ самомъ началѣ курса (какъ, напримѣръ, различіе сказки отъ басни, пѣсни отъ былины); нѣкоторыя части, кратко у меня изложенныя (какъ, напримѣръ, о трагическомъ и комическомъ) предварительно слѣдуетъ выяснить подробнѣе и въ болѣе простой формѣ. Вообще, я болѣе имѣлъ въ виду систематически представить матеріалъ для объясненій, чѣмъ изложить курсъ, строго распредѣленный по разнымъ степенямъ развитія учащихся.

В. Водовозовъ.

УПРАЖНЕНІЯ ВЪ РАЗБОРѢ СОДЕРЖАНІЯ СОЧИНЕНІЙ.

(РАЗБОРЪ ПОВѢСТИ ГОГОЛЯ: «СТАРОСВѢТСКІЕ ПОМѢЩИКИ»).

Дѣло начинается тѣмъ, что преподаватель вмѣстѣ съ воспитанниками прочитываетъ эту повѣсть, безъ всякихъ предварительныхъ объясненій. Читаетъ онъ самъ, или даетъ читать учащимся, которые обладаютъ громкимъ, чистымъ голосомъ и нѣкоторымъ даромъ выраженія (декламаціи, въ самомъ общемъ смыслѣ этаго слова). Нѣкоторые требуютъ, чтобы воспитанники непремѣнно приняли этотъ трудъ на себя; но если они будутъ читать вяло, однообразно, шепеляя и проглатывая слова, то слушатели ничего не поймутъ, или отъ скуки развлекутся постороннимъ предметомъ. Въ такомъ случаѣ гораздо лучше заняться этимъ дѣломъ самому преподавателю; для упражненія же въ чтеніи назначить совсѣмъ особые уроки, и тогда уже перечитывать то, чтò прежде было растолковано въ классѣ. При первомъ чтеніи, ведущемъ за собою разборъ, необходимо, чтобы содержаніе статьи произвело живое впечатлѣніе на учащихся; но, конечно, тутъ не столько важно искуство декламатора, сколько ясное, отчетливое произношеніе каждаго слова, каждаго отдѣльнаго предложенія, а въ болѣе сложныхъ періодахъ и повтореніе прочитаннаго: слѣдовательно, преподавателю нельзя поставить въ укоръ, если онъ читаетъ довольно медленно. При чтеніи онъ нѣсколько разъ останавливается, сначала чаще, подъ конецъ повѣсти рѣже, чтобы удостовѣриться во вниманіи воспитанниковъ и знать, поняли ли они сколько-нибудь то, чтò прочитано: на первый разъ довольно, если они поймутъ содержаніе въ самыхъ общихъ чертахъ. Такія остановки въ повѣсти: «Старосвѣтскіе помѣщики» могутъ быть опредѣлены слѣдующимъ образомъ: 1) послѣ

вступленія, въ которомъ Гоголь говоритъ вообще о тихой жизни старосвѣтскихъ помѣщиковъ и объ ихъ укромномъ жилищѣ, 2) послѣ описанія наружности и прежней жизни Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны, 3) послѣ описанія комнатъ, 4) послѣ разсказа о томъ, какъ помѣщики занимались хозяйствомъ, 5) послѣ разсказа объ ихъ ѣдѣ и аппетитѣ, 6) послѣ изображенія ихъ мирныхъ разговоровъ, споровъ и обхожденія съ гостями. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ довольно назначить двѣ части: 1) случай, бывшій съ Пульхеріей Ивановной, и ея смерть, 2) жизнь Афанасія Ивановича послѣ смерти жены. При каждой остановкѣ, преподаватель обращается къ болѣе слабымъ изъ воспитанниковъ и заставляетъ ихъ вкратцѣ пересказать прочитанное. При этомъ, какъ и во всѣхъ упражненіяхъ, онъ позаботится о томъ, чтобы другіе, болѣе бойкіе, не вмѣшивались со своими отвѣтами, пока ихъ не спрашиваютъ, не перебивали тѣхъ, которые медленно отвѣчаютъ, и самого учителя, вообще не выказывали неумѣстнымъ крикомъ своихъ знаній. Иначе одни способные воспользуются урокомъ, а слабымъ не удастся отвѣтить ни одного слова. Слушая разсказъ воспитанника, преподаватель исправляетъ болѣе крупныя неправильности его рѣчи, но покамѣстъ избѣгаетъ всякихъ объясненій. Удостовѣрившись, что весь классъ въ *общихъ чертахъ* понялъ содержаніе, онъ, не медля, продолжаетъ чтеніе. По окончаніи чтенія, учащіеся имѣютъ въ умѣ своемъ только общее представленіе о томъ, что̀ прочитано, общее впечатлѣніе отъ разсказа: многія подробности отъ нихъ ускользнули, многія неясно или не совсѣмъ вѣрно поняты. Но они знаютъ достаточно, чтобы отличить самыя главныя части повѣсти и завлечься ея главною мыслью.

Съ этимъ знаніемъ уже можно приступить къ вторичному чтенію, служащему для разбора подробностей. Но зачѣмъ же, спросятъ, прямо не начать съ внимательнаго разсмотрѣнія каждой части разсказа въ отдѣльности, чтобы постепенно выяснилась его мысль, и къ концу чтенія воспитанники уже сами могли слѣдить за развитіемъ идеи? Замѣтимъ, что здѣсь чрезвычайно важно впечатлѣніе цѣльнаго, не раздробленнаго предмета: части, отдѣльно взятыя, безъ связи съ другими, похожи на рисунки, гдѣ изображаютъ носъ, ротъ, ухо, безъ всякаго выраженія; въ общей картинѣ, хотя бы и смутно понятой, всѣ подробности первый разъ получаютъ свой настоящій смыслъ и занимательность. Иначе преподавателю пришлось бы напередъ пересказывать вкратцѣ содержаніе повѣсти и объяснять ея идею, а это ужъ было бы противно здравому педагогическому смыслу. Такъ бываетъ и во всякомъ реальномъ знаніи: учащійся знакомится цѣликомъ съ предметомъ, усвоиваетъ живыя его стороны прежде, чѣмъ наука объяснитъ ему значеніе каждаго признака и явленія. Отъ того и при чтеніи занимательной статьи воспитанникъ все стремится узнать, что̀ слѣдуетъ далѣе, и пока его любопытство не удовлетворено, ему скученъ разборъ подробностей. Напротивъ, когда гармоническое цѣлое уже однажды затронуло его душу, ему весело остановиться надъ каждымъ звукомъ этой гармоніи. Послѣ перваго чтенія еще немного требуется отъ воспитанниковъ. Преподаватель задаетъ имъ вопросъ: еслибъ вамъ пришлось дѣлить повѣсть: «Старосвѣтскіе помѣщики», то какъ бы вы ее раздѣлили? Что̀ въ ней болѣе всего на виду и особенно врѣзывается въ память? Что̀ въ ней самое главное? Можетъ быть, уже на первый вопросъ отвѣтили бы болѣе способные, но этотъ отвѣтъ необходимо уяснить другими вопросами. Очень не трудно дождаться отъ воспитанниковъ такого объясненія: самое видное и главное въ повѣсти — происшествіе съ кошкою и смерть Пульхеріи Ивановны. Итакъ мы знаемъ одну часть: разсказъ о томъ, что случилось съ Пульхеріей Ивановной. Съ одной ли только Пульхеріей Ивановной? — Нѣтъ, вслѣдъ за тѣмъ измѣнилась и жизнь Афанасія Ивановича. — Слѣдовательно, одну часть составитъ разсказъ о томъ, что̀ случилось съ Пульхеріей Ивановной и Афанасіемъ Ивановичемъ. Что же находится въ повѣсти передъ этимъ разсказомъ? Тутъ ужъ не всякій вдругъ отвѣтитъ. «Описаны комнаты» скажетъ одинъ, «поющія двери» отзовется другой, «какъ Афанасій Ивановичъ ѣлъ» замѣтитъ третій. Еще что? — Сундучечки и узелки у Пульхеріи Ивановны. — Еще? — Разсказано, какъ прикащикъ обманывалъ... какъ дѣвки ѣли варенье. — Еще? — Какъ Афанасій Ивановичъ пугалъ Пульхерію Ивановну. — Еще? — Больше ничего... да! на дворѣ стоялъ возъ съ дынями... сливы въ саду; Афанасій Ивановичъ въ бараньемъ тулупчикѣ; какъ потчивали гостей: кричитъ ужъ въ азартѣ самый бойкій. — Довольно. Что же будетъ, если все это взять вмѣстѣ: и описаніе комнатъ, и поющихъ въ нихъ дверей, и того, какъ кушалъ Афанасій Ивановичъ или пугалъ свою супругу, какъ обманывалъ ихъ прикащикъ? Къ чему все это здѣсь собрано? что̀ мы узнаемъ изъ всего этого? — Мы узнаемъ, что̀ за люди были и какъ жили старосвѣтскіе помѣщики. — Слѣдовательно, передъ разсказомъ о томъ, что̀ случилось

съ Пульхеріей Ивановной и Афанасіемъ Ивановичемъ, что̀ такое находится? — Описаніе ихъ ежедневной жизни. — Значитъ, сколько нашли частей въ повѣсти? — Двѣ части. — Напишите же это ясно и толково; какъ вы напишете?

Въ повѣсти «Старосвѣтскіе помѣщики» находятся двѣ части (или «мы нашли» или «повѣсть можно раздѣлить», или «повѣсть состоитъ» и т. д.).

А. Описаніе ежедневной жизни Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны.	В. Разсказъ о томъ, что̀ случилось съ Пульхеріей Ивановной и Афанасіемъ Ивановичемъ.

Мы нашли двѣ части: есть-ли какая-нибудь связь между ними? Подождите, не торопитесь отвѣчать; скажите прежде, о чемъ разсказано во второй половинѣ? — О томъ, какъ Пульхерія Ивановна стосковалась о пропавшей кошкѣ и умерла, а вслѣдъ за нею захирѣлъ и Афанасій Ивановичъ. — Онъ-то отчего захирѣлъ? — Въ тоскѣ по своей старушкѣ, когда она скончалась. — А она отчего умерла? — Отъ того, что ея любимая кошка ушла въ лѣсъ. — Кто же былъ всему виною? — Кошка! — Положимъ, что дѣло началось съ кошки: отчего бы не начать съ этаго и повѣсти? — «Можно бы начать» говоритъ кто-то. — «Нѣтъ!» возражаетъ другой: «такъ, какъ у Гоголя, занимательнѣе!» — «Нужно описать ежедневную жизнь помѣщиковъ», замѣчаетъ нерѣшительно третій. — «Ну, ужъ задолбилъ!» возражаетъ снова его товарищъ. — Да, Пульхерія Ивановна умерла отъ того, что кошка пропала, на минуту вернулась и опять убѣжала... Какая странная причина! могло ли бы это случиться со всякимъ? ну хоть кто-нибудь изъ васъ встревожился ли бы такъ отъ подобнаго происшествія? — «Еще бы!... вотъ, пустяки!... побоялся бы развѣ, чтобъ кошка не исцарапала!» отвѣчаютъ съ разныхъ сторонъ. — «Отчего же?» возражаетъ одинъ изъ спорщиковъ: «если бы я очень сильно любилъ хоть бы и кошку, такъ могъ бы по ней стосковаться и умереть!» Товарищи смѣются, слышатся шутки: «Вотъ, нашелся кошатникъ! его бы посватать за Пульхерію Ивановну!» — Къ дѣлу, господа, къ дѣлу! Вашъ товарищъ не такъ смѣшонъ, какъ вы думаете, хоть, кажется, и норовилъ сказать только красное словцо. Мало ли отчего люди умираютъ: какая тамъ нибудь пустая причина, а все-таки кончилось смертью, и жаль доброй Пульхеріи Ивановны. Если бы мы съ вами къ ней пріѣхали, она закормила бы насъ сластями. Мы прожили

бы у нея очень мирно и сытно, хоть, можетъ, подъ конецъ соскучились бы такъ, что сами готовы были бы счесть кошку за привидѣніе. Но оставимъ это. Изъ вашихъ словъ видно, что происшествіе, случившееся съ Пульхеріей Ивановной, не со всякимъ могло случиться. Отчего это именно произошло съ нею? — Она была суевѣрна. — Съ чего вы это взяли? — Да она повѣрила, что смерть приходила за нею. — Отчего же вы этому не вѣрите, а она повѣрила? — Она была необразована. — Что вы образованы, это, конечно, ваше счастье; только гдѣ-же Гоголь говоритъ, что Пульхерія Ивановна была необразована? — Это видно само собою. — Изъ чего? — Что она повѣрила. — Повѣрила, потому что необразована; необразована, такъ и повѣрила: это значитъ толочь слова. Нельзя ли найти получше объясненья? — Это отъ того... она соскучилась?... — Бѣда съ вами! вы сейчасъ рады повторять, что я скажу мимоходомъ. Отчего было Пульхеріи Ивановнѣ соскучиться? Запасы варенья и печеній у нея не истощались: было чѣмъ кормить Афанасія Ивановича и гостей. Мы ничего не добьемся, если будемъ говорить на обумъ, или по догадкѣ. Вы видите: еслибы Гоголь прямо началъ съ разсказа, было ли бы намъ ясно главное происшествіе? — Нѣтъ! говоритъ съ жаромъ одинъ изъ способныхъ, какъ будто осѣненный свыше: необходима первая половина повѣсти; мы изъ нея узнаемъ... — Что узнаемъ? — Отчего Пульхерія Ивановна повѣрила, что, въ видѣ кошки, смерть за нею приходила — Да, это въ самомъ дѣлѣ удивительно! вѣдь если такія чудеса могутъ случаться съ человѣкомъ, такъ намъ надо всего бояться: скрыпнетъ ли нечаянно дверь, зашумитъ ли въ трубѣ, птица ли забьется въ окнѣ? Особенно какъ вечеромъ сидишь одинъ, такъ дрожь пройдетъ по тѣлу... Между тѣмъ Гоголь какъ будто представляетъ, что это и на самомъ дѣлѣ можетъ случиться. Такъ вы говорите, что въ первой половинѣ повѣсти разгадка... ну, отчего же Пульхерія Ивановна повѣрила? — Отъ того... отъ того... Воспитанникамъ что то мерещится, но ихъ сбиваютъ подробности: имъ то представляются сундучки, то варенье, то Афанасій Ивановичъ, угощаемый въ полночь кислымъ молочкомъ. Между тѣмъ они чувствуютъ, что происшествіе съ кошкою какъ нельзя лучше согласуется со всѣми подробностями, представленными въ первой половинѣ; преподаватель, сдѣлавъ нѣсколько намековъ, легко могъ бы навести ихъ на то и другое объясненіе. Но онъ этого не дѣлаетъ, а напротивъ говоритъ: «Господа! вы еще ничего не знаете, и догадки ни къ

чему не послужатъ. Займемся хорошенько разборомъ первой половины повѣсти, и тогда все объяснится. Смотрите же, прежде всего — терпѣнье!»

Кто помнитъ, съ чего начинается первая половина? описываетъ ли Гоголь въ самомъ началѣ Афанасія Ивановича и Пульхерію Ивановну? — Нѣтъ! въ началѣ онъ говоритъ о старосвѣтскихъ помѣщикахъ.—О какихъ? указываетъ ли онъ на то или другое лицо?— Нѣтъ, онъ описываетъ всѣхъ такихъ помѣщиковъ.—Слѣдовательно, онъ говоритъ о старосвѣтскихъ помѣщикахъ *вообще*.... что именно?— Онъ описываетъ ихъ тихую жизнь, ихъ жилище, ихъ радушіе. (Здѣсь еще не нужно опредѣлять съ точностью, что́ заключается въ каждой части: для различенія частей довольно слегка припомнить ихъ содержаніе; гдѣ подробности спутываютъ воспитанниковъ, тамъ преподаватель бѣгло прочтетъ нѣкоторые отрывки, только чтобы указать переходъ отъ одного предмета къ другому. При разборѣ подробностей, какъ мы уже замѣтили, необходимо новое, обстоятельное чтеніе). Что же слѣдуетъ послѣ вступленія? — Гоголь переходитъ къ описанію Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны.— Есть тутъ что-нибудь новое, или только продолженіе прежняго описанія? — Продолжается повѣсть все о тѣхъ же помѣщикахъ, а новаго то, что Гоголь уже начинаетъ описывать *отдѣльныя*, извѣстныя лица.—Хорошо. Назовемъ это описаніе отдѣльныхъ лицъ второю частью въ первой половинѣ повѣсти. Какъ вы думаете, до какого мѣста она можетъ простираться? Припомните поподробнѣе, что́ слѣдуетъ послѣ вступленія? — Сначала описаны года, наружность, одежда старичковъ; потомъ ихъ любовь другъ къ другу и то, гдѣ прежде служилъ и какъ женился Афанасій Ивановичъ; потомъ говорится объ ихъ мирной, настоящей жизни, о комнатахъ ихъ дома, объ ихъ занятіяхъ хозяйствомъ, и проч. — Гдѣ же остановиться? гдѣ окончить вторую часть? Одни говорятъ: передъ описаніемъ комнатъ, другіе—передъ мѣстомъ, гдѣ упоминается о прежней жизни Афанасія Ивановича.— Зачѣмъ же описаніе комнатъ принимать за особую часть? Какъ вы полагаете, къ чему тутъ описаны комнаты?—Чтобы показать, какъ жили эти добродушные старички. — Но вѣдь и прежде, когда говорится о жилищѣ старосвѣтскихъ помѣщиковъ, объ ихъ любви другъ къ другу, о прежней жизни Афанасія Ивановича, собственно рѣчь идетъ о томъ, какъ они жили. — Объ этомъ, пожалуй, говорится въ цѣлой повѣсти, но комнаты описаны подробно. — Положимъ, что описаніе комнатъ составитъ особую часть, нельзя ли тогда и разсказъ о томъ, какимъ молодцомъ былъ прежде Афанасій Ивановичъ, назвать особою частью? — Нѣтъ, объ этомъ сказано очень мало. — Потому ли только, что сказано мало? Хотѣлъ ли Гоголь именно разсказывать прежнюю жизнь Афанасія Ивановича, или упоминаетъ объ этомъ мимоходомъ, для поясненія?—Объ этомъ упомянуто только для поясненія. — Для поясненія чего? — Того, какъ мирно жили старички въ настоящее время. — Слѣдовательно, уже разсказъ о мирныхъ чувствахъ старичковъ составитъ особую часть. Что же останется для второй части? только описаніе ихъ наружности? — Нѣтъ, этого мало. — Помните, что мы дѣлимъ на части не потому, что о чемъ нибудь много, или мало говорится, а потому, что въ цѣломъ разсказѣ каждая отдѣльная часть составляетъ свое маленькое цѣлое. Лицо одно, — но въ немъ нѣсколько частей: лобъ, глаза, носъ, щеки, и проч. Глаза по наружности гораздо меньше щекъ; однако вы не скажете, что глаза принадлежатъ къ щекамъ: если вы будете жаловаться, что у васъ болитъ щека, то никто изъ этого не заключитъ, что разболѣлся и глазъ, который надъ нею находится. Напротивъ, зрачекъ находится въ глазу, и вамъ довольно сказать «глазъ», чтобы подъ этимъ подразумѣвать и зрачекъ. Зрачекъ тоже маленькое цѣлое, но вы о немъ скажете, когда будете дѣлить глазъ, а части лица вы не станете пересчитывать такимъ образомъ: 1) глазъ, 2) зрачекъ, 3) щека. Точно также описаніе наружности старичковъ можетъ составлять особое цѣлое; но посмотрите, что́ говоритъ Гоголь: онъ объясняетъ, что «по ихъ чертамъ можно было читать всю ихъ ясную, спокойную жизнь». Слѣдовательно.... кто скажетъ, что́ изъ этого слѣдуетъ?—Изъ этого слѣдуетъ, что описаніе мирной жизни стариковъ относится къ описанію ихъ наружности? — Не совсѣмъ такъ. Это опять значило бы, что, напримѣръ, рѣсницы въ глазу относятся къ зрачку! — Надо сказать, что описаніе наружности старичковъ и ихъ мирной жизни принадлежатъ вмѣстѣ къ одной части? — Да; Гоголь здѣсь только кратко объясняетъ, какъ ласковы, радушны, какого мирнаго характера были старички, чтобы показать, что этотъ ихъ характеръ вполнѣ соотвѣтствовалъ самому выраженію ихъ лица. Далѣе ихъ радушіе, миролюбіе и другія качества подробно высказываются въ разныхъ сценахъ и описаніяхъ. И такъ, что же составитъ вторую часть? — Описаніе наружности Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны и мирнаго ихъ характера. — Мы довольно потрудились съ этою частью: дальше ужъ бу-

детъ гораздо легче. Перейдемъ къ третьей части, что̀ въ ней заключается?—Описаніе комнатъ.—А вотъ здѣсь упоминается о клубкахъ съ разноцвѣтною шерстью. Чтожъ въ этомъ общаго съ комнатами?—Клубки находились въ сундучкахъ, а сундучки стояли въ комнатѣ Пульхеріи Ивановны.—Что же здѣсь описано?—Наружный видъ комнатъ и все, что̀ въ нихъ находилось.—Четвертая часть?—Разсказъ о томъ, какъ старички занимались хозяйствомъ.—Вонъ тутъ сказано, что свиньи «собственными мордами толкали дерево, чтобы стряхнуть съ него цѣлый дождь фруктовъ». Какое же тутъ хозяйство?—Изъ этого видно, какъ дурно слуги присматривали за садомъ.—Пятая часть?—Разсказъ о томъ, какъ старички цѣлый день кушали.—Гоголь между прочимъ упоминаетъ о томъ, что комната, въ которой спали старички, была жарко натоплена, что Афанасій Ивановичъ кромѣ того еще спалъ на лежанкѣ. Развѣ это относится къ описанію его аппетита?—Нѣтъ.—Слѣдовательно, эти слова здѣсь неумѣстны?—Здѣсь описано, какъ они спали, отлично поѣвши.—Значитъ, ѣда и спанье соединены вмѣстѣ, и очень естественно: кто любитъ много ѣсть, тотъ и спитъ много, а жаркая лежанка еще болѣе располагаетъ ко сну. Пойдемъ далѣе.—Шестую часть составляютъ разговоры и шутки Афанасія Ивановича съ Пульхеріей Ивановной; въ седьмой представленъ ихъ уходъ за гостями.—Такъ; но здѣсь сначала представлено, какъ Афанасій Ивановичъ пугаетъ Пульхерію Ивановну пожаромъ; потомъ—какъ они принимали гостей и упрашивали ихъ остаться на ночь, потомъ—какъ, уже при гостяхъ, Афанасій Ивановичъ пугалъ свою жену, объявляя, что пойдетъ на войну, потомъ снова дѣло идетъ о потчиваніи. Слѣдовательно...—Обѣ части перемѣшаны.—Хорошо ли это?—При гостяхъ Афанасій Ивановичъ скорѣе могъ прихвастнуть.—Развѣ онъ былъ хвастунъ? Что тутъ болѣе выражается?—Его веселость?—Да, и радушіе: при гостяхъ онъ былъ веселѣе, и потому также охотно шутилъ, какъ въ ясный, теплый день. Въ живомъ разсказѣ не требуется, чтобы все было раздѣлено и размѣрено по мѣркѣ: были бы только смыслъ и связь въ соединеніи подробностей. И такъ мы отыскали семь частей. Какія же это будутъ части? Вѣдь прежде мы указали только двѣ части.—То были части цѣлой повѣсти, главныя части.—А эти какъ назвать?—Онѣ находятся только въ первой половинѣ повѣсти.—Слѣдовательно, это будутъ части, находящіяся въ первой *главной* части; назовемъ ихъ *второстепенными* и напишемъ, какъ слѣдуетъ.

А. Описаніе того, какъ жили и чѣмъ всякій день занимались Афанасій Ивановичъ съ Пульхеріей Ивановной.

I. Вступленіе. Общій очеркъ быта старосвѣтскихъ помѣщиковъ.

II. Описаніе наружности Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны и ихъ мирнаго характера.

III. Описаніе комнатъ въ ихъ домѣ.

IV. Разсказъ о томъ, какъ они занимались хозяйствомъ.

V. Разсказъ о томъ, какъ они кушали и спали.

VI. Обыденные разговоры и шутки Афанасія Ивановича съ Пульхеріей Ивановной.

VII. Ихъ уходъ за гостями.

Раздѣлимъ кстати и вторую половину повѣсти: вы уже знаете, какъ раздѣлить ее.

B. Разсказъ о томъ, что̀ случилось съ Пульхеріей Ивановной и Афанасіемъ Ивановичемъ.

I. Грустныя предчувствія и смерть Пульхеріи Ивановны.

II. Жизнь Афанасія Ивановича послѣ смерти жены.

Отчего же мы назначили такъ мало частей во второй половинѣ?—Во второй половинѣ идетъ цѣльный, связный разсказъ, въ которомъ нѣтъ такихъ рѣзкихъ переходовъ отъ одного предмета къ другому.

Мы, конечно, не полагаемъ, чтобы всѣ отвѣты воспитанниковъ съ перваго разу являлись въ томъ видѣ, въ какомъ они у насъ приведены въ предъидущемъ разборѣ. Преподавателю часто придется разными побочными вопросами доводить до нихъ постепенно: это зависитъ, какъ отъ его искусства, такъ и отъ степени развитія воспитанниковъ. Послѣ раздѣленія главныхъ частей, преподаватель начинаетъ второе чтеніе, имѣя цѣлію разборъ подробностей, и здѣсь уже поступаетъ наоборотъ: отъ частностей онъ переходитъ къ общему. Сперва, прочитавъ самое начало повѣсти, т. е. вступленіе, онъ посредствомъ вопросовъ, подобныхъ тѣмъ, которыми мы доискивались раздѣленія главныхъ частей, доходитъ до слѣдующаго подраздѣленія этого начала на третьестепенныя части:

I. Вступленіе. Общій очеркъ быта старосвѣтскихъ помѣщиковъ.

1. Простая и скромная жизнь старосвѣтскихъ помѣщиковъ.
2. Ихъ мирное жилище.
3. Ихъ добродушіе.

Потомъ онъ займется анализомъ подробностей. Въ примѣръ возьмемъ хоть описаніе ихъ мирнаго жилища (вторую третьесте-

пенную часть въ первой второстепенной, которая находится въ первой главной): «Я отсюда вижу низенькій домикъ съ галлереею изъ мелкихъ, почернѣлыхъ деревянныхъ столбиковъ, идущею вокругъ всего дома, чтобы можно было во время грома и града затворить ставни оконъ, не замочась дождемъ; за нимъ душистая черемуха, цѣлые ряды низенькихъ фруктовыхъ деревъ, потопленныхъ багрянцемъ вишенъ и яхонтовымъ моремъ сливъ, покрытыхъ свинцовымъ матомъ, развѣсистый кленъ, въ тѣни котораго разостланъ для отдыха коверъ; передъ домомъ просторный дворъ съ низенькою свѣжею травкою, съ протоптанною дорожкою отъ амбара до кухни и отъ кухни до барскихъ покоевъ; длинношейный гусь, пьющій воду, съ молодыми и нѣжными, какъ пухъ, гусятами; частоколъ, обвѣшанный связками сушеныхъ грушъ и яблокъ, и провѣтривающимися коврами; возъ съ дынями, стоящій возлѣ амбара; отпряженный волъ, лѣниво лежащій возлѣ него».

Преподаватель разбираетъ подробности и спрашиваетъ такимъ образомъ: тутъ въ началѣ сказано «не замочась дождемъ»; кого же это дождь не мочилъ? — Того, кто запиралъ ставни оконъ. — Какихъ оконъ? — Оконъ въ домѣ старосвѣтскихъ помѣщиковъ. — Отчего же дождь не мочилъ? — Около всего дома была галлерея. — Слѣдовательно, сказанное о дождѣ, о ставняхъ относится къ описанію чего? — Къ описанію галлереи. — Тутъ еще говорится о маленькихъ, почернѣлыхъ столбикахъ. Это куда отнести? — Тоже къ описанію галлереѣ. — Какая разница между тѣмъ и другимъ изображеніемъ? — Въ одномъ случаѣ говорится о назначеніи галлереи, въ другомъ о ея наружномъ видѣ. — Итакъ 1) Наружный видъ галлереи. 2) Ея назначеніе, 3... Что еще въ третьихъ сказано о галлереѣ? — Что она шла вокругъ всего дома. — Слѣдовательно, и описаніе галлереи служитъ для чего? — Служитъ къ описанію дома. — Про домъ что еще сказано? — Что онъ былъ низенькій. — То, что̀ сказано о домѣ: «низенькій» и «съ галлереею на маленькихъ столбикахъ» поясняетъ ли вамъ, кто именно жилъ въ немъ? — Очень мало; тутъ только представленъ наружный видъ домика. — Однако уже изъ этого о какомъ свойствѣ его жильцевъ вы узнаете? — Объ ихъ скромномъ характерѣ: они не строили себѣ каменныхъ палатъ, подражая модѣ, а довольствовались тѣмъ, что было изстари. — Но довольно ли этого, чтобы отличить старосвѣтскихъ помѣщиковъ? Самъ Гоголь ограничивается ли этимъ при описаніи дома? — Нѣтъ, разсказывая далѣе объ Афанасіи Ивановичѣ и Пульхеріи

Ивановнѣ, онъ подробно описываетъ комнаты, въ которыхъ они жили. — Посмотримъ, что далѣе. Напишите подрядъ эти подробности: «душистая, потопленныя, багрянецъ, яхонтовое, свинцовый матъ, развѣсистый, коверъ». Тутъ нѣтъ ни связи, ни смысла, и между тѣмъ говорится все объ однородныхъ предметахъ. Какъ же привести это въ связь? — Надо указать, къ чему все это относится. — Къ чему же? назовите каждый предметъ отдѣльно. — Душистою названа черемуха, потоплены были деревья. — Какъ же это они потоплены? — Потоплены багрянцемъ вишенъ, т. е. вишенъ было такъ много, что онѣ болѣе всего краснѣлись между другими фруктовыми деревьями. — Однѣхъ ли вишенъ? — Нѣтъ, и сливъ. — Тоже багрянцемъ сливъ? — Нѣтъ, яхонтовымъ моремъ сливъ. — Что же это значитъ: багрянецъ, яхонтовое? — Это изображаетъ цвѣтъ вишенъ и сливъ. — А потопленныя? — Ихъ обиліе. — Метафора «потопленныя» съ какимъ другимъ словомъ составляетъ цѣльный образъ (мы полагаемъ, что воспитанники уже знаютъ, что такое метафора и образъ)? — Со словомъ «море». — Про сливы что еще говорится? — Что они покрыты свинцовымъ матомъ. — Какія же понятія соединены здѣсь только для описанія сливъ? — Понятіе о яхонтѣ, о морѣ, о свинцѣ и о матѣ. — Что ими изображается? — Изобиліе сливъ и ихъ желтовато-прозрачный, тусклый, какъ у свинца, цвѣтъ. — Къ чему относится слово «развѣсистый»? — Къ слову «кленъ». Слово «коверъ» относится сюда же. — Какъ же связать одно съ другимъ? — И то, и другое означаетъ, что кленъ давалъ прохладную тѣнь: не будь кленъ «развѣсистый», не было бы и «ковра» въ тѣни его. — Перечислимъ же предметы, около которыхъ группируются всѣ подробности: — Черемуха, вишни, сливы, кленъ. — Что это за предметы? — Деревья. — Какія? — Фруктовыя. — И кленъ то же? — Нѣтъ, кленъ служилъ для тѣни. — А черемуха? — Въ черемухѣ означенъ пріятный запахъ. — Какъ же назвать однимъ словомъ предметъ, который здѣсь подробно описывается? — Садъ. — И въ этомъ саду что̀ соединялось для услажденія владѣльцевъ? — Множество плодовъ, пріятный запахъ, прохладная тѣнь. — А багрянецъ вишенъ, яхонтъ сливъ? — Еще пріятные цвѣта. — Словомъ, все, что служитъ для наслажденія красотою, для аппетиту и нѣги. Къ чему же это Гоголь описываетъ? — Чтобы показать, въ какомъ довольствѣ и въ какой нѣгѣ жили помѣщики. — Перечислимъ, какіе предметы названы далѣе? — Дворъ, травка, дорожка, амбаръ, кухня, гусь, гусята, частоколъ, сушеныя груши и

яблоки, ковры, возъ съ дынями, волъ. — Гдѣ находились всѣ эти предметы?—На дворѣ.—Слѣдовательно, первое слово «дворъ» и заключаетъ въ себѣ все остальное. Что тутъ собственно относится къ внѣшнему виду двора? — Что онъ былъ просторный и съ низенькою, свѣжею травкою. — Какъ описана дорожка? — Она соединяла амбаръ съ кухнею, а кухню съ барскими покоями. — А что значитъ слово «протоптанная»? — Значитъ, что по ней много ходили. — Что же это показываетъ? — Показываетъ, какъ усердно хлопотали по хозяйству. — Какое же хозяйство тутъ надо понимать? — Кухонное, т. е. приготовленіе сытнаго обѣда. — А другіе предметы что̀ изображаютъ? — Тоже самое; все разные запасы для ѣды: гусь съ гусятами, сушеныя груши и яблоки на частоколѣ, возъ съ дынями. — И волъ тоже? — Нѣтъ, отпряженный волъ лежалъ возлѣ воза; на немъ привезли дыни съ поля, чтобы прибрать въ амбаръ.— А ковры? — Ковры провѣтривались на частоколѣ; ужъ тутъ дѣло идетъ объ уборкѣ комнатъ. — Какъ описаны гусь и гусята? — Про гуся сказано «длинношейный», про гусятъ «молодые и нѣжные, какъ пухъ». — Нужны ли собственно эти эпитеты для описанія домашняго хозяйства? — Нѣтъ, но они живѣе и нагляднѣе рисуютъ предметъ. — Слѣдовательно, исключая этихъ подробностей, гдѣ говорится о волѣ, на которомъ возили кладу, о коврахъ, которые провѣтривали, о томъ, какіе были гусь и гусята, къ чему ведетъ все описаніе двора? — Къ тому, чтобы показать, какъ сами владѣльцы были запасливы и заботливы о пищѣ.—Но кромѣ того мы въ началѣ замѣтили еще наружный видъ двора; и такъ въ его описаніи мы находимъ: a) наружный видъ двора, b) предметы хозяйства, которые въ немъ находились. Самое описаніе двора соединяется съ какими частями? — Съ описаніемъ домика и сада. — Что̀ составляютъ всѣ эти три части, взятыя вмѣстѣ? — Описаніе жилища старосвѣтскихъ помѣщиковъ. — А описаніе жилища къ чему относится? — Къ общему очерку ихъ быта. — А общій очеркъ быта что̀ составляетъ? — Первую часть въ первой половинѣ повѣсти.

Для большей ясности, при соединеніи подробностей, преподаватель могъ бы написать все, что̀ заключается въ изображеніи жилища такимъ образомъ:

Низенькій домикъ. Галлерея (съ ея описаніемъ).	Черемуха. Вишни. Сливы. Кленъ. (съ ихъ описаніемъ)	Травка. Дорожка. Гусь. Частоколъ. Возъ. Волъ. (съ ихъ описаніемъ)
ДОМИКЪ	САДЪ	ДВОРЪ

ЖИЛИЩЕ

При этомъ преподаватель можетъ задавать такіе вопросы: какое мѣсто занимаетъ понятіе «гусь» въ описаніи жилища? — Третье. — А въ описаніи быта помѣщиковъ (въ первой второстепенной части первой главной)? — Четвертое. — Какое мѣсто занимаетъ понятіе «длинношейный гусь» въ цѣлой повѣсти? — Седьмое. — А въ описаніи двора? — Третье. — Какимъ образомъ? — 1) Вся повѣсть, 2) первая ея половина, 3) первая часть первой половины, 4) описаніе жилища, 5) описаніе двора, 6) гусь, 7) длинношейный гусь. И на оборотъ: 1) длинношейный гусь, 2) гусь, 3) описаніе двора и проч. Не слѣдуетъ слишкомъ утомлять воспитанниковъ подобными упражненіями, чтобы они не обратились въ схоластику и педантизмъ: надо помнить, что это еще не самое дѣло, а только пріемы, ведущіе къ разъясненію дѣла.

Послѣ такого подробнаго разсмотрѣнія частей, воспитанники уже могутъ сами писать конспекты слѣдующаго рода. Приводимъ здѣсь въ примѣръ конспектъ той части, гдѣ описаны комнаты.

А. Первая половина повѣсти.

III. Описаніе комнатъ дома, гдѣ жили Афанасій Ивановичъ съ Пульхеріей Ивановной.

1. Описаніе главныхъ частей: печей, картинъ на стѣнахъ и пола.

a) *Печи:* *a*) Какъ велики и теплы были печи? *b*) Какъ ихъ топили? *c*) Какъ пріятенъ былъ трескъ соломы?

b) *Картины на стѣнахъ:* *a*) Общія замѣтки о картинахъ. *b*) Два большихъ портрета. *c*) Маленькія картины, подобныя пятнамъ.

c) *Полъ:* *a*) Какой былъ полъ? *b*) Какъ онъ чисто содержался?

2. Комната Пульхеріи Ивановны.

a) *Чѣмъ была уставлена комната?* *a*) Сундуки. *b*) Ящики и т. д.

b) *Что висѣло по стѣнамъ?* *a*) Узелки и мѣшечки съ сѣменами, и проч.

c) *Что было укладено по угламъ?* *a*) Клубки съ шерстью. *b*) Лоскутки платьевъ.

d) *Общее заключеніе* о хозяйствѣ Пульхеріи Ивановны.

3. Описаніе поющихъ дверей.

a) *Когда и отчего онѣ пѣли?*

b) *Какія издавали онѣ звуки?* *a*) Дверь въ спальню. *b*) Дверь въ столовую. *c*) Дверь въ сѣняхъ.

c) *Общее впечатлѣніе*, происходящее отъ этихъ звуковъ: *a*) Гоголю нравится такой звукъ; *b*) онъ напоминаетъ деревню со всѣмъ ея очарованіемъ.

4. Мебель въ комнатахъ.

a) *Стулья:* *a*) ихъ качество; *b*) ихъ видъ; *c*) на что они походили?

b) *Столики:* *a*) по угламъ, *b*) передъ диваномъ и зеркаломъ.

c) *Зеркало:* *a*) его рамы; *b*) его состояніе.

d) *Коверъ:* его цвѣты и птицы.

Приведемъ еще одинъ примѣръ конспекта изъ разсказа о смерти Пульхеріи Ивановны.

B. Вторая половина повѣсти.

I. Грустныя предчувствія и смерть Пульхеріи Ивановны.

1. Общее разсужденіе о событіи (вступленіе).

a) Какъ ничтожныя причины родятъ великія событія.

b) Примѣры на это.

Предшествовавшія обстоятельства.

2. Кошка Пульхеріи Ивановны.

a) *Какъ старушка забавлялась своею кошкою:* *a*) какъ кошка лежала у ногъ ея; *b*) какъ старушка ее ласкала; *c*) была ли она къ ней слишкомъ привязана?

b) *Шутки Афанасія Ивановича по этому случаю:* *a*) его нерасположеніе къ кошкѣ; b) возраженія Пульхеріи Ивановны.

3. Кошка пропадаетъ, возвращается и вновь исчезаетъ.

c) *Описаніе лѣса и жившихъ въ немъ дикихъ котовъ:* *a*) лѣсъ; *b*) отличіе дикихъ котовъ отъ домашнихъ; *c*) ихъ образъ жизни.

b) *Пропажа кошки:* *a*) какъ кошка пропала; *b*) какъ жалѣла о ней Пульхерія Ивановна.

c) *Какъ Пульхерія Ивановна нашла кошку въ огородѣ:* *a*) какъ она звала ее; *b*) какъ кошка одичала.

d) *Какъ кошка вновь убѣжала:* *a*) какъ Пульхерія Ивановна ее кормила; *b*) какъ не удались ласки старушки.

Разсказъ о самомъ событіи.

4) Горькія предчувствія Пульхеріи Ивановны.

a) *Грусть Пульхеріи Ивановны:* *a*) старушка предчувствуетъ смерть. *b*) Афанасій Ивановичъ старается развлечь ее шутками.

b) *Ея распоряженія:* *a*) о похоронахъ; *b*) о своемъ платьѣ.

c) *Какъ она утѣшаетъ Афанасія Ивановича.*

d) *Ея слова ключницѣ, Явдохѣ:* *a*) она объясняетъ ей, какъ беречь Афанасія Ивановича; *b*) грозитъ ей несчастьемъ въ случаѣ ослушанія.

5. Смерть Пульхеріи Ивановны.

a) *Ея послѣдняя заботы.*

b) *Ея болѣзнь:* *a*) какъ она слегла; *b*) какъ ухаживалъ за ней Афанасій Ивановичъ.

c) *Ея смерть.*

6. Похороны Пульхеріи Ивановны.

Указанный нами въ предъидущемъ упражненіи подробный анализъ всѣхъ частей повѣсти слишкомъ долго задержалъ бы воспитанниковъ, неприготовленныхъ къ этому дѣлу; но мы полагаемъ, что они постепенно, на статьяхъ меньшаго размѣра, пріучатся различать части главныя, второстепенныя, и группировать подробности. Тогда дѣло пойдетъ живо, и послѣ второго *аналитическаго* чтенія (если можно такъ выразиться) мы довольно скоро можемъ приступить къ объясненію идеи; но безъ предварительнаго анализа частей мы напрасно стали бы разъяснять ее: воспитанники схватывали бы только верхушки. И такъ, когда уже разборъ оконченъ, мы просмотримъ значеніе каждой части. Остановимся прежде на первой половинѣ повѣсти.

Какую главную мысль высказываетъ Гоголь во вступленіи? — Онъ говоритъ, какъ пріятно было подъѣзжать къ дому старосвѣтскихъ помѣщиковъ. — Отчего пріятно? — Тутъ ждала васъ мирная жизнь, гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ двора, за плетень сада; въ укромномъ домикѣ было всего въ изобиліи, кругомъ деревенская природа, хозяева были добры и радушны. — Слѣдовательно, Гоголь съ самаго начала завлекаетъ васъ пріятною обстановкою той жизни, которую будетъ описывать; все ли въ ней такъ хорошо, какъ это кажется съ перваго раза, увидимъ далѣе. Замѣтимъ только, что онъ самъ говоритъ: «я иногда люблю сойти на минуту въ сферу этой необыкновенно уединенной жизни.» Отчего же не навсегда? — На всегда было бы скучно. — Объ этомъ покамѣстъ мы судить не будемъ: покамѣстъ передъ вами жизнь, которой какъ-будто нельзя не сочувствовать. Что́ объясняется далѣе при описаніи наружности и мирнаго характера Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны?—Все тоже: доброта этого рода помѣщиковъ и ихъ спокойная жизнь. Гоголь хочетъ показать, что даже память о какихъ нибудь тревожныхъ событіяхъ въ ихъ жизни исчезла.—Но все ли здѣсь представлено съ сочувствіемъ?—Да, Гоголь сравниваетъ это вѣчное спокойствіе души съ пріятными грезами подъ говоръ зелени, подъ шумокъ лѣтняго дождя въ деревнѣ.— Слѣдовательно, тутъ плѣнительнѣе всего деревенское уединеніе, природа, свѣжесть лѣсовъ и полей въ сравненіи съ тѣснотою и вѣчными докучными заботами шумнаго города. Плѣнительны также простота, искренность и радушіе людей, которые живутъ, ни въ чемъ не удаляясь отъ природы. Но припомните, какъ тутъ же Гоголь представляетъ взаимную любовь старичковъ? — «Это вы про-

давили стулъ, Афанасій Ивановичъ?» Ничего, не сердитесь, это я.— Что же это такое? шутка? развѣ можно шутить надъ любовью?— Гоголь шутитъ не надъ любовью старичковъ, а надъ тѣмъ, что имъ больше не о чемъ было говорить, какъ о продавленныхъ стульяхъ.—Увидимъ далѣе, такъ ли это? Гдѣ, въ той же части, Гоголь, хваля ихъ, представляетъ въ нихъ еще что-то забавное? — Когда онъ говоритъ, что ихъ участіе къ гостямъ похоже было на любопытство ребенка, разсматривающаго печатку вашихъ часовъ.—Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ умъ ихъ былъ дѣтскій. До сихъ поръ, мы узнали, какъ уютно жили старички вдали отъ всякой суеты, въ своей деревенской тиши. Что же теперь остается узнать?—Чѣмъ они занимались? — То есть въ чемъ состояла эта жизнь. Тутъ мы узнаемъ новыя ихъ свойства, о которыхъ Гоголь еще не говорилъ. Какія, напримѣръ, ихъ свойства видны уже изъ описанія комнатъ?— То, что они держались старины, и не заботились о многихъ удобствахъ.—Что жъ? Видна была въ этомъ какая-нибудь цѣль, выражался ихъ взглядъ на вещи? Напримѣръ, какія у нихъ были картины? — Портретъ какого-то архіерея, герцогини Лавальеръ; картинки, похожія на пятна. — Имѣли ли они какое-нибудь особенное расположеніе къ герцогинѣ Лавальеръ? Дорожили ли они стариною въ этихъ картинахъ? — Нѣтъ; картины, какъ случайно къ нимъ попались, такъ случайно и висѣли въ комнатахъ. Гоголь говоритъ, что если бы нѣкоторыя изъ нихъ снять, то хозяева и не замѣтили бы этого. — Тоже о дверяхъ: предпочитали ли старички всякимъ другимъ дверямъ поющія двери? — Нѣтъ, двери ужъ такъ были устроены, а старички привыкли къ этому. — Зачѣмъ Гоголь такъ подробно описываетъ поющія двери? Вѣдь это пустяки.—Въ жизни старичковъ это не были пустяки. Пускай бы еще по бѣдности они не исправляли дверей; но Гоголь хочетъ показать, какъ забавно было ихъ невниманіе ко всякому удобству: каждая дверь скрипитъ по своему, а они и знать не знаютъ этого, какъ будто бы это такъ и слѣдовало.—Слѣдовательно, видимъ ли мы тутъ только добродушіе, простоту, любовь къ покою?—Нѣтъ, къ пѣнію дверей не вдругъ можно привыкнуть, какъ ни кажется это привлекательно Гоголю. Мы видимъ тутъ ихъ безпечность, равнодушіе ко всему, что ихъ окружало.—Откуда жъ происходило это равнодушіе? Можетъ быть, они равнодушны были къ искусствамъ и къ удобствамъ жизни, какъ люди, занятые другими предметами, какъ, напримѣръ, тотъ, кто торопится писать, не думаетъ, что у него пальцы запачканы

чернилами?—Ничѣмъ они не занимались, ни о чемъ не думали.— Увидимъ это еще далѣе. Однако и здѣсь кое что можно узнать о занятіяхъ старичковъ; припомните.—Въ комнатѣ Пульхеріи Ивановны были узелки съ сѣменами, клубки съ шерстью, лоскутки платьевъ, шитыхъ за полстолѣтія.—Вотъ видите, Пульхерія Ивановна занималась же чѣмъ-нибудь: она заботилась о хозяйствѣ.— Да, она собирала лоскутки. Гоголь далѣе описываетъ это хозяйство. Оно состояло въ безпрестанномъ отпираніи и запираніи кладовой, въ соленіи, сушеніи и вареніи безчисленнаго множества фруктовъ и растеній. Приготовляли варенье, желе, пастилу, перегоняли водку: тутъ кучеръ напивался до безчувственности, дѣвки объѣдались. Между тѣмъ прикащикъ съ войтомъ немилосердно обкрадывали господскіе лѣса, привозили въ барскіе амбары только половину муки, да и то заплеснѣвшую, подмоченную. Ѣсть хлѣбъ изъ такой муки не очень то удобно.—Но, можетъ, они допускали это по добротѣ?— Болѣе по той же безпечности, по которой оставляли висѣть на стѣнѣ незанимательныя для нихъ картины и допускали, чтобъ двери скрипѣли, сколько угодно.—Отчего-жъ не назвать это добротою?—Какая-жъ доброта, когда для всѣхъ зло! Добрый человѣкъ этого не стерпитъ, ужъ потому что онъ добрый.—Но развѣ можно назвать нашихъ старичковъ злыми?—Нѣтъ; но они не понимали, какъ управлять хозяйствомъ.—Вотъ, мы видѣли, что они не знали толку въ картинахъ, не обращали вниманія на удобства жизни, наконецъ мало смыслили въ хозяйствѣ. Однако Пульхерія Ивановна солила, сушила, варила. Въ чемъ преимущественно состояли ея заботы?— Она болѣе всего заботилась объ ѣдѣ и объ угощеньи.—Что же далѣе?—Далѣе Гоголь и описываетъ главное занятіе старичковъ, состоявшее въ ѣдѣ.—Изъ чего же можно заключать, что оно было главное?—Изъ того, какъ Гоголь его описываетъ. Онъ разсказываетъ о ѣдѣ Афанасія Ивановича обстоятельно, послѣдовательно, серьезно, какъ о чрезвычайно важномъ дѣлѣ. Это занятіе съ небольшими перерывами продолжалось цѣлый день, и не только днемъ, но и ночью, при чемъ и разговоры шли не менѣе серьезные: о коржикахъ съ саломъ, о рыжикахъ, о кашѣ, о соусѣ съ грибками, объ арбузѣ.—Что тутъ видно со стороны Пульхеріи Ивановны?— Видна предупредительность, съ какою она предлагаетъ то или другое изъ своего обширнаго запаса. Афанасій Ивановичъ только говоритъ: и то добре, и то хорошо! Онъ самъ безпрестанно спрашиваетъ: чего бы поѣсть? и тѣмъ одушевляетъ свою хозяйку въ ея

любимомъ дѣлѣ.—Въ чемъ наиболѣе рѣзко выставилъ Гоголь эту особенность старичковъ?—Въ послѣдней сценѣ, когда Афанасій Ивановичъ, ѣвши цѣлый день, ночью заболѣлъ, вы никакъ не ожидаете, что и тутъ Пульхерія Ивановна ему скажетъ: «А не лучше ли вамъ чего нибудь съѣсть, Афанасій Ивановичъ?»—Однако въ этой части говорится не объ одной ѣдѣ: Афанасій Ивановичъ еще что-то дѣлалъ...—Да, напившись кофе, онъ выходилъ въ сѣни и, встряхнувши платкомъ, говорилъ: «Кишъ, кишъ! пошли, гуси, съ крыльца!»—Описаны гдѣ нибудь еще его занятія?—Далѣе Гоголь подробно разсказываетъ, какъ онъ подшучивалъ надъ Пульхеріей Ивановной.—Когда онъ шутилъ?—Когда въ комнатахъ было тепло и стояла ясная погода.—Слѣдовательно, тутъ онъ былъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа, тутъ болѣе всего возбуждалась его мозговая дѣятельность. Въ чемъ она состояла?—Онъ все допрашивалъ: что было бы, если бы домъ сгорѣлъ,—если бы кухня сгорѣла,—если бы кладовая сгорѣла? Такъ онъ могъ бы спрашивать безъ конца, если бы Пульхеріи Ивановнѣ была охота отвѣчать ему. Подобно этому дразнятъ дѣтей: «сказать тебѣ сказку о сѣромъ бычкѣ?» Скажи. «Я скажу, ты скажешь, сказать тебѣ сказку о сѣромъ бычкѣ?»—Но, можетъ, Афанасій Ивановичъ въ самомъ дѣлѣ боялся, чтобы домъ не сгорѣлъ?—Нѣтъ, объ этомъ онъ толковалъ отъ праздности, отъ бездѣлья, какъ и о томъ, что пойдетъ на войну.—Выражается ли тутъ только праздность, бездѣлье?—Пожалуй, и маленькое добродушное лукавство, и любовь къ Пульхеріи Ивановнѣ: ему пріятно было видѣть, какъ она объ немъ безпокоится.—Какое свойство Пульхеріи Ивановны тутъ передъ вами выступаетъ?—Ея нѣжная пугливость. «Грѣхъ это говорить, Богъ наказываетъ за такія рѣчи, толкуетъ она: иной разъ слушаешь, слушаешь, да и страшно станетъ.»—Что касается до добродушія старичковъ, то въ чемъ оно болѣе всего выразилось?—Въ пріемѣ гостей. Они всегда были рады имъ, какъ друзьямъ, оставляли на ночь, угощали на убой.—Откуда происходило это радушіе?—Частію отъ природной доброты и безразсчетности: они не копили денегъ, не заботились о личныхъ выгодахъ и довольствовались малымъ; частію отъ скуки: въ деревенской глуши имъ рѣдко удавалось видѣть новое лицо. Притомъ Пульхерія Ивановна тутъ имѣла случай высказать вполнѣ свои хозяйственные способности, тутъ былъ ей настоящій праздникъ: она толковала, какая водка помогаетъ отъ поясницы, какая—отъ шишки на лбу; какъ Туркеня научила ее со-

лить грибки, а отецъ Иванъ открылъ секретъ разстилать хвостиками вверхъ цвѣтъ, что бываетъ на нечуй-витрѣ.—Да, Гоголь представляетъ это радушіе, какъ самое трогательное свойство въ старичкахъ; но много ли отъ этого было пользы?—Гости наѣдались, сколько душѣ угодно. Гоголь замѣчаетъ, что гостю даже предстояла опасность вмѣсто постели очутиться «лежащимъ на столѣ».— Соединимъ же вмѣстѣ всѣ свойства старичковъ, какъ они представлены въ повѣсти.— Старички были самаго мирнаго характера и жили уединенно, зная о тревогахъ свѣта только по слухамъ. Они искренно любили другъ друга и были вполнѣ довольны собою и всѣмъ, чтó ихъ окружало. Они были довольны и спокойны, какъ дѣти, которыя ни о чемъ больше не знаютъ, кромѣ своихъ игрушекъ. Они мало знали и мало заботились даже о томъ, чтò у нихъ находилось въ комнатахъ. Ихъ равнодушіе къ удобствамъ жизни и къ такимъ предметамъ, какъ, напримѣръ, картины, происходило не отъ того, что они увлечены были другими предметами, а отъ того, что они ни о чемъ и не думали, кромѣ ѣды. Сами любя поѣсть, они любили и закармливать другихъ. Не говоря уже о картинахъ, старички неспособны были понимать и того, чтó ближе всего къ нимъ относилось: все управленіе деревней они предоставили прикащику и войту. Пульхерія Ивановна, правда, умѣла готовить разные запасы, но не замѣчала, какъ ее обкрадывали дѣвки. При такомъ ограниченномъ умѣ, были ограниченны и желанія: Пульхерія Ивановна была вполнѣ счастлива, если узнавала секретъ, какъ солить грибы, да могла угощать; Афанасій Ивановичъ только и дѣлалъ, что ѣлъ, да подшучивалъ надъ нею. Они были очень добродушны и просты; но и добродушіе и простота въ нихъ много зависѣли отъ того, что имъ не на что было сердиться, не надъ чѣмъ хитрить; въ саду, въ огородѣ, на поляхъ вдоволь росло всего, чтобы быть сытымъ, а о прочемъ они вовсе не заботились. Такая мирная жизнь можетъ на мигъ понравиться человѣку, утомленному житейскими заботами; но кто привыкъ заниматься какимъ-нибудь дѣломъ, врядъ ли не соскучится, слушая разсказы Пульхеріи Ивановны о грибкахъ, да шуточки Афанасія Ивановича.

Мы здѣсь приблизительно привели отвѣтъ, къ которому преподаватель постепенно приготовитъ воспитанниковъ. Далѣе онъ скажетъ: мы видимъ, что въ первой половинѣ повѣсти выставлены двѣ главныя черты въ характерѣ старосвѣтскихъ помѣщиковъ: 1. Совершенная неподвижность въ ихъ жизни, неподвижность въ

томъ смыслѣ, что никакой тревоги, или борьбы, никакого умственнаго труда или малѣйшаго напряженія мозга тутъ не существовало: все дѣлалось машинально, по привычкѣ, и Пульхерія Ивановна была истинной хранительницей этаго застоя; она боялась и мысли о какой нибудь перемѣнѣ. 2. Ихъ простота и добродушіе, происходившія частію отъ самой ихъ уединенной жизни, частію отъ природнаго мягкосердечія. Какъ ни пуста была эта жизнь, какъ ни мелки ихъ думы и заботы, въ нихъ все-таки находимъ одну трогательную черту: ихъ искреннюю любовь другъ къ другу. Эта любовь въ ихъ совершенномъ одиночествѣ еще усиливалась привычкой. Если мы теперь припомнимъ все, чтó представлено въ первой половинѣ, будетъ намъ ясно, чтó разсказано во второй?— Да, вслѣдствіе самой пустоты и неподвижности жизни, Пульхерія Ивановна повѣрила, что смерть приходила за нею, а въ остальномъ высказывается любовь.— Кратко, да неясно. Какое главное свойство было въ характерѣ Пульхеріи Ивановны?— Она всего боялась.—Т. е. она боялась какой нибудь перемѣны. Жизнь ея не была разнообразна: она привыкла всякій день солить, сушить, варить, кормить Афанасія Ивановича, иногда ухаживать за гостями, и такъ до глубокой старости. Привычка и любящее сердце крѣпко привязали ее къ тѣмъ немногимъ предметамъ, которыми она всякій день занималась, а уходить далѣе, за кругъ этихъ предметовъ, она не могла, по ограниченности своихъ понятій: она и не подозрѣвала, что существуютъ на свѣтѣ какіе либо предметы, кромѣ соленья, сушенья, да Афанасія Ивановича съ его халатомъ или полушубкомъ. Если она и видѣла эти другіе предметы, то, какъ совершенно ей чуждые, она замѣчала ихъ столько же, сколько содержаніе картинъ, висѣвшихъ въ ея домѣ. Слѣдовательно, всякая новость должна была ей казаться чѣмъ то чрезвычайнымъ. Мы вотъ теперь сидимъ спокойно, вдругъ съ трескомъ лопнуло стекло въ окошкѣ. Мы, пожалуй, вздрогнемъ; но тотчасъ же успокоимся, объяснивъ себѣ это явленіе дѣйствіемъ мороза, или какою-нибудь другою причиною. Но тотъ, кто никогда не дѣлалъ себѣ подобныхъ объясненій, замѣтивъ явленіе въ первый разъ, можетъ счесть его за чудо. Еслибы у Пульхеріи Ивановны лопнула банка съ вареньемъ (чего, положимъ, прежде никогда не случалось), то она и въ этомъ увидѣла бы дурное предзнаменованіе. Любила ли она свою кошку?—Да, но не слишкомъ.—Т. е. она къ ней привыкла, какъ и ко всему въ домѣ: ей кошка все-таки была необходима

наравнѣ съ другими предметами, которые входили въ кругъ ея заботъ. Вдругъ кошка пропала... что же тогда произошло? — Пульхерія Ивановна потосковала о ней и скоро забыла.— Слѣдовательно, пропажа кошки еще не могла ее поразить: пропажа разныхъ вещей въ хозяйствѣ слишкомъ обыкновенное дѣло. Что же ее поразило? — То, что кошка вернулась и вновь убѣжала, когда Пульхерія Ивановна ее накормила и стала ласкать. — Вотъ, ужъ это было совсѣмъ необычностью. Кошка, можетъ быть, пропадала и прежде, но никогда не бывало, чтобы она вдругъ бросилась бѣжать, когда ее кормятъ и ласкаютъ. Слѣдовательно, это была не кошка, а что то другое: подумала Пульхерія Ивановна. Отчего же она именно пришла къ мысли о своей смерти? — Вѣроятно, потому, что была стара и уже чувствовала себя слабою. — Безъ сомнѣнія. Мысль о смерти и прежде смутно ей представлялась; но для стараго, слабаго организма довольно одного толчка: сильнаго безпокойства, изумленія, страха, даже неожиданной радости, чтобы его разрушить. Старикъ съ хилымъ тѣломъ ходитъ, ходитъ и вдругъ умираетъ, какъ будто безъ всякой причины: съѣстъ лишнее, или такъ немного болѣе обыкновеннаго разгорячится кровь, — онъ ужъ и не вынесъ. Но для Пульхеріи Ивановны довольно ли силенъ былъ толчекъ, довольно ли важна была причина, чтобы такъ разслабнуть? — Да, кошка показалась ей привидѣніемъ, потому что старушка не догадалась, какъ она одичала посреди котовъ.—Вотъ, Гоголь и представляетъ, что вовсе не по кошкѣ она стосковалась, даже не отъ старости пришла ей въ голову печальная мысль, а что ее губитъ суевѣрный страхъ, одно воображеніе, измѣнившее кошку въ призракъ смерти. Зачѣмъ это? — Чтобы показать, какая мелкая причина имѣла для Пульхеріи Ивановны важныя послѣдствія. Стосковаться по кошкѣ, предчувствовать свою смерть — въ этомъ все еще есть какой-нибудь смыслъ; но принять самую кошку за вѣстницу смерти — это уже совершенно безсмысленно. — Пожалуй, что и такъ: Гоголь представляетъ причину смерти такою же пустою и мелкою, какъ пуста и мелка была вся жизнь. Но далѣе видимъ ли мы эту мелочность? — Да, Пульхерія Ивановна толкуетъ о томъ, какъ сшить Афанасію Ивановичу парадный халатъ изъ ея атласнаго платья съ малиновыми полосками, какъ ключница должна подавать ему чистое бѣлье и платье, готовить на кухнѣ ея любимыя кушанья, и проч. — Конечно, Пульхерія Ивановна не измѣняетъ себѣ: ожиданіе смерти заставляетъ ее еще

болѣе суетиться по хозяйству. Она по прежнему воображаетъ, что въ одной ѣдѣ и въ парадномъ халатѣ состоитъ все счастіе. Но что̀ бы она ни воображала, смѣшны ли ея послѣднія распоряженія? — Съ одной стороны забавны, съ другой наводятъ грусть, потому что дѣло идетъ о смерти. — А ея вздохи, ея жалость, что некому будетъ ухаживать за ея старичкомъ, что никто, такъ какъ она, не будетъ любить его? — Тутъ высказывается ея доброе сердце, ея любовь къ своему мужу. — Одно ли это? Вѣдь она увѣрена, что скоро умретъ. — Да, и твердость души: она не боится смерти, потому что не думаетъ о себѣ. — Слѣдовательно, любовь сильнѣе въ ней всякаго страха. Вотъ, почему вы смотрите на нее съ участіемъ, вамъ наводятъ тяжелую грусть ея слова о бѣльѣ и о халатѣ. Вы видите, наконецъ, что въ этихъ мелкихъ, ежедневныхъ заботахъ по хозяйству положено было много любви, а такая безкорыстная любовь, въ чемъ бы она ни выражалась, всегда облагороживаетъ человѣка. Что же Афанасій Ивановичъ? Вѣдь онъ какъ будто шутилъ надъ предчувствіями Пульхеріи Ивановны? — Онъ шутилъ по привычкѣ, а самъ въ этомъ случаѣ не нашелся что сказать и что сдѣлать. Сначала предсмертныя распоряженія старушки, потомъ ея смерть такъ его поразили, что онъ стоялъ, какъ одурѣлый, и только промолвилъ: «Такъ вотъ это вы уже и погребли ее!... зачѣмъ?» Съ одной стороны перемѣна въ жизни отняла у него весь умъ, онъ совсѣмъ опустился: подносилъ ложку съ кашею, вмѣсто рта, къ носу, тыкалъ вилкою въ графинъ; съ другой — тоска разслабила его такъ, что онъ таялъ, какъ свѣчка. Онъ и умеръ по предчувствію, подобно Пульхеріи Ивановнѣ. — Однако, что̀ Гоголь всего болѣе въ немъ выставляетъ? — Его тоску по своей старушкѣ. — Мы видимъ, что и здѣсь намъ не обойтись безъ сожалѣнія и сочувствія. Пусть Афанасій Ивановичъ превратился въ ребенка съ горя, его горе все-таки достойно уваженія, и мы не посмѣемся, что онъ залился слезами надъ *мнишками* со сметаною, и опрокинулъ на себя тарелку съ соусомъ. Гоголь и подъ этою грубою, на видъ забавною, оболочкой представляетъ глубокое человѣческое чувство.

УПРАЖНЕНІЯ ВЪ РАЗБОРѢ СЛОГА.

1. Свойства образнаго языка.

Въ предыдущей статьѣ мы имѣли цѣлію показать, какъ заниматься разборомъ содержанія въ словесныхъ произведеніяхъ; теперь обратимъ вниманіе на разборъ слога. Для этого сначала выберемъ хоть описаніе степей Гоголя изъ повѣсти: «Тарасъ Бульба». «Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда весь югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію, до самаго Чернаго моря, было зеленою, дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній; одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничего въ природѣ не могло быть лучше: вся поверхность земли представлялась зеленозолотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубыя, синія и лиловыя волошки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный Богъ знаетъ откуда колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячью разныхъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался Богъ вѣсть въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вотъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкою! вотъ она перевернулась крылами и блеснула передъ солнцемъ!... Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!...»

Сначала укажемъ на соотношеніе мыслей:

А. Широкое раздолье степей.

I. Ихъ обширность.

1. Весь югъ Россіи былъ пустынею:
   а, до самаго Чернаго моря.
   b, пустынею зеленою, дѣвственною.

II. Ихъ пустынность.

1. Ихъ никогда не пахали:
   а, b, с, плугъ не проходилъ, и проч.

2. По нимъ бѣгали одни кони:
   а, b, с, кони, скрывавшіеся въ нихъ, и проч.

В. Природа степей.

I. Травы.

1. Общій видъ степи, покрытый зеленью:
   а, b, с, вся поверхность земли представлялась, и проч.
2. Волошки: а, голубыя, синія и лиловыя b, сквозили с, сквозь тонкіе высокіе стебли травы.
3. Дрокъ: а, желтый b, выскакивалъ с, пирамидальною верхушкою.
4. Кашка: а, бѣлая b, пестрѣла с, зонтикообразными шапками.
5. Колосъ пшеницы: а, занесенный Богъ знаетъ откуда b, наливался въ гущѣ.

II. Птицы.

1. Куропатки: а, шныряли b, подъ тонкими корнями с, вытянувъ шеи.
2. Множество мелкихъ птицъ: а, b, с, воздухъ былъ наполненъ, и проч.
3. Ястребы: а, стояли въ небѣ неподвижно b, распластавъ крылья с, неподвижно устремивъ глаза въ траву.
4. Дикіе гуси: а, двигались тучами въ сторонѣ b, крикъ ихъ отдавался въ дальнемъ озерѣ.
5. Полетъ чайки:
   а, какъ она подымалась изъ травы.
   b, какъ она пропала въ вышинѣ.
   с, какъ блеснула передъ солнцемъ.

С. Заключительное восклицаніе въ связи съ началомъ: степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе.

Послѣ того, какъ преподаватель путемъ вопросовъ приведетъ воспитанниковъ къ подобному раздѣленію содержанія, онъ задаетъ новые вопросы, имѣя въ виду разсмотрѣть особенности слога. Какими словами описана пустынность степей? — Весь югъ былъ зеленою, дѣвственною пустынею. — Какое значеніе имѣетъ слово «зеленою?» — Оно означаетъ цвѣтъ пустыни: пустыню, поросшую травою. — А слово «дѣвственною»? — Имъ опредѣляется уединеніе степи. — Откуда произошло это слово? — Отъ существительнаго «дѣва». — Слѣдовательно, дѣвственнымъ называется все, что́ находится еще въ чистой, природной красотѣ, не тронутое чело-

вѣкомъ: таковы дѣвственные лѣса, дѣвственныя поля, гдѣ не видно и слѣдовъ людскихъ. Тутъ предметъ опредѣленъ черезъ сравненіе: слово пустыня (отъ прилагательнаго «пустой») также выражаетъ глушь, уединеніе, и прилагательное «дѣвственная» только даетъ живѣе чувствовать прелесть этого уединенія. Но ограничивается ли Гоголь однимъ этимъ словомъ въ описаніи пустыни? — Нѣтъ, далѣе онъ еще объясняетъ, что въ степяхъ не было пашней и они были привольемъ для дикихъ коней. — Какъ это выражено? — Никогда плугъ, и проч. — Здѣсь сказано «по волнамъ растеній». Что это значитъ? — Здѣсь снова мы находимъ сравненіе: трава колыхалась при вѣтрѣ, какъ волны на морѣ. — Зачѣмъ же прибавлено «неизмѣримыя» волны? — По причинѣ того, что степь была громадна и трава на ней высокая, и волны шли во всю ея ширину, отъ одного конца до другаго. — Значитъ, вѣтеръ въ степи гулялъ на свободѣ, не стѣсняемый никакими встрѣчными предметами. Какимъ словамъ соотвѣтствуетъ далѣе выраженіе «неизмѣримыя волны?» — Сравненію «какъ въ лѣсу.» Трава была такъ высока, что кони могли въ ней совершенно скрываться. — Что значатъ слова: «плугъ не проходилъ,» «кони вытаптывали?» — Это намъ рисуетъ пустыню, въ которой не жило людей, а бѣгали одни кони. — Зачѣмъ же Гоголь не выразился такъ, какъ вы сейчасъ сказали? — Онъ хотѣлъ представить дѣло нагляднѣе, живѣе: не жило людей, слѣдовательно, не было и пахарей, некому было и плугомъ рыть землю. — Да, здѣсь вмѣсто общаго понятія является частное: слова «плугъ не проходилъ» разомъ даютъ представленіе и о томъ, *чѣмъ* и *какъ* пашутъ, и о томъ, что земля была необитаема; слѣдовательно, эти слова не только *обозначаютъ*, но и *рисуютъ* предметъ, хотя и не совсѣмъ точно. Передъ пашнею обыкновенно выжигаютъ степь, и плугъ проходитъ не по «волнамъ растеній,» а только выворачиваетъ ихъ корни; но Гоголь допустилъ эту неточность, чтобы вмѣстѣ представить и громадность дикой, невспаханной почвы. Кони «вытаптывали» также нагляднѣе представляетъ намъ бѣгъ коней и силу ихъ копытъ. Къ чему же служатъ эти слова, дающія вмѣсто *общихъ* болѣе ограниченныя, *частныя* понятія о предметахъ? — Чтобъ живѣе и нагляднѣе обрисовать предметъ. — Или, говоря иначе, дать *живой образъ* предмета. Этотъ образъ не только живой, но и *цѣльный*: мы видѣли, что всѣ слова, служащія къ описанію предмета, находятся въ соотвѣтствіи другъ съ другомъ, взаимно другъ друга дополняютъ и

и поясняютъ, обозначая предметъ съ разныхъ сторонъ. Укажемъ точнѣе это соотвѣтствіе. Гоголь развиваетъ передъ нами понятіе о пустынѣ:

Пустыня:
1. была дѣвственная: на ней вовсе не жило людей, *поэтому*
2. плугъ не проходилъ по ней: не жило и пахарей, *а*
3. одни кони вытаптывали траву: водились одни кони.

Пустыня:
1. была зеленая: вся покрыта растеніями;
2. растенія (т. е. травы) были дикія *и*
3. походили на неизмѣримыя волны, *а*
4. высотою чуть не равнялись лѣсу.

Дѣвственность и дикость степи, въ соединеніи съ безлюдностью и богатствомъ растительности, составляютъ понятія нераздѣльныя, которыя *естественно* сливаются въ *одно* представленіе.

Мы видѣли, что въ описаніи одни слова съ точностью обозначаютъ предметъ; другія, обозначая его, въ тоже время нагляднѣе его представляютъ, живѣе рисуютъ. Укажите слова, которыя только обозначаютъ предметъ? — Гоголь, опредѣляя мѣсто, говоритъ «весь югъ», и потомъ прибавляетъ: «все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію, до самаго Чернаго моря.» Пустыню онъ называетъ «зеленою», растенія «дикими». — А слова рисующія? — Дѣвственная пустыня, неизмѣримыя волны растеній, и проч. — Конечно, строго нельзя отдѣлять однихъ словъ отъ другихъ: мы постоянно, въ простомъ разговорѣ, употребляемъ слова, дающія живое, наглядное представленіе о предметѣ, хотя и не думаемъ ни о какой картинности въ выраженіяхъ. Мы говоримъ о *носикѣ* и *ручкѣ* у чайника, объ *ушкѣ* иголки, о *ножкѣ* у стола, тогда какъ «носикъ, ручка, ушко, ножка» собственно составляютъ части человѣческаго тѣла; мы говоримъ: дождь *идетъ*, *трескучій* морозъ, мнѣ *вспало* на умъ, тогда какъ идти можетъ только существо, одаренное произвольнымъ движеніемъ и ногами; трещитъ не морозъ, а дерево, камень и другіе предметы, сжатые холодомъ; падаетъ не представленіе, не мысль, а какой-нибудь предметъ чувственный [1]). Но надо все-таки различать рѣчь *простую*, обыкно-

---

[1]) Вопроса о происхожденіи въ языкѣ такого рода выраженій нельзя касаться мимоходомъ; но мы здѣсь кратко повторяемъ только то, что́ должно уже быть извѣстно воспитанникамъ изъ грамматическаго курса.

венную, отъ рѣчи *образной*. Скажите, какъ вы описали бы пустынность степи, имѣя цѣлію только дать простое о ней понятіе? — Степь была огромная (мы сказали бы, сколько верстъ въ длину и въ ширину); на ней росли густыя, высокія травы (мы опредѣлили бы футами ихъ высоту): тутъ не было никакого человѣческаго жилища, никто не обработывалъ дикой земли, одни кони бѣгали на свободѣ.—Напротивъ Гоголь говоритъ: дѣвственная пустыня, волны растеній, плугъ не проходилъ... что особеннаго въ этихъ выраженіяхъ? — Въ нихъ есть сравненіе. — Такъ; но сравненіе можетъ быть выражено прямо: кони скрывались въ травѣ, какъ въ лѣсу; раскраснѣлся, какъ маковъ цвѣтъ; дождь льетъ, какъ изъ ведра... такъ ли выражено сравненіе въ словахъ: «плугъ не проходилъ по волнамъ растеній?» — Нѣтъ, здѣсь не сказано: «по растеніямъ, которыхъ было такое множество, что они при вѣтрѣ колыхались, какъ волны на морѣ,» а выражено кратко: «по волнамъ растеній.» — Приведемъ еще примѣръ. Какія сравненія въ словахъ косаря у Кольцова: «на лицѣ моемъ кровь отцовская въ молокѣ зажгла зорю красную?» — Здѣсь румянецъ лица, или, лучше сказать, кровь, которая виднѣетъ въ жилкахъ, сравнивается съ огнемъ и съ зарею; бѣлый же цвѣтъ кожи съ молокомъ. — Этимъ Кольцевъ изображаетъ здоровье молодца, его молодую силу, которую наглядно представляетъ въ теплотѣ и яркомъ цвѣтѣ крови. Теплота крови у всѣхъ людей, у больныхъ и здоровыхъ, бываетъ почти одинаковая; румянецъ также не всегда означаетъ здоровье; но уже принято бодрость здороваго человѣка означать словами: «горячая кровь» и видѣть ея выраженіе въ свѣжемъ цвѣтѣ лица. И такъ здѣсь слѣдующій переходъ понятій:

Кровь теплая, точно *горитъ*	Щеки красныя, какъ *заря*	Лице бѣлое, какъ *молоко*
Кровь зажигаетъ —	красную зорю —	въ молокѣ.

Если взять эти слова въ обыкновенномъ смыслѣ, то они будутъ нелѣпостью; но здѣсь другой смыслъ. Скажите, что поставлено здѣсь вмѣсто настоящихъ словъ, которыми нужно бы означить предметъ?—Слова, означающія предметы, взятые для сравненія.—Слѣдовательно, мы сначала только сравниваемъ разныя явленія: щеки краснѣютъ, точно горятъ, а потомъ для краткости, употребляемъ уже только слово, взятое для сравненія: щеки разгорѣлись. Слова, такъ употребленныя, называются *переносными* (по гречески,

метафоры). Какъ же опредѣлить переносныя слова, по самому ихъ названію?—Переносными словами называются такія, которыя выражаютъ понятія, перенесенныя отъ одного предмета къ другому.—Отъ всякаго ли предмета можно брать такія понятія? — Нѣтъ, отъ предмета, въ чемъ нибудь сходнаго съ тѣмъ предметомъ, на который понятіе переносится. — Тутъ довольно сходства въ одномъ какомъ-нибудь признакѣ: въ молокѣ берется для сравненія одинъ разъ только его нѣжный бѣлый цвѣтъ, напр. млечный путь на небѣ, въ другой разъ время и способъ питанія: молочные зубы, въ третій нѣкоторыя свойства того, кто питается молокомъ: молокососъ, и т. д. Къ чему такимъ образомъ переносятся понятія? — Чтобы живѣе и нагляднѣе представить предметъ. — Какія именно метафоры придаютъ живость представленію? Возьмемъ еще примѣръ изъ пѣсни Кольцева: «*Урожай*»: Туча черная понахмурилась, понахмурилась, что задумалась... ополчается громомъ, бурею, и проч. — Здѣсь свойства одушевленнаго предмета приданы неодушевленному. — А придаютъ ли свойства неодушевленнаго другому неодушевленному? — Да, напримѣръ: волны растеній. — Приведите еще примѣры. — Подошва горы, корешокъ книги, рукавъ рѣки, золотистый песокъ, бѣлопуховый снѣжокъ, бѣлоснѣжная ткань, зеркальное озеро.—Къ чему служатъ такія слова? — Чтобы придать наглядность представленію. — А какія именно понятія особенно нуждаются въ наглядности? — Понятія умственныя, отвлеченныя. — Какъ же ихъ изображаютъ? Какъ представить нагляднѣе понятія объ умѣ, о волѣ, о чувствѣ, о счастьи? — Говорятъ: острый умъ, легкій умъ, крѣпкая воля, желѣзное терпѣнье, горячее чувство, и проч. Слѣдовательно, здѣсь придаютъ предмету умственному свойства предмета чувственнаго и неодушевленнаго. — А можно ли переносить признаки отъ предмета одушевленнаго къ предмету умственному? Приведите такіе примѣры. — Взяла тоска, надежда обманула, счастье заколодило, радость приласкака, память возвратилась. — Слѣдовательно, память можетъ и убѣжать? — Нѣтъ, говорятъ: я потерялъ память. Здѣсь память представлена, какъ предметъ чувственный.— Говорить ли: привѣтъ счастья, улыбка радости, горе меня преслѣдуетъ? — Такія выраженія встрѣчаются въ стихахъ. — Да, только они довольно искусственны. Надо знать, что русскому языку мало свойственны метафоры, въ которыхъ дѣйствія предмета одушевленнаго придаются предмету отвлеченному: онѣ большею частію заимствованы изъ французскаго языка, и чѣмъ меньше употреблять ихъ,

тѣмъ лучше. Повторимъ, какія метафоры чаще всего попадаются въ русскомъ:

1. Метафоры, гдѣ *признаки одушевленнаго приданы неодушевленному*: солнце играетъ, цвѣтокъ манитъ, вѣтеръ гуляетъ, гроза встаетъ, мѣсяцъ всходитъ, и проч.

2. Метафоры, гдѣ *признаки неодушевленнаго приданы неодушевленному:* мѣдный цвѣтъ, лазурное море, бархатный лужокъ, серебристый голосъ, и проч.

3. Метафоры, гдѣ *признаки чувственнаго* предмета *приданы умственному*: горькая доля, пылкое воображеніе, широкая удаль, растраченная сила, и проч.

Чрезъ сближеніе разнородныхъ понятій въ метафорахъ рѣчь становится особенно игривою; ей придается живость, происходящая отъ разнообразія представленій. Такъ у Кольцова, въ вышеприведенномъ мѣстѣ, сближаются понятія: лице, кровь, огонь, заря, молоко. Какъ ни несходны эти понятія, они искусно сведены въ одно представленіе о силѣ и здоровьѣ молодца: образъ чрезъ это становится не только нагляднымъ, но и *игривымъ*. Теперь, собравши все вмѣстѣ, опредѣлимъ вполнѣ, что́ такое метафора?—Метафора есть переносное слово, или слово, употребленное въ переносномъ смыслѣ, гдѣ, для большей живости и наглядности представленія, понятія, взятыя отъ предметовъ чувственныхъ и одушевленныхъ, переносятся, по сходству въ какомъ-нибудь признакѣ, на предметы умственные и неодушевленные. — Повторимъ же, какія метафоры у Гоголя въ описаніи степи?—Дѣвственная пустыня (отъ одушевленнаго къ неодушевленному), плугъ не проходилъ (отъ одушевленнаго къ неодушевленному), волны растеній (отъ неодушевленнаго къ неодушевленному). — Замѣтимъ, что не однѣми метафорами рисуется предметъ: всякое слово, которое служитъ къ тому, чтобы какъ-нибудь *ограничить* понятіе, дать вмѣсто общаго представленія болѣе *частное* и *опредѣленное*, уже можно назвать рисующимъ словомъ. Такъ въ предложеніи: кони вытаптывали, дается разомъ и общее понятіе о томъ, что кони водились въ степи, и *частное* представленіе о бѣгѣ коней и о дѣйствіи ихъ копытъ. Точно также вмѣсто цѣлаго предмета называютъ наиболѣе *характеристичную часть его*: скрыться подъ *кровлею* (вм. скрыться въ дому), всѣ *флаги* въ гости будутъ къ намъ (слова Петра I въ повѣсти Пушкина: «Мѣдный Всадникъ»... флаги вм. корабли всѣхъ націй), тутъ нужна сильная рука (вм. сильный человѣкъ), достать языка (человѣка, который могъ бы сообщить свѣдѣніе). Называютъ еще автора вмѣсто его твореній (читаю Пушкина), содержащее вмѣсто содержимаго (съѣлъ цѣлую тарелку, т. е. то, что заключалось въ тарелкѣ), употребляютъ единственное вмѣсто множественнаго (сосна да ель, вм. лѣсъ изъ сосенъ и елей) все съ тою же цѣлію — выразить мысль кратче и нагляднѣе. Ограничивая понятіе какимъ-нибудь болѣе тѣснымъ представленіемъ, мы имѣемъ возможность назвать не только предметъ вообще, но и одинъ изъ его признаковъ, наиболѣе для насъ важныхъ, поэтому и въ обыкновенныхъ словахъ предметъ чаще всего получаетъ названіе отъ какого-нибудь его признака: рогатина (отъ слова «рога»), бѣлокъ (отъ слова «бѣлый»), пѣтухъ (отъ слова «пѣть»), чернила (отъ слова «черный»), перчатки (отъ слова «перстъ»), рытвина (отъ слова «рыть»), и пр. Будемъ теперь продолжать нашъ разборъ. Картина степи, какъ мы знаемъ, сначала представлена у Гоголя въ общихъ чертахъ; далѣе слѣдуютъ частности: описаніе травъ и птицъ. Объясните образъ, заключающійся въ словахъ: «Вся поверхность земли представлялась зеленозолотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны цвѣтовъ».—Здѣсь подробнѣе развита прежде употребленная метафора: волны растеній. Гоголь называетъ степь «океаномъ», по причинѣ ея обширности и множества растеній: понятіе объ океанѣ уже заключалось въ словахъ «неизмѣримыя волны». Океанъ названъ «зеленозолотымъ»: это слово вновь напоминаетъ о растеніяхъ и, кромѣ ихъ цвѣта, изображаетъ блескъ солнца, который отражался на ихъ свѣтлыхъ листьяхъ. Слово «океанъ», въ собственномъ смыслѣ означающее воду, естественно ведетъ за собою слово «брызнули», которое означаетъ пестроту цвѣтовъ, разсѣянныхъ по степи; а съ другой стороны «океанъ», какъ представленіе о множествѣ, соотвѣтствуетъ словамъ: «милліоны цвѣтовъ». Такъ два неодушевленныхъ предмета «степь и океанъ» здѣсь сведены въ одинъ цѣльный образъ. — Какая часть рѣчи чаще всего употреблена далѣе при описаніи цвѣтовъ? — Имена прилагательныя: стебли, травы—тонкіе, высокіе; волошки—голубыя, синія, лиловыя; дрокъ—желтый, а верхушка его—пирамидальная; кашка — бѣлая, шапки ея—зонтикообразныя. — Откуда взяты всѣ эти названія? —Изъ самой природы растеній. —Отчего же здѣсь такъ часто употребляются прилагательныя?—Прилагательное прежде всего означаетъ видимое качество предмета, а цвѣты преимущественно отличаются по ихъ наружному виду. —Замѣтьте же, что какъ прилагательныя,

такъ и существительныя, поставленныя при названіи предмета съ цѣлію обрисовать его, принято называть *эпитетами* (слово греческое, по русски значитъ: слова «приложенныя»). Какого же рода здѣсь эпитеты? — Одни означаютъ цвѣтъ растеній: голубыя, синія, и проч.; другіе наружный видъ: тонкіе, высокіе, пирамидальныя, зонтикообразныя. — Ясно само собою, что и метафора можетъ быть эпитетомъ, какъ, напримѣръ, при словѣ «океанъ» прилагательное «зеленозолотой». Но приведите примѣры, гдѣ бы эпитетами были имена существительныя. — Злодѣй-тоска, саночки-самокаточки, сапожки-красенъ-сафьянъ, лягушка-квакушка, и проч. — Укажите эпитеты въ слѣдующихъ стихахъ Кольцова, гдѣ онъ говоритъ о своей суженой.

Что предъ ней ты, утро майское,
Ты, дуброва-мать зеленая,
Степь-трава-парча шелковая,
Заря-вечеръ, ночь-волшебница!

Эпитеты, имена существительныя: дуброва-*мать*, степь-*трава, парча*, заря *вечеръ* (вм. вечерняя), ночь-*волшебница*; эпитеты, имена прилагательныя: утро-*майское*, дуброва *зеленая*, парча *шелковая*.

Кромѣ эпитетовъ, какими еще словами обрисованы степные цвѣты у Гоголя? — Глаголами: волошки *сквозили*, дрокъ *выскакивалъ*, кашка *пестрѣла*, колосъ *наливался*. — Отчего употреблены именно эти глаголы, а не другіе? — Здѣсь названы такія свойства предмета, въ которыхъ мы наиболѣе знакомимся съ его наружнымъ видомъ. — Однако вмѣсто слова «сквозили», можно бы сказать «виднѣлись.» — Волошки «сквозили» поставлено въ соотвѣтствіе съ словами «сквозь *тонкіе*, высокіе стебли травы.» *Виднѣется* предметъ вездѣ изъ за другаго предмета или издали, *сквозитъ* онъ только тогда, когда передъ нимъ рѣдкіе листья, рѣшетка, стебли травы, вообще что-нибудь сквозное. — Слѣдовательно, это слово ближе другихъ соотвѣтствуетъ естественному положенію волошекъ, которыя были ниже окружающей ихъ травы. Объясните такимъ же образомъ и прочіе глаголы. — Желтый дрокъ «выскакивалъ». Здѣсь казалось, можно бы употребить слово «выступалъ, возвышался». Но «выступать» собственно значитъ «выдаваться впередъ», а не вверхъ; «возвышался» же даетъ одно общее понятіе о предметѣ, не объясняя, какъ возвышался. Напротивъ «выскакивалъ» точнѣе опредѣляетъ положеніе пирамидальной верхушки дрока, которая, сидя на своемъ длинномъ стеблѣ, рѣзко бросалась въ глаза, какъ-

будто хотѣла выпрыгнуть изъ травы. Кашка съ ея цвѣтками, расположенными зонтикообразно, обыкновенно густо разрастается въ полѣ и потому *пестрѣетъ* посреди остальной зелени. Точно также глаголъ «наливался» означаетъ не только то, что колосъ созрѣвалъ, но и *какъ* созрѣвалъ. — Что вы замѣчаете въ подобныхъ словахъ: созрѣвалъ и наливался, выступалъ и выскакивалъ, виднѣлись и сквозили? — То, что они сходны по значенію. — Такія слова, сходныя по значенію, называются *синонимами*. Приведите въ примѣръ еще нѣсколько синонимовъ. — Дрожать и трепетать; тосковать, грустить, скорбѣть, печалиться, унывать, кручиниться, скучать, страдать и мучиться, радоваться и веселиться, бить, колотить, и пр. — Какъ употреблять синонимы? Можно ли одно слово ставить вмѣсто другого, если они очень сходны по значенію? — Нѣтъ, какъ бы слова ни были сходны, каждое изъ нихъ выражаетъ что-нибудь *особенное* въ одномъ и томъ же понятіи, извѣстный *оттѣнокъ понятія*, и потому между синонимами мы избираемъ такіе, которые ближе всего соотвѣтствуютъ нашей мысли.

— И такъ отъ *обыкновенной рѣчи* необходимо отличить *рѣчь образную*, въ которой мы имѣемъ цѣлію живѣе и нагляднѣе представить предметъ. Въ образной рѣчи употребляются слова рисующія: эпитеты, метафоры, и пр. Ея главныя условія: *естественность* и *цѣлость* образа.

Стройное соединеніе метафоръ въ одно цѣлое, гдѣ одинъ предметъ сравнивается съ другимъ во многихъ частяхъ и подробностяхъ, называется *аллегоріею* (слово греческое, по русски значитъ: иносказаніе). Въ аллегоріи предметъ чувственный *олицетворяется*: а) согласно съ его естественнымъ положеніемъ, б) согласно съ идеею, которую авторъ хочетъ представить въ живомъ образѣ. Въ стихотвореніи Лермонтова: «Парусъ» первые два стиха каждаго куплета описываютъ предметъ въ тѣхъ признакахъ, которыя взяты для сравненія: два слѣдующіе стиха представляютъ аллегорическій смыслъ первыхъ. Въ стихотвореніяхъ: «Три Пальмы», «Споръ», и проч., аллегорія скрыта уже въ самомъ изображеніи предмета, взятаго изъ природы. Шатъ и Казьбекъ, какъ самыя высокія горы на Кавказѣ, служатъ представителями всей окружающей страны и ведутъ между собою споръ о судьбѣ ея. Преподаватель, вмѣстѣ съ воспитанниками, разберетъ подробно нѣсколько такихъ стихотвореній и укажетъ, гдѣ есть несоотвѣтствіе между частями образа (такъ угрозы Шата несоотвѣтствуютъ тому, что́ Казбекъ видитъ на сѣверѣ въ туманѣ).

2. Русскій народный слогъ.

Разберемъ теперь одну изъ нашихъ народныхъ пѣсенъ, чтобы ознакомиться со свойствами русскаго народнаго слога:

Ахъ, ты поле мое, поле чистое!
Ты, раздолье мое широкое!
Ахъ, ты всѣмъ, поле, изукрашено:
Ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣточками, василечками,
Ты однимъ, поле, обезчещено!
Что среди тебя, поля чистаго,
Выросталъ тутъ частъ ракитовъ кустъ;
Что на кусточкѣ, на ракитовомъ,
Какъ сидитъ тутъ младъ сизъ орелъ,
Во когтяхъ держитъ черна ворона;
Онъ точитъ кровь на сыру землю.
Подъ кустикомъ, подъ ракитовымъ,
Что лежитъ убитъ добрый молодецъ,
Избитъ, израненъ, исколотъ весь.
Что не ласточки, не касаточки
Кругъ тепла гнѣзда увиваются,
Увивается тутъ родная матушка;
Она плачетъ — какъ рѣка льется,
А родна сестра плачетъ — какъ ручей течетъ,
Молода жена плачетъ — какъ роса падетъ;
Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ.

Связь и отношеніе мыслей.

Предшествующая картина.

A. Обращеніе къ полю и его описаніе.
- I. Пѣвецъ взываетъ къ полю:
  1. Поле чистое
  2. Раздолье широкое.
- II. Онъ изображаетъ красоту поля,
  1. Украшеннаго травушкой муравушкой,
  2. Цвѣточками, василечками,
  3. Однимъ только обезчещеннаго: эти слова составляютъ переходъ къ послѣдующему описанію.

B. Описаніе того, чѣмъ обезчещено поле.
- I. Посреди поля растетъ ракитовъ кустъ,
- II. На немъ сидитъ младъ сизъ орелъ:
  1. Въ когтяхъ держитъ черна ворона.
  2. Точитъ кровь на сыру землю.

Смерть въ чистомъ полѣ.

C. Описаніе убитаго молодца
- I. Онъ лежитъ подъ ракитовымъ кустомъ
- II. Избитъ, израненъ, исколотъ весь.

D. Плачъ родныхъ объ убитомъ
- I. Плачъ матери:
  1. Ея сравненіе съ ласточкой и косаточкой
  2. Какъ она плачетъ.
- II. Плачъ сестры
- III. Плачъ жены:
  1. Какъ она плачетъ.
  2. Чѣмъ кончится этотъ плачъ.

Разборъ слога.

Что служитъ здѣсь главною мыслью?—Смерть молодца посреди чистаго поля; поэтому описано и самое поле.—Въ какихъ словахъ прежде всего изображается поле?—Поле чистое, раздолье широкое.—Есть что-нибудь сходнаго въ этихъ выраженіяхъ?—Всѣ три слова: «чистое, широкое, раздолье», изображаютъ просторъ поля.—Слѣдовательно, это выраженія *синонимическія*. У насъ въ народныхъ пѣсняхъ синонимами служатъ не отдѣльныя только слова, но и цѣлыя предложенія, напр.

«Ахъ, прошли, прошли наши красны дни!
Наши радости буйный вѣтръ унесъ
И развѣялъ ихъ по чисту полю.»

Здѣсь точно также слова: «поле» и «раздолье», отдѣльно взятыя, еще не составляютъ синонимовъ, но съ присоединеніемъ къ нимъ другихъ словъ уже болѣе выясняется сходное ихъ значеніе. Но къ чему употреблены эти синонимическія выраженія? — Они живѣе и нагляднѣе представляютъ мысль. — Они представляютъ мысль съ разныхъ сторонъ и также являются рисующими выраженіями. Въ нихъ мы *долње останавливаемся* на томъ предметѣ, который насъ особенно занимаетъ, или волнуетъ. Здѣсь русскій человѣкъ съ любовью обращается къ полю, среди котораго ему приходилось провести большую часть жизни, гдѣ не разъ случалось ему выказать свою удаль, расправить свои «могутныя» плечи, а подъ часъ, и скитаться безъ крова, подъ дождемъ и ненастьемъ, и изведать всякое горе. Оттого, обращаясь къ полю въ своемъ раздумьи, онъ повторяетъ: «Ахъ ты поле мое, поле чистое!» Такія повторенія

усиливаютъ мысль. Объясните, гдѣ въ этомъ стихотвореніи еще употреблены такія повторительныя, синонимическія выраженія и почему?

— Далѣе говорится: ты всѣмъ, поле, изукрашено, травушкой, муравушкой, цвѣточками, василечками. «Василечки» здѣсь поставлено, какъ синонимъ къ слову «цвѣточки», означая наиболѣе красивые и распространенные цвѣты; пѣвецъ какъ будто хочетъ сказать: «всякими красивыми цвѣточками.» Употребленіе же синонимовъ здѣсь вообще рисуетъ сочувствіе пѣвца къ разнообразной красотѣ поля. Далѣе, при описаніи убитаго молодца, сказано: избитъ, исколотъ, израненъ весь. Въ этихъ немногихъ словахъ намъ живо представляются: удаль, богатырская сила погибшаго, который до конца не сдаваясь бился съ врагами, и его горькая доля. Въ повтореніи: «ласточка, касаточка», съ которыми сравнивается родная матушка, усиленно изображена любовь къ родному гнѣзду; наконецъ самый плачъ матери, сестры и жены описанъ въ синонимическихъ сравненіяхъ съ влагою рѣки, ручья и росы. Слѣдовательно, синонимы употреблены: при описаніи поля, его раздолья и красоты, при описаніи горькаго положенія убитаго молодца и при описаніи любви и слезъ его родныхъ: надо всѣми этими предметами пѣвецъ и раздумываетъ въ пѣсни.—Перейдемъ къ сравненіямъ и метафорамъ, какія здѣсь встрѣчаются.—Здѣсь сравненіями обрисована только любовь матери: она увивается около убитаго, какъ ласточка или касаточка вокругъ теплаго гнѣзда, и плачетъ, какъ рѣка льется. Далѣе синонимическія сравненія съ рѣкою, съ ручьемъ и росою хорошо обозначаютъ разную степень любви и горя: естественно, что старой матери уже не остается никакого утѣшенія послѣ смерти роднаго сына; но молодая жена можетъ снова выйти замужъ. — А куда отнести описаніе орла? — Къ описанію поля. — Орелъ, держащій въ когтяхъ чернаго ворона, занимаетъ главное мѣсто въ этомъ изображеніи. Въ противуположность цвѣточкамъ и василечкамъ, онъ вдругъ «безчеститъ», помрачаетъ свѣтлую картину поля. Все-бы въ полѣ хорошо, да вотъ одна бѣда: хищныя птицы подрались между собою изъ-за добычи, а добычею-то служитъ честное тѣло добраго молодца: избитъ онъ, израненъ, исколотъ весь, и еще орлы да вороны съ ненасытной алчностью готовятся растерзать его. Такъ подготовлена и закончена печальная, суровая картина, которую нѣсколько смягчаетъ только безутѣшный плачъ матери надъ трупомъ сына. Здѣсь поставлено *частное* вмѣсто

общаго: присутствіе орла нагляднѣе изображаетъ печальную долю молодца.—Есть-ли метафоры въ разбираемой нами пѣснѣ? — Метафоръ здѣсь немного: раздолье *широкое*, поле *изукрашено*, *обезчещено*, *точитъ* кровь на сыру землю. (Въ метафорахъ: «поле изукрашено, обезчещено» поле олицетворяется, какъ предметъ, напоминающій народную радость и горе). — Какіе здѣсь эпитеты и къ чему они служатъ ?—Они здѣсь частію также описываютъ раздолье поля (*чистое*, *широкое*), любовь матери (*тепло* гнѣздо, *родная* матушка), частію служатъ къ общему описанію предмета (*младъ*, *сизъ* орелъ, *черный* воронъ, *частъ* ракитовъ кустъ, *сыра* земля, *добрый* молодецъ). — Теперь, разсмотрѣвъ по частямъ всѣ выраженія, обратимъ вниманіе на то, какъ они соединяются въ описаніи одного предмета. — Здѣсь главною темою служитъ смерть молодца посреди чистаго поля. Обращаясь къ полю, пѣвецъ любуется его красотою и тутъ же представляетъ мрачный образъ смерти и безнадежную тоску матери объ убитомъ сынѣ. Въ обращеніи къ полю соотвѣтствуютъ между собою слова «чистое и раздолье.» За словомъ «изукрашено» естественно слѣдуютъ ласкательныя: «травушка, муравушка», и проч. Описавъ раздолье и красоту поля, пѣвецъ не вдругъ знакомитъ васъ съ главнымъ предметомъ своей думы: тутъ постепенный переходъ отъ поля къ ракитовому кусту, растущему посреди его, слѣдовательно, далеко отъ жилища, къ орлу и ворону и наконецъ къ убитому молодцу. Орелъ и воронъ слетѣлись вмѣстѣ не даромъ. Выраженія «держитъ въ когтяхъ, точитъ кровь» естественно рисуютъ намъ хищную птицу и заставляютъ догадываться, въ чемъ дѣло, чѣмъ же поле обезчещено.

Послѣ этого уже довольно краткаго описанія убитаго молодца, чтобы разъяснить главную мысль. Въ слѣдующей затѣмъ картинѣ, въ противуположность орлу и ворону, мать является ласточкой и касаточкой. Слова «ласточка и касаточка, тепло гнѣздо, родная, увивается» естественно сближаются между собою въ описаніи материнской заботы и скорби. Таково-же соотношеніе между собою словъ: «мать, сестра, жена; рѣка, ручей, роса; льется, течетъ падетъ.» — Но къ чему еще прибавлено: «Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ?»—Это сказано въ шутку надъ легкими слезами молодой жены.

Содержаніе разобранной нами пѣсни объясняется другими, сходными съ нею, пѣснями; одну изъ нихъ, мы здѣсь приводимъ для сравненія.

Ахъ, палъ туманъ на сине море,
Вселилася кручина въ ретиво сердце,
Не схаживать туману съ синя моря,
Злодѣйкѣ кручинѣ съ ретива сердца.
Что далече, далече, во чистомъ полѣ
Стояла тутъ дубровушка зеленая,
Среди ея стоялъ золотой курганъ,
На курганѣ раскладенъ былъ огонечекъ,
Возлѣ огонечка постланъ войлочекъ,
На войлочкѣ лежитъ ли добрый молодецъ,
Припекаетъ свои ранушки боевыя,
Ранушки боевыя, кровавыя.
Что изъ далеча, далеча, изъ чистаго поля
Приходятъ къ нему братцы товарищи,
Зовутъ ли доброва молодца на святую Русь,
Отвѣтъ держитъ добрый молодецъ:
Подите, братцы, на святую Русь,
Приходитъ ли мнѣ смерть скорая,
Отцу матери скажите челобитьице,
Роду, племени скажите по поклону всѣмъ,
Молодой женѣ скажите волюшку свою,
На всѣ ли на четыре на сторонушки,
Малымъ дѣтушкамъ скажите благословеньице.
Ахъ, не жаль-то мнѣ роду племени,
Не жаль-то мнѣ молодой жены,
Мнѣ жаль-то малыхъ дѣтушекъ,
Остались дѣтушки малешеньки,
Малешеньки дѣтушки, глупешеньки,
Натерпятся холода и голода.

Мы разсмотрѣли синонимы, сравненія, метафоры и эпитеты пѣсни: «Ахъ ты поле мое, поле чистое.» Замѣтимъ, теперь вообще, что русскій народный слогъ отличается особеннымъ богатствомъ изобразительныхъ синонимическихъ выраженій. Приведемъ еще примѣры изъ пѣсенъ: «она *плачетъ*, какъ *рѣка* льется; *возрыдаетъ*, что *ключи* кипятъ; отвезу тебя къ отцу матери, къ *роду племени*; завезла меня добра молодца *прыткость*, *бодрость* молодецкая; не огонь горитъ, *ретиво* сердце *молодецкое*; ахъ! *конь* ли мой, конь, *лошадь* добрая; не *спала* то я, не *дремала* — я не *думала*, младешенька не *гадала*; не могу я думы крѣпкія ни *придумати*, ни раздумати, *приложить ума разума*; какъ вечоръ мой *милъ сердечный* другъ, загадалъ ли мнѣ загадочку *хитру мудру*, *неотгадливу*, неотгадливу, *непридумчиву*, непридумчиву, ужасную! и проч. Приберите также примѣры народныхъ сравненій. — Ужъ какъ палъ туманъ на сине море, а злодѣйка-тоска въ ретиво сердце; ахъ, кабы на цвѣты да не морозы, и зимой бы цвѣты разцвѣтали—ахъ, кабы на меня да не кручина, ни о чемъ бы я не тужила; туманно красно солнышко, туманно—кручинна красна дѣвица, печальна. — Откуда заимствованы всѣ эти сравненія? — Изъ окружающей природы. — То есть въ народной русской пѣснѣ, человѣкъ съ его чувствомъ и мыслію, всегда поставленъ рядомъ съ природою, его окружающей, какъ будто бы природа принимала участіе въ дѣлахъ его. Оттого пѣснь большею частью начинается обращеніемъ къ вѣтру, къ дубровѣ, къ рябинушкѣ, къ полю, къ садику, къ рѣчкѣ, къ горамъ, къ туману, и проч. Дуброва преклонила вѣточки, пташки изъ нея вылетали, оставалась одна горемычная кукушечка: у кукушечки ясный соколъ раззорилъ теплое гнѣздышко, разогналъ дѣтушекъ по ельничку, по березничку. Это изображаетъ горе покинутой дѣвушки. Или дѣвушка обращается къ буйнымъ осеннимъ вѣтрамъ, чтобы они отнесли къ другу вѣсточку, или спрашиваетъ: отчего ты, садъ, засыхаешь, землю листьямъ застилаешь? отчего, милъ другъ, не бываешь?... Въ другой пѣсни, разбойникъ говоритъ дубровѣ: «не шуми, мати, зеленая дубровушка, не мѣшай мнѣ доброму молодцу думу думати»; удальцы изъ шайки Стеньки Разина жалуются: «ахъ, туманы вы, туманы непроглядные! изсушили вы молодцевъ, сокрушили удалыхъ до крайности!» Но что особеннаго вы замѣчаете въ такихъ сравненіяхъ, какъ слѣдующія: не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася, зашаталася безпріютная головушка; что не ласточка, не касаточка вкругъ тепла гнѣзда увивается, увивается тутъ родная матушка; что не лебедь ходитъ бѣлая, по зеленой травкѣ шелковой, ходитъ красна дѣвица душа? — Здѣсь сравненіе выражено отрицаніемъ. — Эта отрицательная форма сравненія наиболѣе употребительна въ народной русской рѣчи: «подъ тобою ли, рябинушка, *не* трава растетъ, *не* огонь горитъ — ретиво сердце, молодецкое». Это значитъ, что сердце горитъ, какъ огонь (далѣе еще прибавлено: ахъ, горитъ, горитъ, какъ смола кипитъ); но отрицаніемъ *не* сильнѣе разграничиваются понятія: главное (сердце) отъ того, которое взято для сравненія (огонь). Народный умъ здѣсь какъ будто дѣлаетъ такое логическое сопоставленіе: сердце чувствуетъ жаръ; оно какъ будто горитъ, сердце точно огонь; но это все таки не огонь, а сердце. Слѣдовательно, въ отрицательномъ сравненіи, сильнѣе выступаютъ передъ вами и различіе и сходство сравниваемыхъ предметовъ.

Метафоры въ народномъ слогѣ встрѣчаются не часто: живой образъ въ нашихъ пѣсняхъ чаще выражается прямымъ сравненіемъ. Объясните какое значеніе имѣютъ метафоры: «Ахъ прошли наши красны дни; наши радости буйный вѣтръ унесъ и развѣялъ ихъ по чисту полю.»—Добрый молодецъ говоритъ о минувшемъ счастьи: свои счастливые дни онъ называетъ *красными.* Красный цвѣтъ означаетъ вообще яркій цвѣтъ и служитъ выраженіемъ красоты, веселья: красное солнце, красная дѣвица, красный день. Но эта радость изчезла, ее замѣнило горе, подобно буйному вѣтру, уносящему цвѣты, травку, и прочь умчало безъ слѣда радость. Буйный вѣтеръ здѣсь изображаетъ силу горя. — Приведите въ примѣръ еще нѣсколько народныхъ метафоръ? — Чужедальняя сторона безъ вѣтру сушитъ, безъ морозу знобитъ; чужая сторонушка горемъ вся изнасѣяна, слезами полита, печалью огорожена; взяло Добрыню пуще остраго ножа по его сердцу богатырскому, разгорѣлось сердце молодецкое, и проч. — О народныхъ метафорахъ можно сказать тоже самое, что мы замѣтили о сравненіяхъ вообще; для оживленія мысли здѣсь служатъ обыкновенныя явленія природы: солнце, огонь, вода, морозъ, вѣтеръ, туманъ; или особенно драгоцѣнные предметы: золото, шелкъ (трава шелковая); или обыденныя занятія народа, какъ напримѣръ, посѣвъ (поле чистое костьми засѣяно, кровью полито, печалью поросло) и пр. Какъ въ этихъ сравненіяхъ и метафорахъ, такъ и вообще *при замѣнѣ общихъ понятій частными*, русская рѣчь отличается особенною силою и выразительностью. Въ пѣснѣ: «не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ», мы найдемъ это въ описаніи ожиданія, горя, любви; въ другой пѣснѣ, дѣвушка такъ выражаетъ свою преданность другу: «Я въ тѣ поры мила друга забуду, какъ подломятся мои скоры ноги, какъ опустятся мои бѣлы руки, засыплются глаза мои песками, закроются бѣлы груди досками.» Все это сказано въ частности вмѣсто общаго понятія: «Когда я умру». Или грусть описана въ слѣдующихъ подробностяхъ: «ни о чемъ бы я не тужила, не сидѣла бы я подпершися, не глядѣла бы во чисто поле». Съ такою же наглядностью удальцы Стеньки Разина изображаютъ свое молодечество: «Мы весломъ махнемъ — корабль возьмемъ, кистенемъ махнемъ — караванъ собьемъ, мы рукой махнемъ — дѣвицу возьмемъ». Мы видѣли, что въ народныхъ сравненіяхъ и метафорахъ вездѣ являются естественные предметы; но міръ животныхъ, особенно птицъ, занимаетъ главное мѣсто въ

аллегоріяхъ. Такова хороводная пѣсня: «Синичка». Синичка варитъ пиво и созываетъ гостей:

Совушка вдовушка незваная пришла,
Снигирюшка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Соловушка головушку поглаживаетъ.
Стали всѣ птички межъ собой говорить:
Что же ты снигирюшка, не женишься?
(У Сахарова, хороводныя пѣсни, № 28).

Почти всѣ главныя русскія птицы и рядомъ съ ними всѣ званія и сословія перечислены въ пѣснѣ: «Протекало синее море, слеталися птицы стадами». (Сахаровъ, разгульныя, № 26). Тутъ между прочимъ говорится:

«Сова у насъ на морѣ воеводша:
То-то высокія брови!
То-то веселые взгляды!
То-то хорошая походка!
То-то желтые сапожки!
Съ ножки на ножку ступаетъ,
Высокія брови подымаетъ.
Гуси на морѣ бояре,
Утята на мірѣ дворяне,
Чирята на морѣ крестьяне
Воробьи на морѣ холопья.»

Другого рода аллегоріи представляютъ народныя пѣсни, гдѣ понятія отвлеченныя выражаются въ чувственномъ образѣ. Такъ дѣвушка передъ сватьбой прощается съ волею и говоритъ: «Куда мнѣ свою волюшку пустить будетъ? Пущу я свою волюшку въ темный лѣсъ: въ темномъ лѣсѣ она заплутается... нѣтъ! пущу я волюшку по милымъ подруженькамъ: покрасуйтесь, любезныя, поколь вы у матушки». (Сахаровъ, свадебныя пѣсни, № 178). Точно также добрый молодецъ представляетъ горе: «Я отъ горя въ темны лѣса, а горе прежде въ лѣсъ зашелъ; а я отъ горя въ почетный пиръ — а горе зашелъ, впереди сидитъ; а я отъ горя на царевъ кабакъ — а горе встрѣчаетъ, ужъ пиво тащитъ». (Сахаровъ, разгульныя пѣсни, № 28).

Перейдемъ къ эпитетамъ. Эпитетами могутъ быть имена существительныя. Не припомните ли еще такихъ эпитетовъ какъ «надеженка-голубушка»? — Солнышко: красно солнышко — родная матушка, солнышко Владиміръ князь. — Для выраженія ласки служатъ

также существительныя: свѣтъ, душа, радость, утѣха, мать, голубчикъ, и проч. Такъ говорятъ: надежа-добрый молодецъ, душа дѣвица, свѣтъ-быстрая рѣчка, мать-сыра земля. Народъ избралъ ласкательными именами самые дорогіе предметы: свѣтъ, душу, мать. Окончанія ласкательныхъ и уменьшительныхъ: *ушка*, *юшка*, *ышка*, *енька*, *къ*, *чекъ*, имѣютъ то же значеніе. Замѣтимъ, что эти окончанія, означающія ласку, любовь или презрѣніе, грубость, увеличеніе, и т. п. замѣняютъ собою эпитеты, слѣдовательно также служатъ образности слога. Приведите примѣры. — Солн*ышко* вмѣсто милое, дорогое солнце, лебед*ушка* вм. милая лебедь, старуш*онка* вм. дрянная старуха, дерев*ушка*, дровн*ишки*, сап*ожищи*. — Припомните, какъ употреблены въ баснѣ Крылова слова «тихохонько» и «толкъ»?

Мартышка въ зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько медвѣдя *толкъ* ногой.

—Тихохонько—нарѣчіе, означаетъ: очень тихо и осторожно; толкъ—однократный видъ глагола, вм. толкнула, означаетъ скорость движенія. — Этимъ описана сплетница, которая, съ извѣстными ужимками, указываетъ на недостатки ближняго. Слѣдовательно, нарѣчіе и глаголъ здѣсь употреблены въ такой формѣ, которая даетъ образность представленію. Мы видимъ, что образность въ слогѣ происходитъ не только отъ выбора словъ, отъ извѣстной постановки одного слова вмѣсто другого, но и отъ нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ въ именахъ существительныхъ, въ прилагательныхъ (окончанія: енькій, хонекъ, оватый, стый), въ глаголахъ (особенно при употребленіи временъ, и видовъ) и нарѣчіяхъ. Мы говорили объ эпитетахъ: что можно сказать про такіе народные эпитеты, какъ «чисто» поле, «темный» лѣсъ, «добрый» молодецъ, «красна» дѣвица? Часто ли они употребляются?—Они стоятъ постоянно при извѣстныхъ словахъ. Молодецъ всегда называется добрымъ, хотя о добротѣ его нѣтъ и слова.—Эти *постоянные* эпитеты составляютъ также отличительное свойство народной поэзіи. Приведите еще примѣры?—Калены стрѣлы, добрый конь, красное солнце, частый дождикъ, сыпучій песокъ, звончатые гусли, частыя звѣзды, русая коса, перекатная звѣзда, ретиво сердце, сине море.

Въ одной пѣснѣ, добрый молодецъ, будучи принужденъ разстаться съ своею невѣстою, говоритъ: «обвѣнчаюсь я съ иной женой, съ смертью раннею». Какъ надо понимать эти слова?—Онъ въ

шутку называетъ смерть женою.—Да, только здѣсь горькая шутка. Такая ли шутка въ словахъ пѣсни:

Друженька хорошенькій!
Друженька пригоженькій!
Поѣхалъ дружка воевати
Вокругъ печи на лопатѣ...
Друженька хорошенькій!
Друженька пригоженькій!
Съ лютыми звѣрями,
Съ тараканами, съ сверчками...

— Нѣтъ, здѣсь величаютъ дружку для смѣху. — Да, и смѣхъ здѣсь очень легкій, шутка довольно грубая, основанная на такихъ словахъ, какъ «лопата, тараканы, и проч.» Но народъ удовлетворяется и этой незатѣйливой шуткой во время веселаго, свадебнаго пира. Другое дѣло, когда онъ задумывается надъ своей судьбою, когда горькія обстоятельства жизни вызываютъ у него скорбную улыбку. Однако нельзя ли въ самомъ способѣ, какимъ выражена шутка, найти чего нибудь общаго между словами молодца о смерти и этимъ величаньемъ дружки?—И тамъ и тутъ слова надо принимать въ обратномъ смыслѣ: дружка воюетъ съ лютыми звѣрями; но это выходитъ война вокругъ печи на лопатѣ съ тараканами и сверчками. — И такъ о женитьбѣ на другой, о войнѣ съ лютыми звѣрями сказано съ тою цѣлію, чтобы сильнѣе представить совершенно противоположное. Это называется говорить *иронически*. Что же такое иронія? — Рѣчь, въ которой мы, въ насмѣшку надъ другимъ или надъ своей горькой судьбою, утверждаемъ противное тому, что хотимъ сказать.—Такъ въ ироніи мы на видъ соглашаемся съ мнѣніемъ другаго, чтобы выставить его нелѣпость, въ шутку хвалимъ то, что̀ стоитъ хулы, смѣемся, когда плакать хочется. Въ народныхъ пословицахъ, изображающихъ бѣдность, особенно много ѣдкой ироніи: «Благодаря Христа, борода *не пуста;* хоть три волоска, *да разстапорщившись*. Наготы, босоты *изувѣшены* шесты; холоду, голоду анбары *полны*. Только и *посуды*, что сучки въ бревнахъ. Всталъ да пошелъ, такъ и *вотчина* со мной. *Шапка* волосяная, *рукавицы* своекожаныя». Объясните, гдѣ еще есть иронія въ пѣснѣ: «Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ.»—Въ концѣ пѣсни въ словахъ: «Не сидитъ она поздно вечеромъ, а горитъ свѣча воску ярaго». Горѣніе свѣчи прежде означало веселое ожиданье друга, а теперь оно имѣетъ другой горестный смыслъ: свѣча горитъ пе-

редъ умершей. Между тѣмъ это высказано не вдругъ, и въ первую минуту у васъ остается сомнѣнье, отчего же горитъ свѣча.— Подобная иронія не рѣдко встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ. Такъ смертный бой сравнивается со свадебнымъ пиромъ въ одной старинной поэмѣ (въ «Словѣ о полку Игоревомъ»): «Здѣсь недостало кроваваго вина; здѣсь пиръ покончили храбрые Русскіе: сватовъ (сабли) напоили, а сами легли за Русскую землю». Въ одной изъ новѣйшихъ пѣсенъ добрый молодецъ, умирая въ полѣ, говоритъ коню: «Ты скажи моей молодой женѣ, что женился я на иной вдовѣ, что за ней я взялъ поле чистое, насъ сосватала сабля острая, положила спать калена стрѣла». Въ пѣснѣ: «Не шуми, мати зеленая дубровушка», добрый молодецъ на вопросъ царя: кто были его товарищи въ разбоѣ, — отвѣчаетъ:

«Я скажу тебѣ, надежа, православный царь,
Всю правду я скажу тебѣ, всю истину:
Что товарищей у меня было четверо,
Ужъ какъ первый мой товарищъ — темная ночь,
А второй мой товарищъ — булатный ножъ,
А какъ третій товарищъ мой — добрый конь,
А четвертый мой товарищъ — тугой лукъ,
Что разсыльщики мои — калены стрѣлы.»

Царь съ такой же ироніей говоритъ ему:

«Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ!
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать;
Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую
Среди поля хоромами высокими
Что двумя ли столбами съ перекладиною».

Мы видѣли, какъ синонимы, сравненія, метафоры, эпитеты соединяются между собою. Приведемъ этому еще примѣръ изъ пѣсни: «Не сиди, мой другъ поздно вечеромъ». Общею темою здѣсь служитъ взаимное прощанье добраго молодца и дѣвушки, а въ частности: напрасное ожиданье, горе разлуки, увѣреніе въ неизмѣнной вѣрности. Въ первыхъ трехъ стихахъ синонимически описано, что ждать напрасно. Наступившее горе представлено преимущественно въ сравненіи съ дѣйствіемъ вѣтра. Здѣсь соотвѣтствуютъ слова: прошли и унесъ, красны дни и радость; буйный, унесъ, размыкалъ и чисто поле. Вѣрность изображена въ сравненіяхъ съ солнцемъ и съ мѣсяцемъ, съ горлинкой и лебедушкой. Синонимы: «горятъ, свѣтятъ» стоятъ въ соотвѣтствіи со словомъ «любить», — «горлинка, лебедушка», изображающія нѣжность, въ соотвѣтствіи съ эпитетами: «милый, ненаглядный, надеженька». Слова дѣвицы: «не жилица я на бѣломъ свѣтѣ» соотвѣтствуютъ словамъ молодца: «не любить два раза добру молодцу». Кромѣ того здѣсь дѣвица высказываетъ прямо, что молодецъ выражаетъ иронически: «обвѣнчаюсь я съ иной женой». Жестокая непреклонность воли родительской стоитъ въ связи съ тѣмъ, что ожиданье напрасно: здѣсь изображеніе разлуки и ея послѣдствій переходитъ въ иронію.—Замѣтимъ еще, что вмѣсто слова «иронія» употребляютъ слово «юморъ»; но подъ ироніей обыкновенно разумѣютъ *намѣренную* шутку или насмѣшку, а подъ юморомъ то *наивное изображеніе смѣшнаго*, гдѣ авторъ описываетъ пустяки, какъ важныя, необходимыя и достойныя полнаго вниманія дѣла. Примѣромъ можетъ служить въ повѣсти «Старосвѣтскіе помѣщики» описаніе того, какъ Афанасій Ивановичъ подшучиваетъ надъ Пульхеріей Ивановной, какъ онъ ѣстъ, и проч. У людей, которыхъ вся жизнь состоитъ изъ мелочей, — и мелочное ведетъ иногда къ важнымъ послѣдствіямъ. Тогда и юморъ, подобно горькой, серьезной ироніи, мѣшаетъ смѣхъ со слезами: у Гоголя мы видимъ это въ описаніи смерти Пульхеріи Ивановны и въ описаніи жизни Афанасія Ивановича послѣ ея смерти. Такимъ образомъ иронія и юморъ, смотря по предмету шутки, по болѣе или менѣе глубокой мысли автора, начиная съ осмѣянія чего-нибудь внѣшняго, (какъ это бываетъ въ обыкновенныхъ житейскихъ шуткахъ), доходятъ до изображенія горестныхъ противорѣчій въ жизни и судьбѣ человѣка. Иронія въ этомъ случаѣ иногда называется *сарказмомъ*, что означаетъ ѣдкую и злую насмѣшку. Что касается народнаго юмора, то мы его находимъ въ сказкахъ, каковы, напримѣръ, сказки о лисѣ, о Ершѣ Щетинникѣ, о Котѣ, Козлѣ и баранѣ и проч.

Изложимъ теперь въ связи все, чего мы доискались въ народномъ слогѣ:

1. Русская народная рѣчь отличается особенной *живостью* и *образностью*. Это мы прежде всего видимъ *во многихъ грамматическихъ формахъ*, исключительно свойственныхъ русскому языку: таковы въ именахъ существительныхъ — ласкательныя, уменьшительныя, означающія презрѣніе, и проч. (соловушко, волюшка, умокъ, умишко, сердечко, сердечушко), въ прилагательныхъ имена, означающія степени качества (бѣловатый, цвѣтистый), въ глаголахъ сокращенный однократный (бацъ, хвать, шасть) въ нарѣчіяхъ мно-

гія сложныя съ предлогами формы (впрочернь, вскачь, на пропалую, изъ подтишка, наперекоръ, мелко-на-мелко). Сюда относится опущеніе связки, мѣстоименій, союзовъ, и многихъ другихъ словъ въ предложеніяхъ; этимъ рѣчь пріобрѣтаетъ краткость и силу: «Житье—вставши, да за вытье.» «Легъ свернулся, всталъ встряхнулся: вотъ моя жизнь.»

Подробное разсмотрѣніе этихъ формъ принадлежитъ грамматическому курсу.

2. Къ *опредѣленности* въ народной рѣчи служитъ *разнообразное употребленіе синонимовъ*, изображающихъ одинъ и тотъ же предметъ съ разныхъ сторонъ. Здѣсь надо различать синонимы въ отдѣльныхъ словахъ (разсердился, разгнѣвался — закричалъ, завопилъ громкимъ голосомъ) и въ цѣлыхъ выраженіяхъ (на зарѣ утренней, при восходѣ ли красна солнышка: что подъ крышею подъ зеленою, что подъ яблоню подъ кудрявою).

3. Народная рѣчь богата *сравненіями и метафорами*, которыя свидѣтельствуютъ о тѣсномъ сближеніи народа съ окружающею природою. Между сравненіями надо отличать сравненія отрицательныя; въ нихъ видѣнъ анализъ народнаго ума, отдѣляющаго главный предметъ мысли отъ предмета, взятаго для сравненія.

4. Въ *народныхъ аллегоріяхъ* обыкновенно олицетворяется *міръ животныхъ*, служа къ изображенію человѣческихъ дѣйствій. Здѣсь чаще всего являются птицы, изображая то или другое свойство человѣка: соколъ — удаль, лебедь — дѣвичью красоту, кукушка — горемычность женщины, ласточка, косаточка — материнскую нѣжность, и проч. Кромѣ того есть аллегоріи, въ которыхъ предметы отвлеченные (воля, горе) представляются въ чувственномъ образѣ: наши радости буйный вѣтръ *унесъ* и *развѣялъ* ихъ по чисту полю.

5. Въ народной рѣчи встрѣчаются *постоянные* эпитеты, нераздѣльно стоящіе съ названіемъ предмета; они означаютъ въ немъ какое-нибудь постоянное свойство: *добрый* конь, *мать сыра* земля, *темный* лѣсъ, и проч. Русская рѣчь также богата изобразительными эпитетами въ сложныхъ словахъ: голубь сизокрылый, мохноногинькій; рѣчка крутобережна; шатеръ бѣлотонкій, жемчужина окатная, камка мелкотравчатая.

6. Въ народныхъ пѣсняхъ мы нерѣдко находимъ горькую шутку, *иронію*, особенно при описаніи смерти. Напротивъ *юморъ* чаще встрѣчается въ народныхъ сказкахъ, гдѣ съ простодушной веселостью описаны продѣлки лисы, кота, щуки зубастой, и проч.

3. Русскій старинный слогъ.

Мы разсмотрѣли, какимъ образомъ довести воспитанниковъ до умѣнія различать простой, обыкновенный слогъ отъ образнаго и главныя свойства образнаго слога. При этомъ мы сравниваемъ, какъ сходные обороты рѣчи употребляются при изображеніи различныхъ предметовъ, и различные обороты рѣчи при изображеніи одного и того-же предмета; мы сначала объясняемъ ихъ естественное употребленіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, а потомъ и ихъ связь между собою въ цѣломъ сочиненіи. Что касается простаго слога, то его правильность, чистоту, легкость и другія свойства лучше всего объяснить на собственныхъ упражненіяхъ воспитанниковъ. Тутъ особенно полезны переложенія съ древнерусскаго языка и съ языка старинныхъ нашихъ авторовъ. Для примѣра приведемъ сначала одинъ отрывокъ изъ Нестора:

«Рече Святославъ къ матери своей и къ боярамъ своимъ: нелюбо ми есть в Киевѣ быти, хочю жити в Переяславци в Дунаи, яко то есть середа въ земли моей, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина, овощеве разноличныя; и—Щехъ же, изъ Угоръ сребро и камони; изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядь. Рече ему Волга: видиши мя болное сущю, камо хощеши отъ мене ити? бѣ бо разболѣлася оуже; рече же ему: погребъ мя, идиже, аможе хочеши. По трехъ днехъ оумре Ольга, и плакася по ней сынъ ея, и внуци ея, и людье вси плачемъ великомъ».

Преподаватель заставляетъ воспитанниковъ перевести этотъ отрывокъ и указать всѣ отличія отъ нынѣшняго языка въ слогѣ. — Переведите первый періодъ отъ слова «рече» до слова «челядь» и объясните всѣ различія нашей рѣчи отъ рѣчи подлинника. — Святославъ сказалъ (подлежащее прежде сказуемаго, потому что нѣтъ нужды измѣнять обыкновенный порядокъ въ рѣчи) матери своей и боярамъ (предлогъ *къ* нынѣ служитъ въ помощь дательному падежу, только когда выражается движеніе къ мѣсту, или въ переносномъ смыслѣ: наклонность къ чему нибудь, пошелъ къ дому, любовь къ ближнему, страсть къ игрѣ; мѣстоименіе «свой» повторять нѣтъ нужды, или можно оставить его при словѣ «бояре» — матери и своимъ боярамъ; тутъ опредѣленіе «своимъ» лучше оставить передъ опредѣляемымъ, по обыкновенному порядку словъ); нелюбо мнѣ жить въ Кіевѣ (глаголъ «быть или жить» ставится прежде при словѣ «нелюбо» къ которому относится, чтобы допол-

неніе мѣста «въ Кіевѣ» не встрѣтилось съ дополненіемъ «мнѣ»; связка «есть» опускается), хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ (чтобы избѣгнуть повторенія слова «жить», въ предъидущемъ предложеніи можно совсѣмъ опустить его: «нелюбо мнѣ въ Кіевѣ»); то средина земли моей (для ясности лучше бы сказать «тамъ» вмѣсто «то»; союзъ «яко, потому что» можно опустить, такъ какъ связь ясна и безъ него; связка «есть», предлогъ «въ» опускаются), тамъ сходится всякое добро (повтореніемъ «тамъ» яснѣе бы обозначилась связь; глаголъ здѣсь становится прежде въ связи съ нарѣчіемъ «тамъ», «всякое добро» послѣ, такъ какъ слѣдуетъ перечисленіе этого добра): отъ Грековъ золото, ткани, овощи различныя; изъ Чешской земли, изъ Венгріи серебро и кони; изъ Руси-же (союзъ «же» ставится только здѣсь при послѣднемъ названіи страны) кожа и воскъ, медъ и челядь. — Чѣмъ-же отличается старинный лѣтописный слогъ отъ нынѣшняго въ переведенномъ нами отрывкѣ? — Тѣмъ что въ немъ: 1) находимъ повторенія тѣхъ-же словъ; 2) мало правильности въ разстановкѣ словъ; 3) излишнее употребленіе союзовъ; 4) чуждое нынѣшнему языку отдѣленіе дополненія отъ дополняемаго. — Что касается повторенія въ рѣчи, произвола въ разстановкѣ словъ и излишняго употребленія союзовъ, то это все показываетъ *безъискусственность*, необработанность слога; напротивъ употребленіе связки и дополненія отдѣльно отъ дополняемаго составляетъ одно изъ свойствъ древняго языка. Переведите остальное. — Ольга ему отвѣчала («отвѣчала», чтобъ не повторять «сказала», подлежащее прежде сказуемаго); видишь, какъ я больна (причастіе нынѣ не употребляется въ связи съ глаголомъ, поэтому нельзя сказать: видишь меня болящею или страждущею); куда хочешь уйти отъ меня? (глаголъ прежде) — а она ужъ разболѣлась — схорони меня и иди, куда угодно (слова «она разболѣлась» ставятся въ скобкахъ, или между тире, слѣдовательно послѣ нихъ не нужно повторять: «рече-же ему»; вмѣсто причастія «погребъ»—повелительное наклоненіе «погреби, схорони», такъ какъ здѣсь выражается независимая мысль; «куда угодно» вмѣсто «куда хочешь», чтобы избѣжать повторенія). Три дня спустя Ольга умерла и плакали по ней сынъ ея, внуки ея и весь народъ великимъ плачемъ (союзъ «и» только при послѣднемъ существительномъ «и весь народъ»; опредѣленія «весь, великій» ставятся прежде опредѣляемаго). — Какія-же здѣсь находимъ мы свойства древняго слога? — Тѣ-же, что и прежде: повторенія словъ, обиліе союзовъ, отдѣленіе

дополненія (*хочешь* отъ меня *идти);* къ этому надо присоединить еще свойство: 6) употребленіе причастія болѣе частое, чѣмъ въ нынѣшнемъ языкѣ. — На употребленіе причастій приведемъ еще примѣры изъ разсказа объ Ольгѣ: «принесоша я на дворъ къ Ольгѣ, *несъше* вринуша въ яму и съ лодьею; *приникъши* Ольга и рече имъ: добра ли вы честь?» Въ послѣднемъ примѣрѣ употреблены и причастіе «приникъши» и союзъ «и». Связка или глаголъ «быть» въ настоящемъ времени употребляется также постоянно, какъ и причастіе. Что касается отдѣленія дополнительнаго глагола въ неокончательномъ наклоненіи отъ дополняемаго («нелюбо мнѣ въ Кіевѣ *быть*» вмѣсто «нелюбо мнѣ быть въ Кіевѣ»), то оно встрѣчается довольно рѣдко; напротивъ въ древнемъ лѣтописномъ языкѣ глаголъ ставится напереди, даже чаще, чѣмъ нынѣ: «*созва* Володимеръ боляры своя и старци градскіѣ и рече имъ: се *приходиша* ко мнѣ болгаре...... посемъ же *приходиша* немци...... по сихъ *придоша* жидове». Такъ главныя слова: сказуемое, слова опредѣляемыя (боляры своя, старци градскіѣ) занимаютъ обыкновенно первое мѣсто.

Преподаватель, конечно, употребитъ еще нѣсколько отрывковъ для усвоенія особенностей древняго, лѣтописнаго слога; но къ свойствамъ, нами указаннымъ, придется прибавить развѣ очень не много. Впослѣдствіи старинный слогъ значительно мѣняется, подъ вліяніемъ переводовъ съ греческаго и кіевской латыни. Преподаватель можетъ, пожалуй, привести для упражненія отрывки изъ Курбскаго и другихъ позднѣйшихъ писателей; но, имѣя въ виду только показать свойства русскаго слога, мы для упражненія прямо избираемъ Ломоносова, въ которомъ находимъ вполнѣ обработанный слогъ, только совсѣмъ противуположный нынѣшнему. Для перваго разу очень удобно было бы избрать нѣкоторыя письма Ломоносова: письмо, гдѣ онъ разсказываетъ о своемъ ученіи въ Спасскихъ школахъ, письмо о смерти Рихмана, и проч. Но мы приведемъ здѣсь примѣръ, болѣе трудный для разбора, изъ слова Ломоносова о пользѣ химіи, гдѣ онъ представляетъ различіе между дикимъ и образованнымъ человѣкомъ.

«Поставьте человѣка, листвіемъ или сырою звѣриною кожею едва наготу свою прикрывающаго, при одѣянномъ златотканными одеждами, и украшенномъ блистаніемъ драгоцѣнныхъ камней. Поставьте поднимающаго съ земли случившійся камень или дерево, для своей отъ непріятеля обороны, при снабдѣнномъ свѣтлымъ и

острымъ оружіемъ и молнію и громъ подражающими махинами. Поставьте завостроватымъ камнемъ тонкое дерево со многимъ потомъ едва претирающаго, при употребляющемъ сильныя и хитросложенныя махины, къ движенію ужасныхъ тягостей, къ ускоренію долговременныхъ дѣлъ и къ точному измѣренію и раздѣленію величины, вѣсу и времени. Воззрите мысленными очами вашими на плывущаго черезъ малую рѣчку на связанномъ тростникѣ, и на стремящагося по морской пучинѣ на великомъ кораблѣ, надежными орудіями укрѣпленномъ, силою вѣтра противъ его-же самого бѣгущемъ и вмѣсто вождя камень по водамъ имѣющемъ; не ясноли видите, что одинъ почти выше смертныхъ жребія поставленъ, другой едва только отъ безсловесныхъ животныхъ разнится; одинъ яснаго познанія пріятнымъ сіяніемъ увеселяется, другой въ мрачной ночи невѣжества едва бытіе свое видитъ.»

Переложеніе на языкъ современный.

«Поставьте человѣка, который едва прикрываетъ наготу свою листьями и сырою звѣриною кожею, рядомъ съ богачомъ въ золотыхъ одеждахъ, въ уборѣ изъ драгоцѣнныхъ камней. Сравните того, кто, для своей обороны отъ непріятеля, поднимаетъ съ земли случайно попавшійся камень или дерево, съ тѣмъ, кто обладаетъ свѣтлымъ и острымъ оружіемъ и машинами, которыхъ дѣйствіе подобно молніи и грому. Вообразите, что одинъ, въ потѣ лица, съ трудомъ перетираетъ тонкое дерево заостреннымъ камнемъ, а другой употребляетъ сильныя и хитро-сложенныя машины, чтобы двигать ужасныя тяжести, ускорять всякое медленное дѣло, съ точностью измѣрять и раздѣлять величину, вѣсъ и время. Вотъ, еще примѣръ передъ вами: этотъ плыветъ черезъ малую рѣчку на связанномъ тростникѣ, а тотъ несется по морской пучинѣ на великомъ, надежно укрѣпленномъ кораблѣ, съ помощью вѣтра правитъ противъ вѣтра и, какъ вождемъ по водамъ, пользуется камнемъ! Не ясно ли, что одинъ поставленъ почти выше жребія смертныхъ, а другой едва разнится отъ безсловесныхъ; одному утѣхою служитъ свѣтъ познанія, а другой, въ темнотѣ своего невѣжества, едва знаетъ, что существуетъ.»

Скажите, какія старинныя слова встрѣчаются у Ломоносова въ приведенномъ нами отрывкѣ? — Листвіе, одѣянный, златотканный, снабдѣнный, завостроватый. — Слѣдовательно словъ мало понятныхъ,

которыя нынѣ не употреблялись бы, здѣсь очень немного; отчего-же такъ трудно читать и понимать рѣчь Ломоносова? — Отъ того, что онъ очень часто употребляетъ причастія. — Тутъ причиною не одни причастія, но разсмотримъ сначала это употребленіе. Укажите здѣсь самыя главныя причастія, отъ которыхъ зависятъ всѣ другія слова. — Поставьте человѣка, прикрывающаго, и проч. при одѣянномъ.... поднимающаго и проч. при снабдѣнномъ.... претирающаго, и проч. при употребляющемъ.... воззрите на плывущаго.... на стремящагося и проч. Кромѣ того есть причастія, стоящія при словахъ, которыя относятся къ этимъ главнымъ причастіямъ: поднимающаго *случившійся* камень, при снабдѣнномъ громъ *подражающими* махинами, и проч. Отъ этого слогъ становится очень тяжелымъ. — Слогъ тяжелъ еще отъ того, что при причастіяхъ много дополненій: при обиліи второстепенныхъ частей въ предложеніи, лучше выражать его въ полной, а не въ сокращенной формѣ; да и причастія на *щій* не очень благозвучны въ русскомъ языкѣ и употреблять ихъ слѣдуетъ съ умѣренностію. Но кромѣ всего этого посмотрите, какъ поставлены главныя причастія? Какое мѣсто въ предложеніи они занимаютъ? — Они занимаютъ мѣсто дополненій: поставьте претирающаго дерево камнемъ при употребляющемъ махины. — Слѣдовательно, они имѣютъ значеніе существительныхъ. Употребляются ли такъ причастія въ русскомъ языкѣ? — Очень рѣдко; такъ употребляются только прилагательныя, происшедшія отъ причастій, напр. лежачаго не бьютъ, ходячему путь-дорога; но въ славянскомъ говорится: молящему у тебя дай, просящаго не отринь, и проч. — Слѣдовательно, здѣсь кромѣ того, что причастія обременены дополненіями, соединенными съ другими причастіями, они еще сами являются въ видѣ дополненій: такимъ образомъ почти вся рѣчь состоитъ изъ дополненій, нагроможденныхъ одни на другія. Но если бы всѣ эти причастія измѣнить въ глаголы изъявительнаго наклоненія съ союзами, лучше ли бы тогда было? — Рѣчь была-бы яснѣе; но тогда всетаки скопилось-бы слишкомъ много придаточныхъ предложеній съ одними и тѣми-же союзами. — Какъ-же избѣгнуть этого? — Нѣкоторыя мысли можно выразить въ прямой формѣ, вмѣсто косвенной, т. е. въ формѣ главныхъ, независимыхъ предложеній, напр. представьте себѣ два случая: одинъ человѣкъ едва прикрываетъ наготу свою, а другой одѣтъ въ златотканныя одежды, и проч.». — Мы видѣли, что излишнее употребленіе причастій свойственно еще древнему лѣтописному языку, и

впослѣдствіи въ книжномъ слогѣ все болѣе усиливается: этому причиной служитъ подражаніе греческому и латинскому языку, въ которыхъ косвенная форма рѣчи очень употребительна. Обратимъ вниманіе на другія свойства въ рѣчи Ломоносова; онъ говоритъ: «поставьте человѣка, листвіемъ или сырою звѣриною кожею едва наготу свою прикрывающаго.» Какъ бы, не измѣняя въ этихъ предложеніяхъ ни одного слова, сдѣлать рѣчь легче и удобо-понятнѣе?— Надо сказать: «поставьте человѣка, едва прикрывающаго наготу свою листвіемъ или сырою звѣриною кожей». Мы ставимъ здѣсь причастіе рядомъ со словомъ, къ которому оно относится. — А у Ломоносова какая разстановка словъ? — У Ломоносова глаголъ на концѣ и всѣ дополненія въ срединѣ, между подлежащимъ и сказуемымъ, — притомъ въ обратномъ порядкѣ: сперва творительный падежъ, а послѣ винительный.—Укажите и другія мѣста, гдѣ такой извращенный порядокъ. — «При снабдѣнномъ молнію и громъ подражающими махинами.» Здѣсь дополненіе отдѣлено отъ дополняемаго словами, которыя къ нему относятся; винительный падежъ стоитъ прежде глагола. «Поставьте завостроватымъ камнемъ тонкое дерево со многимъ потомъ едва претирающаго.» Здѣсь также всѣ дополненія передъ глаголомъ: сначала творительный падежъ, потомъ винительный и наконецъ дополненія, выражающія образъ дѣйствія на вопросъ *какъ*. Въ опредѣлительныхъ предложеніяхъ, стоящихъ при словахъ: «на великомъ кораблѣ» находимъ тоже самое. «Одинъ почти выше *смертныхъ* жребія поставленъ; одинъ яснаго *познанія* пріятнымъ сіяніемъ увеселяется.» Въ этихъ предложеніяхъ, кромѣ того, что глаголъ стоитъ на концѣ, мы находимъ родительный опредѣлительный (смертныхъ, яснаго познанія) не послѣ опредѣляемаго слова, а передъ этимъ словомъ (жребій, сіяніе).—Въ чемъже состоитъ сущность подобной разстановки словъ? Что мы замѣчаемъ общаго во всѣхъ этихъ выраженіяхъ?—Общее то, что слова зависимыя ставятся передъ тѣмъ словомъ, отъ котораго они зависятъ.—Слѣдовательно разница съ нынѣшнею рѣчью та, что у Ломоносова слова, занимающія болѣе важное мѣсто въ предложеніи, ставятся не напередъ, а къ концу фразы. Такая разстановка словъ существовала въ латинскомъ и греческомъ и до сихъ поръ встрѣчается въ нѣмецкомъ; но русскому языку она совсѣмъ не свойственна, что̀ мы видимъ изъ нашей старой лѣтописной и народной рѣчи. Что можно еще сказать про такія выраженія Ломоносова, какъ: украшенный *блистаніемъ*, увеселяется *сіяніемъ* познанія, вы-

дить свое *бытіе*, употребляетъ машины къ *движенію* тяжестей, къ *ускоренію* дѣлъ, къ *измѣренію* и *раздѣленію* величины и проч.— Тутъ все отглагольныя существительныя. — Какой предметъ выражаютъ подобныя существительныя?— Они выражаютъ предметъ отвлеченный, т. е. дѣйствіе или состояніе предмета, отдѣльно отъ него взятое. Слѣдовательно, при излишнемъ ихъ употребленіи и рѣчь становится туманною, отвлеченною, чего не терпитъ русскій языкъ. Отглагольныя существительныя значительно сокращаютъ рѣчь; но часто употреблять ихъ неудобно уже потому, что чрезъ это значительно увеличивается число косвенныхъ падежей. Еще можно сказать: «я видѣлъ употребленіе машинъ при движеніи тѣлъ» вмѣсто «я видѣлъ, какъ употребляются машины при движеніи тѣлъ»; но уже было-бы совсѣмъ противно духу русскаго языка выразиться такъ: «мнѣ помогло мое знаніе употребленія машинъ при движеніи тѣлъ». Соединимъ-же вмѣстѣ все сказанное нами: чѣмъ слогъ Ломоносова въ указанномъ нами отрывкѣ отличается отъ нынѣшняго?—1) Въ немъ мы находимъ изобиліе причастій, употребленныхъ то въ смыслѣ опредѣленія, то въ смыслѣ дополненія,—вообще изобиліе придаточныхъ предложеній, 2) искусственную разстановку словъ, по которой слова управляемыя ставятся прежде управляющихъ и глаголъ на концѣ, 3) излишнее употребленіе существительныхъ отглагольныхъ, что вмѣстѣ съ причастіями служитъ къ измѣненію прямой рѣчи въ косвенную.—Ко всему этому прибавимъ еще однообразіе и искусственную симметрію въ оборотахъ: три раза употребленъ глаголъ «поставьте» и за нимъ дополненія все въ томъ же порядкѣ, а сравненіе двухъ противуположныхъ предметовъ, человѣка дикаго и образованнаго, все также выражено предлогомъ «при»; во всѣхъ періодахъ высказывается одна и таже мысль, раздробленная на части.

Въ заключеніе приведемъ еще отрывокъ изъ писемъ Фонъ-Визина о Франціи, гдѣ онъ описываетъ пріѣздъ Вольтера въ Парижъ, въ 1778 году.

Прибытіе Вольтера въ Парижъ *произвело* точно *такое* въ народѣ здѣшнемъ дѣйствіе, *какъ-бы* сошествіе *какого*-нибудь божества на землю. Почтеніе, ему *оказываемое*, ничѣмъ не *разнствуетъ* отъ обожанія. Я увѣренъ, *что еслибъ* глубокая старость и немощи его не *отягощали* и онъ захотѣлъ-бы проповѣдывать теперь новую *какую* секту, *то бы* весь народъ къ нему обратился.... *По прибытіи его сюда*, *сколько* стихотворцы, ему преданные, пишутъ *въ*

его славу, столько ненавидящіе его посылаютъ къ нему безъименныя сатиры. *Первыя* печатаются, а послѣднія нѣтъ; правительство запретило *особливымъ указомъ* печатать то, что Вольтеру предосудительно *быть можетъ*. Такое *уваженіе сдѣлано* ему *сколько* за великіе его таланты, *столько* и ради старости».

Переложеніе на языкъ современный.

«Вольтеръ своимъ пріѣздомъ взволновалъ весь народъ Парижскій; казалось, какое нибудь божество сошло на землю. Ему здѣсь не просто оказываютъ почтеніе, его обожаютъ. Не будь онъ такой дряхлый и хилый старикъ, онъ могъ-бы теперь смѣло проповѣдывать новое ученіе, и, я увѣренъ, весь народъ ему-бы послѣдовалъ. Чуть онъ пріѣхалъ сюда, и стихотворцы, ему преданные, стали восхвалять его въ одахъ, и его ненавистники—посылать къ нему безъименныя сатиры. Первыя печатаютъ, а послѣднія — нѣтъ; правительство особливымъ указомъ запретило печатать все предосудительное для Вольтера. Это сдѣлано изъ уваженія къ его старости и къ его великому таланту».

Мы видимъ, что слогъ Фонъ-Визина очень не обработанъ: въ немъ встрѣчается много французскихъ оборотовъ; но этотъ слогъ вообще напоминаетъ намъ рѣчь Ломоносова, хотя Фонъ-Визинъ и не употреблялъ такихъ длинныхъ періодовъ, какъ Ломоносовъ. Укажите, какія здѣсь выраженія, не свойственныя русской рѣчи.—Во первыхъ, здѣсь очень много существительныхъ отглагольныхъ: прибытіе, сошествіе, почтеніе, обожаніе, уваженіе. Въ словахъ «по прибытіи его сюда», нарѣчіе неправильно соединено съ существительнымъ отглагольнымъ.—Употребленіе именъ отглагольныхъ или отвлеченныхъ еще не слишкомъ вредитъ рѣчи Фонъ-Визина, но обратите вниманіе на то, какъ они соединены со сказуемыми.—Тутъ мы видимъ, что отвлеченнымъ понятіямъ придаются свойства дѣйствующихъ предметовъ; «прибытіе произвело дѣйствіе, глубокая старость и немощи отягчаютъ». Такіе обороты болѣе свойственны французской рѣчи; по русски лучше сказать: «Вольтеръ своимъ прибытіемъ произвелъ дѣйствіе; онъ чувствовалъ на себѣ тяжесть лѣтъ и болѣзней.» Также въ русскомъ не употребляется метафора: «уваженіе сдѣлано».—Замѣтимъ, что Фонъ-Визинъ очень часто употребляетъ такимъ образомъ отвлеченныя выраженія, напр. *возмечтаніе* ихъ (французовъ) о своемъ разумѣ *дошло* до такой глупости, что рѣдкій французъ не скажетъ самъ о себѣ, что онъ преразуменъ; сія *привычка мѣшаетъ* успѣвать здѣшней націи въ наукахъ; *привычка дѣлаетъ*, что обоняніе французовъ не страждетъ; пріятельское ихъ *обхожденіе* не *ослѣпило* глазъ моихъ на ихъ пороки; *пребываніе* мое въ семъ государствѣ *убавило* сильно цѣну его въ моемъ мнѣніи.—Укажите и другіе недостатки слога въ избранномъ нами отрывкѣ?—Кромѣ отвлеченныхъ выраженій, Фонъ-Визинъ употребляетъ трудное для выговора причастіе «почтеніе, *оказываемое*» и причастіе въ формѣ подлежащаго «*ненавидящіе* его посылаютъ къ нему», причемъ мы встрѣчаемъ также повтореніе мѣстоименій. Онъ безъ нужды обременяетъ рѣчь свою союзами: «точно такое—какъ бы; я увѣренъ, что еслибъ.... то бы»; у него повторяется нѣсколько разъ: «какъ, какого, какую»; онъ также употребляетъ часто союзы «сколько.... столько», слѣдуя духу французской рѣчи. Наконецъ мы находимъ еще неправильную разстановку словъ въ предложеніяхъ: «правительство запретило особливымъ указомъ печатать (тутъ не поймешь: печатать особливымъ указомъ или запретило особливымъ указомъ), что Вольтеру предосудительно быть можетъ (здѣсь глаголъ на концѣ, по обычаю Ломоносова).» Неправильно еще выраженіе: «пишутъ въ его славу», а въ предложеніи: «первыя печатаются» неизвѣстно, къ чему относится слово «первыя», потому что въ предъидущей рѣчи нѣтъ соотвѣтственнаго ему существительнаго.

Рядомъ съ подобнымъ разборомъ стариннаго слога необходимо дать воспитанникамъ хорошенько усвоить тѣ синтаксическія особенности русской народной рѣчи, въ которыхъ выражаются живость и сила народнаго слога. Особенною бойкостью выраженія, происходящею отъ сжатости рѣчи, отличаются наши пословицы, и въ нихъ можно искать многихъ коренныхъ свойствъ нашего языка, затерянныхъ въ искусственной книжной рѣчи, по которой большею частію составлялись наши граматики. Вотъ примѣръ цѣлаго разсказа изъ пословицъ, гдѣ мы видимъ крайнюю умѣренность въ словахъ: «сбилъ, сколотилъ—вотъ колесо; сѣлъ да поѣхалъ—ахъ, хорошо! Оглянусь назадъ, однѣ спицы лежатъ.» Нагляднѣе этого невозможно выразить нашу небрежность и скороспѣлку. Такая кратность и сила выраженія происходитъ отъ разныхъ измѣненій и опущеній въ рѣчи. Разсмотримъ нѣкоторыя изъ нихъ по русскимъ пословицамъ:

1. Опущеніе цѣлыхъ предложеній, напр. худое житье — встань,

побѣжи (т. е. когда тебѣ постоянно говорятъ: встань, побѣжи); дай Богъ — хорошо, а слава Богу — лучше (т. е. хорошо, когда надѣешься и говоришь: дай Богъ, а лучше, если желаніе твое исполнилось и можно сказать: слава Богу).

2. Сокращеніе предложеній въ существительныя отвлеченныя: умъ хорошо, а два лучше (т. е. хорошо, если дѣйствуешь однимъ своимъ умомъ, а лучше, когда и умъ другаго тебѣ на помощь), чужой дуракъ—смѣхъ, а свой дуракъ—стыдъ, (т. е. видя чужаго дурака, смѣешься, а какъ на своего взглянешь, то стыдно), невидаль — корову купилъ (что за невиданное дѣло, что ты купилъ корову); умъ безъ догадки — чортъ ли въ немъ (если человѣкъ умный, т. е. знающій, хорошо разсуждающій — да недогадливый, то въ немъ мало пользы), у горя и догадка (кто испыталъ горе, тотъ найдется въ бѣдѣ, или, испытывая горе, поневолѣ станешь догадливъ). Такимъ оборотамъ въ рѣчи много содѣйствуетъ употребленіе предлоговъ въ переносномъ смыслѣ, напр. съ большаго ума (какъ человѣкъ съ большимъ умомъ), поле въ три переклика и проч.

3. Опущеніе подлежащаго: хорошо летаешь, да гдѣ-то сядешь; у мертвыхъ пчелъ меду захотѣлъ.

4. Опущеніе сказуемаго: спроста, что съ большаго ума (т. е. сдѣлано); ты ему вдоль, а онъ поперегъ (т. е. ты разстилаешь вдоль, а онъ мѣряетъ поперегъ); подъ гору вскачь, а въ гору хоть плачь (т. е. ѣдешь); на то щука, чтобъ карась не дремалъ (т. е. существуетъ).

5. Опущеніе связки: сила — уму могила, камень — не угодье, песъ — не баранъ; голова — всему начало.

6. Опущеніе дополненія: борода съ ворота, а умъ съ прикалитокъ (т. е. величиною).

7. Опущеніе союзовъ. На это свойство нужно обратить особенное вниманіе; при соединеніи немногихъ краткихъ предложеній, у насъ всегда опускаются условные, сравнительные и нѣкоторые другіе союзы. Опускаются союзы *если — то*: тупо сковано — не наточишь, глупо рожено — не научишь (здѣсь также безличное предложеніе выражено страдательнымъ причастіемъ въ среднемъ родѣ и въ краткомъ окончаніи; не научишь, будущее совершенное, вмѣсто «невозможно научить»); стать овцою — волки найдутся (безличное предложеніе въ формѣ неокончательнаго наклоненія); упалъ — такъ вставай; съ умомъ жить — мучиться; — союзъ *когда:* сѣялъ — не смѣрялъ, ѣлъ — не считалъ; родился малъ, выросъ глупъ, померъ старъ (т. е. когда родился, то былъ малъ, и проч.); — союзъ *пока:* живъ буду, не забуду; — союзъ *хотя:* малъ золотникъ, да дорогъ; лобъ широкъ, а мозгу мало; — союзы *тоже что:* свой умокъ — свой домокъ. Относительное предложеніе: «что касается до того, что» въ народной рѣчи выражается повтореніемъ глагола въ неокончательномъ наклоненіи, или повтореніемъ прилагательнаго съ мѣстоименіемъ *то:* вырости выросъ, а ума не вынесъ; толстъ-то толстъ, да глупъ.

Правильное употребленіе союзовъ и причастій, употребленіе глагольныхъ видовъ, временъ и наклоненій, различныя сокращенія, свойственныя русской рѣчи, правильная разстановка словъ и предложеній — изучаются также при разборѣ статей, взятыхъ, у новѣйшихъ авторовъ, которые своимъ слогомъ болѣе другихъ приближаются къ духу народной рѣчи: таковы Крыловъ, Кольцовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Тургеневъ, и проч. Упражненія этого рода принадлежатъ грамматическому курсу; но, конечно, продолжаются и впослѣдствіи; мы замѣтили, что преподаватель указываетъ на свойства хорошаго слога, исправляя различныя работы воспитанниковъ: это касается какъ письменныхъ ихъ работъ, такъ и изустныхъ отвѣтовъ. Преподаватель, послѣ долгихъ занятій, можетъ составить обстоятельный списокъ тѣхъ ошибокъ, которыя чаще всего дѣлаютъ воспитанники; но, конечно, при объясненіи этихъ ошибокъ невозможна строгая система, и полное понятіе о правильности слога достигается путемъ долгихъ и постоянныхъ упражненій.

Представивъ образцы книжнаго искусственнаго слога въ сравненіи съ народнымъ, при обыкновенномъ употребленіи рѣчи, преподаватель дастъ общее понятіе и о старинныхъ украшеніяхъ въ такъ называемой фигуральной, образной рѣчи. Это необходимо для того, чтобы воспитанники прочнѣе усвоили понятіе о простотѣ и естественности слога и объ его живомъ соотвѣтствіи съ мыслію. Мы изберемъ въ примѣръ болѣе легкій отрывокъ изъ писемъ русскаго путешественника Карамзина. Карамзинъ, во время своего пребыванія въ Парижѣ, посѣтилъ, между прочимъ, и старинный замокъ Мадритъ, лежавшій недалеко отъ этого города. Прежде чѣмъ начать описаніе этого замка, онъ говоритъ:

«Отъ чего сердце мое страдаетъ иногда безъ всякой извѣстной для меня причины? Отъ чего свѣтъ помрачается въ глазахъ моихъ тогда, какъ лучезарное солнце сіяетъ на небѣ? Какъ изъяснить сіи жестокіе, меланхолическіе припадки, въ которыхъ вся душа моя

сжимается и хладѣетъ?... Неужели сія тоска есть предчувствіе отдаленныхъ бѣдствій? Неужели она есть не что иное, какъ задатокъ тѣхъ горестей, которыми судьба намѣрена посѣтить меня въ будущемъ?...»

Съ этими предчувствіями Карамзинъ бродитъ по окрестностямъ Парижа, видитъ поросшія травою терассы замка, который былъ построенъ еще въ XVI вѣкѣ, сокрушается при видѣ его запустѣнія и наконецъ вступаетъ во внутренность. Въ одной изъ пустыхъ залъ онъ, къ своему удивленію, слышитъ тяжелый вздохъ и замѣчаетъ нищую старуху. Эта нищая разсказываетъ ему свою исторію: у нея была дочь, которую, за ея пѣсни, мужчины называли соловьемъ, а женщины малиновкой: Луиза пѣла и ходила за цвѣтами, и онѣ жили счастливо въ низенькой хижинѣ; но Луиза умерла, и старушка осталась безъ пристанища, ее и пріютили въ замкѣ. Послѣ такого разговора со старухою Карамзинъ продолжаетъ:

«Мы замолчали.... Я подошелъ къ окну и смотрѣлъ на заходящее солнце, которое тихими лучами своими освѣщало разнообразныя картины парижскихъ окрестностей. Боже мой! сколько великолѣпія въ физическомъ мірѣ (думалъ я) и сколько бѣдствія въ нравственномъ! Можетъ ли несчастный, угнетенный бременемъ бытія своего, отверженный, уединенный среди множества людей, хладныхъ, жестокихъ,— можетъ ли онъ веселиться твоимъ великолѣпіемъ, златое солнце! твоею чистою лазурью, свѣтлое небо! вашею красотою, зеленые луга и рощи? Нѣтъ, онъ томится, всегда, вездѣ томится, бѣдный страдалецъ! Темная ночь, сокрой его! Шумная буря, унеси его... туда, туда, гдѣ добрые не тоскуютъ; гдѣ волны океана, океана вѣчности, прохлаждаютъ истлѣвшее сердце!...

Солнце закатилось. Я пожалъ руку бѣдной старушки — и возвратился въ Парижъ».

Какъ бы въ простыхъ выраженіяхъ и коротко сказать то, что авторъ здѣсь описываетъ? — Гуляя около Парижа, онъ безъ всякой причины чувствуетъ какую-то тоску и это кажется ему предвѣстіемъ горя. Онъ заходитъ въ замокъ, гдѣ встрѣчаетъ старую нищую: по этому случаю, любуясь заходящимъ солнцемъ, онъ сравниваетъ великолѣпіе физическаго міра съ нравственными бѣдствіями, спрашиваетъ, можетъ ли несчастный восхищаться природою, и желаетъ, чтобы буря унесла его въ какой-то «океанъ вѣчности». — Какъ вы думаете, можетъ ли быть въ человѣкѣ тоска безъ всякой причины? Припомните, отчего вы скучали? — Иногда болѣла голова, а надо было приготовлять уроки; иногда хворалъ кто-нибудь изъ родныхъ; иной разъ досадно, какъ потеряешь какую-нибудь дорогую вещь; иной разъ неудастся идти, куда хочется.—Слѣдовательно, причиной тоски бываетъ или болѣзнь, или неудача, или несчастье. Въ природѣ всякое дѣйствіе имѣетъ причину: снѣгъ таетъ отъ солнца, дождь идетъ отъ скопленія облаковъ, облака образуются отъ паровъ, пары происходятъ изъ воды съ помощью солнечной теплоты; солнце, по своему составу, способно грѣть и освѣщать. Такъ мы наблюдаемъ природныя свойства тѣлъ и ихъ взаимное дѣйствіе другъ на друга: далѣе этого мы ничего знать не можемъ. Мы не можемъ задавать себѣ вопросы, отчего теплота согрѣваетъ, а не холодитъ, расширяетъ, а не сжимаетъ тѣла, отчего дерево не камень, а желѣзо не золото, отчего для зрѣнія нуженъ свѣтъ, а не темнота, и проч. Такіе вопросы безсмысленны, потому что отвѣтомъ на нихъ будетъ только повтореніе вопроса: теплота согрѣваетъ, потому что она имѣетъ свойство согрѣвать; дерево не камень, потому что оно дерево, и т. п. Слѣдовательно, и задавать подобные вопросы безполезно. Точно также наши нервы имѣютъ свойство ощущать пріятное и непріятное: при непріятномъ ощущеніи происходитъ скука, тоска, скорбь, смотря по свойствамъ и степени ощущенія. Слѣдовательно, причиною тоски будетъ тотъ или другой предметъ, произведшій разстройство въ нервахъ: такимъ предметомъ можетъ быть невареніе желудка, приливы крови, сильное потрясеніе какъ отъ радости, такъ и отъ горя. Обратимся теперь къ приведенному нами отрывку. Какіе вопросы задаетъ въ немъ авторъ? Съ тѣмъ ли онъ задаетъ ихъ, чтобы изслѣдовать, узнать причину происшедшаго въ немъ разстройства? — Нѣтъ, онъ только спрашиваетъ, отчего, при сіяніи солнца, свѣтъ помрачается въ глазахъ его? — Чтожъ? въ самомъ дѣлѣ въ глазахъ становится темно? — Это сказано метафорически: ослѣпнувъ, онъ не могъ бы и знать, что сіяетъ солнце; мракъ здѣсь означаетъ грусть.— Слѣдовательно, солнце непремѣнно должно быть причиною радости?— Напротивъ, когда болятъ глаза, или очень жарко, то вовсе не радъ солнцу.—Правда, что здоровый человѣкъ въ ясную погоду чувствуетъ себя веселѣе; но кромѣ солнца есть множество другихъ причинъ радости, также точно, какъ есть множество причинъ тоски, кромѣ дурной погоды Слѣдовательно, то, что авторъ упоминаетъ о солнцѣ, нисколько ни служитъ къ разъясненію его тоски. Нельзя ли искать разъясненія въ словахъ «меланхолическіе припадки»? Меланхолія

есть особенная нервная болѣзнь, которою часто начинается умопомѣшательство. — Нѣтъ, авторъ здѣсь вовсе не говоритъ ни о какой болѣзни. — Можетъ, ему стало скучно отъ того, что онъ увидѣлъ нищую старуху? — Тогда онъ еще не зналъ, что ее увидитъ: онъ называетъ свою тоску предчувствіемъ отдаленныхъ бѣдствій. — Значитъ, вотъ и объясненіе: мы предчувствуемъ бѣдствія и отъ того «душа сжимается и хладѣетъ». Возможна или нѣтъ такая догадка? — Да вѣдь мы не можемъ знать напередъ, что́ съ нами будетъ. — Положимъ, что въ будущемъ году я потеряю вотъ эти часы: развѣ я не могу этого предчувствовать сегодня? — Если мы часто теряли какую-нибудь вещь, то мы можемъ только предполагать, что въ томъ или въ другомъ случаѣ снова ее потеряемъ, а какъ знать, когда именно это случится. — Хорошо. Домъ, въ которомъ я живу, деревянный; кругомъ тоже все деревянныя строенія; въ окрестностяхъ случаются пожары. Могу ли я предчувствовать, что погорю? — Предчувствовать, пожалуй, можно; но изъ этого не слѣдуетъ, что предчувствіе непремѣнно оправдается: бываютъ случаи, что подлѣ самаго пожара деревянный домъ уцѣлѣетъ, если вѣтеръ обратится въ другую сторону. — Вы все-таки допускаете, что предчувствовать можно, но только такія бѣдствія, о которыхъ мы можемъ знать или предполагать напередъ. О такихъ ли бѣдствіяхъ говорится у автора? — Нѣтъ, онъ говоритъ о горестяхъ, еще отдаленныхъ, которыми судьба намѣрена посѣтить его въ будущемъ. — Можно ли же здѣсь объяснить тоску предчувствіемъ, или это одно пустое предположеніе? — Такую причину тоски предполагать невозможно. — Значитъ, авторъ не объясняетъ своей тоски и даже, какъ мы видѣли, вовсе не ищетъ какого-нибудь объясненія, потому что совсѣмъ не касается случаевъ, которые могли бы возбудить ее; зачѣмъ же онъ спрашиваетъ о ея причинахъ? — Чтобы только описать ее. — Какъ же описывать то, чего совсѣмъ не знаешь? Тутъ возможно только сказать: я тоскую, а отчего, не знаю. — Онъ хочетъ сказать это же самое по-красивѣе. — Да, здѣсь дѣло идетъ вовсе не о тоскѣ, не о какихъ либо истинныхъ страданіяхъ: чувствуя настоящее горе, авторъ или молчалъ бы о немъ, или выразился бы опредѣленнѣе; здѣсь дѣло идетъ только объ *отборныхъ* словахъ, о *красивыхъ* фразахъ, о томъ, чтобы набрать побольше *чувствительныхъ* выраженій. Посмотрите, много ли мыслей выражается во всѣхъ этихъ вопросахъ? — Въ первыхъ трехъ вопросахъ различными словами повторяется одно и тоже: сердце мое страдаетъ, свѣтъ помрачается въ глазахъ, душа

сжимается и хладѣетъ; въ послѣднихъ двухъ — такое же повтореніе: тоска есть предчувствіе бѣдствій, тоска есть задатокъ горестей. Между двумя здѣсь выраженными мыслями: «я тоскую» и «тоска моя предвѣщаетъ бѣдствія» нѣтъ никакой логической связи, потому что тоска сама бываетъ слѣдствіемъ извѣстныхъ пріятныхъ или непріятныхъ впечатлѣній и ничего предвѣщать не можетъ. — Замѣтимъ, что если въ вашемъ умѣ нѣтъ опредѣленнаго *положенія*, то есть, какого-нибудь факта, основаннаго на точномъ наблюденіи дѣйствительнаго предмета, и нѣтъ вывода, основаннаго на повѣркѣ, на сличеніи этого факта съ другими, то, собственно говоря, въ вашемъ умѣ *не существуетъ и мысли;* но мы видимъ, что *безъ всякой мысли* можно *подбирать* болѣе или менѣе *эффектныя слова*, какъ напримѣръ: страданіе, предчувствіе, лучезарное солнце, меланхолическіе припадки, и проч. — и такой наборъ словъ, такое щегольство фразами встарину даже составляло предметъ особой науки, извѣстной подъ названіемъ *риторики*. Но, скажите, эти затѣйливыя фразы о тоскѣ, лишенныя содержанія, подобно позолоченнымъ орѣшкамъ безъ ядра, не имѣютъ ли онѣ связи съ послѣдующимъ описаніемъ? — Онѣ имѣютъ связь съ описаніемъ бѣдной старухи. — Вы однако сами замѣтили, что авторъ не могъ грустить напередъ, не зная, что́ онъ встрѣтитъ въ замкѣ. И такъ это тоска вымышленная, заданная самому себѣ, чтобы подготовить читателя къ слѣдующему за тѣмъ описанію; она похожа на то лицемѣріе, съ какимъ иные люди, отправляясь на печальную церемонію и думая о сытномъ обѣдѣ, строятъ для приличія изъ своего лица плаксивую мину; но эти люди, по крайней мѣрѣ, знаютъ, что будутъ свидѣтелями печальной церемоніи, а по риторикѣ выдумывали и грустныя происшествія и самую печаль, какъ необходимое украшеніе разсказа. Встрѣча съ нищею старухою по всему представляется такимъ выдуманнымъ происшествіемъ. Замокъ былъ старый, запустѣлый, — такъ отчего же посреди его запустѣнія не представить такого же стараго, отжившаго свой вѣкъ, человѣка: это была пустая выдумка; но по риторикѣ, изображеніе выходило очень картинно. Что тутъ дѣло шло не о томъ, чтобы изобразить истинную бѣдность, а о томъ, чтобы представить эффектную сцену, видно изъ описанія старухи. Она разсказываетъ о своей *спокойной* и *счастливой* жизни *въ нищенской хижинѣ*, о своей дочери, которую одни называли *соловьемъ*, другіе *малиновкой* (счастье и пѣсни въ низенькой хижинѣ!); она говоритъ о своемъ горѣ отборными фразами, напр. «ходи по міру и лей слезы

на холодные камни»; она, сидя въ замкѣ, мечтаетъ о королѣ Францискѣ, его построившемъ, и чудится ей, будто этотъ король по ночамъ расхаживаетъ по заламъ и бесѣдуетъ о старинѣ со своими министрами! Изъ всего этого явно, что нищая выдумана для замка. Но если на самомъ дѣлѣ автору встрѣтилась такая старуха, какъ бы онъ могъ выразить къ ней свое сочувствіе? — Онъ помогъ бы ей деньгами. — Да, это было бы всего проще; но развѣ описаніе бѣдности не можетъ быть занимательно, не можетъ послужить къ тому, чтобы вызвать у другихъ сочувствіе къ бѣдному человѣку? — Для этого нужно описать не выдуманную, а дѣйствительную бѣдность.— То есть, въ исторіи старухи можно было бы представить дѣйствительную бѣдность французскаго народа въ тогдашнее время и объяснить, отчего онъ былъ такъ бѣденъ. Намъ полезно знать, какъ въ то или другое время бѣдный человѣкъ тяжелымъ трудомъ добывалъ себѣ копѣйку, какія помѣхи были ему въ трудѣ, отчего онъ не могъ, по крайней мѣрѣ, заработать себѣ насущный хлѣбъ, а долженъ былъ скитаться по міру, или жилъ какимъ-нибудь несчастнымъ промысломъ, чтобы не умереть съ голоду. Намъ любопытно знать, какъ въ той или другой сторонѣ живутъ бѣдные люди: ихъ жизнь лучше всего знакомитъ насъ съ образованіемъ общества и съ положеніемъ края. А чтобы разсказать: была старуха съ пѣвуньей-дочерью, дочь умерла и старуха пошла по міру — для этого нѣтъ нужды ѣхать во Францію и посѣщать замокъ Мадритъ. Вмѣсто того, что мы сейчасъ замѣтили, чѣмъ именно авторъ выражаетъ свое сочувствіе къ бѣдности? — Онъ обращается къ солнцу, говоритъ о различіи физическаго и нравственнаго міра и жалѣетъ, что бѣдный не можетъ наслаждаться природою. — Дѣйствительно ли главное несчастіе бѣднаго человѣка состоитъ въ томъ, что онъ не можетъ наслаждаться природою?—Прежде всего несчастіе его состоитъ въ томъ, что ему нечего ѣсть. — Да, бываютъ несчастія посущественнѣе: отъ дурной пищи и одежды, отъ вѣчной духоты въ жилищахъ, отъ дурнаго ухода за дѣтьми происходятъ безконечныя болѣзни и разнообразныя уродства; отъ невѣжества зарождаются тысячи предразсудковъ, при которыхъ бѣдный человѣкъ самъ все дѣлаетъ себѣ ко вреду, вѣря въ колдовство, въ разныхъ злыхъ духовъ и въ другія нелѣпости. Наслаждаться же по барски природой, праздно любуясь заходомъ солнца, лужайками и рощицами, не идетъ и образованному человѣку: наслажденіе природою болѣе всего выражается въ томъ, что мы ее прилежно изслѣдуемъ, изучаемъ. Точно также въ противоположности, какую авторъ представляетъ между великолѣпіемъ физическаго міра и бѣдствіями нравственнаго, нѣтъ смысла. Физическій міръ (окружающая природа и наше тѣло) и нравственный (то, что мы называемъ мыслію, чувствомъ) такъ тѣсно связаны между собою, что и совершенства и бѣдствія у нихъ общія. Солнце, конечно, красиво; но и глазъ, устроенный чтобъ видѣть свѣтъ, ничѣмъ не хуже, и ощущеніе свѣта также великолѣпно, какъ солнце. Человѣкъ, конечно, страдаетъ отъ многихъ несовершенствъ; но страдаетъ и звѣрь, когда другое болѣе сильное животное начнетъ рвать его клыками, — падаетъ и дерево, когда его ломитъ буря. Та же природа, которая устроила, что «зеленые луга и рощи» могутъ цвѣсти только при помощи свѣта, теплоты, воздуха и свойственной имъ почвы, произвела въ человѣкѣ тѣло, чувствующее голодъ и разныя другія потребности. Различать между великолѣпіемъ физическаго міра и бѣдствіями нравственнаго значитъ говорить, что природа *совершенна*, а человѣкъ *несовершенъ:* это будетъ неразумно. Но человѣкъ одаренъ сознательнымъ чувствомъ; болѣе понимая, онъ и страдаетъ болѣе... Чтожъ изъ этого? Все-таки его страданія не находятся въ противорѣчіи съ великолѣпіемъ физическаго міра.. они и происходятъ отъ болѣе совершенныхъ чувствующихъ органовъ, которыми одарила его природа. Наконецъ желаніе автора, чтобы буря унесла бѣднаго человѣка въ какой-то океанъ вѣчности, могло бы казаться даже не человѣколюбивымъ; но мы не можемъ судить о немъ, потому что тутъ нѣтъ и подобія смысла. Мы видимъ, что конецъ описанія также бѣденъ содержаніемъ, какъ и начало, а гдѣ нѣтъ ни одной опредѣленной мысли или неподдѣльнаго чувства, тамъ полное приволье риторическимъ фразамъ. Въ началѣ, какъ мы замѣтили, фразы являются въ формѣ вопроса; какіе же обороты рѣчи здѣсь употреблены авторомъ? Начнемъ съ восклицанія «Боже мой!» — Далѣе опять *восклицаніе* съ союзомъ «сколько»? — Сравните слова «великолѣпіе и бѣдствіе, физическій и нравственный»: что это такое?— Здѣсь поставлены рядомъ противуположные предметы. — Слѣдовательно, здѣсь *восклицаніе* соединено съ *противуположеніемъ*. Что далѣе?—Вопросъ «можетъ ли» — тутъ сказано: несчастный, угнетенный, отверженный, уединенный, и проч? — Здѣсь наборъ словъ, изображающихъ бѣдствіе — словъ, которыя, однако, нисколько его не изображаютъ: какой несчастный? какимъ бременемъ онъ угнетенъ? Отчего онъ отверженъ? отчего люди къ нему такъ не сострадательны? развѣ это всегда бываетъ? Вотъ вопросы, на которые

нельзя отвѣтить общими фразами. Скопленіе отборныхъ словъ для большаго эффекта въ описаніи называлось наращеніемъ. — Далѣе повторяется «можетъ ли» и слѣдуетъ обращеніе къ солнцу, къ небу, къ лугамъ и рощамъ. — При этомъ обращеніи предметы взяты отдѣльно, что показываютъ и слова, поставленныя при каждомъ существительномъ: «твоимъ великолѣпіемъ, твоею лазурью, вашею красотою». Это раздѣленіе. Слѣдовательно здѣсь *вопросъ* съ *усугубленіемъ* (съ повтореніемъ) и *наращеніемъ*, а при немъ *обращеніе* съ *раздѣленіемъ* — далѣе слѣдуетъ *отвѣтъ*, снова *усугубленіе* (нѣсколько разъ) и *восклицаніе* съ *обращеніемъ*.

Вы, конечно, замѣтили, что всѣ эти обороты рѣчи разставлены съ необыкновенною симметріей; при чтеніи, послѣдовательное теченіе фразъ кажется величавымъ, стройнымъ, гармоничнымъ и тѣмъ болѣе пріятнымъ для соннаго слуха, что ни одна мысль не тревожитъ головы. Прочтите это съ надлежащимъ выраженіемъ (одинъ изъ воспитанниковъ читаетъ вслухъ). Подобные обороты рѣчи въ риторикѣ назывались *фигурами*, а метафоры и другія рисующія выраженія — *тропами*. Какъ фигуры, такъ и тропы, употреблялись и разстанавливались по правиламъ: при этомъ, конечно, заботились не объ естественности, не объ истинѣ, а о наибольшей пышности и торжественности въ рѣчи. Героя, напримѣръ, сравнивали съ Геркулесомъ, съ Самсономъ, съ Ахилломъ, поэта съ Пиндаромъ и Гораціемъ, хотя бы они столько же походили на Геркулеса, Ахилла, Пиндара, сколько китаецъ на англичанина. Мы уже знаемъ, что сравненія и другія образныя выраженія должны существенно вытекать изъ самой природы предмета и изъ того впечатлѣнія, которое предметъ на васъ производитъ; если онъ не возбуждаетъ вашего чувства, или вы неспособны подмѣчать его живыя свойства и сближать самыя разнородныя явленія между собою, то у васъ не можетъ явиться и образныхъ выраженій. Но что сказать про обороты рѣчи, называемые *фигурами?* Эти вопросы и отвѣты, восклицанія, обращенія, повторенія, противуположенія, принадлежатъ-ли они образной рѣчи, употребляются-ли въ слогѣ, чуждомъ всякой вычурности и напыщенности? — Они бываютъ естественны, когда сами собой срываются съ языка при выраженіи чувства. У Крылова, Демьянъ говоритъ, угощая: «что за уха! да какъ жирна! какъ будто янтаремъ подернулась она. Покушай, миленькой дружочекъ?» и проч. — Такое естественное употребленіе фигуральныхъ оборотовъ принадлежитъ живому разговорному слогу; ими вдругъ

прерывается связная рѣчь, по мгновенному движенію чувства, и подчинять ихъ правиламъ, или разстанавливать симметрически значило-бы тоже, что задавать себѣ чувство, котораго не имѣешь. Если искустный актеръ и умѣетъ подлаживаться подъ чужой разговорный языкъ, то потому только, что способенъ мгновенно проникаться чужою мыслію, чужимъ чувствомъ. Тутъ одно общее правило: рѣчь должна естественно выражать всѣ движенія мысли. Такова рѣчь косаря у Кольцова:

Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю...
Отчего-же такъ
Не возьму я въ толкъ?
Ахъ, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!

И такъ, собравъ все сказанное вмѣстѣ, мы должны про риторическія украшенія замѣтить:

1. Они употреблялись тамъ, гдѣ всѣ описанія были чужды дѣйствительности и истины, гдѣ вмѣсто опредѣленной мысли являлись одни искуственныя сплетенія понятій, вмѣсто дѣйствительнаго искуственно придуманное чувство.

2. Слогъ, ими наполненный, не служилъ къ живому изображенію предмета, а представлялъ одну пустую игру изысканныхъ словъ и оборотовъ.

3. По сравненію съ живою образною рѣчью, они были формою, въ которой укладывалось какое угодно содержаніе, такъ какъ въ нихъ исчезали всѣ частные отличительные признаки предмета, а оставались только общія понятія. Такъ слова «несчастный, угнетенный бременемъ бытія, отверженный, уединенный» можно употребить о комъ угодно: о ворѣ, пойманномъ на мѣстѣ кражи и взятомъ полиціею, и о честномъ труженикѣ, умирающемъ безъ куска хлѣба, о богатомъ скупцѣ, который голодаетъ на сундукахъ своихъ, и о нищемъ, прогнанномъ отъ его дверей, о непризнанномъ плохомъ стихотворцѣ и о геніи, котораго люди не оцѣнили.

Для повторенія всѣхъ вышеизложенныхъ упражненій съ пользою могутъ служить сравнительные разборы одной и той-же басни Лафонтена въ переводѣ Хемницера, Дмитріева и Крылова. Такъ басни: Стрекоза и Муравей, Левъ на ловлѣ, мы находимъ у Хем-

пицера и Крылова, — басни: Дубъ и трость, Левъ и Комаръ, у Дмитріева и Крылова. Для сравненія сначала необходимо привести буквальный переводъ подлинной басни Лафонтена, и указать, какія измѣненія и отступленія отъ подлинника дѣлаетъ тотъ или другой баснописецъ въ пользу художественнаго изображенія и русскаго языка. Послѣ того сравненіе между собою трехъ нашихъ баснописцевъ покажетъ, какъ пользовался каждый изъ нихъ богатствомъ русской рѣчи.

О СОЧИНЕНІИ ВООБЩЕ.

1. Общія формы сочиненія, характеристика предмета.

(описаніе песцовъ Максимова, разборъ повѣсти: «Бѣжинъ лугъ»).

Прежде чѣмъ перейти къ разбору и объясненію главныхъ родовъ сочиненій, мы полагаемъ еще полезнымъ остановиться на нѣкоторыхъ общихъ свойствахъ сочиненія: матеріаломъ для выводовъ намъ послужатъ частію уже разобранныя статьи, частію новые образцы. Здѣсь мы разсмотримъ, что̀ называется въ сочиненіи *описаніемъ, повѣствованіемъ и разсужденіемъ*, (понимая эти слова въ общемъ смыслѣ, а не какъ особые роды сочиненій)? Что такое *характеристика предмета вообще*? Что надо разумѣть подъ чертами *общечеловѣческими* и *личными; историческими, общественными* и *народными?* Что называется *содержаніемъ* и *формою* сочиненія и отчего *зависитъ* то и другое? Какъ въ сочиненіи выражается *личный взглядъ* автора? Въ заключеніе мы представимъ общее *опредѣленіе* сочиненія и *условія правильнаго развитія* темы.

Мы читали и разбирали повѣсть Гоголя: «Старосвѣтскіе помѣщики». Какъ вы думаете: откуда взялъ Гоголь все то, что онъ описываетъ? — Онъ близко видѣлъ жизнь старосвѣтскихъ помѣщиковъ. — Довольно ли для такого отчетливаго описанія, какое мы у него встрѣчаемъ, наблюдать жизнь одного или двухъ людей? — Конечно, онъ наблюдалъ жизнь многихъ людей того же рода: онъ самъ говоритъ вначалѣ о жилищѣ и характерѣ всѣхъ вообще старосвѣтскихъ помѣщиковъ: слѣдовательно, онъ знакомъ былъ со многими такими лицами. — Изъ чего же мы видимъ, что у него были очень точныя и разнообразныя наблюденія? — Изъ того, какъ

онъ описываетъ жилище, наружность, ежедневныя занятія Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны. — Вы сказали онъ *описываетъ*. Можно ли также сказать: онъ описываетъ *происшествіе*, случившееся съ Пульхеріей Ивановной? — Да, такъ говорится. — Но какое слово чаще употребляютъ, говоря о происшествіи, о томъ, что̀ случилось? — *Разсказывать* о происшествіи. — Какая же разница между словами: *разсказывать* и *описывать?* — Описываютъ предметъ, разсказываютъ о томъ, что̀ случилось съ предметомъ. — Слѣдовательно, *описаніемъ* можно назвать изображеніе предмета во всѣхъ его *частяхъ* и со всѣми его *признаками въ ту или другую опредѣленную минуту*, а *разсказомъ или повѣствованіемъ* — изображеніе *перемѣнъ*, случившихся съ предметомъ и его *послѣдовательныхъ дѣйствій*. Приведемъ еще примѣръ изъ книги Максимова: «Годъ на сѣверѣ» (часть вторая, I, 6).

«Песецъ, какъ бы выродившаяся собака, съ сиповатымъ, густымъ голосомъ, похожъ на лисицу: съ такимъ же пушистымъ хвостомъ, но съ болѣе тупымъ рыломъ и съ меньшими и кругловатыми ушами, чѣмъ у послѣдней. Вырывая себѣ норы съ множествомъ выходовъ, песцы, называемые вешняками, въ апрѣлѣ уходятъ туда щениться и теряютъ въ это время всю свою бѣлую шерсть. Щенки ихъ, называемые въ это время норниками, къ іюню подрастаютъ, хотя еще отецъ и мать ихъ по прежнему остаются безобразно голыми; въ августѣ являются и отецъ, и мать, и сами щенки-норники уже крестоватиками, съ сѣрой спиной, пересѣченной крестообразно сѣрыми же полосами, идущими надъ лопатками. Въ октябрѣ, на короткое время, крестоватики превращаются въ *голубцовъ-чалковъ*, одноцвѣтносѣрыхъ съ незапушившеюся еще шерстью и только около Николина дня (въ декабрѣ мѣсяцѣ) являются они настоящими песцами съ совершенно уже бѣлою шерстью. Сверкая ею на солнышкѣ и рѣзко отливая ее отъ окрестнаго снѣга, бойко бѣжитъ песецъ за добычей одинъ, рѣдко вдвоемъ; пушистый хвостъ его заметаетъ слѣдъ; на всемъ пути не попалось ему ни одной кулемки, ни одной западни: видно, добѣжать ему до озера и вытащить оттуда рыбу на лапкѣ; видно, и опять ему придется бѣжать тѣмъ же путемъ не одинъ разъ впередъ и обратно. Поднявши голову, песецъ продолжаетъ бѣжать все впередъ да впередъ; повертывая по временамъ головой и обнюхивая окрестный воздухъ, звѣрекъ настороживаетъ круглыя свои уши, дрожитъ весь и вдругъ припадаетъ къ снѣгу. Видно, донесла струя воздуха до чуткаго носа

его незнакомый, враждебный запахъ человѣка; наконецъ и зоркіе глаза его уже не обманываютъ: изъ лѣсу показался мезенецъ верхомъ на лошади и съ ружьемъ. Звѣрекъ не вѣритъ близости несчастія, не возвращается назадъ, а, приподнявшись, продолжаетъ бѣжать прежнимъ путемъ все впередъ да впередъ, по прежнему сверкая на солнышкѣ своей серебристой, соблазнительной шкуркой. Человѣкъ, между тѣмъ, зная обычаи звѣрька, старается его *облукавить:* всякій разъ, когда бѣгущій звѣрекъ оглянется, онъ повертываетъ лошадь въ сторону и какъ будто ѣдетъ мимо. Звѣрекъ простодушно вѣритъ человѣку, начинаетъ бѣжать замѣтно тише, какъ бы старается отдохнуть и, наконецъ, совсѣмъ припадаетъ на снѣгъ и не встаетъ во все время, пока врагъ его дѣлаетъ на лошади круги все больше и больше, все ближе и ближе, на разстояніе ружейнаго выстрѣла. Песецъ продолжаетъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, зорко выслѣживая за кругами лошади, не сводя своихъ черненькихъ глазъ съ роковаго мѣста, и, наконецъ, окончательно прикурнетъ головкой въ снѣгъ, закроетъ мордочку своими лапками, когда заприметитъ ружейное дуло: какъ будто потерявшись окончательно въ надеждахъ, онъ не находитъ иного спасенія и другаго исходу. Пуля, пускаемая всегда вѣрною и опытною рукою, попадаетъ прямо въ голову и подкидываетъ звѣрька въ предсмертныхъ судорогахъ на мѣстѣ и потомъ разъ перебрасываетъ съ одной стороны на другую. Неподвижно распускается тогда его пушистый хвостъ по снѣгу, обагренному теплой, красной кровью».

Какъ назвать приведенный нами отрывокъ: описаніемъ или повѣствованіемъ? — Здѣсь находимъ вмѣстѣ и то, и другое: вначалѣ преобладаетъ описаніе до того мѣста, гдѣ начинается разсказъ о томъ, какъ бѣжитъ песецъ и какъ за нимъ охотятся. — Что представлено въ описаніи? — А. Наружный видъ песца: его сходство съ лисицей, его голосъ, хвостъ, рыло, уши. В. Мѣна шерсти: какимъ онъ бываетъ въ апрѣлѣ, въ іюнѣ, въ августѣ, въ октябрѣ и около Николина дня. — Какіе при этомъ указаны признаки? — Голосъ сиповатый, густой; хвостъ пушистый; рыло тупое; кругловатыя уши. Весною песцы уходятъ въ норы щениться и бываютъ безъ шерсти, въ августѣ они являются съ крестообразными сѣрыми полосами, потомъ одноцвѣтно-сѣрые и наконецъ совершенно бѣлые. — Что же было здѣсь предметомъ наблюденія? — Наружный видъ предмета по всѣмъ его частямъ и его перемѣны въ разное время года. — Назовемъ это описаніемъ, потому что здѣсь обра-

щено главное вниманіе на различное состояніе предмета, и хотя при этомъ *разсказано*, какъ выростаютъ песцы, но разсказъ ограничивается перечисленіемъ признаковъ. Далѣе же слѣдуетъ разсказъ *въ тѣсномъ смыслѣ слова;* что здѣсь представлено? — А. Какъ бѣжитъ песецъ къ озеру. В. Что онъ дѣлаетъ, завидя опасность, С. Какъ охотникъ старается его облукавить. D. Что дѣлаетъ песецъ, когда охотникъ приблизится на ружейный выстрѣлъ. Е. Какъ песца убиваютъ. — Есть здѣсь какое нибудь происшествіе? — Да, смерть песца. — Что-жъ причиною его смерти? — То, что человѣкъ хочетъ добыть его шкурку. — Противится онъ человѣку, или нѣтъ? — По мѣрѣ силъ и умѣнья: сначала онъ бѣжитъ бойко, только повертываетъ голову, обнюхиваетъ воздухъ, да настороживаетъ уши; потомъ, предчувствуя опасность, припадаетъ къ снѣгу; завидѣвъ охотника, бѣжитъ вновь, оглядывается, бѣжитъ тише, совсѣмъ припадаетъ на снѣгъ, сидитъ неподвижно, слѣдя за кругами лошади, наконецъ закрываетъ мордочку лапками. — Есть какая нибудь связь между всѣми этими дѣйствіями? — Всѣ эти дѣйствія вызваны чувствомъ самосохраненія. — То есть, они *послѣдовательно* выходятъ отъ одной и той же причины, а причиною здѣсь человѣкъ: дѣйствуетъ онъ также? — Да, онъ не вдругъ нападаетъ на звѣрька, а всякій разъ, какъ тотъ оглянется, повертываетъ лошадь въ сторону, потомъ дѣлаетъ круги все ближе и ближе, наконецъ стрѣляетъ въ голову. — Слѣдовательно, тутъ дѣйствуютъ съ обѣихъ сторонъ; какъ же сходятся оба предмета въ этихъ дѣйствіяхъ? — Ихъ дѣйствія направлены другъ противъ друга: звѣрекъ думаетъ спастись отъ бѣды; охотникъ хлопочетъ, какъ бы вѣрнѣе застрѣлить его. — Иначе говоря, оба предмета находятся въ противодѣйствіи, *въ борьбѣ* между собою: изображеніе такой борьбы и называется разсказомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Тутъ мы обратимъ вниманіе на *завязку*, т. е. на сплетеніе обстоятельствъ, произведшихъ борьбу, и на *развязку*, на рѣшеніе борьбы. Скажите, въ чемъ состоитъ завязка нашего разсказа? — Въ томъ, что человѣкъ выѣзжаетъ охотиться за песцомъ, а песецъ не дается, бѣжитъ, спасая жизнь свою: далѣе тотъ и другой дѣйствуютъ, сообразно своей цѣли и взаимно препятствуя другъ другу. — А развязка? — Въ томъ, что человѣкъ наконецъ убиваетъ песца. — Въ этой развязкѣ есть какая нибудь связь съ завязкою? — Да, она естественно вытекаетъ изъ завязки: человѣкъ дѣйствуетъ искуснѣе; уже съ самаго начала видно, что песецъ не съумѣетъ далеко уйти: единственной его за-

щитой служитъ то, что онъ бѣжитъ, оглядывается, да припадаетъ къ землѣ. — Въ этомъ разсказѣ есть ли мѣстами и описаніе? — Да, упомянуто о томъ, какъ песецъ сверкаетъ своей бѣлой шерстью на солнышкѣ, какъ его пушистый хвостъ заметаетъ слѣдъ; говорится о круглыхъ ушахъ звѣрька, о его чуткомъ носѣ. — Къ чему же все это представлено? — Чтобы показать природу и обычаи песца и объяснить, какъ за нимъ охотятся. — И такъ, наблюдая предметы, мы замѣчаемъ ихъ природныя свойства; дерево имѣетъ корень, стволъ съ вѣтвями, листья, цвѣты и плоды; у животнаго также находимъ разныя части тѣла, внѣшніе и внутренніе органы, и т. д. Каждая изъ частей имѣетъ свои отличительные признаки, свои отправленія. Но предметъ не остается всегда однимъ и тѣмъ же: *во первыхъ*, его свойства измѣняются подъ вліяніемъ окружающихъ предметовъ: дерево сохнетъ отъ жару и недостатка воды, животное становится хилымъ отъ старости и болѣзни; *во вторыхъ*, сообразно съ требованіемъ природы, предметъ выражаетъ свои свойства рядомъ послѣдовательныхъ дѣйствій, принимаетъ то или другое положеніе: весною деревья сначала даютъ почки, потомъ листья, цвѣты и наконецъ плодъ; лепестки цвѣтовъ свертываются въ темнотѣ и распускаются при свѣтѣ; птица летитъ, садится на дерево, порхаетъ съ вѣтки на вѣтку, отыскивая пищи, замѣчаетъ насѣкомое, клюетъ его и проглатываетъ; *въ третьихъ*, предметъ является въ борьбѣ за свое существованіе, за свое мѣсто въ кругу другихъ предметовъ. Перечисляя и изображая по частямъ природныя свойства и признаки предмета, мы его *описываемъ;* описаніе переходитъ въ *повѣствованіе*, когда мы изображаемъ его измѣненія, различныя его положенія, или послѣдовательныя дѣйствія; *повѣствованіемъ же въ тѣсномъ смыслѣ* можно назвать изображеніе одного или многихъ событій, гдѣ предметъ является *въ борьбѣ*. Въ послѣднемъ случаѣ мы различаемъ въ разсказѣ *завязку* и *развязку:* различныя обстоятельства, при которыхъ началась борьба, затрудняютъ, стѣсняютъ положеніе предмета и наконецъ ведутъ къ тому или другому измѣненію въ его жизни, слѣдовательно *развязка естественно вытекаетъ изъ завязки.* Изъ предъидущаго уже видно, что описаніе и разсказъ постоянно *смѣшиваются* между собою, и мы здѣсь различаемъ то и другое, только какъ различныя стороны одного, цѣльнаго изображенія. Припомнимъ нѣкоторыя изъ статей, прежде нами разобранныхъ: изображеніе степи у Гоголя принадлежитъ къ описанію или къ разсказу? — Гоголь *описываетъ* степь,

изображая ея наружный видъ и предметы, на ней находящіеся; но при этомъ представлены и послѣдовательныя дѣйствія предмета, напр. въ полетѣ чайки. — Впрочемъ говорятъ безразлично: *описать* полетъ чайки или *разсказать*, какъ чайка летаетъ, между тѣмъ будетъ нѣкоторая разница въ словахъ: *описать несчастіе* и *разсказать о несчастіи;* какая именно разница? — Описывая наше несчастіе, мы обращаемъ главное вниманіе на то положеніе, въ которое мы поставлены несчастными обстоятельствами; разсказывая о немъ, мы представляемъ, какъ оно случилось и какъ мы при этомъ дѣйствовали. — Что мы находимъ въ народномъ стихотвореніи, гдѣ изображена смерть добраго молодца? — Здѣсь описаніе поля переходитъ въ разсказъ о судьбѣ убитаго: сизый орелъ собирается клевать его; мать, сестра и жена плачутъ надъ трупомъ. Или умирающій прощается съ друзьями, посылаетъ съ ними поклонъ роднымъ. — Мы говорили, что въ разсказѣ изображается борьба; какая же тутъ борьба? — Тутъ представлено, какъ рѣшилась судьба добраго молодца, а о его горемычной жизни, о его скитаніи въ полѣ и о борьбѣ съ врагами мы можемъ только догадываться: положеніе убитаго или умирающаго ясно говоритъ объ этомъ. — Добрый молодецъ убитъ врагами; что же служитъ завязкою въ разсказѣ Гоголя о смерти Пульхеріи Ивановны? съ кѣмъ тутъ выставлена борьба? — Борьба съ собою, со своимъ чувствомъ. — Главною причиною этой *внутренней* борьбы была суевѣрная мысль: призракъ, созданный собственнымъ воображеніемъ. Этотъ вымышленный призракъ, въ образѣ кошки, мучительно преслѣдуетъ Пульхерію Ивановну: въ себѣ она не находитъ ни одной здравой мысли, которая бы могла ему противодѣйствовать, а потому она покорно отдается невѣдомому предчувствію; но въ тоже время ей тяжело разстаться съ Афанасіемъ Ивановичемъ, ей горько покинуть привычное соленье и печенье, всѣ милыя заботы жизни. Тяжелое, горькое чувство, выражаемое въ ея тихой задумчивости, въ ея наставленіяхъ Явдохѣ и проч., и составляетъ второй источникъ борьбы, въ которую, какъ особенное начало, входитъ еще тупое отчаянье Афанасія Ивановича. Но скажите, при разсказѣ о смерти Пульхеріи Ивановны и Афанасія Ивановича всегда ли Гоголь говоритъ отъ своего лица? — Нѣтъ, иногда онъ заставляетъ, вмѣсто себя, говорить своихъ героевъ. — Къ чему это служитъ? — Чтобы живѣе и нагляднѣе представить ихъ мысли. — То есть, заставляя говорить дѣйствующія лица, мы вмѣсто разсказа объ ихъ дѣйствіяхъ, *выво-*

димъ ихъ самихъ въ дѣйствіи. Но когда происходитъ столкновеніе между двумя и болѣе лицами, возможно ли, что бы только одно говорило? — Нѣтъ, тогда попеременно говорятъ и то, и другое, перебивая другъ друга въ рѣчи. — Слѣдовательно, начинается *разговоръ.* Отчего это въ разговорѣ такъ легко одно лице можетъ вставлять свою рѣчь, когда другое своей еще не кончило? — Разговоръ обыкновенно происходитъ въ пылу спора: одно лице въ волненіи не успѣетъ договаривать своей мысли, какъ другое уже торопится возражать ему; тутъ каждый хотѣлъ бы однимъ словомъ заставить молчать противника. — Для разговора однако не всегда необходимъ споръ: для этого достаточно, чтобы *чувства одного человѣка* являлись *въ какомъ либо столкновеніи* съ *чувствами другаго.* Вы, напримѣръ, боитесь сообщить печальное извѣстіе, не договариваете мысли; другаго ваши слова приводятъ въ безпокойство, онъ начинаетъ васъ допрашивать; вы, прежде чѣмъ сказать дѣло, его успокоиваете, и т. д. Этотъ *естественный* разговоръ и надо отличать отъ *искусственнаго,* который употребляется при объясненіи какого-либо предмета, чтобы привести ваши мысли въ движеніе, чтобы пробудить въ умѣ тотъ рядъ мыслей, къ которому можетъ присоединиться еще одна новая. Я, напримѣръ, васъ спрашиваю, чтобы знать, что и какъ вамъ объяснить, или чѣмъ опровергнуть ваше невѣрное сужденіе; вы задаете мнѣ вопросы, требуя объясненія. Такъ ли спокойно и правильно, по вопросамъ и отвѣтамъ, идетъ естественный разговоръ? — Нѣтъ, тутъ часто утвержденіе выражается вопросомъ; мы спрашиваемъ безъ смысла, безъ связи, не зная, что сказать, или, чтобъ избѣгнуть отвѣта; въ отвѣтѣ иногда еще болѣе затемняется мысль; мы отвѣчаемъ не на вопросъ, заданный другимъ, а на свою мысль; иногда разговоръ таковъ, что одинъ другому едва дозволяетъ произносить односложныя слова, и проч. — А возможно ли, чтобы мы говорили сами съ собою? — Да, это бываетъ, когда въ насъ борятся противоположныя мысли, противоположныя чувства: мы сами себя спрашиваемъ и сами себѣ отвѣчаемъ. — Такія рѣчи тоже входятъ въ разговоръ и называются *монологами.* Изъ всего этого мы видимъ, что для живаго разговора нужна какая нибудь борьба чувствъ и притомъ разговоръ возможенъ, когда въ борьбѣ этой выставляются люди. Какъ же однако въ басняхъ выводятъ разговаривающихъ животныхъ? — Тутъ животныя, какъ и неодушевленные предметы, аллегорически изображаютъ собой людей. — Приведите примѣръ того,

какъ въ баснѣ является разговоръ. — Въ баснѣ Крылова «Слонъ на воеводствѣ» сначала идетъ разсказъ о смирномъ воеводѣ, который «въ родню былъ толстъ, да не въ родню простъ»; потомъ когда воевода представленъ въ столкновеніи съ волками, то начинается разговоръ: слонъ спрашиваетъ волковъ, какъ они смѣютъ грабить; тѣ объясняютъ, что они сняли съ овецъ всего по одной шкуркѣ; успокоенный слонъ говоритъ: «ну, тотожъ! смотрите»... Въ баснѣ «Щука и Котъ», сначала разсказано, какъ щука затѣяла ловить мышей; потомъ слѣдуетъ небольшой разговоръ съ котомъ: «да полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?... и полно, куманекъ!» Въ заключеніе снова идетъ разсказъ о томъ, что сдѣлалось со щукой. — Повторите же, когда въ разсказѣ, вмѣсто рѣчи автора, являются собственныя слова выведенныхъ лицъ? — Когда эти лица представлены въ дѣйствіи. — А когда разсказъ переходитъ въ разговоръ? — Когда между лицами, представленными въ дѣйствіи, происходитъ столкновеніе въ ихъ мысляхъ и чувствахъ. — Мы замѣтили прежде, что разсказъ вообще изображаетъ борьбу; слѣдовательно, въ разговоръ переходятъ тѣ части разсказа, гдѣ взяты самыя минуты столкновенія между лицами, гдѣ дѣйствіе развивается всего полнѣе. Въ этомъ случаѣ, лица просто ли только разговариваютъ или, кромѣ словъ, еще чѣмъ-нибудь выражаютъ свои чувства? — Также разными тѣлодвиженіями, разными измѣненіями въ лицѣ. — Конечно, мысль и чувство еще чаще высказываются тѣлодвиженіями, чѣмъ словами, но при живомъ разговорѣ движеніе рукъ, головы, движеніе глазъ, бровей, тонъ голоса, та или другая улыбка, вся осанка человѣка *разнообразнѣе и полнѣе* выражаютъ волнующее его чувство. Эти тѣлодвиженія называются *мимикой.* Слѣдовательно, разговоръ обыкновенно сопровождается *описаніемъ мимическихъ движеній.* Но тамъ, гдѣ въ дѣйствіи выведены люди, описать всѣ эти разнообразныя и постоянно мѣняющіяся движенія было бы очень затруднительно; да притомъ, безъ всякаго описанія, на нихъ указываютъ самые обороты рѣчи. Скажите, какія соотвѣтственныя движенія могли бы сопровождать слова: «И полно, куманекъ! вотъ невидаль — мышей! мы лавливали и ершей!»? — При словѣ «полно» можно махнуть рукой: дескать, говоришь пустяки. «Куманекъ» говорится съ выраженіемъ ласки, чтобъ не обидѣть противорѣчіемъ. При словѣ «мышей» необходима нѣсколько презрительная улыбка; при словѣ «ершей», мы приподнимемъ голову съ гордою осанкой, и т. д. — Слѣдовательно,

всего этого описывать невозможно, да и нѣтъ нужды. Такія описанія встрѣчаются только изрѣдка, напримѣръ:

«Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько медвѣдя толкъ ногой».

Но разговорная форма требуетъ, для своего дополненія, *искусстнаго чтенія*, сопровождаемаго мимикой, или, когда разговоръ совершенно отдѣленъ отъ разсказа, даже *представленія на сценѣ*. Если же въ борьбѣ участвуютъ не люди въ образѣ животныхъ, а дѣйствительныя животныя, возможенъ ли тогда разговоръ?—Нѣтъ, животныя говорить не могутъ. — То есть у нихъ нѣтъ той раздѣльной рѣчи, какъ у людей. Чѣмъ же тогда изобразить борьбу?— Остается только описывать мимическія движенія.—Да, у животныхъ есть своя мимика, которая выражается голосомъ, движеніемъ глазъ, ушей, хвоста, пасти, изгибами тѣла, и иногда бываетъ очень разнообразна. При живомъ разсказѣ, описаніе такихъ движеній замѣняетъ разговорную рѣчь. А въ кругу неодушевленныхъ предметовъ можно ли также представить борьбу? — И тутъ говорятъ: борьба стихій. — Конечно, въ природѣ всѣ предметы дѣйствуютъ, слѣдовательно могутъ и противодѣйствовать другъ другу: вѣтеръ гонитъ облака, которыя съ своей стороны ускоряютъ или задерживаютъ его движеніе; море разбивается о скалы, но скалы рушатся, подмытыя водою; мы видимъ тоже въ изверженіи волкановъ, въ дѣйствіи тепла и холода на растенія и т. д. И здѣсь описаніе получаетъ живость разсказа, когда мы представимъ предметы въ дѣйствіи и въ борьбѣ; при такихъ описаніяхъ и въ языкѣ чаще всего являются выраженія, заимствованныя изъ представленія борьбы въ мірѣ людей и животныхъ, напр., вѣтеръ *заревѣлъ*, *ударилъ;* туча черная *принахмурилась*, что задумалась: волны *яростно* зашумѣли, и проч. [1]). Итакъ мы знаемъ, какого рода можетъ быть изображеніе предметовъ, наблюдаемъ ли мы ихъ въ томъ или другомъ положеніи (описаніе), или въ ихъ дѣятельности (разсказъ), или въ какомъ-нибудь столкновеніи другъ съ другомъ (разговоръ). Но до-

[1]) Мы здѣсь не приводимъ особыхъ примѣровъ, изъ которыхъ и слѣдовало бы вывести наши замѣчанія объ изображеніи борьбы въ мірѣ животныхъ и предметовъ неодушевленныхъ; но мы полагаемъ, что воспитанники уже достаточно знакомы съ такими живыми описаніями природы по упражненіямъ въ предъидущихъ классахъ.

вольно ли только изображать предметы, довольно ли только наблюдать ихъ свойства и дѣйствія? Къ чему могли бы послужить эти наблюденія? — Къ тому, чтобы ознакомиться съ природой. — Въ томъ и вопросъ: можетъ ли это знакомство ограничиться одними наблюденіями надъ предметомъ? Передо мною лежатъ: стекло, кусокъ дерева и кусокъ желѣза. Я ударилъ молоткомъ по стеклу, оно тотчасъ разсыпалось въ дребезги; нужно было нѣсколько разъ ударить по дереву, чтобы оно раскололось; желѣзо же послѣ многихъ ударовъ, почти нисколько не измѣнилось. Этимъ я и окончу мое изображеніе? — Нѣтъ, я изъ этого сдѣлаю еще *заключеніе*, что желѣзо тверже стекла и дерева. — Вотъ, мы читали много разныхъ статей, замѣчали въ нихъ всѣ части и подробности: кончали ли мы этимъ нашъ разборъ? — Нѣтъ, мы дѣлали заключенія о мысли сочиненія, о характерѣ выставленныхъ лицъ, о разныхъ свойствахъ слога, о томъ, что можно назвать описаніемъ и повѣствованіемъ въ сочиненіи. — Дѣлать и излагать такіе выводы называется *разсуждать* о предметѣ. Слѣдовательно, кромѣ описанія и повѣствованія, что еще входитъ въ сочиненіе? — *Разсужденіе*. — Выводы и заключенія находятся во всякомъ сочиненіи; но всегда ли разсужденіе является, какъ особая часть? Напримѣръ, въ статьѣ о песцахъ, взятой нами изъ сочиненія Максимова, гдѣ вы находите выводы? — Описаніе того, какіе песцы бываютъ въ разное время года, есть выводъ изъ многихъ наблюденій надъ песцами; по разсказу объ обычаяхъ песцовъ тоже можно судить, что охотники много разъ ихъ замѣчали и, сдѣлавъ общее заключеніе о томъ, какъ песцы ходятъ на добычу, сообразно съ такимъ заключеніемъ, устроили и охоту за ними. — Слѣдовательно, тутъ надо различать заключенія самого автора и заключенія, по которымъ онъ заставляетъ дѣйствовать выведенныя имъ лица. Послѣдовательнымъ дѣйствіямъ всегда предшествуетъ цѣлый рядъ мыслей, изъ которыхъ однѣ представляютъ причину, а другія слѣдствіе, однѣ — основаніе, а другія — выводъ. Здѣсь не только охотникъ, но и песецъ разсуждаетъ и соображаетъ: чуя опасность, онъ разыскиваетъ ея причину; при приближеніи охотника, онъ бѣжитъ тише, припадаетъ къ землѣ (спрячусь въ снѣгѣ, такъ не увидятъ— умозаключеніе); когда охотникъ сворачиваетъ лошадь въ сторону, онъ пріободряется (ну, уѣхалъ, — значитъ, бѣда миновала). Но, чтобы представить всѣ дѣйствія песца и охотника, надо многія частныя наблюденія привести къ общему выводу; надо сказать:

въ этомъ случаѣ вотъ именно такъ дѣйствуетъ песецъ, такъ дѣйствуетъ охотникъ. Представляетъ ли авторъ все имъ описанное и разсказанное, какъ выводъ изъ многихъ частныхъ наблюденій?— Нѣтъ, это предполагается само собою: онъ только описываетъ и разсказываетъ. — Если мы примемъ за достовѣрные факты все, что здѣсь представлено, то какіе бы выводы мы сами могли сдѣлать на основаніи этихъ фактовъ, то есть, какъ можно бы обратить описаніе и разсказъ автора въ разсужденіе? — Мы могли бы сдѣлать такое разсужденіе. *Такъ какъ* песцы пріобрѣтаютъ свою красивую, бѣлую шерсть около Николина дня, *то и* охотиться за ними нужно послѣ этого времени. Песецъ, ища добычи, бѣжитъ къ рѣкѣ, *потому что* онъ питается рыбою. Ловить его можно западнею, или объѣзжая на лошади. Но песецъ очень остороженъ; *поэтому* не слѣдуетъ нападать на него вдругъ, а должно дѣлать видъ, будто ѣдешь въ сторону. При всей своей осторожности, онъ нс такъ догадливъ, какъ человѣкъ; *это видно изъ того*, что онъ остается неподвижнымъ, когда охотникъ долго около него объѣзжаетъ: онъ, *вѣроятно*, думаетъ, что ужъ куда ни кинешься, вездѣ встрѣтишь непріятеля; *еслибъ* онъ былъ посмѣлѣе, то, *можетъ*, не такъ легко дался бы въ руки. — Скажите еще, выставлены ли заключенія въ баснѣ Крылова: «Оселъ и Соловей»?—Нѣтъ, здѣсь одинъ разсказъ. — Однако этотъ разсказъ ведетъ ли къ какимъ-нибудь заключеніямъ? — Да, отсюда можно вывести, что не стоитъ передъ глупыми судьями выказывать своего таланта, что глупые судьи не въ состояніи оцѣнить талантливаго человѣка и только унизятъ его, поставивъ на одну степень съ какимъ-нибудь бездарнымъ крикуномъ, и т. д.—Изъ чего видно, что можно сдѣлать подобныя заключенія? — Изъ самаго разсказа, въ которомъ они скрыты; мы находимъ съ одной стороны подробное описаніе прекрасной пѣсни соловья, съ другой нелѣпыя выходки осла.—На какихъ же наблюденіяхъ основаны самое описаніе соловья и весь разсказъ? — На знаніи того, что́ бываетъ въ свѣтѣ: если прислушаться къ толкамъ людей, выдающихъ себя за знатоковъ, то и увидишь, что почти каждый судитъ по своимъ пріятельскимъ отношеніямъ къ другому: «а жаль, что не знакомъ ты съ *нашимъ* пѣтухомъ!» и проч. — Слѣдовательно, разсказъ Крылова уже есть самъ по себѣ выводъ; но не укажете ли такой изъ его басенъ, гдѣ мы находимъ рядомъ съ разсказомъ и разсужденіе? — Въ баснѣ «Щука и котъ», Крыловъ сначала представляетъ въ видѣ общихъ выводовъ то,

что́ потомъ подтверждаетъ въ частности примѣромъ кота и щуки. Басня его начинается такъ:

«Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ,
То дѣло не пойдетъ на ладъ» и проч.

— Приведемъ въ примѣръ еще разсужденіе. Мы говорили, что и описаніе и разсказъ знакомятъ насъ съ дѣйствительными свойствами предметовъ. Можно, пожалуй, описывать и разсказывать что-нибудь небывалое, вымышленное; но тогда наше изображеніе теряетъ всякой смыслъ. Но мы ничего не сказали о разговорѣ; узнаемъ ли мы изъ разговора истинные свойства предметовъ? — Безъ сомнѣнія; это уже ясно само собою. Разсказъ представляетъ предметъ въ дѣйствіи, въ борьбѣ. Въ дѣйствіи же полнѣе высказываются свойства предмета и всего полнѣе тамъ, гдѣ онъ является въ столкновеніи съ другимъ предметомъ, а минуты такого столкновенія и изображаются въ разговорѣ. Слѣдственно, разговоръ еще живѣе, чѣмъ описаніе и разсказъ, знакомитъ насъ со свойствами дѣйствующихъ лицъ. — Вывели ли вы это прямо изъ примѣровъ, изъ наблюденій?—Нѣтъ, болѣе изъ предъидущихъ знаній, основанныхъ на наблюденіяхъ. Мы знали, когда разсказъ переходитъ въ разговоръ и какъ въ разсказѣ выражаются свойства предмета. Отсюда легко заключить, какъ выражаются тѣже свойства предмета въ разговорѣ. — Слѣдовательно, въ разсужденіи основаніемъ для вывода служатъ не одни только наблюденія, но и сужденія, выведенныя изъ прежнихъ наблюденій. Однако нужно или нѣтъ повѣрять такіе выводы? — Конечно; напримѣръ, въ повѣсти Гоголя «Старосвѣтскіе помѣщики» характеръ Пульхеріи Ивановны мы всего лучше узнаемъ тамъ, гдѣ она сама высказываетъ свои чувства въ разговорахъ съ Афанасьемъ Ивановичемъ.—Повторимъ же все сказанное о разсужденіи. — Разсужденіемъ называется *обобщеніе нашихъ наблюденій* въ какомъ нибудь выводѣ. Но выводъ можно дѣлать и не прямо изъ фактовъ (т. е. точныхъ наблюденій), а изъ сужденій, составленныхъ прежде на основаніи фактовъ: тогда мы общее сужденіе примѣняемъ къ частному случаю. Въ сочиненіи авторъ представляетъ какъ свои разсужденія, такъ и разсужденія выведенныхъ имъ лицъ; но разсужденіе не всегда является, какъ особая часть сочиненія: оно можетъ скрываться въ описаніи и въ разсказѣ.

Мы видѣли, что въ описаніи, повѣствованіи и разсужденіи объясняются природныя свойства предмета; такое объясненіе предмета называютъ также его *характеристикой*. Скажите, что́ входитъ у Гоголя въ характеристику старосвѣтскихъ помѣщиковъ?—Описаніе ихъ жилища, ихъ наружности, ихъ ежедневныхъ занятій, наконецъ, разсказъ о событіяхъ, какія случались въ ихъ мелкой жизни, и объ ихъ смерти.—Какія же подробности въ описаніи или въ разсказѣ можно назвать *характеристичными?* — Тѣ, въ которыхъ мы находимъ свойства предмета, *отличающія* его отъ другихъ предметовъ.— Прочтемъ еще повѣсть Тургенева «Бѣжинъ лугъ» и объяснимъ, что́ есть въ ней характеристическаго.

Въ началѣ повѣсти Тургенева находимъ слѣдующія главныя части:

1. Описаніе іюльскаго дня въ ясную и тихую погоду.

2. Разсказъ о томъ, какъ авторъ, охотившись до поздней ночи, заблудился и въ глуши отыскивалъ дорогу.

3. Описаніе Бѣжина луга, къ которому онъ вышелъ; тутъ же разсказано о томъ, какъ на ночь выгоняютъ лошадей кормиться, и представлены: картина горѣвшаго костра, ночной видъ лѣса и холмовъ, дальняго неба, ближней рѣки, и проч.

4. Описаніе деревенскихъ мальчиковъ, которые, сидя около костра, стерегли лошадей (Ѳедя, Павлуша, Ильюша, Костя и Ваня).

Эти части составляютъ вступленіе: послѣ того слѣдуетъ бесѣда мальчиковъ между собою, гдѣ подъ вліяніемъ ночи они высказываютъ свой суевѣрный характеръ. Тутъ между другими подробностями выступаютъ: 1) разсказъ Ильюши о домовомъ, 2) разсказъ Кости о русалкѣ, 3) разсказъ Ильюши о барашкѣ на могилѣ утопленника, 4) удаль Павлуши, когда онъ одинъ бросился впередъ за лаявшими собаками, 5) разговоръ мальчиковъ о покойникахъ, 6) разсказъ Павлуши о солнечномъ затмѣніи, 7) разсказы Кости объ утопленникахъ, 8) разсказы о томъ, какъ Павлуша ходилъ на рѣку за водою.

Сначала обратимъ вниманіе въ этой повѣсти на нѣкоторыя описанія. Что характеристическаго въ описаніи іюльскаго дня? — Во-первыхъ, Тургеневъ разсматриваетъ предметъ въ главныхъ его *частяхъ*, описывая утро, полдень и вечеръ, при чемъ говоритъ о свѣтѣ солнца, о цвѣтѣ неба, о наружномъ видѣ облаковъ. Утромъ привѣтное солнце *мирно* всплываетъ *изъ-подъ узкой длинной тучки*, *свѣжо* просіяетъ и погрузится въ лиловый туманъ. Этимъ опредѣляется начало дня во время ровной и ясной погоды въ противуположность днямъ знойнымъ или бурнымъ. Къ полудню появляется множество *круглыхъ высокихъ* облаковъ съ *нѣжными бѣлыми* краями; на небосклонѣ они *сдвигаются*, *тѣснятся*. Цвѣтъ неба *легкій*, *блѣдно-лиловый*, *не измѣняется* во весь день. Къ вечеру облака исчезаютъ. Въ такіе дни краски всѣ *смягчены*, *свѣтлы*, но *не ярки;* въ сухомъ и чистомъ воздухѣ *пахнетъ полынью*, *сжатой рожью*, *гречихой*. Этими чертами также описана постоянная лѣтняя погода; изображая далѣе природу, авторъ съ точностію опредѣляетъ и мѣстность: *Черньскій уѣздъ*, *Тульской губерніи*. — А какъ описанъ горѣвшій костеръ?—Здѣсь также естественно взяты тѣ части предмета, которыя представлялись автору въ самой природѣ: сначала характеристично описано *круглое*, *красноватое* отраженіе пламени въ темнотѣ, мгновенные *отблески* свѣта, лошадиная голова, которая *вдругъ выставлялась* изъ надвинувшейся тьмы и *опять скрывалась;* потомъ авторъ изображаетъ то, что можно было разглядѣть или разслышать, сидя у костра. Вблизи все казалось *задернутымъ* почти *черной* завѣсой; далѣе *темными пятнами* смутно виднѣлись холмы и лѣса; изрѣдка въ близкой рѣкѣ *съ внезапною звучностью плеснетъ* большая рыба, и проч. — Слѣдовательно, при описаніи предмета, является *естественное*, *согласное съ природою* дѣленіе этого предмета на части и въ каждой части *новые свойственные* ей признаки, которые однако всѣ *сливаются* между собой *въ изображеніи цѣлаго*. Но кромѣ положенія предмета въ природѣ, отъ чего же зависитъ это изображеніе? — Отъ мысли автора, отъ того, какъ онъ наблюдаетъ предметъ. Въ первомъ описаніи авторъ избираетъ только то, что́ относится къ погодѣ, и такимъ образомъ обращаетъ все вниманіе на состояніе неба утромъ, въ полдень и вечеромъ, но онъ могъ бы при описаніи іюльскаго дня изобразить и видъ всѣхъ другихъ предметовъ въ природѣ: рѣки, лѣса, луговъ, и проч. Во второмъ описаніи изображенъ только общій видъ предметовъ ночью и при извѣстномъ условіи, т. е. когда смотришь на эти предметы, сидя подлѣ горящаго костра. Тутъ авторъ только слышитъ плескъ воды; но когда онъ еще находится на крутомъ холмѣ, тѣже предметы представлялись ему нѣсколько иначе: рѣка уходила отъ него *полукругомъ*, онъ видѣлъ ея *стальные отблески;* громадныя очертанія холма отдѣлялись, *черныя*, отъ *синеватой* воздушной пустоты; внизу *дымились* два огонька, около которыхъ *копошились* люди, *колебались* тѣни. — Слѣдовательно, авторъ *можетъ*

избирать при описаніи предмета *ту или другую сторону*, необходимую для его мысли, или вслѣдствіе извѣстной точки зрѣнія. Здѣсь одинъ и тотъ-же предметъ иногда можетъ явиться главнымъ, иногда второстепеннымъ, напримѣръ, костеръ, какъ онъ представлялся вблизи и вдали. Скажите, отчего, при описаніи песцовъ у Максимова, говорится преимущественно о шерсти этихъ животныхъ?—Здѣсь главный предметъ описаніе промысла, разсказъ объ охотѣ за песцами, а за ними и охотятся, чтобы добыть ихъ шерсть.— Обратимъ теперь вниманіе на то, какія части и признаки мы встрѣчаемъ у Тургенева при описаніи лицъ?—Здѣсь описаны *наружность* и *одежда* мальчиковъ. При описаніи наружности естественно представлены: волосы, глаза, ротъ, складъ головы, черты лица, и проч.— О всѣхъ ли этихъ частяхъ и свойствахъ говорится при изображеніи каждаго мальчика?—Нѣтъ, избрано только то, что́ въ каждомъ было болѣе всего *характеристичнаго*, въ чемъ болѣе всего выражался характеръ каждаго. Въ Ѳедѣ, въ мальчикѣ изъ богатой семьи, мы находимъ *тонкія черты* лица, *кудрявые бѣлокурые* волосы, *полуразсѣянную* улыбку; у Павлуши, напротивъ, волосы *всклоконенные*, скулы *широкіе*, лице *блѣдное*... у Ильюши лице *вытянутое*, *сдвинутыя* брови, и проч. Такъ въ одномъ выдается окладъ лица, въ другомъ объемъ головы; при описаніи одного упомянуто о бровяхъ, о скулахъ, при описаніи другаго объ этомъ вовсе не говорится.—Но ограничивается ли этимъ изображеніе характера?— Нѣтъ, описаніе наружнаго вида мальчиковъ находится въ связи съ тѣмъ, что потомъ каждый говоритъ и разсказываетъ. Такъ Ильюша, какъ самый забитый и суевѣрный изъ мальчиковъ, болѣе другихъ и толкуетъ о лѣшихъ, о домовыхъ, утопленникахъ. — А могъ ли здѣсь Тургеневъ избрать что нибудь другое для разсказа? — Да, онъ могъ бы представить воспитаніе каждаго изъ мальчиковъ, могъ бы поболѣе разсказать объ ихъ деревенскихъ занятіяхъ и проч. — Это однако не было его цѣлью: онъ только хотѣлъ *въ ночной бесѣдѣ* изобразить *суевѣрный характеръ* деревенскихъ дѣтей вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими ихъ свойствами: бѣдностью, забитостью, удалью, и проч. Сообразно съ этой цѣлію, онъ и представляетъ дѣтей, стерегущихъ табунъ около костра. Но зачѣмъ же здѣсь описаніе іюльскаго дня и іюльской ночи? — Теплая іюльская погода и ночная темнота содѣйствуютъ тому, что дѣти откровеннѣе высказываютъ всѣ свои впечатлѣнія и сильнѣе подвержены суевѣрному страху.—Въ связи съ этими описаніями находится еще небольшой

разсказъ о томъ, какъ блуждалъ авторъ. Какія здѣсь характеристичныя части?—Здѣсь естественно являются тѣ части, какія представляетъ самое происшествіе, то есть, борьба съ препятствіями заблудившагося въ глуши человѣка: онъ думаетъ найти дорогу, не узнаетъ мѣстности, по соображенію избираетъ новый путь, еще болѣе путается, пока случайно и неожиданно не попадаетъ на знакомое мѣсто, или не отыскиваетъ какого-нибудь пріюта. Авторъ сначала вмѣсто знакомой равнины съ дубовымъ лѣскомъ встрѣтилъ узкую долину. По сырой травѣ онъ переходитъ чрезъ нее на противоположный холмъ, гдѣ крутой стѣной возвышался частый осинникъ, и идетъ влѣво по холму: надъ деревьями носятся летучія мыши, *таинственно кружась и дрожа на смутно-ясномъ небѣ*. Обогнувъ лѣсъ, онъ надѣется увидѣть дорогу; но за лѣсомъ разстилались низкіе кусты и вдали пустынное поле. Кусты кажутся знакомыми, но тутъ опять ошибка Между тѣмъ все *чернѣетъ*, ночная птица *неслышно* и *низко* мчится на своихъ *мягкихъ* крыльяхъ и *пугливо* ныряетъ въ сторону, поле *неясно* бѣлѣетъ, шаги *глухо* отдаются въ *застывающемъ* воздухѣ. Взявши вправо, авторъ принимаетъ издали темный и круглый бугоръ за знакомую рощу; за бугромъ круглая лощина, на днѣ которой торчатъ нѣсколько большихъ бѣлыхъ камней. Въ ней до того было *глухо* и *нѣмо*, такъ *плоско*, такъ *уныло* висѣло надъ нею небо, что сердце сжалось; какой-то звѣрёкъ *слабо и жалобно пискнулъ* между камней. Авторъ спѣшитъ выбраться на бугоръ, идетъ уже на удачу и, вдругъ *очутившись надъ страшной бездной*, быстро отдернулъ занесенную ногу: съ высоты обрывистаго холма онъ наконецъ узнаетъ *Бѣжинъ лугъ*. Здѣсь завязкой служатъ постоянный обманъ чувствъ и встрѣча все съ новыми предметами, которые препятствуютъ отыскать дорогу; развязка неожиданная, какъ это естественно бываетъ съ человѣкомъ, который не знаетъ, куда идетъ. Самый разсказъ о блужданіи автора составляетъ одно цѣлое съ описаніемъ ночи: въ немъ между прочимъ представлено *обаяніе ночной темноты* и отчасти объясняется, *откуда происходилъ* тотъ ложный взглядъ на природу и тѣ суевѣрные страхи, какіе мы находимъ въ необразованныхъ, деревенскихъ дѣтяхъ.—И такъ, въ разсказѣ, какъ и въ описаніи, части опредѣляются *сущностью* самого предмета. Происшествіе можетъ быть *болѣе или менѣе сложно*, смотря по обстоятельствамъ, которыя составляютъ завязку; сюда относятся: то или другое положеніе дѣйствующаго лица (охотникъ блуждаетъ ночью, усталый: днемъ

онъ, можетъ, скорѣе узналъ бы мѣстность), препятствія, встрѣчаемыя въ борьбѣ (въ данномъ случаѣ обманъ чувствъ, производимый ночными предметами, и самые эти предметы), сила противодѣйствія, какую оказываетъ та или другая сторона (Пульхерія Ивановна покорно отдается смутившему ее призраку воображенія, и потому борьба не многосложна), и проч. *Въ характеристику событія* такимъ образомъ входятъ *всѣ тѣ свойства*, какія предметы оказываютъ *при взаимодѣйствіи другъ на друга:* разсказывая о своемъ блужданіи ночью, авторъ представляетъ, какъ его дѣйствія зависѣли отъ впечатлѣній, производимыхъ предметами, какъ онъ принялъ бугоръ за лѣсъ, какъ поспѣшилъ уйти изъ непріятной для него лощины, какъ одолѣвалъ препятствія, встрѣчавшіяся ему на пути, какъ испугалъ ночную птицу, и проч. Мы видѣли, что при описаніи предметъ является въ томъ или другомъ положеніи, смотря по избранной авторомъ точкѣ зрѣнія; но какъ различно бываетъ положеніе предмета, такъ различны и случаи, гдѣ онъ является въ столкновеніи съ другими предметами: Пульхерія Ивановна не та, когда она мирно споритъ съ Афанасіемъ Ивановичемъ, или занята угощеніемъ, и когда она приготовляется къ смерти; да и въ разсказѣ о самой ея смерти Гоголь могъ болѣе обратить вниманіе на то, какъ утвердилась и дѣйствовала въ ней мысль, что смерть на самомъ дѣлѣ приходила за нею: можетъ быть, даже въ кругу ея знакомыхъ нашелся бы человѣкъ, который бы объ этомъ съ нею поспорилъ, и тогда ей представился бы случай высказать свои понятія объ этомъ предметѣ. Слѣдовательно, и въ повѣствованіи, какъ въ описаніи, предметъ можетъ быть изображенъ съ той или съ другой стороны. Во всякомъ случаѣ, части должны быть *съ ясностію опредѣлены* и *раздѣлены* одна отъ другой такъ, чтобы общее не смѣшивалось съ частнымъ, главное съ второстепеннымъ. Костомаровъ, изображая, какъ у насъ въ старину ѣздили въ Россіи (Очеркъ домашней жизни великорусскаго народа стр. 119—125), сначала замѣчаетъ вообще, что бояринъ считалъ необходимымъ ѣздить для поддержанія своего достоинства; потомъ, приступая къ описанію лѣтней верховой ѣзды, онъ объясняетъ: 1) изъ чего дѣлались и какъ украшались сѣдла, чепракъ, попона; 2) какія были еще другія украшенія на лошади (узды съ серебряными ухватами, серебряныя цѣпочки, ожерелья, колокольчики, литавры). Послѣ этого онъ описываетъ и зимнюю ѣзду въ саняхъ и говоритъ: 1) какъ украшались сани и какую имѣли форму; 2) кто сопровождалъ боярина или царя при выѣздѣ. Изобразивъ, какъ ѣздили мужчины лѣтомъ и зимою, онъ переходитъ къ описанію женской ѣзды въ каптанахъ. Все это относилось къ обыкновеннымъ, ежедневнымъ выѣздамъ; далѣе разсказано о томъ, какъ отправлялись въ дальнюю дорогу, какъ путешествовали зимою и лѣтомъ. Здѣсь при раздѣленіи на части предметъ взятъ со всѣхъ сторонъ и, смотря по тѣмъ или другимъ его свойствамъ, происходитъ различное дѣленіе: 1) ѣзда обыкновенная, городская и путешествіе; 2) ѣзда лѣтняя и зимняя, ѣзда верхомъ и въ саняхъ; 3) во время лѣтняго путешествія, ѣзда въ повозкахъ и на лодкахъ; 4) ѣзда мужчинъ и женщинъ. Въ разсказѣ Гончарова о томъ, какъ ловили акулу (Фрегатъ Паллада, томъ II, стр. 454—459), послѣдовательно являются слѣдующія главныя части: 1) акула, висящая на крюкѣ; 2) какъ, обмотавъ веревкой, акулу вытащили на палубу; 3) какъ ее привязали къ гику; 4) новая борьба съ акулой, когда считая ее мертвою, сняли съ нея веревки и вынули колъ изъ пасти; 5) окончательное усмиреніе акулы. Здѣсь части ясно опредѣлены дѣйствіями лицъ, боровшихся съ акулой; въ каждую минуту борьбы предметъ различно выказываетъ свои свойства: это разностороннее изображеніе предмета въ дѣйствіи зависитъ отъ того, что акулу не вдругъ удалось умертвить, что борьба состояла изъ нѣсколькихъ эпизодовъ.

Мы объяснили, что при различной точкѣ зрѣнія предметъ представляется наблюдателю съ разныхъ сторонъ. Но въ этой точкѣ зрѣнія мы обратили вниманіе только *на положеніе предмета въ отношеніи къ наблюдателю:* автору разсказа «Бѣжинъ лугъ» предметы представлялись иначе, когда онъ наблюдалъ ихъ ночью; онъ изображалъ дѣйствія мальчиковъ, на сколько могъ за ними замѣчать, сидя у костра; Гончарову акула являлась въ другомъ видѣ, когда висѣла на крюкѣ, чѣмъ когда билась на палубѣ. Наблюдатель избираетъ *по необходимости* опредѣленную точку зрѣнія (при которой наблюдаетъ предметъ съ одной какой нибудь стороны), или можетъ избрать ее *добровольно*; но при этомъ онъ всегда *представляетъ себѣ не болѣе того*, что̀ видитъ передъ глазами. Это *внѣшнее наблюденіе* (внѣшнюю точку зрѣнія) надо различать отъ того представленія предмета, какое составляется вслѣдстіе извѣстнаго *душевнаго состоянія* наблюдателя, вслѣдствіе *тѣхъ понятій*, по которымъ онъ объясняетъ себѣ то, что̀ видитъ (т. е. внѣшнюю точку зрѣнія надо различать отъ внутренней, умственной, отъ нашего взгляда на предметъ). Нашъ умственный взглядъ можетъ

вполнѣ согласоваться съ внѣшнимъ наблюденіемъ: наблюдая предметъ съ одной стороны, мы можемъ иногда объяснить его односторонне, но все-таки согласно съ его природой. Но иногда представленіе предмета можетъ *совсѣмъ расходиться* съ его наблюденіемъ. Пульхерія Ивановна больше ничего не видѣла какъ то, что кошка отъ нея убѣжала, когда она ее ласкала; однако она *представила* себѣ, что кошка была призракъ. Гоголь же объясняетъ этотъ случай согласно съ природою кошки: она одичала въ лѣсу между дикими котами. Такъ и Тургеневъ изображаетъ тѣже самые предметы природы совершенно иначе, чѣмъ деревенскіе мальчики, которыхъ онъ выводитъ на сцену. Припомните, что́ они разсказываютъ? — Ильюша разсказываетъ слѣдующее. Когда онъ съ товарищами ночевалъ на фабрикѣ, вдругъ кто-то заходилъ надъ головами у колеса, такъ что доски затрещали; вода пошла, колесо завертѣлось; кто-то спустился съ лѣсницы, распахнулась дверь, форма у чана (черпальная сѣтка) зашевелилась, у другаго чана крюкъ снялся съ гвоздя да опять на гвоздь; кто-то закашлялъ, заперхалъ. — Что жъ? въ самомъ дѣлѣ все это видѣлъ и слышалъ Ильюша? — Можетъ, въ самомъ дѣлѣ кто-нибудь ходилъ по фабрикѣ; но испуганнымъ мальчикамъ все представилось въ необычайномъ видѣ, потому что они уже передъ тѣмъ толковали о домовыхъ: они и объяснили себѣ явленіемъ домоваго всѣ самыя простыя дѣйствія ходившаго человѣка. Суевѣрный Ильюша кое-что прибавилъ и отъ себя: онъ однако сознается, что самъ не видѣлъ домоваго. — Что еще разсказывали мальчики? — Костя разсказывалъ, какъ плотникъ Гаврило ночью задремалъ на дорогѣ и вдругъ услышалъ, что его кто-то зоветъ... смотритъ: русалка на вѣткѣ качается, вся свѣтленькая, бѣленькая... хохочетъ и его къ себѣ рукой манитъ. Гаврило съ трудомъ перекрестился (рука будто каменная, не ворочается), а русалка какъ заплачетъ, да зелеными волосами глаза утираетъ: «я убиваюсь, говоритъ, отъ того, что ты крестился, убивайся же и ты до конца дней». Съ тѣхъ поръ Гаврило все невеселый ходитъ. Ильюша еще передаетъ, какъ хмѣльной псарь Ермилъ взялъ ночью барашка съ могилы утопленника, какъ баба Ульяна ходила въ родительскую субботу на паперть, чтобъ узнать, кто умретъ въ томъ году, и увидѣла, что она сама шла по дорогѣ. «Да вѣдь она не умерла»! возразилъ Ѳедя... «А ты посмотри на нее, въ чемъ душа держится»... отвѣчалъ Ильюша. — Все это разскащики узнали по собственному наблюденію? — Нѣтъ,

они это слышали отъ старшихъ. — Да, они, какъ дѣти, вѣрятъ всему этому, тѣмъ болѣе, что подобные разсказы ласкаютъ ихъ воображеніе, удовлетворяютъ ихъ наклонности къ чудесному и возбуждаютъ ихъ любознательность. Но возможны ли при такомъ представленіи природы вѣрные выводы? Мы знаемъ, что разсужденіе ведетъ къ объясненію разныхъ свойствъ предмета; что же необходимо для правильнаго разсужденія? — Необходимо прежде всего точное наблюденіе предмета. — А въ разсказахъ мальчиковъ развѣ совсѣмъ нѣтъ вѣрныхъ наблюденій? — У нихъ правда смѣшана съ вымысломъ. Ильюша и слышалъ стукъ, да невѣрно объясняетъ себѣ его причину. — Обратимъ вниманіе, въ какомъ состояніи были лица, разсказывавшіе о себѣ всѣ эти чудеса? — Ильюша слышалъ домоваго ночью, находясь въ суевѣрномъ страхѣ; плотникъ Гаврило видѣлъ русалку тоже ночью, когда задремалъ въ лѣсу; псарь Ермилъ былъ хмѣльнымъ, когда нашелъ чудеснаго барашка; баба Ульяна больная ходила на паперть. — Въ такомъ положеніи люди, конечно, могутъ вообразить, что́ угодно. Здѣсь наблюденія *были обманчивы* и *выводъ невѣрный*, потому что каждому дѣйствію приписана *ложная причина* или, лучше сказать, *слѣдствіе принято за причину*. Плотникъ Гаврило не отъ того сталъ задумчивъ, что видѣлъ русалку, а напротивъ его болѣзненная задумчивость (меланхолія) и была причиною, что ему въ дремотѣ грезились привидѣнія. Русалка все таки явилась ему бѣленькая, свѣтленькая, съ зелеными волосами, — словомъ такою, какою, при лунномъ свѣтѣ, напримѣръ, могла быть хоть береза; подобно этому, слѣдуя разсказу мужика, Ильюша описывалъ лѣшаго: «большой, темный, скутанный эдакъ, словно за деревомъ, хорошенько не разберешь.» А Гаврило почти спалъ: рука, какъ это бываетъ въ полуснѣ, у него отяжелѣла. Точно также больная Ульяна уже *думала* о смерти, когда ходила на паперть: послѣ долгаго ожиданія, ей и могло пригрезиться, что она сама идетъ по дорогѣ. Но отчего же именно такія, а не другія фантазіи приходили въ голову этимъ людямъ? — Имъ съ малолѣтства натолковали о домовыхъ, о русалкахъ, о лѣшихъ. — Да, тутъ сохраняются старинныя вѣрованія, дорогія народу. Домовыя, русалки, лѣшіе прежде были божествами, которымъ народъ поклонялся; но послѣ принятія христіанства, они большею частію обратились въ злыхъ духовъ, и теперь служатъ только къ тому, чтобы тревожить народъ суевѣрными страхами. Человѣкъ естественно ищетъ объясненія всякому явленію

природы, всякому своему чувству; но, оставаясь въ полномъ невѣжествѣ, народъ нашъ не можетъ найти на все, что́ его занимаетъ, другихъ объясненій, кромѣ тѣхъ, какія завѣщали ему отцы и дѣды. Откуда деревенскому мальчику узнать истину, когда ежедневно пустыми бреднями искажаютъ его здоровое чувство! По разсказу Павлуши, во время солнечнаго затмѣнія, одна баба ухватомъ перебила всѣ горшки въ печи: «кому теперь ѣсть, наступило свѣтопредставленье»; ходили слухи, что бѣлые волки побѣгутъ по землѣ, и бочара Вавилу, который, надѣвъ новый жбанъ на голову, шелъ по дорогѣ, издали приняли за антихриста. «Баринъ-то нашъ, говоритъ Павлуша, хотя и толковалъ намъ напредки, что, дескать, будетъ вамъ предвидѣнье, а какъ затемнѣло, самъ говорятъ, такъ перетрусился, что на́-поди». — При такомъ состояніи души и при такихъ понятіяхъ возможно ли правильное разсужденіе? — Нѣтъ, послѣ разсказа Ильюши, услышавъ какой-то крикъ въ лѣсу, всѣ мальчики вздрогнули и, казалось, ожидали появленія нечистой силы; крикъ лягушекъ они принимаютъ за жалобы утопленника; голубка, пролетѣвшаго надъ огнемъ, за праведную душу. — Но какъ же люди могутъ оставаться постоянно въ заблужденіи и вѣрить тому, чего вовсе нѣтъ въ природѣ? Вѣдь крестьяне смѣялись надъ своей ошибкой, принявъ бочара Вавилу за привидѣніе; также и деревенскіе мальчики постоянно убѣждаются, что ихъ страхи были напрасны, что ни при лѣсномъ звукѣ, ни при томъ случаѣ, когда собаки залаяли, никакой нечистой силы не являлось. Развѣ трудно разсудить, что того и не бываетъ на свѣтѣ, чему противорѣчитъ ежедневный опытъ? — Они и разсуждаютъ. Послѣ разсказа Кости, Ѳедя замѣчаетъ по своему несообразность слышаннаго: какъ лѣсная нечисть могла испортить Гаврилу... вѣдь онъ ея не послушалъ. Но на это одинъ отвѣтъ: вотъ поди ты! И Павлуша спрашиваетъ съ сомнѣніемъ: «зачѣмъ бы эта погань развелась на свѣтѣ»? «Не бранись: услышатъ!» отвѣчалъ ему Илья на это. — Въ Павлушѣ лучше всего видно, какъ и самаго толковаго мальчика наконецъ собьютъ съ толку привидѣніями да чудесами. Павлуша одаренъ отъ природы здравымъ смысломъ, быстрымъ соображеніемъ и большею отвагой: это способная, энергическая натура. Когда мальчики перепугались ночнаго звука, онъ съ неудовольствіемъ на нихъ прикрикнулъ: «Эхъ вы, вороны! чего всполохнулись? Посмотрите-ка, — картошки сварились.» Промелькнулъ голубь надъ костромъ, онъ тотчасъ же даетъ этому случаю естественное объясненіе: знать, отъ дому отбился. Онъ узнаетъ крикъ цапли и успокоиваетъ встревоженнаго Костю; разсказываютъ мальчики о жалобахъ утопленника, Павлуша и тутъ замѣчаетъ: «а то, говорятъ, есть такія лягушки махонькія, что жалобно кричатъ.» Онъ съ видимымъ удовольствіемъ пересказываетъ, какихъ глупостей надѣлали крестьяне, испугавшись солнечнаго затмѣнія. Умъ Павлуши ищетъ ясныхъ представленій, основанныхъ на опытѣ и наблюденіи, и явно чуждается всего таинственнаго, загадочнаго; онъ близко знакомъ съ природою и не боится привидѣній. Но и Павлуша, видя, что всѣ его товарищи крѣпко вѣрятъ во всякіе ночные призраки, колеблется, начинаетъ убѣждаться: видно, ужъ это правда, когда всѣ такъ говорятъ, — и наконецъ когда пошелъ къ рѣкѣ зачерпнуть воды, то подъ обаяніемъ ночи слышитъ голосъ утопленника Васи. Павлуша готовъ сомнѣваться, когда его, напримѣръ, заставятъ цаплю или лягушку принять за привидѣніе; но онъ уже не въ силахъ объяснить и повѣрить другими наблюденіями, какимъ образомъ въ его слухѣ, который былъ возбужденъ ночною тишиною и разсказами о водяныхъ, могъ на самомъ дѣлѣ раздаться небывалый голосъ Васи: Павлуша совершенно не знаетъ того закона, по которому старинныя впечатлѣнія, если ничто имъ не препятствуетъ, могутъ возобновляться въ нашихъ органахъ и, совершенно углубившись въ мысли о какомъ нибудь отсутствующемъ лицѣ, мы иногда можемъ услышать его голосъ, или что-то, подобное его голосу. — Изъ всего этого видно, что *для вѣрныхъ выводовъ* необходимо *не только точное наблюденіе и знаніе отдѣльныхъ явленій природы, но и ясное понятіе объ ихъ связи между собою, и общее вѣрное понятіе о природѣ.*

2. Черты, составляющія характеристику предмета; опредѣленіе сочиненія.

(Разборъ стихотворенія «Пророкъ» — Пушкина и Лермонтова).

Объяснивъ себѣ, въ чемъ заключается характеристика предмета, мы вникнемъ въ главнѣйшія черты, ее составляющія. Мы знаемъ, что въ изображеніи предмета *общее* надо отличать отъ *частнаго.* Что будетъ, напримѣръ, *общимъ* въ изображеніи природы? — Небо, воздухъ, земля съ ея растеніями, животными и ископаемыми. — Конечно, небо есть вездѣ; но, когда мы обозначаемъ извѣстную мѣстность, довольно ли одного общаго изображенія? — Нѣтъ, сюда вхо-

дятъ: извѣстный цвѣтъ неба, извѣстная прозрачность воздуха, то или другое сіяніе луны и звѣздъ, свѣтъ неба утромъ, въ полдень и вечеромъ,—словомъ все, что зависитъ отъ климата, отъ положенія данной мѣстности.—Слѣдовательно, въ опредѣленіи предмета здѣсь черты *общія* сливаются съ *мѣстными* и *особенными*. Находимъ ли мы это въ описаніи степи у Гоголя? — Да; всякая степь простирается на большое пространство, можетъ быть песчанная, или покрытая высокими травами, можетъ служить мѣстомъ жилища для разныхъ дикихъ животныхъ: это черты *общія;* но Гоголь при этомъ опредѣляетъ извѣстную географическую мѣстность, описываетъ тѣ, а не другія растенія, тѣхъ, а не другихъ животныхъ. Такъ и въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ, ракитовъ кустъ, ивушка, береза, рябина, кукушка, воронъ, ласточка, лебедь и тому подобныя растенія и животныя обозначаютъ *русскую* природу. — Чѣмъ *опредѣленнѣе* выставлены эти *мѣстныя особенности типа*, тѣмъ *характеристичнѣе* изображеніе предмета. Но въ характеристику лицъ входятъ ли мѣстныя черты? — Конечно. Вездѣ есть старые люди, живущіе укромно, вдали отъ свѣта; но Гоголь, кромѣ этого общаго изображенія старыхъ, добродушныхъ людей, имѣлъ еще въ виду представить извѣстное *сословіе*, *живущее въ Россіи*, то есть, помѣщиковъ, и притомъ *малорусскихъ* помѣщиковъ: Афанасій Ивановичъ могъ въ такомъ изобиліи насыщаться арбузами, дынями и другими плодами, только живя въ *Малороссіи*. — Какъ же назвать общія черты въ изображеніи характеровъ? — Это будутъ черты, общія всѣмъ людямъ, къ какому бы народу они ни принадлежали. — Онѣ и называются чертами *общечеловѣческими*.—Что общечеловѣческаго въ повѣсти Тургенева: «Бѣжинъ лугъ»? — Общій характеръ суевѣрныхъ мальчиковъ, выросшихъ безъ всякаго образованія: тутъ представлено, какъ ночная темнота и суевѣрный страхъ дѣйствуютъ на воображеніе. Павлуша отъ природы болѣе смѣлый мальчикъ и потому старается побѣдить въ себѣ этотъ страхъ; напротивъ Ильюша совершенно ему отдается, только иначе, чѣмъ Костя: Костя боязливый, задумчивый ребенокъ и легко подчиняется мнѣнію другихъ, а въ Ильюшѣ мы видимъ самолюбіе, съ какимъ онъ хочетъ прихвастнуть своимъ знаніемъ духовъ и привидѣній. Вѣрованіе въ домовыхъ, лѣшихъ, въ водяныхъ, въ русалокъ составляетъ уже черты *мѣстныя*. Тургеневъ именно представляетъ, какъ народъ толкуетъ обо всемъ этомъ въ Орловской губерніи.—Вы различили характеры Павлуши, Ильюши, Кости. Если взять каждый характеръ отдѣльно,

то какія черты можно здѣсь замѣтить, кромѣ общечеловѣческихъ?— Черты, свойственныя каждому въ отдѣльности. — То есть, черты *личныя*.—Опредѣлите точнѣе эти черты въ разсказѣ Тургенева.— Въ Ѳедѣ и наружность, и одежда, и рѣчь обличали мальчика *изъ достаточной семьи:* онъ отличался *тонкими* чертами лица, былъ одѣтъ въ *пеструю ситцевую* рубаху и въ *новый* армячокъ. Онъ говорилъ съ другими мальчиками нѣсколько *покровительственнымъ* тономъ, (особенно съ Ильюшей) и вызывалъ ихъ на разсказы, чтобы чѣмъ-нибудь *поразвлечься*. Павлуша былъ некрасивъ собою, *неуклюжъ*, съ волосами *всклоченными*, съ *широкими* скулами; но въ лицѣ его выражались умъ и энергія. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ бѣдныхъ дѣтей, носилъ *простую замасленную* рубаху и *заплатанныя* порты, жилъ въ нуждѣ, какъ видно, много пришлось испытать ему; оттого онъ *отважнѣе* другихъ и *ближе знакомъ* съ природою; онъ готовъ вѣрить въ привидѣнія, но тамъ, гдѣ нужно дѣйствовать, не поддается суевѣрному страху. Въ Ильюшѣ мы видимъ *тупаго*, *забитаго* мальчика съ лицомъ *подслѣповатымъ*, со *сдвинутыми* бровями и проч. Его *желтые* волосы торчатъ острыми косицами изъ подъ войлочной шапочки; онъ въ *новыхъ* лаптяхъ и онучахъ и въ *опрятной*, *черной* свиткѣ. Какъ видно, объ немъ заботились; но заботились такъ, что онъ совсѣмъ *погрязъ и отупѣлъ въ предразсудкахъ:* отъ природы онъ воспріимчивъ, обладаетъ хорошею памятью; но при маленькомъ умѣ въ немъ развилось только мелкое самолюбіе. Костя, *худой*, съ лицомъ, *заостреннымъ книзу*, какъ у бѣлки, отличался своими *большими*, *черными* глазами: онъ очень неразвитъ, робокъ и нѣсколько наклоненъ къ мечтательности. Наконецъ Ваня, мальчикъ *лѣтъ семи*, все время *спитъ* и просыпается только чтобы думать *о пряникахъ*.—Мы разсмотрѣли здѣсь *личныя* черты въ характерахъ, которыми отличается каждое лице, взятое въ отдѣльности. Выражаются ли эти личныя черты и во всѣхъ словахъ и дѣйствіяхъ мальчиковъ?—Да; напримѣръ, Ильюша вездѣ выдаетъ себя за знатока въ дѣлѣ духовъ и привидѣній, и говоритъ съ полной увѣренностью; въ словахъ Павлуши видна насмѣшка, задумчивый Костя болѣе увлекается своимъ чувствомъ.— Мы видимъ, что эти черты нераздѣльно соединены съ общечеловѣческими, на которыя мы прежде указали. Каждый мальчикъ разсказываетъ о тѣхъ же предметахъ соотвѣтственно своему природному характеру и развитію. Но откуда заимствовали мальчики всѣ эти разсказы о домовыхъ, о лѣшихъ, о русалкахъ? сами ли они

ихъ выдумали? — Они только немного прикрасили ихъ своимъ воображеніемъ, а слышать они ихъ слышали отъ отцовъ, отъ старшихъ. — А отцы отъ кого все это узнали? — По преданію, отъ предковъ. — Слѣдовательно, такіе разсказы переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію *въ народѣ* и вездѣ имъ одинаково вѣрили: у нѣмцевъ, у французовъ, у англичанъ есть подобныя же преданія; но каждый народъ представляетъ природу по своему (такъ какъ самая природа различна); потому и олицетворяетъ по своему, въ видѣ разныхъ небывалыхъ существъ, ея силы. Какъ у отдѣльныхъ лицъ, такъ и у каждаго народа, въ этомъ выражается свой особый характеръ. Подробности, съ которыми, въ повѣсти «Бѣжинъ Лугъ», описаны лѣшіе, домовые, русалки, принадлежатъ русскому народу; какъ же назвать ихъ? — Ихъ можно назвать русскими *народными* чертами. — Это русскія *народныя* черты, на сколько въ нихъ выражаются русскій умъ, русская природа. Но если мы будемъ разсматривать *весь народъ въ цѣлости*, а не одно простонародье, то увидимъ, что въ немъ не всѣ люди одинаково заражены суевѣрными страхами: въ немъ есть классы людей, которые совсѣмъ не вѣрятъ въ духовъ и привидѣній, другіе вѣрятъ наполовину, третьи къ своимъ суевѣріямъ примѣшиваютъ религіозныя вѣрованія, какъ, напримѣръ, юродивые, кликушки; третьи примѣняютъ суевѣрный взглядъ къ своимъ занятіямъ торговлею, или, какъ городничій у Гоголя, по нелѣпому сну судятъ о пріѣздѣ начальника-ревизора. Каждый измѣняетъ свои представленія о предметахъ согласно со своимъ образомъ жизни. А отчего зависитъ образъ жизни у человѣка? — Отъ его воспитанія и отъ его занятій. — По кругу своихъ занятій, по своему рожденію и воспитанію, человѣкъ принадлежитъ къ *извѣстному обществу:* тутъ на него имѣютъ вліяніе люди, которые его постоянно окружаютъ, съ которыми онъ чаще всего сходился въ жизни. Вы, конечно, отличите купца отъ чиновника, чиновника отъ фабриканта, женщину свѣтскую отъ скромной хозяйки, швею отъ обыкновенной горничной или кухарки, лакея знатныхъ господъ отъ какого нибудь Тришки изъ басни Крылова, не только по наружности и одеждѣ, но и по нѣкоторымъ свойственнымъ имъ однимъ привычкамъ и понятіямъ. Въ школьномъ товариществѣ есть свои понятія, и вы часто имѣете случай наблюдать, какъ новичокъ, только что прибывшій изъ дому, поражаетъ васъ своими поступками, своимъ особымъ взглядомъ на предметы, а потомъ постепенно подчиняется вашему вліянію и измѣняетъ свои прежнія привычки и наклонности.

Тутъ уже видно, какъ дѣйствуетъ на него *общество*, посреди котораго онъ живетъ; слѣдовательно съ народными чертами въ характерѣ сливаются черты *общественныя*. Съ чѣмъ же соединяются суевѣрныя представленія мальчиковъ у Тургенева? — Съ образомъ ихъ жизни: съ ихъ сельскимъ трудомъ, съ деревенскою удалью, съ бѣдностью или забитостью, какія свойственны необразованному классу крестьянъ. Тутъ мы находимъ не просто народныя свойства, а и свойства, принадлежащія деревенскому обществу. — Приведемъ теперь въ порядокъ все, что мы сказали. При характеристикѣ человѣка, мы обращаемъ вниманіе на его *общія природныя свойства*, съ которыми онъ всегда остается *человѣкомъ*, то есть извѣстнымъ произведеніемъ природы, въ какихъ бы обстоятельствахъ мы его ни изображали. Это будутъ *общечеловѣческія* свойства. Не взявъ ихъ во вниманіе, мы представили бы небывалый, невозможный характеръ: намъ никто-бы, напримѣръ, не повѣрилъ, если-бы мы вздумали разсказывать, что человѣкъ глупый вдругъ, послѣ одного случая жизни, обратился въ умницу, что у кого-нибудь выросли крылья и перья, и онъ сталъ летать, что тотъ, кто всю свою жизнь всякими неправдами добывалъ себѣ деньги, былъ благодѣтелемъ ближнихъ, и т. д. Каждый разъ, какъ мы изображаемъ и объясняемъ какой-нибудь случай въ жизни человѣка, мы должны подумать: можетъ-ли такъ случиться по общимъ свойствамъ человѣческой природы. Но съ одними общечеловѣческими чертами характеръ вышелъ бы безцвѣтный, неопредѣленный, въ родѣ оглавленія книги, содержаніе которой намъ еще совсѣмъ неизвѣстно. Мы хотимъ видѣть не только человѣка вообще, а извѣстную личность, то есть знать, какъ эти общія свойства природы выражаются въ каждомъ отдѣльномъ существѣ. Личныя же черты опредѣляются развитіемъ человѣка въ извѣстномъ мѣстѣ, посреди извѣстнаго народа и общества. Такъ съ чертами *общечеловѣческими* въ изображеніи характера нераздѣльно сливаются черты *личныя*, *народныя*, *общественныя* и *мѣстныя.* Мы здѣсь только искуственно ихъ различаемъ, а на дѣлѣ *одна и таже черта* выражаетъ всего человѣка со всѣми его свойствами. Когда Павлуша вернулся съ рѣки и, помолчавъ, говоритъ: «А что, ребята? неладно дѣло: я Васинъ голосъ слышалъ,» — то тутъ вы видите и общечеловѣческое свойство, по которому дѣйствуетъ воображеніе, настроенное разсказами о чудесномъ, и личное свойство Павлуши (онъ говоритъ это безъ выраженія особеннаго страха, тогда какъ другіе дрожатъ), и народное вѣрованіе въ во-

дяныхъ и мѣстное повѣрье о погибшемъ Васѣ, и крестьянскую неразвитость. Однако нѣкоторыя черты могутъ яснѣе выдаваться въ подобномъ типѣ (типомъ называется такое представленіе предмета, гдѣ сливаются его отличительныя свойства) и мы говоримъ: типъ общественный, типъ народный, оригинальная личность, и проч.— Мы не коснулись еще одной стороны, на которую также можно обратить вниманіе при опредѣленіи характера. Мы разсматривали человѣка, какъ лице, принадлежащее извѣстному *мѣсту;* но развитіе человѣка зависитъ также отъ *времени*, въ которое онъ живетъ. Костомаровъ разсказываетъ, что въ старину знатные люди считали неприличнымъ сдѣлать даже нѣсколько шаговъ пѣшкомъ; ѣздя верхомъ, подъ морду лошади подвѣшивали ожерелья съ серебряными и золотыми бляхами, на ногахъ лошади прицѣпляли колокольчики; когда господинъ выѣзжалъ въ саняхъ, то у ногъ его на саняхъ становились два холопа, а сзади бѣжалъ мальчикъ-казакъ; женщины ѣздили въ закрытыхъ со всѣхъ сторонъ колымагахъ или каптанахъ. Теперь эти обычаи измѣнились и того, кто вздумалъ бы проѣхаться верхомъ на лошади, украшенной колокольчиками и литаврами, осмѣяли-бы. Народъ и общество измѣняются, пріобрѣтая вмѣстѣ съ образованіемъ новыя понятія, новыя привычки. Встарину женихъ до самаго дня свадьбы не могъ ни разу видѣть своей невѣсты; въ праздничные дни главною забавою у насъ были кулачные и палочные бои, въ болѣзняхъ всѣ безъ исключенія совѣтовались со знахарями и чародѣями, и т. д. Теперь это болѣе или менѣе вышло изъ обычая. Если мы разсказываемъ, какъ жили люди въ прежнее время, или и при описаніи настоящей жизни указываемъ на ея связь съ прошедшимъ, то такія описанія и разсказы называются *историческими.* Въ тѣсномъ смыслѣ *историческимъ* называется изображеніе такихъ лицъ и событій, которыя чѣмъ-либо остались памятны народу, имѣли болѣе или менѣе вліянія на общество. Разсказы о Пугачевѣ въ повѣсти Пушкина «Капитанская дочка» принадлежатъ къ чертамъ историческимъ. Мы видимъ изъ этого, что, при изображеніи характеровъ, черты личныя, народныя, общественныя, мѣстныя могутъ также являться чертами *историческими.* Просмотримъ теперь всѣ эти черты въ другихъ разобранныхъ нами статьяхъ. Есть ли что-нибудь народнаго въ типахъ Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны? — Въ нихъ также отчасти находимъ народное суевѣріе. — Въ нихъ болѣе выражается безпечность, флегма, въ какую при случаѣ способенъ впасть русскій человѣкъ и какую нерѣдко встрѣчаемъ въ малороссійскомъ характерѣ, чего причины надо искать въ дѣйствіи самой природы и въ разныхъ историческихъ обстоятельствахъ. Но съ другой стороны чѣмъ объясняется эта безпечность?— Тѣмъ, что они были необразованы и не знали нужды, которая заставляла бы ихъ трудиться.—То есть, *самыя обстоятельства жизни* не вызывали ихъ къ умственной дѣятельности, а воспитаніе также не пробудило въ нихъ никакихъ душевныхъ стремленій. Гоголь здѣсь рисуетъ намъ типъ тѣхъ безпечныхъ помѣщиковъ, которые встарину все управленіе имѣніемъ предоставляли прикащику и довольствовались доходомъ, добытымъ безъ всякаго труда, которые мирно погружались въ сладкую дремоту, между сномъ и ѣдою, увѣренные, что ничто не измѣнится въ ихъ обыденной жизни. Хлопотать, заботиться о своей пользѣ и о пользѣ другихъ, вѣчно раздумывать о цѣли своихъ дѣйствій и пріискивать средства къ ея достиженію, имъ не было ни нужды, ни охоты; ихъ положеніе въ обществѣ было напередъ опредѣлено и обезпечено, а честолюбіемъ они нисколько не увлекались. Такъ, дорожа больше всего покоемъ, они жили совершенно согласно съ обстоятельствами, въ которыя поставила ихъ судьба. Суевѣріе, о которомъ мы говорили, также примѣняется къ этому самому положенію: оно происходитъ изъ страха, чтобы что-нибудь не измѣнилось въ ихъ привычномъ образѣ жизни, слѣдовательно здѣсь болѣе всего выступаютъ *черты общественныя,* — черты, которыя опредѣляютъ человѣка по его воспитанію и положенію въ обществѣ. Пульхерія Ивановна, вѣроятно, съ самаго дѣтства жила въ деревнѣ; ее кормили также усердно, какъ она потомъ стала кормить другихъ; ей прислуживала лѣнивая дворня, забавляя ее разсказами о домовыхъ и вѣдьмахъ; книгъ она никакихъ не читала, а если и читала, то развѣ пустенькіе романы, которые не оставили въ ея душѣ другаго слѣда, кромѣ небольшой раздражительности нервовъ; выросши, она всею душою предалась соленію и сушенію,— вотъ единственная наука, которая была для нея возможна въ окружающей ее жизни. Но если все это черты общественныя, то въ чемъ же тутъ будутъ заключаться черты личныя? — Въ тѣхъ особенныхъ рѣчахъ и поступкахъ, которые исключительно свойственны Афанасію Ивановичу и Пульхеріи Ивановнѣ. — Да, изображая *живое лице*, мы должны указать не только черты типа, къ которому оно принадлежитъ, но и свойства этого лица, *какъ отдѣльнаго человѣка.* Пульхерія Ивановна передъ смертію заклинаетъ Явдоху заботиться о ея супругѣ и совѣтуетъ ей сшить ему новый халатъ изъ ея вѣн-

чальнаго платья. Тутъ естественно выражается забота умирающей, какъ это бываетъ *у всякаго человѣка;* но кромѣ этого мы видимъ обычай *русской* старины завѣщать изъ рода въ родъ свое платье, какъ особую драгоцѣнность, черты *русской* хозяйки, которая убѣждаетъ своихъ людей служить вѣрно, грозя, что и послѣ смерти придетъ за ними присматривать; еще тѣснѣе типъ обозначается тѣмъ, что Пульхерія Ивановна не считаетъ своего мужа способнымъ заботиться самому о своихъ дѣлахъ, и предвидитъ, что Афанасій Иваноричъ безъ нея совсѣмъ опустится; наконецъ ея личность видна въ самомъ способѣ выраженія, въ тѣхъ, а не другихъ словахъ, которыя она употребляетъ. Изъ этого мы можемъ заключить, что черты *личныя* обнимаютъ всего человѣка, заключаясь, какъ въ общихъ, такъ и въ самыхъ частныхъ его свойствахъ. Живой человѣкъ ходитъ, говоритъ, дѣйствуетъ такъ, что даже между самыми сходными съ нимъ характерами вы его отличите. Какія свойства еще можно указать въ пѣсни: «Ахъ ты поле мое, поле чистое»? — Эта пѣснь *народная* и въ ней мы находимъ сначала изображеніе *русской* природы, потомъ въ судьбѣ добраго молодца представлено именно то, что чаще всего случалось встарину: онъ погибаетъ въ борьбѣ съ врагами и родные оплакиваютъ трупъ его въ чистомъ полѣ. Здѣсь не сказано, въ какой битвѣ погибъ молодецъ и съ кѣмъ онъ сражался; но русскіе постоянно вели войны съ сосѣдними народами и *смерть среди поля чистаго*, въ представленіи народа, стала общею *исторической* чертою.

Мы объясняли, какъ въ изображеніе предмета входитъ дѣленіе его на части и точная его характеристика по тѣмъ или другимъ отличительнымъ признакамъ. При этомъ мы замѣтили, что можно изобразить предметъ съ той или другой стороны, согласно извѣстной точки зрѣнія; точку зрѣнія частію указываетъ самый предметъ и цѣль автора при его изображеніи, совершенно независимая отъ личнаго взгляда, частію этотъ личный взглядъ, въ которомъ выражается способъ пониманія предмета. Предметъ можетъ представляться различно. Уже описаніе частей предмета и его качествъ, или разсказъ о его дѣйствіяхъ и бывшихъ съ нимъ перемѣнахъ, или отдѣльное изображеніе выводовъ, какіе можно сдѣлать изъ нашихъ надъ нимъ наблюденій, составляютъ различную точку зрѣнія. Въ описаніи, при чисто внѣшней точкѣ зрѣнія, мы можемъ представлять предметъ со многихъ сторонъ, и такимъ образомъ выступаютъ на видъ тѣ или другія его части. Одинъ и тотъ же городъ, лежащій

у рѣки и окруженный горами, имѣетъ различный видъ, смотримъ ли мы на него со стороны рѣки, или съ горъ; или мы можемъ выбрать точкою зрѣнія какой нибудь видный предметъ въ срединѣ города (главная площадь, соборъ и проч.) и отсюда описывать его расположеніе въ разные стороны: здѣсь ничего нельзя опредѣлить напередъ и все зависитъ отъ положенія предмета въ самой дѣйствительности. Далѣе, сообразно съ нашею цѣлію мы можемъ выбрать только нѣкоторыя части въ описаніи, напримѣръ, описать одни укрѣпленія города, или находящіяся въ немъ древности, или только гавань съ ея движеніемъ. Тутъ, конечно, самый предметъ указываетъ на то, что въ немъ преобладаетъ и заслуживаетъ особеннаго вниманія. Но иногда, напримѣръ, городъ можетъ быть замѣчателенъ и какъ крѣпость и какъ торговый портъ и по своимъ древностямъ: мы можемъ по своему выбору описать то или другое, или представить предметъ вполнѣ. Согласно съ выборомъ разныхъ частей въ описаніи, мы представляемъ и различную дѣятельность предмета: въ городѣ или его промышленность, или торговлю, или нравы жителей, и т. д. Наши выводы точно также касаются разныхъ сторонъ, которыя мы изображаемъ. При изображеніи людей и ихъ дѣятельности, смотря потому, на какія черты авторъ болѣе обращаетъ вниманія, или какія черты преобладаютъ въ его собственномъ характерѣ, можно различать точку зрѣнія *общечеловѣческую*, *народную* и *общественную*. Общечеловѣческая точка зрѣнія (т. е. когда мы судимъ о людяхъ по общимъ свойствамъ ихъ природы) сама по себѣ не ведетъ къ разъясненію характера, потому что тутъ мы избираемъ черты, безразлично примѣняемыя ко многимъ людямъ; но она необходима для правильной оцѣнки всѣхъ дѣйствій отдѣльнаго лица: судя о немъ, мы должны опираться на тѣ знанія, какія извлекаемъ изъ разнообразнаго опыта, изъ наблюденій надъ людьми разныхъ сословій и разныхъ народностей. Въ общечеловѣческой точкѣ зрѣнія мы ищемъ во-первыхъ *согласія съ природой* человѣка, во-вторыхъ *согласія съ разумными основаніями и требованіями этой природы*, по которымъ мы, напримѣръ, не будемъ выражать сочувствія къ взяточничеству, хотя оно и является естественнымъ и даже необходимымъ явленіемъ въ извѣстномъ состояніи человѣка. Вслѣдствіе этого и въ *народной точкѣ* зрѣнія мы хотимъ видѣть любовь къ народу и вѣрное его пониманье, при которыхъ всѣ черты народной жизни выступаютъ передъ нами *въ истинномъ свѣтѣ*, а не тотъ узкій взглядъ, какой происходитъ отъ пристрастія къ народ-

нымъ суевѣріямъ и предразсудкамъ. Что касается *народной личности* въ самомъ писателѣ, то тутъ мы разумѣемъ только *особую* силу чувства, наиболѣе способнаго воспринимать извѣстныя стороны въ предметахъ, *особый складъ ума*, которымъ писатель болѣе или менѣе сходится со всѣми своими соотечественниками. Такъ говорятъ о музыкальномъ чувствѣ германцевъ, о практическомъ смыслѣ англичанъ, объ изящномъ вкусѣ французовъ, и проч. Подъ *общественной* точкой зрѣнія также надо понимать не просто взглядъ, свойственный тому или другому обществу (купеческій, ремесленный, чиновничій), а ясное представленіе того, что́ для общества полезно и необходимо въ томъ или другомъ его состояніи, что́ составляетъ хорошія и дурныя стороны общественнаго быта. Съ точки зрѣнія людей, подобныхъ Афанасію Ивановичу, нѣтъ выше счастія, какъ ѣсть и спать цѣлые сутки, или, лежа, грѣться на солнцѣ; но Гоголь осмѣиваетъ подобный образъ жизни. Какъ же опредѣлить, что́ такое *личная* точка зрѣнія, личный взглядъ на предметы? — Подъ этимъ надо разумѣть особый способъ пониманія, свойственный каждому человѣку въ отдѣльности. — Если, напримѣръ, кто-нибудь вообразитъ, что можно, ничему не учившись, однимъ своимъ умомъ понять все на свѣтѣ, что можно пройти сто верстъ, ни разу не отдохнувши, что во снѣ душа отдѣляется отъ тѣла и летаетъ по воздуху: будетъ это личнымъ взглядомъ или нѣтъ? — Конечно, будетъ; но при такомъ взглядѣ человѣкъ только самъ себя обманываетъ. — Слѣдовательно, личный взглядъ всегда ведетъ къ обману? — Нѣтъ, это зависитъ отъ нашихъ понятій. Какъ бы правильно мы ни судили, мы все-таки высказываемъ свои личныя мнѣнія; но личный взглядъ можетъ быть вѣренъ на столько, на сколько вѣрны наши понятія о томъ предметѣ, о которомъ мы судимъ.—Надо однако замѣтить, что по своей личной наклонности, по своему воспитанію, писатель избираетъ тѣ, а не другія стороны въ изображеніи предмета, беретъ ли онъ этотъ предметъ изъ общечеловѣческой, изъ народной или изъ общественной жизни. Припомните нѣкоторыя изъ стихотвореній Кольцова. — Въ стихотвореніи:

«Въ золотое время
Хмѣлемъ кудри вьются,
Съ горести-заботы
Русыя сѣкутся» —

Кольцовъ изображаетъ, до чего горе доводитъ человѣка. Стихи: «Сяду я за столъ, да подумаю» рисуютъ намъ одиночество и крестьянскую нужду. Въ стихахъ «Въ непогоду вѣтеръ воетъ, завываетъ» представлена такая же горемычная доля и напрасная надежда на счастье. — Піесъ такого содержанія еще много можно прибрать у Кольцова. Отчего же онъ такъ часто изображаетъ горе? — Отъ того, что самъ съ дѣтства испытывалъ нужду и видѣлъ вокругъ себя много печальнаго. — Слѣдовательно, въ этой наклонности изображать горе мы видимъ личный взглядъ Кельцова. Но какое-же значеніе имѣетъ для насъ его личное чувство? Мало ли кто страдаетъ: развѣ намъ любопытно знать страданія каждаго?—Кольцовъ рисуетъ намъ не свое только несчастье, но и народную безталанность: онъ передаетъ намъ то, что́ думали и чувствовали многіе.— Есть цѣлый рядъ народныхъ пѣсенъ, изображающихъ тоже самое; таковы пѣсни: «Ахъ въ горѣ жить, не кручинну быть», «Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася», «Не шуми мати, зеленая дубравушка», и проч. И такъ, личный взглядъ Кольцова здѣсь совершенно сходится съ народнымъ взглядомъ. Ка́къ два разныхъ писателя въ одномъ и томъ же предметѣ избираютъ разныя стороны, смотря по своему личному характеру, мы можемъ повѣрить на двухъ стихотвореніяхъ, подъ названіемъ «Пророкъ», изъ которыхъ одно писано Пушкинымъ, а другое Лермонтовымъ. Укажите, что́ заключается въ стихотвореніи Пушкина? — Внутреннее перерожденіе человѣка, послѣ котораго онъ, бывши прежде невѣжественнымъ и лживымъ, становится мудрымъ и способнымъ на то, чтобы возвѣщать людямъ слово правды. — Возможны ли такія перорожденія въ человѣкѣ? — Очень можетъ случиться, что человѣкъ, способный отъ природы, но испорченный съ дѣтства, чрезъ чтеніе хорошихъ книгъ, чрезъ бесѣду съ честными людьми, усвоиваетъ себѣ лучшія понятія, и тѣмъ съ большею силою ненавидитъ зло, чѣмъ порочнѣе былъ онъ прежде. — Чтобы «жечь глаголомъ сердца людей», какъ говоритъ Пушкинъ, или, по словамъ Лермонтова, «провозглашать чистыя ученья любви и правды», на самомъ дѣлѣ необходимо, кромѣ природнаго таланта и глубокаго знанія жизни, еще имѣть очень твердый характеръ: мужество, пріобрѣтенное послѣ многихъ испытаній, добрую волю, основанную на непреклонномъ убѣжденіи въ истинѣ того, что́ человѣкъ защищаетъ. Разумныя убѣжденія и мужество отстаивать ихъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни даются человѣку только трудною борьбою, при чемъ, конечно, ему приходится бороться и съ своею лѣнью, со своею наклонностью ко лжи, къ лицемѣрію, къ грубымъ наслажденіямъ, унижающимъ его нрав-

ственную природу, словомъ, съ самимъ собою. | Пушкинъ и хотѣлъ представить постепенное *просвѣтлѣніе характера въ этой внутренней борьбѣ*: но избралъ для этаго *восточную аллегорію*, гдѣ является ангелъ, преобразующій обыкновеннаго человѣка въ пророка. Разсказъ такимъ образомъ основанъ *на чудесномъ вымыслѣ:* но при такомъ фантастическомъ изображеніи, Пушкину удобно было передать свою мысль съ особенной краткостью, силою и наглядностью. Укажите, какъ развивается мысль въ стихотвореніи.— А. Человѣкъ, ищущій чего-то лучшаго (духовная жажда) и утомленный жизнію (влачился), скитается въ пустынѣ и вдругъ встрѣчаетъ шестикрылаго серафима, воздушнаго генія, «съ перстами легкими какъ сонъ». В. Серафимъ явился, чтобы создать изъ унылаго странника новаго человѣка. Начинается его преобразованіе, составляющее главное содержаніе разсказа: въ немъ преобразованы зрѣніе и слухъ, языкъ и сердце. 1) Едва ангелъ коснулся очей странника, какъ онъ прозрѣлъ, пробудившись отъ смутныхъ грезъ въ трепетномъ сознаніи силы (какъ у испуганной орлицы). 2) Послѣ прикосновенія къ ушамъ сначала помутилась голова отъ прилива тысячи звуковъ, отъ множества новыхъ представленій и идей, нахлынувшихъ въ умъ; но потомъ сознаніе прояснилось, и странникъ начинаетъ понимать все, что происходитъ въ небѣ и въ безднахъ водъ и на землѣ, все далекое и близкое, недоступное обыкновенному слуху. Таково и вліяніе знанія, науки на умъ человѣка. Но вмѣстѣ съ развитіемъ ума должны развиваться и сила слова и сила нравственныхъ убѣжденій, зависящая отъ чистоты сердечной. 3) Ангелъ безпощадно вырываетъ «празднословный и лукавый» языкъ изъ устъ странника и на мѣсто его влагаетъ «жало мудрыя змѣи», то есть, даетъ мудрость, при которой человѣкъ дорожитъ каждымъ своимъ словомъ, и слово у него становится такимъ же рѣшительнымъ, какъ дѣло. 4) Ангелъ кладетъ страннику въ грудь на мѣсто вырваннаго имъ сердца уголь, пылающій огнемъ: огонь т. е. благородное чувство должно очищать душу отъ всякаго гнуснаго разсчета и давать жаръ для будущей дѣятельности человѣка. Усилія, какія человѣкъ дѣлаетъ надъ своей волею, испытанія, при которыхъ можетъ высказаться его благородное чувство, вызываютъ его на самую тяжелую борьбу и болѣе всего потрясаютъ его душу. Оттого и въ двухъ послѣднихъ преобразованіяхъ обрисована передъ нами страшная картина: замершія уста, кровавая десница, вырвалъ трепетное сердце, и проч. Послѣ этого странникъ лежитъ, какъ мертвый въ пустынѣ. С. Но силы,

истощенныя борьбою, въ немъ по немногу пробуждаются вновь и изъ испытаній онъ выходитъ уже новымъ человѣкомъ. Бога гласъ къ нему взываетъ: виждь, внемли и, странствуя всюду, «глаголомъ жги сердца людей». Странникъ становится мудрымъ, вѣщимъ и достойнымъ того служенія людямъ, къ какому призываютъ его даръ краснорѣчія и даръ честныхъ убѣжденій. — Выставилъ ли здѣсь Пушкинъ человѣка среди извѣстнаго народа и извѣстнаго общества?— Нѣтъ, онъ взялъ только общую идею, и для ней черты общечеловѣческія, однако умѣлъ придать осязательность своему изображенію тѣмъ, что воспользовался характернымъ восточнымъ сказаніемъ, нѣсколько сходнымъ съ нашими библейскими разсказами, и обрусилъ это сказаніе славянскими выраженіями, свойственными предмету: персты, отверзлись, вѣщія зѣницы, горній полетъ, дольняя лоза, жало мудрыя змѣи, десница, виждь, внемли, глаголъ. — Какъ же Лермонтовъ изображаетъ своего пророка? — Лермонтовъ представляетъ его уже во время служенія людямъ: люди, исполненные лжи и злобы, не признаютъ его и гонятъ опять въ пустыню. А. Пророкъ возбуждаетъ одну ненависть въ людяхъ, тогда какъ бездушная тварь покоряется его разумной силѣ. 1) Онъ, получивъ даръ вѣдѣнія, ясно понимаетъ, какъ искажено людское сердце злобой и порокомъ. Самая любовь къ добру заставляетъ его видѣть темныя стороны жизни, и чѣмъ яснѣе для него людская безнравственность, тѣмъ сильнѣе онъ возбужденъ провозглашать чистое ученье любви и правды. Но лицемѣры и глупцы не терпятъ правды. Страхъ, что честный человѣкъ своимъ разумнымъ словомъ можетъ повредить ихъ выгодамъ, легко переходитъ у нихъ въ ярость, и они бросаютъ въ пророка каменьями. 2) Въ горести (посыпалъ пепломъ я главу), онъ удаляется въ пустыню: въ городахъ онъ скитался нищимъ; но здѣсь природа, какъ и всякой другой твари, доставляетъ ему пищу; здѣсь, въ кругу неразумныхъ созданій, полный просторъ его уму и чувству, и по естественному закону признано превосходство нравственной силы. В. Не опасаясь болѣе пророка, люди съ презрѣніемъ смотрятъ на него, когда онъ торопливо пробирается черезъ шумный городъ, и въ тупоумномъ самодовольствѣ ставятъ его въ примѣръ наказанной гордости дѣтямъ. 1) Старцы, какъ наиболѣе опытные въ жизни, поучаютъ дѣтей не дѣлать того, что дѣлалъ пророкъ, то есть, учатъ мириться со всею пошлостью людскою, не вѣрить въ свое лучшее назначеніе. 2) Они въ подтвержденіе своихъ мнѣній приводятъ печальную судьбу пророка и такимъ образомъ разви-

ваютъ въ дѣтяхъ мелкій эгоизмъ, съ которымъ человѣкъ считаетъ полезнымъ только то, что̀ доставляетъ одному ему разныя пріятности въ жизни.

«Смотрите жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ и худъ и блѣденъ;
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!»

Вотъ какова практическая людская мудрость въ противуположность чистымъ ученіямъ любви и правды! — Какая же разница между изображеніемъ пророка у Пушкина и у Лермонтова? — Пушкинъ представляетъ, какъ пророкъ въ уединеніи, вдали отъ свѣта, готовится къ своему служенію; Лермонтовъ выводитъ его въ самой жизни, посреди тѣхъ препятствій, какія онъ могъ встрѣтить въ людяхъ. Пушкинъ рисуетъ намъ одну внутреннюю борьбу въ человѣкѣ, Лермонтовъ изображаетъ борьбу внѣшнюю, общественную, то есть, положеніе мыслящаго и честнаго человѣка среди испорченнаго свѣта. У Пушкина находимъ однѣ общечеловѣческія черты, онъ изображаетъ только могущество разумной мысли; Лермонтовъ, кромѣ личности пророка, имѣетъ въ виду извѣстный кругъ людей, потому что не всѣ и не вездѣ люди такъ порочны и тупы, какими представляетъ ихъ поэтъ. — Мы видимъ, что два поэта берутъ разныя стороны въ изображеніи одного и того же предмета. Случайно ли произошелъ этотъ выборъ, или онъ зависитъ отъ различнаго направленія Пушкина и Лермонтова? — Тутъ выразился личный взглядъ каждаго изъ поэтовъ. — Изъ сличенія съ другими стихотвореніями тѣхъ же авторовъ мы видимъ, что различное изображеніе пророка произошло отъ различнаго ихъ направленія. Пушкинъ представляетъ намъ высокое значеніе мыслящаго человѣка, Лермонтовъ его борьбу со свѣтомъ. Было ли этому причиною то, что Пушкинъ жилъ въ лучшемъ обществѣ, чѣмъ Лермонтовъ, и находилъ больше себѣ сочувствія? Конечно, нѣтъ; общество могло быть одно и тоже; но Пушкинъ болѣе былъ занятъ своими высокими идеями безъ всякаго отношенія ихъ къ жизни. Онъ самъ о себѣ говоритъ:

«Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ:
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ».

Напротивъ, Лермонтова болѣе всего поражало противорѣчіе, какое онъ видѣлъ между высокими идеями и тѣмъ, что̀ происходило въ жизни; его болѣе смущали темныя стороны общества. Въ этомъ высказывается личный характеръ обоихъ поэтовъ.

Сведемъ теперь въ одно цѣлое, что̀ до сихъ поръ мы разсмотрѣли:

1. Когда мы хотимъ писать о чемъ нибудь, намъ необходимо прежде *познакомиться съ предметомъ*, который мы избрали для изображенія. Мы сначала *собираемъ матеріалъ* для сочиненія, т. е. свѣдѣнія о предметѣ. Матеріалъ мы получаемъ изъ собственныхъ наблюденій, изъ письменныхъ извѣстій (изъ книгъ), изъ устныхъ разсказовъ. (Подумайте и опредѣлите сами, какія могутъ быть преимущества или недостатки матеріала, полученаго каждымъ изъ этихъ путей). Собранныя свѣдѣнія *мы приводимъ въ порядокъ* и такимъ образомъ излагаемъ *наши мысли о предметѣ. Стройное изложеніе мыслей* о какомъ-нибудь опредѣленномъ предметѣ называется *сочиненіемъ*.

2. Въ сочиненіи мы различаемъ *содержаніе и форму*. Содержаніемъ служатъ наши мысли о предметѣ, форму составляетъ порядокъ ихъ изложенія и слогъ. Форму сочиненія нельзя опредѣлить прежде, чѣмъ пріискано содержаніе: *она естественно вытекаетъ изъ содержанія* и вполнѣ отъ него зависитъ.

3. Содержаніемъ сочиненія бываетъ описаніе, повѣствованіе или разсужденіе, смотря по тому, излагаемъ ли мы предметъ *въ пространствѣ*, съ его частями и свойствами, и *во времени*, т. е., послѣдовательныя дѣйствія предмета, или наши *выводы*, сдѣланные изъ наблюденій надъ его качествами и дѣйствіями. Эти двѣ стороны, *фактическая* и *умозрительная*, находятся во всякомъ сочиненіи; но одна изъ нихъ можетъ преобладать надъ другою при разъясненіи предмета, и сочиненіе можетъ быть или по преимуществу *описательно-повѣствовательнымъ*, или *разсужденіемъ*. Въ фактической сторонѣ мы различаемъ двоякіе факты, изъ которыхъ одни даютъ содержаніе описанію, другіе—повѣствованію: изъ этихъ двухъ сторонъ также одна можетъ имѣть перевѣсъ надъ другою. Наконецъ, повѣствованіе получаетъ особый характеръ при изображеніи борьбы и нерѣдко переходитъ въ драматическую форму.

4. Все фактическое содержаніе сочиненія *съ точностію опредѣляется самою природою изображеннаго предмета*. Описанія и повѣствованія естественно зависятъ отъ положенія предмета въ дѣй-

ствительности и отъ перемѣнъ, происходящихъ съ нимъ при дѣйствiи на него другаго предмета. Характеристическiе признаки мы также узнаемъ изъ сравненiя одного предмета съ другими. Для вѣрнаго вывода не только необходимо точное наблюденiе каждаго отдѣльнаго явленiя, но и вѣрное пониманiе связи, въ какой находятся самыя разнородныя явленiя между собою.

5. Изъ предъидущаго видно, что и *порядокъ изложенiя* указывается *естественнымъ расположенiемъ частей* предмета и *естественною связью между однородными признаками:* здѣсь подробности группируются въ цѣлое по логической лѣстницѣ понятiй (недѣлимое, частное, видъ, родъ, высшiй родъ). Напримѣръ, при изображенiи характера мы сначала описываемъ наружность и одежду, потому что это прежде всего представляется нашимъ глазамъ при встрѣчѣ съ человѣкомъ; но случись, что, не видя лицъ, мы сначала только слышали ихъ рѣчи, то и въ разсказѣ можно напередъ представить разговоръ, и т. д. *Слогъ* сочиненiя, какъ мы уже знаемъ, *есть выраженiе мысли* со всѣми ея измѣненiями и оттѣнками. Слѣдовательно, *форма можетъ быть безконечно разнообразна* смотря по содержанiю. Еслиже бы мы хотѣли искуственно прибрать форму для сочиненiя, не опредѣливъ напередъ во всей подробности его содержанiя, то это было-бы *формализмомъ*, который вредитъ естественному развитiю мысли.

6. При изложенiи содержанiя мы должны обратить особенное вниманiе на *характеристику* предмета. Сюда входятъ при изображенiи природы черты общiя, мѣстныя и особенныя (индивидуальныя); при изображенiи людей — черты общечеловѣческiя, народныя, мѣстныя, общественныя и личныя, или также черты историческiя. Всѣ эти черты сливаются вмѣстѣ въ характеристикѣ цѣлаго предмета.

7. Какъ содержанiе такъ и форма сочиненiя, кромѣ самой природы предмета, опредѣляются еще *цѣлiю автора, его точкой зрѣнiя.* Свою точку зрѣнiя онъ измѣняетъ по произволу, имѣя цѣлiю объяснить съ той или другой стороны сущность предмета; онъ пребываетъ на ней неизмѣнно тамъ, гдѣ она зависитъ отъ его личнаго взгляда. Личный взглядъ тогда только имѣетъ разумное основанiе, когда имъ дѣйствительно объясняется какая-нибудь сторона въ предметѣ.

8. Взявши все во вниманiе, мы можемъ указать слѣдующiя главныя требованiя сочиненiя: вѣрность съ дѣйствительностью (истина), полнота изображенiя (соотвѣтственно заданной себѣ темѣ), единство мысли и послѣдовательность въ ея развитiи, естественность формы.

РАЗЛИЧIЕ МЕЖДУ ПРОЗОЙ И ПОЭЗIЕЙ.

(Разборъ стихотворенiя Кольцова: «Урожай»).

Давъ общiя понятiя о сочиненiи, намъ необходимо разсмотрѣть различiе между сочиненiями прозаическими и поэтическими. Для этого мы сначала изберемъ хоть стихотворенiе Кольцова «Урожай».

Припомните, какiя главныя части въ стихахъ Кольцова «Урожай». — 1) Описанiе восходящей тучи; буря и ея дѣйствiе на природу. 2) Сельскiя думы крестьянъ и ихъ сельскiй трудъ. 3) Описанiе урожая и сбора хлѣба. — Какъ описана туча и ея дѣйствiе? — Сначала Кольцовъ представляетъ красный цвѣтъ утренней зари, предвѣщающей непогоду, и солнечный жаръ, при которомъ скопляются туманы отъ испаренiй земли; потомъ онъ изображаетъ, какъ туча образуется, густѣетъ все болѣе, стоитъ нѣсколько времени неподвижно черною массою; потомъ, при порывѣ вѣтра, разражается молнiей и громомъ и наконецъ орошаетъ землю ливнемъ. Послѣ этаго ярче и чище свѣтитъ солнышко; луга и рощи освѣжились, позеленѣли. — Вамъ уже извѣстно, какъ все это изображаетъ Кольцовъ. Теперь тоже самое я вамъ разскажу такъ. Весной и въ началѣ лѣта необходимъ дождь для хорошаго урожая. Безъ воды не могутъ растворяться газы и другiя составныя части земли, необходимыя для питанiя хлѣбныхъ растенiй; гроза, разрѣжая воздухъ, также содѣйствуетъ образованiю газовъ, благопрiятныхъ для растенiй. Отъ того, послѣ долгой засухи, крестьяне съ нетерпѣнiемъ ждутъ дождя и смотрятъ, какъ утромъ восходитъ солнце. Красный цвѣтъ зари происходитъ отъ тумана, скопившагося въ воздухѣ. Воздухъ, пресыщенный парами, образуетъ облака. Пары подымаются, густѣютъ отъ холода въ верхнихъ слояхъ атмосферы, становятся облаками, облака соединяются въ тучи и прiобрѣтаютъ особую силу, извѣстную подъ названiемъ электричества; при столкновенiи облаковъ, отъ этого электричества рождаются молнiи и громъ. Темносинiя грозовыя тучи обыкновенно загораживаютъ, спираютъ весь горизонтъ, затрудняя движенiе воздуха: но, спускаясь отъ тяжести своей все ниже и ниже,

онѣ замѣтно охлаждаютъ воздухъ; тогда начинается быстрое передвиженіе слоевъ теплаго и холоднаго воздуха; сильно сгустившійся паръ вновь обращается въ воду, которая, въ видѣ крупныхъ капель, развѣваемыхъ вихремъ, падаетъ на землю, а иногда, по русскому выраженію, льетъ какъ изъ ведра. Такой ливень, сопровождаемый вихремъ, быстро проникаетъ въ землю, разрыхленную зноемъ, и проникаетъ во всѣ поры растенія, смачивая каждый листикъ. Такое ли это описаніе, какъ у Кольцова?—Нѣтъ.—Какая же разница?—Это описано въ прозѣ, а у Кольцова въ стихахъ.—Только въ этомъ и разница? Но вѣдь и мы могли бы наше описаніе, хоть и съ натяжкою, переложить въ стихи:

Въ лѣтній жаръ вода
Испаряется,
Изъ паровъ облака
Образуются;
Какъ наполнятся
Электричествомъ,
Производятъ они
Громъ и молнію.

— Въ стихахъ не идетъ такъ описывать.—Вотъ, намъ и надо отличить, что̀ болѣе свойственно стихамъ и что особеннаго въ прозаическомъ описаніи. Описаніе Кольцова даетъ ли такое ясное понятіе о предметѣ, какъ прозаическое описаніе?—Да, и по изображенію Кольцова, мы можемъ ясно представить грозу; но у него передано болѣе *впечатлѣніе*, производимое предметомъ, а нѣтъ *объясненія* всѣхъ его свойствъ и причинъ, отъ которыхъ зависитъ его дѣйствіе.—Слѣдовательно, и тамъ и тутъ можетъ быть очень *ясное представленіе* предмета; но въ первомъ о немъ представленіи исключительно выдаются тѣ *живыя свойства*, которыми онъ *дѣйствуетъ на наши чувства* и становится для насъ *нагляднымъ* и *осязательнымъ:* заря вспыхнула, туманъ стелется, день разгорѣлся, и проч. Во второмъ же случаѣ мы имѣемъ дѣло съ тѣми *понятіями*, которыя являются въ насъ *при точномъ изслѣдованіи* предмета: понятія объ образованіи паровъ и облаковъ, понятія о происхожденіи дождя, понятіе о дѣйствіи электричества, и проч. Въ классѣ естественной исторіи и физики вамъ полнѣе разъяснили бы все это; но наша цѣль была только показать, какъ смотрятъ на предметъ съ этой *научной* точки зрѣнія. Словомъ, въ поэтическомъ описаніи мы находимъ *живой образъ* предмета, въ прозаическомъ—основанное на точномъ изслѣдованіи, *научное изложеніе* его свойствъ. Объясните, что Кольцовъ изображаетъ далѣе. — Послѣ грозы все просвѣтлѣло; люди сельскіе радуются, смотря на поля и сады, и дружно принимаются за свои труды, къ которымъ возбуждаетъ ихъ сама оживленная природа: они собираютъ свой зимній запасъ зеренъ, выѣзжаютъ въ поле и начинаютъ засѣвать его; подробнѣе у Кольцова изображенъ самый посѣвъ. Тутъ Кольцовъ лишь въ одномъ *сжатомъ разсказѣ* представляетъ первую половину сельскаго труда, весеннія работы въ полѣ, какъ *завѣтную думушку* поселянъ, въ которой они помогаютъ дѣлу природы. Эта думушка особенно занимаетъ поэта, и онъ раздѣляетъ ее на три завѣтныя думы: 1) насыпать хлѣбъ въ мѣшки, 2) изъ села гужомъ въ пору выѣхать, 3) помолившись Богу, засѣвать и пахать поле.

«Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать»:

Здѣсь собрано въ одномъ цѣльномъ образѣ все, что относится къ посѣву. Отъ этого и образъ получаетъ живость и наглядность. На дѣлѣ всѣ эти работы довольно многосложны и вообразить ихъ разомъ можно только въ поэтическомъ представленіи.—Что же въ подобномъ разсказѣ могло бы быть предметомъ прозы? — Напримѣръ: 1) изложеніе того, какъ выбирать и подготовлять почву для тѣхъ или другихъ родовъ хлѣба, 2) какъ глубоко пахать землю и какія существуютъ для этого лучшія орудія, 3) изслѣдованія разнаго рода удобреній, 4) объясненіе того, какъ успѣхъ работы зависитъ отъ выбора времени для посѣва, 5) что необходимо наблюдать для правильнаго засѣванія поля, какъ достигаютъ этого съ помощію разныхъ орудій, сѣялокъ, и т. д. Словомъ, здѣсь мы должны сперва разобрать и изслѣдовать предметъ по частямъ и уже потомъ можемъ сдѣлать общій обзоръ всѣхъ свѣдѣній, полученныхъ нами путемъ разбора; здѣсь мы имѣемъ въ виду *знаніе предмета*, а не одно его *живое образное представленіе.*—Разсмотримъ теперь, что находится въ третьей части стихотворенія Кольцова.—Здѣсь также въ наглядномъ образѣ представлена жатва. Подобно тому, какъ въ первой части мы находимъ картину грозы, и здѣсь сначала является прекрасная картина урожая: рожь зернистая дремитъ колосомъ, дню веселому улыбается.

«Вѣтерокъ по ней
Плыветъ лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается».

Это второе описаніе находится въ соотвѣтствіи съ описаніемъ грозы: силы природы, изображенныя въ началѣ стихотворенія, исполнили свое дѣло, произвели урожай; но здѣсь участвовалъ и трудъ человѣка. Подобно тому, какъ въ началѣ весны, такъ и теперь природа, доставляя плоды, побуждаетъ поселянина къ новому, болѣе радостному труду—собирать жатву. Послѣ картины урожая, Кольцовъ и изображатъ этотъ лѣтній сельскій трудъ въ такомъже, какъ и прежде, цѣльномъ и живомъ очеркѣ; онъ тутъ разомъ представляетъ всѣ три дѣла жатвы: кошеніе ржи, складываніе въ копны, уборку хлѣба въ гумна.

«На гумнахъ, вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы».

А солнце до конца, какъ добрый другъ, благодѣтельствуетъ человѣку: оно, какъ будто, и перестаетъ грѣть, когда его живительные лучи болѣе не нужны.

«Видитъ солнышко—
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени».

Въ прозаическомъ изображеніи урожай и жатву мы разсмотрѣли бы иначе. Что касается дѣйствія силъ природы, то мы подробно вникли бы, при какомъ состояніи погоды можно ожидать хорошаго урожая, какія травы, чужеядныя растенія, птицы и другія животныя могутъ вредить хлѣбу; въ трудѣ человѣка мы обратили бы вниманіе на то, какъ устроивать поля, чтобы ни излишняя засуха, ни излишніе дожди имъ не были вредны, какъ избѣгнуть и другихъ вліяній, неблагопріятныхъ обильной жатвѣ, какъ и съ помощью какихъ машинъ удобнѣе жать хлѣбъ, какъ устроивать гумна, и проч. Мы здѣсь разсмотрѣли бы, что отчасти составляетъ предметъ физики, отчасти предметъ сельскаго хозяйства.—Нашъ разборъ до сихъ поръ болѣе касался разныхъ частей стихотворенія: въ параллель этимъ частямъ мы гадательно приводили то или другое прозаическое содержаніе разсказа; мы однако еще очень мало обратили вниманія на мысль цѣлаго стихотворенія. Не измѣнится ли и прозаическое изложеніе согласно съ этою мыслью; скажите, что́ хотѣлъ по преимуществу изобразить Кольцовъ?—Онъ представляетъ сельскій трудъ въ связи съ дѣйствіемъ природы.—Чтоже это за связь?—Природа имѣетъ свои силы, каковы: свѣтъ и теплота солнца, дѣйствіе газовъ, составляющихъ воздухъ, электричество, дѣйствіе воды на почву, и т. д... Эти силы дѣйствуютъ то разрушительно, то благотворно; природа, разрушая старое, постоянно создаетъ новые предметы. Но человѣкъ, съ помощью знанія и искусства, можетъ обращать ея силы въ свою пользу, и тутъ мы находимъ то согласіе между трудомъ человѣка и дѣйствіемъ природы, при которомъ намъ кажется, будто бы природа во всемъ ему служитъ и помогаетъ.—До этихъ понятій люди дошли путемъ многихъ наблюденій надъ дѣйствіемъ природы и трудомъ человѣка. Въ дикомъ состояніи, народъ еще остается безсильнымъ передъ грозными естественными явленіями: одѣтый въ какую-нибудь звѣриную шкуру, не имѣя порядочнаго пристанища отъ ненастья, онъ съ трудомъ добываетъ себѣ пищу, охотясь за лѣсными звѣрями, и въ каждомъ предметѣ, его окружающемъ, готовъ видѣть темную силу. Горы и лѣса населены у него злыми демонами и разными чудовищами; въ суевѣрномъ страхѣ онъ молится камню, дереву, змѣѣ, звѣздамъ. Но постепенно онъ научается укрощать дикихъ животныхъ, заводитъ стада, собирается въ общество. Научившись приготовлять желѣзныя орудія, онъ уже смѣло вступаетъ въ борьбу со звѣрями, начинаетъ обработывать землю, сѣять хлѣбъ и становится осѣдлымъ. Тутъ ужъ онъ ограждаетъ себя отъ всѣхъ вредныхъ вліяній, устраиваетъ теплыя и безопасныя жилища, сберегаетъ запасъ пищи на круглый годъ, и ему нѣтъ болѣе нужды постоянно рыскать по лѣсу за дичью или блуждать со стадами съ мѣста на мѣсто. Такъ научился онъ пользоваться силами природы, и силы эти являются благодѣтельными. Въ земледѣльческомъ быту много зависитъ отъ того или другаго состоянія атмосферы: гроза, вѣтеръ, солнце—вотъ предметы, на которые обращено все вниманіе земледѣльца. У нашихъ предковъ, славянъ, они олицетворялись въ видѣ благодѣтельныхъ божествъ: Перуна, Стрибога и Дажьбога. Вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою забыты эти языческія божества, но и теперь русскій народъ обращается съ суевѣрнымъ почитаніемъ къ

грому и молніи, къ вѣтру, къ солнцу. Такое почитаніе имѣетъ смыслъ въ его земледѣльческой жизни. Но и въ земледѣльческомъ быту есть еще много степеней въ умѣньи пользоваться силами природы. Съ бо́льшимъ образованіемъ человѣкъ ужъ не слѣдуетъ однимъ старымъ преданіямъ, а старается вновь и вновь разыскивать, какими средствами заставить дѣйствовать природу согласно съ его цѣлью, и эти средства онъ, конечно, находитъ въ той же природѣ: онъ изслѣдуетъ почву, придумываетъ искусственное орошеніе полей, изобрѣтаетъ лучшія земледѣльческія орудія — словомъ, дѣлаетъ все то, на что́ мы старались обратить вниманіе при разборѣ отдѣльныхъ частей въ стихотвореніи Кольцова. Вотъ, мы наконецъ, по мѣрѣ силъ, разъяснили идею поэта о связи сельскаго труда съ дѣйствующими силами природы, и вы видите, что, согласно съ этою идеею, въ наше прозаическое изложеніе вошло много такого, чего мы не касались прежде, а изъ того, что мы считали возможнымъ изложить при разборѣ частей, многое, можетъ быть, окажется и вовсе не нужнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобъ только показать, какъ на разныхъ степенахъ образованія человѣкъ покорялъ себѣ природу, нѣтъ нужды подробно распространяться о разныхъ вопросахъ естественной исторіи и сельскаго хозяйства. Но такъ какъ Кольцовъ изображаетъ исключительно русскій сельскій трудъ, еще очень несовершенный, то намъ, пожалуй, пришлось бы, строго держась его идеи, искать въ одномъ русскомъ поселянинѣ образца того, какъ человѣкъ покоряетъ природу. Во всякомъ случаѣ вы видите, что не только для живости изображенія, но и по требованію самой темы, Кольцовъ имѣлъ право по возможности сократить разсказы о посѣвѣ и о жатвѣ, хотя съ другой стороны эта тема могла бы дать содержаніе для очень большаго стихотворенія. Скажите, какъ же мы дошли до идеи, выраженной Кольцовымъ? — Мы старались изслѣдовать предметы, о которыхъ говорится въ стихотвореніи; мы коснулись при этомъ и исторіи народнаго быта. — А Кольцовъ? — Онъ *прямо* изображаетъ *уже готовую идею*, какъ вполнѣ извѣстную и доказанную. — А дѣлалъ онъ какія-нибудь наблюденія и изслѣдованія, чтобы достигнуть этой идеи? — Онъ, конечно, много наблюдалъ русскій народный бытъ, хорошо зналъ чувства русскаго поселянина и самъ сочувствовалъ сельскому труду; но мы не знаемъ, дѣлалъ ли онъ тутъ какія-нибудь изслѣдованія. — Да и знать намъ этого не нужно; скажите, въ чемъ состояла цѣль Кольцова? — Онъ хотѣлъ *въ наглядномъ образѣ представить уже сознанную идею:* изложеніе того, какъ дошелъ онъ до ея сознанія, не составляло его цѣли.

— Почему же вы знаете, что онъ изображаетъ именно указанную нами идею, а не какую-нибудь другую; развѣ онъ гдѣ-нибудь говоритъ: «на сельскій трудъ имѣетъ вліяніе природа, человѣкъ пользуется ея силами, и т. д.» — Это видно изъ самаго состава поэтическаго образа: Кольцовъ сопоставляетъ вмѣстѣ: весеннюю бурю, урожай и сельскій трудъ. Слѣдовательно, тутъ идея не выражается отдѣльно, *она совершенно слита съ образомъ.* Въ этомъ и состоитъ *сущность поэтическаго изображенія:* идея воплощается въ образѣ, подобно тому, какъ характеръ знакомаго вамъ человѣка не составляетъ чего-нибудь отдѣльнаго отъ его личности, а выражается въ его словахъ, движеніяхъ и поступкахъ, и передъ вами каждую минуту цѣльный человѣкъ, хотя бы онъ не все то говорилъ и дѣлалъ, что́ можетъ говорить и дѣлать. Наоборотъ, поэтическій образъ уже есть идея, только взятая не такъ, какъ она представляется при нашихъ выводахъ, въ отвлеченіи отъ фактовъ, а какъ она является въ самой жизни, когда мы усматриваемъ связь между явленіями. Въ этомъ случаѣ всякій предметъ, если мы изъ окружающей среды выдѣлимъ его типичныя свойства, раскроетъ намъ свою идею. Приводя примѣры прозаическаго и поэтическаго изображенія, мы прежде дѣлали строгое различіе между знаніемъ предмета и образнымъ его представленіемъ. Теперь вы можете рѣшить, ведетъ ли къ знанію предмета и поэтическое его изображеніе? — Безъ сомнѣнія, но здѣсь наглядно представляется только то, что́ могло бы быть выводомъ изъ опыта и знанія. — Здѣсь мы сводимъ однородныя явленія такъ, что становится понятнымъ общій ихъ смыслъ. Слѣдовательно, поэтическое изображеніе предмета, хотя и различно отъ того, какое бываетъ при его изслѣдованіи, всетаки зависитъ отъ знанія: чѣмъ поэтъ глубже вникнулъ въ предметъ, чѣмъ лучше ознакомился онъ съ дѣйствительной жизнью и чѣмъ выше онъ стоитъ по своему образованію, тѣмъ лучше и вѣрнѣе раскрываетъ онъ идеи, скрытыя въ дѣйствительности, тѣмъ болѣе значенія имѣютъ для всѣхъ представляемые имъ образы. Кромѣ того, отличая поэзію, мы прежде обращали все вниманіе на необходимость въ ней живаго, образнаго представленія; изъ предъидущаго видно, будетъ ли такое представленіе простымъ только спискомъ съ дѣйствительности, подобно даггеротипному изображенію? — Нѣтъ, это будетъ образъ, осмысленный идеею. — Мы можемъ, такъ

сказать, механически, подрядъ изображать все, что́ около себя видимъ; но поэтъ старается отстранить все постороннее, не нужное для идеи, и въ смѣшанныхъ явленіяхъ выбираетъ и изображаетъ съ возможной полнотою и возможной близостью къ дѣйствительности только то, что входитъ въ кругъ его темы. Но такъ какъ исключительнымъ дѣломъ поэта, отличающимъ его отъ прозаика, все-таки будетъ умѣнье создать приличный идеѣ образъ, то мы еще вникнемъ поподробнѣе въ составъ поэтическаго образа. Вы уже знаете, почему Кольцовъ именно выбралъ и соединилъ вмѣстѣ: изображеніе бури, посѣва, урожая и жатвы. Эти предметы сами собою уже связаны одной идеею въ дѣйствительности; довольно было ихъ рядомъ поставить, чтобы выяснилась идея. Но разсмотримъ и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ это изображеніе; что выбрано для описанія бури? — Мы уже говорили объ этомъ: образованіе тумана, скопленіе тучь, проливной дождь. — Соотвѣтствуетъ ли это идеѣ? — Да, тутъ представлена не холодная вьюга съ дождемъ, снѣгомъ и градомъ, какія у насъ иногда бываютъ и весною, а гроза, наиболѣе благопріятная для земледѣлія. — Но вѣдь главною цѣлью было изобразить самое дѣйствіе природы. — Здѣсь предметы и являются въ дѣйствіи: заря *вспыхнула краснымъ* полымемъ, *разгорѣлся* день *огнемъ* солнечнымъ, туча *черная понахмурилась*, *ополчается* громомъ, бурею, и проч. — Какія же именно избраны свойства предметовъ? — Жаръ солнца и дѣйствіе его лучей; грозное движеніе тучь, производящихъ ливень. — Какъ это представлено? — Солнечные лучи наглядно описаны какъ огонь, пламя; туча олицетворена въ видѣ ратника, выходящаго на битву: она понахмурилась, словно *вспомнила свою родину*, т. е. землю, изъ которой вышла; она потомъ и падаетъ ливнемъ на *широкую грудь* матери земли. Здѣсь туча какъ будто сама выступаетъ на борьбу, чтобъ исполнить свое назначеніе: оросить и оплодотворить землю. — Мы видимъ, что и въ выборѣ всѣхъ подробностей, и въ самомъ способѣ описанія поэтъ не упускаетъ изъ виду свою идею. Образъ цѣльный, какъ-будто списанный съ дѣйствительности, и при всемъ томъ онъ служитъ идеѣ; при этомъ неодушевленные предметы олицетворяются, чтобы нагляднѣе выставить разумную цѣль, скрытую въ явленіяхъ природы, или тѣ живыя ихъ свойства, которыя они пріобрѣтаютъ по ихъ отношенію къ человѣку. Гдѣ еще находимъ мы въ стихотвореніи Кольцова такія олицетворенія? — Въ описаніи солнца: съ горы небесъ *глядитъ* солнышко, *видитъ* сол-

нышко — жатва кончена; въ описаніи урожая: рожь зернистая *улыбается*, и проч. — Въ описаніи урожая представлена и радость при мысли о томъ, что сельскій трудъ увѣнчался успѣхомъ. Природа является въ особенной красотѣ, какъ-будто въ брачномъ убранствѣ, согласно той идеѣ, что она содѣйствовала къ поддержанію жизни человѣка. Собственно для природы все равно, что рожь, что крапива, что репейникъ: она одинаково расточаетъ свои силы для поддержанія всѣхъ созданій; но, по идеѣ сельскаго труда, рожь является *Божьимъ гостемъ* и болѣе всего прекрасна:

«Вѣтерокъ по ней
Плыветъ, лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается».

Въ другихъ обстоятельствахъ, поэтъ съ такимъ же сочувствіемъ, можетъ быть, изображалъ бы васильки; между тѣмъ васильки сорная трава, которая очень вредитъ ржи. Что касается разсказа о самомъ сельскомъ трудѣ, то мы уже объясняли, на сколько его изображеніе необходимо для полноты поэтическаго образа. Посѣвъ и жатва здѣсь наглядно означаютъ только *думушку* сельскихъ людей, которая пробуждается *за одно съ весною*.

Все, что́ нами было сказано, провѣримъ еще на другихъ образцахъ. Куда вы отнесете басню: къ прозаическимъ или къ поэтическимъ произведеніямъ? — Къ поэтическимъ. — Но вѣдь цѣль басни, кажется, одно нравоученіе. Такъ въ баснѣ: «Мірская сходка», Крыловъ разсуждаетъ:

«Какой порядокъ ни затѣй,
Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей,
Они всегда найдутъ уловку,
Чтобъ сдѣлать тамъ, гдѣ имъ захочется, сноровку.»

Въ другомъ случаѣ онъ объясняетъ, что добрый человѣкъ не будетъ про свою доброту всѣмъ жужжать въ уши, что люди, ни на что не годные, часто чванятся своимъ родомъ, что соловью худыя пѣсни въ когтяхъ у кошки, и т. д. — Но Крыловъ все изображаетъ въ стихахъ. — Мы уже знаемъ, что стихи еще не составляютъ поэзіи, какъ это можно видѣть хоть бы изъ приведеннаго нами сейчасъ четверостишія. — У Крылова и содержаніе, соотвѣтственное стихотворной формѣ: онъ передаетъ свою идею въ живыхъ образахъ и

для этого избираетъ животныхъ, которыя служатъ у него олицетворенiемъ людскихъ пороковъ.—Конечно, символы, аллегорiи, или притчи уже составляютъ наглядный образъ; но и они не всегда еще выражаютъ поэтическое творчество. Помните, что въ поэзiи необходимо полное слiянiе идеи съ образомъ, необходимо изображенiе дѣйствительной жизни, согласное съ идеей; а символы и аллегорiи иногда служатъ только къ поясненiю мысли, какъ это мы находимъ въ басняхъ, приписываемыхъ Эзопу. Собака плыла черезъ рѣку съ кускомъ мяса во рту; она увидѣла въ водѣ свое отраженiе и подумала, что это другая собака. Ей взбрело въ голову отнять у соперницы мясо; она раскрыла пасть и потеряла, что имѣла. Изъ этого слѣдуетъ, что не надо быть жаднымъ. Подобныя поученiя могутъ быть убѣдительны для дѣтей, или для младенческихъ народовъ, которые любятъ выражать свою мысль притчами; но развѣ это поэзiя?—Нѣтъ. Однако у Крылова не такъ сухо ведется разсказъ: въ его разсказѣ большею частiю соединены типическiя черты предмета, взятыя имъ прямо изъ жизни; онъ представляетъ и разговоры, соотвѣтственные изображаемымъ характерамъ. Такъ въ баснѣ «Двѣ собаки», Барбосъ является *вѣрнымъ, дворовымъ* псомъ, терпитъ *холодъ и голодъ*, сберегая хозяйскiй домъ; *мокнетъ* подъ дождемъ, а не впопадъ залаетъ, то его и *бьютъ*. Барбосъ *умильно ластится* къ Жужуткѣ, *вертя хвостомъ*, говоритъ о своемъ горѣ, *опустя хвостъ плетью*, и наивно удивляется, какъ

«Жужу въ случай попалъ,
Безсиленъ бывши такъ и малъ».

Въ противуположность ему Жужутка, *кудрявая* болонка, лежитъ на *пуховой* подушкѣ, *ѣстъ и пьетъ* на серебрѣ, *валяется* по коврамъ и мягкому дивану; на вопросъ Барбоса «чѣмъ служишь ты?» она съ гордостью и насмѣшкой отвѣчаетъ:

«Чѣмъ служишь! Вотъ прекрасно!
На заднихъ лапкахъ я хожу!»

Въ этомъ сопоставленiи двухъ противуположныхъ типовъ, въ простодушномъ вопросѣ Барбоса и въ самоувѣренномъ отвѣтѣ Жужу довольно живо выясняется идея.—Крыловъ достигаетъ своей поэтической цѣли еще тѣмъ, что въ лучшихъ изъ своихъ басенъ употребляетъ много народныхъ, разговорныхъ выраженiй, придающихъ также осязательность образу, напр.:

Вотъ *лисынька на воеводство* сѣла,
Лиса замѣтно потолстѣла.
У ней былъ *мужичекъ* прiятель, *сватъ и кумъ;*
Они вдвоемъ *взялись за умъ*».

Но вы чувствуете, что *поэтическая форма* басни очень недостаточна для полнаго выраженiя идеи; въ ней возможны только легкiе очерки дѣйствительности, потому что человѣческiя свойства здѣсь изображаются на столько, на сколько ихъ удобно олицетворить въ дѣйствiяхъ животныхъ. Припомнимъ теперь, какiя изъ разобранныхъ нами статей относятся къ прозаическимъ и какiя къ поэтическимъ сочиненiямъ?—Разсказъ Максимова о песцахъ надо отнести къ прозѣ: тутъ главною цѣлiю автора было *дать понятiе* о томъ, какъ добываютъ шерсть этихъ животныхъ, и представленъ *одинъ изъ промысловъ* сѣвернаго края. Таковъ же разсказъ Костомарова о стариннымъ способѣ ѣзды и разсказъ Гончарова о ловлѣ акулы. Болѣе или менѣе *точное изображенiе* всѣхъ характеристичныхъ свойствъ предмета служитъ здѣсь къ тому, чтобы *ознакомить съ дѣйствительными фактами* и представить *матерьялъ для выводовъ*, какiе принадлежатъ наукамъ: географiи и исторiи промышленности, исторiи народныхъ нравовъ и обычаевъ, естественной исторiи.—Слѣдовательно, живость, образность описанiя и разсказа здѣсь занимаютъ уже второстепенное мѣсто, и мы ищемъ *точнаго знанiя*. Такъ живой разсказъ Гончарова, хотя и возбудитъ нашу любознательность, но можетъ показаться очень неудовлетворительнымъ: мы пожелаемъ знать, что за рыба акула между другими морскими рыбами, отчего происходитъ въ ней такая сила и живучесть, что и съ отрѣзанной головой она продолжаетъ двигаться, какая польза отъ нея человѣку, и т. д. Но скажите, развѣ въ поэзiи не нужна точность изображенiя, развѣ въ нее не входятъ дѣйствительные факты?—Здѣсь *точность другого рода:* она состоитъ только *въ полномъ согласiи того, что описываютъ и разсказываютъ, съ идеею:* дѣйствительные факты въ поэзiи служатъ не для вывода, такъ какъ выводъ уже готовъ, а для образнаго представленiя идеи; слѣдовательно въ нихъ нѣтъ нужды всегда строго опредѣлять мѣсто, время и всѣ обстоятельства, которыми они окружены въ дѣйствительности: въ *общемъ образѣ* естественно исчезаетъ *все единичное*. Дѣлая выводъ изъ многихъ явленiй, мы скажемъ: когда воздухъ насыщенъ парами, то при восходѣ солнца обыкновенно бываетъ сильный красный цвѣтъ на небѣ. Но когда Кольцовъ говоритъ: «Краснымъ поly-

мемъ заря вспыхнула», то мы уже здѣсь предполагаемъ частный случай и готовы спросить: въ какомъ именно мѣстѣ это случилось, въ какомъ году, какого мѣсяца и дня? Между тѣмъ здѣсь такой же общій выводъ, только *представленный въ видѣ частнаго случая.* Далѣе мы не будемъ допрашивать Кольцова, какъ онъ могъ сказать про тучу: «понахмурилась, что задумалась... ополчается громомъ молніей?» развѣ онъ на самомъ дѣлѣ полагаетъ, что туча способна думать? Намъ достаточно знать, что этимъ онъ означаетъ дѣйствительное явленіе: мрачный видъ тучь и ихъ вліяніе на почву. Но ученый наблюдатель не дозволитъ себѣ такихъ представленій; онъ скорѣе вымѣряетъ отдаленность тучь, количество выпавшаго дождя, и проч. Такимъ образомъ, дѣйствительные факты, не измѣняя своей сущности, въ поэзіи принимаютъ другой видъ, потому что средства поэтическаго представленія не тѣ же, что научнаго наблюденія. Тургеневъ въ своей повѣсти «Бѣжинъ лугъ» опредѣляетъ и губернію и уѣздъ, гдѣ случилось то, о чемъ онъ разсказываетъ: на этомъ основаніи мы можемъ требовать, чтобы мѣстныя, народныя вѣрованія, которыя онъ описываетъ, дѣйствительно существовали въ указанной мѣстности. Но далѣе мы не будемъ разыскивать, дѣйствительно ли существуютъ тѣ самые мальчики, о которыхъ онъ говорилъ, дѣйствительно ли Павлуша погибъ, упавъ съ лошади? Мы понимаемъ, что въ изображеніе этихъ лицъ могли войти черты типическія, взятыя изъ многихъ и разнообразныхъ наблюденій; мы удовлетворены, если черты бѣдности, невѣжества, удали, описываемыя авторомъ, на самомъ дѣлѣ встрѣчаются въ Тульской губерніи. Но отъ путешественника мы желали бы, чтобы онъ разсказывалъ только о встрѣченныхъ имъ, *дѣйствительныхъ* лицахъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то есть, чтобы онъ, для полноты типа, не создавалъ лицъ, какъ бы ни были вѣрны его созданія съ дѣйствительностью. Мы требуемъ этого потому, что, изображая единичный фактъ, путешественникъ представляетъ только матеріалъ для вывода, а не самый выводъ. Напротивъ, у Гоголя мы не спросимъ, точно ли пугалъ Афанасій Ивановичъ Пульхерію Ивановну пожаромъ: мы знаемъ, что по изображаемому имъ типу такъ могло быть; а знать, существовалъ ли и самъ Афанасій Ивановичъ въ томъ точно видѣ, какъ его описываетъ Гоголь, намъ не важно.—Разсказъ Гоголя «Старосвѣтскіе помѣщики» принадлежитъ къ поэтическимъ произведеніямъ. Хотя мѣстами авторъ и высказываетъ свой взглядъ въ прозаической формѣ, какъ, напримѣръ, въ

началѣ разсказа, гдѣ говоритъ о томъ, какъ привлекательна укромная жизнь старичковъ, но эти разсужденія не важны сами по себѣ и не имѣютъ прямого отношенія къ темѣ: мы знаемъ, что далѣе онъ представляетъ эту жизнь вовсе не такою привлекательною. Напротивъ все сочиненіе состоитъ въ образномъ представленіи жизни двухъ опредѣленныхъ лицъ, служащихъ опредѣленными типами; авторъ вводитъ насъ во всѣ подробности этой немногосложной жизни, заставляетъ насъ присутствовать при всѣхъ занятіяхъ и разговорахъ Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны, — словомъ, воссоздаетъ передъ нами дѣйствительныя лица такъ, какъ будто бы мы ихъ часто видѣли и давно были съ ними знакомы. Здѣсь мы еще лучше можемъ указать, какое отношеніе существуетъ между знаніемъ, научнымъ наблюденіемъ и образнымъ представленіемъ; мы видимъ, какъ обстоятельно вникнулъ Гоголь во всѣ явленія изображаемой имъ жизни. Если бы за это дѣло взялся нравоописатель, историкъ общественныхъ нравовъ, то въ данномъ случаѣ, конечно, представилъ бы тоже самое, измѣнивъ только форму согласно своему прозаическому изложенію. Онъ бы разсказалъ, въ какихъ домахъ жили малороссійскіе помѣщики стараго вѣка, какъ въ самомъ убранствѣ комнатъ выражалась ихъ безпечность, какъ хозяйка хлопотала о сбереженіи каждаго лоскутка, не замѣчая того, что прислуга безцеремонно крала, какъ ѣда, угощеніе и полный ненарушимый покой составляли главную цѣль этихъ людей, чуждыхъ образованія и зараженныхъ предразсудками, хотя и незлобивыхъ. Нравоописатель, можетъ быть, связалъ бы этого рода факты съ другими, коснувшись вообще недостатковъ полуразвитаго, мало образованнаго общества. Объясненіе всѣхъ причинъ, по которымъ могли существовать типы, подобные старосвѣтскимъ помѣщикамъ, уже не было задачею Гоголя; но и онъ, въ тѣсномъ кругу изображаемыхъ имъ фактовъ, высказываетъ очень опредѣленный взглядъ, хотя достигаетъ этого самымъ сопоставленіемъ подробностей, а не разсужденіями и объясненіями. Такъ, онъ разсказываетъ, что кошка Пульхеріи Ивановны одичала, когда сошлась съ дикими котами: это обстоятельство бросаетъ свѣтъ на всѣ дальнѣйшіе поступки суевѣрной старушки. Нравоописатель, конечно, вникнулъ бы побольше въ душевное состояніе человѣка, который вѣритъ призракамъ до того, что умираетъ отъ суевѣрнаго страха. Гоголь далѣе говоритъ и объ Афанасіи Ивановичѣ, что онъ слышалъ таинственный голосъ, его зовущій, при чемъ объясняетъ, какъ испуганъ бы-

ваетъ человѣкъ, слыша подобный голосъ. Нравоописатель разоблачилъ бы эту таинственность, объяснивъ, что люди, плохо знакомые съ природою, видятъ что-то необычайное въ простомъ обманѣ слуха: намъ слышатся небывалыя голоса въ полуснѣ, въ горячечномъ бреду, во время ночной тишины, — словомъ, всякій разъ, когда кровь застаивается въ мозгу, или органъ слуха утомленъ долгимъ отсутствіемъ звуковъ. Но и Гоголю не было особенной нужды придавать, съ точки зрѣнія Пульхеріи Ивановны, какую-то таинственность своему разсказу о смерти Афанасія Ивановича. Точно также поэтическое изображеніе Тургенева въ повѣсти «Бѣжинъ лугъ» можетъ въ свою очередь служить матеріаломъ для нравоописателя (хотя поэтъ и не имѣлъ этого главною цѣлью), на сколько въ немъ вѣрно проведены и представлены народныя суевѣрія. Взглядъ Тургенева здѣсь выражается уже тѣмъ, что онъ изображаетъ Ильюшу, главнаго разкащика, тупымъ и забитымъ мальчикомъ, и вмѣстѣ подробно описываетъ обаяніе ночной темноты, какъ источникъ суевѣрнаго страха. Этого уже достаточно, чтобъ не дѣлать тѣхъ объясненій, какія мы дѣлали, разбирая повѣсть. Сочувствіе къ Павлушѣ также оправдывается болѣе развитымъ умомъ этого мальчика. Но подъ конецъ авторъ представляетъ, что и Павлуша совершенно поддается суевѣрнымъ бреднямъ: и этого было можно ожидать, судя по той обстановкѣ, среди которой онъ дѣйствуетъ. Суевѣріе имѣло такую силу, что воображаемый зовъ утопленника Васи становится для Павлуши предсказаніемъ смерти. Въ заключеніе авторъ говоритъ, что Павлуша не утонулъ, а умеръ, разбившись при паденіи съ лошади. Тутъ ужъ мы находимся въ недоумѣніи, соображая, что́ авторъ хотѣлъ этимъ выразить. Предположимъ, что это дѣйствительно случилось съ однимъ изъ мальчиковъ, знакомыхъ Тургеневу, и онъ съ точностью заноситъ только дѣйствительный фактъ въ свою повѣсть. Мы спросимъ, умѣстна-ли здѣсь эта точность? хотѣлъ ли Тургеневъ привести еще одну черту, чтобы изобразить печальную, труженическую жизнь Павлуши? Но по связи съ предъидущимъ какъ будто выходитъ, что смерть Павлуши, хотя и не вполнѣ, произошла вслѣдствіе предчувствія и предсказанія. Чтожъ? раздѣляетъ и авторъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ суевѣріе народа? или онъ думаетъ оправдать это суевѣріе тѣми необъяснимыми случайностями, какимъ подвержена жизнь человѣка, или просто желаетъ придать нѣкоторую таинственность разсказу? По истинному смыслу фактовъ, изображаемыхъ въ повѣсти, ни того, ни другого,

ни третьяго не было нужно. Мы видимъ изъ этого, что съ одной стороны не все сплошь, что случилось въ дѣйствительности, можетъ годиться для поэтическаго представленія, а съ другой—что поэзія вовсе не требуетъ какихъ-либо особыхъ понятій и идей, кромѣ тѣхъ, до которыхъ можемъ дойти путемъ правильнаго, научнаго изслѣдованія, и если такія особыя понятія и идеи встрѣчаются въ поэтическихъ произведеніяхъ, то въ этомъ должно видѣть только личный произволъ автора. Но что же сказать про изображеніе Пушкина въ его стихотвореніи «Пророкъ»? развѣ кто-нибудь наблюдалъ, какъ у человѣка вырываютъ языкъ, вынимаютъ изъ груди сердце, чтобы сдѣлать его совершеннымъ?—Это только аллегорическая форма изображенія; истина здѣсь заключается въ томъ, что человѣкъ, просвѣщающій людей, не можетъ быть ни празднымъ болтуномъ, ни безчувственнымъ эгоистомъ.—Здѣсь однако не простая, обыкновенная аллегорія, какую, напримѣръ, употребляетъ Кольцовъ: «видитъ солнышко—жатва кончена, холоднѣй оно пошло къ осени». Уже по самому свойству нашей рѣчи, мы не можемъ иначе выразить идею, какъ сравнивая предметы неодушевленные съ одушевленными, умственные съ чувственными, и потому говоримъ: солнце сѣло, мысли прояснились, и проч. Поэтъ, пользуясь этою свободою выраженія, чтобы придать своей мысли болѣе живости и наглядности, создаетъ цѣлыя аллегоріи, заставляя говорить и дѣйствовать неодушевленные предметы и придавая дѣйствительное существованіе отвлеченнымъ понятіямъ. Такъ дѣлаетъ Лермонтовъ въ стихотвореніяхъ «Парусъ», «Споръ»; такъ Кольцовъ описываетъ бѣду: «Зла бѣда не буря, горами качаетъ, ходитъ невидимкой, губитъ безъ разбору». Тутъ аллегорія, подобно приблизительному стеклу, только уясняетъ предметы; но намъ важно не самое стекло, а то, что сквозь него мы видимъ. Отъ стекла мы требуемъ такой чистоты и прозрачности, чтобъ его по возможности вовсе не было замѣтно; такъ и аллегорія, совершенно сливаясь съ идеей, становится для насъ нечувствительной. Но совсѣмъ другое дѣло, когда предметъ, взятый для сравниванія, важенъ для насъ самъ по себѣ, во всей своей цѣлости, а не одними только свойствами, которыя идутъ въ сравненіе. Въ стихотвореніи Лермонтова «Парусъ» было вовсе неумѣстно ждать подробнаго описанія корабля: это только затемнило бы идею; въ піесѣ «Споръ», Шатъ-гора и Казбекъ совсѣмъ исчезаютъ въ изображеніи цѣлаго Кавказа и всего востока; точно также при изображеніи бѣды у Кольцова, мы даже не обратимъ вниманія на

то, что за человѣкъ, съ которымъ сравнивается бѣда. Напротивъ въ стихотвореніи «Три пальмы», у Лермонтова, аллегорическое изображеніе пальмъ ведетъ за собою цѣлое описаніе степи и каравана, и мы столько же останавливаемся на этой картинѣ степи, сколько на идеѣ, выраженной авторомъ: аллегорія здѣсь, такъ сказать, поглощаетъ идею. Также въ піесѣ Пушкина «Анчаръ» выставленъ случай, важный и самъ по себѣ для характеристики востока, безъ примѣненія къ общей идеѣ. Стихотвореніе Пушкина «Бѣсы» вводитъ насъ въ кругъ народныхъ представленій. Здѣсь съ точки зрѣнія ямщика, поэтъ изображаетъ зимнюю мятель въ образѣ бѣсовской силы.

«Посмотри, вонъ вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня,
Вонъ теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня.
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной,
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой».

Эта аллегорія очень прозрачна; но замѣтимъ, что народныя преданія и вѣрованія и сами по себѣ имѣютъ важное значеніе: какъ и всякій дѣйствительный предметъ, они могутъ дать содержаніе поэтическому образу. Въ народныхъ сказкахъ, конечно, всего важнѣе для насъ взглядъ народа на природу и характеристика его быта, а не тѣ общія, поучительныя идеи, которыя онъ въ нихъ высказываетъ. Теперь, обращаясь къ стихотворенію Пушкина «Пророкъ», мы видимъ, что онъ взялъ для изображенія своей идеи восточное преданіе. Преданіе было такого рода, что воспользовавшись имъ, онъ могъ съ большою краткостью и сжатостью выразить свою мысль; но вмѣстѣ съ тѣмъ эта аллегорія переноситъ насъ въ совершенно чуждый намъ міръ и мы желали бы видѣть здѣсь болѣе ясную характеристику востока. Аллегорія такимъ образомъ не есть произвольный вымыселъ: она или прямо поясняетъ изображаемый поэтомъ предметъ чрезъ какое-нибудь сравненіе, или, какъ въ баснѣ, вводитъ его въ опредѣленный, сродный съ нимъ, кругъ жизни. При научномъ изслѣдованіи, сравненіе служитъ къ тому, чтобы указать отличительныя свойства предмета; въ поэтическомъ представленіи, оно, такъ сказать, удваиваетъ образъ. Это усиленіе образа наиболѣе естественно тамъ, гдѣ поэтъ хочетъ выказать силу и значеніе

своей идеи. Оттого стихотворенія, основанныя на аллегоріи, бываютъ большею частію небольшаго объема и обыкновенно выражаютъ личное чувство. Въ иныхъ случаяхъ аллегорія прикрываетъ слишкомъ рѣзкую правду: говорятъ, будто басни потому и выдуманы, что люди не смѣли прямо высказывать истины. Но, конечно, прямое изображеніе жизни всегда имѣетъ преимущество въ поэзіи, и никакая искуственно придуманная аллегорія не замѣнитъ образовъ, взятыхъ изъ той же дѣйствительности, изъ которой необходимо возникаетъ всякая поэтическая идея.

Повторимъ теперь въ связи все, чтó было сказано нами о различіи поэзіи и прозы.

1. И поэзія и проза изображаютъ дѣйствительную жизнь; но въ поэзіи мы находимъ живое, образное представленіе дѣйствительности, а въ прозѣ — научное ея изслѣдованіе.

2. Изслѣдуя предметъ, мы разлагаемъ его по частямъ и потомъ сводимъ всѣ наши частныя объясненія къ одной общей о немъ идеѣ; поэтъ беретъ уже разъясненный предметъ съ его идеею и передаетъ его въ наглядномъ изображеніи. Полное сліяніе идеи съ образомъ составляетъ сущность поэтическаго созданія.

3. Слѣдовательно, поэтическій образъ не есть только даггеротипный снимокъ съ дѣйствительности; поэтъ избираетъ въ предметахъ и соединяетъ въ одно цѣлое тѣ черты, которыми въ самой жизни высказывается ихъ внутренняя связь, скрытая въ нихъ идея. Въ этомъ смыслѣ поэтическій образъ можно назвать идеальнымъ.

4. Однако, чтобы открыть внутреннюю связь явленій и ихъ настоящій смыслъ, поэту необходимо основательно изучать жизнь и имѣть на нее правильный, твердо усвоенный, взглядъ. Поэтому и поэтическое представленіе зависитъ отъ знанія.

5. Изслѣдователь, наблюдая и разбирая отдѣльные факты, доходитъ до общихъ понятій; эти общія понятія онъ вновь старается примѣнить къ жизни, имѣя въ виду практическую цѣль. Такимъ образомъ возникаетъ двоякое назначеніе прозы: объяснять и научать. Поэтъ не дѣлаетъ ни объясненій, ни поученій; онъ достигаетъ того и другаго, изображая явленія жизни въ ихъ истинномъ смыслѣ.

6. Прежде, чѣмъ дойти до вывода, изслѣдователь, при наблюденіи каждаго факта, долженъ съ точностью обозначить время мѣсто и всѣ обстоятельства, какими явленіе сопровождалось въ дѣйствительности. Въ самыхъ выводахъ наука, по возможности,

требуетъ математической точности. Но въ кругъ поэзіи не входятъ научныя изслѣдованія: поэтъ имѣетъ дѣло только съ идеей, дѣйствующею въ жизни; поэтическая точность состоитъ въ полномъ и вѣрномъ возсозданіи дѣйствительности согласно опредѣленной идеи.

7. Однако, не имѣя въ виду ни научнаго изложенія отдѣльныхъ фактовъ, ни научныхъ выводовъ, поэтъ тѣмъ не менѣе помогаетъ дѣлу науки, представляя въ общедоступныхъ образахъ выработанныя ею идеи. Поэтическіе типы, вѣрно схваченные изъ жизни и вѣрно обрисованные, въ свою очередь могутъ служить матеріаломъ для изслѣдователя общественныхъ нравовъ и обычаевъ.

8. Тому, что мы сказали о близкомъ отношеніи поэзіи къ дѣйствительности, какъ будто противорѣчитъ употребленіе въ поэзіи аллегорій, символовъ, которые иногда берутся совершенно изъ міра фантазіи. Но аллегорія есть только форма, допускаемая въ поэтическомъ созданіи, когда мы изображаемъ дѣйствіе предметовъ на наши чувства. Аллегорія имѣетъ значеніе, только какъ одно изъ поэтическихъ средствъ нагляднѣе и живѣе представить дѣйствительность.

СЛИЧЕНІЕ ПОВѢСТИ КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА СЪ ИСТОРІЕЙ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА — ПУШКИНА.

1. Характеры въ повѣсти Капитанская дочка.

Какъ для повторенія пройденнаго нами прежде о различной характеристикѣ предмета и о различіи прозы и поэзіи, такъ и для уясненія нѣкоторыхъ новыхъ вопросовъ, мы разберемъ еще въ главныхъ частяхъ повѣсть Пушкина: «Капитанская дочка» и сравнимъ изображеніе въ ней Пугачевщины съ изложеніемъ тѣхъ-же событій въ исторіи Пугачевскаго бунта Пушкина.

Укажите въ главнѣйшихъ частяхъ содержаніе повѣсти Пушкина, обративъ особенное вниманіе на тѣ мѣста, которыя относятся къ исторіи Пугачева.

— 1) Воспитаніе Гринева подъ руководствомъ Савельича и француза Бопре. Понятія отца его о службѣ. Отъѣздъ Гринева изъ дому и встрѣча его съ гусарскимъ ротмистромъ, Зуринымъ. 2) Гринева въ пути застигаетъ мятель. Неизвѣстный бродяга, который потомъ является Пугачевымъ, указываетъ ему дорогу на постоялый дворъ. Загадочный разговоръ вожатая съ хозяиномъ корчмы. Гриневъ въ благодарность за услугу угощаетъ его водкою и даритъ ему заячій тулупъ. Характеръ нѣмца, комменданта Оренбурга, къ которому является Гриневъ. 3) Пріѣздъ въ Бѣлогорскую крѣпость и ея описаніе. Гриневъ въ домѣ своего начальника. Характеры Ивана Игнатьевича, Василисы Егоровны и Ивана Кузьмича. Толки о нападеніи башкирцевъ. 4) Ссора Гринева со Швабринымъ. 5) Сватовство его за Марью Ивановну, дочь комменданта. 6) Совѣщаніе у капитана Миронова вслѣдствіе предписанія, полученнаго изъ Оренбурга. Василиса Егоровна узнаетъ и разноситъ вѣсть о Пугачевѣ. Волненіе между казаками, измѣна урядника. Пытка башкирца, схваченнаго съ возмутительными листами. Извѣстіе о взятіи Нижнеозерной крѣпости. 7) Появленіе наѣздниковъ передъ Бѣлогорскою крѣпостью. Четыре казака подъѣзжаютъ къ валу, требуя сдачи. Перестрѣлка. Капитанъ прощается съ дочерью и съ женою. Въ собравшихся казаковъ стрѣляютъ картечью. Они спѣшились и идутъ на приступъ. Свалка въ воратахъ. Жители встрѣчаютъ Пугачева съ хлѣбомъ-солью. Его распоряженія на площади. Казнь капитана и его жены. 8) Грабежъ въ крѣпости. Пиръ Пугачева въ коммендантскомъ домѣ. Пѣснь Чумакова. Разговоръ Пугачева съ Гриневымъ. Не требуя, чтобы Гриневъ призналъ его государемъ, онъ отпускаетъ его на волю. 9) Пугачевъ передъ народомъ. Заботы Савельича о барскомъ добрѣ. Гриневъ прощается съ Марьей Ивановной и уѣзжаетъ изъ крѣпости, получивъ отъ Пугачева лошадь и овчинный тулупъ. 10) Гриневъ въ Оренбургѣ. Военный совѣтъ у генерала, мнѣніе директора таможни. Описаніе осады. Гриневъ получаетъ письмо отъ Марьи Ивановны и проситъ у генерала солдатъ, чтобы идти на ея освобожденіе. 11) Гриневъ отправляется одинъ къ Пугачеву. Описаніе Бердской слободы. Гриневъ въ избѣ у Пугачева. Совѣтники самозванца, Бѣлобородовъ и Хлопуша. Пугачевъ милуетъ Гринева, какъ гостя, и на другой день отправляется съ нимъ въ Бѣлогородскую крѣпость. Разговоръ, который они вели дорогой. Калмыцкая сказка. 12) Гриневъ спасаетъ Марью Ивановну отъ притѣсненій Швабрина. Безпримѣрное великодушіе Пугачева. 13) Гриневъ въ отрядѣ Зурина. Краткій разсказъ о военныхъ дѣйствіяхъ. Арестъ Гринева. 14) Судъ надъ Гриневымъ. Поѣздка Марьи Ивановны въ Царское село и ея встрѣча съ императрицею Екатериною.

— Скажите-же, въ чемъ состоитъ главное содержаніе этой повѣсти? — Здѣсь разсказана исторія одного молодаго человѣка, Гринева. — Одинъ-ли Гриневъ здѣсь играетъ важную роль? — Нѣтъ, въ повѣсти подробно описаны и многія другія лица. — А какое лице болѣе всего имѣло вліянія на судьбу Гринева? — Пугачевъ. — Слѣдовательно, разсказъ о Гриневѣ соединяется съ исторіей Пугачева. Пугачевъ — историческое лицо; все, что̀ онъ дѣлалъ и что̀ съ нимъ случилось, относится къ историческимъ событіямъ. Авторъ могъ имѣть задачею представить, какъ разыгрывалась судьба отдѣльныхъ лицъ посреди историческихъ событій, волновавшихъ Россію во второй половинѣ прошедшаго столѣтія. Появленіемъ Пугачева и опредѣляется время, къ которому принадлежатъ всѣ лица повѣсти. Если-же судьба Гринева болѣе всего занимала автора, то на сколько тутъ необходимо было-бы изобразить и самого Пугачева и событія, которыхъ онъ былъ виновникомъ? — На сколько это относилось къ главному лицу, Греневу. — Что же мы преимущественно видимъ изъ отношеній Гринева къ Пугачеву? — Что Пугачевъ ему покровительствуетъ, избавляя его невѣсту отъ преслѣдованій Швабрина. — Это дѣйствительно самое видное обстоятельство въ судьбѣ Гринева. Но здѣсь раждается вопросъ: возможны-ли тѣ дружелюбныя отношенія, въ какихъ выставленъ Гриневъ къ самозванцу? и если Пушкинъ ихъ заимствовалъ изъ дѣйствительныхъ преданій и какихъ-либо семейныхъ записокъ, то какъ онъ ихъ объясняетъ въ связи со всѣми другими извѣстіями о Пугачевѣ? Словомъ, и ограничившись судьбою главнаго лица, Гринева, необходимо было съ достаточной ясностью опредѣлить характеръ и положеніе Пугачева. Но авторъ выставляетъ много и другихъ лицъ, которыхъ судьба зависѣла отъ этого человѣка; слѣдовательно, историческія подробности должны были занять еще болѣе мѣста въ повѣсти. Мы однако покамѣсть отложимъ въ сторону все историческое, а займемся характерами Гринева и второстепенныхъ личностей. Достаточно-ли было, какъ мы сказали, въ этомъ лицѣ, выставить только странную судьбу обыкновеннаго человѣка посреди общественныхъ волненій? Гриневъ, по волѣ отца, попадаетъ въ какую-то глушь; тутъ онъ находитъ себѣ невѣсту: вдругъ начинается страшная тревога; Гриневъ, казалось, долженъ погибнуть, какъ другіе; но онъ не только не гибнетъ, а послѣ многихъ испытаній обстоятельства слагаются для него такъ, что онъ вполнѣ достигаетъ своей цѣли. Вѣдь любопытно видѣть эту игру случая, какой иногда подвергается человѣкъ:

тутъ онъ волею неволею долженъ дѣйствовать, положеніе его полно тревоги, сомнѣнія, какъ говорятъ, драматическое. Довольно-ли только изобразить это положеніе, не обращая много вниманія на характеръ лица? — Нѣтъ, въ затруднительномъ положеніи и долженъ высказываться характеръ человѣка. — Какой-же характеръ у Гринева? — Онъ сначала еще очень неопытный юноша, но потомъ узнаетъ жизнь на дѣлѣ; онъ благороденъ, отваженъ, вѣренъ своей невѣстѣ, нѣженъ и добродушенъ. — Въ этомъ родѣ можно-бы прибрать еще много качествъ: Гриневъ вѣренъ долгу, пылокъ, чувствителенъ, очень храбръ и прямодушенъ, но умѣетъ благоразумно и заискать къ себѣ расположеніе тѣхъ, кто ему нуженъ; онъ остороженъ, смѣтливъ и вмѣстѣ рѣшителенъ; онъ добръ, готовъ прощать обиды, но и не даетъ врагу оскорблять своей чести и т. д. Это все черты общечеловѣческія, то есть, такія, какими люди могутъ обладать во всякое время и во всякомъ мѣстѣ. Но мы знаемъ, что для опредѣленія характера такихъ общихъ свойствъ недостаточно: въ Гриневѣ мы желали-бы видѣть русскаго человѣка, принадлежащаго извѣстному времени и извѣстному обществу людей. Вотъ вы замѣтили, что Гриневъ сначала былъ неопытнымъ юношей. Намъ любопытно бы знать, какъ образовался его характеръ подъ вліяніемъ Савельича, толковавшаго о свойствахъ борзаго кобеля, и француза Бопре, пившаго запоемъ. Если эти лица не оставили въ его душѣ никакихъ слѣдовъ, то что-же служило къ его образованію? Припомните себя: можетъ быть въ дѣтствѣ многіе изъ васъ набрались Богъ-знаетъ какихъ суевѣрныхъ страховъ отъ нянюшки, и боялись даже пройти чрезъ пустую комнату; но потомъ этотъ страхъ прошелъ, когда вы узнали, что не существуетъ ни домовыхъ, ни лѣшихъ. Можетъ, нѣкоторые считали величайшимъ удовольствіемъ подраться, поколотить кого-нибудь, а теперь вы стыдитесь подобной удали. Такъ измѣняется характеръ человѣка; это и называютъ развитіемъ, воспитаніемъ. Изъ того, что̀ представляетъ Пушкинъ, не видно, чтобы Гриневъ могъ получить дома какое-нибудь развитіе: откуда-же взялись у него и прямота, и честность, и великодушіе? Отчего, напримѣръ, онъ не сдѣлался игрокомъ, какъ Зуринъ? Вы скажете, что отъ природы онъ былъ мягкимъ, добродушнымъ человѣкомъ; такъ нужно знать, отчего эти природныя свойства взяли перевѣсъ надъ дурными наклонностями, которыя могли бы развиться посреди праздной и пустой жизни, какую велъ онъ: вѣдь въ природѣ есть все, и хорошее и дурное.

Какъ вы думаете, имѣлъ-ли Пушкинъ цѣлію выставить въ лицѣ Гринева, какъ постепенно въ разныхъ испытаніяхъ образуется характеръ человѣка? — Нѣтъ, этого не видно: Гриневъ прямо является благороднымъ защитникомъ обиженной дѣвушки и потомъ постоянно высказываетъ свои понятія о чести. Скорѣе такое развитіе характера выставлено въ лицѣ Марьи Ивановны. Она скромная, стыдливая дѣвушка, живетъ въ простой и бѣдной семьѣ, и потому ей не знакомы ни роскошь, ни прихоти. Среди скучной, одинокой жизни ее вдругъ оживила надежда на семейное счастіе, и тутъ же начались самыя тяжелыя испытанія, въ которыхъ и окрѣпъ ея характеръ. Прежде робкая, почти загнанная, она подъ конецъ смѣло отправляется одна просить за своего жениха и спасаетъ его отъ ссылки. — Вообще надо замѣтить, что Марья Ивановна дѣйствуетъ и говоритъ просто, сообразно съ тѣми понятіями, какія могли въ ней образоваться при окружавшемъ ее обществѣ. Ей, напримѣръ, не нравится Швабринъ, но она такъ объясняетъ, почему не вышла за него замужъ: «Алексѣй Ивановичъ, конечно, человѣкъ умный и хорошей фамиліи, и имѣетъ состояніе; но какъ подумаю, что надобно будетъ подъ вѣнцомъ при всѣхъ съ нимъ поцѣловаться.... ни за что! ни за какія благополучія!» Но обратимся къ Гриневу. Пушкинъ не имѣлъ цѣлію выставить его развитіе; но, можетъ быть, онъ очень опредѣленно рисуетъ его, какъ ужъ развившійся характеръ. Припомните, что̀ дѣлаетъ Гриневъ съ тѣхъ поръ, какъ становится самостоятельнымъ? — Сначала онъ поддается на всѣ продѣлки плутоватаго Зурина, который увѣрилъ его, что играть и пьянствовать значитъ привыкать къ службѣ; потомъ по своей ребяческой настойчивости, онъ сбивается съ пути во время зимней мятели. На постояломъ дворѣ онъ выказываетъ доброту, подаривъ бѣдному вожатому заячій тулупъ; въ Оренбургѣ, при представленіи генералу, видна и смѣтливость, съ какой онъ объясняетъ, что «держать въ ежевыхъ рукавицахъ» значитъ давать поболѣе воли. Изъ всего этого еще нельзя заключить, что̀ могло-бы выйти изъ Гринева: онъ хочетъ быть самостоятельнымъ, да дѣйствуетъ большею частію неудачно — вотъ и все. Но по пріѣздѣ въ Бѣлогорскую крѣпость онъ уже является совершеннымъ героемъ. Не спрашивая, желаетъ того, или нѣтъ Марья Иванова, онъ становится ревнивымъ защитникомъ ея чести. Вмѣсто того, чтобы только предостеречь ее отъ Швабрина, онъ берется наказать клеветника безъ ея вѣдома. Онъ не боится смерти и одинъ бросается защищать капитана Миронова,

окруженнаго казаками. Передъ Пугачевымъ онъ также, не смотря на явную опасность, не хочетъ лицемѣрить или дѣйствовать противъ своихъ убѣжденій. Наконецъ, въ Оренбургѣ, онъ одинъ требуетъ наступательныхъ движеній, и когда генералъ не даетъ ему отряда, одинъ пускается освобождать Марью Ивановну. — И такъ Гриневъ въ своемъ родѣ совершенство; но естественно-ли въ немъ выставлены всѣ эти качества, составляютъ-ли они въ немъ опредѣленный характеръ, или приложены извнѣ, потому что такъ хотѣлось Пушкину? Въ Гриневѣ надо разсмотрѣть его отношенія къ Марьѣ Ивановнѣ и къ Пугачеву. Отчего Гриневъ почувствовалъ такую привязанность къ Марьѣ Ивановнѣ? сходились они въ своихъ понятіяхъ? что особенно ихъ сблизило? Объ Марьѣ Ивановнѣ упомянуто, какъ объ умной и чувствительной дѣвушкѣ; но въ чемъ выражался ея умъ? вѣдь изъ того, что она одинъ разъ за обѣдомъ покраснѣла, только и можно заключить, что она, по выраженію Василисы Егоровны, трусиха. Гриневъ мало зналъ Швабрина, и между тѣмъ, бывши друженъ съ этимъ человѣкомъ, онъ при первомъ случаѣ называетъ его мерзавцемъ и затѣваетъ съ нимъ дуэль. Швабринъ, конечно, пошлый клеветникъ; но и Гриневъ не разсуждаетъ, чѣмъ можетъ онъ лучше помочь Марьѣ Ивановнѣ и какъ вѣрнѣе избавить ее отъ опасности. Потомъ изъ Оренбурга, онъ одинъ скачетъ черезъ степь, наполненную непріятелями, противъ которыхъ безсильно было все оренбургское войско. Гриневъ скорѣе похожъ на отчаяннаго сумасброда, потому что онъ безъ всякихъ разсужденій и безъ помощниковъ принимается за трудное дѣло. Между тѣмъ онъ представленъ великодушнымъ, разумнымъ человѣкомъ: это видно изъ его противоположности со Швабринымъ, который, безъ всякой достаточной причины и во чтобы то ни стало, долженъ быть злодѣемъ. Тоже самое въ отношеніи къ Пугачеву. Въ началѣ повѣсти, Гриневъ отчасти является избалованнымъ баричемъ, но потомъ изображаетъ собою идеалъ дворянской чести. Онъ говорилъ Пугачеву: «я природный дворянинъ, тебѣ служить не могу.. я офицеръ и дворянинъ.» Но Пушкинъ не разъясняетъ, что̀ могъ пучувствовать Гриневъ, когда Савельичъ падаетъ передъ Пугачевымъ на колѣни и въ своемъ холопскомъ усердіи, такъ за него проситъ: «Отецъ родной! что тебѣ въ смерти барскаго дидяти? отпусти его, за него тебѣ выкупъ дадутъ». Казалось бы, что это должно смутить его дворянскую гордость. Гриневъ не цѣлуетъ руки Пугачеву, не хочетъ пить у него на пиру. Это однако тоже

мало спасаетъ его геройскія чувства: онъ все-таки неподвижно стоитъ на колѣняхъ передъ самозванцемъ, сидитъ съ нимъ за однимъ столомъ, пользуется его услугами, называя его про себя мошенникомъ и воромъ. Правда, что въ самозванцѣ его увлекаютъ нѣкоторыя добрыя черты характера; но это тѣ личныя чувства за оказанную услугу, которыя уже не принадлежатъ къ геройскимъ подвигамъ Гринева и въ которыхъ онъ поэтому самому старается оправдаться. Словомъ, Гриневъ выступаетъ передъ нами болѣе всего, какъ *романтическій* герой, какихъ въ старину изображали въ романахъ. Подобнымъ героямъ все на свѣтѣ удавалось; изъ самыхъ невозможныхъ предпріятій они выходили цѣлы и невредимы безо всякихъ съ своей стороны усилій; имъ не нужно было ни знанія, ни опытности, ни ума, потому что сама судьба все устроивала для нихъ, какъ нельзя лучше. За то они всегда обладали самыми возвышенными чувствами и не вѣдали страху: то, что для обыкновенныхъ людей могло казатся глупымъ увлеченіемъ, сумасбродствомъ, малодушіемъ, лицемѣріемъ, въ нихъ было геройствомъ. Но, разумѣется, что такъ можно было изображать лица, не касаясь до тонкости всѣхъ ихъ отношеній къ людямъ, а рисуя ихъ только общими чертами.

Мы видимъ, что съ однимъ Гриневымъ намъ нечего дѣлать въ повѣсти Пушкина: онъ и выведенъ болѣе для связи въ разсказѣ. Обратимъ вниманіе на другія лица. Кто здѣсь играетъ болѣе замѣтную роль, кромѣ лицъ историческихъ? — Во первыхъ домашніе Гринева: его отецъ и дядька Савельичъ; во вторыхъ, жители Бѣлогорской крѣпости.—Какъ обрисованы эти лица?—Хотя они собственно и не занимаютъ главнаго мѣста въ повѣсти; но, по неопредѣленности характера Гринева, они выступаютъ на первый планъ, не смотря на то, что нѣкоторыя изъ нихъ только слегка очерчены: въ нихъ, кромѣ общечеловѣческихъ чертъ, мы находимъ черты *общественныя.* Отецъ Гринева крутой старикъ, служака стараго вѣка, временъ Миниха. Вышедъ премьеръ-маіоромъ въ отставку, онъ живетъ въ деревнѣ и читаетъ только придворный календарь, изъ котораго узнаетъ о возвышеніи своихъ прежнихъ сослуживцевъ. Это его бѣситъ и онъ вымѣщаетъ свою досаду на женѣ и на дѣтяхъ. Въ воспитаніи дѣтей онъ слѣдуетъ обычаю прошлаго столѣтія: приставляетъ къ своему сыну сначала стремяннаго Савельича, а потомъ француза Бопре, выписаннаго изъ Москвы съ годовымъ запасомъ вина и прованскаго масла. Сначала онъ готовитъ молодаго Гринева

въ гвардію, но потомъ, вытолкавъ развратнаго Бопре, также круто распоряжается съ сыномъ: «пускай въ арміи потянетъ лямку, да понюхаетъ пороху.» И такъ въ лицѣ отца Гринева мы видимъ человѣка, принадлежащаго извѣстному времени и извѣстному сословію: онъ во всемъ слѣдуетъ обычаямъ вѣка; въ немъ соединяются черты отставнаго военнаго и помѣщика. Савельичъ представляетъ одинъ изъ типовъ стариннаго двороваго человѣка, усерднаго исполнителя барской воли. За трезвое поведеніе и за грамотность онъ повышенъ въ дядьки: отсюда можно заключить, какъ рѣдки были эти качества между дворовыми людьми; при одной трезвости уже являлась возможность быть воспитателемъ. Подъ руководствомъ Савельича, Гриневъ научился грамотѣ; впрочемъ ничего болѣе не дѣлалъ, какъ только бѣгалъ по дѣвичьимъ, да по голубятнямъ. При отправленіи въ дорогу, дядькѣ поручены деньги, всѣ вещи Гринева и самый присмотръ за барскимъ дитятей, и онъ исполняетъ всѣ эти порученія съ полнымъ самоотверженіемъ, совершенно забывая о своей личности. Онъ плачетъ, когда приходится отдавать деньги плуту Зурину; онъ въ совершенномъ отчаяніи, когда Гриневъ даритъ Пугачеву заячій тулупъ. Этотъ тулупъ не выходитъ у него изъ памяти, и потомъ, видя доброе расположеніе Пугачева къ Гриневу, онъ помѣщаетъ его въ реестръ вмѣстѣ съ прочимъ добромъ, расхищеннымъ казаками: реестръ составленъ съ полнымъ рачeніемъ о добрѣ; при каждой вещи означена цѣна, и Савельичь подаетъ его Пугачеву подъ страхомъ смертной казни. Савельичь также жертвуетъ собою, чтобы спасти своего питомца отъ казни; хоть и неудачно, думаетъ избавить его отъ дуэли, не хочетъ оставлять его, когда онъ одинъ пускается въ Бѣлогорскую крѣпость, — словомъ, для Савельича ничего не значитъ своя жизнь и своя личность: было бы только хорошо барскому дитяти. Однако, не смотря на всѣ эти подвиги самоотверженія, Савельичь забавенъ самымъ своимъ усердіемъ. Это происходитъ отъ его неестественныхъ отношеній къ Гриневу: онъ съ дѣтства ухаживалъ за баричемъ, привыкъ къ нему, отъ души его любитъ и все-таки онъ его крѣпостной; какъ крѣпостной, онъ и выражаетъ любовь свою. Когда Пугачевъ грозитъ съ него съ живаго содрать кожу за напоминанье о тулупѣ, Савельичь отвѣчаетъ: «Какъ изволишь, а я человѣкъ подневольный, и за барское добро долженъ отвѣчать.» Савельичь и не задумывается жертвовать собою, потому что цѣнитъ себя такъ, какъ цѣнятъ его другіе. Самъ Гриневъ въ минуту досады

называетъ его старымъ хрычемъ и напоминаетъ ему: «Я твой господинъ, а ты мой слуга. Подавай сюда деньги, или я тебя въ зашеи прогоню.» Отецъ Гринева, узнавъ о дуэли сына, пишетъ Савельичу: «Стыдно тебѣ, старый песъ, что ты, не взирая на мои строгія приказанія, мнѣ не донесъ о сынѣ моемъ... я тебя, стараго пса, пошлю свиней пасти за утайку правды.» Старикъ на это отвѣчаетъ: «Милостивое писаніе ваше я получилъ, въ которомъ изволишь гнѣваться на меня, раба вашего, что де стыдно мнѣ не исполнять господскихъ приказаній, а я не старый песъ, а вѣрный вашъ слуга, господскихъ приказаній слушаюсь,» и проч. — и въ заключеніи подписываетъ: «За симъ кланяюсь рабски, вѣрный холопъ вашъ, Архипъ Савельевъ.» Такимъ образомъ въ Савельичѣ трудно разобрать, происходитъ ли его безмѣрное усердіе отъ искренней любви къ барскому дитяти, или отъ одной рабской покорности: этимъ и опредѣляется типъ стариннаго, усерднаго двороваго человѣка. Какъ будто въ оправданіе словъ отца Гринева о различіи старинной службы въ гвардіи и арміи выставленъ характеръ Зурина въ противуположность коменданту Бѣлогорской крѣпости. Зуринъ безпорядочный гуляка, съ очень шаткими понятіями о честности; но потомъ, по волѣ Пушкина, является хорошимъ товарищемъ и вообще добрымъ малымъ, хотя и преданъ картежной игрѣ по прежнему. Типичнѣе выведены лица, которыхъ Гриневъ встрѣчаетъ въ Бѣлогорской крѣпости: одинъ только Швабринъ загадочная личность, — романтическій злодѣй, необходимый лишь для того, чтобы возбудить болѣе сочувствія къ главному герою. Пушкинъ вначалѣ выставляетъ его образованнымъ, умнымъ и острымъ человѣкомъ; какъ человѣкъ умный, онъ не могъ и не смѣяться надъ тѣмъ, что его окружало: это еще не составляетъ большаго въ немъ зла. Но потомъ Пушкинъ заставляетъ его дѣлать такія глупости, что и Гриневъ въ сравненіи съ нимъ кажется благоразумнымъ. Онъ безъ всякой пользы для себя клевещетъ на Марью Ивановну, мститъ всѣми средствами Гриневу, дѣлая на него доносы то отцу его, то Пугачеву, то въ судъ, вступаетъ въ козачью шайку даже не для спасенія жизни, а чтобы мучить бѣдную дѣвушку. Хоть бы онъ дѣлалъ все это отъ скуки, а то ему, эгоисту по характеру, приписано какое-то безразсчетное самолюбіе. Но ужъ романтическій герой непремѣнно обязанъ быть или тираномъ, или поклонникомъ женщины: въ этомъ и состоитъ все его занятіе. Что касается Марьи Ивановны, то слова Швабрина, называвшаго ее дурочкой, кажутся не совсѣмъ пристрастными. Изъ тѣхъ немногихъ сценъ, въ которыхъ она выведена, можно только заключить, что въ ней есть кое-какой природный смыслъ, но что она вовсе не развита; кругъ ея понятій тотъ же, что у Василисы Егоровны. Впрочемъ она обрисована просто и въ ней вездѣ видна та женская доброта, при которой она могла впослѣдствіи найтись, какъ исходатайствовать прощеніе своему жениху. Говоря о начальствѣ Бѣлогорской крѣпости, не знаешь, съ кого начинать: съ Ивана Кузьмича или съ Василисы Егоровны, потому-что собственно Василиса Егоровна была комендантомъ. Въ ней живѣе и обрисовывается характеръ захолустья, которое изображаетъ Пушкинъ. Главною чертою здѣсь служитъ совершенная простота нравовъ, при которой прямо безъ докладу можно войти хоть въ спальню къ своему начальнику. Убранство комнатъ въ домѣ коменданта соотвѣтствуетъ этой простотѣ: въ передней инвалидъ нашиваетъ синюю заплатку на локоть зеленаго мундира, въ гостиной въ углу стоитъ шкапъ съ посудой, на стѣнахъ офицерскій дипломъ и лубочныя картинки. Василиса Егоровна, въ тѣлогрѣйкѣ и съ платкомъ на головѣ, разматываетъ нитки, хлопочетъ по домашнему хозяйству и въ тоже время дѣлаетъ распоряженія по крѣпости. Она вмѣсто Ивана Кузьмича принимаетъ Гринева, говоря: «все равно, батюшка, я его хозяйка,» она велитъ уряднику отвести ему квартиру; она же, послѣ первой дуэли Швабрина съ Гриневымъ, велитъ Палашѣ убрать ихъ шпаги въ чуланъ, хотя и Иванъ Кузьмичъ при этомъ присутствовалъ. На замѣчаніе Швабрина, что не ея дѣло подвергать ихъ суду (Швабринъ, сверхъ ожиданія, здѣсь серьезнѣе смотритъ на службу, чѣмъ герой Гриневъ), она отвѣчаетъ: «Ахъ, мой батюшка! да развѣ мужъ и жена не единъ духъ и едина плоть?» и приказываетъ Ивану Кузьмичу разсадить ихъ по разнымъ угламъ на хлѣбъ и на воду. Въ чуланѣ, подъ ключомъ у Василисы Егоровны, сидитъ и плѣнный башкирецъ. Такъ все управленіе крѣпостью обратилось у нея въ домашнее хозяйство, и она неутомимо отстаиваетъ свое право. Когда Иванъ Кузьмичъ, получивъ изъ Оренбурга секретное предписаніе, думаетъ устроить тайкомъ отъ нея совѣтъ, она не можетъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ, въ чемъ дѣло, и на слѣдующемъ совѣтѣ подаетъ самый рѣшительный голосъ. По ея словамъ, она съ мужемъ уже сорокъ лѣтъ въ службѣ и двадцать слишкомъ лѣтъ живетъ въ Бѣлогорской крѣпости. Въ это время Василиса Егоровна, конечно, всего насмотрѣлась, и при-

вычка придаетъ ей храбрость. Бойкая, расторопная женщина, большая болтунья, какъ и всѣ ей подобныя дамы, она по немногу забрала власть надъ смирнымъ мужемъ и освоилась съ его обязанностями. А обязанности эти были немногосложны; въ крѣпости, собственно говоря, и управлять было нечѣмъ: у воротъ стояла старая чугунная пушка, въ которую мальчишки совали бабки и всякую дрянь; около сотни старенькихъ инвалидовъ съ длинными косами и въ трехъугольныхъ шляпахъ составляли весь гарнизонъ Кромѣ того для распоряженія не требовалось ни особенныхъ знаній, ни какихъ-нибудь понятій о правахъ и законахъ. Василиса Егоровна отводитъ Гриневу квартиру у Семена Кузова, потому что «онъ, мошенникъ, лошадь свою пустилъ ко мнѣ въ огородъ.» Она велитъ разобрать Прохорова съ Устиньей, подравшихся въ банѣ, кто правъ, кто виноватъ, да и наказать обоихъ. Точно также и Иванъ Кузьмичъ разыскиваетъ истину плетьми на спинѣ башкирца. Слѣдовательно, при такомъ положеніи дѣлъ, Василиса Егоровна имѣла полную возможность присоединить управленіе крѣпостью, какъ добавочную статью, къ своимъ заботамъ о хозяйствѣ. Она такъ и смотритъ на дѣло. Пеняя мужу, что щи простынутъ, а онъ все учитъ солдатъ, она говоритъ на его возраженіе: «И, полно! только слава, что солдатъ учишь: ни имъ служба не дается, ни ты въ ней толку не вѣдаешь. Сидѣлъ бы дома, да Богу молился, такъ было бы лучше.» Но и Василиса Егоровна присмирѣла подъ пулями, сознавая, что бываютъ дѣла, которыя ей не подъ силу. Упавшая духомъ старушка все-таки не хочетъ въ рѣшительную минуту оставить своего мужа: оба, подобно Афанасію Ивановичу и Пульхеріи Ивановнѣ, живутъ и умираютъ вмѣстѣ. Въ Иванѣ Кузьмичѣ и Иванѣ Игнатьевичѣ мы видимъ ту наивность характера, которая напоминаетъ намъ добряка Савельича. Оба всею душою преданы службѣ и представляютъ собою образецъ служебнаго усердія; но при ихъ скромныхъ знаніяхъ и при ничтожныхъ средствахъ, какія они имѣли въ рукахъ, конечно, трудно было устоять противъ Пугачева. Иванъ Кузьмичъ, по старой привычкѣ, обучаетъ въ халатѣ своихъ солдатушекъ, которые, при нападеніи врага, совсѣмъ не двигаются съ мѣста; Иванъ Игнатьичъ держитъ нитки и нижетъ грибки для Василисы Егоровны — вотъ и всѣ ихъ занятія. Но пришло предписаніе отъ начальства: «немедленно принять надлежащія мѣры къ отраженію самозванца, а буде можно и къ совершенному уничтоженію онаго», и оба, принявъ

надлежащія мѣры, вѣрно умираютъ. При этомъ Иванъ Игнатьичъ, подражая коменданту, говоритъ Пугачеву: «ты, дядюшка, воръ и самозванецъ». Такимъ образомъ, всѣ эти лица обрисованы чертами, взятыми изъ самой жизни, и по нимъ узнаемъ мы нашу незатѣйливую старину, мѣстность, гдѣ они жили, и понятія того сословія, къ которому принадлежали. Типы Василисы Егоровны, Ивана Кузьмича и Ивана Игнатьевича живо переносятъ насъ въ дальній заброшенный уголъ Россіи.

— Положеніе края мы узнаемъ также изъ личности башкирца, котораго пытаютъ. То былъ старикъ лѣтъ за семьдесятъ, съ выбритой головой; у него отрѣзаны были носъ и уши, и во рту, вмѣсто языка, шевелился короткій обрубокъ. Онъ принималъ участіе въ прежнихъ волненіяхъ, за то не разъ и подвергался казни, и все-таки не угомонился. Испытавъ на себѣ всякаго рода пытки, онъ и самъ подъ конецъ является палачомъ: послѣ взятія крѣпости, онъ вѣшаетъ коменданта. Но здѣсь мы уже имѣемъ дѣло съ историческими обстоятельствами, о которыхъ можемъ узнать изъ исторіи Пугачевскаго бунта Пушкина. Для насъ достаточно по-подробнѣе разсмотрѣть первыя три главы; что въ нихъ заключается?

— Въ первой главѣ сначала описано мѣсто, гдѣ жили яицкіе казаки, т. е. теченіе Яика. Потомъ Пушкинъ разсказываетъ, какъ въ XV-мъ столѣтіи здѣсь поселились казаки, рядомъ съ татарами. Въ царствованіе Михаила Өеодоровича они отдались подъ покровительство Москвы и получили въ свое владѣніе Яикъ съ правомъ «набираться на житье вольными людьми». Ими управляли атаманы и старшины, избираемые народомъ; всѣ дѣла рѣшались на народныхъ сходкахъ (кругахъ), гдѣ каждый имѣлъ свободный голосъ. Во время Петра Великаго имъ сдѣлана перепись, опредѣлена служба и назначено жалованье. Съ тѣхъ поръ по немногу измѣняли ихъ прежнее устройство; по вновь заведенному порядку дѣлъ, ими стала управлять канцелярія, учрежденная при войскѣ; атаманъ назначался правительствомъ, для разсмотрѣнія жалобъ посылались чиновники. Казаки постоянно роптали на разныя притѣсненія: на удержаніе жалованья, на самовольные налоги и нарушеніе старинныхъ правъ рыбной ловли. При Екатеринѣ II, они посылали отъ себя людей съ жалобой въ Петербургъ; но посланные были заключены въ оковы и наказаны, какъ бунтовщики. Начались волненія, которыя нѣсколько разъ умиряли силою оружія и казнями. Пушкинъ называетъ всѣхъ лицъ, посланныхъ для усмиренія, приводитъ имена членовъ слѣд-

ственной коммиссіи, которая разсматривала дѣла, и имена атамановъ, управлявшихъ войскомъ. Въ 1771 году, когда разнеслась молва, что изъ казаковъ составятъ гусарскіе эскадроны и будутъ брить имъ бороды, произошелъ настоящій мятежъ. Генералъ-маіоръ Траубенбергъ, вышедшій въ Яицкомъ городкѣ противъ казаковъ съ пушками, былъ убитъ; Дурновъ, одинъ изъ членовъ слѣдственной коммиссіи, израненъ, атаманъ Тамбовцевъ повѣшенъ, и проч. Казаки отправили выборныхъ въ Петербургъ для своего оправданія. Но генералъ-маіоръ Фрейманъ, посланный изъ Москвы, смирилъ ихъ: зачинщики частію биты кнутомъ, частію отданы въ солдаты или сосланы въ Сибирь. Однако тайное волненіе не прекратилось: казаки стали совѣщаться по степнымъ уметамъ и отдаленнымъ хуторамъ. Во второй главѣ разсказано о появленіи Пугачева и первыхъ его успѣхахъ. Онъ сначала скитался по казацкимъ дворамъ, нанимаясь всюду въ работники. Въ 1772 году, посланный для закупки рыбы въ Яицкій городокъ, онъ подговаривалъ казаковъ бѣжать къ турецкому султану. Послѣ того, пойманный, онъ сидѣлъ подъ стражею въ Казани: тутъ приверженцы освободили его, подготовивъ тройку въ то время, какъ съ двумя солдатами онъ собиралъ милостыню. Это случилось 19 іюня 1773 года. Казаки, задумавъ новый бунтъ, избрали Пугачева своимъ предводителемъ. Михаилъ Кожевниковъ подъ пыткою объявилъ, что у него на хуторѣ вмѣстѣ съ двумя казаками являлся неизвѣстный человѣкъ, который называлъ себя императоромъ Петромъ III. По словамъ самозванца, онъ скрывался сначала въ Турціи, потомъ на Дону, во время своего заключенія въ Казани освобожденъ съ помощью часоваго, котораго одинъ купецъ подкупилъ за 700 рублей; онъ говорилъ также, что думалъ овладѣть Яицкимъ городкомъ, когда казацкое войско уйдетъ на осеннее рыболовство, а въ случаѣ неудачи «броситься въ Русь», увлечь ее за собою, повсюду поставить новыхъ судей, (въ нынѣшнихъ, по его словамъ, присмотрѣна имъ многая неправда), и т. д. Розыски ускорили дѣло. 18 сентября Пугачевъ пришелъ подъ Яицкій городокъ съ толпою изъ 300 человѣкъ. Жители стали перебѣгать на сторону мятежниковъ. Начальникъ крѣпости, Симоновъ, выслалъ противъ Пугачева 500 казаковъ; двѣсти изъ нихъ, при капитанѣ Крыловѣ, отряжены впередъ. На встрѣчу имъ выѣхалъ казакъ, держа надъ головою возмутительное письмо отъ самозванца. Казаки потребовали чтенія письма, и половина ихъ тутъ же передалась Пугачеву, увлекши за собою пятьдесятъ вѣрныхъ

казаковъ. Изъ захваченныхъ силою одиннадцать были повѣшены. Пушкинъ приводитъ и имена ихъ. Потомъ онъ разсказываетъ о взятіи Илецкаго городка. Тутъ Пугачевъ обѣщалъ пожаловать казаковъ крестомъ и бородою (они были раскольники), рѣками и лугами, деньгами и провіантомъ, свинцомъ и порохомъ и вѣчною вольностью, угрожая местію въ случаѣ непослушанія. Казаки приняли его съ колокольнымъ звономъ и хлѣбомъ солью. Атаманъ, думавшій сопротивляться, повѣшенъ. Далѣе Пушкинъ описываетъ положеніе крѣпостей на Яикѣ и разсказываетъ о взятіи Разсыпной, Нижнеозерной, Татищевой, Чернорѣченской и Сакмарскаго городка; онъ говоритъ также о распоряженіяхъ оренбургскаго коменданта, Рейнсдорпа. Вездѣ казаки сдавались добровольно, гарнизонъ дѣйствовалъ плохо, офицера всѣ перевѣшаны; — въ Татищевой Пугачевъ пощадилъ только молодую жену Харлова, взявъ ее къ себѣ въ наложницы. Въ Сакмарскомъ городкѣ такъ встрѣчали Пугачева: «Въ крѣпости у станичной избы постланы были ковры и поставленъ столъ съ хлѣбомъ и солью. Попъ ожидалъ Пугачева съ крестомъ и со святыми иконами. Когда въѣхалъ онъ въ крѣпость, начали звонить въ колокола; народъ снялъ шапки, и когда самозванецъ сталъ сходить съ лошади, при помощи двухъ изъ его казаковъ, подхватившихъ его подъ руки, тогда всѣ пали ницъ. Онъ приложился къ кресту, хлѣбъ-соль поцѣловалъ и, сѣвъ на уготовленный стулъ, сказалъ: *вставайте, дѣтушки*. Потомъ всѣ цѣловали его руку». Подобно этому въ началѣ осьмой главы (стр. 96, изд. Исакова, 1859 года), Пушкинъ описываетъ возмущеніе, когда Пугачевъ перешелъ за Волгу. «Переправа Пугачева произвела общее смятеніе. Вся западная сторона возстала и предалась самозванцу. Господскіе крестьяне взбунтовались; иновѣрцы и новокрещеные стали убивать русскихъ священниковъ. Воеводы бѣжали изъ городовъ, дворяне изъ помѣстій; чернь ловила тѣхъ и другихъ и отовсюду приводила къ Пугачеву. Пугачевъ объявилъ народу «вольность, истребленіе дворянскаго рода, отпущеніе повинностей и безденежную роздачу соли». — Въ третьей главѣ, Пушкинъ разсказываетъ преимущественно о положеніи дѣлъ въ Оренбургѣ. При извѣстіи объ успѣхахъ Пугачева, въ городѣ началось волненіе: схваченъ зачинщикъ смятенія, отставной сержантъ, подосланный Пугачевымъ. Рейнсдорпъ издалъ объявленіе, гдѣ говорилось: о злодѣйствующемъ съ Яицкой стороны носится слухъ, якобы онъ другаго состоянія, нежели есть, «но что онъ бѣглый казакъ, наказанный кнутомъ съ

поставленіемъ на лицѣ знаковъ». Послѣднее было невѣрно, да и вообще Рейнсдорпъ распоряжался очень неискусно. Онъ думалъ дѣйствовать на Пугачева чрезъ Хлопушу, который двадцать лѣтъ разбойничалъ въ тамошнихъ краяхъ и сидѣлъ въ оковахъ, въ оренбургскомъ острогѣ. Но Хлопуша передался самозванцу и посланъ имъ возмущать уральскіе заводы. Рейнсдорпъ не успѣлъ также перевезти въ городъ запасы сѣна, заготовленные въ окрестностяхъ; казаки Пугачева сожгли его, и въ городѣ оказался крайній недостатокъ въ лошадиномъ кормѣ. На военномъ совѣтѣ одинъ только статскій генералъ, Старовъ-Милюковъ, далъ голосъ дѣйствовать наступательно: прочіе, вмѣстѣ съ Рейнсдорпомъ, рѣшили защищаться. Послѣ этого Пушкинъ описываетъ дѣйствія Пугачева при осадѣ Оренбурга и Бердскую слободу, въ которой онъ поселился. Около самозванца скопилось болѣе 25,000 войска, состоявшаго изъ яицкихъ казаковъ и солдатъ, захваченныхъ по крѣпостямъ, кромѣ того изъ крестьянъ, татаръ, калмыковъ, башкирцевъ, и проч. Всѣ были вооружены, какъ попало: кто копьемъ, кто пистолетомъ, кто дубиной. Жалованье получали одни Яицкіе казаки. Вино продавалось отъ *казны*. За побѣгъ объявлена смертная казнь и десятникъ отвѣчалъ головою за своего бѣглеца. Пугачевъ строго наблюдалъ за исправностью разъѣздовъ и карауловъ. Ученія (особенно артиллерійскія) происходили каждый день. Церковная служба отправлялась ежедневно; на ектеніи поминали государя Петра Θеодоровича и супругу его, государыню, Екатерину Алексѣевну, но Пугачевъ, будучи раскольникомъ, никогда не ходилъ въ церковь. Когда онъ ѣздилъ по базару, или по Бердскимъ улицамъ, то всегда бросалъ въ народъ мѣдными деньгами. Судъ и расправу давалъ, сидя въ креслахъ передъ своею избою. По бокамъ его сидѣли два казака, одинъ съ булавою, другой съ серебрянымъ топоромъ. Подходящіе къ нему кланялись въ землю и, перекрестясь, цѣловали его руку. Бердская слобода была полна офицерскихъ женъ и дочерей, казни происходили каждый день. Пугачевъ не былъ самовластенъ. Яицкіе казаки управляли его дѣйствіями; онъ ничего не предпринималъ безъ ихъ согласія, а они иногда дѣйствовали вопреки его волѣ. Они оказывали ему наружное почтеніе, при народѣ ходили за нимъ безъ шапокъ и били ему челомъ; но на единѣ обходились съ нимъ, какъ съ товарищемъ, и вмѣстѣ пьянствовали, сидя при немъ въ шапкахъ и въ однѣхъ рубахахъ и распѣвая бурлацкія пѣсни. «Улица моя тѣсна», говорилъ онъ Денису Пьянову, одному изъ первыхъ своихъ

приверженцевъ, на свадьбѣ его младшаго сына. Зарубинъ (Чика) именовался при немъ фельдмаршаломъ и былъ первый по самозванцѣ. Овчинниковъ, Шигаевъ, Лысовъ, Чумаковъ предводительствовали войскомъ. Всѣ они въ шутку назывались именами вельможъ, окружавшихъ въ то время престолъ Екатерины. Отставной артиллерійскій капралъ, Бѣлобородовъ, пользовался полною довѣренностью самозванца и вмѣстѣ съ Падуровымъ завѣдывалъ письменными дѣлами.

— То, что мы просмотрѣли въ трехъ первыхъ главахъ съ нѣкоторыми дополненіями изъ другихъ главъ даетъ намъ кое-какое понятіе о Пугачевѣ, хотя еще далеко не разъясняетъ характера этого историческаго лица. Мы все-таки можемъ по этимъ даннымъ судить, что́ въ повѣсти Пушкина представлено согласно съ исторіей, имъ же написанной. Теперь мы и провѣримъ историческія подробности повѣсти: вопросъ о томъ, отчего Пушкинъ избралъ тѣ, а не другіе факты, и почему онъ мѣстами дополнилъ ихъ вымыслами, мы оставимъ до другаго разу; но все-таки постараемся объяснить, согласны ли и вымыслы его съ историческимъ изображеніемъ? — Скажите, какія черты соединяются въ лицѣ Пугачева и окружавшихъ его казаковъ? — Черты народныя, общественныя и историческія. — То есть, событія рисуютъ намъ извѣстное общественное положеніе народа въ данную эпоху. Какъ въ первый разъ является Пугачевъ въ повѣсти? — Въ видѣ вожатаго, когда Гриневъ сбился съ пути. — Чтожъ тутъ народнаго и историческаго? — То, что Пугачевъ сначала дѣйствительно ходилъ по хуторамъ, отыскивая себѣ работы. Опытность, съ какою онъ узнаетъ близость жилья по пахнувшему дыму, также показываетъ въ немъ человѣка бывалаго и знакомаго съ краемъ. Въ народномъ духѣ представленъ и его разговоръ съ хозяиномъ постоялаго двора: народъ обыкновенно выражается поговорками и загадками, особенно, когда желаетъ, чтобы посторонніе его не понимали. Такъ выражался и Пугачевъ, судя по историческимъ извѣстіямъ; когда Панинъ на допросѣ его спросилъ: «Какъ же смѣлъ ты, воръ, назваться государемъ?» то онъ, играя словами, отвѣчалъ: «Я не воронъ, я вороненокъ, а воронъ-то еще летаетъ», (глава VIII, стр. 111). Мы не знаемъ, случилась ли какая нибудь встрѣча Пугачева съ проѣзжимъ, подарившимъ ему тулупъ; но довольно знать, что это могло случиться: Пугачевъ, скитаясь по разнымъ мѣстамъ, могъ встрѣчаться съ разными лицами. Одно только надо замѣтить: если Пу-

гачевъ укрывался, то гдѣ-нибудь подальше, а не вблизи проѣзжей дороги. — Скажите, къ какому времени относится разсказаное Пушкинымъ обстоятельство? — Къ 1772 году. — Гдѣ былъ въ это время Пугачевъ и могъ ли онъ скитаться такимъ нищимъ бродягой, чтобы навсегда помнить благодѣяніе, оказанное ему проѣзжимъ? — Въ 1772 году онъ скрывался въ Иргизскихъ скитахъ, а не по дорогѣ изъ Симбирска въ Оренбургъ, и посланъ былъ въ Яицкій городокъ для покупки рыбы; въ слѣдующемъ году за большія деньги подкупленъ солдатъ для его освобожденія изъ казанскаго острога. Слѣдовательно, невѣроятно, чтобы Пугачевъ нищенствовалъ, особенно въ въ то время, когда казаки уже имѣли въ виду начать возмущеніе. Правдоподобнѣе было бы, если бы онъ только притворялся нищимъ бродягой, чтобъ не попасться въ руки правительства. — Что́ далѣе мы находимъ историческаго? — Описаніе крѣпости, разсказы о распоряженіяхъ начальниковъ края, о волненіяхъ казаковъ, о приступѣ, о распоряженіяхъ Пугачева, о казни капитана, описаніе самого самозванца и его пира, описаніе оренбургской осады и Бердской слободы, также личности Хлопуши и Бѣлобородова (главы VI—XI) — все это взято съ большою точностью изъ историческихъ извѣстій. Такъ мы видимъ, что случившееся въ Бѣлогорской крѣпости случалось и при Яицкомъ городкѣ, и при взятіи Разсыпной, Нижнеозерной, Татищевой, Сакмарскаго городка, и проч. — Что́ однако тутъ вымышлено Пушкинымъ? — Всѣ разговоры Пугачева съ Гриневымъ, съ Савельичемъ, съ Швабринымъ, и проч. — Мы должны разсмотрѣть, согласны ли эти вымыслы съ исторіей. Во первыхъ, случалось ли, чтобы Пугачевъ миловалъ кого-нибудь изъ лицъ, не принадлежащихъ къ простому народу, то есть, изъ дворянъ, чиновниковъ, начальниковъ войска, и проч.? — При взятіи Пречистенской крѣпости, онъ не казнилъ офицеровъ, которые съ покорностью вышли къ нему на встрѣчу. Въ Ильинской крѣпости, онъ, по просьбѣ солдатъ, пощадилъ капитана Башарина (глава IV, стр. 47), сказавъ: «Коли онъ былъ до васъ добръ, то я его прощаю», и велѣлъ его, также какъ и солдатъ, остричь по казацки. Сохранился еще разсказъ, будто, во время казанскаго пожара, къ Пугачеву привели одного пастора реформатскаго исповѣданія, который подавалъ ему милостыню, когда его еще въ цѣпяхъ водили по улицамъ Казани. Самозванецъ узналъ пастора, принялъ его ласково и пожаловалъ въ полковники. Пасторъ принужденъ былъ нѣсколько дней сопровождать Пугачева на башкирской лошади, но, наконецъ, ему удалось

отстать отъ казаковъ и возвратиться въ Казань (глава VIII, стр. 95). Изъ всѣхъ этихъ случаевъ видно, что если Пугачевъ кого и миловалъ, то не иначе, какъ заставляя вступать въ свое войско. Но казаки обыкновенно убивали даже тѣхъ, кого встрѣчали въ нѣмецкой одеждѣ. Въ этомъ отношеніи особенно невѣроятнымъ кажется то, что Гриневъ у Бердской слободы остался цѣлъ, даже когда ударилъ казака по головѣ саблею, и что Савельичъ могъ безнаказанно называть сообщниковъ Пугачева ворами и злодѣями. Пушкинъ вообще приписываетъ Пугачеву припадки великодушія, которые онъ врядъ ли могъ имѣть по своему характеру и положенію. — Но развѣ Пугачевъ не могъ пощадить Гринева за чарку водки и заячій тулупъ, просто по пословицѣ: «русскій человѣкъ добро помнитъ», хотя бы и не находился въ крайнемъ положеніи, когда получилъ этотъ подарокъ? — Это возможно; но врядъ ли бы онъ отпустилъ его въ Оренбургъ съ тѣмъ, чтобы Гриневъ разсказывалъ коменданту о положеніи мятежниковъ, объ ихъ средствахъ и проч. Пугачевъ также врядъ ли бы сталъ довѣрять ему всѣ свои завѣтные замыслы, чуть не въ присутствіи казаковъ. Правда, если вѣрить преданію, онъ говорилъ: «Улица моя тѣсна», но на свадьбѣ у казака Пьянова, который укрывалъ его еще въ 1772 году. Казаки также потребовали бы у Пугачева отвѣта, за чѣмъ онъ ѣздилъ самъ-другъ съ офицеромъ въ Бѣлогорскую крѣпость и на какомъ основаніи этотъ офицеръ пользуется его дружелюбіемъ: тутъ вмѣшался бы не одинъ Бѣлобородовъ. Наконецъ Пугачевъ, сколько извѣстно, не обладалъ тѣми рыцарскими качествами, по которымъ онъ могъ бы принять особенное участіе въ дочери казненнаго имъ капитана. — У Пушкина все-таки была хорошая цѣль: онъ хотѣлъ и въ такомъ злодѣѣ, какимъ изображаетъ онъ Пугачева, указать нѣкоторыя добрыя свойства, принадлежащія вообще русскому народу. Но Пушкинъ, какъ мы видимъ, искалъ ихъ не тамъ, гдѣ бы слѣдовало, или по крайней мѣрѣ изображалъ не совсѣмъ правдоподобно. Въ соотвѣтствіе характеру Гринева, онъ придалъ и Пугачеву нѣкоторый романтическій оттѣнокъ; но Пугачевъ былъ только выраженіемъ извѣстной части народа. Указываетъ ли Пушкинъ на отношенія Пугачева къ народу? — Очень мало. Сначала Пугачевъ является какимъ-то незначительнымъ бродягой, просящимъ на водку, потомъ уже видимъ его на конѣ передъ войскомъ; на площади онъ распоряжается казнями, или бросаетъ деньги въ народъ. Наединѣ со своими совѣтниками онъ толкуетъ о военныхъ дѣлахъ (самыхъ

разговоровъ не приведено), проситъ спѣть пѣсню: «Не шуми, мати, зеленая дубровушка!» и слушаетъ, какъ Хлопуша съ Бѣлобородовымъ разсуждаютъ, повѣсить или нѣтъ Гринева. Казаки и народъ выведены здѣсь только, какъ нѣмыя лица на сценѣ. Хлопуша и Бѣлобородовъ были ближніе люди и могли, пожалуй, спорить съ самозванцемъ; но и они не слишкомъ ему противорѣчатъ. Мы не знаемъ, отчего Пугачеву вздумалось упрашивать Гринева служить ему, когда другихъ онъ просто принуждалъ къ этому или вѣшалъ безъ всякаго разбору; съ какой стати онъ говорилъ: «воли мнѣ мало», когда все передъ нимъ преклонялось и цѣловало ему руки? Пугачевъ безъ народа, отъ котораго онъ зависѣлъ, совсѣмъ загадочная личность, и только съ внѣшней стороны онъ описанъ у Пушкина очень вѣрно. — Однако не высказывается ли хотя въ нѣкоторыхъ чертахъ — народный и историческій характеръ Пугачева во время этихъ бесѣдъ съ Гриневымъ? — Удалой, народный характеръ Пугачева болѣе всего высказался въ приведенной имъ калмыцкой сказкѣ: она соотвѣтствуетъ и его историческому положенію; разбойничья удаль хорошо выражена и въ пѣснѣ: «Не шуми, мати зеленая дубровушка». Пугачевъ могъ также хвастать своимъ военнымъ искусствомъ и мечтать о томъ, какъ онъ «тряхнетъ Москвою». Выставлять себя заступникомъ обиженнаго народа было также въ характерѣ Пугачева. — Всѣ эти черты внѣшнимъ образомъ взяты довольно вѣрно; въ самомъ участіи Пугачева къ Гриневу могла бы выражаться мысль, что ласкою и добромъ смягчишь самую грубую натуру. Но во всемъ этомъ не видно общей идеи, которая управляла бы поступками Пугачева: тутъ историческія черты являются безъ связи съ народными и общественными, народныя безъ связи съ историческими. Возьмемъ въ примѣръ хоть пѣснь: «Не шуми, мати, зеленая дубровушка». Это пѣснь дѣйствительно народная, разбойничья: она переноситъ насъ въ кругъ тѣхъ пѣсней, какія пѣлись въ старину вольными, гулящими людьми, бѣжавшими въ лѣса отъ разныхъ общественныхъ неустройствъ: отъ разоренія вражескаго, отъ притѣсненій воеводъ, отъ холопской службы, или просто вслѣдствіе удали и разгула. Но почему Пугачевъ избираетъ именно эту пѣснь? Она еще была бы кстати, когда онъ сидѣлъ въ казанской темницѣ; но какъ согласить съ этой пѣснію его слова о томъ, что онъ справился бы съ прусскимъ королемъ, Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ? Возможно ли, чтобы ее стали пѣть на пиру у Пугачева и еще въ присутствіи посторонняго человѣка, офицера, едва избѣгшаго петли?

Пугачевъ не былъ простымъ разбойникомъ, который занимается грабежемъ только для своего пропитанія, онъ избранъ казаками и самъ былъ казакомъ, а пѣснь: «Не шуми, мати, зеленая дубровушка» вовсе не принадлежитъ къ числу казацкихъ. Вообще въ характерѣ Пугачева мы замѣчаемъ какую-то двойственность: въ отношеніи къ Гриневу онъ является человѣкомъ, помнящимъ добро, великодушнымъ, чувствительнымъ къ угнетенной сиротѣ; во всѣхъ же другихъ случаяхъ — кровопійцей, какъ онъ самъ себя называетъ. Но внѣшнія черты: описаніе наружности, военныхъ дѣйствій, распоряженій и замысловъ Пугачева, представлены съ полной исторической вѣрностью.

2. Поэтическое изображеніе событій въ повѣсти въ сравненіи съ прозаическимъ; свойства поэзіи вообще.

До сихъ поръ мы разсматривали характеры въ повѣсти «Капитанская дочка;» теперь сравнимъ поэтическое изображеніе событій, въ ней представленныхъ, съ прозаическимъ. Припомнимъ, что находится въ началѣ исторіи Пугачевскаго бунта? — Очеркъ прежней жизни Яицкихъ казаковъ. — Вошло ли это въ повѣсть? — Нѣтъ, тамъ есть только краткія свѣдѣнія о положеніи казаковъ въ 1773-мъ году (Глава VI-ая). — Отчего же Пушкинъ не помѣстилъ и свѣдѣній о прежнемъ ихъ положеніи? — Это не относилось къ событіямъ, представленнымъ въ повѣсти. — Однако вѣдь и появленіе Пугачева объясняется исторіею всей казацкой жизни. — Если обо всемъ этомъ разсказывать, то была бы ужъ исторія, а не повѣсть. — Слѣдовательно повѣсть, какъ поэтическое произведеніе, не могла ознакомить съ цѣлымъ, послѣдовательнымъ развитіемъ событій. Отчего это? — Отъ того, что въ поэзіи необходимо живое возсозданіе характеровъ, а это возможно сдѣлать, лишь избравъ немногіе, наиболѣе выдающіеся факты: тутъ войдутъ собственныя рѣчи лицъ, большею частью вымышленныя авторомъ, только согласно съ ихъ историческимъ положеніемъ и характеромъ, и такія подробности изъ ихъ частной и общественной жизни, которыхъ самая обстоятельная исторія касается мимоходомъ. Если бы даже существовали обо всемъ самыя подробныя историческія извѣстія, на которыхъ поэтъ могъ бы основывать свой разсказъ, то все-таки ему пришлось бы написать столько повѣстей, сколько было отдѣльныхъ важныхъ событій; а это врядъ ли кому подъ силу, да и стѣснило

бы свободный талантъ поэта, безъ всякой нужды и цѣли: самый вѣрный поэтическій разсказъ не замѣнитъ точнаго историческаго изслѣдованія.

— Но въ повѣсти Пушкина изображенъ же Пугачевъ; могъ ли бы авторъ, при самомъ описаніи его личности, указать на причины, вызвавшія его къ дѣятельности? — Конечно; но это было бы исполнено не такъ, какъ въ исторіи: Пушкинъ, напримѣръ, представилъ бы казацкіе круги и совѣщанія, заставилъ бы казаковъ толковать объ ихъ прежнемъ бытѣ и новыхъ намѣреніяхъ, и проч. — Слѣдовательно, поэту не было и необходимости писать нѣсколько повѣстей: въ одной повѣсти онъ можетъ заключить всю сущность историческаго событія, которое изображаетъ, указать и на связь его съ предъидущими историческими явленіями на столько же, на сколько объ этомъ скажетъ исторія отдѣльнаго событія. Посмотримъ, что изъ второй главы исторіи Пугачевскаго бунта взято въ повѣсть. — Тутъ также сначала представлены подробности, необходимыя въ послѣдовательности прозаическаго разсказа: Пушкинъ говоритъ, какъ изъ Иргизскихъ скитовъ, *въ концѣ 1772-го года,* Пугачева посылали для закупки рыбы въ Яицкой городокъ, гдѣ онъ стоялъ у казака *Дениса Пьянова,* что онъ тутъ толковалъ и дѣлалъ, какъ онъ пойманъ *въ селѣ Малыковкѣ* и отосланъ подъ стражею, сначала въ *Симбирскъ,* а потомъ *въ Казань,* какъ *19 іюня 1773 года* бѣжалъ оттуда и явился на хуторахъ отставнаго козака *Данилы Шелудякова,* о чемъ здѣсь толковали заговорщики; послѣ этого представлено донесеніе *Кожевникова* о томъ, какъ пріѣзжалъ къ нему *Иванъ Зарубинъ,* объявляя, что великая особа скрывается въ краю, и потомъ явился съ *Тимоѳеемъ Мясниковымъ* и невѣдомымъ человѣкомъ, какого виду былъ незнакомецъ и что онъ разсказывалъ о себѣ. На хуторѣ Кожевникова Пугачевъ находился *три дня;* Зарубинъ и Мясниковъ увезли его на *Усихину Розсашь; 18 сентября* съ *Будоринскаго* форпоста, Пугачевъ прошелъ подъ *Яицкій* городокъ съ толпою изъ *300 человѣкъ* и остановился въ *трехъ* верстахъ отъ города, за рѣкою *Чаганомъ.* Всѣ эти подробности съ точнымъ означеніемъ мѣста, гдѣ что случилось, времени, когда произошло, — лицъ, участвовавшихъ въ дѣйствіи, не могли войти въ поэтическое изображеніе: Пушкину не было нужды воссоздавать характеры Шелудякова, Зарубина, (о которыхъ кромѣ именъ почти ничего и не извѣстно), описывать Усихину Розсашь, Будоринскій форпостъ, слѣдовать шагъ за шагомъ во всѣхъ дви-

женіяхъ Пугачева, изображая его подъ каждымъ числомъ мѣсяца и года въ особой поэтической картинѣ. Историкъ съ точностью, требуемой наукою, упоминаетъ и о такихъ мѣстностяхъ, гдѣ особенно замѣчательнаго ничего не случилось, приводитъ имена лицъ, вовсе незначительныхъ, хотя также имѣетъ цѣлію, приводя въ извѣстный порядокъ факты, выяснить событіе; поэтъ избираетъ только самые значительные факты, въ полномъ возсозданіи которыхъ совершенно выясняются и историческіе характеры, и истинный смыслъ событія. — Что же выбралъ Пушкинъ для своей повѣсти изъ разсказанныхъ вами историческихъ подробностей? — Онъ выставилъ Пугачева на неизвѣстномъ постояломъ дворѣ, какъ бродягу. — Чтожъ? этого было и достаточно для поэтическаго изображенія? — Нѣтъ, тутъ его изображеніе не совсѣмъ согласно съ исторіей: Пушкинъ, пожалуй, могъ и не упоминать о хуторѣ Кожевникова, а представить вообще казацкое жилище по своимъ мѣстнымъ наблюденіямъ и тѣмъ историческимъ извѣстіямъ, какія нашлись бы; но для исторической истины, которая необходима и въ повѣсти, не довольно было обрисовать Пугачева, во время его скитальчества, только слегка, по поводу встрѣчи съ Гриневымъ. — Замѣтимъ, что, и въ указанномъ вами мѣстѣ изъ исторіи, характеръ и дѣйствія Пугачева совершенно не объяснены, а приведены одни голые факты. Въ повѣсти же, при описаніи мятели, Пушкинъ изображаетъ хоть удаль Пугачева и нѣкоторыя другія изъ его народныхъ свойствъ, но все это представлено почти безъ всякаго отношенія къ тѣмъ фактамъ, которые находимъ въ историческомъ разсказѣ: Пугачевъ изображенъ только, какъ удалой бродяга, возбуждающій то состраданіе, то страхъ въ Гриневѣ; но онъ важенъ не только по отношенію къ Гриневу, а и какъ историческое лицо тѣмъ болѣе, что потомъ имъ исключительно заняты самыя важныя и лучшія главы повѣсти. Намъ и кажется невѣроятнымъ чудомъ, что бродяга, принимающій съ благодарностью стаканъ водки, вдругъ является могучимъ представителемъ войска. Правда, въ началѣ VI главы, Пушкинъ кратко упоминаетъ о положеніи Оренбургской губерніи въ 1773 году и о бунтѣ 1772 года; но это прозаическое предувѣдомленіе нисколько не выясняетъ намъ, какъ могъ неожиданно вырости Пугачевъ, и когда потомъ на площади Гриневъ съ удивленіемъ узнаетъ въ немъ человѣка, съ которымъ встрѣтился на постояломъ дворѣ, то удивленъ и читатель, отчего не ямщикъ, везшій Гринева, не хозяинъ постоялаго двора, не кутила Зуринъ,

или еще кто-нибудь другой явились во главѣ возстанія. Слѣдовательно, поэтическое изображеніе могло очень согласоваться съ исторіею, не представляя всѣхъ частностей историческаго разсказа. Мы знаемъ, что Бѣлогорская крѣпость вымышлена Пушкинымъ, но въ ея описаніи, также какъ и въ описаніи приступа, онъ соединилъ многое, что случилось въ дѣйствительности при взятіи разныхъ крѣпостей. Посмотримъ же, изъ какихъ частей здѣсь составился поэтическій образъ; укажите, откуда могло быть заимствовано Пушкинымъ все, находящееся въ описаніи?— Что касается положенія Бѣлогорской крѣпости, то она напоминаетъ *Нижнеозерную* съ ея двумя пушками, изъ которыхъ комендантъ Харловъ палилъ для ободренія своихъ престарѣлыхъ солдатъ. О старыхъ солдатахъ говорится и при описаніи *Чернорѣченской* крѣпости. Какъ казаки волновались при извѣстіи о Пугачевѣ, узнаемъ изъ описанія осады *Яицкаго*, *Илецкаго* городка, *Разсыпной* и проч. Въ Бѣлогорской крѣпости схваченъ башкирецъ съ возмутительными листами, подобно тому, какъ *въ самомъ Оренбургѣ* поймали отставнаго сержанта, подосланнаго Пугачевымъ. Распоряженіе о защитѣ крѣпости также сходно *съ предписаніями Рейнсдорпа.* При описаніи приступа сначала представлено, какъ конная толпа показалась въ степи вмѣстѣ съ Пугачевымъ, и четыре человѣка подскакали къ Бѣлогорской крѣпости: одинъ изъ нихъ держалъ надъ шапкою листъ. Такъ и при взятіи *Нижнеозерной* Пугачевъ ѣхалъ впереди своего войска; когда при осадѣ *Яицкаго городка* высланы были противъ него 200 казаковъ подъ начальствомъ капитана Крылова, то къ нимъ навстрѣчу выѣхалъ казакъ отъ самозванца, держа надъ головою возмутительное письмо: половина отряда тутъ же передалась Пугачеву; при осадѣ *Оренбурга* тоже подъѣзжали казаки къ городу, уговаривая жителей сдаться. Подобно Ивану Кузьмичу, въ *Нижнеозерной*, маіоръ Харловъ самъ выпалилъ изъ пушки, когда робкій гарнизонъ бездѣйствовалъ. Во время самаго приступа солдаты не двинулись съ мѣста, какъ въ *Нижнеозерной*, въ *Чернорѣченской* и проч. Иванъ Кузьмичъ израненъ, какъ Харловъ, какъ Елагинъ въ *Татищевой.* Почти всѣ подробности пріема Пугачева въ Бѣлогорской крѣпости мы находимъ въ описаніи того, какъ встрѣчали его въ *Сакмарскомъ городкѣ*, а именно: жители выходили къ нему съ хлѣбомъ-солью, звонили въ колокола; казаки поддерживали его, когда онъ сходилъ съ лошади, или садился, и проч. Какъ Пугачевъ присоединялъ солдатъ къ своему войску и вѣшалъ началь-

никовъ, описано при взятіи всѣхъ крѣпостей; примѣромъ жестокостей можетъ служить то, что сдѣлано *въ Нижнеозерной* и *Татищевой.* — Что же изо всего этого слѣдуетъ? — Что Пушкинъ, для своего поэтическаго разсказа, собиралъ характеристичныя подробности изъ многихъ дѣйствительныхъ фактовъ и слилъ ихъ въ одно цѣлое безъ отношенія къ *мѣсту*, гдѣ что случилось, и *ко времени*, когда произошло; для него достаточно было опредѣлить мѣсто и время не въ частности, а *вообще*: Яикъ на томъ пространствѣ, гдѣ находились мелкія крѣпости, и 1773 годъ. Это историческое опредѣленіе мѣста и времени, достаточное въ поэзіи, еще не удовлетворительно въ прозаическомъ изображеніи предмета, гдѣ нужна полная точность чиселъ и собственныхъ именъ и невозможно сливать раздробленные факты, сводя къ одному мѣсту и времени, что случилось въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время. Такъ у Пушкина вышелъ поэтическій образъ, который согласенъ съ дѣйствительностью и въ тоже время не составляетъ буквальнаго съ нея списка, потому что *одно* событіе, разсказанное Пушкинымъ, при повѣркѣ съ исторіею, является *сложеннымъ* изъ многихъ дѣйствительныхъ фактовъ. — Но развѣ Пушкинъ не могъ того же достигнуть, просто избравъ одну какую-нибудь изъ извѣстныхъ крѣпостей и живо представивъ все, что случилось въ ней самаго характеристичнаго? Вѣдь при взятіи крѣпостей большею частію происходило одно и тоже, а Пушкинъ могъ бы найти и *такое событіе*, которое бы *въ наибольшей мѣрѣ* выясняло характеръ Пугачева; тогда, оставаясь вполнѣ вѣрнымъ исторіи, онъ не отступилъ бы и отъ поэтическихъ требованій. — Это дѣйствительно было бы очень хорошо; но главная цѣль поэта все-таки въ одномъ живомъ образѣ представить общую характеристику лицъ и событій. Если такое происшествіе укажетъ исторія, то есть, если при его важности, о немъ сохранятся и самыя полныя извѣстія, то, конечно, поэтъ менѣе отступитъ отъ исторической точности. Такъ и у Пушкина описаніе Бѣлогорской крѣпости болѣе другихъ напоминаетъ Нижнеозерную и Сакмарскій городокъ. Но и въ этомъ случаѣ, для цѣлости и типичности образа, ему придется кое-что отбросить, кое-что дополнить. Напримѣръ, для него не имѣетъ никакого значенія, что вмѣстѣ съ Харловымъ Пугачевъ велѣлъ казнить прапорщиковъ Фигнера и Кабалерова, одного писаря и татарина Бикбая: для него важенъ только общій характеръ казней; точно также ему придется угадывать, что сказалъ бы Пугачевъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ, по ходу

разсказа, необходимы собственныя рѣчи дѣйствующаго лица: слѣдуя однимъ историческимъ извѣстіямъ, онъ не могъ бы вполнѣ оживить свой образъ. — Однако замѣтимъ, что и историкъ долженъ оживлять изображаемыя имъ лица; но для этого у него есть другія средства. Приводя наиболѣе видный фактъ изъ ихъ жизни, или ихъ собственныя слова, сохраненныя исторіею, онъ разъясняетъ истинный смыслъ того и другаго, онъ сводитъ разныя обстоятельства, служащія къ такому разъясненію, и тогда уже по одному факту, по немногимъ характеристичнымъ словамъ вы можете судить о человѣкѣ и ясно видѣть, что онъ сдѣлалъ бы или сказалъ бы во всѣхъ подобныхъ случаяхъ.

Такъ, напримѣръ, слова Пугачева «улица моя тѣсна» могли бы быть разъяснены его отношеніемъ къ казакамъ и, въ свою очередь, ярко изображать положеніе Пугачева. Но для поэта этого средства не существуетъ: онъ долженъ заставить самого Пугачева толковать эти слова, представивъ, напримѣръ, всю его бесѣду съ Пьяновымъ; онъ не просто разъясняетъ, а *возсоздаетъ* лицо. Исторія, какъ проза, имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе событій, при которомъ мы узнаемъ ихъ причины и послѣдствія, узнаемъ, какъ люди дѣйствовали въ старину, какія они имѣли понятія (понятія Василисы Егоровны о судѣ и правдѣ), какъ жилъ народъ, что было хорошаго и дурнаго въ его жизни, но съ другой стороны тамъ, гдѣ окончено это изслѣдованіе и историкъ переходитъ къ изображенію самой борьбы, въ которой разыгрываются страсти человѣческія, сталкиваются желанія и потребности разныхъ сословій, или выступаютъ народныя силы, чтобы отстоять свою самостоятельность (напримѣръ, у Грековъ, борьба между разными партіями, борьба съ Персами), тамъ возможенъ *живой разсказъ* и *исторія, по своей художественной изобразительности, сближается съ поэзіею*. Въ исторіи Пугачевскаго бунта Пушкина, какъ мы замѣтили, мало объясненій на факты, мало и живости въ разсказѣ, происходящей отъ искусной группировки фактовъ. Въ чемъ состоитъ эта группировка—мы подробнѣе объяснимъ впослѣдствіи: здѣсь замѣтимъ, что она сходна съ тою, какую мы нашли въ повѣсти Пушкина, только въ исторіи должны быть выполнены научныя требованія времени и мѣста. Однако историческій разсказъ Пушкина совершенно простъ, ясенъ и легокъ въ отношеніи слога, и достигаетъ нѣкоторой изобразительности тамъ, гдѣ самыя событія захватываютъ вниманіе, напримѣръ, хоть въ описаніи казни Пугачева.

Вотъ, начавши съ различія между поэтическимъ и прозаическимъ изображеніемъ, мы опять пришли къ тому, что оба рода сочиненій могутъ сходствовать другъ съ другомъ. Въ чемъ же ихъ назначеніе? Нужна ли поэзія послѣ того, какъ проза въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ замѣнять ее, да еще сохраняя всю правду по отношенію къ дѣйствительности?—И то, и другое необходимо; въ прозаическомъ сочиненіи мы узнаемъ окружающую насъ жизнь, въ поэзіи мы живо принимаемъ къ сердцу, что около насъ происходитъ.—То есть, въ первомъ случаѣ болѣе дѣйствуетъ *умъ*, который наблюдаетъ, различаетъ и приводитъ въ порядокъ предметы; во второмъ — *воображеніе*, рисующее намъ предметы съ тѣми живыми красками, какія они имѣютъ въ дѣйствительности. Думая о зимней мятели, я могу разсуждать о томъ, какъ образуется снѣгъ, когда онъ выпадаетъ, какъ, при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ, налетаетъ въ сугробы и застилаетъ дорогу, какія необходимы предосторожности, чтобы при этомъ не сбиться съ пути; я разбираю свойства снѣга, наносимаго вѣтромъ, и всѣ послѣдствія, происходящія отъ подобнаго явленія природы. Но когда я увлеченъ воображеніемъ, то, напримѣръ, живо припомню себѣ, какъ ребенкомъ я радовался первому снѣгу, выпадающему бѣлыми, пушистыми звѣздочками, или представлю вьюгу съ туманнымъ небомъ, съ тоскливымъ завываніемъ вѣтра, съ крутящимися клочьями снѣга, или, еще лучше, обращусь къ стихамъ Пушкина «Зимній вечеръ»:

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя.

Показавъ отношеніе между этими дѣйствіями ума и воображенія, мы объяснимъ и отношеніе между прозой и поэзіей. Уже изъ предъидущаго видно, что если точное знаніе вполнѣ *озаряетъ* для меня предметъ, то живое его представленіе проникнуто той *теплотою*, безъ которой онъ былъ бы, можетъ, и очень правильнымъ и яснымъ, но мертвымъ тѣломъ. Свѣтъ и теплота тѣсно связаны въ природѣ: то же солнце и освѣщаетъ, и грѣетъ. Такъ и въ способностяхъ живой души. Не проникнувшись любовью къ предмету, не представивъ себѣ ярко того разнообразія, какое заключается въ его формахъ и дѣйствіяхъ, въ этой вѣчной игрѣ природы, мы не могли бы и изслѣдовать его съ успѣхомъ. Ботаникъ, изорвавъ цвѣтокъ,

чтобы ближе разсмотрѣть устройство его корня, ствола, листьевъ, лепестковъ, пестика и тычинокъ, снова *воображаетъ* его посреди дѣйствующихъ силъ природы, указывая, какъ придаетъ онъ тотъ или другой видъ лугу, какъ разныя животныя ищутъ его или избѣгаютъ, зачѣмъ жужжитъ надъ нимъ пчела, мошка, или копошится въ его чашечкѣ червячекъ, какъ человѣкъ находитъ въ немъ облегченіе въ болѣзни, или собираетъ его для добыванія волоконъ, маслянистыхъ зеренъ, красящаго соку. Тутъ ботанику является случай живо представить въ картинѣ естественныя явленія или человѣческій трудъ; ему даже необходимо это дѣлать, потому что естественныя силы только въ томъ ихъ *совокупномъ дѣйствіи*, какое находимъ *въ самой жизни*, становятся намъ *вполнѣ понятны*. Воображеніе и здѣсь творитъ живые образы, различно сопоставляя отдѣльныя явленія, но оно пользуется фактами уже разъясненными и разобранными въ предварительной, многотрудной работѣ ума, которая, конечно, не ограничивается изслѣдованіемъ тычинокъ да пестиковъ. Съ другой стороны воображеніе, не сопровождаемое этою работою ума, ведетъ насъ только къ обману. Мы привели въ примѣръ описаніе зимней мятели у Пушкина: тутъ нѣтъ ничего противорѣчащаго здравому смыслу. Но необразованный народъ, напуганный могучимъ явленіемъ природы, воображаетъ въ бурѣ несуществующую силу, — дѣйствіе злаго демона, бѣса. Пушкинъ, въ своемъ стихотвореніи: «Бѣсы», искусно воспользовался этимъ представленіемъ, чтобы съ народной точки зрѣнія оживить бурю. У Пушкина здѣсь одна только поэтическая аллегорія: изображеніе бѣсовъ, отчасти шутливое, только ярче выказываетъ намъ разныя дѣйствія зимней мятели. Но народъ этимъ представленіемъ не только удовлетворяетъ своей потребности живо изобразить впечатлѣніе, произведенное на него силою природы, но и потребности ума разъяснить его. Умъ, собственно говоря, тутъ не дѣйствуетъ самостоятельно: онъ только покоряется слѣпому обаянію чувства,— и вотъ, является цѣлая исторія бѣсовъ, цѣлое ученіе объ ихъ свойствахъ, о вредѣ, какой они приносятъ, и о томъ, какими средствами избѣгать ихъ пагубнаго вліянія. Воображеніе передаетъ весь свой трудъ уму, и такимъ образомъ доводитъ его до самыхъ крайнихъ нелѣпостей. И такъ бываетъ не только въ необразованномъ народѣ, но и вездѣ, гдѣ мы дадимъ излишнюю волю воображенію въ ущербъ разсудку. Многіе изъ насъ, живо усвоивъ *нѣсколько знаній* и видя, что другіе и того не знаютъ, уже *воображаютъ*, что они очень

умные и знающіе люди, смѣло берутся судить обо всемъ, мало думая о своемъ усовершенствованіи, презираютъ чужой опытъ и знаніе, и такимъ образомъ сами не замѣчаютъ, какъ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе глупѣютъ. Даже тѣ немногія знанія, какія они имѣли по естественной связи понятій, затемняются и искажаются ихъ невѣжественными сужденіями. Но если воображеніе, не управляемое умомъ, такъ вредно, а наука, развивая нашъ умъ, въ то же время оставляетъ довольно мѣста и дѣйствію воображенія, разумно направленному, то къ чему же еще нужна поэзія, какъ особая область душевной дѣятельности, въ которой самостоятельно высказывается эта послѣдняя способность? Господство поэзіи дѣйствительно ослабѣло вмѣстѣ съ умственнымъ развитіемъ; встарину исторію замѣняли пѣснями и сказками, въ стихахъ излагали правила жизни и даже законы. Но поэзія все-таки не потеряла своего значенія. Признавши вполнѣ власть ума, какъ превенствующей способности, допустивъ, что только образы фантазіи, имъ провѣренные, имѣютъ настоящую силу и значеніе, мы все-же должны предоставить воображенію особое мѣсто въ нашей душевной дѣятельности. Та полнота жизни и силы, какую представляютъ окружающія насъ явленія, возбуждаетъ въ насъ желаніе не только изслѣдовать, но и *непосредственно созерцать* эту жизнь и силу. Слыша пѣніе соловья, я, конечно, хотѣлъ бы узнать, какъ устроено его горло и какъ онъ производитъ имъ столь разнообразные и игривые звуки: но и такъ, безъ этой мысли, я порою заслушиваюсь его пѣсни. Тутъ самое изученіе разныхъ звуковъ этой пѣсни, описанной у Крылова словами:

«Защелкалъ засвисталъ,
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался:
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался —

самое это изученіе ведетъ только къ тому, чтобы увеличить пріятное ощущеніе слуха. Тихій вечеръ, чистое небо съ разсѣянными на немъ розовыми облачками, рядъ домовъ со сверкающими окнами отъ отраженнаго въ нихъ солнца и съ такимъ же блестящимъ отраженіемъ въ зеркальной, на видъ неподвижной, рѣкѣ; или мрачно нависшія тучи и внезапный блескъ молніи, мертвая тишина, послѣ которой вдругъ закрутится, завоетъ вьюга и хлынетъ быстрый ли-

вень: подобныя картины иногда до того захватываютъ чувство, что даже замираетъ въ насъ способность мысли, и мы только смутно сознаемъ возбужденную въ душѣ нашей творческую силу. Конечно, разумный человѣкъ не удовлетворится однимъ этимъ чувствомъ, не будетъ праздно созерцать то игривыя, то грозныя явленія природы, а захочетъ узнать ихъ свойства и причины; тѣмъ не менѣе чувство остается и, съ яснымъ пониманіемъ природы, оно только получаетъ новую глубину и силу. Это чувство называютъ *чувствомъ прекраснаго*, и оно состоитъ въ *непосредственномъ воспріятіи явленій, полныхъ жизни и силы.* Жизнь плѣняетъ насъ то игривымъ разнообразіемъ, то громаднымъ размѣромъ явленій (ручей и широкая рѣка, красивая лужайка и степь, цвѣтущіе холмы и высокія горы); потому и въ красотѣ различаютъ *граціозное* (прелестное) и *грандіозное* (величественное). Въ тѣсномъ смыслѣ подъ красотою разумѣютъ извѣстное сочетаніе звуковъ, цвѣтовъ, линій (напримѣръ, розовый съ зеленымъ, извилистыя, округлыя линіи, и проч.), которое дѣйствуетъ нѣжно и успокоительно на душу. Но тутъ многое также зависитъ отъ личнаго вкуса; главными и существенными свойствами прекраснаго можно считать все, въ чемъ выражается правильно и естественно развитая жизнь: соразмѣрность въ частяхъ и гармонія цѣлаго (искривленное лице, обломанное дерево не будетъ красивымъ), свѣжесть и сила (зеленѣющій лѣсъ, колосистая нива), соотвѣтствіе между свойствами и дѣйствіями предмета и его природнымъ назначеніемъ (вѣчный туманъ, постоянный мелкій дождь, безъ нужды обременяющій землю, утомителенъ и скученъ, не только по своему однообразію, но и потому, что мы въ немъ не видимъ цѣли). Человѣческое понятіе *о пользѣ* значительно видоизмѣняетъ идею прекраснаго: предметы, для насъ полезные, хотя бы и не столь красивые въ другихъ отношеніяхъ, намъ нравятся болѣе, чѣмъ вредные, или не приносящіе никакой пользы; такъ пчела, не смотря на ея жало, можетъ нравиться болѣе, чѣмъ самая блестящая бабочка; неуклюжая утка — больше, чѣмъ высоко летающій ястребъ. Тамъ, гдѣ преобладаетъ чувство страха, сознаніе вреда и зла, уничтожается и чувство прекраснаго. Слѣдовательно, противуположнымъ красотѣ будетъ все слабое, хилое, подверженное тлѣнію, все грубо несоразмѣрное, уродливое по отсутствію всякой симметріи въ частяхъ и цѣли въ дѣйствіяхъ, и наконецъ все вредное (или гдѣ мысль о вредѣ такъ сильна, что препятствуетъ наслаждаться

красотою, напр. красивая змѣя, ураганъ въ степи, буря на морѣ и проч.). То, что мы сейчасъ сказали о физической природѣ, еще болѣе имѣетъ значенія въ примѣненіи къ нравственной природѣ человѣка. Малодушіе, или мелкое, болѣзненное самолюбіе, невѣжественная грубость понятій, или низкій эгоизмъ, соединенный съ природнымъ умомъ и ловкостью въ дѣлахъ жизни, глупость и тщеславіе при наружной красотѣ, робкое безсиліе при высокихъ замыслахъ, — все это служитъ болѣе или менѣе яркимъ признакомъ нравственнаго безобразія. Этому чувству прекраснаго, этой потребности человѣка *непосредственно созерцать* всѣ обаятельныя явленія природы и удовлетворяетъ поэзія: тутъ воображеніе и является къ услугамъ человѣка. Поэтъ, одаренный въ высшей степени этою творческою силою, *возсоздаетъ* для насъ въ живыхъ образахъ то игривую прелесть, то грозное величіе природы, и если подобное возсозданіе никогда не замѣнитъ *дѣйствительной красоты*, то, по крайней мѣрѣ, живо намъ ее напомнитъ. Поэтъ имѣетъ то преимущество, что онъ можетъ *дѣлать выборъ* между явленіями, сосредоточивая въ одной картинѣ все, наиболѣе завлекательное; предметы ужасные или вредные, въ поэтическомъ изображеніи, не возбуждаютъ болѣе ни опасенія за жизнь, ни болѣзненной тревоги. Такъ Лермонтовъ, въ поэмѣ «Мцыри», описалъ, въ легкихъ очеркахъ, всю кавказскую природу: и зубчатыя вершины горъ, и страшные уступы скалъ, и шумящіе потоки, и битву съ барсомъ. Тутъ все полно одинаковой прелести, или по своему игривому разнообразію, или по выраженію силы:

«Кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ;
Растеній *радужный* нарядъ
Хранилъ слѣды *небесныхъ слезъ*,
И *кудри* виноградныхъ лозъ
Вились, красуясь межъ деревъ
Прозрачной зеленью листовъ;
И *грозды полные* на нихъ,
Серегъ подобье дорогихъ,
Висѣли *пышно*, и порой
Къ нимъ птицъ леталъ *пугливый рой*.»

Здѣсь избраны немногія плѣнительныя черты въ предметахъ; описаніе винограда даетъ только очень слабое понятіе о *дѣйствительномъ* виноградѣ, и, конечно, въ томъ, *кто не видѣлъ его въ природѣ*, не можетъ даже возбуждать особенно пріятнаго чувства:

во всякомъ случаѣ для васъ было бы несравненно болѣе наслажденія *прямо видѣть* эту красоту, чѣмъ читать ея описаніе. Но впечатлѣніе, производимое красотою предмета, передано очень живо, и поэтъ, по своему болѣе развитому чувству прекраснаго, можетъ указать вамъ такія утонченныя черты въ красотѣ, которыхъ вы сами не замѣчали, или которыя только смутно сознавали: такимъ образомъ онъ даетъ вамъ случай вновь наслаждаться вашими прежними впечатлѣніями, приводя ихъ въ ясное сознаніе. Вотъ одно изъ подобныхъ описаній у Лермонтова;

«Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ *свѣжъ*, и гдѣ порой,
Въ глубокой скважинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой.»

Подобно этому, и въ описаніи борьбы съ барсомъ вы только любуетесь, какъ силою и ловкостью барса, такъ и красотою Мцыри:

«Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
Изъ чащи выскочилъ и легъ,
Играя, навзничь на песокъ.
То былъ пустыни вѣчный гость —
Могучій барсъ. Сырую кость
Онъ грызъ и весело визжалъ;
То взоръ кровавый устремлялъ,
Мотая ласково хвостомъ,
На полный мѣсяцъ, — и на немъ
Шерсть отливалась серебромъ»

Читая это изображеніе, вы испытываете не совсѣмъ тѣ же чувства, какія узнали бы, встрѣтившись ночью въ лѣсу съ барсомъ: здѣсь вамъ ничто не мѣшаетъ созерцать красоту и силу. Слѣдовательно, поэзія имѣетъ свою особенную область прекраснаго, міръ пріятныхъ ощущеній, который отчасти разрушаетъ наука своимъ строгимъ анализомъ: наука говоритъ и чувству и воображенію, но чрезъ посредство ума; поэзія стремится замѣнить для насъ непосредственное наслажденіе красотою. Но, если бы поэзія ограничивалась однимъ изображеніемъ прекраснаго въ природѣ, если бы она служила только къ наслажденію, то, удовлетворяя нашей по-

требности счастья, она въ тоже время надѣляла бы насъ однимъ мечтательнымъ счастьемъ. Если въ этомъ отношеніи поэзія достигаетъ крайняго развитія, то справедливо говорятъ, что она ведетъ къ разслабленію характера: самыя описанія грозныхъ и разрушительныхъ явленій возбуждаютъ въ насъ гордое чувство, какъ будто бы мы сами участвовали въ борьбѣ, которой никогда не испытали. Исключительное развитіе чувствительности и воображенія дѣлаетъ человѣка склоннымъ къ нѣгѣ, къ лѣни, къ мирному наслажденію, добываемому безъ борьбы, и тутъ онъ думаетъ праздными мечтами замѣнить дѣйствительныя блага жизни. Поэзія получаетъ болѣе высокое значеніе, обращаясь къ нравственной дѣятельности человѣка, къ жизни общественной и народной. Тутъ поэзія содѣйствуетъ распространенію въ обществѣ добрыхъ и здравыхъ идей, уже провѣренныхъ и оправданныхъ наукою. Такъ исторія доказываетъ, что предразсудки и невѣжество ведутъ общество къ растлѣнію. Поэтъ можетъ представить въ яркой картинѣ невѣжественныя понятія въ связи съ тѣми пороками, которые отъ нихъ происходятъ, — напримѣръ, понятіе о томъ, что кто сильнѣе, тотъ и правъ, и происходящее отсюда безчеловѣчіе сильнаго и раболѣпное униженіе слабаго. Живая картина пороковъ съ ихъ послѣдствіями сильнѣе подѣйствуетъ на большинство, чѣмъ всѣ историческія доказательства и разсужденія. Такова, напримѣръ, комедія Гоголя «Ревизоръ». Мы видимъ, что поэтъ остается здѣсь при своихъ средствахъ, не отступая отъ своего назначенія быть живописцемъ дѣйствительности, а не проповѣдникомъ, или ученымъ. Но и источникомъ его творчества здѣсь служитъ тоже самое чувство красоты. Путемъ *положительнымъ* оно стремится къ созерцанію всего нравственно сильнаго, благороднаго и доблестнаго; путемъ *отрицательнымъ* оно выражается въ негодованіи и отвращеніи къ злу, которое есть ничто иное, какъ слабость и безобразіе.

ПРОЗА.

ОПИСАТЕЛЬНЫЯ ПРОЗАИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

1. Общія свойства путевыхъ записокъ.

(Изъ путешествія Пушкина въ Арзерумъ, разсказы изъ книги Максимова: «Годъ на сѣверѣ»).

До сихъ поръ мы разсматривали вообще содержаніе и форму сочиненія; теперь приступимъ къ опредѣленію главныхъ родовъ его. Мы уже знаемъ о различіи прозаическихъ и поэтическихъ сочиненій; займемся сначала прозою. Вамъ извѣстно, какая цѣль прозы?— Изслѣдованіе и объясненіе предмета. — Какіе же предметы можно изслѣдовать?—Всѣ предметы, доступные нашему уму: окружающую насъ природу и человѣка.— Область изслѣдованія такимъ образомъ становится безконечной. Если мы, напримѣръ, ограничимся хоть предѣлами комнаты, въ которой находимся, то и тутъ найдемъ тысячи вопросовъ для объясненія. Стѣны ея составлены изъ кирпича и извести; онѣ окрашены краской. Растолковать свойства и приготовленіе кирпича, извести, краски было бы ужъ не малымъ трудомъ; но и самое устройство стѣнъ составляетъ предметъ особой науки. Печи служатъ для нагрѣванія; чрезъ окна мы получаемъ свѣтъ. Что такое свѣтъ и теплота? Въ чемъ состоитъ ихъ дѣйствіе? Какъ образуется огонь, дающій теплоту? Какъ она сохраняется? Отчего, во время топки, дымъ уходитъ въ трубу? Что такое дымъ, копоть, уголь, зола, сажа? Отчего происходитъ угаръ? Что необходимо для хорошаго устройства печей? Что такое стекло, пропускающее въ окна свѣтъ,—бумага, на которой мы пишемъ,—

чернила, служащія для письма? Мы долго не кончили бы, только перечисляя предметы, которые видимъ передъ глазами; но, вникая въ составъ ихъ, мы встрѣчаемъ множество другихъ предметовъ для изслѣдованія: одно платье, которое мы носимъ, приводитъ насъ къ изученію льна и его производства, овцы съ ея шерстью, кожи разныхъ животныхъ, употребляемой на сапоги, и проч. Если мы обратимся къ человѣку съ его физическими и нравственными свойствами, то тутъ область знанія еще безграничнѣе. Чтобы совсѣмъ не растеряться въ этомъ множествѣ знаній, намъ необходимо избрать немногіе предметы и, уже основательно съ ними познакомившись, идти далѣе; иначе мы только понапрасну потратимъ свои умственныя силы, стараясь разомъ схватить многое, подобно тому, какъ недалеко уходитъ путникъ, думающій разомъ взбѣжать на крутую гору. Во время быстрой ѣзды на желѣзной дорогѣ, мы едва успѣваемъ разглядѣть общій очеркъ предметовъ, и потомъ скоро забываемъ все, что видѣли; напротивъ, когда идемъ пѣшкомъ, мы можемъ всякій разъ остановиться, и разсмотрѣть во всей подробности то, что привлекло наше любопытство. Такъ и въ знаніи надо идти пѣшкомъ, а не скакать черезъ силу. Припомните, что входитъ въ составъ каждаго знанія?— Наблюденіе разныхъ свойствъ и дѣйствій предмета и выводы, основанные на этомъ наблюденіи. — Мы описываемъ свойства, разсказываемъ о дѣйствіяхъ, и въ тоже время разсуждаемъ, какъ и почему тѣ или другія свойства и дѣйствія могутъ быть приписаны предмету: мы видѣли, что такимъ образомъ описаніе, повѣствованіе и разсужденіе заключаются въ одномъ и томъ же сочиненіи. Но, при подробномъ разъясненіи предмета, мы, по необходимости, обращаемъ вниманіе на какую-нибудь одну сторону: мы или излагаемъ въ порядкѣ изслѣдованныя нами свойства предмета, или разсказываемъ о его происхожденіи и о тѣхъ перемѣнахъ, послѣ которыхъ онъ достигъ настоящаго своего положенія, или, по преимуществу, занимаемся выводами, имѣя цѣлію доказать какую-нибудь истину. Какъ въ первыхъ двухъ случаяхъ входятъ въ сочиненіе отдѣльныя разсужденія, такъ и въ послѣднемъ—отдѣльныя описанія и разсказы; но, смотря потому, что въ немъ преобладаетъ, мы называемъ его *описательнымъ*, *повѣствовательнымъ*, или *разсужденіемъ*. Приведите такіе примѣры, гдѣ бы одинъ и тотъ же предметъ служилъ темою для различныхъ сочиненій: для описанія, для разсказа и разсужденія. — Такъ можно разсматривать каждый, болѣе или менѣе, сложный предметъ. Мы

можемъ описать во всѣхъ частяхъ и подробностяхъ видимое нами зданіе, не имѣя другой цѣли, кромѣ той, чтобы познакомить съ его устройствомъ и назначеніемъ. Если же мы разскажемъ, когда и какъ задумали строить зданіе, какъ составили его планъ и смѣту, откуда брали для него матеріалъ, какъ постепенно его воздвигали, и проч.,—то мы сообщимъ рядъ фактовъ, дающихъ уже другое содержаніе сочиненію. Наконецъ, отъ частныхъ разсужденій, необходимыхъ при каждомъ наблюденіи, мы можемъ перейти къ болѣе общимъ: мы можемъ сравнить зданіе (напримѣръ, театръ) съ другими, ему подобными, и разсмотрѣть, при какомъ устройствѣ оно лучше всего достигаетъ своего назначенія. Тогда сочиненіе будетъ уже по преимуществу разсужденіемъ. Я описываю наружность и характеръ знакомаго мнѣ человѣка: при этомъ я могу коснуться и нѣкоторыхъ событій изъ его жизни, но разсказъ о всей жизни человѣка, о всемъ его развитіи, если оно чѣмъ-нибудь замѣчательно, можетъ послужить предметомъ особаго сочиненія. Изслѣдовавъ жизнь человѣка, мы переходимъ и къ общимъ вопросамъ: напримѣръ, рѣшаемъ, при какихъ обстоятельствахъ онъ могъ бы сдѣлаться трудолюбивымъ или безпечнымъ, правдивымъ или лицемѣромъ, какія качества развились бы въ немъ въ сношеніяхъ съ тѣми или другими людьми, и проч. Въ послѣднемъ случаѣ необходимо имѣть очень много фактовъ подъ рукою. —И такъ, вы видите, что предметомъ изложенія могутъ быть или факты, провѣренные наблюденіемъ, или общіе выводы. Собственно говоря, безполезно было бы и изложеніе фактовъ, если бы мы не имѣли въ виду этихъ выводовъ; но, сначала, при наблюденіи немногихъ предметовъ, выводы могутъ быть ограниченны: сначала мы даже довольствуемся однимъ подробнымъ знакомствомъ съ фактами, не заботясь много объ объясненіи ихъ внутренняго смысла. Далѣе мы разсмотримъ подробнѣе это отношеніе между фактами и выводами, а теперь только замѣтимъ, что въ прозѣ, на основаніи такого различія, можно разсматривать 1) сочиненія, имѣющія предметомъ знакомство съ фактами, то есть, описаніе или повѣствованіе, и 2) сочиненія, которыхъ цѣль—полное разъясненіе и систематическая группировка фактовъ: разсужденіе и наука. Мы начнемъ съ описательной прозы.

Самою простою и обыкновенною формою описательныхъ сочиненій служатъ *путевыя записки, путешествія*. Не можете-ли сказать въ нѣсколькихъ словахъ, какое ихъ содержаніе?—Въ нихъ авторъ описываетъ все, что видѣлъ на пути, то есть, знакомитъ насъ съ

какою-нибудь страною.—Въ путевыхъ запискахъ вы встрѣтите и разсужденія о томъ или другомъ предметѣ, и разнообразные разсказы, но мы называемъ ихъ по преимуществу описательными сочиненіями, потому что въ нихъ находимъ болѣе или менѣе полную картину страны, въ извѣстномъ ея положеніи и въ одно опредѣленное время. Онѣ служатъ матерьяломъ для описательныхъ наукъ, каковы: географія, этнографія, естественная исторія, и проч. Прежде, чѣмъ опредѣлить истинное значеніе этого рода сочиненій, мы постараемся познакомиться въ общихъ чертахъ съ ихъ содержаніемъ. Для этого, на первый разъ, изберемъ болѣе легкій образчикъ, хоть отрывки изъ путешествія Пушкина на Арзрумъ, написаннаго очень живымъ слогомъ и съ нѣкоторою наблюдательностію. (Преподаватель заранѣе задастъ воспитанникамъ прочесть внѣ класса эти, незначительныя по объему, путевыя записки, сказавъ, чтобы обращено было особенное вниманіе на описанія мѣстности и жителей: это, конечно, можетъ быть исполнено безъ особеннаго съ его стороны руководства). Въ путевыхъ запискахъ мы естественно прежде всего встрѣчаемся съ описаніями природы и дорогъ. Укажите такія описанія у Пушкина.—Пушкинъ ѣдетъ чрезъ Воронежскія степи на Кавказъ и замѣчаетъ переходъ отъ Европы къ Азіи: начинается ровная степь, покрытая густою травою; орлы сидятъ на придорожныхъ кочкахъ; у кибитокъ калмыковъ пасутся уродливыя, косматыя козы. Въ Ставрополѣ онъ видитъ на краю неба облака, которыя за 10 лѣтъ тому назадъ встрѣтилъ на томъ же мѣстѣ: это снѣжныя вершины Кавказской цѣпи. О горячихъ водахъ близь Георгіевска онъ только замѣчаетъ, что онѣ были привлекательнѣе въ своемъ первобытномъ видѣ, когда не существовало ни ваннъ, ни домовъ, ни чистенькихъ дорожекъ. Въѣзжая въ горы, Пушкинъ упоминаетъ о чуть видныхъ стадахъ, которыя ползали на ихъ вершинахъ и казались насѣкомыми, о мрачномъ ущельи, гдѣ стѣсненный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутныя волны черезъ утесы, гдѣ скалы стоятъ параллельными стѣнами и клочекъ неба, какъ лента, синѣетъ надъ вашей головою. Далѣе описана дорога черезъ снѣговой хребетъ: она сначала шла по обвалу, который когда-то запрудилъ Терекъ — и рѣка только черезъ два часа сквозь него прорвалась; потомъ, подымаясь выше, нужно было ѣхать по рыхлому снѣгу, подъ которымъ шумѣли ручьи; нерѣдко съ глухимъ грохотомъ падала груда снѣга, и, осыпаясь, катилась съ крутизны: однажды такимъ обваломъ увлекло въ пропасть проѣзжаго

мужика вмѣстѣ съ телѣгою и лошадью. Пушкинъ живо замѣчаетъ переходъ отъ сѣвера къ югу: съ высоты Гутъ-горы открывается Кайшаурская долина съ ея тихимъ и теплымъ воздухомъ, съ зеленѣющими горами, съ садами, со свѣтлой Арагвой, которая тянется, какъ серебряная лента. Но далѣе — нестерпимый зной препятствуетъ наслаждаться красотою Грузіи. Тифлисъ лежитъ въ каменныхъ горахъ, которыя защищаютъ его отъ всѣхъ вѣтровъ, и, раскаляясь на солнцѣ, не нагрѣваютъ, а кипятятъ недвижимый воздухъ. Кругомъ земля опалена солнцемъ, самыя ночи душны. Поднявшись на гору Безобдалъ, путешественникъ увидѣлъ новыя горы и злачныя, зеленыя нивы. Климатъ вдругъ измѣнился: началась новая земля, Арменія, и Пушкину не разъ пришлось терпѣть отъ вѣтра, отъ бурныхъ дождей и даже отъ холода. Вотъ почти все, что относится къ описанію природы. — Что же въ этомъ описаніи самаго существеннаго? Подмѣтилъ ли тутъ что-нибудь авторъ? — У него подмѣчено различіе между природою прикаспійскихъ степей, горною природою Кавказа, природою глубокихъ долинъ Грузіи и болѣе возвышенной плоскости, на которой лежитъ Арменія. — Обрисована ли яркими чертами каждая изъ этихъ мѣстностей? — Нѣтъ, мы находимъ у автора однѣ бѣглыя замѣтки: онъ ѣдетъ не съ цѣлію изучить страну, а такъ, для развлеченія. — Между тѣмъ тутъ можно бы замѣтить много важнаго и любопытнаго. Наука объясняетъ намъ, какъ въ незапамятныя времена, на мѣстѣ степныхъ равнинъ было морское дно и почва степей первоначально образовалась изъ осадковъ моря, какъ дѣйствіемъ подземнаго жара выдвигались на поверхность скалы, и пр. Въ степяхъ есть своя растительность, свои животныя (Пушкинъ упоминаетъ только объ орлахъ да козахъ): и то, и другое отличается особеннымъ характеромъ; одно описаніе высокихъ степныхъ травъ можетъ представить самую завлекательную картину. Горы съ ихъ дикою красотою, которая напомнила Пушкину картины Рембрандта, скоро ему приглядѣлись и надоѣли; но сколько нибудь знакомый съ наукою наблюдатель съ возрастающимъ любопытствомъ вглядывался бы въ формы и составъ скалъ, замѣчалъ бы разныя горныя породы, образованіе и дѣйствіе ледниковъ, потоковъ и снѣжныхъ обваловъ. Растительная и животная жизнь въ горахъ также завлекаетъ своимъ разнообразіемъ и рѣзкими особенностями [1]). Такимъ образомъ описанія Пушкина очень поверхностны,

[1]) Мы не считаемъ здѣсь необходимымъ дѣлать излишнихъ объясненій; преподаватель можетъ указать воспитанникамъ на описаніе степей, горъ, долинъ въ хорошемъ учебникѣ географіи, или самъ разскажетъ о природѣ что нибудь существенное, руководствуясь, напримѣръ, книгою Риттера.

но и по нимъ мы можемъ судить, какъ та или другая природа мѣстности даетъ особый матеріалъ для путевыхъ замѣтокъ; суша или море, степи, горы, долины или возвышенныя плоскости, рѣки, озера или источники, свойственные каждой мѣстности — все это должно выступать въ путевыхъ запискахъ съ тѣми характеристическими чертами, какія отражаются и въ особыхъ свойствахъ ископаемаго, растительнаго и животнаго царства. Посмотримъ, что еще заключается въ сочиненіи Пушкина. — Мѣстами у него мы находимъ также описаніе нравовъ, или образа жизни. Авторъ посѣщаетъ калмыцкую кибитку, гдѣ въ котлѣ по срединѣ варился чай съ бараньимъ жиромъ и солью, и дымъ выходилъ въ отверстіе, сдѣланное наверху; но онъ съ отвращеніемъ бѣжитъ вонъ, когда его угостили этимъ напиткомъ. Описаніе дороги черезъ горы носитъ мѣстный характеръ. Авторъ ѣдетъ въ караванѣ изъ пятисотъ человѣкъ (дѣло было еще въ 1829 году), въ сопровожденіи пушки, окруженной пѣхотными солдатами. За нею тянутся коляски, брички проѣзжихъ, кибитки солдатокъ и скрипитъ обозъ двуколесныхъ арбъ; по сторонамъ бѣгутъ конскіе табуны и стада воловъ, а около нихъ — нагайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Тутъ упомянуто и о черкесахъ, противъ которыхъ приняты эти предосторожности. По разсказу Пушкина, они нападали на слабые отряды; кинжалъ и шашка — члены ихъ тѣла, и младенецъ владѣетъ ими, прежде чѣмъ начинаетъ лепетать; плѣнниковъ они сохраняютъ въ надеждѣ на выкупъ, но обходятся съ ними безчеловѣчно. Вотъ почти и все описаніе. Далѣе авторъ посѣщаетъ аулъ осетиновъ и видитъ похороны: родственники и друзья умершаго съ громкимъ плачемъ идутъ въ саклю, ударяя себя кулаками въ лобъ; мертвеца выносятъ на буркѣ и кладутъ на арбу, запряженную двумя волами, а рядомъ съ нимъ его ружье; тѣло хоронятъ въ горахъ, въ тридцати верстахъ отъ аула. Пушкинъ жалѣетъ, что никто не могъ объяснить ему этихъ обрядовъ. Осетины бѣдное племя: полунагіе, они погоняютъ тощихъ, малорослыхъ воловъ, которыхъ запрягали по осьмнадцати, чтобы перетащить черезъ горы модную коляску какого-нибудь прихотливаго путешественника. Въ дальнѣйшемъ пути, Пушкинъ встрѣчается еще съ грузинами, армя-

нами и турками; но о жизни этихъ народовъ у него почти ни слова не сказано. — Что же можно было бы сказать вообще о жизни того или другаго народа? — Можно было бы описать его промыслы и занятія, его средства къ жизни и способы пропитанія, степень его образованія и обычаи. — А отчего все это зависитъ? — Отъ мѣстной природы и отъ сношеній съ другими народами. Кочевая жизнь калмыковъ въ степяхъ отличается отъ быта горныхъ наѣздниковъ, черкесовъ. Такъ какъ эти народы здѣсь представлены въ столкновеніи съ русскими, то любопытно было-бы знать, какое вліяніе могли имѣть на нихъ русскіе. Пушкинъ только замѣчаетъ, что введеніе самовара между черкесами было бы однимъ изъ важныхъ средствъ къ ихъ укрощенію; но отъ самовара врядъ ли можно ожидать многаго.—Конечно, отъ путешественника нельзя требовать, чтобы онъ со всею полнотою ознакомилъ насъ съ мѣстною природою, или съ мѣстнымъ народнымъ бытомъ; но если онъ прибавитъ нѣсколько новыхъ чертъ къ прежнимъ описаніямъ, если онъ даже прежде описанное представитъ въ лучшей, болѣе наглядной картинѣ, то и это заслуга. Встрѣчаясь съ такими разнообразными личностями, каковы: калмыки, черкесы, персіяне, турки, можно бы по крайней мѣрѣ, изобразить ихъ внѣшній типъ, ихъ наружность, одежду и ухватки. Что же еще замѣчательнаго въ прочтенныхъ нами путевыхъ запискахъ? — Довольно видное мѣсто здѣсь занимаетъ описаніе двухъ городовъ, Тифлиса и Арзерума. Узкія и кривыя улицы, по которымъ бѣжали ослы съ перекидными корзинками; низкіе дома съ плоскими кровлями; на базарѣ лавки, полныя турецкихъ и персидскихъ товаровъ и цѣннаго оружія; большею частію армянское и грузинское населеніе; мѣстныя вина, хранимыя въ землѣ въ кувшинахъ, въ которыхъ можно утопиться— вотъ почти вся характеристика Тифлиса у автора. Онъ посѣщаетъ и восточныя бани, гдѣ ему вытягиваютъ суставы, а потомъ труть его шерстяною рукавицей и омываютъ намыленнымъ полотнянымъ пузыремъ. Въ Арзерумѣ Пушкинъ нашелъ каменные дома съ кровлями, покрытыми дерномъ, бѣдность и недостатокъ во всякихъ удобствахъ, много фонтановъ, горный, суровый климатъ и чуму. Кромѣ всего вышесказаннаго, онъ въ своихъ замѣткахъ мѣстами упоминаетъ о нѣкоторыхъ народныхъ преданіяхъ, напримѣръ, будтобы красивый каменный мостъ черезъ Араксъ построенъ богатымъ пастухомъ, пустынникомъ, приводитъ нѣкоторыя историческія подробности о томъ, когда Грузія подпала подъ власть Россіи, когда

основанъ Арзерумъ; но болѣе мѣста занимаютъ разсказы, касающіеся личности самого Пушкина и любопытные для его біографіи.— Какія же подробности входятъ въ описаніе города? — Сюда относятся: его положеніе, его наружный видъ, замѣчательныя зданія и другіе памятники, его торговля и промыслы, характеръ и нравы жителей. — Мы видимъ, что путешественникъ имѣетъ дѣло съ *сельскимъ* и *городскимъ* населеніемъ. Тамъ, гдѣ народъ еще мало образованъ, городъ немногимъ отличается отъ деревни. Народъ или кочуетъ съ мѣста на мѣсто, и тогда у него собственно нѣтъ ни селъ, ни городовъ: люди останавливаются на время со своими кибитками, санями и палатками тамъ, гдѣ больше корму для нихъ и для скота ихъ; или онъ, занимаясь земледѣліемъ, соединяется въ селахъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ намъ важно знать, какое имѣетъ вліяніе та или другая природа на жизнь человѣка, какъ онъ пользуется ею для своихъ выгодъ и какія терпитъ невзгоды въ борьбѣ съ нею. Это объяснятъ намъ народныя вѣрованія и преданія, устройство жилищъ, одежда, пища, обычаи, промыслы и вообще понятія народа. Города сначала служатъ болѣе обширнымъ, укрѣпленнымъ или торговымъ, мѣстомъ жительства, гдѣ обыкновенно живетъ начальникъ племени или князь со своими воинами. Здѣсь мы имѣемъ дѣло со способомъ управленія (такъ какъ, избирая князя, вмѣсто жрецовъ или знахарей, которые завѣдывали имъ прежде, народъ уже тѣснѣе соединяется между собою въ одно общество), съ разными кастами или классами общества, со средствами защиты отъ враговъ, и пр. Чѣмъ умнѣе становится народъ, тѣмъ болѣе развивается его общественная жизнь и тѣмъ независимѣе онъ бываетъ отъ природы. Съ помощью промышленности и торговли онъ на круглый годъ обезпечиваетъ себѣ средства пропитанія; въ городахъ являются фабрики, школы, музеи, памятники искусства; самый образъ жизни и развлеченія людей принимаютъ другой характеръ: потѣшаясь прежде дракою и какими-нибудь дикими плясками, они теперь ищутъ удовольствія въ стройныхъ пѣсняхъ, въ прекрасныхъ зрѣлищахъ. Такъ городъ все болѣе отличается отъ деревни, гдѣ долѣе сохраняются первобытные нравы. Слѣдовательно, наблюдательному путешественнику, кромѣ природы съ ея особенностями, придется подмѣтить то или другое положеніе народа, вліяніе природы на его жизнь и занятія, характеръ сельской жизни, степень общественнаго развитія и образованія, какую обыкновенно указываютъ намъ города, и отношеніе между

сельскою и городскою жизнію: въ однихъ ли, напримѣръ, городахъ соединены всѣ удобства жизни и богатство, или и села пользуются ими въ извѣстной степени. Наконецъ, предметомъ путевыхъ замѣтокъ могутъ быть также разныя историческія воспоминанія. Достаточно ли было бы, если бы путешественникъ описывалъ, напримѣръ, съ какимъ удобствомъ онъ ѣхалъ по желѣзной дорогѣ, или въ дилижансѣ, что ѣлъ и какъ спалъ на каждой станціи, описывалъ бы только наружный видъ селъ и городовъ, когда ему случалось это наблюдать, разсказывалъ бы болѣе о себѣ, чѣмъ о людяхъ, съ которыми встрѣчался, и проч.? Какой характеръ вы предполагаете въ путешественникѣ — Мы желаемъ, чтобы онъ не былъ празднымъ, разсѣяннымъ зрителемъ, а внимательнымъ наблюдателемъ всего, что встрѣчалось ему на пути, чтобы онъ описывалъ не только то, что случайно ему попадалось на глаза въ минуты прогулки, предпринятой для возбужденія аппетита, а самъ прилежно искалъ бы предметовъ для наблюденія: иначе его записки будутъ годны развѣ только для его пріятелей. — Чтобы яснѣе опредѣлить, въ чемъ состоитъ въ путевыхъ замѣткахъ описаніе народныхъ нравовъ и обычаевъ, мы прочтемъ хоть три главы изъ книги Максимова: «Годъ на Сѣверѣ»; мы изберемъ во второмъ томѣ разсказы изъ поѣздки на Печору: Берестяная книга (глава 9. стр. 250), Самоѣды (гл. 7, стр. 182) и Новоземельскіе моржевые промыслы (гл. 4, стр. 91). Скажите, что нашли вы особеннаго въ разсказѣ о Берестяной книгѣ? — Здѣсь авторъ знакомитъ насъ прежде всего съ однимъ изъ чисто русскихъ промысловъ, разсказывая объ употребленіи бересты (наружной березовой коры) на разныя подѣлки. Кромѣ растопокъ, береза еще идетъ: a) на ковшички, оставляемые для путниковъ во всѣхъ придорожныхъ ключахъ, b) на бураки, или туземы, — сосуды, въ которыхъ держатъ и медъ, и брагу, и уральскую икру, и каргопольскіе, соленые рыжики, c) на ступанцы, лапти, только не лыковые (изъ липъ), а такіе, какіе надѣваетъ простой народъ, выходя изъ избы недалеко: наколоть дровъ, или загонять коровъ, d) на плетушки для одежды и бѣлья, носимыя странниками за спиною. Наконецъ, нѣкоторые искусники вырѣзывали и оттискивали на берестѣ цѣлыя картины и портреты, а въ Мезенскихъ тундрахъ немногіе грамотники употребляютъ ее и для книгъ, такъ какъ другихъ письменныхъ матеріаловъ достать невозможно: при этомъ клейкая сажа изъ пережженной берестовой корки, разведенная въ водѣ, замѣняетъ чернила; а орлы и дикіе гуси доставляютъ перья.—

Чтожъ? развѣ путешественникъ видѣлъ все это въ одномъ мѣстѣ?— Нѣтъ, онъ собралъ вмѣстѣ свои наблюденія, дѣланныя въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время. — Изъ этого видно, что въ путевыхъ запискахъ возможны не одни отрывочныя, а также очень цѣльныя описанія какого-либо предмета, особенно если онъ не многосложенъ. Что же слѣдуетъ далѣе? — Далѣе идетъ разсказъ о знакомствѣ автора съ туземнымъ, грамотнымъ старикомъ, у котораго ему удалось выпросить берестяную книгу. Тутъ мы, во-первыхъ, узнаемъ характеръ радушнаго, смышленаго и вмѣстѣ осторожнаго русскаго человѣка, который, какъ грамотѣй, обо всемъ разсуждаетъ по книжному; во-вторыхъ, въ живомъ разговорѣ, незамѣтно выступаютъ передъ нами подробности быта: теплая сѣверная одежда, угощеніе, характеръ народной грамотности, семейныя отношенія, народная недовѣрчивость къ чиновному люду, и проч. Старикъ, привѣтствуя гостя, усердно тащитъ съ него совикъ, малицу, сапоги, чулки изъ оленьяго мѣха и толкуетъ: «У васъ вѣдь тамъ, въ Расеѣ то, все, слышишь, распашныя... Въ нашихъ мѣстахъ они не годятся: не устоятъ! У насъ тянутъ ину-пору такіе холода, что нали руду (даже кровь) носомъ гонитъ, а дышимъ, такъ все подъ туже малицу, весь въ нее прячешься, и съ носомъ и съ глазами. А, вотъ вѣдь, безъ оленьяго-то мѣху, что ты подѣлаешь?... Одно, вишь въ немъ не хорошо: мокра не терпитъ; промочилъ ты его въ коемъ мѣстѣ, такъ и нарови скорѣе высушить, а то подопрѣетъ мездрато, и всю шерсть выпуститъ: не клеитъ, стало, не держитъ! ну, и духъ даетъ тоже»... Начинаются угощенія: поданъ самоваръ, старикъ уже является въ синей суконной сибиркѣ съ бутылкою норвежскаго вина, двое сыновей приносятъ тарелки съ медовыми пряниками, съ кедровыми орѣхами — меледою, съ баранками. Гость долженъ былъ сѣсть непремѣнно въ передній уголъ, подъ образа. Старикъ, услышавъ его имя, не стерпѣлъ, чтобы не выказать свое знаніе: онъ заговорилъ объ акафистахъ, о тропаряхъ Сергію Радонежскому, о житіи его, пока не перевелъ рѣчь свою совсѣмъ на славянскій языкъ. Авторъ, слышавъ, что у него много старыхъ книгъ и свитковъ, пытался вызвать его на откровенность и, если возможно, добыть у него берестяную книгу; но тутъ началась трудная борьба: старикъ все только толковалъ, что живетъ по Божьему закону, что люди напрасно на него сказываютъ, будто онъ старыя бумаги собираетъ, а онъ ни въ воровствѣ, ни въ убійствѣ не повиненъ, въ Бога вѣруетъ, Троицу святую почитаетъ, да еще рыбку промыш-

ляетъ, потому — море близко. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, когда авторъ похвалилъ его за грамотность, за умѣнье держать семью въ страхѣ, старикъ сталъ довѣрчивѣе, разговорился объ отцѣ своемъ и о дѣтяхъ, и въ добрую минуту велѣлъ притащить ящикъ съ книгами, гдѣ лежали: Брюсовъ календарь, житія святыхъ московскаго изданія, письмовникъ Курганова, и проч., а потомъ и другой сундукъ со старопечатными требниками, псалтырями, минеями Макарія, и т. д. Но не менѣе труда стоило автору пріобрѣсть берестяную книгу: «книжка не продажная, говорилъ старикъ, ты и не проси по пустому, не замай меня.... лучше мы съ тобой по знати, такъ.... миромъ да согласіемъ.... возьми сколько желаешь отступнаго, а меня ты не засуди; ребята тоже, жена, дѣвки»....—И такъ, въ столкновеніи съ живымъ лицомъ, здѣсь обрисованы передъ нами нѣкоторые, русскіе народные обычаи, народная грамотность, и мы видимъ также, какъ много упорства, терпѣнія и искуства необходимо путешественнику, чтобы собрать кое-какія занимательныя свѣдѣнія. Недовѣрчивость, которая здѣсь произошла вслѣдствіе старинныхъ злоупотребленій власти, вообще свойственна простому народу: онъ не любитъ, чтобы кто-нибудь посторонній заглядывалъ въ его жизнь и всегда готовъ думать, что это дѣлается съ дурнымъ намѣреніемъ. Но еще труднѣе изучать народные обычаи и вѣрованія въ странѣ чужой и совершенно необразованной, каковы, напримѣръ, страны внутренней Азіи, Африки и Америки: тутъ путешественникъ на каждомъ шагу за свое любопытство можетъ поплатиться жизнью. Обратимся теперь къ описанію обычаевъ самоѣдовъ; что представлено въ этомъ описаніи? — Съ самаго начала авторъ представляетъ намъ жалкое положеніе племени самоѣдовъ въ лицѣ проводника, присланнаго самоѣдскимъ старшиной, чтобы везти его въ чумъ: это былъ человѣкъ съ черными, жесткими волосами, торчащими копной, съ лицомъ обезображеннымъ оспой. Войдя въ комнату, онъ снялъ съ головы свою пыжицу съ длинными ушами, разукрашенными по мѣстамъ разноцвѣтными сукнами, и повалился въ ноги. Путешественникъ подчуетъ его водкой и сигарой: онъ выпилъ съ наслажденіемъ, и, откусивъ половину сигары, спряталъ ее за щеку, а другую половину утащилъ въ рукавъ. На вопросъ, крещеный-ли онъ, самоѣдъ вытянулъ изъ подъ малицы мѣдный, надломленный крестъ, но хозяинъ объяснилъ, что эти люди только по названію крещеные, а въ церковь не заглядываютъ, брака не соблюдаютъ, носятъ божка за

пазухой, «чурочку такую деревянненькую», и тычутъ ему кусочекъ оленьяго мяса въ рыло, въ случаѣ удачи, а нѣтъ — такъ сѣкутъ его и бросаютъ. По снѣжнымъ полямъ авторъ ѣдетъ въ самоѣдскій чумъ. Вотъ, кругомъ виднѣются олени, которые упорно то одной, то другой ногой постукиваютъ въ снѣгъ, или неподвижно стоятъ, уткнувшись мордой въ черную тундру, или дерутся рогами. Какъ стоги сѣна, поднялись конусообразные чумы. Въ чумъ пролѣзаютъ черезъ узенькое и низенькое отверстіе: по срединѣ надъ огнемъ въ котелкѣ клокочетъ вода; дымъ, медленно уходящій въ отверстіе на верху, страшно ѣстъ глаза; хозяйку тутъ не отличишь отъ хозяина: оба одинаково старообразны; хозяинъ стружетъ ножемъ мерзлую рыбу и съ наслажденіемъ ѣстъ эти стружки, инька (хозяйка) кормитъ ребенка, или сшиваетъ оленьими жилами одну оленью постель съ другою, приготовляя совикъ или малицу; ребятишки мастерятъ свое. Всѣ исполняютъ свое дѣло въ глубокомъ молчаніи; кругомъ видны только лежащія на шестахъ оленьи постели, изъ которыхъ сдѣланъ чумъ: онѣ сближаются къ верхнему отверстію, откуда порою выбивается дымъ, застилая всѣхъ сидящихъ. Въ чумѣ, на деревянной рѣшеткѣ, также коптится или вялится мясо песца, лисицы, оленя, пуская отъ себя непріятный запахъ; сидятъ въ немъ на коврѣ, плетеномъ изъ тростника, около деревянныхъ досокъ, которыми окруженъ огонь. Далѣе разсказано о переселеніи самоѣдовъ. Много если два, три дня постоятъ они на одномъ мѣстѣ и уже говорятъ: «Оленишка (олень) мохъ съѣлъ, велитъ дальше». Самоѣдъ ловко накладываетъ петлю на рога бѣгущихъ къ чуму оленей, которыхъ со всѣхъ сторонъ сгоняютъ своимъ лаемъ хохлатыя собачонки; на санки мигомъ складываютъ мелкій скарбъ, оленьи шкуры, шесты, особо сажаютъ ребятишекъ, особо мать съ грудным ребенкомъ, особо собакъ. На переднихъ саняхъ садится самъ хозяинъ чума, и аргихъ (поѣздъ въ восемь саней) быстро уносится въ мрачную пустыню. Выбираютъ новое мѣсто, верстъ за пятьдесятъ, слѣдуя инстинкту оленя, и останавливаются здѣсь также не болѣе, какъ дня на два. Такимъ образомъ вся кочующая жизнь самоѣдовъ зависитъ отъ произвола оленей. Авторъ описываетъ и обычаи этого народа. Самоѣдъ покупаетъ себѣ жену изъ чужаго рода за нѣсколько песцовъ, лисицъ, или оленей: для переговора выбираютъ свата, которому отецъ невѣсты, молча, представляетъ бирку съ такимъ числомъ зарубокъ, сколько онъ хочетъ взять за дочь свою; сватъ, молча, срѣзываетъ

лишнія, по его мнѣнію, зарубки. Въ день свадьбы поѣздъ жениха не пускаютъ въ чумъ, требуя подарковъ; обмѣнявшись ими, обводятъ невѣсту съ ея приданымъ и жениха съ его выкупнымъ три раза вокругъ невѣстина чума и три раза вокругъ женихова. Въ этомъ и вся церемонія. Во время беременности, женщина считается нечистою; мужъ бьетъ ее и окуриваетъ верескомъ всякую вещь, до которой она коснулась. Подобнымъ образомъ совершается очищеніе всего чума послѣ родовъ. Ребенка называютъ по случайно попавшемуся предмету: одинъ названъ былъ Немза (нѣмецъ), вслѣдствіе посѣщенія чума ученымъ Кастреномъ. Дѣти обыкновенно страдаютъ злокачественными болѣзнями и язвами. Отъ постояннаго дыма, отъ грязной жизни, отъ недостатка всякихъ лекарствъ, самоѣды заболѣваютъ также воспаленіемъ глазъ, цынгою, болотными лихорадками. Они не достигаютъ и 50 лѣтъ жизни; полагаютъ, что въ послѣдніе 83 года вымерла почти половина самоѣдскаго населенія тундры. Разсказавъ кое какія преданія народа, доказывающія бѣдность его фантазіи, авторъ объясняетъ, что въ своемъ безпомощномъ положеніи, самоѣдъ обращается къ тадибеямъ, кудесникамъ, которые, по его понятію, способны умилостивитъ злыхъ духовъ, постоянно ему вредящихъ. Плутоватый тадибей, чтобъ добыть водки, придумываетъ какую-нибудь смертельную болѣзнь, заговариваетъ вѣтры, заклинаетъ духовъ, лечитъ своими заклинаньями и отъ настоящихъ болѣзней; и такъ, всегда обманывая самоѣда, обираетъ его и пьянствуетъ на его счетъ. Тадибей кудеситъ, обвѣшанный бубенчиками по швамъ малицы, съ оловянными бляхами по спинѣ и по плечамъ; одежда его также опутана разноцвѣтными суконными лентами; онъ визжитъ, произноситъ непонятные, гортанные звуки, кричитъ и бѣснуется, вертясь на одной ногѣ съ пензеромъ надъ головою (родъ рѣшета, обтянутаго оленьей шкурой) и постукивая въ него колотушкой, пока не изнемогаетъ въ судорогахъ. Такъ, зараженный предразсудками, простодушный самоѣдъ поддается всякому обману, и сосѣдній народъ, зыряне, отлично умѣютъ пользоваться его невѣжествомъ. Зырянинъ обыкновенно покупалъ бочку водки, ѣхалъ съ нею въ тундру, останавливался у богатыхъ чумовъ, угощалъ хозяевъ, и, когда они подопьютъ, вымѣнивалъ у нихъ за нѣсколько полуштофовъ чернобурую лису, трехъ песцовъ, пару живыхъ оленей, даже шкуру медвѣдя и сани, на которыхъ можно-бы свезти все вымѣненное. Все семейство еще помогало ему уложить поклажу, и зырянинъ ѣхалъ далѣе

къ другимъ чумамъ, пока не истощалось вино въ бочкѣ. Зыряне богатѣли, раззоряя и развращая самоѣдовъ, пока имъ не была запрещена продажа водки. Все, нами пересказанное, представлено у автора съ другими, очень живыми подробностями, и мы можемъ довольно живо вообразить себѣ бытъ самоѣдовъ; уже при видѣ проводника, жующаго табакъ и падающаго въ ноги, можно имѣть понятіе, какъ низко стоитъ это племя, но далѣе намъ объясняютъ его положеніе: его бѣдное, жалкое жилище, его вѣчное кочеваніе, зависящее отъ прихоти оленей, его семейный бытъ, въ которомъ женщина является рабою, болѣзни, которыми страдаетъ онъ съ дѣтства, его страхъ передъ злыми духами и обманы кудесниковъ, какимъ онъ поддается, также какъ и полная власть надъ нимъ всякаго другаго, мало-мальски смышленаго народа.—И такъ мы здѣсь не только видимъ предметъ, описанный съ разныхъ сторонъ, но и узнаемъ, какъ и почему то или другое существуетъ въ этомъ предметѣ. Здѣсь особенно важно замѣтить, какъ природа устраиваетъ жизнь племени, которое еще не въ силахъ бороться съ ея силами, какъ безъ всякихъ средствъ образованія вымираетъ это племя при столкновеніи съ другими. Старикъ, описанный путешественникомъ въ статьѣ: «Берестяная книга», стоитъ уже на болѣе высокой степени развитія. Онъ также живетъ въ пустынной землѣ, гдѣ не раститъ даже ячменю, но съ помощью промысловъ, онъ умѣлъ поставить себя въ нѣкоторую независимость отъ природы, устроить жизнь несравненно удобнѣе и скопить кое-какой достатокъ. Онъ не чуждъ предразсудковъ, вся его наука ограничивается знаніемъ грамоты, обстоятельства его жизни во многихъ отношеніяхъ для него неблагопріятны; но у него есть и здравый смыслъ и нѣкоторая самостоятельность въ характерѣ. Еще выше стоитъ человѣкъ, развитый наукою и знающій, какъ примѣнять ее къ дѣлу. Впрочемъ, и при незначительныхъ средствахъ образованія, племя, одаренное лучшими способностями, можетъ еще удачно бороться съ природою. Какія трудности иногда предстоятъ въ этой борьбѣ, живо изображаетъ намъ разсказъ о Новоземлянскихъ промыслахъ. Передайте этотъ разсказъ въ главныхъ его частяхъ. — Авторъ и здѣсь заставляетъ говорить одного изъ промышленниковъ, которому случалось зимовать на Новой землѣ. Старикъ-разсказщикъ однажды промышлялъ весну и все лѣто въ этой мѣстности. Онъ замѣшкалъ до осени, потому что звѣрь во множествѣ лежалъ на берегу, между тѣмъ поручилъ уѣхавшимъ сосѣдямъ прислать другое судно по

больше, надѣясь, что зима позамедлитъ. Пошла четвертая недѣля, а отъ Печоры невидно было судна, хотя долго дулъ попутный вѣтеръ. Но вотъ и вѣтеръ потянулъ изъ самой голомяни (отъ полюса), море побѣлѣло, какъ оленья постель бѣлая: все ледъ, кругомъ торосья визжатъ, стонутъ, «словно пришелъ антихристъ со своимъ сонмищемъ». Промышленники повѣсили голову. Избенка ихъ была плохая, кое-какъ сколоченная изъ прогнившихъ бревенъ да щепъ, выброшенныхъ водою. Старикъ съ товарищами, сидя въ ней, сказывали сказки, дули въ кулаки, да думали: «Кабы снѣгу Господь накидалъ къ намъ побольше». Къ 1 ноября наметало его такую пропасть, что цѣлый день отгребались: въ избѣ стало теплѣе, не было уже такого туману, ночникъ не трещалъ и не брызгалъ. Солнце до того времени съ полчаса постоитъ большимъ и краснымъ шаромъ на небѣ, да и спрячется, а тутъ и выглядывать перестало. Чайки, утки улетѣли, моржи пропали: ни реву, ни свисту. Приходили только ошкуи (бѣлые медвѣди) воровать запасы, одинъ совсѣмъ залѣзъ въ избу; но его застрѣлили, какъ и другихъ, на кормъ собакамъ. Наконецъ и ошкуй зарылся въ снѣгъ до весны. Наступила совершенная темень. Придумали считать день по времени, въ какое догоритъ ночникъ: зажгутъ другой — значитъ началась ночь — и такъ досчитались до Рождества. Передъ тѣмъ не стало ни рыбы, ни птицъ въ запасѣ, и о Рождествѣ нечѣмъ было разговѣться. Лица осунулись, съ голоду всѣхъ тошнило; во рту горечь такая, словно смолу ѣли, и десны стали припухать. Въ этой бѣдѣ, одинъ изъ товарищей, Тимоша, пришелъ съ шуткою: «Хотите помирать? могилы вырылъ!» Оказалось, что онъ принесъ дикаго оленя, еще теплаго. Всѣ съ жадностью принялись пить его кровь, а мясо сырымъ съѣли; но отъ этого лишь пуще разболѣлась голова. Тимоша все шутилъ, смѣялся, бѣгалъ да вдругъ и задумался: рѣшили, что онъ дурилъ съ тоски, надѣясь избавиться отъ цынги. Скоро онъ слегъ, ослабъ, сталъ охать сильнѣе; во рту горечь: плюнулъ такой чернетью, словно изъ печной трубы, десны въ два пальца раздуло; дотронулись до нихъ — кровь пошла. Щеки его посинѣли, осунулись, ноги загноились; наконецъ сталъ онъ терять память. Какъ опомнится, то горько заплачетъ и проситъ снести домой дѣткамъ родительское благословеніе, а самого ведетъ судорога. Такъ онъ и скончался. Прочли надъ нимъ молитву, собща вырыли ему могилу въ снѣгу и послѣ не могли безъ слезъ о немъ вспомнить. Промышленники старались веселить себя пѣснями, плясками, гору обледенили и съ нея катались; но все-таки еще двое ихъ товарищей умерло отъ цынги; а третій заблудился на охотѣ и замерзъ. Около 8 января на часокъ занялась заря, а въ началѣ февраля солнце въ первый разъ выглянуло: всѣ такъ обрадовались, что стали плясать и цѣловаться. Въ мартѣ показались на снѣгу проталинки и мохъ закудрявился. Въ Благовѣщеніе всѣ вышли изъ избы, стали лицомъ къ востоку, и пока солнце было на виду, часа три пѣли церковные стихиры и что только знали изъ всенощной и обѣдни. Къ концу апрѣля ручьи побѣжали съ горъ, хотя снѣгъ и оставался тамъ все лѣто. Наконецъ въ началѣ іюня налетѣли гуси, гагары, утки, лебеди, чайки разныя; крѣпкіе вѣтры понесли ледъ въ океанъ, показались нѣкоторыя растенія: щавель въ горахъ, мелкая травка, звѣробой, кустарникъ въ поларшина, на которомъ почки никогда не распускались. Вотъ вдали забѣлѣлся парусокъ— одинъ, другой.... и тутъ ужъ не было конца радостямъ, какъ встрѣтились со своими.

Далѣе авторъ разсказываетъ о своей поѣздкѣ къ океану, при чемъ описываетъ всю оленью упряжь, одежду, въ какой ѣздятъ, самую ѣзду, видъ пустыннаго моря, покрытаго льдами, сѣверное сіяніе, и пр. Въ заключеніе помѣщенъ новый разсказъ старика-промышленника о ловлѣ моржей на Новой землѣ, между которыми есть такіе, что изъ одного вытапливаютъ по 16, по 20 пудовъ сала. Тутъ сначала описаны наружность моржа и всѣ его привычки, а потомъ приведены всѣ подробности и опасности ловли. — Вы видите, что въ трехъ прочитанныхъ нами статьяхъ мы узнали очень многое, — столько, что и пересказать невозможно въ короткихъ словахъ: тутъ жаль что-либо опустить безъ вниманія, такъ какъ все одинаково важно; между тѣмъ эти статьи занимаютъ мѣста лишь вдвое болѣе, чѣмъ все путешествіе Пушкина въ Арзерумъ и имѣютъ предметомъ очень бѣдную природу и очень однообразное населеніе. Изъ этого вы можете заключить, что нѣтъ на видъ такой ничтожной и пустынной мѣстности, которая не была бы занимательна въ живомъ описаніи. Если же автору путевыхъ записокъ приходится изображать, какъ въ настоящемъ случаѣ, характеры, взятые изъ своего народа: русскую жизнь въ дальнемъ углу сѣвера, то его описаніе получаетъ для насъ особую цѣну. Мы здѣсь узнаемъ русскаго человѣка съ его удалью и природнымъ смысломъ, видимъ, какъ умъ и душевная энергія странно соединены въ немъ то съ безпечностью и мягкосер-

деченіемъ, то съ грубымъ упрямствомъ и старыми предразсудками. Конечно, путешественникъ имѣетъ большія преимущества, описывая родную природу и родную жизнь; разсказывая о чужой, иногда совсѣмъ безвѣстной землѣ, онъ лишенъ возможности на столько оживить передъ нами предметъ, чтобы его разсказъ замѣнялъ непосредственное наблюденіе: между тѣмъ такъ бываетъ при изображеніи лицъ, которыхъ разсѣянныя, отдѣльныя черты, нравы, языкъ намъ болѣе или менѣе знакомы съ дѣтства. Все-таки, и описывая чужеземные нравы, путешественникъ долженъ стремиться къ тому, чтобы совершенно перенести насъ въ жизнь изображаемаго народа; тѣсное знакомство съ родною жизнью можетъ служить ему для этого образцомъ и примѣромъ. Такъ одинъ изъ англійскихъ путешественниковъ, Бертонъ (Burton), лейтенантъ бомбейской арміи, усвоилъ всѣ привычки и обычаи истиннаго мусульманина, чтобы имѣть доступъ въ Мекку и подмѣтить нравы жителей. Нѣмецкіе ученые, Бартъ и Фогель, которые въ послѣднее время изслѣдовали внутреннюю Африку, приготовлялись къ своему дѣлу, какъ къ великому подвигу всей жизни: они знакомились съ мѣстными языками, пріучались переносить нестерпимый зной, жажду и голодъ, упражнялись въ верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ изъ ружья; кромѣ отличнаго знанія естественныхъ наукъ, они во всей подробности усвоили всѣ, сдѣланныя до нихъ, изслѣдованія о странѣ, въ которую отправлялись. Много стоило труда переправиться только черезъ голую, знойную степь отъ Феццана къ озеру Чаду: то мрачныя скалы, то ослѣпительно бѣлый, подобно снѣгу, песокъ; весь путь, усѣянный костями невольниковъ, за которыми охотятся въ этихъ странахъ, какъ за звѣрями, рѣдкіе источники испорченной, часто солоноватой воды— вотъ, что встрѣчалось имъ на пути. Но, назначивъ главное свое мѣстопребываніе близъ озера Чада, они смѣло пускались во всѣ стороны, куда только можно было проникнуть, или съ войсками мѣстныхъ начальствъ, или съ караванами, или съ небольшимъ числомъ спутниковъ. Не мало невзгодъ перетерпѣли они въ мѣстахъ, гдѣ, иногда заснувъ съ вечера, проснешься совершенно безъ одежды, которую до послѣдней нитки изъѣдятъ муравьи, гдѣ народъ только и думаетъ о грабежѣ да насиліи, и отдѣльныя племена безъ пощады истребляютъ другъ друга въ жестокихъ схваткахъ. Фогель сдѣлалъ много новыхъ наблюденій надъ положеніемъ мѣстности, надъ растеніями и животными края; онъ проникъ далеко къ югу отъ озера Чада, въ страну, богатую самой роскошной раститель-

ностью, съ многими рѣками, которыя, почти исчезая въ сухое время года, разливаются шире Нила во время тропическихъ дождей и потопляютъ цѣлыя области, — гдѣ въ лѣсахъ водятся такія громадныя стада слоновъ, что отъ ихъ тяжелыхъ ступней земля покрыта сплошными рядами впадинъ, отъ которыхъ, когда онѣ засохнутъ на солнцѣ, дорога становится непроѣздною. Фогель подъ конецъ поѣхалъ на востокъ отъ озера Чада и погибъ, какъ полагаютъ, убитый туземцами за то, что изъ любознательности взошелъ на неприкосновенную для нихъ, священную гору. Не менѣе любопытны путешествія на сѣверъ, къ Ледовитому морю, съ цѣлію открыть проходъ изъ Баффинова въ Берингов проливъ. Тутъ прославились путешественники Парри, Россъ, Франклинъ, Макъ-Клюръ (которому удалось окончательно открыть проходъ) и Кенъ, все англичане или американцы. Франклинъ, отправясь съ двумя кораблями и съ экипажемъ изъ 138 человѣкъ, въ 1845 году, пропалъ среди сѣверныхъ льдовъ безъ вѣсти: съ 1848 года жертвовали огромныя деньги, снаряжая одну за другою экспедиціи, чтобы отыскать его. Всѣмъ этимъ путешественникамъ предстояла безвыходная борьба съ пловучими громадами льда, которыя, во время бури, сшибаясь между собою съ оглушительнымъ трескомъ, каждую минуту грозили изломать въ щепы самый крѣпкій корабль. Но за то и картины сѣверной природы, ими описанныя, въ высшей степени возбуждаютъ наше любопытство. Одинъ англійскій морской офицеръ разсказываетъ слѣдующій эпизодъ изъ своей поѣздки къ сѣверу: «Окруженные множествомъ громадныхъ ледяныхъ горъ, волшебно блестѣвшихъ при ясномъ небѣ, стояли мы на якорѣ въ Баффиновомъ заливѣ. Я замѣтилъ въ открытомъ морѣ ледяную гору съ проломомъ по срединѣ, образовавшимъ родъ тоннеля. У меня явилось сильное желаніе проѣхать сквозь эту ледяную пещеру; въ сопровожденіи нѣсколькихъ матросовъ на маленькой лодкѣ я отправился въ путь. Приблизясь къ пещерѣ, мы увидѣли, что въ ней не было достаточно воды для свободнаго проѣзда лодки. Въ молчаніи, медленно подъѣхали мы къ ея входу и тогда нашимъ удивленнымъ взорамъ представилось одно изъ самыхъ величественныхъ зрѣлищъ. Вообразите огромный сводъ, длиною около 80 футовъ, вышиною около 50 и болѣе 100 футовъ шириною, выведенный съ такою правильностію, какъ будто онъ былъ построенъ самымъ искуснымъ зодчимъ, весь изъ полупрозрачной массы прекраснѣйшаго смарагдоваго цвѣта, всюду ровный и гладкій, точно выполированный алебастръ. Когда мы про-

ѣхали около половины пути, я увидѣлъ, что гора во всю ширину треснула, такъ что солнечные лучи могли проникать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ пещеру, отчего неосвѣщенныя части свода казались темносиними... Въ первое мгновеніе я былъ въ неописанномъ восторгѣ; но скоро пробудился отъ волшебнаго сна. Громадная трещина вдругъ закрылась съ необыкновенной быстротой и потомъ опять раскрылась. Не было никакого сомнѣнія, что вся эта ледяная громада, въ нѣсколько милліоновъ тоннъ, не имѣла твердаго основанія, а плавала, — слѣдовательно каждую минуту могла потерять равновѣсіе, опрокинуться и разбиться на тысячи кусковъ. Положеніе наше было чрезвычайно опасно. Впереди насъ, позади, всюду, море страшно волновалось. Подавленный ужасомъ, я на минуту закрылъ глаза. Мои спутники инстинктивно схватились за весла: лодка, какъ стрѣла, скользнула по чернымъ волнамъ между ледяныхъ стѣнъ, которыя еще за минуту казались мнѣ раемъ, — и мы уже находились подъ открытымъ небомъ. Въ почтительномъ отдаленіи объѣхали мы гору кругомъ и нашли, что она имѣла въ окружности около одной англійской мили и въ самомъ высокомъ мѣстѣ 250 футовъ длины. Въ два часа пополудни мы воротились на корабль, а въ 10 часу вечера того же дня громада рухнула, взволновавъ море на нѣсколько миль кругомъ». Какъ ни опасны подобныя горы, при всемъ томъ, особенно во время осеннихъ бурь, кораблю одно спасеніе укрыться за такою громадою, чтобы льдины, которыя несутся со страшною быстротою, совсѣмъ его не разбили. Наконецъ, онъ остается неподвижнымъ среди крѣпкихъ ледяныхъ глыбъ, скованныхъ морозомъ въ 30, 40 градусовъ. Наступаетъ долгая зимняя ночь, наводящая на всѣхъ непобѣдимое уныніе, точно также какъ постоянный лѣтній свѣтъ болѣзненно раздражаетъ нервы. Всѣ припасы такъ твердѣютъ, что ихъ нужно колоть ломомъ, потому что топоръ не дѣйствуетъ. Слишкомъ удалившись отъ корабля, путешественникъ рискуетъ заблудиться среди обманчивыхъ ледяныхъ массъ, навѣки заснуть отъ холоду, или умереть отъ жажды, которую онъ терпитъ не менѣе, какъ и въ знойной степи, если ему не удастся развести въ палаткѣ огонь и натопить снѣгу: ледъ или снѣгъ, глотаемый прямо, производитъ сильнѣйшее воспаленіе, и сами эскимосы, жители сѣвера, лучше согласятся нѣсколько дней терпѣть жажду, чѣмъ глотать его. Съ недостаткомъ свѣта часто соединяется недостатокъ пищи: отъ того и другаго рождаются болѣзни. Свѣжаго мяса зимою достать очень трудно, потому что всѣ звѣри исчезаютъ, а соленое вредно; Кенъ разсказываетъ, что, во время своей зимовки, берегъ, какъ драгоцѣнность, для больныхъ одну медвѣжью голову, оставшуюся отъ всего запаса. Больные, истомленные, съ нетерпѣніемъ ждутъ путешественники, когда возвратится солнце; но и послѣ этого еще долго ждать, чтобы буря разломала льды и открыла свободный проходъ кораблю. Большею частію бываетъ такъ, что корабль и все лѣто остается неподвижнымъ въ ледяныхъ оковахъ: тогда, будучи не въ силахъ переносить новой зимовки, путешественники собираютъ свои пожитки, кладутъ, что можно взять на сани, тянутъ за собой и лодки, и отправляются по ледянымъ полямъ на собакахъ. Но этотъ путь самый незавидный: часто съ величайшимъ трудомъ пробиваются они сквозь встрѣчные ледяные сугробы, перетаскиваютъ сани чрезъ разсѣлины, полныя раздробленнымъ льдомъ, или, катясь по его оттаявшей поверхности, проваливаются въ воду. Достигнувъ какого нибудь потока между льдами, они спускаютъ лодки и плывутъ до тѣхъ поръ, пока опять не придется тащить ихъ: но вотъ громадныя ледяныя поля сдвигаются и все пропало, если не успѣютъ обернуть лодку такъ, чтобъ ее само собою выперло на ледъ. При всѣхъ этихъ испытаніяхъ, (когда тюленій жиръ считается роскошнѣйшею пищей), отважные люди пускались на дальній сѣверъ не съ цѣлью обогатиться, или добыть себѣ пропитаніе, а чтобъ изслѣдовать незнакомую природу съ ея чудными, радужными льдами, съ ея бѣлыми медвѣдями, моржами и китами, съ ея разнообразнымъ птичьимъ царствомъ и бѣдными жителями, Эскимосами, которые строятъ свои хижины изо льда, и большую замороженную рыбу употребляютъ вмѣсто саней, чтобы при случаѣ съѣсть эти сани. Изъ всего нами прочитаннаго и разсказаннаго мы можемъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о содержаніи и назначеніи путевыхъ записокъ. Сдѣлаемъ теперь общіе выводы:

1) Путевые записки имѣютъ цѣлію *знакомить насъ съ какою либо страною*, съ ея природою и жителями.

2) *При описаніи природы* страны, путешественникъ указываетъ намъ ея *мѣстный характеръ*, то или другое естественное положеніе края: каждая мѣстность, гористая или степная, приморская или лежащая внутри материка, имѣетъ свои особенныя свойства. Составъ почвы и вліяніе климата безконечно разнообразятъ природу страны, и путешественникъ со вниманіемъ подмѣчаетъ встрѣчаемыя въ ней *особенности ископаемаго, растительнаго и животнаго*

царства. Описанія природы занимаютъ болѣе видное мѣсто тамъ, гдѣ *она преобладаетъ надъ человѣкомъ своими громадными явленіями*, каковы: сѣверные льды, африканскія степи, тропическіе лѣса, заоблачныя горы, волканы, и проч.

3) Знакомя насъ съ *жителями страны*, путешественникъ представляетъ намъ ихъ *зависимость отъ природы*, ту или другую *степень ихъ развитія*, ихъ *промыслы, нравы и обычаи.* Онъ различаетъ *между сельскимъ и городскимъ населеніемъ*, и, смотря по степени образованія, у него является та или другая картина народной жизни, начиная отъ полудикаго состоянія какихъ нибудь самоѣдовъ или эскимосовъ до утонченно-развитаго европейскаго общества. Въ одномъ случаѣ дѣло идетъ объ устройствѣ какого нибудь бѣднаго шалаша или копья съ костянымъ наконечникомъ, въ другомъ — объ успѣхахъ науки, о школахъ и музеяхъ, о спорахъ за разныя идеи, и проч.

4) Какъ ни важна природа сама по себѣ, намъ еще любопытнѣе видѣть *отношеніе къ ней человѣка.* Отъ того *борьба съ природою* составляетъ самыя занимательныя страницы въ путевыхъ запискахъ: мы съ особенной охотой читаемъ разсказы о ловлѣ дикихъ звѣрей, о трудностяхъ, какія преодолѣваетъ человѣкъ въ полярныхъ странахъ, въ неприступныхъ горахъ, посреди грознаго океана, или въ обыкновенныхъ промышленныхъ трудахъ, обращая болото въ богатую ниву, пробивая громадныя скалы для дорогъ, запирая шлюзами рѣки, изобрѣтая новыя машины для подъема страшныхъ тяжестей, для быстраго движенія, и проч. *Искусно оживить картину этой борьбы* составляетъ одну изъ первыхъ задачъ для автора путевыхъ записокъ: описывая средства, какія при этомъ употребляетъ человѣкъ, онъ знакомитъ насъ и со степенью его развитія.

5) Въ путевыхъ запискахъ, при характеристикѣ предмета, преобладаютъ *черты мѣстныя*, какъ народныя, общественныя, такъ и историческія: *историческій разсказъ*, гдѣ онъ является, *касается болѣе отдѣльныхъ предметовъ*, чѣмъ общей исторіи края: такъ въ разсказѣ о Новоземельскихъ промыслахъ Максимовъ представляетъ и исторію открытія Новой Земли. Вообще въ описаніи предмета мы различаемъ *сторону внѣшнюю и внутреннюю.* Наружный видъ ледяныхъ горъ, ихъ величина и разнообразныя формы, ихъ чудный блескъ и освѣщеніе при различномъ положеніи солнца составятъ ихъ внѣшнюю сторону, а объясненіе того, какъ образовались эти

формы чрезъ дѣйствіе волнъ и солнечныхъ лучей, какъ образуются самыя горы, отламываясь, при своей тяжести, отъ прибрежныхъ ледниковъ, которые далеко уходятъ въ землю и все растутъ отъ снѣгу и дождей, — будетъ уже внутреннею стороною предмета. Такъ и при описаніи одежды, построекъ, орудій, обычаевъ жителей намъ любопытно знать, откуда все это произошло, и какъ тутъ выражается характеръ народа. Искусно выбирая тѣ или другія черты въ своемъ изображеніи и искусно ихъ сопоставляя, *авторъ можетъ соединить обѣ стороны предмета, внѣшнюю и внутреннюю, въ одной картинѣ.* Такъ Максимовъ, разсказывая о своей поѣздкѣ къ Ледовитому океану, описываетъ и одежду, въ какой ѣхалъ, и изъ самаго разсказа о его странствованіяхъ мы видимъ, почему такая одежда необходима. *Одно внѣшнее описаніе*, особенно такихъ предметовъ, которые во внѣшнихъ чертахъ жизни сходны между собою, какъ, напримѣръ, улицы, зданія, увеселенія разныхъ европейскихъ городовъ, *часто не даетъ намъ никакого понятія о характерѣ мѣстности и народа.*

6) Хотя отъ путешественника нельзя требовать, чтобы онъ далъ намъ полную характеристику мѣстности, обрисовалъ намъ ее во всѣхъ отношеніяхъ; но мы все-таки *ждемъ отъ него вѣрныхъ и живыхъ замѣтокъ о жизни того или другаго края*, которыя насъ познакомили бы *по крайней мѣрѣ съ одною ея стороною*: такимъ образомъ путешественникъ можетъ имѣть цѣлію описать только сельскій бытъ, или одну городскую жизнь, или, еще болѣе спеціально, только школы и другія средства къ образованію, только нѣкоторые промыслы, и проч. Но во всякомъ случаѣ *живая, дѣятельная личность путешественника* во всѣхъ его описаніяхъ играетъ не последнюю роль: мы съ особеннымъ удовольствіемъ слѣдимъ, какъ отъ его настойчивой наблюдательности не ускользаетъ ни одно самое скрытое свойство предмета.

7) Отъ этой живой личности путешественника много зависитъ *и форма путевыхъ записокъ:* если его личность вполнѣ опредѣленная и выразительная, то по отношенію къ ней, *по столкновенію съ нею другихъ лицъ много выясняется ихъ характеръ*: самые предметы природы ярче рисуются передъ вами, когда тутъ же видите наблюдателя, испытывающаго на себѣ ихъ дѣйствіе. Путевыя записки могутъ быть *исполнены движенія и жизни*, подобно сценическому представленію, если въ нихъ входитъ *изображеніе трудной борьбы*, съ какою авторъ добывалъ свои свѣдѣнія: тутъ есть *завязка*, состоя-

щая въ скопленіи разныхъ препятствій и трудностей для изслѣдованія, есть *рѣшительное дѣло*, отъ котораго иногда зависитъ судьба человѣка, и наконецъ та или другая *развязка*, приводящая это дѣло къ концу.

8) При своей *свободной формѣ*, путевыя записки *не могутъ заключать* постоянно одни цѣльныя описанія, *расположенныя въ строгомъ порядкѣ*, какъ это мы находимъ въ курсѣ какой нибудь науки: тутъ авторъ по неволѣ часто переходитъ отъ одного предмета къ другому и опять возвращается къ тому, о чемъ говорилъ прежде, но и въ нихъ возможны *отдѣльныя*, *болѣе или менѣе полныя изображенія*, когда путешественникъ сводитъ вмѣстѣ свои наблюденія о какомъ нибудь предметѣ.

2. Различіе путевыхъ записокъ отъ личнаго взгляда автора.

(Отрывки изъ сочиненія Гончарова «Фрегатъ Паллада»; отрывки изъ сочиненія Карамзина: «Письма русскаго путешественника» и изъ писемъ Фонъ-Визина о Франціи).

Мы уже объяснили, въ чемъ состоитъ сущность путевыхъ записокъ; мы обратили вниманіе особенно на внутреннее ихъ значеніе, которое онѣ имѣютъ, знакомя насъ съ характеромъ природы и съ характеромъ жителей, а не съ одними только внѣшними свойствами того и другаго. Мы объяснили также, какова должна быть личность путешественника, чтобы его наблюденія имѣли для насъ настоящую цѣну; мы въ немъ ищемъ знанія, наблюдательнаго ума вмѣстѣ съ твердостью воли и неустрашимостью. Конечно, уже при одной природной наблюдательности онъ можетъ пересказать вамъ много любопытнаго, но безъ научныхъ знаній онъ безпрестанно будетъ встрѣчаться съ предметами и явленіями, которыхъ объяснить не въ силахъ. Какіе это предметы, вы можете видѣть хоть изъ разсказа о Лондонѣ Гончарова (Фрегатъ Паллада, томъ I, стр. 60): «Лондонъ по преимуществу городъ поучительный, то есть нигдѣ, я думаю, нѣтъ такого множества средствъ пріобрѣсть дешево и незамѣтно всякихъ знаній. Безконечное утро, съ девяти часовъ до шести, промелькнетъ не видишь какъ. На каждомъ шагу манятъ отворенныя двери зданій, гдѣ увидишь что нибудь любопытное: машину рѣдкость, услышишь лекцію естественной исторіи. Есть учрежденіе, гдѣ показываютъ результаты всѣхъ новѣйшихъ изобрѣтеній: дѣйствіе паровъ, образчикъ воздухоплаванія, движенія

разныхъ машинъ. Есть особое временное зданіе, въ которомъ помѣщенъ громадный глобусъ. Части свѣта представлены рельефно не снаружи свѣта, а внутри. Зрители ходятъ по лѣстницѣ и останавливаются на трехъ площадкахъ, чтобы осмотрѣть всю землю. Ихъ сопровождаетъ профессоръ, который читаетъ бѣглую лекцію географіи, естественной исторіи, политическаго раздѣленія земель. Мало того: тутъ же, въ залѣ, есть замѣчательный географическій музеумъ, преимущественно Англіи и ея колоній. Тутъ цѣлыя страны изъ гипса, съ выпуклыми изображеніями горъ, морей, и потомъ всѣ пособія къ изученію всеобщей географіи: карты, книги, начиная съ младенческихъ временъ географіи, съ Аравитянъ, Римлянъ, Грековъ, карты отъ Марко Паоло до нашихъ временъ. Британскій музей — огромная сокровищница, въ которой не только ученый, художникъ, даже просто фланеръ, зѣвака, почерпнетъ какое нибудь знаніе, уйдетъ съ идеей, обогатитъ память свою не однимъ фактомъ. И сколько такихъ заведеній по всѣмъ частямъ, и почти даромъ! Между прочимъ, я посвятилъ съ особеннымъ удовольствіемъ цѣлое утро обозрѣнію Зоологическаго сада. Здѣсь уже я видѣлъ не муміи и не чучелы животныхъ, какъ въ музеумѣ, а живую тварь, собранную со всего міра. Здѣсь, до значительной степени можно наблюдать нѣкоторыя стороны жизни животныхъ почти въ естественномъ состояніи. Это постоянная лекція, наглядная, осязательная, въ лицахъ, со всѣми подробностями, и отличная прогулка въ тоже время.... Наконецъ, если нечего больше осматривать, осматривайте просто магазины: многіе изъ нихъ тоже своего рода музеумы — музеумы товаровъ. Обиліе, роскошь, вкусъ и раскладка товаровъ поражаютъ до унынія. Богатство подавляетъ воображеніе. Кто и гдѣ покупатели? спрашиваешь себя, заглядывая и боясь войти въ мраморные, малахитовые, хрустальные и бронзовые чертоги. Передъ четырехаршинными зеркальными стеклами можно стоять по цѣлымъ часамъ и вглядываться въ эти кучи тканей, драгоцѣнныхъ камней, фарфора, серебра.» О природѣ англійской Гончаровъ говоритъ: «Ея нѣтъ; она воздѣлана до того, что все растетъ и живетъ по программѣ. Люди овладѣли ею и сглаживаютъ ея вольные слѣды. Поля здѣсь — какъ расписные паркеты. Съ деревьями, съ травой сдѣлано тоже, что съ лошадьми и съ быками. Травѣ дается видъ, цвѣтъ и мягкость бархата. Въ полѣ не найдешь празднаго клочка земли; въ паркѣ нѣтъ самороднаго куста. И животныя испытываютъ ту же участь. Все породисто здѣсь: овцы,

лошади, быки, собаки, какъ мужчины и женщины. Все крупно, красиво, бодро; въ животныхъ стремленіе къ исполненію своего назначенія простерто, кажется, до разумнаго сознанія».... Мы видимъ, что здѣсь дѣло идетъ преимущественно объ искусствѣ и о наукѣ, о высокомъ развитіи образованія и объ устройствѣ общественной жизни, согласномъ съ ея требованіями; слѣдовательно, наблюдателю здѣсь нужно не только имѣть большія свѣдѣнія по разнымъ наукамъ, но также, болѣе или менѣе, знать, какъ примѣняются эти науки къ жизни, какъ, напримѣръ, съ помощью музеевъ и различныхъ выставокъ, онѣ ведутъ къ воспитанію народа, какія средства существуютъ для обработыванія почвы и для улучшенія разныхъ породъ скота, какъ человѣкъ сберегаетъ время и деньги при этихъ удобствахъ, и проч. Мы говорили, что личность путешественника играетъ не послѣднюю роль въ его описаніяхъ; теперь разсмотримъ еще, въ какой мѣрѣ можетъ быть полезно это присутствіе личности и какъ отъ личнаго взгляда въ путевыхъ запискахъ измѣняется самое описаніе предметовъ. Чтобы разсмотрѣть первый изъ этихъ вопросовъ, мы прочтемъ хоть V-ю главу изъ перваго тома путешествія Гончарова: «Отъ мыса доброй Надежды до острова Явы.» Укажите въ краткихъ словахъ содержаніе этой главы, отдѣливъ тѣ мѣста, гдѣ авторъ говоритъ о себѣ и о своихъ спутникахъ, отъ тѣхъ, гдѣ онъ описываетъ различные видѣнные имъ предметы. — Авторъ сначала опредѣляетъ мѣстность, по которой проѣзжалъ онъ на кораблѣ. При вступленіи въ Индѣйскій океанъ началась качка (обыкновенныя явленія качки очень живо описаны авторомъ въ главѣ II-й); скоро вѣтеръ заревѣлъ, поднялся штормъ. Бывшіе на палубѣ говорили, что съ одной стороны изъ-за тучь вырывалась луна, озаряя море и корабль, а съ другой нестерпимымъ блескомъ играла молнія; но авторъ не хотѣлъ идти смотрѣть, сохраняя свое спокойное мѣсто въ каютѣ. Наконецъ, цѣлыми каскадами вода хлынула въ каюту: авторъ, въ башмакахъ, принужденъ былъ выбираться на верхъ, по колѣни въ водѣ, чтобы перемѣнить мѣсто. Недовольный, онъ остановился дорогой посмотрѣть на штормъ: молнія блистала часто, какъ будто касалась мачтъ и парусовъ; но луны уже не было. Перебравшись въ свою каюту, авторъ съ трудомъ отыскалъ бѣлье, переодѣлся, такъ какъ весь былъ мокрый, и заснулъ. Про дѣйствіе шторма онъ еще разсказываетъ, какъ однажды, во время обѣда, съ трескомъ и звономъ вылетѣла изъ полупортика рама, и кудрявый валъ разлился по полу. 31 день плыли по Индѣйскому океану, и было ни тепло, ни холодно; встрѣчали игравшихъ китовъ, тучи птицъ, но авторъ ихъ не описываетъ. Сначала все шли дожди, но вотъ выглянуло солнце — и стало нестерпимо жарко. Вода, какъ зеркало, небо безмятежно, ничто не дохнетъ въ природѣ; въ тѣни 25 град. по Реом., въ водѣ отъ 20 до 22-хъ, ничего не прохлаждаетъ. Дышешь тяжело, ляжешь — волосы и лице мокнутъ. Каждую ночь на горизонтѣ играла яркая зарница; по вечерамъ въ воздухѣ носились какіе то атомы, точно сѣмена и зародыши производительной силы. Однажды въ полуверстѣ увидѣли черный, крутящійся столпъ съ дымомъ, похожій, пожалуй, на пароходъ; но изъ облака тянулась къ нему какая то темная, узкая полоса, будто рукавъ. Это былъ смерчь, быстро приближавшійся къ кораблю; зарядили пушку, чтобъ разбить его, но онъ пропалъ самъ собою. Корабль остановился у острова Явы, въ Анжерѣ, малайскомъ селеніи. Авторъ радуется, что пріѣхалъ къ такому берегу, у котораго нѣтъ никакой исторіи и не нужно шевелить книгъ, чтобы потомъ важно увѣрять, что городъ основанъ тогда то, тѣмъ то, и проч. Путешественникамъ хотѣлось съѣздить отсюда въ Батавію, но не удалось, потому что не достали коляски. Между тѣмъ около фрегата собрались въ лодкахъ малайцы и индѣйцы, коричневые, красноватые, полуголые и безъ шляпъ, и въ коническихъ тростниковыхъ или черепаховыхъ шляпахъ: всѣ они кричали, показывая — одинъ обезьяну, другой — корзинку съ кораллами и раковинами, третій — кучу ананасовъ и банановъ, четвертый — живую черепаху, или попугаевъ. Авторъ описываетъ кратко и общій видъ мѣстности: море, которое мѣстами будто кипитъ золотомъ или горитъ, какъ масса раскаленныхъ угольевъ, — землю, густо покрытую лѣсами и садами. Поѣхали на берегъ, сквозь дворъ крѣпости пробрались въ тропическій лѣсъ, и авторъ съ восторгомъ говоритъ о купахъ пальмъ и другихъ растеній, которыя его окружали: «Все будто убрано заботливою и терпѣливою рукою человѣка, который долго и съ любовью трудился надъ отдѣлкою каждой вѣтви, листка, всякой мелкой подробности; а между тѣмъ это дѣвственные и дикіе лѣса.» Потомъ разсказано, какъ спутники пугали другъ друга тигромъ или змѣею, какъ сбивали палками кокосовые орѣхи, какъ толковали о крокодилѣ, но крокодила не видали. Послѣ этого зашли въ малайское селеніе. Тутъ упомянуто: о малайцахъ, почти голыхъ, съ кускомъ грубой ткани на плечахъ, съ окровавленнымъ ртомъ отъ бетеля, который они жуютъ, — о тропическомъ деревѣ баніанѣ

съ множествомъ стволовъ, идущихъ отъ густой верхушки въ землю, — о рынкѣ, подъ нимъ устроенномъ, гдѣ продавали бетель, какіе то плоды, рыбу и табакъ, — о китайской мелочной лавкѣ со всякой всячиной, и проч. Вечеръ былъ похожъ на волшебное представленіе: послѣдніе лучи солнца блистали чудными красками, въ лѣсу слышался то шопотъ, то шелестъ, въ воздухѣ сильно пахло чѣмъ то пряннымъ. Въ чащѣ банана плавали какія то звѣзды; вотъ, ближе пронеслась одна, другая, третья: матросу приказано наловить этихъ звѣздъ и оказалось, что то были продолговатыя, цвѣтныя мухи; у нихъ ярче свѣчь сіялъ зеленовато-блѣдный огонекъ на концѣ хвоста. Въ этомъ разсказѣ мы исчерпали почти все содержаніе главы. Вы видите, что здѣсь описанія очень кратки и отрывочны; но такъ вышло потому, что автору удалось не долго наблюдать предметы: въ одну прогулку, конечно, и трудно замѣтить болѣе. Въ слѣдующей главѣ, городъ Сингапуръ описанъ съ болѣе характеристичными подробностями; но вообще описанія имѣютъ тотъ же характеръ. Что вы замѣтили въ нихъ особеннаго? — Нисколько не насилуя своихъ чувствъ, авторъ описываетъ всѣ предметы очень просто, по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя они произвели на него: тутъ нѣтъ преувеличеній, ни пустыхъ, общихъ фразъ; красота природы мѣстами обрисована очень живыми чертами. Но всѣ предметы здѣсь представлены съ одной только внѣшней стороны: объ ихъ внутреннихъ свойствахъ мы должны угадывать по личному чувству автора. Его личное чувство очень живо и высказывается въ образахъ, которые дѣйствительно переносятъ насъ въ кругъ описываемыхъ предметовъ; но одного этаго чувства очень недостаточно, чтобы узнать эти предметы съ разныхъ сторонъ. Между тѣмъ авторъ мѣстами даетъ ему слишкомъ много мѣста. Такъ, довольно подробно разсказано, какія непріятности онъ терпѣлъ отъ безпрестанной качки и шторма; но если бы мы хотѣли понять, что такое штормъ въ Индѣйскомъ морѣ, то узнали бы явленіе природы съ одной, очень не важной стороны: мы преимущественно узнали-бы, что во время шторма нечего искать какихъ либо удобствъ путешественнику, привыкшему къ полному комфорту европейской жизни, особенно когда приходится за обѣдомъ подгибать подъ себя ноги и обѣими руками хватать за стаканъ и тарелку. Изъ разговора о крокодилѣ, занимающаго полторы страницы, мы даже не можемъ извлечь, водится или нѣтъ крокодилъ въ Анжерѣ; мы только забавляемся положеніемъ путешественника, который, не рѣшаясь идти

въ опасные кусты, утѣшаетъ себя тѣмъ, что увидитъ крокодила въ Петербургѣ у Зама. — Такимъ образомъ личныя впечатлѣнія даютъ иногда поводъ къ юмористическимъ описаніямъ, которыя разнообразятъ разсказъ и доставляютъ пріятный отдыхъ не слишкомъ любознательному читателю, ищущему болѣе забавы, чѣмъ пользы; но если только на нихъ основаны всѣ наблюденія, то свойства предметовъ представляются намъ случайно, иногда въ чертахъ, очень поверхностныхъ. Какъ бы ни былъ талантливъ путешественникъ, онъ не узнаетъ многаго изъ одного бѣглаго взгляда на предметы: ему необходимо прибѣгнуть къ наукѣ и къ внимательному изслѣдованію, чтобы дать сколько нибудь цѣльную характеристику страны. Впрочемъ неполнота, односторонность, мелочность въ описаніяхъ не составляетъ еще такого важнаго недостатка, какъ совершенное искаженіе предметовъ тамъ, гдѣ мы находимъ у путешественника заданное напередъ, искуственное чувство. Встарину считали необходимымъ, изображая самые простые и уже по своей природѣ очень живописные предметы, украшать ихъ, преувеличивать, придавать имъ небывалыя качества по выдуманному чувству. Карамзинъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ старинныхъ писателей, путешествуя по Европѣ въ концѣ прошедшаго столѣтія, разсказывалъ, въ своихъ путевыхъ запискахъ, очень занимательно для того времени обо всемъ, что видѣлъ и наблюдалъ: онъ живо описываетъ свои встрѣчи съ тогдашними нѣмецкими и швейцарскими учеными, съ большимъ сочувствіемъ говоритъ о европейскомъ образованіи и увлекательно рисуетъ швейцарскую природу. Но и у него очень замѣтенъ упомянутый нами недостатокъ. Для поясненія приведемъ хоть описаніе швейцарской долины Гасли. (Письма русскаго путешественника, изд. Смирдина, томъ II, стр. 277). Разсмотримъ подробности этого описанія. — Авторъ подходитъ къ *Розовому* леднику, состоявшему изъ сафирныхъ пирамидъ. Тутъ онъ скрывается въ мракѣ высокихъ елей, посреди пустоты и дичи. Съ сѣдыхъ мшистыхъ скалъ упадали кипящіе ручьи, и шумъ паденія ихъ раздавался по лѣсу. Спустившись въ долину, онъ нашелъ прекрасные, благовонные луга. Въ этомъ краткомъ, чисто внѣшнемъ описаніи, все довольно просто; но далѣе, восхищаясь красотою луга, котораго видъ былъ ему особенно пріятенъ послѣ голыхъ камней и снѣжныхъ громадъ, авторъ такъ выражаетъ свое чувство: «На всякомъ лужкѣ отдыхалъ я по нѣскольку минутъ, и если не руками, то по крайней мѣрѣ глазами своими ласкалъ каждую травку

вокругъ себя.» Здѣсь уже находимъ преувеличеніе: естественно любоваться свѣжею зеленью луга; но чтобъ ласкать глазами каждую травку отдѣльно, нужно слишкомъ много празднаго времени и мелкой чувствительности. Потомъ авторъ приходитъ въ деревеньку, жители которой, занимаясь скотоводствомъ, питались однимъ молокомъ. «Они дѣлаютъ большіе сыры и чрезъ Валисцевъ отправляютъ ихъ въ Италію. Сырные анбары построены изъ тонкихъ бревенъ на высокихъ столбахъ или подпорахъ, для того чтобы воздухъ могъ отовсюду проходить въ нихъ». Здѣсь, хотя и не много, мы узнаемъ о промыслѣ жителей; мы ждемъ дальнѣйшаго разсказа объ ихъ занятіяхъ и образѣ жизни; вмѣсто этого авторъ очень подробно разсказываетъ о такомъ дѣлѣ, о которомъ и упоминать не стоило, а именно, какъ онъ попросилъ у одного изъ пастуховъ напиться. Этотъ пастухъ, по его словамъ, принесъ изъ дому чашку, показалъ на дно ея, сказавъ, что она чиста, три раза бѣгалъ къ ручью, черпалъ воду, опять выливалъ ее, и каждый разъ то улыбался, то смѣялся; наконецъ подалъ чашку съ водою. Пастухъ, какъ видно, былъ простоватый человѣкъ, отчасти, можетъ, и глупенькій, потому что тѣшился, выливая воду изъ чашки. Но авторъ по этому случаю говоритъ: «Я взялъ чашку, — и если бы *не побоялся пролить воду*, то конечно *обнялъ-бы* добродушнаго пастуха, съ такимъ чувствомъ, съ какимъ обнимаетъ братъ брата: столь любезенъ казался онъ мнѣ въ эту минуту! *Для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ были пастухами и братьями!* Я съ радостью *отказался бы отъ многихъ удобностей жизни*, которыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ, чтобы возвратиться *въ первобытное состояніе человѣка.*» Авторъ объясняетъ, будто бы въ этомъ первобытномъ состояніи люди были счастливѣе, болѣе наслаждались любовью, дружбою, красотою, чѣмъ теперь, когда тысячи заботъ и безпокойствъ терзаютъ нашу душу. Мы могли-бы при этомъ спросить: что жъ мѣшало автору отказаться отъ разныхъ удобствъ жизни, отъ теплой комнаты съ мягкимъ кресломъ и диваномъ, отъ изысканнаго обѣда, отъ уютнаго экипажа и красивой одежды, и т. д. — поселиться хоть бы въ юртѣ съ башкирцами и калмыками, между которыми господствуетъ бытъ пастушій? Но онъ, вѣроятно, и не желалъ вовсе отказываться отъ удобствъ, потому что даже не обнялъ пастуха, боясь пролить воду, которую не большаго стоило труда зачерпнуть и въ четвертый разъ. Онъ говорилъ о превосходствѣ первобытнаго состоянія только

для прикрасы. Подобныя прикрасы очень вредятъ описанію, потому что не только не даютъ понятія о предметѣ, но еще искажаютъ его въ нашемъ воображеніи. Не знаемъ, какъ было при Карамзинѣ, а теперь путешественники разсказываютъ, что въ швейцарскихъ горахъ нѣтъ проходу отъ нищихъ, которые настойчиво выпрашиваютъ милостыни, не смотря на строгія преслѣдованія власти. Далѣе мы нѣсколько узнаемъ о природѣ долины Гасли, о мѣстечкѣ Мейрингенъ, о Рейхенбахѣ, который падаетъ со страшной высоты, срывая камни и цѣлыя деревья: мелкія брызги воды летятъ съ такимъ вихремъ, что, стоя близко, мгновенно промокнешь до послѣдней нитки въ одеждѣ. Въ заключеніе разсказано о сельскомъ сговорѣ, на которомъ присутствовалъ авторъ; но собственно объ обычаяхъ сговора нѣтъ никакихъ подробностей: авторъ говоритъ только о томъ, какъ восхищался онъ женихомъ и невѣстою и какъ подарилъ невѣстѣ мѣдную медаль съ головою греческаго юноши. И такъ во всемъ этомъ разсказѣ авторъ болѣе занятъ собою, своимъ чувствомъ, чѣмъ окружающими предметами. При правильномъ наблюденіи, это, конечно, было-бы все равно: изображать свое чувство и невозможно иначе, какъ описывая предметы, которые произвели его. Но здѣсь выходитъ не такъ: впечатлѣнія автора не проистекаютъ естественно изъ природы вещей, а заготовлены заранѣе; онъ напередъ уже рѣшилъ восхищаться пастушками и молодыми пастушками, поэтому его чувство и даетъ ложное понятіе обо всемъ, чего оно касается. Впрочемъ тамъ, гдѣ авторъ слишкомъ не увлекается фантазіею, его описанія довольно просты и живы. — Замѣтимъ, что наши предки читали съ восторгомъ краснорѣчивые разсказы Карамзина, и въ его время никто не писалъ такимъ увлекательнымъ слогомъ. Это изысканное краснорѣчіе нынѣ устарѣло, но мы и теперь не можемъ не сочувствовать тому уваженію, съ какимъ Карамзинъ говоритъ о европейскомъ образованіи. Чтобы нѣсколько ближе познакомиться съ его взглядомъ, мы разсмотримъ въ главныхъ частяхъ его письма изъ Парижа и сравнимъ ихъ содержаніе съ разсказомъ о томъ же предметѣ современнаго ему писателя, Фонъ-Визина. Тутъ намъ представится случай встрѣтиться съ двумя совершенно противоположными взглядами на предметъ и объяснить, какъ отъ различныхъ взглядовъ происходитъ и различный характеръ описанія. Постараемся многосложное содержаніе парижскихъ писемъ Карамзина привести въ нѣкоторый порядокъ: на всѣ мелочныя подробности не зачѣмъ и обращать вни-

манія, изберемъ самое главное. Съ какими мыслями Карамзинъ подъѣзжаетъ къ Парижу и какое впечатлѣніе производитъ на него этотъ городъ? — Онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ, скоро-ли его увидитъ; онъ жадно всматривается въ необозримую громаду зданій и думаетъ: «Вотъ городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ былъ образцемъ всей Европы, источникомъ вкуса, модъ — котораго имя произносится съ благоговѣніемъ учеными и неучеными, философами и щеголями, художниками и невѣждами, въ Европѣ и въ Азіи, въ Америкѣ и Африкѣ — котораго имя стало мнѣ извѣстно почти вмѣстѣ съ моимъ именемъ; о которомъ такъ много читалъ я въ романахъ, такъ много слыхалъ отъ путешественниковъ, такъ много мечталъ и думалъ»... (Письма рус. пут. изд. Смирдина, томъ II, стр. 438). — Чѣмъ же Парижъ особенно привлекалъ Карамзина? — Тѣмъ, что онъ былъ тогда самымъ образованнымъ городомъ въ Европѣ. — Когда же это было? — Карамзинъ пріѣхалъ въ Парижъ 27-го Марта 1790 года. — На лекціяхъ исторіи, вы узнаете подробнѣе, чѣмъ славился Парижъ въ началѣ и во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Намъ покамѣсть довольно знать, что въ этотъ вѣкъ въ Парижѣ появилось много знаменитыхъ писателей, которыхъ всѣ зачитывались и которымъ всѣ подражали: въ началѣ прошлаго столѣтія, еще въ вѣкъ Людовика XIV-го, славились Мольеръ, Расинъ, Корнель, Буало, а во второй половинѣ — Жанъ Жакъ Руссо, Вольтеръ, Монтескье, д'Аламберъ, Фонтенель, и проч. Слѣдовательно, Карамзинъ, какъ человѣкъ образованный, могъ увлекаться Парижемъ. Какое сначала онъ произвелъ на него впечатлѣніе? — Въ предмѣстьи Св. Антонія его поразили узкія, нечистыя, грязныя улицы, худые дома и люди въ разорванныхъ рубищахъ; но на берегахъ Сены сцена перемѣнилась: тутъ представились ему красивыя зданія, дома въ шесть этажей, богатыя лавки. Карамзинъ восклицаетъ: «какое многолюдство! какая пестрота! какой шумъ! Карета скачетъ за каретою; безпрестанно кричатъ: gare! gare! и народъ волнуется, какъ море» (стр. 439). — На что же Карамзинъ болѣе обратилъ вниманія: на эту нищету или на великолѣпіе? — Далѣе онъ описываетъ преимущественно великолѣпіе города: въ первый же день онъ посѣщаетъ Пalероль и восхищается пышностью его аркадъ, горѣвшихъ ослѣпительными, разноцвѣтными огнями (стр. 144) и вообще не можетъ нарадоваться, глядя на живую картину «величайшаго, славнѣйшаго города въ свѣтѣ.» (стр. 442) — Какъ же связать одно съ другимъ? Карамзинъ восхищается городомъ, котораго имя произносится съ благоговѣніемъ учеными и философами, и плѣняется домами въ шесть этажей, многолюдствомъ, пышностью, совсѣмъ забывая о той нищетѣ, которую видѣлъ? — Его ослѣпляетъ внѣшній блескъ города, въ образованіи Парижа онъ видитъ преимущественно внѣшнюю, блестящую сторону. — Слѣдовательно, мы можемъ напередъ ожидать, что у него будетъ болѣе описана внѣшняя жизнь, чѣмъ внутреннее состояніе общества. Разсмотримъ далѣе, какъ изображаетъ онъ характеръ народа? — Въ парижанахъ онъ считаетъ главною чертою необыкновенную живость движеній: всѣ, кажется, перегоняютъ другъ друга, ловятъ, хватаютъ мысли; вы еще не кончили вопроса, какъ парижанинъ сказалъ свой отвѣтъ, поклонился и ушелъ. (стр. 443). Карамзинъ замѣчаетъ еще, что только французъ понимаетъ общежитіе; никто, кромѣ его, не умѣетъ приласкать человѣка однимъ видомъ, одною вѣжливою улыбкою; самая вѣтренность и непостоянство соединяются въ немъ съ многими милыми качествами. Карамзинъ жалѣетъ, если вслѣдствіе какихъ нибудь грустныхъ событій измѣнится его характеръ (стр. 646, 647). О безпечномъ и веселомъ характерѣ французовъ, также какъ и о ихъ изобрѣтательности, приведено нѣсколько анекдотовъ. Разсказано, какъ одинъ французъ, всегда порядочно одѣтый, цѣлый день весело болтающій въ кофейнѣ, только тѣмъ и живетъ, что по ночамъ срываетъ приклеенныя къ стѣнѣ афиши и продаетъ ихъ за нѣсколько су пирожникамъ, какъ другой собираетъ булавки, теряемыя дамами въ итальянскомъ спектаклѣ, третій спитъ на площади, съ безпечностью тратя свои деньги (стр. 562 — 566). — Теперь объясните, какъ Фонъ-Визинъ изображаетъ Парижъ и французовъ? — Фонъ-Визинъ, напротивъ, болѣе всего обратилъ вниманіе на грязь, которую встрѣтилъ въ Парижѣ: по его словамъ, наружность этого города величественнѣе, чѣмъ другихъ городовъ французскихъ, а внутренность сквернѣе. Подлѣ лавки съ золотомъ и нарядами, вывѣшена битая скотина съ текущею кровью, но французъ, говоритъ Фонъ-Визинъ, привыкъ съ младенчества жить въ грязи, и обоняніе его не страдаетъ. (Сочиненія Фонъ-Визина, изд. Смирдина, стр. 300). О характерѣ парижанъ разсказано слѣдующее. Они считаютъ себя умнѣе всѣхъ на свѣтѣ; но умъ ихъ состоитъ въ одной остротѣ. Люди у нихъ бываютъ или philosóphes, или aimables: первыми называютъ тѣхъ, которые постоянно молчатъ, а вторые — тѣ, которые врутъ безъ умолку. Оспаривать чужое мнѣніе, хотя бы и самое

глупое, считается незнаніемъ жить: всякій болтаетъ, самъ себя не понимая, и его слушаютъ охотно. Мелкія приличія составляютъ цѣлую науку и не исполнять ихъ значитъ прослыть «ridicule»; Нѣтъ нужды, если говорятъ о человѣкѣ, что у него злое сердце; но если скажутъ что онъ ridicule, то онъ пропалъ на вѣки. Французы ловко подмѣчаютъ все смѣшное, но умъ ихъ болѣе обращенъ на внѣшность. По своей поверхностности, они болѣе занимаются стихотворствомъ, чѣмъ точными науками, какова, напримѣръ, математика. Они слишкомъ боятся скуки и проводятъ время въ безпрерывной праздности. (стр. 296—299)—Фонъ-Визинъ былъ въ Парижѣ лѣтомъ 1778 года, слѣдовательно почти за 12 лѣтъ до Карамзина. Это время не такъ велико, чтобы могъ значительно измѣниться характеръ образованнаго французскаго общества. Какая же разница во взглядѣ того и другаго изъ нашихъ писателей? — Карамзинъ расположенъ видѣть только хорошее: ему нравится живой воспріимчивый характеръ французовъ; французское легкомысліе кажется ему только милою чертою, и онъ не останавливается на томъ, какія изъ этаго происходятъ дурныя послѣдствія; Фонъ-Визинъ же открываетъ страсть французовъ къ внѣшнимъ блёсткамъ, ихъ поверхностный умъ, занятый только внѣшностью, ихъ пустоту и праздность. Но развѣ всѣ французы были таковы? Развѣ славу свою, о которой говоритъ Карамзинъ, они пріобрѣли только этими качествами? — Нѣтъ; Фонъ-Визинъ, вооружаясь противъ излишняго пристрастія нашего общества ко всему французскому, съ намѣреніемъ выставлялъ только дурное. Онъ, также какъ и Карамзинъ, судитъ односторонне: если соединить вмѣстѣ мнѣніе обоихъ, то дѣло будетъ болѣе похоже на правду. — Какъ же соединять такія противоположныя мнѣнія? — Подобныя противоположности есть въ характерѣ людей: отъ излишняго дружелюбія и снисходительности человѣкъ нерѣдко извиняетъ слишкомъ много слабостей въ другихъ и терпитъ всякій порокъ, всякую глупость; по живости характера, онъ бываетъ склоненъ мѣшать дѣло съ бездѣльемъ; при наклонности отыскивать смѣшное онъ часто самъ становится смѣшнымъ, забавляясь пустяками. — Все, что вы говорите, возможно въ людяхъ, исполненныхъ дружелюбія, слишкомъ живыхъ по характеру, въ людяхъ остроумныхъ, и проч. Но согласитесь, что ни природная живость, ни остроуміе не требуютъ того, чтобы люди въ тоже время были пустыми и поверхностными. Надо еще знать, о какихъ людяхъ вы говорите. Природная живость, общежительность и старинная любезность французовъ очень

вѣрно подмѣчены Карамзинымъ; но это слишкомъ общія свойства; разсматривая тѣ или другія сословія, тѣ или другіе кружки людей, можно было бы найти еще много свойствъ, точнѣе опредѣляющихъ характеръ народа въ данную эпоху. Находчивость и ловкость, конечно, такія качества, которыя болѣе или менѣе принадлежали всѣмъ французамъ; но хорошенько вникнувъ въ находчивость и ловкость, съ какою, въ описаніи Карамзина, бѣдный человѣкъ срываетъ по ночамъ афиши, или собираетъ булавки для своего пропитанія, можетъ быть, вы пришли бы къ мысли, что бѣдный человѣкъ или не былъ приготовленъ ни къ какому болѣе дѣльному труду, или и не имѣлъ возможности найти его. Для этого необходимо бы только вообще разсмотрѣть, чѣмъ занимались въ Парижѣ бѣдные люди и какъ они доставали пропитаніе. То, что рабочій спитъ на площади, также не доказываетъ его любви къ философіи, какъ увѣряетъ Карамзинъ. Мнѣніе Фонъ-Визина, что французы питаютъ особенную любовь къ грязи, есть также мнѣніе человѣка, который не испытывалъ нужды, и не думалъ о томъ, что, не имѣя обезпеченнаго куска хлѣба, люди становятся ко всему равнодушны. Описывая французскую пустоту и праздность, Фонъ-Визинъ, конечно, наблюдалъ преимущественно модное свѣтское общество, среди котораго ему, какъ человѣку съ именемъ и знакомому со знатью, приходилось болѣе всего вращаться. Но мы знаемъ изъ исторіи, что во Франціи тогда было очень много дѣльныхъ и глубокомысленныхъ людей, которыхъ и читали и слушали съ жадностью. И такъ, вы можете теперь объяснить, отчего зависитъ различный взглядъ путешественника?—Тотъ или другой взглядъ путешественника часто зависитъ отъ того, какое общество случалось ему наблюдать: посѣщая одни богатые дома, онъ, конечно, будетъ восхищаться только роскошью; сходясь съ людьми праздными и легкомысленными, онъ можетъ подумать, что кромѣ праздности и легкомыслія ничего нѣтъ въ цѣломъ народѣ. Кромѣ того важно знать его понятія, чтобы судить, на сколько вѣренъ его взглядъ. Карамзинъ былъ одушевленъ внѣшнимъ блескомъ французскаго образованія, свѣткостью, краснорѣчіемъ и изящнымъ вкусомъ французовъ, и потому восхищался всѣмъ безъ разбора; Фонъ-Визинъ уже напередъ задалъ себѣ мысль все осуждать во Франціи. — Мы увидимъ далѣе, что въ тогдашней Франціи дѣйствительно было очень много дурнаго, и эти дурныя стороны довольно вѣрно подмѣчены Фонъ-Визинымъ. Мы говоримъ только противъ узкаго, поверхностнаго, или напередъ,

заданнаго себѣ взгляда въ путешественникѣ, а односторонность въ его описаніяхъ еще можетъ быть допущена, когда тутъ дѣйствительно разъясняется какая нибудь сторона общественной жизни. Просмотримъ же въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, что описываетъ Карамзинъ? — Онъ во-первыхъ описываетъ замѣчательныя зданія и памятники, разсказывая при этомъ ихъ исторію. Онъ объясняетъ, какъ Лувръ былъ сначала крѣпостью, въ которую сажали строптивыхъ бароновъ, потомъ Францискъ I на мѣстѣ ея соорудилъ дворецъ, украшенный при Людовикѣ XIV великолѣпною колоннадою (стр. 497). При описаніи Тюльери, онъ говоритъ о его построеніи Катериною Медичи, о его наружномъ видѣ и о внутреннемъ убранствѣ комнатъ, которыя автору удалось видѣть вмѣстѣ съ другими зрителями, безцеремонно гулявшими по заламъ (стр. 499). Особенно плѣнилъ Карамзина Палерояль съ его клубами, концертными залами, великолѣпными магазинами и кофейнями. «Приходи въ Палерояль дикимъ американцемъ, говоритъ онъ, и чрезъ полчаса будешь одѣтъ наилучшимъ образомъ, можешь имѣть богато-украшенный домъ, экипажъ, множество слугъ, 20 блюдъ на столѣ, и проч. Можно цѣлую жизнь, и самую долголѣтнюю, провести въ Палероялѣ, какъ волшебный сонъ, и сказать при смерти: я все видѣлъ, все узналъ!» (стр. 504 — 506). Кромѣ разныхъ памятниковъ искусства и публичныхъ гуляній, Карамзинъ описываетъ французскій театръ, академію, библіотеку, училище глухонѣмыхъ. Описывая французскій театръ, Карамзинъ замѣчаетъ, что драмы Корнеля и Расина холодны, отличаются только прекраснымъ стихомъ, но въ нихъ нѣтъ чувства природы, какъ у Шекспира (стр. 472, 473); онъ знакомитъ и съ лучшими тогдашними актерами, напримѣръ, съ Леривомъ (стр. 475, 476); тутъ же изложено содержаніе довольно нелѣпой французской мелодрамы: Петръ Великій, которую авторъ описываетъ съ изысканною чувствительностью (стр. 483 — 487). При посѣщеніи французской академіи, Карамзинъ познакомился съ Бартелеми, написавшимъ «Анахарсисъ», или путешествіе молодаго скиѳа въ Аѳины, но въ описаніи этого знакомства мы читаемъ почти объ однѣхъ учтивостяхъ, которыми оба обмѣнялись другъ съ другомъ; подробнѣе авторъ говоритъ о Левекѣ и о его русской исторіи (стр. 509 — 516). Карамзинъ еще даетъ намъ понятіе о богатствѣ королевской библіотеки, въ которой тогда было до 200,000 томовъ книгъ и 60,000 рукописей (стр. 548, 549), и сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о школѣ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ: онъ замѣчаетъ, что глухонѣмые отлично знаютъ читать и писать, но не объясняетъ, какъ учатъ ихъ тому или другому; кратко упомянуто только объ обученіи слѣпыхъ по выпуклымъ буквамъ (стр. 567, 568). Вообще объ образованіи парижанъ мы находимъ здѣсь только легкія замѣтки, подробнѣе же описаны зданія и памятники искусства. Вездѣ Карамзинъ увлекается своею чувствительностью, и это особенно замѣтно въ разсказѣ о встрѣчѣ съ Бартелеми, о мелодрамѣ: Петръ Великій, и проч. — Во всѣхъ разсказанныхъ вами подробностяхъ мы узнаемъ все-таки что нибудь положительное, хотя и о немногихъ предметахъ получаемъ отчетливое понятіе; но есть ли и такія мѣста, гдѣ Карамзинъ говоритъ только о себѣ или о своихъ знакомствахъ, ни для кого незанимательныхъ? — Таковъ разговоръ въ оперѣ съ неизвѣстною дамою, изъ котораго мы можемъ только вывести, что авторъ любитъ розы, что у него чувствительное сердце, что онъ мечталъ спасти какую-нибудь даму отъ разбойниковъ, и проч. (стр. 538 — 543). — Итакъ искусственное, сентиментальное настроеніе ведетъ у Карамзина или къ описанію такихъ сторонъ въ предметѣ, которыя вовсе не существенны и не важны, или къ преувеличенному его изображенію. Когда онъ назвалъ французскаго ученаго, Бартелеми, Платономъ, аѳинскимъ мудрецомъ, а себя въ сравненіи съ нимъ — скиѳомъ, пришедшимъ поучаться мудрости, то и тотъ отвѣтилъ ему любезностью; но учтивость, обходительность Бартелеми еще не составляютъ важной черты въ его характерѣ. Неумѣстны также восторгъ и слезы при видѣ того грубаго искаженія истины, какое находимъ въ мелодрамѣ, гдѣ Петръ Великій прославляется, подобно чувствительному герою французскаго старинняго романа. Но избытокъ чувствительности всегда показываетъ, что мы еще не способны спокойно вникать въ предметъ и разумно его обсуживать: въ такомъ случаѣ мы обыкновенно увлекаемся одною внѣшнею его стороною и не замѣчаемъ, что скрыто подъ его наружностью. Намъ уже извѣстно, что при описаніи городскаго населенія всего важнѣе обратить вниманіе на общественный бытъ, то есть, не на одни только увеселенія горожанъ, а также на устройство ихъ общественной жизни, на положеніе разныхъ сословій, на порядокъ управленія и проч. Касается ли Карамзинъ этихъ сторонъ? — Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Парижъ во время его посѣщенія очень измѣнился: «златая роскошь, опустивъ черное покрывало на горестное лице свое, поднялась на воздухъ и скрылась за облаками». Эта затѣйливая фраза означаетъ, что съ началомъ

революціи выѣхали изъ Парижа многія богатыя графини, маркизы, баронессы, и закрылись богатые дома, гдѣ играли въ карты, толковали о нѣжныхъ чувствахъ, фантазировали о разныхъ мудреныхъ предметахъ (стр. 455, 456). Изъ высшихъ лицъ авторъ еще упоминаетъ о королѣ, королевѣ и дофинѣ, но и здѣсь представлена одна наружность: на лицѣ короля спокойствіе и кротость, королева прекрасна и величественна, какъ роза, на которую вѣютъ холодные вѣтры, дофинъ — ангелъ красоты и невинности (стр. 458, 459). — Какъ же изображаетъ Фонъ-Визинъ тогдашнее состояніе общества? — Онъ прежде всего объясняетъ, каково было французское воспитаніе подъ руководствомъ іезуитовъ. Высшій классъ, по его словамъ, зараженъ предразсудками, которые подавляютъ въ немъ смыслъ младенческій. Изъ принцевъ одинъ, ради благочестія, совсѣмъ отрекся отъ здраваго ума, другой ходитъ щеголемъ, переваливаясь, говоритъ грубо, толкается, хохочетъ безъ причины. Самъ король добръ и трудолюбивъ, но оба эти качества управляются чужими головами. Дворянство находится въ бѣдности: одинъ старшій сынъ наслѣдуетъ имѣніе, а младшіе большею частію добиваются выйти въ люди чрезъ какой нибудь духовный чинъ. Католическое духовенство держитъ народъ въ страшномъ суевѣріи: исполняются самые нелѣпые обряды, какъ, напримѣръ, на праздникѣ «Fête Dieu», гдѣ въ процессіи, между прочимъ, идутъ жители, наряженные чертями, и очень гордятся этимъ званіемъ. Жестокость и неправосудіе господствуютъ повсюду, чины и должности продаются за деньги, народъ обремененъ налогами и податями и во многихъ мѣстахъ умираетъ съ голоду. Интенданты, покупая свою должность, безъ пощады грабятъ провинціи и берутъ даже хлѣбъ на откупъ. (Стр. 309 — 329).

— Таково дѣйствительно было положеніе Франціи передъ тѣмъ страшнымъ переворотомъ, который извѣстенъ подъ именемъ французской революціи. Теперь понятно, откуда происходила бѣдность, поразившая Карамзина рядомъ съ великолѣпіемъ: причиною всего зла было дурное воспитаніе, дурное управленіе. Противъ этого зла и вооружались лучшіе люди во Франціи, тѣ прославленные писатели, которыхъ краснорѣчіемъ восхищался Карамзинъ. Но Фонъ-Визинъ лучше всмотрѣлся въ общественные недостатки: онъ прямо выставляетъ бѣдственное положеніе французскаго народа, мѣтко обрисовываетъ всѣ тѣ неустройства, отъ которыхъ пало старое французское общество, чтобы дать мѣсто новому; онъ только судитъ

очень односторонне, не видя ничего хорошаго во Франціи; онъ совсѣмъ не замѣчаетъ новаго общества лучшихъ людей, имѣвшихъ просвѣщенный умъ вмѣстѣ съ живымъ понятіемъ о чести и о безкорыстіи, а безъ такихъ людей невозможно было бы существовать образованному народу. Все-таки одностороннее описаніе Фонъ-Визина имѣетъ свою цѣну, потому что знакомитъ насъ хотя съ одною половиною общества. Какіе же сдѣлать намъ еще выводы о путевыхъ запискахъ, кромѣ прежнихъ?

1. Путешественнику, кромѣ обыкновенной наблюдательности и научныхъ знаній, необходимо имѣть ясное понятіе о примѣненіи науки къ разнымъ потребностямъ жизни.

2. Одно личное чувство путешественника, какъ ни было бы оно живо и естественно, недостаточно для цѣльной характеристики предмета и не можетъ пополнить недостатка знаній.

3. Личность путешественника, какъ ни была бы она оригинальна и симпатична, не должна загораживать собою описываемыхъ предметовъ. Если при этомъ онъ подходитъ къ предмету съ заданнымъ напередъ чувствомъ, то все его описаніе становится невѣрнымъ, и предметъ является въ искаженномъ видѣ.

4. Различный взглядъ путешественника зависитъ отъ составленныхъ имъ напередъ понятій о предметѣ, отъ его образованія и природнаго характера, и также отъ разныхъ обстоятельствъ, сближающихъ его въ чужой странѣ съ тѣми или другими людьми, съ тѣмъ или другимъ кругомъ общества. Онъ, конечно, можетъ не подчиниться вліянію кружка и сохранить какъ независимость, такъ и разносторонность взгляда. Въ случаѣ же односторонности, мы, по крайней мѣрѣ, требуемъ, чтобы одна сторона жизни, выставленная авторомъ, являлась передъ нами въ истинномъ свѣтѣ, безъ прикрасъ и безъ преувеличеній.

3. Систематическое описаніе.

(Описаніе бѣлки изъ Брема, очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа, Костомарова).

Мы познакомились съ описаніями предметовъ, какіе встрѣчаются въ путевыхъ запискахъ. Припомните, какіе могутъ быть недостатки подобныхъ описаній? — 1). Эти описанія могутъ быть *очень неполны.* Авторъ касается въ нихъ тѣхъ сторонъ жизни, которыя удалось ему самому наблюдать и о которыхъ, по своимъ знаніямъ,

онъ могъ сдѣлать наиболѣе вѣрное заключенiе. Такъ, въ своемъ путешествiи къ полюсу, Кенъ сообщаетъ намъ свѣдѣнiя о жилищѣ и характерѣ эскимосовъ, съ которыми по необходимости вступалъ въ сношенiя, чтобы добыть себѣ и товарищамъ пропитанiе, во время зимней стоянки. Но, собравши всѣ свѣдѣнiя изъ разсказовъ Парри, Росса, Франклина, и проч. можно бы составить и полное описанiе эскимосскаго племени. У однихъ изъ этихъ путешественниковъ мы найдемъ болѣе полные разсказы объ образѣ жизни и промыслахъ эскимосовъ, у другихъ — о происхожденiи и расселенiи этого племени, у третьихъ — о языкѣ и т. д. 2) Описанiя въ путевыхъ запискахъ нерѣдко бываютъ *болѣе или менѣе искажены* личнымъ, пристрастнымъ взглядомъ автора. Хотя личность автора и придаетъ много живости описанiю, но въ ней также заключается причина той односторонности, при которой иногда самыя важныя свойства предмета или совсѣмъ отъ насъ скрыты, или представлены въ ложномъ свѣтѣ. Но, сличивъ описанiе одного автора съ другими, мы дополнимъ или исправимъ черты, недостающiя въ цѣльной характеристикѣ предмета. — Изъ этого видно, что частныя или отрывочныя описанiя надо различать отъ *цѣльнаго или систематическаго описанiя.* Чѣмъ болѣе собираемъ мы свѣдѣнiй, тѣмъ необходимѣе для насъ связывать ихъ въ одно цѣлое, въ систему. Мы приведемъ примѣры такихъ связныхъ описанiй изъ жизни природы и изъ жизни человѣческаго общества. Прочтемъ сначала хоть описанiе обыкновенной бѣлки или векши по книгѣ Брема: «Жизнь животныхъ.» Разскажите вкратцѣ, чтó предшествуетъ этому описанiю? — Наблюдая природу въ цѣлости, естествоиспытатели дѣлятъ царство животное на млекопитающихъ, птицъ, земноводныхъ, рыбъ, насѣкомыхъ, и проч. Млекопитающiя снова дѣлятся, на двурукихъ, четверорукихъ, рукокрылыхъ, хищныхъ, сумчатыхъ, грызуновъ, и т. д. Бѣлка относится къ отряду грызуновъ, и потому Бремъ сначала вообще говоритъ объ этомъ отрядѣ. Говоря о грызунахъ вообще, онъ разсматриваетъ ихъ общiе признаки. Главнымъ ихъ *отличительнымъ свойствомъ* служатъ *два большихъ грызущихъ зуба* въ обѣихъ челюстяхъ; другiе признаки *не такъ опредѣленны*: тѣло то продолговатое, то короткое, покрытое то мягкимъ мѣхомъ, то иглами; хвостъ иногда длинный, пушистый, иногда, вмѣсто хвоста, короткiй придатокъ, и проч. *Большею частiю* у грызуновъ тѣло продолговато-круглое, голова на толстой шеѣ, глаза велики и сильно выдаются впередъ, губы мягкiя, покрытыя чувствительными волосками. Но эти отличiя не обнимаютъ всего разряда грызуновъ: ихъ общею характеристикой служатъ только зубы. Эти зубы, или рѣзцы, дугообразно изогнуты, покрыты эмалью, твердою какъ сталь, и необыкновенно остры. Истираясь другъ объ друга отъ постояннаго грызенья, они постоянно выростаютъ вновь; если вырвать одинъ зубъ у грызуна, то другой, противоположный, растетъ безпрепятственно, выдается изо рта, закручиваясь какъ рогъ, и затрудняетъ питанiе. Грызуны живы и проворны, хотя и не отличаются особеннымъ умомъ. Они питаются преимущественно растительной пищей и чрезвычайно плодовиты: отъ одной пары можетъ родиться въ годъ до тысячи. — Прежде всего объясните, какъ наблюдатели природы могли дойти до дѣленiя, о которомъ вы говорите? — Они сначала замѣчали разнообразныя свойства въ отдѣльныхъ животныхъ. Уже необразованный человѣкъ легко отличаетъ главныя породы животныхъ: дикихъ звѣрей отъ домашнихъ, медвѣдей отъ оленей, птицъ отъ рыбъ, и проч. Тутъ средствомъ къ различiю служатъ преимущественно внѣшнiе, наиболѣе выдающiеся признаки: шерсть, иглы или перья, рога, копыта или сильные когти, наружный складъ тѣла, длинныя или короткiя ноги, и проч. Кромѣ того необразованный народъ довольно вѣрно знаетъ образъ жизни и характеръ звѣрей, которые его окружаютъ: хитрость и всѣ уловки лисы, жадность волка, неуклюжесть и силу медвѣдя и его зимнюю спячку въ берлогѣ; онъ отличитъ гнѣзда разныхъ птицъ, нору крота, лисью, и т. п. Но въ этихъ знанiяхъ еще очень мало цѣльнаго, связнаго. Съ появленiемъ науки, люди стали внимательнѣе всматриваться во всѣ, самыя незначительныя явленiя природы и старались каждому изъ нихъ открыть причину. Такъ, напримѣръ, подробно вникнувъ въ устройство скелета, стали уже по одному складу черепа и по зубамъ, даже по одной найденной кости, отличать выдру отъ бобра, кошку отъ зайца, осла отъ лани. Но въ тоже время замѣтили близкое сходство въ звѣряхъ самаго разнообразнаго свойства, какъ, напримѣръ, между собакой и волкомъ, между лошадью и осломъ, между слономъ и свиньею. При большемъ количествѣ собранныхъ наблюденiй оказалось, что устройствомъ скелета человѣкъ сходствуетъ и съ лошадью, и со слономъ, и съ тюленемъ, и съ летучей мышью; указаны наконецъ общiя свойства всѣхъ позвоночныхъ. Слѣдовательно, чѣмъ болѣе наблюдали природу, тѣмъ больше находили тонкихъ отличiй въ каждой породѣ животныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе открывали сходныхъ или род-

ственныхъ чертъ во всемъ царствѣ животныхъ. Такъ явилась возможность раздѣлить это царство на классы, семейства, породы, и внести въ описаніе различныхъ звѣрей порядокъ, систему.

— Вы видѣли, что Бремъ, принявъ извѣстный порядокъ описанія, сначала приводитъ признаки *общіе* въ породѣ грызуновъ, къ которой принадлежитъ и бѣлка. Скажите, что нужно замѣтить про эти общіе признаки? — То, что между ними одни дѣйствительно обнимаютъ *всю породу*, другіе же относятся только къ *двумъ*, *тремъ видамъ*, или даже *къ одному виду*. Первыхъ свойствъ очень немного; при опредѣленіи разряда грызуновъ такимъ свойствомъ служитъ особое устройство зубовъ. Устройство зубовъ указываетъ на способъ питанія, на образъ жизни. Но при этихъ общихъ чертахъ существуетъ и безконечное множество особенностей, изъ которыхъ однѣ могутъ дать случай къ новымъ подраздѣленіямъ (напримѣръ, бѣлка, мышь, заяцъ, боберъ), другія же остаются принадлежностью отдѣльныхъ звѣрей. Наблюдателю тутъ приходится только опредѣлить, какіе признаки *чаще всего* встрѣчаются въ той или другой породѣ, какими она *преимущественно* отличается, потому что разнообразіе природы неисчерпаемо. Слѣдовательно, приводя въ порядокъ живые предметы, мы заботимся не только о томъ, чтобы дѣлить ихъ по общимъ признакамъ, но и о томъ, чтобы при этомъ дѣленіи можно было обозрѣть наибольшее число видовъ. Здѣсь мы по неволѣ допускаемъ нѣкоторую неточность. Когда я опредѣляю какой нибудь предметъ, созданный искуствомъ человѣка, то мнѣ легче обозначить его видъ, родъ и отличительные признаки, потому что изъ употребленія предмета всегда съ точностью извѣстны его цѣль и назначеніе: двери, какъ принадлежность дома, служатъ для входа; телѣга приспособлена къ тому, чтобы на ней ѣздить или возить кладь; плугомъ обрабатываютъ землю. Но въ живой природѣ свойства отдѣльныхъ явленій не такъ просты и неизмѣнны: предметъ, въ одномъ какомъ-нибудь очень характерномъ признакѣ совершенно сходный съ другимъ, часто въ остальныхъ признакахъ не имѣетъ ничего съ нимъ общаго; тѣже самыя части въ различныхъ предметахъ имѣютъ различное назначеніе; одинъ и тотъ же предметъ на различной ступени развитія имѣетъ совсѣмъ противуположныя свойства. Такъ бѣлки, кромѣ зубовъ, почти ни въ чемъ не сходны съ бобрами; особенный разрядъ животныхъ составляютъ сумчатыя, имѣющія на животѣ мѣшокъ или сумку, въ которой держатъ дѣтенышей, но между сумчатыми есть и дневныя, и ночныя, и хищныя, и грызуны, и живущія на сушѣ, на водѣ или на деревьяхъ; тутъ одинъ родъ смѣшивается съ другими; руки человѣка и обезьяны у остальныхъ млекопитающихъ измѣняются въ переднія ноги или лапы, у нетопыря служатъ для летанія, у птицъ уже совсѣмъ обращаются въ крылья, у тюленя же въ ласты для плаванія; головастикъ, подобно рыбкѣ, плавающій въ водѣ, въ дальнѣйшемъ развитіи становится лягушкой, червякъ — мотылькомъ или бабочкой. Такъ, живая природа не терпитъ однообразія, не поддается какой-нибудь узкой мѣркѣ, и наблюдатель, избирая для дѣленія одинъ признакъ, постоянно встрѣчается съ другими, не менѣе характерными, такъ что одно звѣно здѣсь тѣсно смыкается съ другимъ, образуя непрерывную цѣпь созданій, поэтому и берутъ въ основу дѣленія разные признаки: то устройство зубовъ, то особые органы пищеваренія, то способы движенія, но въ общей связи явленій вы находите и правильность и соотвѣтствіе съ цѣлію. Представьте себѣ правильный многоугольникъ, и проведите въ немъ, сколько возможно, линій отъ одного угла къ другому; вы увидите, что линіи дѣленія перекрещиваются между собою, и однако, сравнивая отдѣльныя части, вы замѣчаете, что выходятъ все соотвѣтственныя фигуры; такъ и въ живой природѣ смѣшеніе частей не нарушаетъ правильности цѣлаго. Теперь укажите подробности, съ которыми описана бѣлка. — Наша обыкновенная бѣлка еще не составляетъ единственнаго вида между другими породами грызуновъ: есть цѣлое семейство бѣличьихъ, къ которому, кромѣ обыкновенной бѣлки, принадлежатъ остъиндскій тагуанъ, летяга, черная бѣлка, королевская бѣлка, и проч. Обыкновенныя бѣлки наиболѣе близки человѣку. Бремъ сначала приводитъ поэтическое и вмѣстѣ довольно точное описаніе ихъ свойствъ изъ Рюккерта. Нѣмецкій поэтъ представляетъ бѣлку въ видѣ царевича въ золотистоогненной порфирѣ, который сидитъ на зыбкомъ тронѣ (на вѣткѣ) незыблемаго дуба и вмѣсто вѣнца осѣняетъ себя величаво приподнятымъ хвостомъ! Ранней весной онъ обгрызаетъ еще не раскрывшіяся почки и вдругъ скрывается въ густую вершину, чтобы заглянуть въ гнѣздо птицъ; а крылатый хоръ уже напѣваетъ ему плясовую. Осенью весело играетъ онъ орѣшками, желудями и прибираетъ опалыя листья въ свое теплое гнѣздо: искусно строитъ онъ свой висячій зимній дворецъ, еще гуще становится его шубка, и какъ прозорливо прикрываетъ онъ всѣ отверстія своего уголка, зная, откуда подуетъ вѣтеръ! Но обратимся

къ описанію самаго Брема. Онъ сначала говоритъ о внѣшнемъ видѣ бѣлки. Длина ея около 9 дюймовъ, хвостъ только на дюймъ короче. Лѣтомъ шерсть на спинѣ коричнево-красная, животъ бѣлый, зимою въ Сибири и въ сѣверной Европѣ, она свѣтлосѣрая; въ Германіи встрѣчаются бѣлки и чернаго цвѣта, но бѣлый цвѣтъ составляетъ большую рѣдкость. Хвостъ пушистъ и перистъ, на ушахъ пучки длинныхъ волосъ, подошвы голыя. Бѣлка живетъ въ лѣсахъ по всей Европѣ и въ южной Сибири до Алтая и восточной Азіи. Мѣстами ее встрѣчаютъ въ большемъ, мѣстами въ меньшемъ количествѣ, такъ какъ она совершаетъ большія путешествія. Она любитъ чернолѣсье, сырость и вмѣстѣ солнечный свѣтъ, гдѣ много еловыхъ и сосновыхъ шишекъ; она устраиваетъ постоянныя жилища въ старыхъ вороньихъ гнѣздахъ. Найдетъ бѣлка гнѣздо сороки, вороны, орла, въ немъ и укроется, но когда нужно защититься отъ непогоды, или выводить дѣтенышей, она вновь обдѣлываетъ старое гнѣздо и устраиваетъ себѣ даже нѣсколько пріютовъ. Она выбираетъ для этого дупло или развѣтвленія главнаго ствола. Основаніе гнѣзда широкое, сверху плотная, конусообразная крышка, непромокаемая для дождя; главный входъ снизу и обращенъ обыкновенно къ востоку, другое маленькое отверстіе у самаго ствола, на случай бѣгства. Гнѣздо, сплетенное изъ вѣточекъ, внутри выложено мохомъ. Бѣлка жива и рѣзва, подобно обезьянѣ; въ тихую и ясную погоду она постоянно играетъ на деревьяхъ или скачетъ по землѣ отъ одного ствола до другаго. Съ помощью длинныхъ острыхъ когтей на подвижныхъ пальцахъ, она вцѣпляется въ самый гладкій стволъ, дѣлаетъ одинъ за другимъ прыжки такъ быстро, что только слышно шуршанье; вмигъ взбирается до верхушки, потомъ пробѣгаетъ по какому нибудь горизонтальному суку и съ него, сверху внизъ, прыгаетъ на сукъ другаго дерева, на 12 и даже на 16 футовъ: при этомъ перистый хвостъ отчасти поддерживаетъ ее на воздухѣ. Смотря по времени года, бѣлка ѣстъ плоды, сѣмена, почки, вѣтки, ягоды, зерна и грибы, но главную ея пищу составляютъ еловыя и сосновыя сѣмена и молодые побѣги. Она отгрызаетъ шишку у черенка, усаживается на заднія лапы, передними безпрестанно вертитъ ее, откусывая листикъ за листикомъ и, добравшись до зернышка, слизываетъ его языкомъ. Созрѣютъ орѣхи, и тогда ей раздолье. Схвативъ пучекъ, вышелушиваетъ она одинъ орѣхъ и, сидя на заднихъ лапахъ, быстро проскабливаетъ въ скорлупѣ дыру, гдѣ соединяются обѣ половины, потомъ также быстро

машетъ орѣхомъ, пока онъ не распадается на куски, тогда вынувъ зернышко, старательно пережевываетъ его коренными зубами. Она также ѣстъ чернику, бруснику, кленовыя зерна, выбираетъ зернышки изъ яблоковъ и грушъ, похищаетъ яица изо всѣхъ гнѣздъ, а иногда питается и молодыми птенцами. Едва бѣлка найдетъ много пищи, то собираетъ запасы и устраиваетъ кладовыя въ дуплахъ деревьевъ, въ норахъ подъ корнями и каменьями: сюда она сноситъ всевозможныя зерна. Она очень чувствительна къ погодѣ, въ хорошую погоду утромъ и вечеромъ она гуляетъ по лѣсу, а въ полдневный жаръ прячется въ гнѣздо; за много часовъ до непогоды, она выражаетъ свое безпокойство постояннымъ прыганьемъ, свистомъ и щелканьемъ. Наступятъ ненастные дни, и бѣлка, свернувшись въ клубокъ, лежитъ въ своемъ гнѣздѣ, тщательно закрывъ входное отверстіе. Если за дурною осенью послѣдуетъ суровая зима, то множество этихъ звѣрей погибаетъ: голодъ принуждаетъ ее истощать до времени зимніе запасы, нѣкоторыя изъ кладовыхъ она забываетъ, другія скрыты подъ глубокимъ снѣгомъ — и бѣлокъ находятъ мертвыми въ гнѣздахъ. Въ буковыхъ и дубовыхъ лѣсахъ ей прожить легче, потому что, кромѣ оставшихся на деревѣ шишекъ и желудей, она выкапываетъ ихъ изъ снѣгу. Бѣлка способнѣе другихъ грызуновъ: у ней хорошо развиты зрѣніе, слухъ и обоняніе; осязаніе такъ тонко, что съ помощью его она предъугадываетъ погоду. Она одарена памятью и хитростью, и очень ловко спасается отъ враговъ, бросаясь на дерево, при чемъ, сколько возможно, прижимается и прячется между листьями. Въ мартѣ, или нѣсколько позднѣе, самка рождаетъ отъ 3 до 7 дѣтенышей, которые до 9 дней остаются слѣпыми. Все это время родители весело прыгаютъ и играютъ около гнѣзда, холятъ своихъ малютокъ, а когда они начнутъ бѣгать, доставляютъ имъ пищу. Такъ продолжается лишь нѣсколько дней; дѣти, перенявъ всѣ обычаи родителей, разселяются по лѣсу и живутъ уже сами между собою. Въ іюнѣ самка вторично рождаетъ дѣтенышей. Бѣлка отличается необыкновенной чистоплотностью: она постоянно чиститъ и облизываетъ себя; свой и дѣтскій пометъ она всегда выкидываетъ изъ гнѣзда. Отъ того ее охотно держатъ въ комнатѣ: для этого берутъ изъ гнѣзда молодыхъ бѣлокъ и выкармливаютъ молокомъ или припускаютъ ихъ къ кошкѣ, и добрая кошка охотно беретъ на себя это кормленіе. Бѣлку держатъ въ клѣткѣ, обложенной жестью, потому что, бѣгая свободно по дому, она изгрызла бы всѣ предметы; но

и въ клѣткѣ ей необходимо давать орѣхи, шишки и просто куски дерева для грызенья, чтобы она могла обтачивать свои зубы: иначе зубы выростаютъ и затрудняютъ питаніе. Кромѣ человѣка врагомъ бѣлки бываютъ соколы, ястреба и большія совы, но отъ нихъ она ловко спасается, взбираясь спиралью на дерево: птицѣ приходится дѣлать большіе круги, и бѣлка успѣваетъ спрятаться въ дупло или въ густую верхушку. Но не такъ легко уйти ей отъ лѣсной куницы. Куница не хуже ея бѣгаетъ по деревьямъ; бѣлкѣ остается одно средство: взобравшись спиралью на самую верхушку, кинуться оттуда прямо на землю, положившись на свой пушистый хвостъ, потомъ взбѣжать на другое дерево и повторить тоже. Исполнивъ это нѣсколько разъ, бѣлка иногда успѣваетъ уйти отъ врага, но часто куница загоняетъ ее до изнеможенія. Маленькія бѣлки въ этомъ отношеніи безпомощны; ихъ легко можетъ брать и человѣкъ: качая вѣтку, на которой сидитъ векша, онъ осторожно къ ней подбирается; векша, заботясь только о томъ, какъ бы удержаться на вѣткѣ, отдается ему въ руки. На Ленѣ отъ марта до средины апрѣля, ловля бѣлокъ бываетъ главнымъ занятіемъ крестьянъ, и нѣкоторые изъ нихъ ставятъ до тысячи ловушекъ. Ловушка состоитъ изъ двухъ досокъ, между которыми находится распорка съ кусочкомъ вяленой рыбы; едва бѣлка коснется приманки, верхняя доска падаетъ и убиваетъ ее. Охота за этими животными всего прибыльнѣе на дальнемъ сѣверѣ, гдѣ бѣлки совершаютъ болѣе правильныя и обширныя переселенія. Лучшіе мѣха доставляются изъ Сибири и Лапландіи и извѣстны въ торговлѣ подъ названіемъ «сѣрой сибирской бѣлки.» Мѣхъ, покрывающій животъ, цѣнится весьма дорого, и множество людей заняты этой торговлею. Изъ одной Россійской имперіи вывозится ежегодно до 2 милліоновъ бѣличьихъ шкуръ; большая часть ихъ идетъ въ Китай. Кромѣ шкурки, въ дѣло идутъ еще волоса хвоста для приготовленія хорошихъ кистей, а бѣлое, нѣжное и вкусное мясо употребляется въ пищу. — Представьте теперь въ связи все, что Бремъ разсказываетъ объ обыкновенной бѣлкѣ. — 1) Поэтическое описаніе бѣлки, взятое изъ Рюккерта. 2) Наружный видъ бѣлки. 3) Ея мѣсто жительства. 4) Гнѣзда, устраиваемыя бѣлками. 5) Рѣзвость и проворство бѣлки. 6) Чѣмъ бѣлка питается и какъ она ѣстъ. 7) Какъ бѣлка устраиваетъ кладовыя. 8) Умственныя способности бѣлки. 9) Какъ она производитъ дѣтенышей и ухаживаетъ за ними. 10) Чистоплотность бѣлки и ея содержаніе въ комнатѣ. 11) Борьба

бѣлки съ куницею. 12) Бѣличій промыселъ. — Отбросивъ поэтическое описаніе бѣлки, какъ бы тѣснѣе связать остальныя одинадцать частей, въ которыхъ изображаются съ научною точностью ея свойства? — Вторая часть логически соединяется съ пятою, съ осьмою, съ десятою и одинадцатою: наружный видъ животнаго и способъ лазенья по деревьямъ составляютъ внѣшніе признаки, его умственныя способности рядомъ съ чистоплотностью и искуствомъ въ борьбѣ съ болѣе сильными звѣрями принадлежатъ къ внутреннимъ свойствамъ. И внѣшнія, и внутреннія свойства, конечно, тѣсно связаны вмѣстѣ и представляютъ одно цѣлое; но ихъ необходимо разсматривать въ связи съ тою средою, которая окружаетъ животное. Если взять во вниманіе вліяніе окружающей природы и зависимость предмета отъ среды, въ которой онъ находится, то придется еще описать: а) гдѣ живетъ бѣлка и какъ она устраиваетъ себѣ жилище; b) когда она рождаетъ дѣтенышей и какъ заботится о сохраненіи рода; с) какъ она добываетъ себѣ пищу; d) какую пользу доставляетъ она человѣку. Здѣсь соединяются части: третья съ четвертою, девятая, шестая съ седьмою и двѣнадцатою. — Отчего же Бремъ не употребилъ такого дѣленія? Оно какъ будто было бы логичнѣе. — Отъ того, что живую природу нельзя дѣлить только по отвлеченнымъ понятіямъ логики, а необходимо было взять различныя отношенія между признаками въ самой природѣ. Описывая прежде всего наружный видъ бѣлки, Бремъ уже принужденъ былъ сказать, какою она бываетъ на сѣверѣ, какою въ Германіи. Слѣдовательно, съ самаго начала явилась необходимость дать понятіе о мѣстѣ ея обитанья, а въ связи съ этимъ — и о гнѣздахъ, ею устраиваемыхъ. Но бѣлка живетъ на деревьяхъ: чтобы объяснить этотъ образъ жизни, естественно пришлось говорить о ловкости и проворствѣ, съ какими она лазитъ. Другую сторону ея лѣсной жизни составляютъ средства пропитанія: сюда входитъ и разсказъ объ устройствѣ кладовыхъ на зиму. Описаніе умственныхъ способностей бѣлки представляетъ необходимый выводъ изо всего предъидущаго и служитъ его дополненіемъ. Давъ понятіе о жизни бѣлки, Бремъ разсказываетъ и объ ея размноженіи. Этимъ собственно и оканчивается описаніе бѣлки, взятой отдѣльно, безъ отношенія къ другимъ животнымъ и къ человѣку. Далѣе Бремъ говоритъ о чистоплотности бѣлки, — свойство, которое онъ приберегъ подъ конецъ описанія, чтобы имѣть случай разсказать о ея содержаніи въ комнатахъ. Человѣкъ ловитъ бѣлку для забавы, но у нея и между

звѣрями есть страшный врагъ — куница. Наконецъ болѣе всего истребляется бѣлокъ для добыванія шкурокъ. Мы видимъ, что Бремъ такъ раздѣлилъ свой предметъ на части, что возможно было не пропустить ни одного признака, и эти части представилъ въ такомъ порядкѣ, что вышла не искуственная, а естественная связь между признаками. — Не укажете ли и здѣсь, какъ Бремъ дошелъ до самаго дѣленія предмета на части? — Точно также, какъ и прежде, собирая въ одно цѣлое отдѣльныя наблюденія; но здѣсь сгрупированы только признаки, характеризующіе извѣстный видъ — бѣлку. Бѣлка имѣетъ свои отличія какъ по наружному виду, по мѣсту жительства, по способу питанія, такъ и по другимъ свойствамъ. Длинный, пушистый хвостъ, коричнево-красная шерсть во время лѣта, длина въ 9 дюймовъ, — эти признаки естественно соединяются въ одно понятіе о наружномъ видѣ; но замѣтили также что бѣлка устроивается въ старомъ вороньемъ гнѣздѣ, въ мѣстахъ, гдѣ много сосновыхъ и еловыхъ шишекъ, что она дѣлаетъ въ гнѣздѣ непромокаемую для дождя крышу, одинъ выходъ къ востоку, другой къ стволу дерева: вотъ новыя свойства, которыя не имѣютъ сходства ни съ хвостомъ ея, ни съ цвѣтомъ, и потому должны составить особый рядъ представленій, соединяющихся въ особое понятіе объ устройствѣ жилища. Конечно, судя по длинѣ тѣла бѣлки, по ея длинному, густому хвосту, мы могли бы уже предполагать, что для нея необходимо и гнѣздо, довольно значительное по объему; но все-таки намъ было бы невозможно составить точнаго понятія о гнѣздѣ по устройству тѣла; для этого служатъ признаки, подмѣченные нами при наблюденіи надъ самымъ гнѣздомъ. Далѣе, самое сложеніе тѣла, длиннаго и тонкаго, перистый хвостъ, острые когти наводятъ насъ на мысль о томъ, какъ лазитъ и прыгаетъ бѣлка, а, зная, гдѣ она устроиваетъ гнѣзда, мы легко догадаемся, что она лазитъ и прыгаетъ по деревьямъ; но мы можемъ сказать и на оборотъ: видя искусные прыжки бѣлки и ея лазанье по сучьямъ, мы легко пришли бы къ заключенію, что и всѣ части ея тѣла приспособлены къ этому и что гнѣзда ея надо искать на деревьяхъ. Здѣсь опять два ряда признаковъ, имѣющихъ между собою близкое отношеніе и всетаки представляющихъ двѣ разныя стороны предмета. Чѣмъ бѣлка питается и какъ она ѣстъ, много зависитъ отъ устройства зубовъ, имѣетъ также связь съ ея мѣстомъ жительства, съ ея природными способностями; однако родъ пищи и самый способъ ѣды подлежатъ особому наблюденію.

Изо всего этого видно, что, дѣлая отдѣльныя наблюденія, мы естественно приходимъ къ групировкѣ признаковъ; при этомъ одинъ рядъ признаковъ всегда можетъ насъ навести на другой, на третій, на четвертый, потому что всѣ свойства предмета находятся въ связи между собою. Будучи наведены на новый рядъ признаковъ, мы дѣлаемъ только умозаключеніе, которое вездѣ, гдѣ это возможно, необходимо подтвердить прямымъ наблюденіемъ надъ фактами. Слѣдовательно, при группировкѣ признаковъ, мы переходимъ, какъ отъ частнаго къ общему, такъ и отъ общаго къ частному; въ томъ и другомъ случаѣ непосредственное наблюденіе предмета становится необходимымъ. Положимъ однажды мы замѣтили, какъ бѣлка грызетъ орѣшки, въ другой разъ видѣли, какъ она спасается отъ куницы, потомъ узнали, сколько вывозится бѣличьихъ шкурокъ изъ Россіи, потомъ наблюдали ее въ клѣткѣ, и проч. Всѣ эти отдѣльныя наблюденія отрывочны и случайны. Но вотъ, при видѣ того, какъ бѣлка грызетъ орѣхъ, намъ приходитъ на мысль: гдѣ она достаетъ ихъ зимою? не питается ли она еще чѣмъ нибудь? — и мы отыскиваемъ факты, соотвѣтственые нашей мысли. Подмѣтивъ, какъ бѣлка ходитъ за орѣхами въ кладовыя, мы разсматриваемъ эти кладовыя и находимъ, что одни изъ нихъ уничтожены еще осенью, въ другихъ только немного уменьшился зимній запасъ, третьи остались совсѣмъ цѣлы: при этомъ мы дѣлали наблюденія въ разное время года и въ разные годы и пришли къ заключенію, что все здѣсь зависитъ отъ того или другаго состоянія погоды, отъ большей или меньшей суровости осени и зимы и отъ различной сметливости бѣлки. Такъ мы усвоиваемъ все большее число сродныхъ признаковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ намъ представляются все новые ряды ихъ, пока не будетъ исчерпано цѣлое понятіе о видѣ. — Какъ вы думаете, все ли, что разсказываетъ Бремъ, онъ извлекъ изъ своихъ личныхъ наблюденій? — Нѣтъ, онъ, конечно, воспользовался и наблюденіями другихъ: такъ, описывая льва, онъ приводитъ много разсказовъ мѣстныхъ жителей, охотниковъ и путешественниковъ. — Положимъ, что отдѣльный видъ будетъ такимъ образомъ изслѣдованъ: чтоже дѣлать далѣе? — Надо перейти къ другимъ видамъ, сходные признаки вида составятъ родъ, сходные признаки нѣсколькихъ родовъ — высшій родъ, и т. д. Такъ появятся тѣ ступени понятій, о которыхъ мы уже говорили: обыкновенная бѣлка, бѣлка — грызунъ, млекопитающее, животное. Но здѣсь дѣло идетъ также, какъ при наблюденіи и признаковъ вида. Мы замѣчаемъ

родъ, едва отличивъ нѣсколько этихъ признаковъ. Намъ прежде всего бросается въ глаза, напримѣръ, устройство зубовъ бѣлки; но подобное же устройство имѣютъ и мышь, и боберъ; мы уже сравниваемъ бѣлку съ мышью, и съ бобромъ, а потомъ, и съ другими животными изъ млекопитающихъ.

Приведемъ еще примѣръ систематическаго описанія изъ жизни человѣческой. Костомаровъ, въ своей книгѣ «Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII-мъ столѣтіяхъ», разсматриваетъ со всѣхъ сторонъ жизнь нашихъ предковъ. Онъ сначала говоритъ о мѣстахъ, гдѣ они жили: о старинныхъ городахъ, посадахъ, слободахъ, селахъ и деревняхъ; переходя къ описанію двора и дома, онъ изображаетъ домашнюю мебель и утварь, одежду, пищу и питье и вообще представляетъ образъ домашней жизни. Далѣе слѣдуютъ статьи: здоровье и болѣзнь, семейные нравы, порядокъ домоправленія; послѣ этого говорится о способахъ ѣзды и о путешествіи, о пріемѣ гостей, о пиршествахъ, увеселеніяхъ и праздникахъ; въ заключеніе представлены домашніе обряды и вѣрованія. Скажите, откуда взялись всѣ эти части? — Все, что здѣсь описано, мы находимъ въ самой жизни нашихъ предковъ. — Но какъ же было наблюдать старинную жизнь? вѣдь нельзя же воскресить того, что дѣлалось два столѣтія тому назадъ. — Нужно было пользоваться наблюденіями людей, которые жили въ то время, т. е. письменными извѣстіями. — Да, мы имѣемъ письменные памятники, изъ которыхъ можемъ узнать старинную жизнь: 1) Лѣтописи и различные акты. 2) Стоглавъ, книга временъ Іоанна Грознаго, гдѣ изложены мѣры къ исправленію нравственности и къ церковному благоустройству, 3) Домострой, изображающій весь порядокъ домашней жизни, 4) Сочиненіе Котошихина о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михаиловича, 5) Поученія духовенства, въ которомъ нерѣдко говорится о старинныхъ суевѣріяхъ и порокахъ, и проч. Кромѣ этого важнымъ источникомъ служатъ сочиненія о Россіи разныхъ иностранцевъ, бывшихъ въ Москвѣ послами: Герберштейна, Олеарія, Гаклюита, Флетчера, и проч. Всѣ такіе памятники называются *историческими матерьялами*. А могутъ ли быть матерьялами при изученіи старины современные намъ обычаи и нравы народа? — Они могутъ служить для сравненія, для поясненія старинныхъ обычаевъ: можетъ, гдѣ-нибудь въ глуши и донынѣ живутъ такъ, какъ жили сто, двѣсти лѣтъ тому назадъ. — Что же необходимо дѣлать автору? все ли описывать такъ, какъ онъ находитъ въ старыхъ книгахъ? —

Нѣтъ, ему необходимо сначала разсмотрѣть, какія извѣстія вѣрны, какія невѣрны. — Какъ же узнать это? — Мы можемъ считать какой-нибудь фактъ дѣйствительнымъ, если о немъ сохранилось нѣсколько извѣстій, если лицо, которое его сообщаетъ, заслуживаетъ довѣріе, если этотъ фактъ не противорѣчитъ другимъ фактамъ. Когда бы, напримѣръ, кто-нибудь написалъ, что встарину русскіе совсѣмъ не соблюдали постовъ, то, хотя бы объ этомъ и не было противуположныхъ извѣстій, точное исполненіе всѣхъ другихъ церковныхъ обрядовъ указывало бы на противное. Провѣривъ извѣстія, нужно привести ихъ въ порядокъ. Какъ исполняетъ это Костомаровъ? Жизнь человѣка, конечно, сложнѣе, чѣмъ жизнь какого либо животнаго; тутъ надо взять во вниманіе разнообразныя отношенія людей другъ къ другу, различныя потребности ихъ духовной природы. Люди живутъ болѣе или менѣе благоустроенными обществами въ селахъ и въ городахъ; каждый, въ своемъ дому, есть членъ семьи и такъ или иначе заботится о своемъ благосостояніи. Свой домъ и село или городъ, семейныя и общественныя отношенія — вотъ двѣ главныя стороны человѣческой жизни; съ этимъ въ связи находятся народные обряды и вѣрованія. Костомаровъ избралъ своимъ предметомъ одну домашнюю жизнь, сюда вошли слѣдующія части: 1) устройство жилища, 2) жизнь въ семьѣ, въ дому, 3) сношеніе съ другими людьми, 4) обряды, исполняемые при рожденіи, при бракѣ, на похоронахъ, и народныя вѣрованія. Другія подраздѣленія явились по необходимости, какъ потому, что ихъ указывалъ самый предметъ, такъ и для большаго удобства въ обозрѣніи частей; статья «Порядокъ домоуправленія» находится въ очень близкой связи со статьею: «Семейные нравы», но объ управленіи домомъ говорится особенно, потому что здѣсь много подробностей, составляющихъ отдѣльное цѣлое; тоже можно сказать о статьяхъ «Пріемъ гостей» и «Пиршества», о статьяхъ: «Пиршества» и «Увеселенія». — Прочтемъ хоть статью о старинныхъ увеселеніяхъ: что въ ней заключается? — Сначала авторъ говоритъ о томъ, какъ высшіе классы встарину болѣе всего развлекались церковнымъ пѣніемъ, потому что музыка, пляски и свѣтскія пѣсни считались грѣховнымъ соблазномъ. Вслѣдъ за тѣмъ упомянуто о національныхъ инструментахъ, употреблявшихся на Руси, каковы были: гусли, гудокъ (ящики со струнами), сопѣли, дудки, сурьмы (трубы), домры, накры (родъ литавръ), волынки, мѣдные рога, барабаны, — и идетъ длинный разсказъ о скоморохахъ, главныхъ потѣшникахъ простаго люда.

Скоморохи составляли вольную труппу гулящихъ людей, или принадлежали къ дворнѣ какого-нибудь знатнаго господина. Изъ нихъ одни играли на гудкѣ, или били въ бубны, другіе плясали или показывали народу ученыхъ собакъ и медвѣдей; между ними были и такіе, что веселили сказками, прибаутками и особенно сценическими представленіями, надѣвая потѣшное платье и маски. Въ этихъ представленіяхъ, конечно, сохранялись остатки древней языческой миѳологіи, оттого духовенство постоянно преслѣдовало скомороховъ, которые и въ праздничные дни большими обществами, въ 50 человѣкъ, ходили изъ села въ село, отвлекая народъ отъ церкви. Мѣстомъ позорища были улицы, рынки; «улица» иногда и означало веселое представленіе. Особенно о масляницѣ и о святкахъ ихъ зазывали въ дома, гдѣ происходили попойки; они также участвовали на свадебномъ пиру, бѣжа съ кривляньями впереди поѣзда. Слѣдуя внушеніямъ церкви, правительство не разъ приказывало воеводамъ ломать и жечь скоморошьи инструменты и маски; при Михаилѣ Ѳедоровичѣ однажды истреблено ихъ въ домахъ до пяти возовъ. Скоморохи терпѣли и отъ частныхъ лицъ: ихъ нерѣдко отзывали въ дома, чтобъ ограбить. Съ своей стороны и они, собираясь ватагами, занимались грабежемъ по дорогамъ. Благочестивые люди представляли себѣ бѣсовъ въ образѣ скомороховъ. Другимъ развлеченіемъ народа были кулачные и палочные бои. Охотники составляли двѣ враждебныя стороны, по знаку, данному свисткомъ, бросались другъ на друга съ криками и искусно наносили удары въ лицо въ грудь и проч.; многихъ выносили изъ боя калеками или мертвыми. Кромѣ этого боролись, бѣгали въ запуски, стрѣляли изъ луковъ въ войлочныя цѣли, и проч. Женщины и дѣвицы лѣтомъ водили хороводы, плясали; русская пляска была однообразна: притопывали, хлопали въ ладоши, махали вокругъ головы шитымъ золотомъ платкомъ, сходились и расходились, и проч. Въ высшемъ кругу тоже смотрѣть на пляски считалось неприличнымъ; но господа въ праздники всетаки заставляли плясать передъ собою рабовъ, особенно литовскихъ и татарскихъ плѣнниковъ. Другое женское развлеченіе — качели устроивались, какъ и нынѣ. Зимою мужчины и женщины катались на конькахъ и салазкахъ, а въ праздничные вечера, какъ и нынѣ, гадали, сказывали сказки, пѣли пѣсни. Не смотря на строгое осужденіе духовенства, при дворѣ жили гусельники, скрипачники, органисты и также дураки, шуты, шутихи, карлы и карлицы. Царь Алексѣй Михайловичъ подъ конецъ жизни

допустилъ и театръ. Между азартными играми извѣстны: зернь (косточки съ бѣлою и черною стороною, которыя бросали), карты, шахматы и тавлеи или шашки. Особенному преслѣдованію подвергались зернь и карты, бывшія любимою забавою гулякъ въ корчмахъ и кабакахъ. Русскіе распространили эти игры между иностранцами Сибири, добывая отъ нихъ такимъ путемъ дорогіе мѣха. Такимъ же непозволительнымъ развлеченіемъ былъ табакъ, который распространился у насъ въ XVIII-мъ вѣкѣ; мы его получали частію изъ Европы, частію съ востока. Имъ торговали удалыя головы, готовыя перенести и тюрьму и кнутъ, чтобы зашибить копѣйку. При продажѣ его называли не настоящимъ именемъ, а, напримѣръ: свекольный листъ, толченый яблочный листъ, и проч.; курили изъ коровьяго рога, куда вливалась вода и вставлялась трубка. Благороднѣйшей забавою для высшаго класса считалась (кромѣ шахматъ) охота. Въ XVI и XVII-мъ вѣкѣ государи часто охотились около Можайска, гдѣ водилось множество зайцевъ; устроены были дворы для содержанія собакъ и пойманныхъ звѣрей. Государь выѣзжалъ съ большою свитою князей и бояръ; половина охотниковъ была въ черномъ, половина въ жолтомъ платьѣ; окруживъ рощу, пускали собакъ и иногда разомъ затравляли до трехсотъ зайцевъ. Послѣ того всѣ отправлялись къ деревянной башнѣ, около которой раскинуты были шатры, и тутъ начиналось угощеніе. Кромѣ этихъ потѣхъ устроивали арену, обнесенную стѣною, надъ которою дѣлались мѣста для зрителей; на арену пускали медвѣдей, содержимыхъ въ клѣткахъ, и заставляли ихъ драться съ собаками и людьми. Искусство бойца состояло въ томъ, чтобы не допустить медвѣдя напасть, когда онъ станетъ на заднія лапы: боецъ поражалъ его рогаткою между переднихъ лапъ и упирался въ эту рогатку ногою. Побѣдителя призывали къ господамъ, давали ему выпить и жаловали его матеріями или сукномъ. Цари и князья занимались еще соколиною и кречетною охотою; птицъ съ помощью сѣтей ловили въ Сибири и на берегахъ Печоры: особенно цѣнились бѣлые кречеты, большіе, иногда до двухъ футовъ ростомъ. Ихъ дѣлали ручными, не давая спать нѣсколько сутокъ. Этимъ занимались сокольники, бывшіе, особенно при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ большомъ почетѣ.— Укажите же теперь въ порядкѣ всѣ части описанія и ихъ необходимость.—1) Церковное пѣніе, какъ любимое занятіе высшихъ классовъ и взглядъ духовенства на свѣтскія удовольствія. 2) Скоморохи: a) инструменты, на которыхъ они играли, b) изъ какихъ людей

они состояли и чѣмъ развлекали толпу, c) сценическія представленія скомороховъ, d) ихъ участіе въ народныхъ празднествахъ и на свадьбахъ, e) дѣйствія правительства и частныхъ лицъ противъ скомороховъ. 3) Кулачные и палочные бои: a) какъ они происходили, b) другія, сходныя съ ними, воинственныя развлеченія. 4) Женскія забавы: a) хороводы и пляски, b) качели. 5) Зимнія увеселенія: a) коньки и салазки, b) вечернія забавы, c) придворные гусельники и шуты. 6) Игры въ зернь и карты. 7) Куренье табаку. 8) Охота. 9) Травля звѣрей. 10) Соколиная и кречетная охота. Всѣ эти части являлись необходимо при сведеніи въ порядокъ извѣстій, сохранившихся о нашихъ старинныхъ увеселеніяхъ. Авторъ сначала говоритъ о взглядѣ людей благочестивыхъ на свѣтскія игры, потому что это относится вообще ко всѣмъ увеселеніямъ; потомъ подробнѣе описаны скоморохи, какъ главные потѣшники народа. Далѣе идетъ рѣчь о мужскихъ и женскихъ развлеченіяхъ, наиболѣе распространенныхъ въ народѣ: игры въ зернь и въ карты, куреніе табаку и охота болѣе служили развлеченіемъ для достаточныхъ классовъ общества. Мы здѣсь видимъ, какъ въ обычаяхъ народа выражается его природный характеръ и та или другая степень его образованія. Теперь намъ остается соединить въ одно цѣлое все, что можно вывести изъ нашего разбора.

1. Систематическое описаніе отличается отъ обыкновеннаго тѣмъ, что въ немъ предметъ изображается *во всѣхъ подробностяхъ* и *со всѣхъ сторонъ.*

2. Къ такому описанію можно приступить только *послѣ многихъ и долгихъ наблюденій надъ предметомъ*, только послѣ многихъ изслѣдованій, сдѣланныхъ *не однимъ*, а *разными лицами.*

3. Въ систематическомъ описаніи предметъ является *въ связи съ другими предметами одного съ нимъ вида и рода:* при описаніи рода мы беремъ только родовые признаки, при описаніи вида и родовые и видовые, при описаніи отдѣльнаго явленія — родовые, видовые и единичные.

4. Мы можемъ изображать въ системѣ *явленія природы* и *явленія жизни человѣческой:* въ описаніяхъ природы внѣшней мы чаще имѣемъ дѣло съ *постоянными и неизмѣнными* свойствами предмета; въ явленіяхъ жизни человѣческой, болѣе измѣнчивой и сложной, намъ необходимо опредѣлять свойства явленія по отношенію *къ вѣку, къ народу* и *къ обществу*, среди которыхъ оно происходило.

5. Сводя частныя наблюденія къ цѣлому, мы переходимъ *и отъ частнаго къ общему и отъ общаго къ частному;* въ томъ и другомъ случаѣ необходимо *непосредственное наблюденіе* или *повѣрка* нашихъ выводовъ по письменнымъ источникамъ.

6. Въ описаніи естественно являются тѣ части, которыя указываетъ самая сущность предмета, и при изложеніи частей *искусственная логическая система* должна уступить мѣсто *естественной*, при которой видна связь явленій и вмѣстѣ ихъ зависимость одного отъ другаго.

7. При логическомъ дѣленіи предмета берутся въ основаніе *разные признаки*, указываемые его природою, потому что жизнь не терпитъ однообразія; главная цѣль дѣленія все-таки *осмотрѣть предметъ съ разныхъ сторонъ* и, соблюдая связь, въ тоже время *не упустить изъ виду ни одного изъ его свойствъ.*

ИСТОРИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

1. Общія понятія о лѣтописи и ея различіе отъ исторіи.

(Сличеніе разсказа о мщеніи Ольги древлянамъ по Нестору, Соловьеву и Карамзину).

Мы теперь будемъ заниматься историческими сочиненіями, и сначала познакомимся съ лѣтописью. Для этого приведемъ небольшой отрывокъ изъ одной русской лѣтописи.

Въ лѣто 6536. Знаменіе явися на небеси зміево, яко видѣти всей землѣ.

Въ лѣто 6537. Ярославъ ходи на Ясы, и взятъ ихъ.

Въ лѣто 6538. Родися Ярославу четвертый сынъ, и нарече имя ему Всеволодъ. Того же лѣта иде Ярославъ на Бѣлзы и взя я; и Чюдь повоева, и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ, и приде къ Новугороду, и собравъ отъ старостъ и отъ презвитеровъ дѣтей 300, и повелѣ учити книгамъ. Того же лѣта преставися Новгородскій епископъ Акимъ, и бяше ученикъ его Ефрѣмъ, иже ны учаше. Того же лѣта умре Болеславъ великій въ Лясѣхъ, и бысть мятежь въ земли Лятской: воставше людіе избиша епископы, и презвитеры церковныя, и бояре своя вся.

Въ лѣто 6539. Ярославъ и Мстиславъ събраста вои многы, и

идоста на Ляхи, и заяста грады Червенскія опять, и повоеваста Лятцкую землю, и многы Ляхи приведоша.

Въ лѣто 6540. Ярославъ поча ставити городы по Руси.

Нельзя ли опредѣлить по этому отрывку, что такое *лѣтопись?* — Лѣтописью можно назвать *разсказъ о событіяхъ, веденный по годамъ:* въ какомъ году что случилось, подъ тѣмъ то и записано. — Здѣсь года считаются отъ Сотворенія міра по обычаю, существовавшему у насъ до Петра Великаго; слѣдовательно 6536 годъ будетъ 1028 отъ Р. Х. (6536 — 5508 = 1028), 6537 будетъ 1029 годъ отъ Р. Х. и т. д. Лѣтопись у насъ называлась также Временникъ, Повѣсть временныхъ лѣтъ, или по гречески Хронографъ. Въ большихъ монастыряхъ былъ обычай записывать замѣчательныя событія, и каждый значительный городъ (какъ, напримѣръ, Кіевъ, Галичъ, Новгородъ, Псковъ, Ростовъ, Суздаль, Рязань, Москва), каждая область имѣла свои лѣтописи: какой-нибудь грамотный монахъ велъ этого рода записки, выставляя одинъ за другимъ всѣ года; въ какой годъ не случилось ничего замѣчательнаго, или до лѣтописца не дошло извѣстія о событіи, въ такой, конечно, ничего и не записывали, но годъ все-таки выставляли, напр.: Въ лѣто 6385. Въ лѣто 6386. Въ лѣто 6387. Умре Рюрикъ, княживъ лѣтъ 17, и проч. Рюрикъ умеръ въ 6388 году (т. е. 879 отъ Р. Х.), а за предъидущіе два года ничего не осталось въ памяти. Мы рѣшили, что лѣтопись есть разсказъ по годамъ, т. е. въ порядкѣ годовъ: скажите, есть ли тутъ какой-нибудь другой порядокъ? — Нѣтъ, подъ однимъ и тѣмъ же годомъ (напр. подъ 6538) записаны самыя разнообразныя извѣстія. — Пересмотримъ, сколько разнородныхъ извѣстій въ приведенномъ нами отрывкѣ? — 1) Извѣстіе о знаменіи на небѣ, вѣроятно, о явившейся кометѣ. 2) Извѣстіе о походахъ Ярослава. 3) Извѣстіе о построеніи городовъ. 4) Объ учрежденіи школы въ Новгородѣ. 5) О рожденіи четвертаго его сына, Всеволода. 6) О смерти Новгородскаго епископа Акима, и объ ученикѣ его Ефремѣ. 7) О смутахъ въ Польшѣ. — Можно ли оставить эти извѣстія въ такомъ видѣ, какъ они есть, или необходимо ихъ дополнить? — Каждый родъ извѣстій можетъ составить предметъ особаго разсказа. Мы можемъ, напримѣръ, обратить особенное вниманіе на то, какія явленія природы отмѣчали лѣтописцы и какое дѣйствіе эти явленія на нихъ производили: для этого слѣдуетъ собрать изъ разныхъ мѣстъ лѣтописи и сличить извѣстія о явленіяхъ природы. Точно также походы Ярослава необходимо разсматривать въ цѣлости, въ связи, сличивъ ихъ

съ завоеваніями предъидущихъ князей: тутъ опять придется отыскать и свести мѣста изо всего разсказа о княженіи Ярослава, гдѣ говорится о походахъ. Построеніе городовъ связывается вообще съ дѣлами внутренняго управленія; учрежденіе школы въ Новгородѣ съ извѣстіями о любви Ярослава къ образованію; при извѣстіи о четвертомъ сынѣ Ярослава является вопросъ: какіе еще у него были сыновья? и т. д. Эти роды извѣстій можно вновь группировать: А. Дѣла внутреннія; а) построеніе городовъ; b) заботы объ образованіи. В. Походы Ярослава, и проч. — Есть ли въ лѣтописи объясненія всѣхъ событій, здѣсь изложенныхъ: напримѣръ, зачѣмъ Ярославъ основалъ въ землѣ Чудской Юрьевъ, или Дерптъ? отчего онъ ходилъ съ Мстиславомъ на Ляховъ? и проч. — Нѣтъ, мы можемъ только догадываться, что Ярославъ построилъ Юрьевъ для защиты вновь пріобрѣтенной земли; что, задумавъ походъ на Ляховъ, онъ воспользовался смутами въ землѣ Лятской, чтобы возвратить Червонскіе города, захваченные передъ тѣмъ Болеславомъ, который былъ призванъ на Кіевъ Святополкомъ. — Теперь мы можемъ точнѣе опредѣлить, какого рода сочиненіе будетъ лѣтопись. *Лѣтопись* представляетъ *собраніе извѣстій о событіяхъ*, разсказанныхъ *въ порядкѣ годовъ* (когда что случилось), *безъ всякаго другаго порядка*, безъ указанія ихъ *внутренней связи* и безъ объясненія *причинъ и послѣдствій*. Для окончательной характеристики лѣтописи приведемъ еще отрывокъ. Подъ 6602 годомъ записано: «Предивно бысть въ Полоцкѣ въ мечтѣ, бываше въ нощи, станяше тутно по улицамъ, аки человѣци рищуще бѣси: аще кто вылазяше изъ храмины, хотя видѣти, и уязвенъ бываше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираше, и не смѣаху излазити ис хоромовъ; и по семъ начяша во днехъ являтися на конехъ и не бѣ ихъ видѣти самихъ, но коней ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди Полотьскыя и ихъ область... Того же лѣта мнози человѣци умираху различными недугы... Се же бысть за грѣхи наша, яко умножишася грѣси наши и неправды, се же наведе на ны Богъ, веля намъ имѣти покаяніе и востягнутися отъ грѣха, и отъ зависти, и отъ прочихъ злыхъ дѣлъ и непріязненныхъ сѣтей». Что тутъ описано? — Тутъ говорится о какой-то язвѣ или болѣзни, которая опустошала Полоцкую область. Суевѣрные люди по этому случаю толковали, что бѣсы ночью рыскали по улицамъ и поражали людей, что и днемъ они являлись на коняхъ, но видѣть ихъ не видѣли, а замѣчали только конскія копыта. Лѣтописецъ передаетъ это, какъ дѣйствительное происшествіе.

Съ другой стороны онъ замѣчаетъ въ поученіе людямъ, что Богъ насылаетъ разныя болѣзни въ наказаніе за грѣхи наши. — И такъ мы здѣсь видимъ еще двѣ стороны лѣтописей: 1) рядомъ съ дѣйствительными происшествіями въ нихъ разсказываются *и басни, заимствованыя изъ толковъ людей суевѣрныхъ;* 2) разсказъ о несчастіяхъ направленъ къ поученію въ благочестіи: лѣтопись мѣстами имѣетъ *характеръ поучительный.* Мы видимъ, что лѣтопись представляетъ только матеріалъ для историческаго сочиненія, требующій разработки. Чтобы показать, какъ историкъ пользуется этимъ матеріаломъ, приведемъ разсказъ объ Ольгѣ изъ нашего лѣтописца Нестора и потомъ сравнимъ его съ изложеніемъ тѣхъ же событій въ исторіи Соловьева и въ исторіи Карамзина. — Несторъ такъ разсказываетъ о мщеніи Ольги древлянамъ за смерть мужа:

«Вольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, и кормильць его Асмудъ, воевода бѣ Свѣнелдъ... Рѣша же Деревляне: се Князя оубихомъ Рускаго; поимемъ жену его Вольгу за Князь свои Малъ, и Святослава, и створимъ ему, якоже хощемъ. И послаша Деревляне лучьшие мужи числомъ к (20) въ ладьи к Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ въ лодьи... И повѣдаша Ользѣ, яко Деревляне придоша, и возва е Ольга к собѣ: добрѣ гостье придоша, и рѣша Деревляне: придохомъ, княгине. И рече имъ Ольга: да глаголете, что ради придосте сѣмо? Рѣша же Древляне: посла ны Дерьвьска земля, рькуще сице: мужа твоего оубихомъ, бяше бо мужъ твои аки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю; да поиди за князь нашь за Малъ, бѣ бо имя ему Малъ, князю Дерьвьску. Рече же имъ Ольга: люба ми есть рѣчь ваша, оуже мнѣ мужа своего не крѣсити; но хочю вы почтити наоутрия предъ людьми своими, а нынѣ идѣте въ лодью свою, и лязите в лодьи величающеся; азъ оутро послю по вы, вы же рьцѣте: не едемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны в лодьѣ; и възнесуть вы в лодьи. и отпусти я в лодью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремьстѣмъ внѣ града. И за оутра Волга, сѣдящи в теремѣ, посла по гости, и придоша къ нимъ глаголюще: зоветь вы Ольга на честь велику. они же рѣша: не едемъ на конихъ, ни на возѣхъ, понесѣте ны в лодьи. Рѣша же Кияне: намъ неволя; князь нашь оубьенъ, и княгини наша хоче за вашь князь, и понесоша я въ лодьи. они же сѣдяху в перегъбѣхъ въ великихъ сустугахъ гордящеся; и принесоша

я на дворъ к Ользѣ, несъше вринуша е въ яму и съ лодьею. Приникъши Ольга и рече имъ: добра ли вы честь? они же рѣша: пущи ны Игоревы смерти. и повелѣ засыпати я живы. и посыпаша я».

По буквальному переводу этотъ отрывокъ заключаетъ слѣдующее: «Ольга была въ Кіевѣ съ сыномъ своимъ, съ дитею Святославомъ, и воспитатель его (кормилецъ), Асмудъ, и воевода Свѣнельдъ (т. е. всѣ они остались въ Кіевѣ послѣ убіенія Игоря)... Древляне сказали: «вотъ убили мы русскаго князя; возьмемъ жену его Ольгу (выдадимъ) за нашего князя Мала, и Святослава (возьмемъ), и сдѣлаемъ съ нимъ (распорядимся съ нимъ), какъ захотимъ. Древляне послали лучшихъ мужей, числомъ 20, въ лодкѣ къ Ольгѣ, и пристали (эти люди) въ лодкѣ подъ Боричевымъ (у Кіева)... Ольгу извѣстили, что пришли древляне, и Ольга позвала ихъ къ себѣ: «пришли добрые гости (милости просимъ, сказала она)!» — «Пришли, княгиня», отвѣчали древляне. Ольга имъ молвила: «Скажите же, зачѣмъ вы пришли сюда?» Древляне отвѣчали: «Послала насъ Древлянская земля (т. е. народъ), вотъ что сказать: мы убили твоего мужа, потому что твой мужъ, какъ волкъ, расхищалъ и грабилъ, а наши князья добры, они распасли (обогатили) Древлянскую землю; поди же за князя нашего Мала», — было имя ему Малъ, древлянскому-то князю. Ольга имъ сказала: «Мнѣ люба ваша рѣчь, мужа своего мнѣ ужъ не воскресить, но я хочу завтра почтить васъ передъ своими людьми, а теперь идите въ свою лодку и лягъте, величаясь, въ лодкѣ; завтра я пошлю за вами, вы же молвите: не ѣдемъ на коняхъ, и пѣшкомъ не идемъ, а несите насъ въ лодкѣ, и понесутъ васъ въ лодкѣ», — и отпустила ихъ въ лодку. Между тѣмъ Ольга повелѣла ископать великую и глубокую яму на теремномъ дворѣ, внѣ города. На другой день Ольга, сидя въ теремѣ, послала за гостями; (посланные) къ нимъ пришли, говоря: «Зоветъ васъ Ольга на великую честь». Они же отвѣчали: «Не ѣдемъ ни на коняхъ, ни на возахъ, а несите насъ въ лодкѣ». Кіевляне (на это) сказали имъ: Намъ неволя (нечего дѣлать, должно вамъ повиноваться); князь нашъ убитъ, а княгиня наша хочетъ (выйдти) за вашего князя», — и понесли ихъ въ лодкѣ. Они же сидѣли... (непонятное мѣсто въ лѣтописи) съ гордостью; принесли ихъ на дворъ къ Ольгѣ, и, пронося, бросили въ яму вмѣстѣ съ лодкою. Наклонилась Ольга и сказала имъ: «Хороша ли вамъ честь?» Они же отвѣчали: «Пуще (хуже) намъ игоревой смерти». Она велѣла засыпать ихъ живыми, и ихъ засыпали».

Далѣе Несторъ разсказываетъ, что Ольга послала древлянамъ сказать: «Просите, какъ слѣдуетъ, пришлите людей нарочитыхъ (самыхъ первыхъ), чтобы шла я съ большимъ почетомъ, иначе не пустятъ меня кіевскіе люди». Древляне повѣрили, собрали лучшихъ людей, державшихъ ихъ землю, и послали ихъ. Ольга, по обычаю, велѣла прежде всего для гостей приготовить баню: ихъ въ ней заперли и сожгли. Потомъ она извѣстила древлянъ, что ужъ идетъ, и приказала приготовить много меду въ городѣ, гдѣ убили ея мужа (въ Коростенѣ): «поплачу надъ гробомъ его, говорила она, и сотворю тризну.» Древляне заварили много меду на назначенномъ мѣстѣ, а Ольга пришла съ малою дружиною ко гробу, плакала по мужѣ своемъ и велѣла своимъ людямъ насыпать великую могилу, и потомъ творить тризну. Древляне тоже сѣли пить на тризнѣ и отроки Ольги прислуживали имъ, по ея приказанію. Древляне наконецъ спросили: «гдѣ же наша дружина, которую послали за тобою?» Ольга отвѣчала: «Идутъ за мной съ дружиною моего мужа.» Когда древляне упились, она велѣла отрокамъ своимъ *пить на нихъ*, сама удалилась, и дала дружинѣ приказаніе рубить ихъ. Ихъ избили 5,000, а Ольга возвратилась въ Кіевъ и на остальныхъ стала снаряжать войско. На слѣдующій годъ она собрала большое и храброе войско, и съ сыномъ Святославомъ пошла на Древлянскую землю. Когда кіевляне сошлись съ древлянами, Святославъ первый сунулъ копьемъ, но оно пролетѣло только между ушей коня и упало ему въ ноги: князь былъ еще ребенкомъ. Свѣнельдъ и Асмудъ тогда сказали: «Князь уже началъ, потягнемъ (ударимъ), дружина, за княземъ.» Древляне были разбиты, бѣжали и затворились по городамъ. Ольга съ сыномъ пошла на Искоростень, гдѣ убили мужа ея, и цѣлое лѣто осаждала городъ, наконецъ придумала новую хитрость. Она успокоила жителей, что не хочетъ болѣе мстить, а требуетъ самой малой дани: «Теперь у васъ нѣтъ ни меду, ни мѣховъ, сказала она, такъ дайте мнѣ отъ двора по три голубя и по три воробья; прошу у васъ немного, такъ какъ вы изнемогли въ осадѣ.» Древляне обрадовались, исполнили требованіе Ольги; но она велѣла своимъ воинамъ привязать къ каждой птицѣ маленькія тряпочки съ сѣрою, зажечь, когда смеркнется, и такъ пустить голубей и воробьевъ на волю. Птицы полетѣли въ свои гнѣзда по голубятнямъ, подъ стрѣхи (подъ кровли), и вдругъ въ Искоростенѣ загорѣлись, гдѣ голубятня, гдѣ *клѣти* (лѣтнія избы), гдѣ *вежи* (вышки, чердаки), гдѣ *одрины* (спальни). Жители въ страхѣ побѣжали изъ города. Сжегши Искоростень, Ольга наложила на его жителей тяжелую дань, нѣкоторыхъ изъ нихъ отдала въ рабство дружинѣ, а старѣйшинъ города взяла себѣ. Двѣ части дани съ этого города (съ другими древлянами не было поступлено такъ жестоко, потому что они не учавствовали въ убійствѣ) шли въ Кіевъ, а третья въ Вышгородъ, принадлежавшій Ольгѣ. — Вотъ, весь разсказъ о мщеніи Ольги: скажите, что вы замѣтили въ немъ особеннаго? Осуждаетъ лѣтописецъ Ольгу, или болѣе всего выставлены имъ на видъ искусство, съ какимъ Ольга совершила месть, ея необыкновенная хитрость? Какъ ласково заговаривала она съ послами: «Пришли, добрые гости!» Не думая вовсе упрекать древлянъ въ убійствѣ, она сулитъ имъ великую честь — и нужно же было придумать почетъ, самый необычайный: «васъ понесутъ въ лодкѣ!» Какъ должны были тѣшиться кіевляне, видя гордость и важничанье древлянъ, сидящихъ въ лодкѣ! Но вотъ ихъ внезапно бросили въ яму, и Ольга, наклонясь, еще спрашиваетъ: «что, хороша вамъ честь?» Они сами свидѣтельствуютъ объ искуствѣ Ольги: «ты съумѣла для насъ придумать такую казнь, какой и мы не придумали для Игоря. Охъ! пуще намъ Игоревой смерти!» Да, чѣмъ болѣе страшились древляне мести, отправляясь къ Ольгѣ, тѣмъ сильнѣе была ихъ радость при ласковой встрѣчѣ, тѣмъ высокомѣрнѣе они могли вести себя при неожиданномъ почетѣ, думая, что Ольга, лишившись мужа, уже осталась совершенно безпомощной, и слѣдовательно, тѣмъ чувствительнѣе была для нихъ печальная развязка. Но Ольга не щадитъ враговъ; и священный у славянъ обычай гостепріимства—старинная баня, и обычай сватовства, по которому требовалось для невѣсты большой и почетной свиты, и братская тризна по умершемъ — все для нея становится орудіемъ мести. Но эта месть еще не кончилась; прежде чѣмъ окончательно ее выполнить, она какъ будто даетъ чувствовать врагамъ, что значитъ для нея убійство мужа. И древляне это поняли: сдавъ другіе города, они упорно защищаются въ Искоростенѣ. Но Ольга объявляетъ, что не будетъ болѣе мстить, напротивъ даже хочетъ оказать милость. И судя по всему, какъ не повѣрить, что Ольга удовлетворена: знатнѣйшіе изъ древлянъ перебиты, на самой могилѣ Игоря совершена отплата, города древлянскіе сдались и сами жители Искоростеня готовы платить дань. Но Ольга не такая женщина, чтобы удовлетвориться тѣмъ, чѣмъ могутъ быть довольны другіе. Она вновь съумѣла устроить дѣло такъ, что сами древляне дали ей средства къ со-

вершенному истребленію Искоростеня. Развѣ все это такъ и случилось, какъ здѣсь разсказано? — Вѣроятно, было что-нибудь подобное: по крайней мѣрѣ такъ разсказывали въ Кіевѣ при Несторѣ, который писалъ около 150 лѣтъ спустя послѣ этихъ событій.—Намъ здѣсь важно, что въ памяти кіевлянъ сохранилось подобное народное преданіе. Самъ Несторъ, какъ монахъ, сочувствуя Ольгѣ-христіанкѣ, долженъ былъ осуждать ее, какъ язычницу, какъ осуждаетъ онъ Владиміра-язычника; но въ лѣтописи мы вовсе не находимъ хулы за жестокую месть. Это доказываетъ, что Несторъ дозаписалъ старое народное преданіе, какъ слышалъ его отъ кіевлянъ, не прибавивъ отъ себя ничего. Тѣмъ драгоцѣннѣе намъ такое преданіе: мы узнаемъ изъ него, какое впечатлѣніе на кіевскій народъ производили дѣла Ольги. Нѣтъ сомнѣнія, что Ольга за жестокую казнь Игоря жестоко отомстила древлянамъ: этого требовалъ языческій обычай. Но, конечно, многія подробности мести могли быть придуманы, напримѣръ, сожженіе Искоростеня посредствомъ воробьевъ и голубей, напоминающее о подобномъ же скандинавскомъ преданіи. Все таки намъ любопытно видѣть, что месть Ольги нравилась кіевлянамъ, и они много ее за это восхваляли. Теперь, познакомившись съ лѣтописнымъ извѣстіемъ, посмотримъ, какъ эти самые факты излагаетъ Соловьевъ: мы сначала коснемся только изложенія фактовъ. — Соловьевъ начинаетъ слѣдующими словами: «Древляне *должны были* ожидать мести отъ родныхъ Игоря, отъ Руси изъ Кіева»; вслѣдствіе этого онъ тотчасъ же сообщаетъ по Нестору, кто оставался въ Кіевѣ послѣ Игоря. Онъ замѣчаетъ далѣе: «Ольга не дождалась совершеннолѣтія сына, и отомстила сама древлянамъ, *какъ требовалъ законъ*.» Такимъ образомъ, прямо обративъ вниманіе на сущность дѣла, то есть, на месть за убійство родственника, которая была неизбѣжна по тогдашнимъ обычаямъ и законамъ, онъ излагаетъ «народное преданіе, занесенное въ лѣтопись.» Въ этомъ изложеніи Соловьевъ съ величайшею точностью передаетъ текстъ лѣтописи. Опущены только очень немногія распространенія въ рѣчи, обличающія наивность лѣтописнаго разсказа, напр: «пришли добрые гости?» — «Пришли, княгиня». Соловьевъ прямо говоритъ: «Ольга позвала ихъ къ себѣ и спросила: зачѣмъ они пришли?» Все прочее передано дословно: авторъ, конечно, исправляетъ слогъ въ духѣ современной рѣчи, избѣгая неправильностей и частыхъ повтореній однихъ и тѣхъ же словъ подлинника; но въ переводѣ сохранены даже такія слова текста, которыя или

мало употребительны въ нынѣшней рѣчи, или совсѣмъ вышли изъ употребленія и требуютъ поясненій. Когда же слово текста замѣнено новѣйшимъ, то авторъ все таки ставитъ въ скобкахъ подлинное слово, напр: въ фразѣ: «воспитателемъ (кормильцемъ) Святослава былъ Асмудъ.» Приведемъ въ примѣръ точности перевода нѣкоторыя мѣста его: Древляне послали двадцать *лучшихъ мужей* своихъ къ Ольгѣ въ лодкѣ... Мужа твоего убили, потому что онъ грабилъ насъ, *какъ волкъ*, а наши князья добры, *распасли* Древлянскую землю... *Люба* мнѣ рѣчь ваша; вѣдь въ самомъ дѣлѣ мнѣ мужа своего не воскресить... Ольга нагнулась къ нимъ и спросила: «Довольны ли вы честью?» Древляне отвѣчали: «Охъ, *хуже намъ Игоревой смерти*... Пришлите мужей *нарочитыхъ*, чтобъ мнѣ придти къ вамъ съ великою честью, а то, пожалуй, кіевляне меня и не пустятъ... Ольга *съ небольшою дружиною, на легкѣ*, пришла къ Игоревой могилѣ, *поплакала* надъ нею и велѣла своимъ людямъ насыпать высокій курганъ... Когда древляне опьянѣли, то Ольга велѣла отрокамъ своимъ *пить на нихъ*, а сама отошла прочь и приказала дружинѣ *сѣчь* древлянъ, и проч.» По этимъ отрывкамъ можно уже судить, съ какой близостью къ подлиннику передано и все остальное. Соловьевъ предоставляетъ читателю разъяснять смыслъ такихъ словъ: нарочитыхъ мужей, распасли, сѣчь Древлянъ, и проч.; мѣста, совсѣмъ непонятныя, онъ разъясняетъ въ примѣчаніяхъ. Такъ къ словамъ: «Древляне послали лучшихъ мужей своихъ къ Ольгѣ въ *лодкѣ*» есть слѣдующее объясненіе: «Коростень, нынѣ Искорость, мѣстечко на рѣкѣ Ушѣ; Ушь впадаетъ въ Днѣпръ у Чернобыля;» отсюда ясно, что изъ своего главнаго города древляне могли пріѣхать въ лодкѣ въ Кіевъ. Въ примѣчаніи къ словамъ: «Древляне, сидя (въ лодкѣ) важничали», по возможности разъяснено указанное нами непонятное мѣсто въ лѣтописи: «они же сѣдяху въ перегъ-бѣхъ въ великихъ сустугахъ гордящеся.» Авторъ замѣчаетъ, что Карамзинъ «перегибами» считалъ особенныя лодки и «сустуги», по его мнѣнію, могло значить кривлянье; но въ лѣтописи нѣсколько разъ сказано, что древляне пріѣхали въ *одной* лодкѣ и также непонятно, отчего «сустуги» означаетъ кривлянье: по мнѣнію Соловьева, оба слова скорѣе могутъ означать особый родъ одежды отъ глаголовъ: «перегибаю» и «стягиваю». Выраженіе «Ольга велѣла отрокамъ *пить на нихъ*» также истолковано по сравненію съ другимъ мѣстомъ изъ лѣтописи. «Единою же пьющю Ростиславу съ дружиною своею, рече Ко-

топанъ: «княже! хочу *на тя пити*». Слѣдовательно, *пить на кого нибудь* значитъ пить за чье нибудь здоровье и приказаніе Ольги выражаетъ насмѣшку. — Что же? слѣдуетъ, или нѣтъ, держаться такъ близко лѣтописи въ передачѣ фактовъ? — При собственномъ наблюденіи предметовъ, мы съ точностью замѣчаемъ всѣ ихъ свойства; подобно этому, при изученіи событій намъ необходимо съ точностью ознакомиться съ извѣстіями людей, наиболѣе близкихъ къ этимъ событіямъ. — Однако необходимо также разобрать, разсмотрѣть извѣстія; но объ этомъ мы еще скажемъ послѣ, а теперь покамѣсть примемъ за правило, что свидѣтельства другихъ лицъ, истинныя или ложныя, конечно, должны быть переданы съ точностью: иначе, какъ бы могли мы объяснить ихъ достовѣрность или ложность? Несторъ одинъ разсказываетъ о мщеніи Ольги древлянамъ и разсказываетъ по народному преданію: тутъ каждая черта для насъ имѣетъ цѣну. Въ одномъ мѣстѣ онъ, напримѣръ, говоритъ *лучшіе*, въ другомъ — *нарочитые* мужи. Какъ перевести эти слова? Они означаютъ и *богатый*, и *знатный*, и *главный* т. е. старшій въ городѣ. Употребивъ одно изъ этихъ выраженій, мы неточно передали бы смыслъ. Слова «лучшій, нарочитый,» между прочимъ въ лѣтописи объяснены словами «держащіе землю» т. е. начальствующіе; но это не единственное ихъ значеніе. Древляне, сравнивая Игоря *съ волкомъ*, про своихъ князей говорятъ, что они *распасли* Древлянскую землю. Слово «распасти», хотя нынѣ и не употребляется, но оно очень характеристично; оно понятно изъ противоположности со словомъ «волкъ:» значитъ князья древлянскіе были «добрыми пастухами» для своей земли; они, какъ пастухи, берегли ее и (по значенію предлога *разъ*) обогатили. Такое сравненіе напоминаетъ намъ о старинномъ пастушьемъ бытѣ, въ которомъ долго оставались нѣкоторые изъ славянъ. Восклицаніе «Охъ! хуже намъ Игоревой смерти» должно быть сохранено съ точностью, уже потому, что выражаетъ весь смыслъ разсказа. Выраженіе «пить на нихъ» оставлено, какъ такое, котораго смыслъ нѣсколько сомнителенъ, и т. д. Какой же можно сдѣлать общій выводъ объ изложеніи лѣтописныхъ извѣстій? — Эти извѣстія необходимо излагать съ возможною точностью, оставляя неизмѣнными тѣ характеристическія выраженія, которыя даютъ намъ понять самый смыслъ событія, и объясняя мѣста непонятныя, или не совсѣмъ ясныя. — Кромѣ простаго изложенія событій мы находимъ въ исторіи ихъ разъясненіе. Посмотримъ теперь, какъ Соловьевъ разъясняетъ

извѣстія Нестора? — Соловьевъ во первыхъ говоритъ о самомъ преданіи: «оно драгоцѣнно для историка, потому что *отражаетъ въ себѣ господствующія понятія времени*, поставлявшія *месть за убійство* близкаго человѣка *священною обязанностью;* видно, что и во времена составленія лѣтописи эти понятія не потеряли своей силы.» Потомъ авторъ даетъ слѣдующія разъясненія событія. Общество, какъ бы оно ни было неразвито, особенно *дорожитъ обычаями*, которые *охраняютъ его безопасность;* людей, умѣющихъ *поддержать подобный обычай во всей его силѣ*, народъ прославляетъ, какъ героевъ. Такимъ *охранительнымъ обычаемъ* у насъ на Руси, во времена Ольги, былъ *обычай мести.* Тогда правильныхъ судовъ еще не существовало; негдѣ было искать правосудія: вотъ почему родственникамъ дозволялось мстить за убитаго, да и не только дозволялось, но это еще было ихъ важнѣйшей обязанностію, которую освящала языческая религія. Понятно, что кто строго исполнялъ эту обязанность, тотъ былъ въ глазахъ народа защитникомъ правды: чѣмъ безпощаднѣе онъ мстилъ, тѣмъ болѣе заслуживалъ похвалы, какъ достойный родственникъ. Такъ и Ольга прославлена за ея искусную месть, какъ мудрѣйшая изъ людей. Она выказала себя вполнѣ вѣрною женою; она совершила подвигъ, и преданіе заставляетъ самихъ древлянскихъ пословъ оцѣнить его: «ты съумѣла отмстить; наша смерть ужаснѣе смерти Игоря.» Въ преданіяхъ среднихъ вѣковъ женщинъ нерѣдко прославляютъ, какъ искусныхъ мстительницъ: месть за родственника была семейною и вмѣстѣ религіозною обязанностію, а отъ женщины болѣе всего требовали семейныхъ добродѣтелей и благочестія. Ольга, въ нашихъ преданіяхъ сходствуетъ не только по имени, но и по характеру съ Олегомъ. Она совершаетъ месть съ большою хитростью, подобно тому, какъ Олегъ взялъ Кіевъ, дѣйствовалъ противъ грековъ, а хитрость, по тогдашнимъ понятіямъ, означала мудрость, поэтому Олегъ названъ *вѣщимъ*, Ольга *мудрѣйшею изъ людей.* — Что можно замѣтить особеннаго въ этомъ объясненіи? — Историкъ для объясненія даннаго событія переносится въ тотъ вѣкъ, когда оно случилось, и объясняетъ его сообразно съ обычаями и нравами вѣка. — Такъ ли это, что историкъ долженъ, напримѣръ, прославлять грубыя понятія о мести, если месть прославляется въ народныхъ преданіяхъ? — Нѣтъ, тогда бы онъ и не объяснилъ, какъ слѣдуетъ, старинныхъ нравовъ и обычаевъ. Историкъ, конечно, обладаетъ современнымъ взглядомъ образованнаго человѣка; онъ хорошо знаетъ

современныя ему понятія о судѣ и правдѣ и, сравнивая ихъ со старинными, тѣмъ вѣрнѣе можетъ судить о томъ или другомъ состояніи общества, о той или другой степени народнаго развитія въ данную эпоху; но ему необходимо хорошо понять, что въ извѣстное время считали добрымъ или злымъ, чтобы различать людей въ ихъ дѣйствіяхъ. Ольга, еще язычница, отличалась религіознымъ чувствомъ; это чувство, какъ и во Владимірѣ, потомъ привело ее къ принятію христіанской вѣры. Бывши язычницей, она, конечно, и высказывала свое религіозное чувство согласно съ языческими понятіями. — Что же историку необходимо дѣлать для объясненія событія, согласно съ нравами и обычаями вѣка? — Для этого прежде всего слѣдуетъ знать нравы и обычаи вѣка и сравнивать разбираемое событіе съ другими, ему подобными. Мщеніе Ольги древлянамъ представляетъ три обстоятельства: 1) родовая месть, вообще; 2) родовая месть, совершенная женщиной; 3) хитрость и ловкость, съ какими совершена месть. Первое обстоятельство даетъ поводъ разсмотрѣть наши старинные законы о возмездіи за убійство. — Это Соловьевъ отчасти дѣлаетъ при разборѣ Русской Правды Ярослава (Исторія Россіи, томъ I, 231—236). — Во второмъ отношеніи можно бы сравнить Ольгу съ другими женщинами, мстившими за смерть мужа. — Въ средніе вѣка мы много находимъ такихъ женщинъ. Месть за смерть мужа служитъ основаніемъ цѣлой германской поэмы: «Нибелунги», гдѣ главная героиня, Кримгильда, для достиженія этой цѣли жертвуетъ даже своими братьями и всѣмъ на свѣтѣ. — Что касается хитрости, Соловьевъ находитъ сходство между Ольгою и Олегомъ. Въ нашихъ народныхъ былинахъ хитрость также служитъ къ прославленію женщины (жена Ставра Годиновича). — Теперь обращаемъ вниманіе на изложеніе фактовъ и ихъ разъясненіе у Карамзина. Скажите, какъ онъ къ этому приступаетъ? — Карамзинъ сначала изображаетъ отчаянное положеніе Руси по случаю малолѣтства Святослава. *Бунтъ* Древлянъ, *безпокойный духъ* войска, пріученнаго къ завоеваніямъ и грабежу, *честолюбіе* полководцевъ, *смѣлыхъ и гордыхъ* — все, по его словамъ, угрожало опасностями; но *Провидѣніе сохранило и цѣлость державы и власть государя*; Ольга, овладѣвъ *кормиломъ государства*, доказала, что *слабая жена* иногда можетъ сравняться *съ великими мужами*. — Какую цѣль имѣлъ Карамзинъ въ этомъ изображеніи опаснаго положенія Руси? — Его цѣлію было выставить величіе Ольги. — Мысли «слабая жена, избранная Провидѣніемъ, равная великимъ мужамъ»,

пожалуй, представляютъ величественную картину, однако это общія мысли, которыя можно примѣнить къ какой угодно замѣчательной женщинѣ; онѣ еще нисколько не разъясняютъ характера Ольги. Приступъ Карамзина очень краснорѣчивый, но еще нужно доказать, что дѣйствительно таково было тогдашнее положеніе дѣлъ. Несторъ не сообщаетъ ни о какихъ смутахъ при вступленіи Ольги на княжескій престолъ; Игорь, по его извѣстіямъ, былъ слабымъ и хищнымъ княземъ, который совершалъ лишь неудачные походы: о сборѣ дани, о скрѣпленіи русскихъ земель, при немъ заботился Свѣнельдъ, и дружина Свѣнельда была богаче дружины Игоря. Слѣдовательно, и послѣ его смерти дѣла много не могли измѣниться. Свѣнельдъ, какъ видно изъ Нестора, дѣйствовалъ именемъ князя Святослава; что же касается древлянъ, то это былъ слишкомъ слабый народъ, который никогда не думалъ грозить кіевлянамъ. Выведенные изъ терпѣнія алчностью и несправедливостью Игоря, жители Искоростеня убиваютъ его, но тотчас же посылаютъ пословъ въ Кіевъ съ оправданіемъ и съ мирными предложеніями. Ольга потомъ безъ труда смирила древлянскую землю, исключая города Искоростеня, который долго защищался, страшась мести. Такъ какъ самая смута произошла отъ того, что Игорь грабилъ этотъ мирный и довѣрчивый народъ, то Ольга опредѣлила правильную службу и дань въ землѣ древлянъ, *уставы* и *уроки*, какъ говоритъ Несторъ. Какъ изложено у Карамзина преданіе о мести? — Самые факты онъ излагаетъ вѣрно и согласно съ лѣтописью, и слогъ его изложенія отличается живостью и легкостью; но, имѣя въ виду представить только геройство и мудрость Ольги, а не самый характеръ ея мести, онъ въ своемъ переводѣ сохраняетъ только общій, отдаленный смыслъ подлинника, упуская многія подробности. *«Гордясь убійствомъ, какъ побѣдою*, говоритъ онъ, и презирая малолѣтство Игоря, древляне вздумали присвоить себѣ власть надъ Кіевомъ, и хотѣли, чтобы ихъ князь Малъ женился на вдовѣ Игоря». Но въ своемъ объясненіи лѣтописныхъ извѣстій, самъ Карамзинъ замѣчаетъ, что Ольга умертвила въ Кіевѣ пословъ древлянскихъ, которые думали, можетъ быть, *оправдаться* въ убіеніи Игоря. *Оправдываться* въ убійствѣ, которымъ *гордишься* — какъ будто, двѣ вещи несовмѣстныя. Приведемъ изъ изложенія Карамзина тѣ самыя мѣста, которыя мы указали въ изложеніи Соловьева. Двадцать *знаменитыхъ пословъ* Древлянскихъ приплыли въ ладьѣ къ Кіеву и сказали Ольгѣ: мы убили твоего мужа за его *хищность и*

грабительство; но князья Древлянскіе добры и *великодушны:* ихъ земля *цвѣтетъ* и *благоденствуетъ.* Будь *супругою* нашего князя Мала. Ольга съ ласкою *отвѣтствовала:* Мнѣ пріятна рѣчь ваша: уже не могу воскресить *супруга...* Мстительная княгиня спросила у нихъ, довольны ли они сею честію? *Несчастные изъявили воплемъ раскаяніе въ убіеніи Игоря, но поздно:* Ольга велѣла ихъ засыпать живыхъ землею и чрезъ гонца объявила Древлянамъ, что они должны прислать за нею еще болѣе *знаменитыхъ* мужей, ибо народъ кіевскій не отпуститъ ее безъ ихъ *торжественнаго* и многочисленнаго *посольства...* Ольга дѣйствительно пришла къ городу Коростену, *оросила слезами* прахъ Игоревъ, насыпала высокій бугорокъ надъ его могилою... Скоро дѣйствіе крѣпкаго меду *омрачило головы неосторожныхъ;* Ольга удалилась, *подавъ знакъ воинамъ своимъ* — и 5000 Древлянъ, ими убитыхъ, легло вокругъ Игоревой могилы. — Чтоже можно вывести изъ этого сравненія? — Карамзинъ замѣняетъ простыя лѣтописныя слова большею частію отборными изреченіями современной ему рѣчи: знаменитый, великодушный, торжественный, земля цвѣтетъ и благоденствуетъ, изъявили воплемъ раскаяніе, оросила слезами прахъ, и пр.; при этомъ онъ опускуаетъ характерныя выраженія лѣтописи: какъ волкъ, расхищалъ и грабилъ; распасли древлянскую землю; пуще намъ Игоревой смерти; Ольга пришла съ небольшою дружиною, на легкѣ; приказала пить на нихъ и пр. — Отборныхъ словъ въ исторіи требовало старинное понятіе объ историческомъ краснорѣчіи; но употребленіемъ ихъ мы сглаживаемъ характерныя черты въ событіи и даже придаемъ ему оттѣнки, несогласныя съ духомъ вѣка. Самъ Карамзинъ въ дальнѣйшемъ изложеніи событій все больше употребляетъ лѣтописныя слова и выраженія и тѣмъ обогащаетъ свой историческій слогъ. Съ другой стороны и точность въ передачѣ лѣтописнаго разсказа должна ограничиться характерными выраженіями: такія слова какъ «люба, сѣчь», ничто не мѣшало замѣнить болѣе употребительными: «пріятна, нравится, рубить, побивать», и пр. Обратимъ вниманіе на историческія объясненія Карамзина. — Онъ считаетъ разсказъ Нестора *баснею,* въ многомъ несогласною *съ вѣроятностями разсудка* и *съ важностью исторіи,* но все таки ея основаніемъ должно быть *истинное происшествіе,* и притомъ древнія басни любопытны для ума внимательнаго, изображая *обычай* и *духъ времени.* Тутъ мы только не совсѣмъ понимаемъ, какая *важность* необходима въ исторіи. Если народное преданіе знакомитъ насъ съ обычаями и

духомъ времени, то оно важно не менѣе всякаго другаго достовѣрнаго извѣстія. Далѣе онъ объясняетъ, что *вѣра и гражданскіе законы* язычниковъ оправдывали месть неумолимую, но считаетъ невѣроятною оплошность древлянъ и то, чтобы Ольга взяла Коростень посредствомъ воробьевъ и голубей. Истинное происшествіе, по его мнѣнію, было таково: Ольга убила пословъ древлянскихъ, пришедшихъ съ оправданіемъ (сватовство Карамзинъ считаетъ неправдоподобнымъ по причинѣ преклонныхъ лѣтъ Ольги), покорила этотъ народъ оружіемъ, наказала гражданъ Коростена, и тамъ воинскими играми, по обряду язычества, торжествовала память Игоря. Мы видимъ, что Карамзинъ, какъ историкъ, отдѣляетъ вымыселъ отъ истины; но онъ мало обращаетъ вниманія на характеръ Ольги, выразившійся въ преданіи. Упомянувъ о томъ, что вѣра и законы оправдывали месть, онъ далѣе не объясняетъ, въ чемъ состояло это оправданіе, и какъ Ольга съ ея характеромъ, изображеннымъ въ преданіи, могла *равняться великимъ мужамъ.* — Прочитавъ Карамзина, мы все-таки узнаемъ слѣдующее: кромѣ того, что необходимо объяснять событія согласно съ обычаями и духомъ времени, слѣдуетъ еще указать, что могло быть истиннаго, что вымышленнаго въ извѣстіи о событіи. Приведемъ еще примѣръ. У Нестора разсказано, какъ Ольга подъ конецъ жизни отправилась въ Царьградъ и приняла тамъ крещеніе. Самъ императоръ, Константинъ Багрянородный, былъ ея воспріемникомъ. Прежде чѣмъ крестить, онъ, плѣнившись ея красотою, предложилъ ей руку: Ольга, какъ будто, согласилась, но потомъ напомнила, что по христіанскому закону крестный отецъ не можетъ быть мужемъ той, которую воспринялъ отъ купели. — «Перехитрила ты меня, Ольга,» сказалъ императоръ, и отпустилъ ее съ великими дарами. Такъ разсказываетъ Несторъ; но въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ представлены цѣлые разговоры между Ольгою и Константиномъ, цѣлыя поученія, какія дѣлаетъ ей патріархъ константинопольскій. Можно ли помѣстить въ историческій разсказъ всѣ эти разговоры и поученія? — Нѣтъ, они явно выдуманы для прикрасы; достаточно познакомить съ изложеніемъ Нестора. — Но и у Нестора не все изложено вѣрно. Объ этомъ событіи остались также записки Константина Багрянороднаго. Ольга дѣйствительно ѣздила въ Царьградъ и тамъ крестилась; но Константинъ Багрянородный ничего не говоритъ ни о сватовствѣ, ни о богатыхъ дарахъ. Напротивъ, изъ описанія ея пріема во дворцѣ мы видимъ, что она должна была стоять на ряду

со знатными гречанками, которыя падали ницъ, привѣтствуя императрицу, и изъ подарковъ получила одинъ разъ сорокъ, а другой разъ около двадцати червонцевъ. Сватовство невѣроятно уже потому, что Ольгѣ было тогда болѣе шестидесяти лѣтъ; кромѣ того изъ извѣстій самого Нестора видно, что она была несовсѣмъ довольна пріемомъ. Подобно этому и о походахъ Святослава въ Болгарію есть извѣстіе у Нестора: Святославъ оба раза возвращается побѣдителемъ; по греческимъ извѣстіямъ, Святославъ, завоевавъ Болгарію при Императорѣ Никифорѣ, былъ во время вторaго похода побѣжденъ греческимъ войскомъ подъ предводительствомъ Цимисхія и принужденъ оставить свои завоеванія. И греческій лѣтописецъ представляетъ необыкновенную храбрость Святослава: можетъ быть, этотъ князь, и одержалъ кое-какія побѣды; но изъ того, что онъ безуспѣшно возвратился, вѣрнѣе заключать, что перевѣсъ остался на сторонѣ Цимисхія. Такъ, иногда совершенно откидывая одно извѣстіе, мы принимаемъ другое, болѣе достовѣрное; иногда, если есть къ тому возможность, избираемъ средину между двумя противуположными извѣстіями. Теперь представимъ общій выводъ всего, до сихъ поръ нами разсмотрѣннаго.

1) Лѣтопись представляетъ только матерьялъ для историческаго изложенія. Въ ней большею частію находимъ *краткія извѣстія о событіяхъ, изложенныя въ порядкѣ годовъ*; но подъ нѣкоторыми годами встрѣчаются и *очень подробные разсказы.*

2) Такъ какъ въ лѣтописи соблюдается *только порядокъ годовъ* въ изложеніи событій, то извѣстія *о самыхъ разнородныхъ событіяхъ перемѣшаны* между собою. Историку приходится *собирать* извѣстія *изъ разныхъ мѣстъ лѣтописи, группируя* событія по ихъ *внутренней связи.*

3) Кромѣ того въ лѣтописи *басни смѣшаны съ истиной, народныя преданія* съ извѣстіями, *записанными безъ всякихъ прикрасъ*, и единственнымъ толкованіемъ событій служатъ *поучительныя мысли.* Историкъ же заботится о правильномъ изложеніи событій и объ ихъ разъясненіи.

4) Историку необходимо *съ точностью передать лѣтописныя извѣстія*, особенно сообщаемыя лицами, наиболѣе *близкими къ событію:* онъ откидываетъ только *пустые вымыслы*, не имѣющіе никакой исторической цѣны, какъ напримѣръ, риторическія разглагольствія досужихъ грамотѣевъ, нисколько не служащія къ разъясненію событія. Въ изложеніи извѣстій, важныхъ въ историческомъ

отношеніи, онъ, по возможности, старается *не пропустить ни одной характерной черты* лѣтописнаго разсказа, переносящей насъ въ описываемую эпоху; онъ особенно избѣгаетъ *произвольныхъ украшеній* этого разсказа въ духѣ современнаго ему краснорѣчія.

5) Разъясняя событіе, историкъ *отдѣляетъ вымыселъ отъ дѣйствительности*: онъ, по возможности, пользуется *всѣми извѣстіями*, какія только можно найти объ одномъ и томъ же событіи и выбираетъ *самыя достовѣрныя;* если извѣстіе о событіи сохранилось только у одного лица, то все-таки, по сравненію съ извѣстіями о другихъ событіяхъ, по его согласію или противорѣчію съ духомъ времени, можно судить, на сколько оно достовѣрно. Праздные вымыслы и сказки грамотѣевъ большею частію ничего не даютъ для исторіи; но *народныя преданія*, напротивъ, *имѣютъ важное значеніе*: если въ нихъ и не сообщается точныхъ фактовъ, то все таки находимъ *живую характеристику событія.*

6) Разъясняя событіе, историкъ долженъ представить *точную его характеристику*, указать въ немъ *духъ вѣка и характеръ дѣйствующихъ лицъ:* тутъ особенно важно объяснить значеніе, какое имѣло то или другое событіе для народа. Что касается современно-просвѣщеннаго взгляда въ историкѣ, то онъ необходимъ не для того, чтобы искажать событіе, съ цѣлію поучительной или риторической, а для того, *чтобы вѣрнѣе представить тотъ уровень народнаго и общественнаго развитія*, какой выразился въ дѣйствіяхъ историческихъ лицъ.

2. Записки современников.

(ВЗЯТІЕ КАЗАНИ ПО КАРАМЗИНУ ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ РАЗСКАЗОМЪ КУРБСКАГО И ЦАРСТВЕННОЙ КНИГИ).

Мы объяснили въ общихъ чертахъ содержаніе и значеніе лѣтописи, какъ одного изъ матеріаловъ для исторіи. Другимъ историческимъ матеріаломъ (т. е. источникомъ, изъ котораго историкъ беретъ свои извѣстія) служатъ *записки современниковъ*, или *мемуары.* И лѣтописи обыкновенно писались людьми, близкими къ событію, которымъ удавалось нерѣдко слышать объ немъ отъ очевидцевъ, но эти люди большею частію были монахи, не принимавшіе въ свѣтскихъ дѣлахъ прямаго участія, а писавшіе объ нихъ по разсказамъ другихъ, или, уже на старости лѣтъ, по своимъ давнимъ воспоминаніямъ. Напротивъ, прямой участникъ событія разсказываетъ по

свѣжимъ впечатлѣніямъ видѣннаго и испытаннаго, разсказываетъ о томъ, что особенно его занимало, выражая при этомъ свое сочувствіе къ однимъ, свое нерасположеніе къ другимъ лицамъ. Но мы лучше объяснимъ сущность мемуаровъ, представивъ образчикъ такого рода произведеній. Для этого мы сначала просмотримъ историческій разсказъ Карамзина о взятіи Казани при Іоаннѣ Грозномъ. Карамзинъ здѣсь пользовался и современной событію лѣтописью, извѣстной подъ названіемъ «Царственная книга» и записками одного изъ участниковъ событія, князя Курбскаго. Разсмотрѣвъ тѣ и другія извѣстія, мы опредѣлимъ, чѣмъ отличаются записки современниковъ отъ лѣтописи и отъ исторіи. И такъ передайте въ главныхъ частяхъ разсказъ Карамзина о покореніи Казани.

— 1. Карамзинъ, разсказавъ о побѣдѣ надъ Татарами при Тулѣ, сначала упоминаетъ о распредѣленіи войска передъ походомъ и о волненіи новгородскихъ боярскихъ дѣтей, которые, будучи утомлены прежними походами, отказывались идти подъ Казань. 2. Далѣе описанъ путь, которымъ шелъ Іоаннъ къ Казани, и говорится о его распоряженіяхъ, о благопріятныхъ извѣстіяхъ, полученныхъ имъ дорогой. Іоаннъ съ половиною войска шелъ болѣе безопаснымъ путемъ, чрезъ Владиміръ и Муромъ; другая часть войска, въ которой находился и Курбскій, отправилась южною дорогою, черезъ Рязань, чтобъ защищать царя отъ нападеній степныхъ народовъ. Обѣ рати сошлись на рѣкѣ Сурѣ. 3. Тутъ покоренные черемисы и чуваши стали доставлять хлѣбъ и медъ, строили мосты через рѣки, и проч. Подъ Свіяжскомъ войско пользовалось полнымъ изобиліемъ, какъ будто у себя дома; но Іоаннъ не долго отдыхалъ: онъ спѣшилъ къ Казани. 4. Карамзинъ говоритъ о важности, какую имѣла осада Казани и по искусству, выказанному русскими, и по упорному сопротивленію казанцевъ. Сдѣлавъ нѣсколько трудныхъ переправъ, войско Іоанна остановилось въ виду казанской крѣпости. Царь узналъ отъ перебѣжчика о приготовленіяхъ враговъ и, отслушавъ съ воеводами молебенъ, устроилъ войско къ осадѣ. 5. Она началась занятіемъ Арскаго поля, что было достигнуто послѣ упорной битвы съ татарами. Послѣ того Шемякинъ съ Троекуровымъ обошли къ рѣкѣ Казанкѣ, и русскіе начали ставить туры и пушки: сперва сторожевой полкъ и лѣвая рука, потомъ большой полкъ, нодъ начальствомъ Михайла Воротынскаго, который при этомъ вытерпѣлъ сильную вылазку. 6. Русскимъ предстояли новыя препятствія отъ нападеній изъ лѣсу, гдѣ скрывался татарскій наѣздникъ, Япанча. Не смотря на

это, къ концу августа, менѣе чѣмъ недѣлю спустя послѣ начала осады, городъ со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ турами и бойницами. Храброму воеводѣ, Александру Горбатому-Шуйскому удалось выманить Япанчу изъ лѣсу и совершенно истребить его. 7. Послѣ этого стали дѣйствовать рѣшительнѣе: съ помощью подкопа взорвали тайникъ, изъ котораго казанцы брали воду, и осажденные должны были довольствоваться дурною водою изъ малаго ключа. Александръ Горбатый-Шуйскій взялъ острогъ, построенный казанцами за Арскимъ полемъ, дошелъ до Арскаго города и возвратился съ богатою добычею. Съ другой стороны были разбиты луговые черемисы, и казанцы напрасно прибѣгали къ чародѣйству. 8. Чтобы вѣрнѣе поражать непріятелей, къ стѣнамъ придвинули башню, вышиною въ шесть саженъ, и стрѣляли въ городъ съ высоты. Михаилъ Воротынскій придвинулъ туры къ самой Арской башнѣ, и тутъ произошла кровопролитная битва, которая кончилась побѣдою русскихъ. 9. Наконецъ близь Арскихъ воротъ взорвали тарасы. Началась новая битва. Русскіе ворвались въ городъ, но Іоаннъ приказалъ вернуть войско. Михаилъ Воротынскій, не желая отступать, одинъ со своими стрѣлками засѣлъ въ Арской башнѣ ждать приступа. 10. 1-го октября стали готовиться къ приступу. Каждому изъ воеводъ опредѣлено мѣсто, гдѣ дѣйствовать. На другой день утромъ, когда Іоаннъ слушалъ обѣдню въ походной церкви, взорванъ былъ сначала одинъ подкопъ, потомъ другой—и русскіе, послѣ упорной сѣчи, овладѣли стѣнами. 11. Но этимъ дѣло еще не кончилось. Когда многіе изъ русскихъ бросились грабить, казанцы ободрились и обратили въ бѣгство часть войска. Воеводы остановили бѣгущихъ, съ новымъ свѣжимъ войскомъ ударили на враговъ и оттѣснили ихъ къ царскому двору. Казанцы выдали своего царя, Едигера, и въ числѣ 5,000 ушли черезъ стѣны къ рѣкѣ Казанкѣ, а потомъ въ поле. Здѣсь преслѣдовалъ ихъ Курбскій со своимъ братомъ. 12. Раззоренная Казань была въ нашихъ рукахъ. Іоаннъ велѣлъ служить молебенъ, принялъ ласково Едигера, потомъ въѣхалъ въ городъ, гдѣ встрѣтили его русскіе, освобожденные изъ плѣна. Онъ отдалъ всю добычу войску; возвратившись въ станъ, благодарилъ его, и назначилъ 4-го октября торжественный въѣздъ въ Казань.

— Здѣсь, у Карамзина, мы находимъ стройный и послѣдовательный разсказъ, основанный преимущественно на извѣстіяхъ, заимствованныхъ изъ Царственной книги. Эта московская лѣтопись съ точностью излагаетъ день за днемъ все, что случилось при взятіи

Казани, называетъ всѣхъ воеводъ, дѣйствовавшихъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, и особенно выставляетъ на видъ дѣятельность самого Іоанна. Напротивъ, Курбскій въ своемъ разсказѣ распространяется преимущественно о томъ, что наиболѣе врѣзалось въ его памяти или что касалось его лично *). Посмотримъ, какія извѣстія онъ сообщаетъ. Подробности похода, разсказанныя Карамзинымъ, мы узнаемъ изъ Царственной книги; Курбскій же сообщаетъ намъ о движеніи той части войска, въ которой онъ самъ находился. Тутъ мы узнаемъ, какую нужду терпѣло это войско, пока не дошло до Свіяжска. Изобиліе запасовъ, которое здѣсь нашли воеводы, описано у Курбскаго съ особеннымъ одушевленіемъ. На него произвелъ также впечатлѣніе видъ Казани, когда она открылась на горѣ среди веселыхъ луговъ. Упомянувъ о числѣ враговъ, защищавшихъ городъ, онъ не говоритъ подробно о распредѣленіи войска при осадѣ: онъ разсказываетъ только нѣкоторыя ея главнѣйшія подробности. Изъ него мы узнаемъ, что въ городѣ господствовала мертвая тишина, когда войско въ первый разъ къ нему приблизилось, что крѣпость громили изъ 150 орудій, что осажденные давали знать Япанчѣ о томъ, когда напасть, выставляя хоругвь на высокой башнѣ, а казанскіе волшебники, при восходѣ солнца, являлись на валу, кривлялись, кричали и, махая одеждами, насылали дождь на русскій станъ, вслѣдствіе чего Іоаннъ послалъ въ Москву за Животворящимъ крестомъ, — что, когда, послѣ побѣды надъ Япанчею, плѣнныхъ татаръ привязали къ кольямъ передъ укрѣпленіями, то казанцы сами побили ихъ стрѣлами, сказавъ: «Лучше вамъ умереть отъ нашей руки, чѣмъ отъ руки гяуровъ». Изъ событій казанской осады Курбскій вмѣстѣ съ Царственною книгою говоритъ о первой битвѣ при занятіи Арскаго поля, о подвигахъ Александра Горбатаго-Шуйскаго, при чемъ съ особенной живостью разсказываетъ о его походѣ къ Арскому городу, — о построеніи высокой башни, о дѣлахъ Михайлы Воротынскаго. Всѣ извѣстія о распоряженіяхъ Іоанна, о его рѣчахъ, вѣроятно, вымышленныхъ лѣтописцемъ, находятся въ Царственной книгѣ. Курбскій начальствовалъ надъ частью войска, которая стояла съ противуположной стороны отъ Арскаго поля, за

---

*) Если преподавателю не представится возможности воспользоваться собственнымъ разсказомъ Курбскаго, то для сравненія можно заимствовать отрывки изъ моей книги (Разсказы изъ русской исторіи, выпускъ II, статья о взятіи Казани), гдѣ буквально переведены главнѣйшія мѣста изъ Курбскаго. Тамъ же смотри статью о Курбскомъ.

рѣкою Казанкою: отсюда онъ шелъ и на приступъ. Слѣдовательно, онъ не могъ знать въ подробности всего, что дѣлалось въ лагерѣ Іоанна. При описаніи приступа онъ разсказываетъ, съ какимъ трудомъ отъ рѣки Казанки взбирался онъ на стѣну со своимъ полкомъ, изъ котораго пало 98 лучшихъ воиновъ; Курбскій еще держался, какъ татары обратили грабившихъ россіянъ въ бѣгство. Описавъ это происшествіе, онъ говоритъ, что доблестные воеводы взяли подъ устцы лошадь испуганнаго Іоанна и противъ воли поставили его передъ Царскими воротами, чтобы удержать бѣгущихъ. Напротивъ въ Царственной книгѣ разсказано, что Іоаннъ долгое время слушалъ обѣдню въ своемъ станѣ; нѣсколько разъ присылали ему сказать, что войско въ опасности, но онъ не хотѣлъ идти, пока не кончилась обѣдня; послѣ же ея окончанія, самъ одѣлся въ доспѣхи и выѣхалъ противъ враговъ. Далѣе Курбскій извѣщаетъ о битвѣ въ городѣ, о взятіи Едигера, объ отступленіи 10,000 татаръ и съ особенной подробностью разсказываетъ, какъ онъ вмѣстѣ со своимъ братомъ преслѣдовалъ бѣжавшихъ враговъ за рѣкою Казанкою: «Имѣлъ я очень быстраго и добраго коня, и прежде всѣхъ врѣзался въ полкъ бусурманскій, и помню только, что въ сѣчѣ конь мой три раза уперся во враговъ, а въ четвертый разъ сильно раненый, повалился посреди ихъ со мною: отъ великихъ ранъ я уже больше себя не помнилъ. Когда, нѣсколько времени спустя, я очнулся, то увидѣлъ, что двое моихъ слугъ и двое царскихъ воиновъ плакали надо мною, какъ надъ мертвецомъ. Я лежалъ обнаженный, покрытый ранами, но уцѣлѣлъ, потому что на мнѣ была праотеческая броня, очень крѣпкая». Вотъ почти все, что заимствовано у Карамзина изъ Курбскаго. Замѣтьте, не выдаются ли чѣмъ нибудь эти мѣста и въ разсказѣ Карамзина? — Въ нихъ мы находимъ живыя подробности, свидѣтельствующія о личномъ участіи въ дѣлѣ того, кто сообщаетъ извѣстія. — Откуда происходитъ эта живость, это сочувствіе къ нѣкоторымъ предметамъ? — Одни предметы могли произвести впечатлѣніе на очевидца по своей необычайности, напримѣръ: ожесточеніе, съ какимъ казанцы побивали своихъ, придуманное ими средство подавать вѣсть Япанчѣ, ихъ чародѣйства, и проч. Другіе предметы были ему близки, потому что лично его касались, какъ-то: собственные подвиги Курбскаго и его брата. При описаніи третьихъ онъ могъ выразить и свою любовь къ нѣкоторымъ лицамъ, напримѣръ, къ воеводамъ, побудившимъ Іоанна удержать бѣгущихъ, къ подвигамъ Михайлы Воротынскаго и Александра Горбатаго-Шуй-

скаго. — Нельзя ли поэтому опредѣлить, чѣмъ же отличается разсказъ, какой находимъ въ мемуарахъ, отъ лѣтописнаго? — Въ лѣтописи большею частію безразлично записано все, что происходило при извѣстномъ событіи; въ мемуарахъ же очевидецъ сообщаетъ лишь тѣ факты, которые наиболѣе его занимали, — за то сообщаетъ съ тѣми живыми подробностями, какія не всегда находимъ въ лѣтописи. — Замѣтимъ еще относительно формы, что лѣтопись излагаетъ происшествія день за днемъ, годъ за годомъ, а тотъ, кто ведетъ свои записки, обыкновенно не стѣсняется хронологическимъ порядкомъ, группируя факты, какъ ему удобнѣе. Мы говорили о личномъ сочувствіи разсказчика къ тому, о чемъ онъ повѣтствуетъ. Однако и въ Царственной книгѣ очень живо описано, какъ взорвало подкопъ, едва дьяконъ возгласилъ слова: «да будетъ едино стадо и единъ пастырь»; въ ней много говорится о томъ, какъ Іоаннъ молился передъ приступомъ и послѣ взятія Казани, какъ онъ приказалъ строить церкви во вновь завоеванномъ городѣ, и вообще о радости христіанъ послѣ его завоеванія.—Тутъ уже выражается не одно личное сочувствіе лѣтописца, а также общее благочестивое чувство, которое въ то время одушевляло многихъ при мысли, что Казань будетъ христіанскимъ городомъ. Кромѣ того лѣтопись могла быть писана однимъ изъ духовныхъ лицъ, окружавшихъ Іоанна. — Изъ чего можно заключить, что ее составляло одно изъ приближенныхъ царю лицъ? — Изъ того, что въ ней съ особенною подробностью говорится о распоряженіяхъ самого Іоанна. — Нѣтъ сомнѣнія, что Царственная книга, на которую указываетъ и Курбскій, была писана при участіи царя, можетъ быть, по его желанію, такъ какъ Іоаннъ любилъ читать книги и самъ упражнялся въ писаніи. Подобныя лѣтописи, сочиненныя подъ руководствомъ высшихъ, правительственныхъ лицъ, являются въ Московскомъ государствѣ и составляютъ особый родъ лѣтописанія *). Но развѣ Курбскій не говоритъ съ сочувствіемъ объ Іоаннѣ, не выставляетъ взятія Казани, какъ самаго лучшаго его дѣла? И Курбскій хвалитъ царя за рѣшимость покорить Казань; но эта похвала совсѣмъ особеннаго рода. Тутъ намъ приходится объяснить нѣкоторыя обстоятельства, изъ которыхъ узнаемъ объ отношеніяхъ Курбскаго къ Іоанну. Царствованіе Іоанна Грознаго, между прочимъ, замѣчательно его борьбою съ боярами. Бояре, потомки прежнихъ владѣтельныхъ князей рюриковой крови, уже стали простыми подданными въ Московскомъ государствѣ. Между тѣмъ они еще сохранили память о своемъ прежнемъ могуществѣ и домогались власти. Въ малолѣтство Іоанна имъ и удалось захватить власть въ свои руки; но царь выросъ, захотѣлъ править самостоятельно, казнилъ многихъ изъ бояръ и торжественно вѣнчался на царство. Однако въ ранней юности Іоаннъ, о воспитаніи котораго бояре вовсе не заботились, думалъ только объ удовольствіяхъ и не замѣчалъ, что народъ по прежнему терпѣлъ притѣсненія. Тогда въ Москвѣ произошелъ страшный пожаръ и бунтъ. Іоаннъ смирилъ волненіе; но былъ сильно потрясенъ этими событіями и рѣшился совершенно измѣнить свою жизнь. Въ сердечной тревогѣ онъ совсѣмъ отдался своему умному совѣтнику, священнику Сильвестру, и избралъ себѣ помощникомъ въ дѣлахъ еще человѣка незнатнаго рода, Адашева. Сильвестръ и Адашевъ теперь распоряжались всѣмъ и окружали Іоанна новыми, лучшими людьми. Эти люди были большею частію тоже знатные бояре, но такіе, которые, заботясь о своей власти, думали и о пользѣ общей. Къ числу ихъ принадлежалъ и Курбскій, потомокъ князей ярославскихъ. Время, когда господствовали Сильвестръ и Адашевъ, дѣйствительно было лучшимъ временемъ правленія Іоанна. Но царь, наконецъ, сталъ тяготиться вмѣшательствомъ во всѣ дѣла своихъ совѣтниковъ, тѣмъ болѣе, что видѣлъ въ ихъ поступкахъ личный расчетъ, прикрытый набожностью и желаніемъ общей пользы. Сильвестръ, грозя гнѣвомъ Божіимъ, понуждалъ Іоанна строго исполнять всѣ обряды благочестія, а въ управленіи государствомъ все дѣлалось по боярскому совѣту. Кончилось тѣмъ, что царь удалилъ отъ себя обоихъ совѣтниковъ и вслѣдъ за тѣмъ сталъ жестоко преслѣдовать и казнить бояръ, прежде бывшихъ въ силѣ. Изъ нихъ Курбскій, ожидая и себѣ лютой казни, бѣжалъ въ Польшу, и здѣсь писалъ свои воспоминанія, имѣя главною цѣлію возвеличить своихъ друзей, бояръ, казненныхъ Іоанномъ. Взятіе Казани относится къ тому времени, когда еще господствовали Сильвестръ и Адашевъ. Поэтому Курбскій долженъ былъ особенно восхвалять подвигъ, въ которомъ и самъ онъ и другіе воеводы, съ нимъ одномысленные, столько прославились. Онъ лишь мимоходомъ хвалилъ Іоанна, чтобы показать, какимъ мудрымъ былъ царь, покамѣсть слушался своихъ совѣтниковъ. Напротивъ, Іоаннъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Курбскому, упрекаетъ бояръ, что они при

*) Какъ искусственный образецъ такихъ сочиненій, смотри въ моей книгѣ (Разсказы изъ русской исторіи, выпускъ II, статья о лѣтописяхъ) изложеніе *Степенной книги.*

осадѣ Казани распоряжались самовольно, что они чуть не погубили дѣла, прежде времени бросившись на приступъ; онъ даже ставитъ имъ въ вину, что во время втораго приступа часть войска начала грабить. Здѣсь мы встрѣчаемся съ двумя совсѣмъ различными мнѣніями; изъ чего видно, въ разсказѣ Курбскаго, объ его доброхотствѣ къ боярамъ?—Изъ того, что, не упоминая о распоряженіяхъ Іоанна, онъ особенно изображаетъ подвиги, совершенные Михайломъ Воротынскимъ и Александромъ Горбатымъ-Шуйскимъ; онъ также приписываетъ боярамъ главную заслугу въ завоеваніи Казани, разсказывая, какъ они побудили Іоанна остановить бѣгущее войско. — И такъ, кромѣ сказаннаго нами о выборѣ фактовъ въ запискахъ современника, что еще нужно замѣтить объ этихъ запискахъ? — Что въ нихъ разсказчикъ можетъ имѣть еще особую цѣль: выставить на видъ доблесть, заслуги, распорядительность однихъ лицъ и осудить другихъ, смотря по своему сочувствію или нерасположенію къ разнымъ лицамъ. — При всей правдивости, писатель мемуаровъ иногда увлекается страстью. Курбскій, напримѣръ, справедливо отдаетъ преимущество Сильвестру и Адашеву въ сравненіи съ тѣми лицами, которые окружали Іоанна впослѣдствіи, когда эти совѣтники были удалены; но онъ величаетъ ихъ черезъ мѣру, укрывая всѣ ихъ недостатки и представляя, какъ будто они вовсе не заботились о своей выгодѣ. Между прочимъ Курбскій разсказываетъ, что когда, уже послѣ взятія Казани, Іоаннъ задумалъ ѣхать съ малолѣтнимъ сыномъ въ Кирилловъ монастырь, то совѣтники сильно отговаривали его отъ этого и даже предсказывали ему смерть сына. Судя по Курбскому, они дѣлали это изъ любви къ Іоанну и заботясь о дѣлахъ государства. Но настоящая причина намъ раскрывается, когда мы узнаемъ, что въ Кирилловомъ монастырѣ жилъ старецъ Вассіанъ, недружелюбный къ боярамъ: онъ и подалъ Іоанну совѣтъ не держать при себѣ людей мудрѣе себя, чтобы противъ воли имъ не покоряться. И такъ изъ сравненія записокъ современника со старинною лѣтописью мы дѣлаемъ слѣдующее заключеніе: если лѣтописецъ не сообщаетъ какихъ либо подробностей о событіи, то большею частію потому, что онъ ихъ не знаетъ, записывая факты, какъ удалось ему объ нихъ слышать; напротивъ, современникъ событія нерѣдко съ намѣреніемъ умалчиваетъ о фактахъ. Лѣтописецъ обыкновенно не даетъ никакихъ объясненій событію, кромѣ того, что такъ произошло по волѣ Божіей или по наущенію дьявола; современникъ старается объяснить его, но обыкновенно по своимъ лич-

нымъ отношеніямъ къ людямъ, или односторонне, или и совсѣмъ пристрастно. Курбскій, по своей начитанности, по своему образованію, стоялъ выше нашихъ лѣтописцевъ, однако и у него вы находите нѣкоторыя суевѣрныя толкованія — въ какомъ мѣстѣ? — Когда случился дождь надъ русскимъ станомъ, то онъ объяснялъ это дѣйствіемъ волшебства: по его мнѣнію, татарскіе кудесники, махая одеждами, наводили ненастье на русское войско. — Въ подобномъ объясненіи мы находимъ сходство съ лѣтописью; но таковы уже были понятія людей въ тогдашнее время. Тогда не только простой народъ, но и болѣе образованное общество, бояре и духовенство, вѣрили въ чародѣйства. Когда умерла супруга Іоанна, Анастасія, то царь былъ увѣренъ, что враги извели ее чародѣйствомъ. Слѣдовательно, въ этомъ Курбскій слѣдовалъ духу своего времени. Его записки все-таки показываютъ болѣе высокую степень умственнаго развитія, потому что онъ обсуживаетъ все, что видитъ, и различаетъ между фактами важными и неважными. Тутъ мы должны замѣтить слѣдующее различіе отъ лѣтописи. Лѣтописи обыкновенно пишутся въ первый періодъ грамотности, когда люди еще мало образованы и умѣютъ только записывать подрядъ по годамъ, что случилось, не разбирая фактовъ. Потомъ изъ этихъ лѣтописей стараются составить болѣе связный разсказъ, но обыкновенно очень неискусно; являются такъ называемые *сборники*, гдѣ берутъ въ расчетъ не одни года, но и правленіе какого нибудь князя: въ правленіе такого-то князя произошло то-то, при слѣдующемъ за тѣмъ князѣ было то-то — то есть, подъ управленіе каждаго князя собираютъ случившіяся въ его время событія. Вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе встрѣчаемъ подробные разсказы объ отдѣльныхъ событіяхъ. Когда уже не одни монахи и духовные лица, но и свѣтскіе обучаются грамотѣ, о событіяхъ начинаютъ разсказывать люди бывалые, принимавшіе въ нихъ живое участіе, — люди, которые прежде не оставляли послѣ себя никакихъ записокъ большею частію потому, что едва умѣли и подписать свое имя. Чѣмъ образованнѣе становится народъ, тѣмъ рѣже встрѣчаются лѣтописи: ихъ уже съ избыткомъ замѣняютъ записки современниковъ. Эти записки также иногда пишутъ въ формѣ дневника, гдѣ безъ всякаго порядка день за днемъ разсказано, что случилось, но и въ такихъ дневникахъ видна личность разсказчика: онъ выражаетъ свои мнѣнія о событіяхъ, приводитъ раздробленныя извѣстія въ нѣкоторую связь, напоминая о томъ, что говорилъ прежде, и проч. Курбскій называетъ свои записки ис-

торіею и дѣлитъ ихъ на главы, задавая себѣ цѣлію объяснить, отчего Іоаннъ, прежде бывши такимъ милостивымъ, потомъ является жестокимъ. Но можно ли сочиненіе Курбскаго назвать исторіею?— Нѣтъ, во первыхъ потому, что его разсказъ не полонъ; во вторыхъ, при объясненіи событій, онъ выставляетъ на видъ только одну боярскую доблесть, и притомъ не чуждъ суевѣрій своего времени. — Что же тутъ слѣдовало дѣлать историку? — Повѣрить Курбскаго другими источниками, по возможности раскрыть во всей истинѣ дѣло, и соединить всѣ характерныя подробности событія въ одно цѣлое. — Въ разсказѣ о взятіи Казани, какъ мы видѣли, Курбскій сообщаетъ много живыхъ подробностей; притомъ его разсказъ не противорѣчитъ извѣстіямъ, заимствованнымъ изъ Царственной книги. Только извѣстія о томъ, какъ приближенные Іоанна побудили его остановить бѣгущее войско, мы не находимъ въ этой послѣдней лѣтописи. Слѣдовательно, историку здѣсь не придется много разбирать, достовѣрны или нѣтъ тѣ и другія подробности разсказа; остается только изложить ихъ стройно и послѣдовательно, что и сдѣлано Карамзинымъ съ большимъ искусствомъ. Мѣстами мы находимъ въ его слогѣ излишнюю торжественность и изысканность, какъ, напримѣръ, въ рѣчи Іоанна къ войску; но вообще его изложеніе ясно и живо Посмотримъ, какъ группируетъ онъ факты въ одинъ стройный разсказъ, и для этого изберемъ хоть его описаніе приступа. Скажите. что тутъ находится?

— «Наконецъ, говоритъ Карамзинъ, 1-го октября, Іоаннъ объявилъ войску, чтобы оно готовилось *пить общую чашу крови* — то есть, къ приступу (ибо подкопы были готовы) и велѣлъ воинамъ *очистить душу* наканунѣ дня роковаго». — Что тутъ объясняетъ Карамзинъ съ точностью? — Онъ прежде всего опредѣляетъ день, въ который стали готовиться къ приступу и даетъ знать, въ чемъ состояло приготовленіе: войско исповѣдалось передъ послѣднимъ боемъ. — Какія слова здѣсь служатъ для украшенія?— «Пить общую чашу крови» и «очистить душу». — Они взяты изъ лѣтописи. Замѣтимъ, что подлинныя слова лѣтописца иногда очень важны для характеристики предмета; но Карамзинъ привелъ эти изреченія болѣе для красоты слога, также какъ говоритъ «наканунѣ дня роковаго» вмѣсто того, чтобы сказать: «наканунѣ битвы». Что же далѣе?— Далѣе объяснено, въ чемъ еще состояли приготовленія: войско бросало въ ровъ землю и лѣсъ, чтобы проложить путь къ крѣпости, а Іоаннъ въ послѣдній разъ хотѣлъ «испытать — по словамъ Карамзина — силу увѣщанія», то есть, узнать, не устрашатся ли казанцы приготовленій и не сдадутъ ли крѣпость безъ бою, что для русскихъ, конечно, было гораздо выгоднѣе. Все ближе приступая къ дѣлу, Карамзинъ излагаетъ по Царственной книгѣ, откуда каждый воевода долженъ былъ идти на крѣпость. Потомъ, по Царственной же книгѣ, разсказано, что приступу положено было начаться, едва взорвутъ подкопы. Ввечеру Михаилъ Воротынскій прислалъ сказать Іоанну, что 48 бочекъ зелія въ подкопѣ и что казанцы также готовятся насъ встрѣтить. — Какъ же назвать всѣ тѣ подробности, которыя до сихъ поръ были изложены? — Въ нихъ мы видимъ *обстоятельства, предшествовавшія главному событію*, приступу: съ одной стороны исполненъ обрядъ благочестія, съ другой начаты необходимыя работы; послѣ напраснаго предложенія о сдачѣ крѣпости распредѣлено войско и подкопъ наполненъ порохомъ. Факты здѣсь изложены въ порядкѣ времени, какъ они слѣдовали одни за другими и кромѣ того въ ихъ естественной связи. — Какъ разсказано далѣе самое дѣло? — Тутъ Карамзинъ, слѣдуя Царственной книгѣ, очень живо рисуетъ минуту томительнаго ожиданія передъ взрывомъ и самое дѣйствіе подкопа: «Звучали только бубны и трубы, непріятельскія и наши; ни стрѣлы ни летали, ни пушки ни гремѣли. Наблюдали другъ друга, все было въ ожиданіи. Станъ опустѣлъ: въ его безмолвіи слышалось пѣніе іереевъ, которые служили обѣдню. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ евангеліе, и едва произнесъ: «да будетъ едино стадо и единъ пастырь!» грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковъ затряслася...» Мы видимъ, что Карамзинъ искусно воспользовался случаемъ соединить вмѣстѣ то, что происходило подъ Казанью и въ станѣ, гдѣ оставался Іоаннъ, для одной эффектной картины. Живость разсказу особенно придаютъ краткія предложенія, въ которыхъ съ большою наглядностью взята по частямъ каждая подробность дѣла; при этомъ однако соблюдена и точность описанія. Карамзинъ говоритъ далѣе: «Государь вышелъ на паперть: увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа, и проч.». Здѣсь естественный переходъ къ разсказу о томъ, что произошло отъ взрыва. Карамзинъ еще продолжаетъ разсказывать, какъ Іоаннъ слушалъ въ станѣ обѣдню, потому что только послѣ втораго взрыва начался приступъ. Слѣдуетъ изложеніе того, какъ русскіе двинулись къ крѣпости, какъ ихъ встрѣтили казанцы, какъ русскіе одолѣли всѣ препятствія, чтобъ взобраться на стѣны. Карамзинъ искусно

возвращается къ Іоанну, не прерывая начатаго разсказа: «И въ ту минуту, какъ Іоаннъ, отслушавъ всю литургію, причастясь Святыхъ Тайнъ, взявъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена христіанскія уже развѣвались на крѣпости». Карамзинъ здѣсь кстати останавливается, чтобы перейти къ описанію второй половины приступа. Тутъ идетъ разсказъ: о битвѣ, происходившей на улицахъ Казани, о помощи, посланной Іоанномъ по требованію Михайлы Воротынскаго, объ отступленіи Едигера, о томъ, какъ часть нашего войска бросилась на грабежъ и тѣ, которые сражались, были оттѣснены, стали отступать къ ужасу грабителей, немедленно обратившихся въ бѣгство.— Здѣсь и далѣе послѣдовательно изложены факты, большею частію заимствованные у Курбскаго. Карамзинъ, согласно съ Курбскимъ, передаетъ, что Іоаннъ, увидѣвъ смятеніе, измѣнился въ лицѣ; но не совсѣмъ точно говоритъ, что онъ добровольно сталъ съ хоругвью передъ Царскими воротами: Курбскій именно желаетъ представить противное. Далѣе, все съ тою же послѣдовательностью представлены по Курбскому факты, ведущіе къ развязкѣ — какіе именно? — Новая отборная дружина оттѣснила казанцевъ до каменныхъ мечетей; тутъ ихъ духовные бросились въ битву, чтобы погибнуть; послѣ этого взятъ укрѣпленный Царскій дворъ; 10,000 казанцевъ вышли въ заднія ворота и стали спускаться къ рѣкѣ Казанкѣ; съ этой стороны встрѣтилъ ихъ Курбскій; тѣснимые казанцы выдали своего царя, Едигера, и, спустившись къ рѣкѣ, пошли влѣво; они перебрались за рѣку въ поле, гдѣ преслѣдовалъ ихъ Курбскій со своимъ братомъ; истребленіемъ этого остатка враговъ и оканчивается описаніе приступа. — Какъ же изложены факты въ цѣломъ разсказѣ о приступѣ? — Карамзинъ съ полною ясностью опредѣлилъ въ событіи главнѣйшія части: приготовленія къ приступу, взрывъ подкоповъ, взятіе стѣнъ, битва въ городѣ, грабежъ и бѣгство войска, дѣйствіе новой дружины, взятіе Царскаго двора и отступленіе казанцевъ, выдача Едигера, истребленіе ихъ отряда, ушедшаго изъ крѣпости. Такъ всѣ подробности получаютъ свое опредѣленное мѣсто, и событіе развивается послѣдовательно въ естественной связи одной части съ другою. Извѣстія, изложенныя въ лѣтописи и у Курбскаго только въ порядкѣ времени, или отрывочно, здѣсь сообщены вполнѣ и соединены въ цѣлое по ихъ внутренней связи. — Повторимъ же, чѣмъ отличается разсказъ очевидца, современника событію, отъ разсказа историка?

— 1. Писатель мемуаровъ разсказываетъ лишь о тѣхъ фактахъ, которые лично для него имѣли особенное значеніе; историкъ, пользуясь живыми подробностями, имъ сообщаемыми, дополняетъ этотъ разсказъ изъ другихъ источниковъ.

2. Писатель мемуаровъ, въ своемъ сужденіи о событіяхъ, высказываетъ свой личный взглядъ, нерѣдко односторонній или пристрастный; историкъ разсматриваетъ событія всесторонне, имѣя одну цѣль — открыть истину.

3. Въ мемуарахъ могутъ встрѣтиться ложныя сужденія вслѣдствіе суевѣрій, предразсудковъ и вообще грубыхъ понятій того вѣка, въ который жилъ ихъ сочинитель; историкъ уже избѣгаетъ этихъ ошибокъ, судя по болѣе правильнымъ понятіямъ своего времени.

4. Связь въ изложеніи событій, какую находимъ въ мемуарахъ, часто зависитъ отъ личной прихоти ихъ составителя; историкъ избираетъ такую связь, въ которой послѣдовательно, во всей ясности и полнотѣ, раскрывался бы ходъ дѣла.

3. Сличеніе извѣстій о битвѣ при Добрыничахъ по Паэрле, Беру и Маржерету. Преданіе о Садко.

Въ дополненіе къ тѣмъ поясненіямъ, которыя мы сдѣлали о запискахъ современниковъ, приведемъ еще образчикъ подобнаго рода извѣстій. Мы разберемъ различные разсказы о битвѣ при Добрыничахъ, бывшей при Борисѣ Годуновѣ. Для этого необходимо знать слѣдующія обстоятельства. По смерти Іоанна Грознаго вступилъ на престолъ сынъ его Ѳедоръ, государь набожный, но неохотно занимавшійся свѣтскими дѣлами: онъ поручилъ все управленіе своему боярину Борису Годунову. Годуновъ такъ усилился, что, когда умеръ Ѳедоръ, успѣлъ овладѣть престоломъ. Между тѣмъ еще при жизни Ѳедора погибъ малолѣтній Дмитрій царевичь, послѣдній сынъ Грознаго, жившій съ матерью въ Угличѣ. По извѣстію однихъ, онъ закололся ножемъ въ припадкѣ падучей болѣзни; по другимъ виновникомъ его смерти былъ Борисъ. Какъ бы то ни было, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ воцаренія Годунова, разнеслась молва, что Дмитрій живъ и скрывается въ Польшѣ. Вскорѣ и на самомъ дѣлѣ этотъ мнимый Дмитрій вступилъ въ предѣлы Россіи и многіе города нынѣшней Черниговской губерніи ему покорились, признавъ его истиннымъ царевичемъ. Самозванцу помогали поляки и запорожскіе казаки. Борисъ выслалъ противъ него войско. Москвитяне,

вышедшіе противъ самозванца, сражались съ нимъ неохотно, такъ какъ не любили Бориса. Однако въ одной битвѣ при Добрыничахъ (нынѣ село Добрынь, въ Сѣвскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Сѣвѣ), онъ былъ разбитъ на голову, и только послѣ внезапной смерти Годунова, когда все московское войско предалось ему, самозванецъ овладѣлъ Москвою и достигъ престола. Обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ дошло до насъ много разсказовъ иностранцевъ, жившихъ въ то время въ Москвѣ. Объ этомъ разсказываютъ намъ въ своихъ запискахъ: Мартинъ Беръ, пасторъ нѣмцевъ-протестантовъ, которые служили въ Москвѣ частію какъ тѣлохранители, частію какъ царскіе доктора, — Паэрле, купецъ родомъ изъ Аугсбурга, привезшій въ Москву дорогіе товары при самозванцѣ: онъ прибылъ съ поляками и потомъ, когда самозванецъ былъ убитъ возмутившимся народомъ, подъ предводительствомъ Шуйскаго, лишился всего своего состоянія и долго просидѣлъ въ плѣну; — Маржеретъ, родомъ французъ, капитанъ иноземныхъ тѣлохранителей Бориса Годунова и Дмитрія Самозванца. Посмотримъ, что сообщаютъ они о битвѣ при Добрыничахъ. Беръ разсказываетъ слѣдующее. Въ январѣ 1605 года выступило 200,000 москвитянъ противъ Дмитрія, у котораго было всего 15,000 поляковъ, казаковъ и русскихъ. Онъ однако ударилъ на непріятелей: Москвитяне бѣжали и бросили свои пушки; но предводители иноземной дружины, ливонецъ Вальтеръ фонъ-Розенъ и французъ Яковъ Маржеретъ удержали побѣдителей. Воскликнувъ «Hilf Gott» (помоги Боже)!, иноземцы устремились на враговъ, заставили ихъ бросить отнятыя пушки и обратиться въ бѣгство. Все восклицая «Hilf Gott», они преслѣдовали войско Дмитрія. Москвитяне ободрились, въ свою очередь также крикнули «Hilf Gott» и цѣлыя три мили гнали враговъ, вмѣстѣ съ нѣмцами, которымъ весьма забавно было слышать, что русскіе такъ скоро выучились ихъ языку. Самъ Дмитрій чуть не попался въ плѣнъ: раненый въ ногу, конь его едва вынесъ его изъ битвы; все его войско навѣрно погибло бы, если бы зложелатели Бориса не посылали къ нѣмцамъ гонца за гонцомъ съ приказаніемъ прекратить сѣчу. Паэрле разсказываетъ о битвѣ при Добрыничахъ такъ, Дмитрій, еще до битвы, развѣдалъ чрезъ казаковъ, что московское войско усилилось въ 130,000 человѣкъ. Онъ собралъ своихъ дла совѣта и принялъ мнѣніе тѣхъ, которые совѣтовали идти на встрѣчу непріятелей. «Лучше, говорилъ онъ, встрѣтить ихъ въ полѣ и въ битвѣ найти славную смерть или побѣду.» Онъ тотчасъ повелъ свое войско, состоявшее изъ 14,000 человѣкъ на лагерь москвитянъ. На половинѣ пути его передовой отрядъ встрѣтилъ сторожевой полкъ изъ 5,000 московскихъ ратниковъ и завязалъ съ ними жаркое дѣло: до 1000 москвитянъ были побиты, многіе взяты въ плѣнъ, остальные бѣжали въ лагерь съ великимъ крикомъ. Царскій воевода, узнавъ объ этомъ, тотчасъ оставилъ лагерь, вывелъ все войско на открытую равнину и устроилъ его къ битвѣ. Дмитрій также вступилъ на эту равнину и замѣтивъ, что его слабая дружина начала колебаться при видѣ многочисленныхъ враговъ, старался ободрить ее. «Мои вѣрные друзья, любезные сподвижники! говорилъ онъ: будьте смѣлы и мужественны; надѣйтесь на Бога. Вы это уже видѣли: Онъ насъ никогда не оставлялъ, и проч.» Потомъ онъ раздѣлилъ свое войско на три отряда: первый, въ которомъ онъ самъ находился, состоялъ изъ 400 поляковъ и 2,000 преданныхъ ему москвитянъ (они надѣли на латы бѣлыя рубахи для различія отъ своихъ единоземцевъ); въ другомъ было 8,000 конныхъ запорожцевъ, въ третьемъ 4,000 пѣшихъ казаковъ. Послѣдній отрядъ остановился въ значительномъ разстояніи отъ двухъ первыхъ за горою, съ тяжелымъ снарядомъ, чтобъ, въ случаѣ неудачи, остановить непріятеля. Битва началась при трубномъ звукѣ. Дмитрій, съ обнаженнымъ палашомъ въ рукѣ, на каремъ аргамакѣ, поскакалъ прямо въ толпы враговъ, въ надеждѣ увлечь за собою дружину. 400 поляковъ и 2,000 москвитянъ устремились за нимъ съ необыкновенною быстротою. Непріятель, чтобъ заманить ихъ подъ картечь, уклонился назадъ и потомъ, раздвинувъ свои ряды, встрѣтилъ нападающихъ залпомъ изъ 14 пушекъ и 16,000 длинныхъ ружей. Тутъ совершилось чудо: ужасный залпъ сразилъ не болѣе 3 человѣкъ и ранилъ только пятерыхъ. Непріятель, не видя болѣе въ дыму дмитріевыхъ ратниковъ и думая, что всѣ они побиты, прекратилъ пальбу; между тѣмъ Дмитрій, замѣтивъ, что облака дыма, гонимыя вѣтромъ, ослѣпили москвитянъ, устремился впередъ съ частію войска и надѣлалъ имъ столько вреда, что еслибы 8,000 казаковъ немедленно подали помощь, онъ удержалъ бы за собою поле сраженія; но казаки измѣнили и разбѣжались (они были подкуплены Борисомъ, какъ послѣ открылось). Дмитрій не выдержалъ сильнаго напора и искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Враги быстро его преслѣдовали до третьяго отряда, гдѣ находились пѣшіе казаки: эти остановили ихъ выстрѣлами, долго и мужественно сражались и всѣ были изрублены на мѣстѣ. Дмитрій ускакалъ съ прочими воинами

въ Сѣвскъ; и если бы пѣшіе казаки не удержали на время непріятеля, онъ, живой или мертвый, достался бы въ руки побѣдителей. Послушаемъ теперь разсказъ Маржерета, который самъ учавствовалъ въ битвѣ. Онъ сначала говоритъ, что войско Бориса преслѣдовало Дмитрія очень медленно: цѣлый мѣсяцъ блуждало по лѣсамъ и дубравамъ и наконецъ снова приблизилось къ непріятельскому отряду. Дмитрій, узнавъ, что войско Бориса тѣснится въ одной деревнѣ такъ, что не можетъ двигаться, рѣшился ночью напасть на него въ расплохъ и приказалъ тамошнимъ жителямъ, знавшимъ всѣ выходы, зажечь село; но дозоры замѣтили поджигателей, и русскіе изготовились къ битвѣ. На разсвѣтѣ 21-го января 1605 года войска сразились. Послѣ небольшой стычки, когда началась съ обѣихъ сторонъ пушечная пальба, Дмитрій приказалъ своей главной конницѣ спуститься въ лощину и отрѣзать царскую рать отъ деревни. Замѣтивъ это, Мстиславскій (царскій воевода) двинулъ впередъ правое крыло съ двумя отрядами иноземцевъ и предупредилъ непріятеля. Но предводитель дружины польской не оробѣлъ: панъ или пропалъ! думалъ онъ и съ десяткомъ хоругвій бросился на правое крыло русскихъ съ такою яростью, что, послѣ нѣкотораго сопротивленія иноземцевъ, оно разбѣжалось, и между тѣмъ, какъ главная рать царская стояла неподвижно, въ какомъ то безчувственномъ оцѣпененіи, полякъ повернулъ вправо къ селу, гдѣ находилась большая часть русской пѣхоты съ нѣсколькими орудіями. Допустивъ непріятеля очень близко, она дала залпъ изъ 10 или 12,000 ружей и такъ встрѣтила поляковъ, что, объятые ужасомъ, они поворотили коней въ совершенномъ разстройствѣ. Прочіе поляки, пѣшіе и конные, думая, что дѣло выиграно, понеслись во весь духъ къ деревнѣ; увидѣвъ же своихъ въ безпорядкѣ бѣгущихъ, спѣшили удалиться, но уже поздно: ихъ преслѣдовали 5 или 6,000 всадниковъ на пространствѣ 7 или 8 верстъ. Дмитрій потерялъ почти всю свою пѣхоту, 15 знаменъ и штандартовъ, 13 орудій, оставивъ на мѣстѣ 5 или 6,000 убитыми, кромѣ плѣнныхъ. Вотъ три различные разсказа. Что въ нихъ общаго? — Общаго въ нихъ то, что и Беръ, и Паэрле, и Маржеретъ свидѣтельствуютъ о побѣдѣ москвитянъ надъ самозванцемъ, но различно описываютъ битву. — Откуда же произошло это различіе? откуда могли получить свѣдѣнія каждый изъ современниковъ? — Беръ, какъ видно, заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ разсказовъ нѣмецкой дружины, учавствовавшей въ битвѣ: нѣмцы естественно приписывали себѣ всю

честь побѣды. Паэрле могъ слышать о битвѣ отъ приверженцевъ Дмитрія, поляковъ, съ которыми жилъ въ дружбѣ: отъ того онъ сообщаетъ такія подробности, какихъ не могъ знать ни Беръ, ни Маржеретъ. Наконецъ Маржеретъ самъ учавствовалъ въ битвѣ. — Кому же изъ трехъ мы могли бы болѣе вѣрить? — Въ разсказѣ Бера замѣтно нѣкоторое пристрастіе къ нѣмцамъ; у Паэрле мы находимъ особенное сочувствіе къ сторонѣ самозванца; Маржеретъ же описываетъ дѣло, не склоняясь ни на ту, ни на другую сторону и даже не упоминая о себѣ. Кромѣ того Маржеретъ былъ очевидцемъ дѣла, поэтому мы къ нему можемъ имѣть болѣе довѣрія. — Замѣтимъ однако, что пристрастіе къ той или другой сторонѣ еще не доказываетъ лживости разсказа. Разсказщикъ можетъ сообщать истину, но сообщать ее односторонне, выбирая изъ дѣйствительныхъ обстоятельствъ дѣла преимущественно то, что служитъ въ пользу его партіи. Большею частію такъ и бываетъ. Современникъ пишетъ свои записки не для однихъ своихъ друзей, а для всей публики, и рѣдко рѣшается вымышлять небывалые факты, потому что свидѣтели событія могутъ уличить его во лжи. Даже, сообщая явную ложь, онъ большею частію основывается на распространенныхъ слухахъ. Тѣхъ же, которые баснословятъ, легко узнать даже безъ повѣрки извѣстій, по одному слогу и по манерѣ разсказа. Замѣтимъ, что вообще извѣстія Бера и Паэрле довольно правдивы и во множествѣ случаевъ ихъ можно подтвердить другими современными извѣстіями, какъ иностранными, такъ и русскими. Кромѣ того Беръ и Маржеретъ передаютъ преимущественно то, что́ случилось въ московскомъ лагерѣ: намъ важно знать и другую сторону, и разсказъ Паэрле драгоцѣненъ тѣмъ, что мы узнаемъ изъ него, какъ распоряжался самозванецъ. Все-таки безъ повѣрки нельзя принять ни одного изъ сообщаемыхъ ими извѣстій, а для повѣрки необходимо сличеніе многихъ источниковъ, изъ которыхъ мы знакомимся съ современными обстоятельствами. Намъ здѣсь необходимо знать вотъ что. Въ XVI и въ началѣ XVII столѣтія русское войско еще было очень плохо устроено и только начинало учиться военному искуству у иностранцевъ. Постояннаго войска, исключая стрѣльцевъ, не существовало: служилые боярскіе дѣти по вызову собирались изъ помѣстій съ людьми, часто вовсе не умѣвшими владѣть еще новымъ для насъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Иноземцы, служившіе Борису Годунову, хотя, можетъ, и не отличались

особенной храбростью, все-таки были искуснѣе въ военномъ дѣлѣ: примѣромъ служитъ Маржеретъ, который до пріѣзда въ Россію пріобрѣлъ извѣстность отличнаго воина, сражаясь во многихъ странахъ Европы. Отъ того особенно осаду крѣпостей, управленіе артиллеріей московскіе великіе князья обыкновенно поручали иностранцамъ: такъ было и при Іоаннѣ Грозномъ, во время осады Казани, гдѣ русскіе воеводы пользовались совѣтами иноземныхъ инженеровъ. Кромѣ того, какъ мы знаемъ, Борисъ Годуновъ подъ конецъ не пользовался любовію народа; бояре всѣми средствами старались вредить ему, видя въ немъ жестокаго властелина, достигшаго престола не по праву наслѣдства; большинство русскихъ вѣрило, что самозванецъ истинный Дмитрій, сынъ Грознаго, а кто и не вѣрилъ этому—радъ былъ смутамъ и перемѣнамъ: такихъ неспокойныхъ людей много накопилось въ то время. Самъ Маржеретъ свидѣтельствуетъ, что москвитяне неохотно сражались съ самозванцемъ; да не много времени спустя послѣ побѣды при Добрыничахъ все московское войско отдалось ему безъ боя. Что касается необыкновенной храбрости и удачи Дмитрія и его распорядительности въ битвахъ, то объ этомъ свидѣтельствуютъ чуть не всѣ разсказы о самозванцѣ.

Сообразивъ всѣ эти обстоятельства, мы могли бы такъ свести извѣстія о битвѣ при Добрыничахъ: «Московское войско, посланное Борисомъ, долго блуждало по лѣсамъ, какъ будто избѣгая встрѣчи съ самозванцемъ; наконецъ оно приблизилось къ непріятелю и расположилось лагеремъ, въ числѣ 200,000 человѣкъ при деревнѣ Добрынычи, въ тѣсной, гористой мѣстности. Дмитрій развѣдалъ объ этомъ черезъ казаковъ, собралъ своихъ приверженцевъ на совѣтъ, и, не смотря на малочисленность своей дружины, которая заключала не болѣе 15,000 человѣкъ, рѣшился сдѣлать нападеніе. «Лучше попытать счастья и умереть, чѣмъ ждать, не двигаясь съ мѣста»: говорилъ онъ съ обычною отвагою. Онъ однако разсчиталъ, какъ вѣроятнѣе достигнуть успѣха. Болѣе всего ему благопріятствовала тѣснота мѣста, гдѣ расположился московскій лагерь; подговоривъ преданныхъ ему жителей поджечь деревню, онъ надѣялся воспользоваться тревогою въ лагерѣ и напасть въ расплохъ, ночью. Послѣ этихъ распоряженій онъ смѣло выступилъ въ походъ, на полпути встрѣтилъ московскій сторожевой полкъ и безъ труда обратилъ его въ бѣгство. Но случилось не такъ, какъ разсчитывалъ Дмитрій. Дозоры открыли поджигателей, и царскій воевода, Мстиславскій спѣ-

шилъ вывести войско на ровное мѣсто, за лощину, находившуюся близь деревни, и устроилъ его къ битвѣ, оставивъ большую часть пѣхоты съ нѣсколькими орудіями у лагеря. Когда передъ разсвѣтомъ Дмитрій приблизился къ непріятелю, его дружина увидѣла огромныя толпы москвитянъ въ боевомъ порядкѣ, и начала колебаться; но самозванецъ не потерялся. Раздѣливъ войско на три части, онъ поставилъ 4,000 пѣшихъ казаковъ съ пушками въ сторонѣ, за горою, чтобы, въ случаѣ неудачи, они могли удержать непріятеля; 8,000 конныхъ запорожцевъ должны были помогать ему въ битвѣ, а самъ онъ рѣшился начать дѣло съ 400 поляками и 2,000 преданныхъ ему московитянъ, которые въ отличіе отъ своихъ единоземцевъ сверхъ латъ надѣли бѣлые рубахи. Онъ старался ободрить войско, напоминая, что счастіе всегда было на его сторонѣ, что ему свыше суждено побѣдить Бориса. Битва началась на самомъ разсвѣтѣ (21-го января 1605 года). О всемъ ея ходѣ мы не имѣемъ совершенно опредѣленныхъ свѣдѣній. Мы знаемъ только, что Дмитрій задумалъ отрѣзать главное московское войско отъ деревни и для того велѣлъ спуститься своей конницѣ въ лощину; но Мстиславскій замѣтилъ это намѣреніе, двинулъ впередъ правое крыло съ двумя отрядами иноземцевъ и прежде Дмитрія занялъ лощину. Самозванецъ тутъ выказалъ особое мужество: съ обнаженнымъ палашомъ въ рукѣ, на каремъ аргамакѣ, онъ поскакалъ прямо въ толпы враговъ. Предводитель польской дружины бросился за нимъ и первый ударилъ на правое крыло съ такою стремительностью, что оно пришло въ смятеніе и разсѣялось: одни иноземцы держались нѣсколько времени, но и они принуждены отступить. Надо полагать, что не всѣ 2,400 человѣкъ, бывшихъ съ Дмитріемъ, участвовали въ этомъ первомъ нападеніи, что часть отряда осталась позади и Дмитрій вернулся, чтобъ и ее вывести въ битву. Между тѣмъ предводитель польской дружины, увлекшись удалью, вдругъ устремился вправо, на русскую пѣхоту, стоявшую близь деревни. Близко подпустивъ его, она дала залпъ изъ 12,000 ружей: хоть выстрѣлы и не причинили большаго вреда непріятелю, поляки смѣшались и обратили тылъ. Дмитрій не замѣтилъ этого: видя, что Московитяне, ослѣпленные дымомъ, который понесло на нихъ вѣтромъ, вдругъ прекратили пальбу, онъ тотчасъ съ остальными воинами бросился на встрѣчу бѣжавшимъ полякамъ, чтобы подать помощь. Но тутъ нѣмцы, бывшие на правомъ флангѣ, крикнули: «Hilf Gott» и ударили въ непріятеля: вѣроятно, ихъ предводители,

Вальтеръ-фонъ-Розенъ и Маржеретъ спѣшили загладить прежнюю неудачу. Главное московское войско, стоявшее до того времени неподвижно, точно въ оцѣпенѣніи, также очнулось: часть конницы (вмѣстѣ съ иноземною дружиною до 6,000) пустилась преслѣдовать Дмитрія, который, замѣтивъ ошибку, уже торопился отступить, но принужденъ спасаться бѣгствомъ. 8,000 запорожцевъ, надо полагать, бѣжали, вовсе не учавствовавъ въ битвѣ: можетъ быть, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые современники, они были подкуплены Борисомъ. Нѣмцы продолжали кричать «Hilf Gott» и русскіе, вторя по своему ихъ крику, на пространствѣ 7 верстъ гнали непріятеля. Конь Дмитрія былъ раненъ и съ трудомъ вынесъ его изъ битвы. Онъ попался бы въ плѣнъ, если бы пѣшіе казаки, поставленные за горою, на время не удержали преслѣдующихъ: всѣ они были изрублены на мѣстѣ *).

Мы разсматривали, какъ историческій матеріалъ: лѣтопись и записки современниковъ. Важнымъ источникомъ для исторіи служатъ еще народныя, поэтическія сказанія. Они часто бываютъ записаны въ лѣтопись, какъ, напримѣръ, преданіе о мщеніи Ольги; но здѣсь мы разумѣемъ ихъ въ той первоначальной, поэтической формѣ, какую они имѣютъ въ устахъ народа, переходя «по старой памяти, какъ по грамотѣ», изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ нихъ, какъ увидимъ, очень живо сохраняется народный взглядъ на старинную жизнь, изъ котораго мы узнаемъ характеръ старины иногда полнѣе, чѣмъ изъ лѣтописныхъ записокъ. Чтобы познакомиться съ подобными народными сказаніями, возьмемъ въ образецъ преданіе о богатомъ новгородскомъ купцѣ Садко, объясненное Костомаровымъ въ книгѣ Сѣвернорусскія Народоправства (Томъ II, глава VIII, 9). Это преданіе рисуетъ намъ старинную торговлю Новгорода, и, чтобы легче понять его, нужно знать нѣкоторыя историческія обстоятельства. Новгородъ лежалъ на важномъ торговомъ пути изъ Балтійскаго моря, отъ сѣверныхъ народовъ, въ древнюю Грецію и на востокъ (по Невѣ, Ладожскому озеру, Волхову, Ильменю, Ловати, потомъ черезъ Западную Двину къ Днѣпру и Днѣпромъ въ Черное

*) Для сравненія можно взять еще разсказъ Костомарова, который пользовался и другими источниками. (Вѣстникъ Европы, 1866, томъ I, стр. 105 — 108).

море, или по Волгѣ, на востокъ, въ Каспійское). По своему положенію, этотъ городъ былъ въ самой близкой связи съ народами, обитавшими на берегахъ Балтійскаго моря: въ самыя древнія времена жители нынѣшней Швеціи, Скандинавы, получали черезъ него восточныя ткани, ковры, золото и драгоцѣнные камни. Такъ развилась новгородская морская торговля. Когда прибалтійскіе нѣмецкіе города усилились и образовали между собою союзъ, извѣстный подъ названіемъ Ганзы, Новгородъ вступилъ и съ ними въ тѣсныя сношенія и сталъ обогащаться (особенно въ XIV, XV вѣкѣ) чрезъ торговлю съ нѣмцами. Нѣмцы привозили въ Новгородъ разнаго рода сукна, полотна, вино, пиво и металлы; русскіе отправляли за границу мѣха, шкуры, кожи, ленъ, воскъ, и проч. Не менѣе важны были сношенія Новгорода съ приволжскими странами. Когда на востокѣ Россіи возвысилось сначала Суздальское, а потомъ Московское княжество, Новгородцы вели обширную торговлю съ этими княжествами, получая отъ нихъ хлѣбъ, рыбу. Терпя часто отъ неурожая, по причинѣ безплодія почвы, новгородцы очень нуждались въ хлѣбѣ. Кромѣ этого намъ еще надо замѣтить, что въ Новгородѣ всѣмъ управляла община, народное вѣче чрезъ своихъ посадниковъ и тысяцкихъ. Народъ сходился на площадь и рѣшалъ всѣ дѣла, а князья служили болѣе исполнителями этой власти. Въ собраніи народа каждый свободно держался своего мнѣнія, и отдѣльныя лица въ Новгородѣ имѣли такую силу, что нерѣдко собирали дружину и спорили съ самимъ вѣчемъ: въ крайнихъ случаяхъ народъ подымался цѣлымъ городомъ и смирялъ чрезмѣрное буйство такихъ удальцевъ; но съ другой стороны было въ обычаѣ, что разныя дружины, братчины (собранія лицъ изъ одной улицы или одного прихода, учреждавшихъ общій пиръ), товарищества въ своихъ дѣлахъ распоряжались, какъ хотѣли, пользуясь самосудомъ. Теперь перейдемъ къ главному дѣлу. Посмотримъ, какъ передаетъ Костомаровъ начало сказанія. — Садко, бѣдный гусляръ, тѣшилъ музыкой и пѣсней богатыхъ людей, и тѣмъ кормился. Вотъ перестаютъ его звать на пиры. Съ горя идетъ онъ на Ильмень-озеро и садится играть на своихъ гуселькахъ. Вдругъ вода заколебалась — испугался Садко и вернулся въ городъ. Такъ до трехъ разъ ходилъ онъ; на третій разъ вышелъ изъ озера молодецъ: по одному сказанію, Морской царь, — по другому, богъ озера Ильменя. Понравилась ему игра Садко: онъ хочетъ наградить его и велитъ побиться объ закладъ съ новгородскими купцами, что въ озерѣ есть рыба съ золотыми

перьями. Какъ позвали Садко на пиръ, онъ, подгулявъ, и сталъ говорить: «Я знаю чудо-чудное—золотоперую рыбу въ озерѣ Ильменѣ». Купцы, бывшіе на пиру, спорятъ. Садко ставилъ на закладъ свою буйную голову, а отъ купцевъ требуетъ три лавки краснаго товара. Закинули до трехъ разъ неводъ—и каждый разъ выходила золотая рыбка. Садко выигралъ закладъ, сталъ торговать, и изъ бѣднаго гусляра сдѣлался богатымъ гостемъ новгородскимъ.—Что-жъ? пустая это сказка, или есть въ ней какой нибудь смыслъ?—Есть. Она напоминаетъ намъ старинное состояніе Новгорода, въ которомъ люди обогащались преимущественно черезъ торговлю.—А почему же именно озеро-Ильмень даетъ богатство?—Можетъ быть, это указываетъ на рыбный промыселъ, которымъ занимались бѣдные люди, прежде чѣмъ пуститься въ болѣе выгодныя предпріятія.—Рыбный промыселъ, конечно, былъ очень важенъ въ древней Руси, уже по причинѣ строгаго исполненія постовъ, а озеро-Ильмень находилось подъ рукою; но для Новгорода это озеро еще имѣло значеніе, какъ торговый путь. На что же еще нужно обратить вниманіе въ сказкѣ?—На то, что Садко занимался игрою на гусляхъ и что озеро-Ильмень представлено божествомъ.—Какъ объясняетъ это Костомаровъ?—Гусляры въ старину были не одни старцы и слѣпцы, а здоровые, молодые люди, которые совершенно посвящали себя своему искусству, такъ какъ оно пользовалось большимъ почетомъ. Народъ вѣрилъ, что они своею пѣснію способны вызывать тайныя силы, скрытыя въ природѣ. Что касается Ильменя, то оно, по языческимъ понятіямъ, является добрымъ божествомъ, и люди всегда готовы думать, что необыкновенная удаль, счастье, богатство даются необычайнымъ способомъ, чрезъ тайныя силы: тутъ или какое нибудь доброе божество помогаетъ человѣку, или онъ запродаетъ свою душу нечистому духу.—Замѣтимъ, что озеро Ильмень было въ самомъ дѣлѣ добрымъ для Новгорода. Люди совершенно справедливо думаютъ, что, умѣя употребить въ свою пользу воду, огонь, вѣтеръ и все, что есть въ землѣ и на землѣ, мы можемъ хорошо устроить свою жизнь, добыть себѣ богатство и довольство; слѣдовательно, все зависитъ отъ того искусства, съ какимъ мы пользуемся силами природы. Но необразованный народъ, не умѣя объяснять эти силы, считалъ ихъ тайными, и поклонялся имъ, какъ божеству, отъ котораго происходитъ или зло, или добро. Молнія жжетъ и разрушаетъ и въ тоже время очищаетъ воздухъ; вода производитъ наводненія, въ бурю топитъ суда, и также поитъ, кормитъ и носитъ

человѣка: молнія и вода были божествами. Какую же изъ стихій, изъ силъ природы болѣе всего чтили новгородцы?—Воду, потому что водяные пути, при которыхъ они жили, служили къ ихъ обогащенію.—Но развѣ новгородцы, во время своего могущества, были язычниками?—Нѣтъ, со временъ Владиміра они исповѣдывали христіанскую вѣру; но старыя понятія еще на долго остались въ необразованномъ народѣ.—Это доказываетъ древность сказки, которую мы привели: въ ней озеро Ильмень представлено добрымъ божествомъ, а по христіанскому взгляду такія божества уже являются ложными: ихъ стали называть злыми духами, потому что обожаніе природы противно духу христіанства. И такъ природа находилась подъ властію того, кто мудрѣе, сильнѣе, удалѣе: тотъ пользовался ея тайными силами. Къ такимъ людямъ встарину относили и пѣвцовъ, гусляровъ. Даръ пѣсенъ казался чѣмъ-то необыкновеннымъ, чудеснымъ: его имѣли немногіе люди, способные къ тому отъ природы; слѣдовательно, и пѣвецъ, гусляръ какъ будто находился въ союзѣ съ тайными силами. Что званіе гусляра было почетнымъ, видно и изъ другихъ сказаній: бояре Добрыня, Ставръ, богатый гость Соловей и другіе богатыри народныхъ былинъ отличались игрою на гусляхъ. Что же мы узнаемъ изъ разсмотрѣнной нами былины о Садко?—Мы узнаемъ старинное преданіе объ Ильменѣ озерѣ, какъ божествѣ, благопріятномъ для новгородцевъ, узнаемъ, какъ промышленные люди обогащались въ Новгородѣ черезъ торговлю и въ какомъ почетѣ было званіе гусляра, которому, но понятію народа, помогали сверхъестественныя силы.—Пойдемъ далѣе. Въ чемъ состоитъ второе сказаніе о Садко?—Садко уже богатый купецъ и гуляетъ по Волгѣ лѣтъ 12; здѣсь ему также покровительствуетъ добрая богиня, матушка-Волга. Наконецъ захотѣлось ему въ Новгородъ. Прощается онъ съ Волгою, и въ знакъ благодарности отрѣзываетъ кусокъ хлѣба, посыпаетъ его солью и бросаетъ въ волны:

«А спасибо тебѣ матушка Волга рѣка!
А гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ;
Никакой я притки, скорби не видывалъ надъ собой,
И въ добромъ здоровьѣ отъ тебя отошелъ.

Волга ласково приняла даръ и велитъ передать отъ себя поклонъ своему брату, славному озеру Ильменю. Когда Садко вернулся въ Новгородъ и исполнилъ порученіе Волги, Ильмень сулитъ ему новыя богатства. По совѣту божества, онъ со своими

работниками закидываетъ три невода: первый вытащили съ мелкою рыбою, второй — съ красною рыбою, третій — съ бѣлою. Сложилъ Садко свою рыбку въ погребѣ на гостиномъ дворѣ; входитъ черезъ три дня въ погребъ — глядь: гдѣ была мелкая рыба, тамъ дробныя деньги, гдѣ красная — тамъ червонцы, гдѣ бѣлая — тамъ серебрянныя монеты. Теперь Садко уже сталъ первымъ богачомъ. Онъ еще разъ идетъ къ Ильменю за совѣтомъ, какъ ему жить, да ладить съ людьми новгородскими, и духъ озера ему совѣтуетъ:

«Поводись ты со людьми со таможенными,
А и только про нихъ ты обѣдъ доспѣй,
Позови молодцовъ посадскихъ людей,
И станутъ те знать да вѣдати.»

Но Садко сводитъ знакомство не только съ *людьми посадскими*: онъ идетъ въ братчину-никольщину и бьетъ челомъ новгородскимъ мужикамъ, чтобъ они приняли его въ братчину. Потомъ, задавъ пиръ новгородцамъ, на которомъ были и начальные люди Новгорода (посадникъ и тысяцкій), онъ, по старому русскому обычаю, начинаетъ хвастать своимъ богатствомъ, и бьется объ закладъ въ 30,000 денегъ, что скупитъ всѣ товары въ Новгородѣ. Онъ разсылаетъ по лавкамъ свою дружину, и, по одному преданію, въ самомъ дѣлѣ въ три дня скупаетъ всѣ товары, и хорошіе, и худые. На четвертый день онъ заходитъ въ темный рядъ, гдѣ стоятъ «черепаны, гнилые горшки», покупаетъ ихъ и говоритъ съ насмѣшкою:

«Пригодится ребятамъ черепками играть
Поминать Садку, гостя богатаго,
Что не я, Садко, богатъ — богатъ Новгородъ
Всякими товарами заморскими,
И тѣми черепанами, гнилыми горшками.

Но, по другому преданію, выходитъ такъ, что сколько Садко ни скупалъ всякій день товаровъ, ихъ привозили вдвое болѣе. Какъ подоспѣли товары московскіе, онъ и призадумался:

«Не выкупить товара со всего бѣла свѣта
Още повыкуплю товары московскіе,
Подоспѣютъ товары заморскіе,
Не я, видно, купецъ богатый новгородскій:
Побогаче меня славный Новгородъ!»

И, проигравъ закладъ, онъ заплатилъ 30,000 денегъ.

— На что же въ этомъ сказаніи нужно обратить особенное вниманіе? — 1) На новое божество рѣки Волги и его связь съ божествомъ Ильменя; 2) на то, какъ Садко еще болѣе разбогатѣлъ, закидывая невода въ Ильмень; 3) на то, какъ онъ хочетъ жить въ ладу съ новгородцами; 4) на закладъ, который, по одному сказанію, онъ проигралъ, по другому, выигралъ. — Сравните же второе сказаніе съ первымъ и объясните его, какъ слѣдуетъ. — Въ первомъ сказаніи Садку благодѣтельствовало божество Ильменя; во второмъ кромѣ того выведена матушка Волга, какъ богиня. Изъ этого видно, что каждый предметъ природы, чѣмъ нибудь близкій и дорогой человѣку, олицетворялся въ видѣ благодѣтельнаго существа. Садко жертвуетъ Волгѣ за оказанное добро хлѣбъ-соль; хлѣбъ-соль означаетъ любовь, радушіе. Волга, какъ сестра Ильменя, за это поручаетъ Садко передать поклонъ своему брату, слѣдовательно считаетъ его достойнымъ своей довѣренности; Ильмень уже не можетъ не отдарить Садко, какъ добраго посла отъ сестры, а боги на дары не скупятся. — Отчего же Волга сестра Ильменя? Развѣ между ними было какое нибудь сообщеніе. — Волга для новгородцевъ была важна не менѣе Ильменя: съ береговъ ея они получали хлѣбъ, рыбу; по ней шли азіатскіе товары, отправляемые за границу. — Да, мы знаемъ и изъ исторіи, что многіе новгородскіе удальцы пускались на Волгу, чтобы обогащаться. Они ѣздили съ дружиной на лодкахъ, называемыхъ ушкуями, частію торговать, а подчасъ и грабили русскихъ и азіатцевъ. Будемъ же сравнивать далѣе. — Въ первомъ сказаніи, Садко, еще бѣдный гусляръ, болѣе играетъ на гусляхъ, чѣмъ ловитъ рыбу. Здѣсь чрезъ ловлю рыбы онъ добываетъ себѣ ужъ не три лавки краснаго товару, а новыя, несмѣтныя богатства. Отсюда мы можемъ заключить, что люди богатые, занимаясь ловлею рыбы въ широкомъ размѣрѣ, получали въ Новгородѣ огромныя выгоды. Тутъ только подтверждается съ новою силою то, что мы прежде сказали о значеніи рыбнаго промысла для новгородцевъ. — Что же особеннаго, различнаго отъ перваго сказанія вы находите во второмъ? — По первому сказанію, мы только узнаемъ, какъ Садко богатѣетъ; теперь же, разбогатѣвъ, онъ думаетъ и о томъ, какъ ужиться съ новгородцами. Богатство представляетъ ему много опасностей: новгородцы не любили, чтобы между ними кто нибудь слишкомъ выдавался своею силою. Отчего богатые люди собирали себѣ дружину, старались щедростью привлечь къ себѣ бѣдный классъ народа. Садко угождаетъ и людямъ

знатнымъ, посадскимъ, устраивая для нихъ пиръ и въ тоже время записывается въ братчину Никольщину, чтобы побратиться съ простыми людьми, и тѣмъ показываетъ на дѣлѣ, что онъ не зазнался въ своемъ богатствѣ. — Въ Новгородѣ дѣйствительно были два главныхъ класса народа: бояре, вышедшіе изъ богатыхъ купцевъ или изъ людей, прежде занимавшихъ должности посадниковъ и тысяцкихъ, которые часто смѣнялись народомъ, — и простой народъ, составлявшій большинство жителей. Когда число богатыхъ людей усилилось, то они, привлекая къ себѣ часть народа, нерѣдко вступали во вражду съ остальнымъ Новымъ - городомъ, и угодить обѣимъ враждующимъ сторонамъ было очень трудно. Въ Новгородѣ то брали перевѣсъ отдѣльныя личности, производя смуты въ народѣ, то народъ, одержавъ надъ ними верхъ, заставлялъ ихъ покоряться своей власти. Не видно ли это и изъ нашего сказанія?— Это видно изъ того, какъ Садко бился объ закладъ. По одному преданію, онъ своимъ богатствомъ одолѣлъ весь Новгородъ, скупивъ даже гнилые горшки; по другому, онъ долженъ былъ сознаться, что богаче его Великій Новгородъ, и покорился земской силѣ, заплативъ 30,000. — Мы ужъ не будемъ долго останавливаться на третьемъ сказаніи. Передайте въ кратцѣ его сущность. — Садко ѣдетъ съ товарами за море, счастливо торгуетъ и везетъ домой бочки золота. Но морской царь на него разгнѣвался за то, что онъ долго не плачивалъ ему дани. Садко долженъ спуститься въ море, чтобъ забавлять морскаго царя игрою на гусляхъ. Тутъ однако явился добрый геній, который выручилъ его изъ бѣды, и Садко счастливо вернулся съ своими богатствами въ Новгородъ. — Что же изображаетъ намъ это сказаніе? — Заморскую торговлю новгородцевъ; но грозное, невѣдомое море уже не столь благопріятно плавателямъ, какъ родныя рѣки и озера: тутъ разомъ можно очень много выиграть и разомъ все потерять. — Отчего въ этомъ послѣднемъ преданіи гораздо болѣе сказочнаго, фантастическаго, чѣмъ въ двухъ предъидущихъ? — Отъ того, что въ немъ говорится о далекихъ невѣдомыхъ странахъ, о морской, немногимъ знакомой, стихіи. Однако Садко остается по прежнему гусляромъ и, ожидая смерти, пишетъ духовную, гдѣ одну часть имѣнія отказываетъ церквамъ, другую — нищей братіи, третью — молодой женѣ, четвертую — своей дружинѣ. Это опять указываетъ на старинный, русскій бытъ. — Мы разсмотрѣли всѣ сказанія о Садко, и теперь можемъ сдѣлать общіе выводы. Представляютъ ли народныя сказанія матеріалъ для исторіи? — Да, представляютъ; но въ нихъ дѣйствительное соединено со сказочнымъ, и историку необходимо разъяснить то и другое. — Мы видѣли, что въ сказаніяхъ, нами разобранныхъ, говорится о какомъ то Садко: когда же существовалъ этотъ Садко?— Мы не знаемъ, когда онъ существовалъ и существовалъ-ли на самомъ дѣлѣ: въ его лицѣ вообще изображенъ характеръ новгородскаго купца. — Вы видите, что сама дѣйствительность здѣсь принимаетъ форму вымысла. Въ Садко собраны общія черты: то, что случалось со многими и въ разное время, что чаще всего случалось въ новгородской жизни. И такъ, намъ важенъ не Садко, какъ отдѣльное извѣстное лицо (о купцѣ съ такимъ именемъ мы ничего не знаемъ изъ исторіи), а черты жизни, какія представляетъ намъ разсказъ о Садко. Какія именно эти черты? — Положеніе Новгорода на водныхъ путяхъ; выгоды, которыя доставляло ему озеро Ильмень; его сношенія съ приволжскими странами; заморская торговля Новгорода; богатства, какія онъ пріобрѣталъ через торговлю; значеніе въ немъ отдѣльной личности, народная власть и происходившая въ немъ борьба сословій, и проч. — Все это важные историческіе факты; но они представлены не съ исторической точностью; напримѣръ, не сказано прямо, что новгородцы, собираясь дружинами, ѣздили промышлять на Волгу и получали отъ этого такія-то и такія-то выгоды. Здѣсь все принимаетъ сказочную форму: народъ изображаетъ не только то, что онъ дѣлалъ, но и чему вѣрилъ, что чувствовалъ. Эти вѣрованія въ тайныя силы природы также знакомятъ насъ съ понятіями народа и важны для исторіи; но мы видимъ, что всетаки народныя сказанія не даютъ намъ прямыхъ, опредѣленныхъ извѣстій. Что необходимо для ихъ поясненія? — Необходимо пояснить ихъ точными свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ. — Служа дополненіемъ точному историческому разсказу, они важны тѣмъ, что въ цѣлой, живой картинѣ представляютъ намъ жизнь народную. Самая сказочная форма, истолкованная, какъ слѣдуетъ, живо переноситъ насъ въ древній бытъ, въ кругъ старинныхъ понятій. Съ другой стороны, народныя сказанія бросаютъ новый свѣтъ на все, что съ большею или меньшею точностью записано въ лѣтописяхъ и у современниковъ. Они указываютъ намъ, на что нужно обратить особенное вниманіе при изслѣдованіи жизни народной: то, о чемъ запомнилъ народъ въ продолженіи вѣковъ, ужъ видно имѣло для него важное значеніе. И такъ, еще не составляя историческаго разсказа, они въ безъискуственной

формѣ уже заключаютъ самое необходимое для исторіи: живое наглядное представленіе старины и указаніе внутренняго смысла народной жизни. Въ исторіи, конечно, не столько важны самыя происшествія, сколько ихъ вліяніе на народный бытъ, сколько объясненіе того, какъ въ этихъ происшествіяхъ выразился характеръ вѣка.

ОБЩІЯ СВОЙСТВА РАЗСУЖДЕНІЯ.

Мы уже объясняли, что выводы входятъ во всякое сочиненіе, выражаемъ ли мы ихъ отдѣльно, или нѣтъ: и Гоголь въ своей повѣсти «Старосвѣтскіе помѣщики» представлялъ только выводы изъ многихъ наблюденій, и у Карамзина въ разсказѣ о взятіи Казани находимъ стройное соединеніе извѣстій, какъ выводъ изъ источниковъ. Но, разсматривая разсужденіе, какъ особый родъ прозаическаго сочиненія, мы останавливаемся исключительно на выводахъ. О чемъ можно было бы разсуждать, основываясь на томъ, что заключается въ повѣсти Гоголя или въ разсказѣ Карамзина?—Тутъ можно бы задать вопросы: какими свойствами отличались старосвѣтскіе помѣщики и откуда произошли въ нихъ эти свойства? что за причина суевѣрія въ такихъ людяхъ, какъ Пульхерія Ивановна? чѣмъ замѣчательна вообще осада Казани? по совѣтамъ бояръ или совершенно самостоятельно тутъ дѣйствовалъ Іоаннъ Грозный? и проч: — Подобные вопросы мы задавали при всѣхъ нашихъ разборахъ. Мы разсматривали: какъ объяснить суевѣріе мальчиковъ, представленное въ повѣсти «Бѣжинъ лугъ?» въ чемъ состоитъ призваніе человѣка по смыслу стихотворенія «Пророкъ»? согласно ли съ исторіей изображенъ характеръ Пугачева въ повѣсти «Капитанская дочка»? и проч. Всѣ наши разборы были разсужденіями. Теперь намъ легко рѣшить, довольно ли знать только разбираемый фактъ, чтобы сдѣлать выводъ: довольно ли, напримѣръ, познакомиться со всѣми подробностями такого дѣла, какъ взятіе Казани, чтобы указать его значеніе? — Нѣтъ, для этаго нужно знать и то, какъ прежде русскіе боролись съ татарами и что терпѣли отъ татаръ казанскихъ, какія выгоды предстояли имъ отъ утвержденія своей власти въ восточномъ краѣ, откуда взялось искусство, съ какимъ ведена осада, и проч: — Тутъ однако еще нужно замѣтить

разныя степени: объ отчаянномъ сопротивленіи татаръ, объ искусныхъ распоряженіяхъ русскихъ воеводъ, о храбрости Курбскаго мы можемъ дѣлать заключенія и изъ хода самой осады, но, разъясняя ея общее значеніе, мы должны обратиться и къ другимъ фактамъ русской исторіи, имѣющимъ связь съ разбираемымъ нами событіемъ. Тоже самое мы можемъ сказать и о такихъ историческихъ фактахъ, какъ мщеніе Ольги древлянамъ, походы Святослава на Болгарію, битва при Добрыничахъ. Разъяснить ихъ настоящее значеніе можно только изъ общаго духа времени, а этотъ духъ высказывается во всѣхъ дѣлахъ и характерахъ извѣстнаго періода: вопросъ о дѣятельности Іоанна во время казанскаго похода ведетъ къ разсмотрѣнію всей его борьбы съ боярами. Такъ какъ поэтическія сказанія передаютъ намъ лишь общій смыслъ событій, то и въ сказаніи о Садко приходится искать лишь общихъ понятій о новгородской торговлѣ. И такъ, чѣмъ болѣе вы собираете фактовъ, тѣмъ полнѣе и шире ваши выводы. Когда отдѣльные факты на столько будутъ разъяснены, что становится понятной ихъ связь съ другими, то мы соединяемъ ихъ въ цѣлое, ставимъ рядами по общимъ признакамъ, группируемъ самые ряды въ общую систему явленій, — что уже называется научнымъ изложеніемъ, наукою. Изслѣдовавъ всѣ отдѣльные факты изъ царствованія Іоанна Грознаго, мы можемъ представить, кромѣ казанской осады, и другія войны, веденныя въ его правленіе: послѣдовательность и связь при этомъ изображеніи будетъ возможна тогда, когда мы объяснимъ всѣ причины столкновеній съ другими народами, виды Грознаго, отношеніе русскихъ къ сосѣдямъ, политику сосѣднихъ государствъ въ отношеніи къ Россіи, и проч: Но въ связи съ войнами придется изложить и всѣ мирныя сношенія съ иноземными народами: тутъ являются вопросы о границахъ, о торговлѣ, о разныхъ союзахъ противъ другихъ государствъ, и проч. Торговля, какъ внѣшняя, такъ и внутренняя, сама по себѣ, составитъ отдѣльный рядъ фактовъ, объясняющихъ промышленность, богатство Россіи въ царствованіе Грознаго. Войны же не столько важны сами по себѣ, сколько по отношенію къ тому, какое онѣ могли имѣть вліяніе на народъ, какія полезныя или вредныя послѣдствія отъ нихъ проистекали. Жизнь внутренняя поэтому займетъ болѣе значительное мѣсто въ разсказѣ: тутъ намъ важно знать состояніе простаго народа, подати, имъ платимыя, различныя повинности, которыя на немъ лежали, его общественное устройство, управленіе и обычаи;

также обычаи бояръ, ихъ отношенія къ Іоанну, борьба съ ними Грознаго и его казни, и вмѣстѣ, какое вліяніе имѣлъ личный его характеръ на все управленіе и т. д. Все это должно представить цѣльную картину вѣка, въ которой самыя разнородныя части взаимно пополняютъ и поясняютъ другъ друга, хотя и не смѣшиваются между собою. Войны, напримѣръ, объясняются обычаями и положеніемъ народа, характеромъ дѣйствующихъ лицъ, и наоборотъ служатъ къ поясненію многаго въ образѣ жизни, въ обычаяхъ, въ положеніи народа. Такъ создается уже цѣлая наука, исторія, которая занимается какъ отдѣльною эпохою, такъ и цѣлою жизнью народа. Разсужденіе такимъ образомъ обработываетъ матеріалъ, входящій въ науку. Дѣлая сначала только наблюденія, мы открываемъ связь въ явленіяхъ, и чѣмъ шире становится эта связь, вслѣдствіе большаго числа наблюденій или собранныхъ фактовъ, тѣмъ болѣе общими вопросами мы занимаемся въ разсужденіи, и тѣмъ возможнѣе для насъ устроить систему, или хоть часть системы. Всякое разсужденіе по предмету исторіи (о причинахъ богатства древняго Новгорода, о недостаткѣ образованія въ древней Россіи, о политикѣ Бориса Годунова) называется историческимъ; разборъ же историческихъ извѣстій и обсужденіе какихъ нибудь неясныхъ вопросовъ въ исторіи называется *исторической критикой*. Разборъ того, вѣрно ли Курбскій изображаетъ всѣ дѣла бояръ, справедливы ли извѣстія Бера, Паэрле, Маржерета о битвѣ при Добрыничахъ, что согласно съ исторіей въ сказаніи о Садко, какой смыслъ имѣетъ преданіе о мщеніи Ольги, — все это будетъ исторической критикой. Но что такое означаетъ само слово: «критика»? «Критика» — греческое слово, означаетъ разборъ, обсужденіе; подъ критикой разумѣютъ обсужденіе произведеній человѣческаго слова или произведеній искуства. Мы не говоримъ: критиковать свойства почвы, пользу лѣсовъ, силу пара, а надо сказать: разсуждать о свойствѣ почвы, о пользѣ лѣсовъ, о силѣ пара. Напротивъ, мы критикуемъ картину, написанное стихотвореніе, какое нибудь издѣліе, ручную работу. Поэтому, и разборъ извѣстій, записанныхъ современниками событія, называется исторической критикой. Для всякой критики, какъ и для всякаго разсужденія, необходимо: 1) основательное знакомство съ разбираемымъ фактомъ, 2) общія знанія по тѣмъ предметамъ, къ разряду которыхъ принадлежитъ разбираемый фактъ. Критикуя картину, мы должны не только изучить ее, но и имѣть ясное понятіе о требованіяхъ живописи; при разборѣ поэтическаго произведенія, намъ слѣдуетъ основывать свои

сужденія на общихъ свойствахъ поэзіи. Точно также и въ исторической критикѣ знаніе наибольшаго числа фактовъ, относящихся къ извѣстію, о которомъ мы судимъ, служитъ основаніемъ для вѣрнаго вывода. Тутъ являются вопросы: что за лицо былъ человѣкъ, сообщившій извѣстіе? откуда онъ могъ получить его? былъ ли онъ очевидцемъ, или слышалъ отъ другаго? согласно ли извѣстіе этаго лица съ извѣстіями другихъ о томъ же фактѣ и съ прочими подробностями дѣла? и т. д.

Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ, какъ соединяются научныя свѣдѣнія. Въ путевыхъ запискахъ мы находимъ отдѣльные разсказы о природѣ страны, объ образованіи и правахъ жителей, переданные подъ личнымъ впечатлѣніемъ путешественника. Избравъ какой нибудь народъ, какую нибудь одну мѣстность, мы можемъ соединить въ болѣе цѣльное описаніе всѣ о ней извѣстія. Такъ Небольсинъ представилъ описаніе жизни, нравовъ и обычаевъ уральскихъ казаковъ и очерки быта калмыковъ; у нѣмецкаго писателя Гартвига находимъ подробное естественно-историческое и географическое описаніе сѣвернаго края. Имѣя достаточный запасъ наблюденій, мы можемъ разрѣшать болѣе общіе вопросы: какъ отъ положенія мѣстности, отъ произведеній земли, отъ климата зависитъ жизнь народа въ томъ или другомъ краѣ? что благопріятствуетъ, или препятствуетъ умноженію народонаселенія, развитію хлѣбопашества, скотоводства, фабрикъ, промысловъ, торговли въ извѣстномъ мѣстѣ? отчего зависитъ климатъ извѣстной страны, ея произведенія, ея наружная форма, и проч:? Послѣ многихъ разсужденій о подобныхъ предметахъ, есть возможность уже разъясненные факты свести въ систему. Въ географіи Россіи мы, напримѣръ, различаемъ губерніи по бассейнамъ: балтійскій бассейнъ, черноморскій бассейнъ, каспійскій бассейнъ; каждый изъ бассейновъ опять подраздѣляемъ на части, и въ каждой части разсматриваемъ: предѣлы, общій видъ мѣстности, гористое или низменное положеніе, водяныя сообщенія, климатъ, произведенія природы, составъ народонаселенія, хлѣбопашество, скотоводство, фабрики, и проч. Тоже самое и въ другихъ наукахъ. Мы знаемъ граматику, но граматика образовалась только послѣ многихъ наблюденій надъ составомъ рѣчи. Тутъ приходилось разбирать, по какимъ общимъ законамъ слагаются звуки въ данномъ языкѣ, въ какихъ именно случаяхъ тѣ или другія гласныя и согласныя измѣняются, какой смыслъ имѣетъ всякое окончаніе въ словѣ и когда именно оно

употребляется. Въ связной системѣ мы уже дѣлимъ предметъ на опредѣленныя части: о звукахъ вообще, объ образованіи словъ, о свойствахъ словъ по всѣмъ ихъ разрядамъ, о сочетаніи словъ въ простомъ и сложномъ предложеніи. Но само собою разумѣется, что чѣмъ болѣе было напередъ сдѣлано отдѣльныхъ разсужденій по каждой части, чѣмъ лучше въ нихъ изслѣдованъ языкъ, тѣмъ правильнѣе и полнѣе будетъ составленная система.

И такъ разсужденіе есть такого рода сочиненіе, въ которомъ мы разбираемъ какой нибудь предметъ, чтобъ узнать его свойства: предметомъ разбора можетъ быть и чужая мысль, чужой трудъ. Разбирая предметъ, мы вникаемъ въ его части и признаки: такое разсмотрѣніе частей и признаковъ называютъ *анализомъ*. Но рядомъ съ анализомъ совершается и *синтезъ*, сведеніе частей въ цѣлое (*анализъ* и *синтезъ* греческія слова, по русски значатъ: разложеніе и сложеніе), потому что, отыскивая свойства предмета, мы имѣемъ цѣлію открыть *какой нибудь законъ*, сдѣлать *общій выводъ*. Мы замѣчаемъ, что тамъ, гдѣ много степей, жители занимаются преимущественно скотоводствомъ и ведутъ кочевую жизнь, что въ горахъ и лѣсахъ есть отличные охотники, что приморскіе жители кормятся рыбною ловлею, строятъ суда. Далѣе мы уже съ намѣреніемъ анализируемъ бытъ народа въ различной мѣстности, чтобы узнать, какъ этотъ бытъ зависитъ отъ природы, мы имѣемъ въ виду общій законъ: «природа такъ или иначе направляетъ жизнь человѣка» и хотимъ изслѣдовать предѣлы и условія этаго закона. Мы собственно и не стали бы дѣлать дальнѣйшаго анализа, а ограничились бы отрывочными наблюденіями, если бы у насъ не явилось какой нибудь общей мысли. Такимъ образомъ синтезъ всегда соединяется съ анализомъ: въ синтезѣ мы постепенно сводимъ въ цѣлое части раздробленнаго въ нашемъ представленіи предмета, но уже такъ, что онъ становится вполнѣ объясненнымъ. Первоначально мы приходимъ къ выводу путемъ того умозаключенія, которое называется *наведеніемъ, индукціей*. Наведеніе состоитъ въ выводѣ отъ частнаго къ общему, слѣдовательно необходимо для отысканія всякаго общаго закона. Тутъ, замѣчая *въ множествѣ однородныхъ предметовъ какое нибудь свойство*, мы заключаемъ, что *это свойство существенно принадлежитъ всѣмъ предметамъ этаго рода*: находя, что и въ Европѣ, и въ Азіи, и въ другихъ частяхъ свѣта, на зеленыхъ степяхъ господствуетъ пастушеская жизнь, мы дѣлаемъ общее положеніе, что степи содѣйствуютъ развитію пастушеской жизни;

общая мысль, что воздухъ необходимъ для дыханія, вытекаетъ изъ наблюденія надъ людьми, которые всегда болѣютъ и умираютъ при недостаткѣ чистаго воздуха или при невозможности вдыхать его. Однако не слѣдуетъ думать, что для наведенія достаточно *только наибольшаго числа фактовъ*, чтобы сдѣлать правильный выводъ. Суевѣрный человѣкъ всякій разъ можетъ насчитать тысячи несчастій, которыя случились послѣ затмѣнія солнца, послѣ того, какъ заяцъ перебѣжалъ дорогу, или привидѣлся дурной сонъ и будетъ доказывать, что затмѣніе солнца, зайцы и сны были предвѣстниками несчастій. Долгое время думали, что всѣ лебеди бѣлые, что солнце обращается вокругъ земли, пока не открыли и черныхъ лебедей, не доказали обращенія земли вокругъ солнца. Если въ разсужденіи, для доказательства своей мысли, мы будемъ приводить большое количество фактовъ, не вникая хорошенько въ ихъ внутреннюю связь съ доказываемой мыслью, то можемъ доказывать, что угодно, хоть бы величайшую нелѣпость. Въ приведенныхъ примѣрахъ надо спросить: естьли какая нибудь внутренняя необходимость, чтобы затмѣніе солнца предсказывало несчастіе; связывается ли существенно видѣнный мною сонъ съ тѣмъ, напримѣръ, что я свихнулъ ногу; есть ли цвѣтъ вообще такой существенный признакъ въ птицѣ, чтобы имъ обозначалась порода; все ли такъ дѣйствительно и происходитъ въ природѣ, какъ представляется нашимъ взорамъ? Словомъ, намъ нужно разсматривать, какъ вводимый нами общій признакъ соединяется съ другими существенными признаками предмета. Люди смертны не потому только, что каждый до сихъ поръ умиралъ, а ужъ по самому устройству нашего организма, подверженнаго всѣмъ внѣшнимъ вліяніямъ и постоянному обмѣну матеріи, это свойство становится необходимымъ. Узнать, что признакъ существенно принадлежитъ предмету, прежде всего можно бы изъ того, что, съ отнятіемъ этаго признака, предметъ совершенно измѣняется или уничтожается. Когда мы видимъ, какъ задыхается человѣкъ, лишенный воздуха, то ужъ несомнѣнно заключаемъ, что безъ воздуха онъ жить не можетъ; не поливайте вовсе цвѣтка — и онъ засохнетъ: вода, значитъ, необходима для его питанія. Но чтобы такое обратное доказательство было вѣрнымъ, слѣдуетъ совершенно уединить предметъ съ его искомымъ признакомъ, устранивъ всякое постороннее вліяніе: необходимо вполнѣ убѣдиться, что только отъ недостатка воды цвѣтокъ вянетъ, а и свѣта, и тепла, и жизненной въ немъ силы было при этомъ доста-

точно. Тогда мы уже смѣло можемъ приступить къ прямымъ доказательствамъ, вытекающимъ изъ сущности предмета, будучи увѣрены, что факты оправдаютъ наши заключенія. Въ противуположность наведенію или индукціи существуетъ другой способъ заключенія, называемый *дедукціей*, или *подведеніемъ*. Когда по наведенію мы розыскали какой нибудь общій законъ, то можемъ примѣнить его и ко всѣмъ частнымъ случаямъ, которыхъ до того времени не изслѣдовали; мы переносимъ общее свойство на предметъ, въ существенныхъ признакахъ сходный съ предметами, имѣющими это общее свойство: зная, что дерево получаетъ соки изъ земли, мы полагаемъ, что и кленъ, и береза, и ель получаютъ соки изъ земли, такъ какъ и кленъ, и береза, и ель—деревья. Въ этомъ и состоитъ дедукція. Ея форму называютъ также *силлогизмомъ* и выражаютъ такимъ образомъ:

1. А есть В, — Всѣ рыбы живутъ въ водѣ,
2. С есть А, — Щука есть рыба,
3. слѣд. С есть В — слѣд. щука живетъ въ водѣ.

Первое сужденіе (А есть В) общее и называется *большою посылкою*; второе сужденіе (С есть А) частное и называется *меньшою посылкою*; третье сужденіе (С есть В) составляетъ *заключеніе*. Мы образуемъ изъ двухъ третье сужденіе, соединяя понятіе С съ понятіемъ В чрезъ посредство понятія А, которое въ обоихъ сужденіяхъ является общимъ. Это общее, соединяющее понятіе А называютъ среднимъ терминомъ, и на немъ опирается все доказательство. Нашъ силлогизмъ можно значительно сократить, былъ бы только выраженъ средній терминъ; мы можемъ сказать: щука, *какъ рыба*, живетъ въ водѣ. Тутъ ясно видно, какъ отъ понятія «щука» мы переходимъ къ понятію о «пребываніи въ водѣ» чрезъ понятіе «рыба». Сущность силлогизма, который мы привели, всегда одна и таже; но онъ можетъ имѣть разнообразную, иногда очень сложную форму; при переходѣ отъ понятія С къ понятію В можетъ заключаться много второстепенныхъ силлогизмовъ, на которые разлагается посредствующее понятіе А, напримѣръ, хоть такимъ образомъ:

С есть Е, Солнце освѣщаетъ и грѣетъ землю;
Е есть F, освѣщая и грѣя, оно способствуетъ разложенію частицъ ея;
F есть G, частицы, разлагаясь, смѣшиваются съ водою;
G есть H, смѣшавшись съ водою, онѣ могутъ служить къ образованію соковъ въ растеніяхъ;

H есть I, съ помощью образовавшихся изъ земли соковъ растеніе образуетъ новыя клѣточки;
I есть В. образуя новыя клѣточки, оно цвѣтетъ, даетъ почки, листья.
Слѣд. С есть В. Слѣдовательно солнце способствуетъ прозябанію растеній.

Здѣсь намъ требовалось доказать, что солнце способствуетъ прозябанію растеній; но чтобы придти къ этому заключенію, мы должны были употребить длинную цѣпь силлогизмовъ. Если мы пропустимъ какое нибудь звено въ этой цѣпи, то выводъ будетъ неясенъ. Понятно и безъ объясненій, что силлогизмъ можетъ быть по формѣ совершенно правиленъ и вести къ ложному заключенію; тутъ все зависитъ отъ вѣрности и доказательности сужденій, на которыхъ мы строимъ свой выводъ. Но какъ доказать, что эти сужденія совершенно вѣрны? Слѣдуетъ вновь прибѣгнуть къ изслѣдованію по индуктивному методу. Мы говоримъ: «всѣ птицы летаютъ; страусъ есть птица, слѣдовательно и страусъ летаетъ». Здѣсь невѣрность вывода, происходитъ не отъ формы, а отъ того, что общее сужденіе (большая посылка) принято нами безъ разбора. Нужно было напередъ просмотрѣть всѣ разряды птицъ и провѣрить, дѣйствительно ли всѣ летаютъ: тогда мы увидѣли бы, что страусъ не летающая, а бѣгающая птица. Наведеніе и подведеніе одинаково учавствуютъ въ заключеніяхъ по аналогіи, по сходству между двумя предметами. Такъ врачь узнаетъ недугъ больнаго, естествоиспытатель по немногимъ костямъ угадываетъ все строеніе скелета, по тягости въ воздухѣ всѣ заключаютъ о приближающейся грозѣ, и проч. Узнавая по найденнымъ зубамъ лошадь, мы, собствено говоря, подводимъ частное сужденіе подъ общее: мы уже знаемъ всѣ признаки лошади, и найденные зубы доказываютъ намъ, что и въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ лошадью. Но въ тоже время мы судимъ отъ частнаго къ общему: мы говоримъ «это лошадь», замѣтивъ лишь нѣсколько признаковъ. По формѣ силлогизма наше заключеніе было бы такимъ:

Всѣ лошади имѣютъ такія то зубы;
у этаго животнаго были именно такія зубы,
слѣдовательно, это лошадь.

Но по одной дедукціи такое заключеніе въ иномъ случаѣ было бы очень неправильно; мы не можемъ, напримѣръ, сказать:

Всѣ камни тверды,
желѣзо твердо,
слѣдовательно желѣзо камень.

Дѣло въ томъ, что зубы животнаго составляютъ существенный признакъ, который прямо указываетъ на устройство его желудка, на способъ питанія, на все устройство организма; слѣдовательно, подводя частное подъ общее, мы пользуемся здѣсь правиломъ наведенія, по которому существенно сходное въ частяхъ сходно и въ цѣломъ.

Въ разсужденіи мы примѣняемъ и тотъ, и другой методъ изслѣдованія: въ немъ мы можемъ имѣть цѣлію оправдать и разъяснить какую нибудь общую истину, или разобрать частный случай, подводя его подъ общее правило. Положимъ, мы хотимъ доказать, что суевѣріе происходитъ отъ невѣжества. Мы представляемъ дѣло такъ, какъ будто бы эта истина была вовсе неизвѣстна и намъ приходится открыть ее. Мы разсматриваемъ частные случаи, въ которыхъ выражается невѣжество людей, и по нимъ рисуемъ характеръ необразованнаго человѣка: необразованный судитъ обо всемъ по наглядкѣ, не вникая въ истинный смыслъ явленій; онъ и наблюдать способенъ только то, что рѣзче всего бросается въ глаза или что случайно выдается въ предметѣ наружу; онъ постоянно смѣшиваетъ личныя впечатлѣнія со свойствами самаго предмета, тогда какъ личныя впечатлѣнія измѣнчивы и непостоянны; по недостатку знаній, онъ безъ разбора вѣритъ всему, что говорятъ другіе; воображеніе работаетъ въ немъ на счетъ мысли, и проч. Послѣ того мы разсмотримъ точно также сущность суевѣрія, и тогда уже легко заключить, сходятся ли признаки одного понятія съ признаками другаго, дѣйствительно ли суевѣріе всегда предполагаетъ и невѣжество. Прибѣгая къ обратному доказательству, мы изслѣдуемъ свойства человѣка образованнаго, и, увидѣвъ, что образованіе исключаетъ суевѣріе, мы справедливо рѣшимъ, что источникомъ суевѣрія служитъ невѣжество. Намъ остается еще подтвердить найденную истину разнообразными частными примѣрами: тогда будетъ вполнѣ ясно, что истина, вѣрная въ одномъ, въ другомъ, въ третьемъ, въ десятомъ случаѣ, вѣрна и во всѣхъ остальныхъ. Или разсуждая вообще о суевѣріи, мы можемъ соединить въ одно цѣлое всѣ выводы, относящіеся къ этому предмету. Тогда, опредѣливъ съ точностью его общіе признаки, мы сдѣлаемъ историческій обзоръ суевѣрій, господствовавшихъ въ разное время, и потомъ, группируя

факты, раздѣлимъ предметъ на виды: суевѣріе подъ вліяніемъ природы: восточное, сѣверное; суевѣріе по характеру народа и подъ вліяніемъ господствующихъ понятій: греческое, римское, средневѣковое, и проч. Историческія свидѣтельства играютъ важную роль тамъ, гдѣ вопросъ касается жизни человѣка; въ изслѣдованіи природы мы пользуемся большею частію лишь собственными наблюденіями и наблюденіями современныхъ намъ ученыхъ. Существенно не отличается по формѣ и разсужденіе, гдѣ мы примѣняемъ общую истину къ частному случаю. Мы хотимъ, напримѣръ, доказать, что Петербургъ, по своему положенію, самый важный изъ торговыхъ портовъ Россіи. Здѣсь также намъ прежде всего придется вникнуть во всѣ условія, при которыхъ городъ можно назвать важнымъ торговымъ портомъ: для этаго образцомъ намъ послужатъ лучшіе торговые порты во всѣхъ частяхъ свѣта. Послѣ того мы разсматриваемъ всѣ достоинства и недостатки Петербурга, какъ торговаго города, и тогда, по сравненію его съ другими городами, возможно будетъ заключить, на сколько онъ удовлетворяетъ всѣмъ означеннымъ выше условіямъ. Для ясности доказательства мы и здѣсь беремъ противное: предполагаемъ, напримѣръ, что было бы, если бы Нева не была судоходной рѣкой, сравниваемъ торговое положеніе Россіи до завоеванія Петербурга съ послѣдующимъ временемъ, и проч: Въ разсужденіяхъ, имѣющихъ предметомъ критику, часто встрѣчается опроверженіе противныхъ мнѣній. Опровергая противныя мнѣнія, мы ищемъ въ нихъ нарушенія того, что ставимъ правиломъ для всякаго хорошаго сочиненія: недостатка доказательствъ, основанныхъ на точномъ, многостороннемъ знаніи, непослѣдовательности выводовъ, противорѣчія въ мысляхъ; запутанности и темноты въ изложеніи и слогѣ, и проч: Самый обыкновенный пріемъ при опроверженіи противника состоитъ въ томъ, что мы указываемъ всѣ выводы, проистекающіе изъ его мнѣнія, и по явной нелѣпости, какая заключается въ выводахъ, даемъ возможность судить и о самомъ мнѣніи.

ПОЭЗІЯ.

РАЗЛИЧІЕ ЭПОСА, ЛИРИКИ И ДРАМЫ.

(Разборъ стихотворенія Пушкина «Бѣсы»).

Мы сначала укажемъ въ самыхъ общихъ чертахъ различіе между тѣмъ, что называютъ въ поэзіи эпическимъ, лирическимъ и драматическимъ. Изберемъ для этого хоть стихотвореніе Пушкина «Бѣсы» и хорошенько вникнемъ въ его содержаніе. Пушкинъ тутъ изображаетъ зимнюю мятель, застигшую его дорогой:

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій:
Мутно небо, ночь мутна.

Слова «мчатся, вьются» съ повтореніемъ «тучи» означаютъ быстроту тучь, которыя несутся клубами; луна просвѣчиваетъ сквозь нихъ (хоть ея и не видно) на падающій снѣгъ, и въ ея тускломъ свѣтѣ все помутилось. Однообразная ѣзда (ѣду, ѣду и проч.), однообразный звонъ колокольчика наводятъ тоску; беретъ страхъ, какъ бы не сбиться съ дороги. Ямщикъ съ трудомъ ѣдетъ, жалуется на вьюгу... вотъ, онъ заблудился, чуть не въѣхалъ въ оврагъ, кружитъ въ полѣ, высматривая придорожный верстовой столбъ, захрясъ было съ кибиткой, да, слава Богу, выбрался; кони, ставши на мигъ, опять поскакали впередъ безъ помѣхи. По простонародному взгляду ямщика, всѣ эти обычныя дѣйствія мятели произошли не просто, естественнымъ порядкомъ, а по тайному вліянію

бѣсовъ; бѣсы олицетворяютъ для него дѣйствующія силы природы, и, испытывая ихъ на себѣ (вьюга мнѣ слипаетъ очи, всѣ дороги занесло, и проч.). онъ полонъ суевѣрнаго страху. Поэтъ, пользуясь этимъ вѣрованіемъ простаго человѣка, и самъ представляетъ вьюгу, какъ дѣйствіе бѣсовъ: въ немъ тутъ высказалась только *потребность облечь въ живой образъ* впечатлѣніе, произведенное на него бурею, и жалобный вой бѣсовъ (т. е. бури) возбуждаетъ въ немъ не суевѣрный страхъ, а сердечную тоску:

«Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ»

Изъ какихъ подробностей мы видимъ, что бѣсъ съ его продѣлками означаетъ именно бурю? Это лучше всего можно указать въ словахъ ямщика (въ третьей строфѣ): бѣсъ на него дуетъ, плюетъ (вѣтеръ, падающій снѣгъ), толкаетъ въ оврагъ испуганнаго коня (значитъ, ямщикъ съѣхалъ съ дороги), торчитъ небывалой верстой (глаза ямщика заслѣплены снѣгомъ; ему мерещится верстовой столбъ, котораго онъ ищетъ), сверкаетъ малой искрой (дѣйствіе того же снѣга, или блестящіе глаза волка, выглянувшаго изъ лѣсу). Кромѣ этихъ обмановъ чувствъ, и далѣе говорится, что бѣсы кружатся, какъ листья въ ноябрѣ, жалобно воютъ, и проч. Такъ, по требованію поэтическаго творчества, олицетворяющій образъ слитъ съ идеею, взятою изъ дѣйствительности, то есть, съ представленіемъ снѣжной мятели и ея дѣйствія на душу. Собственно къ описанію бѣсовъ относятся немногіе стихи:

«Вижу, духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ...
Сколько ихъ! куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронятъ?
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?»

Но и здѣсь близкое отношеніе къ предмету: не ясные образы, возбуждаемые въ душѣ зимнею вьюгою, напоминаютъ собою всю нескладицу чертовщины, созданной народною фантазіей.

Обратимъ теперь вниманіе на двѣ стороны, какія представляетъ

17*

намъ изображенiе Пушкина: съ одной стороны, мы узнаемъ здѣсь дѣйствительный предметъ, произведшiй извѣстное впечатлѣнiе на душу, съ другой—самое это впечатлѣнiе. Поэтъ изображаетъ во первыхъ, что происходило *внѣ его*, противупоставляя своему сознанiю и чувству видимые предметы (взглядъ объективный), во вторыхъ,—что совершалось *въ немъ самомъ*, заставляя насъ наблюдать эти предметы подъ обаянiемъ чувства, какое они произвели на него (взглядъ субъективный). Въ первомъ случаѣ мы знакомимся съ предметомъ независимо отъ личнаго чувства автора: сюда относится изображенiе мятели со всѣми ея дѣйствiями, съ хлопьями снѣга въ мутномъ лунномъ свѣтѣ, съ блужданьемъ въ полѣ, съ обманами чувствъ, и проч.; сюда же можно отнести изображенiе ямщика съ его суевѣрнымъ чувствомъ. Хотя чувство составляетъ не внѣшнюю, а внутреннюю сторону въ описанiи, но для автора чувство ямщика представляется такимъ же внѣшнимъ предметомъ, какъ и все прочее: онъ тутъ изображаетъ народное вѣрованiе въ бѣсовъ точно такъ, какъ это вѣрованiе дѣйствительно существуетъ въ народѣ. Эту внѣшнюю сторону жизни мы передаемъ въ описанiи, въ разсказѣ, а разсказъ по гречески называется «эпосъ», отъ того и изображенiе того, что внѣ насъ, называютъ въ поэзiи «эпическимъ» (разсказочнымъ). Но у Пушкина есть и другая сторона: всѣ описанные предметы производили на него впечатлѣнiе, всѣ прошли сквозь его личное чувство. Слѣдъ этаго чувства и остался на описанiи. Въ самыхъ повторенiяхъ: «мчатся тучи, вьются тучи, мутно небо, ночь мутна; ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ; страшно, страшно средь невѣдомыхъ равнинъ» видимъ не просто изображенiе предмета, а и лице, въ которомъ порывы бури возбуждали рядъ живыхъ представленiй и невольную сердечную тревогу. Передавъ слова ямщика, Пушкинъ опять повторяетъ: «Мчатся тучи, вьются тучи.» Слѣдующая строфа начинается подобнымъ же описанiемъ: «Вьюга злится, вьюга плачетъ»; послѣ описанiя бѣсовской сумятицы, въ заключительной строфѣ, опять встрѣчаемъ слова: «Мчатся тучи, вьются тучи.» Эти повторенiя означаютъ, что впечатлѣнiе, производимое бурею на душу, каждый разъ возобновлялось съ новою силою, и наконецъ поэтъ прямо даетъ понять, какъ надрывается его сердце отъ завыванiя бури. Личное его участiе въ явленiи выражается и такими оборотами рѣчи, каковы: «*Вотъ* ужъ онъ далече скачетъ; *вижу*, духи собралися; сколько ихъ! куда ихъ гонятъ? и проч.» Поэтъ указываетъ на предметъ, говоритъ объ немъ

отъ своего лица, удивляется, спрашиваетъ, и т. д. Такое изображенiе предмета, въ которомъ высказывается личное чувство автора, иначе говоря,—изображенiе того, что происходитъ въ душѣ нашей, называется «лирическимъ.» Внутренняя сторона жизни, наше чувство легче всего можетъ быть передано гармонiею звуковъ, утонченной игрою словъ, музыкальнымъ напѣвомъ. Рѣчь, хорошо выражающая радость или тоску, какъ-то сама собою поется. Припомнимъ еще другiе стихи Пушкина:

«Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя....
Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна, —
Чтоже ты, моя старушка,
Прiумолкла у окна?» и проч.

Отъ того у грековъ всякое стихотворенiе, проникнутое чувствомъ, назначалось для пѣнiя, и пѣнiе это сопровождали игрою на *лирѣ*, извѣстномъ струнномъ инструментѣ. Вотъ откуда произошло названiе поэзiи *лирической*, или пѣсенной. И такъ въ эпосѣ поэтъ обращается къ внѣшнему мiру, отстраняетъ свое личное чувство и изображаетъ природу или дѣйствiя и чувства другихъ лицъ, какъ они были имъ наблюдаемы; въ лирикѣ же онъ вводитъ насъ во внутреннiй мiръ своихъ чувствъ и изображаетъ всѣ предметы по тѣмъ впечатлѣнiямъ, какiя они произвели на него: личныя впечатлѣнiя тутъ занимаютъ первое мѣсто.

Въ стихотворенiи Пушкина, какъ мы видѣли, представлена зимняя вьюга, представлены и путники, застигнутые ею въ полѣ. Буря, вьюга — одно изъ явленiй природы, въ которомъ дѣйствуютъ многiя ея силы: холодъ, вѣтеръ, пары обращенные въ снѣгъ, и проч. Эти силы угрожаютъ человѣку гибелью, вызываютъ его на борьбу: путникъ, заслѣпленный снѣгомъ, теряетъ слѣдъ, сбивается съ пути и съ трудомъ долженъ его отыскивать. Кромѣ такой внѣшней борьбы происходитъ и борьба внутренняя: грозныя явленiя природы въ одномъ возбуждаютъ суевѣрный страхъ, въ другомъ тяжелое, гнетущее чувство тоски. Пушкинъ борется и съ бурею, и съ своимъ чувствомъ, — съ тѣми обманами чувствъ, которые также, подобно снѣгу, заслѣпляютъ его умственное зрѣнiе: и тамъ, и тутъ онъ ищетъ средствъ выбиться на лучшую дорогу. Представляя главныя

мгновенія этой борьбы. Пушкинъ нашелъ необходимымъ вывести на сцену ямщика, съ которымъ онъ разговариваетъ. Въ сердечномъ безпокойствѣ онъ кричитъ ему: «Эй, пошелъ, ямщикъ!» — «Нѣтъ мочи: конямъ, баринъ, тяжело...» отвѣчаетъ тотъ, и въ его отвѣтѣ высказывается таже тревога, которую онъ по своему объясняетъ дѣйствіемъ бѣсовской силы. Буря продолжается, кони стали...

«Что тамъ въ полѣ?»
— «Кто ихъ знаетъ пень иль волкъ?»

Въ этомъ разговорѣ представлено новое мгновеніе борьбы, которой поэтъ однако не развиваетъ далѣе, такъ какъ онъ занятъ преимущественно своимъ чувствомъ. Созерцая борьбу стихій, онъ уже самъ себя спрашиваетъ:

«Сколько ихъ! куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ? «и проч.»

Мы видимъ, что въ стихотвореніи Пушкина, среди разсказа, есть своего рода маленькая сцена, гдѣ дѣйствующими лицами съ одной стороны являются путешественники, съ другой бѣсы, то есть, силы природы, олицетворенныя въ видѣ бѣсовъ: это олицетвореніе потому и было необходимо, что буря здѣсь является дѣйствующею силою. То, что мы называемъ сценою, представленіемъ, есть изображеніе борьбы между лицами, какъ внѣшней, такъ и внутренней: оно естественно требуетъ разговорной формы. Такъ въ баснѣ Крылова «Двѣ собаки» представлены въ столкновеніи между собою два характера: характеръ вѣрнаго Барбоса, который, усердно охраняя господскій домъ, голодаетъ, мокнетъ подъ дождемъ и терпитъ побои, — и кудрявой болонки, Жужу, которая, умѣя только забавлять хозяевъ, лежитъ на мягкой пуховой подушкѣ, ѣстъ и пьетъ на серебрѣ, и проч. Встрѣча такихъ противоположныхъ лицъ вызвала разговоръ, въ которомъ, вмѣсто всякаго описанія и разсказа, они прямо себя изображаютъ:

«Да чѣмъ же ты, Жужу, въ случай попалъ,
Безсиленъ бывши такъ и малъ,
Межъ тѣмъ, какъ я изъ кожи рвусь напрасно?
Чѣмъ служишь ты?» — «Чѣмъ служишь! вотъ прекрасно!»
Съ насмѣшкой отвѣчалъ Жужу:
«На заднихъ лапкахъ я хожу.»

Разговорная сцена, какъ мы замѣтили, изображаетъ борьбу или дѣйствіе, а дѣйствіе по гречески значило «драма»; отъ того и изображеніе борьбы называютъ «драматическимъ.» Изъ стихотворенія Пушкина «Бѣсы» мы видѣли, что эпическое, лирическое и драматическое въ одно и тоже время входитъ въ составъ поэтическаго произведенія, и это естественно: въ каждомъ живомъ поэтическомъ образѣ мы находимъ двѣ стороны, внѣшнюю и внутреннюю, предметъ съ его дѣйствіями и чувствами, или впечатлѣніями, производимыми на чувство; чувство принадлежитъ, если не самому автору, то изображаемому лицу. Но то и другое, дѣйствія или поступки съ ихъ внѣшней обстановкой и мысли или душевныя тревоги всего полнѣе и нагляднѣе выражаются въ борьбѣ; безъ борьбы нѣтъ и жизни. Такъ элементы эпическій и лирическій сливаются въ драмѣ; но смотря по тому, что въ поэзіи выступаетъ на первое мѣсто: изображеніе внѣшней жизни, или сердечныхъ волненій, или тѣхъ мгновеній, когда выразилась борьба въ дѣлахъ и въ чувствахъ, поэтическое произведеніе становится эпическимъ, лирическимъ или драматическимъ. Стихотвореніе Пушкина «Бѣсы» можно отнести къ лирическимъ потому, что въ немъ на первый планъ выступаетъ личное чувство поэта.

ЭПИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

1. Общія свойства эпоса.

(Мѣдный всадникъ Пушкина, Жалова Цереры и Ивиковы журавли, баллады Шиллера, въ пер. Жуковскаго).

Разберемъ сначала разсказъ Пушкина «Мѣдный всадникъ», и посмотримъ, что въ немъ эпическаго. Пушкинъ сначала представляетъ здѣсь думы Петра Великаго при построеніи Петербурга и картину цвѣтущаго города, какимъ онъ является сто лѣтъ спустя, на мѣстѣ прежнихъ льдовъ и болотъ. Пушкинъ любуется внѣшней красотою Петербурга, его громадными зданіями, широкою Невою, одѣтой въ гранитъ, мостами, красивыми островами; онъ восхваляетъ еще, рядомъ съ Невой, рѣшетку Лѣтняго сада (твоихъ оградъ узоръ чугунный), весеннія петербургскія ночи, зимнія катанья и пирушки, воинскія потѣхи (разводы), дымъ и громъ пушекъ по случаю раз-

ныхъ торжествъ. Однѣ финскія волны нарушаютъ порой это наружное великолѣпіе, и послѣ вступленія, которое мы сейчасъ изложили, Пушкинъ, въ первой главѣ разсказа, повѣтствуетъ о наводненіи 1824 года, вплетая въ свое повѣтствованіе случай изъ жизни одного бѣднаго чиновника, Евгенія. Глава первая начинается описаніемъ бурной ноябрской ночи: Евгеній не спитъ, раздумывая о своей бѣдной жизни, о непогодѣ и о своей невѣстѣ Парашѣ, жившей въ гавани. Наступаетъ утро. Поэтъ описываетъ, какъ невскія волны все болѣе подымались, клубились и наконецъ затопили городъ, какъ государь послалъ своихъ генераловъ спасать тонущій народъ. Разсказъ возвращается къ Евгенію: онъ сидитъ верхомъ на одномъ изъ мраморныхъ львовъ, у крыльца бывшаго Лабанова дома, и съ глубокой тревогой смотритъ въ даль, къ взморью, гдѣ грозно бушевали волны; его мысль занята судьбою Параши. Онъ неподвижно сидитъ и видитъ кругомъ только воду, да передъ нимъ, среди волнъ, возвышается памятникъ Петра Великаго. Во второй главѣ сначала продолжается разсказъ о Евгеніи. Вода сбыла, и онъ, переѣхавъ рѣку, бѣжитъ въ гавань, ищетъ тамъ знакомаго домика, ходитъ кругомъ, ищетъ напрасно и, потрясенный мыслію, что все погибло, мѣшается въ умѣ. Поэтъ потомъ кратко разсказываетъ, какъ послѣ наводненія въ Петербургѣ все пришло въ прежній порядокъ, и описываетъ умопомѣшательство Евгенія, подробнѣе останавливаясь на одномъ случаѣ, имѣющемъ отношеніе къ самому названію повѣсти: «Мѣдный Всадникъ». На другой годъ, въ подобную же бурную осеннюю ночь, помѣшанный Евгеній спалъ у Невской пристани. Вдругъ, проснувшись, онъ сталъ что-то припоминать, подошелъ къ дому, у котораго сидѣлъ въ минувшее наводненіе, узналъ и львовъ, и памятникъ Петра: онъ обратился съ злобнымъ укоромъ къ «Мѣдному Всаднику», какъ будто къ виновнику его несчастія; но вдругъ пустился бѣжать. Ему показалось, что всадникъ грозно взглянулъ на него, и, куда онъ ни бѣжалъ, всадникъ всюду за нимъ гнался на своемъ мѣдномъ конѣ. Въ заключеніе Пушкинъ разсказываетъ, чѣмъ кончились страданія Евгенія: его нашли мертвымъ, на пустынномъ островку взморья, подлѣ ветхаго домика, занесеннаго туда наводненіемъ.

Вотъ содержаніе разсказа. Мы уже знаемъ, что эпическое состоитъ въ изображеніи жизни безъ отношенія къ личному чувству поэта: если здѣсь и входитъ «лиризмъ», то есть, выраженіе чувства, то лиризмъ, вытекающій изъ характера выведенныхъ лицъ и

изъ ихъ положенія, а не изъ личнаго настроенія автора. Посмотримъ же, какъ изображена дѣйствительная жизнь въ повѣсти Пушкина. Здѣсь прежде всего намъ является сторона историческая: мысли Петра Великаго при построеніи Петербурга и значеніе этого города. Мысли Петра представлены хоть и очень кратко, но довольно вѣрно: основывая Петербургъ, Петръ имѣлъ цѣлію устроить крѣпкій оплотъ противъ шведовъ для защиты вновь завоеваннаго края, а главное: завладѣть для Россіи моремъ, сблизить ее съ Европой, завести военный флотъ и торговыя сношенія съ иноземцами. Все это выражено и у Пушкина словами: «Въ Европу прорубить окно, ногою твердой стать при морѣ, и проч.». Самый стихъ «и запируемъ на просторѣ» хорошо рисуетъ удалой характеръ Петра. Пушкинъ и въ нѣкоторыхъ другихъ своихъ произведеніяхъ касается личности этого государя: онъ особенно прославляетъ его въ поэмѣ «Полтава», гдѣ однимъ изъ лучшихъ мѣстъ можно назвать описаніе Полтавской битвы. Въ этомъ описаніи Пушкинъ искусно представляетъ движеніе войскъ, дѣйствіе артиллеріи, пѣхоты и конницы и приводитъ нѣкоторыя подробности о томъ, какъ русскіе поразили шведовъ:

«Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ,
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины,
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.
Тогда то свыше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ». Изъ шатра
Толпой любимцевъ овруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ;
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь какъ Божія гроза».

Но это чисто внѣшнее описаніе, изъ котораго совсѣмъ не видно, какое значеніе въ числѣ другихъ дѣлъ Петра Великаго могла имѣть Полтавская побѣда. Во всей поэмѣ главное мѣсто занимаетъ любовь малороссійскаго гетмана Мазепы къ Маріи, дочери Кочубея, генеральнаго судьи казаковъ, о которой очень мало извѣстно по исторіи. Кромѣ того здѣсь изображены честолюбивые замыслы Мазепы,

мечтавшаго, съ помощью шведскаго короля, Карла XII, сдѣлать Малороссію независимой отъ Россіи. Кочубей, негодуя на Мазепу за похищеніе дочери, доноситъ о его замыслахъ Петру; но Мазепа умѣлъ такъ ловко притворяться и скрывать свои планы, что Кочубею не повѣрили: онъ былъ преданъ своему врагу и казненъ имъ. Все это изображено въ поэмѣ. Но характеръ Мазепы очерченъ очень общими чертами; онъ выставленъ только хитрымъ, чувствительнымъ злодѣемъ, и не объяснено самого главнаго: чѣмъ могъ держаться Мазепа? почему казаки могли терпѣть такого злодѣя, тогда какъ выборъ гетмана, казалось, зависѣлъ отъ ихъ воли? что было причиной волненія казаковъ и чего могли ждать они отъ Мазепы? На все это въ поэмѣ есть только немногіе намеки. Мы требуемъ такихъ историческихъ подробностей потому, что все историческое служитъ по преимуществу предметомъ эпоса, а эпосъ долженъ представлять вѣрную и по возможности полную картину жизни. Здѣсь требованія эпоса и исторіи одни и тѣ же, на сколько поэтическое изображеніе имѣетъ общаго съ научнымъ. При разборѣ повѣсти «Капитанская дочка», мы уже показали, какъ измѣняются историческіе факты, входя въ поэзію: общій ихъ смыслъ, указывающій на характеръ народа, на устройство общества въ тотъ или другой вѣкъ, на понятія, бывшія въ ходу въ извѣстное время, остается все-таки неизмѣннымъ. Если эпосъ изображаетъ болѣе крупныя событія, имѣвшія значеніе для цѣлаго народа, и въ этихъ событіяхъ представляетъ отдѣльныя лица въ борьбѣ за общественное дѣло, то его обыкновенно называютъ *исторической поэмой*; напротивъ, *исторической повѣстью* называютъ эпосъ, предметомъ котораго служитъ болѣе частная жизнь людей подъ вліяніемъ разныхъ историческихъ обстоятельствъ. Въ повѣсти «Мѣдный Всадникъ» историческая основа занимаетъ второстепенное мѣсто. Мы замѣтили, что въ поэмѣ «Полтава» Пушкинъ изображаетъ Петра Великаго только какъ храбраго вождя на полѣ битвы; здѣсь же онъ указываетъ на европейскую промышленность и науку, которую Петръ вводилъ въ Россію, основывая Петербургъ. Въ этомъ и состояло главное значеніе Петербурга. По связи съ идеями Петра, представленными въ началѣ, мы ожидаемъ теперь, что и въ описаніи сѣверной столицы будутъ указаны такіе предметы, которые напоминали бы о плодахъ промышленности и науки. Пушкинъ говоритъ:

«Прошло сто лѣтъ — и юный градъ,
Полночныхъ странъ краса и диво,
Изъ тмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво».

Какъ же осуществились на немъ предсказанія Петра? какъ, сквозь прорубленное окно, стала видна въ немъ Европа? Пушкинъ изображаетъ великолѣпныя зданія, гранитную набережную и еще то, что ему лично нравилось (люблю твой строгій, стройный видъ, и проч.): свѣтлыя майскія ночи, зимнія прогулки, пиры, праздники, и т. д. Мы видимъ, что и здѣсь представлена лишь внѣшняя сторона предмета: конечно, пышныя зданія свидѣтельствуютъ объ искусствѣ, но въ однихъ зданіяхъ еще не выражаются успѣхи образованія; мы находимъ великолѣпныя постройки въ Индіи, въ Египтѣ и въ другихъ странахъ, гдѣ не было и слѣдовъ европейскаго образованія. Кромѣ того мы замѣчаемъ, что лиризмъ Пушкина здѣсь повредилъ описанію, заставивъ его отступить отъ исторической идеи, которую онъ себѣ задалъ вначалѣ, и обратиться къ предметамъ несущественнымъ. Въ связи съ этой идеей и переходъ къ описанію наводненія не совсѣмъ естественъ. Пушкинъ выражаетъ желаніе:

«Войну и плѣнъ старинный свой
Пусть волны Финскія забудутъ,
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчной сонъ Петра».

Но волны, какъ и всякая стихія, покоряются не изъ уваженія къ внѣшней красотѣ мостовъ и зданій, а покоряетъ ихъ умъ и знаніе человѣка. Слѣдовательно, историческая идея внесена въ повѣсть поверхностно и недостаточно въ ней развита. Главною цѣлію Пушкина было изобразить наводненіе и судьбу бѣднаго человѣка, Евгенія: въ этомъ изображеніи мы находимъ болѣе эпической полноты. Картина наводненія представлена рѣзкими, типическими чертами. Ноябрь дышалъ осеннимъ хладомъ; Нева металась, какъ больной, въ своей безпокойной постели; она напрасно рвалась къ морю противъ бури, вѣтры заграждали ей путь отъ залива.

«Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь —
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась».

Всѣ эти сравненія: съ больнымъ, съ клокотаньемъ котла на огнѣ, съ разъяреннымъ звѣремъ живо представляютъ воды въ

борьбѣ съ вѣтромъ, противнымъ ихъ теченію. Далѣе, описывая, какъ буря стала стихать, поэтъ остатокъ прежняго волненія опять сравниваетъ съ кипѣньемъ: «еще кипѣли злобно волны, какъ бы подъ ними *тлѣлъ огонь*» и говоритъ, что Нева, покрытая пѣной, «тяжело дышала, *какъ съ битвы прибѣжавшій конь*». Самое же опустошеніе, произведенное волнами, онъ уподобляетъ тому, какъ ворвется въ село шайка разбойниковъ, и, награбивъ, въ бѣгствѣ роняетъ по пути добычу. Необыкновенное разнообразіе этихъ метафоръ и сравненій даетъ намъ возможность наглядно представить картину наводненія: она выступаетъ передъ нами *пластично*, какъ будто нарисованная красками, и, подбирая эти краски соотвѣтственно природѣ, поэтъ спокойно съ разныхъ сторонъ озираетъ предметъ. Въ этомъ и состоитъ сущность эпическаго изображенія. Дѣйствіе наводненія описано съ такою же живостью; тутъ много движенія въ разсказѣ о томъ, какъ народъ бѣжитъ, какъ волны врываются въ дома и лодки «бьютъ съ разбѣга кормой стекла»:

«Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки блѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гробы съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ!
Народъ
Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: *кровъ и пища.*
Гдѣ будетъ взять?

Мы ясно видимъ этотъ хаосъ въ смѣшеніи всѣхъ предметовъ, произведенный бурею, чувствуемъ бѣдствіе народа. Лирическое восклицаніе: «Увы! все гибнетъ», и проч. взято прямо изъ впечатлѣній лицъ, которые испытывали на себѣ это бѣдствіе, и слѣдовательно употреблено въ эпическомъ духѣ. Губительная сила наводненія мѣстами ярко представлена еще въ разсказѣ объ Евгеніи; но далѣе, когда поэтъ говоритъ о послѣдствіяхъ страшнаго событія, онъ кратко замѣчаетъ, что скоро все пришло въ прежній порядокъ и на другой день уже съ холоднымъ безчувствіемъ народъ ходилъ по улицамъ. Здѣсь опять обращено вниманіе только на внѣшній видъ города. Вникая въ самый смыслъ происшествія, автору пришлось бы, хотя кратко, представить, что скрывалось подъ наружнымъ безчувствіемъ бѣднаго народа и отличить его отъ без-

чувствія сытыхъ и богатыхъ. Впрочемъ на это онъ указываетъ, изображая судьбу Евгенія. Характеръ Евгенія совершенно общечеловѣческій: въ немъ почти совсѣмъ сглажены черты мѣстныя и общественныя, и вы тутъ не видите ни петербургскаго жителя, ни человѣка, принадлежащаго къ извѣстному сословію. Однако общій типъ бѣдняка, которому трудно разсчитывать на какое нибудь самое скромное счастіе, выставленъ въ немъ довольно отчетливо. Поэтъ не говоритъ ничего ни о жизни, ни о службѣ Евгенія: мы только и знаемъ, что онъ живетъ въ Коломнѣ, гдѣ-то служитъ и избавленъ отъ необходимости пересчитывать своихъ знатныхъ предковъ, да еще намъ извѣстно, что онъ любитъ Парашу, живущую въ другой отдаленной части города, у взморья, въ гавани. Прежде всего поэтъ представляетъ думы Евгенія о своей бѣдности,—думы, навѣянныя грустною непогодой. Ему тяжело добывать себѣ кровнымъ трудомъ и честь, и независимость; онъ завидуетъ празднымъ счастливцамъ, которымъ все легко дается. Послѣдней отрады — повидаться съ Парашей онъ лишенъ, потому что выступившая вода, вѣроятно, уже преградила дорогу въ гавань. Въ этихъ думахъ мы также не видимъ личныхъ отношеній автора къ предмету: онѣ взяты только изъ положенія бѣднаго человѣка. Больше эпическихъ подробностей мы находимъ далѣе въ изображеніи отчаянія и безумства Евгенія, такъ какъ авторъ тѣсно связываетъ разсказъ о немъ съ описаніемъ наводненія. Очень пластично представленъ Евгеній, когда онъ сидитъ на львѣ, сжавъ руки крестомъ, неподвижный, страшно-блѣдный. Въ своей неодолимой тревогѣ о судьбѣ Параши, онъ безчувственъ ко всѣмъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ: онъ не слышитъ, какъ волны подмываютъ ему подошвы, какъ дождь хлещетъ въ лице и вѣтеръ сорвалъ съ него шляпу. Тутъ поэтъ своимъ чувствомъ совершенно переходитъ въ душу изображаемаго лица, такъ сказать, живетъ его страданіями, болѣетъ его горемъ; отсюда и являются отрывистыя рѣчи съ восклицаніями:

«Тамъ буря выла, тамъ носились
Обломки... Боже, Боже! тамъ —
Увы! близехонько къ волнамъ,
Почти у самаго залива —
Заборъ некрашеный, да ива
И ветхій домикъ...»

Такъ могъ говорить только самъ Евгеній, когда сердце его болѣзненно замирало. Слѣдующія за тѣмъ слова, конечно, принадлежатъ автору:

«Или во снѣ
Онъ это видитъ? иль вся наша
И жизнь ничто, какъ сонъ пустой,
Насмѣшка рока надъ землей?»

Но и эти слова хорошо рисуютъ отчаянное положеніе человѣка, котораго совсѣмъ одолѣло несчастіе: онъ чувствуетъ, какъ гибнетъ его послѣдняя радость, какъ, при мысли о потерѣ любимаго существа, смертный холодъ и пустота наполняютъ его душу. Едва сбыла вода, Евгеній бросился отыскивать Парашу. Тутъ съ большимъ знаніемъ человѣческаго сердца описаны: поспѣшность, съ какою онъ переѣзжаетъ еще волновавшуюся рѣку, мучительная тревога, съ какою онъ спѣшитъ въ знакомыя мѣста и, посреди всеобщаго раззоренія, отыскиваетъ домикъ, гдѣ жила Параша. Всѣ обороты рѣчи легко и ясно отражаютъ эти душевные порывы. Живость и краткость выраженій при описаніи раззореннаго мѣста (Глядитъ... узнать не можетъ: видъ ужасный! все передъ нимъ завалено, что сброшено, что снесено, и проч.) соотвѣтствуютъ тревожному состоянію лица, наблюдавшаго предметы. Сомнѣніе, недоумѣніе все болѣе довладѣваетъ Евгеніемъ: судьба ждетъ его «съ невѣдомымъ извѣстьемъ, какъ съ запечатаннымъ письмомъ».

И вотъ заливъ, и близокъ домъ...
Чтожъ это?
Онъ остановился,
Пошелъ назадъ — и воротился.
Глядитъ... идетъ... еще глядитъ:
Вотъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ стоитъ;
Вотъ ива. Были здѣсь ворота,
Снесло ихъ видно. *Гдѣ же домъ?*»

«Что-жъ это?» сказалъ самъ себѣ Евгеній и сталъ, пораженный ужасомъ; но, не имѣя силъ сознаться передъ собою въ ужасной истинѣ, онъ вновь все осматриваетъ, ходитъ, раздумываетъ, — ходитъ до тѣхъ поръ, пока рядъ набѣгавшихъ вихремъ мыслей опять не привелъ его къ вопросу: «гдѣ же домъ?» и мгновенно онъ сознадъ то, вслѣдствіе чего лишился сознанія, помѣшался. Вопросительныя предложенія, ихъ отрывочность, указаніе «вотъ», и проч. — все это служитъ здѣсь къ изображенію человѣка, который въ душевномъ волненіи чего-то ищетъ. Какъ могъ такъ неожиданно сойти съ ума Евгеній? естественно ли это?... Такой случай возможенъ при сильномъ умственномъ потрясеніи: для Евгенія вся радость бѣдной жизни заключалась въ Парашѣ; онъ былъ еще молодъ и не потерялъ надежды на счастье. И вдругъ все разрушилось. Далѣе и Пушкинъ говоритъ:

«Его смятенный умъ
Противъ ужасныхъ потрясеній
Не устоялъ».

Но умопомѣшательство все таки произошло не вдругъ; оно подготовлено многими обстоятельствами: безсонная ночь, проведенная подъ холодомъ и дождемъ, физическое истощеніе и разстройство, ужасы наводненія, долгая мучительная мысль о Парашѣ, томительная неизвѣстность, неестественное напряженіе силъ въ то время, какъ Евгеній спѣшилъ въ гавань, — все содѣйствовало этому. Пушкинъ хорошо выставляетъ, что въ помѣшательствѣ Евгеній неподвижно остановился на одной идеѣ: ему постоянно слышался мятежный шумъ Невы и вѣтровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ его пугали страшныя думы, то есть, его душа въ безсиліи возвращалась все къ прежнимъ впечатлѣніямъ. Такъ, «оглушенный шумомъ внутренней тревоги», скитался онъ, питаясь подаяньемъ, и не разбиралъ дороги: дѣти бросали въ него камнями, кучера стегали его плетьми, — онъ былъ ко всему равнодушенъ. Но, въ темномъ его сознаніи, жила все таже больная идея, которая и привела его къ ветхому домику, занесенному на пустынный островъ взморья, гдѣ онъ кончилъ дни свои. Какъ бѣжалъ онъ когда то въ гавань, отыскивая Парашу, такъ, пораженный роковымъ ударомъ, и продолжалъ онъ скитаться, искать всю жизнь, пока не нашелъ хоть предмета, напоминавшаго о потерянномъ счастьи: угасшія умственныя силы еще не утратили своей энергіи на то, чтобы отыскать домикъ Параши. Съ этимъ, довольно точнымъ, изображеніемъ судьбы бѣднаго Евгенія, которому хотѣлось *жить*, тогда какъ его ждалъ одинъ вѣчный, безотрадный трудъ изъ за куска хлѣба, связывается идея самаго наводненія, какъ общественнаго бѣдствія: при такомъ бѣдствіи, конечно, болѣе всего страдаютъ люди, подобные Евгенію. Но Пушкинъ сюда вноситъ еще разсказъ о томъ, какъ помѣшанный Евгеній бѣжалъ отъ Мѣднаго Всадника, когда обратился къ нему съ укоромъ, какъ послѣ съ боязливымъ почтеніемъ онъ снималъ изношенный картузъ, проходя черезъ площадь Петра Великаго. Тутъ какъ будто, подъ формой вымысла, скрывается историческое оправданіе Петра въ томъ, что онъ построилъ городъ у моря. Всякому, хоть немного знающему исторію, извѣстно, что

во время Петра лучшаго мѣста и не было для сближенія съ Европой: водный путь съ одной стороны велъ изъ Петербурга въ заграничныя земли, съ другой непрерывною цѣпью рѣкъ, озеръ и каналовъ внутрь Россіи. Кромѣ того наводненія еще не могутъ считаться слишкомъ виднымъ бѣдствіемъ въ Петербургѣ и отъ нихъ всегда есть средство обезопасить себя плотинами. Слѣдовательно, укоръ Евгенія долженъ бы казаться смѣшнымъ и мелкимъ, еслибы и былъ возможенъ въ его помѣшательствѣ. То, что у одного бѣднаго чиновника утонула въ гавани невѣста, имѣетъ очень отдаленное отношеніе къ Петру Великому, и бѣдному чиновнику, даже помѣшанному, не придетъ въ голову такъ далеко искать причины своего бѣдствія. Сцена передъ Мѣднымъ Всадникомъ не вяжется и съ тѣмъ описаніемъ Петербурга, которое Пушкинъ приводитъ, представляя осуществленіе идей Петра Великаго. Если только роскошь и внѣшній блескъ составляютъ отличіе нашей столицы, то для Евгенія не существуетъ и выгодъ, соединенныхъ съ европейскимъ образованіемъ. Общая польза ужъ не была бы общею, еслибы въ ней не учавствовали бѣдные люди. И такъ, исключивъ историческую идею о Петрѣ Великомъ, выраженную не ясно и не послѣдовательно, мы найдемъ въ повѣсти Пушкина: «Мѣдный Всадникъ» довольно отчетливое эпическое изображеніе одного случая изъ жизни бѣднаго человѣка, одного изъ тѣхъ физическихъ бѣдствій, какими люди страдаютъ повсюду.

Изъ прежде разобранныхъ нами произведеній стихотвореніе Кольцова «Урожай» можно также отнести къ числу эпическихъ: въ немъ всѣ подробности относятся къ описанію *дѣйствующихъ силъ природы:* грозы, дождя, солнца съ его тепломъ и свѣтомъ, и *сельскаго труда*, какъ онъ совершается въ зависимости отъ этихъ явленій природы, указывающихъ человѣку, когда сѣять, когда жать. Въ повѣсти «Мѣдный Всадникъ» мы видѣли, какъ природа является въ грозномъ видѣ, и, при ея разрушительномъ дѣйствіи, гибнетъ и достояніе и счастіе человѣка. Въ этомъ случаѣ люди, испытывая постоянныя лишенія, становятся ко всему равнодушны, какъ Евгеній, отдаются тупой апатіи, живя, какъ случится, изо дня въ день, или, подвергаясь физическимъ и умственнымъ болѣзнямъ, создаютъ себѣ суевѣрные страхи. Такъ бываетъ до тѣхъ поръ, пока искуство и наука не укажутъ средства одолѣть природу, улучшивъ состояніе бѣдствующаго человѣка. Небольшая поэма Кольцова «Урожай» напротивъ изображаетъ благодѣтельныя силы природы, возбуждающія людей къ живой дѣятельности. Трудъ вознагражденъ, и отсюда является довольство, спокойствіе, тотъ свѣтлый взглядъ на жизнь, при которомъ мы сознаемъ полную гармонію между нашими силами и дѣйствіями природы. Природа уже не возбуждаетъ въ насъ рабскаго страха, а становится вѣрной нашей союзницей. Кажется, будто и солнышко только ждетъ, когда окончится трудъ человѣка:

«Видитъ солнышко
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени.»

Стихотвореніе «Урожай» мы назвали «поэмой», потому что въ немъ представлено не какое-нибудь частное событіе, а явленіе общее, взятое изъ жизни цѣлаго народа. Но, какъ эпическое произведеніе, оно лишь очень кратко, въ немногихъ типичныхъ чертахъ, разъясняетъ сокрытую въ немъ идею. О творческой, помогающей человѣку, силѣ природы у разныхъ народовъ составлялись прекрасные вымыслы. Народъ примѣнялъ ея дѣйствія къ жизни и воображалъ, что и умершіе возвращались на свѣтъ посѣтить своихъ родныхъ и друзей, подобно тому какъ погибшіе цвѣты, увядшія растенія изъ зерна, скрытаго въ темной глубинѣ земли, возрождаются весною и выходятъ на встрѣчу грѣющему солнцу. Русалки, которыя, около праздника Семика, выходя изъ воды, изъ земли, садились на зеленыхъ вѣтвяхъ, у насъ означали встарину души умершихъ. Древніе греки представляли творческую силу природы въ видѣ богини земныхъ плодовъ, Цереры. Вмѣстѣ съ Зевсомъ, богомъ неба, Аполлономъ, означавшимъ солнце, и другими олимпійскими богами, она обитала въ свѣтломъ эѳирѣ и изображала собою творческое начало жизни. Въ противуположность этимъ богамъ, Плутонъ, богъ тьмы, или Эреба, влавствовалъ въ подземномъ царствѣ, Аидѣ, куда челнъ Харона перевозилъ души умершихъ черезъ рѣку Стиксъ и озеро Ахеронъ. По рѣшенію Паркъ, богинь судьбы, туда отправлялись послѣ опредѣленнаго срока только смертные: богамъ же свѣтлаго Олимпа были недоступны берега подземныхъ водъ. Греческое преданіе сообщаетъ, что подземный богъ, Плутонъ, похитилъ дочь Цереры, Прозерпину, и она стала царицею Аида, — олицетвореніе того, что всѣ растенія увядаютъ, тлѣютъ, мѣшаются съ землею; но Церера нашла средство сообщаться съ дочерью, бросивъ въ землю зерно: изъ тлѣнія, подъ грѣющими лучами солнца, возникла новая

жизнь, изъ подземнаго мрака пришелъ на свѣтъ въ новыхъ, весеннихъ цвѣтахъ отвѣтъ Прозерпины на любящее слово матери. Такъ, по подобію возрожденія природы весною, составилось у грековъ понятіе о жизни души послѣ смерти. На все это въ греческихъ преданіяхъ мы находимъ только намеки: съ полною же ясностью изложена идея, скрытая въ поклоненіи Церерѣ, нѣмецкимъ поэтомъ Шиллеромъ въ его балладѣ: «Жалоба Цереры», переведенной на русскій языкъ Жуковскимъ. Балладой въ старину (въ Провансальской поэзіи) называли плясовую пѣснь лирическаго содержанія; теперь же къ ней относятъ всякое стихотвореніе (болѣе эпическаго, чѣмъ лирическаго характера), котораго содержаніе взято изъ какого нибудь народнаго преданія. Баллада тоже что небольшая поэма. Въ стихотвореніи «Жалоба Цереры» выведена сама богиня, тоскующая о дочери. Порядокъ мыслей слѣдующій. «Вновь повѣялъ геній жизни, безоблачный Зевесъ (небо) глядится въ зеркальныя воды, все разцвѣло, радуется — лишь со мною нѣтъ моей Прозерпины. Вездѣ я ее искала, гдѣ только свѣтятъ лучи Аполлона (солнца); всевидящее солнце не нашло ее подъ небомъ; она тамъ въ Аидѣ, который недоступенъ Олимпійскимъ богамъ. Живому не проникнуть въ подземный мракъ, Харонъ не возьметъ его въ свой челнъ, а ни одинъ умершій не возвратится на свѣтъ, — и некому принести мнѣ вѣсть отъ дочери. Смертныя матери счастливѣе меня, безсмертной богини; на погребальномъ кострѣ сгоритъ ихъ тѣло, а душа полетитъ на свиданіе съ дѣтьми... Парки! дайте мнѣ умереть. Легкой тѣнью сошла бы я въ Аидъ, гдѣ подлѣ своего супруга Плутона сидитъ на престолѣ моя грустная дочь: она меня узнала бы, самъ богъ смерти былъ бы тронутъ нашимъ свиданьемъ. Напрасная мечта! Геліосъ (солнце) ходитъ все тѣмъ же путемъ, Зевесъ все также безвластенъ надъ тѣнями умершихъ, и невѣдомо, когда посланница боговъ, Ирида (радуга), низойдетъ на Ахеронъ. Неужели же нѣтъ для насъ никакой связи, нѣтъ никакого сближенія между мертвыми и живыми? да, я найду средство повести бесѣду съ дочерью. Когда Борей (сѣверный вѣтеръ) сгубитъ всѣ растенія, я соберу ихъ сѣмена, данныя Вертумномъ (осенью), и брошу ихъ въ землю, на жертву водамъ Стикса, на попеченіе дочери. Съ весною заиграетъ жизнь во всемъ, что умерло; солнце согрѣетъ сѣмена, и они вырвутся на свѣтъ изъ подземнаго затвора: они дадутъ корень, который будетъ питаться подземной влагой, и стебель, живущій лучами Феба (солнца). Такъ соединится умершее

съ живымъ, придутъ ко мнѣ вѣсти изъ-за Коцита, подземной рѣки, дочь въ весеннихъ цвѣтахъ скажется матери. О цвѣты! въ васъ я вижу образъ дочери, и сравняю васъ красотою съ Авророй (богинею зари).»

Здѣсь выраженіе чувства, лиризмъ, выходитъ изъ самаго положенія Цереры, какъ матери. Конечно, въ томъ, что Шиллеръ далъ чувству Цереры тотъ, а не другой оттѣнокъ, мы видимъ отчасти личный взглядъ поэта. Шиллеръ проникнутъ болѣе возвышеннымъ, идеальнымъ настроеніемъ, какого не имѣли греки. Это выражается въ утонченныхъ описаніяхъ природы *), въ исключительномъ анализѣ чувства и особенно въ изображеніи нѣжныхъ, идеальныхъ стремленій сердца. Таковы, напримѣръ, слова Цереры:

«Нѣтъ ли жъ мнѣ чего отъ милой
Въ *сладкопамятный завѣтъ*:
Что осталось все, какъ было,
Что для насъ разлуки нѣтъ?
Нѣтъ ли *тайныхъ узъ*, чтобъ ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвыхъ съ милыми живыми,
Съ свѣтлымъ днемъ подземну ночь?

Церера въ живомъ дыханьи весеннихъ цвѣтовъ слышитъ голосъ дочери:

---

*) Эти описанія мѣстами довольно близко переданы Жуковскимъ:

У Жуковскаго.	*У Шиллера.*
Въ тѣ часы, какъ хладъ Борея Губитъ нѣжныхъ чадъ весны, Листья падаютъ желтѣя И лѣса обнажены.	Когда умираютъ дѣти весны, когда подъ холодныхъ дыханьемъ сѣвера листъ и цвѣтокъ желтѣютъ (становятся безцвѣтны) и печально стоитъ голый кустъ, и проч.
Но когда съ небесъ слетаетъ Вслѣдъ за бурями весна: Въ мертвомъ снова жизнь играетъ Солнце грѣетъ сѣмена; И умершіе для взора, Внявъ они весны привѣтъ, Изъ подземнаго затвора Рвутся радостно на свѣтъ.	Но опять равномѣрная пляска Горъ (богини временъ года) радостно приведетъ весну, мертвое вновь оживетъ отъ живительнаго взора солнца. Сѣмена, умершія для взора въ холодномъ лонѣ земли, вырываются радостно въ свѣтлое царство цвѣтовъ (красокъ).

«Онъ разлуку услаждаетъ
Онъ душѣ моей твердитъ,
Что *любовь не умираетъ*
И въ отшедшихъ за Коцитъ»

Однако эта идея о творческой силѣ природы уже заключается въ греческомъ преданіи: Шиллеръ только обратилъ болѣе вниманія на связанную съ нею идею любви, которая естественно возникаетъ въ сердцѣ человѣка при взглядѣ на красоту творенія. И та и другая идея представлены пластично въ живомъ вымыслѣ, который совершенно переноситъ насъ въ кругъ греческихъ вѣрованій; отъ того встрѣчается столько греческихъ названій: Зевесъ, Аидъ, Плутонъ, Харонъ, Аполлонъ, Фебъ, Парки, и проч. Тутъ выступаютъ передъ нами греческая жизнь, греческія понятія. Кромѣ того, какъ мы уже замѣтили, общечеловѣческое чувство матери представлено въ цѣльномъ образѣ и сообразно съ тѣмъ, какъ это чувство могло выразиться въ Олимпійской богинѣ. Все это даетъ намъ поводъ сказать, что въ произведеніи Шиллера много объективнаго, эпическаго характера. Еще болѣе объективнаго мы находимъ въ другой балладѣ Шиллера «Ивиковы Журавли.» Поэма «Жалоба Цереры» знакомитъ насъ съ творческимъ чувствомъ прекраснаго, которое такъ полно высказалось въ греческой жизни. Поэма «Ивиковы Журавли» даетъ намъ понять, какъ, рядомъ съ этимъ эстетическимъ чувствомъ, у грековъ выражались и нравственныя идеи. Народная греческая фантазія, вмѣстѣ съ другими поэтическими образами, создала Парокъ или Эринній, грозныхъ богинь мщенія. Первоначально эти богини, какъ безпощадныя мстительницы, преслѣдовали людей изъ рода въ родъ за каждое преступленіе. Злое дѣло, хотя бы и невольно, по незнанію, совершенное человѣкомъ, вело за собою гибель его самого, дѣтей его, внуковъ и всего рода; Эринніи какъ будто рады были злу, выискивая, за что бы покарать смертнаго. Но съ развитіемъ грековъ измѣнились и ихъ понятія о богахъ, въ поклоненіи которымъ прежде выражался одинъ суевѣрный страхъ передъ грозными явленіями природы. При содѣйствіи милостивой богини Аѳины, и Эринніи стали благодушными, милостивыми. Онѣ по прежнему карали зло, но и благодѣтельствовали невинному страдальцу. Съ представленіемъ о нихъ стали соединять понятіе о справедливости, о правосудіи. Такими изображаютъ ихъ въ своихъ драмахъ Эсхилъ и Софоклъ, греческіе трагики. Театръ служилъ для грековъ священнымъ мѣстомъ, гдѣ народъ поучался

всему, что, по ихъ понятію, было истинно и прекрасно. Онъ имѣлъ видъ амфитеатра, и зрители сидѣли на каменныхъ ступеняхъ, подымавшихся полукругомъ, подъ открытымъ небомъ, что было возможно при постоянномъ и тепломъ климатѣ Греціи. По причинѣ самой огромности театра, актеры, чтобы не казаться малыми, особенно въ главныхъ роляхъ, надѣвали котурны, высокія подошвы. Въ переводѣ Жуковскаго «Ивиковы Журавли» это выражено стихами:

«Ихъ стана дивная громада
Предѣлъ земнаго перешла.

Играли также въ маскахъ, и потому возможно было придать Эринніямъ то страшное выраженіе, какое описано въ поэмѣ. Главнымъ предметомъ въ этомъ произведеніи Шиллера и составляетъ мщеніе Эринній вмѣстѣ съ впечатлѣніемъ, которое производилъ на народъ греческій театръ. Содержаніе поэмы слѣдующее. Въ Коринѳѣ, на перешейкѣ между двумя морями, былъ праздникъ въ честь туземнаго морскаго бога, Посидона. Тутъ, по греческому обычаю, должны были происходить состязанія въ бѣгѣ на колесницахъ, состязанія пѣвцовъ въ ихъ искусствѣ, представленія въ амфитеатрѣ, и проч. На праздникъ отовсюду сходились «чада Гелы», т. е. греки, шелъ и пѣвецъ Ивикъ, вдохновенный Аполлономъ, богомъ пѣсней; онъ несъ въ рукахъ лиру, такъ какъ у грековъ поэтъ самъ исполнялъ свою пѣснь передъ народомъ, играя на лирѣ. Вотъ вдали онъ уже замѣтилъ Акрокоринѳъ (верхнюю часть города Коринѳа) и вошелъ въ лѣсъ Посидона. Въ эту минуту зашумѣли въ небѣ журавли; Ивикъ обратился къ нимъ съ привѣтомъ, считая ихъ для себя добрымъ знаменіемъ:

«Сказавъ: прости! родной странѣ,
Чужаго брега посѣтитель,
Ищу пріюта, какъ и вы;
Да отвратитъ Зевесъ-хранитель
Бѣду отъ странничей главы».

Но на заглохшей тропинкѣ его вдругъ встрѣтили убійцы; Ивикъ напрасно взываетъ о помощи. Не оплаканъ друзьями, долженъ онъ умереть въ цвѣтѣ лѣтъ, некому отомстить за него! Уже передъ кончиной, онъ слышитъ вновь крики журавлей и зоветъ ихъ въ свидѣтели злодѣйства. Трупъ нашли; одинъ изъ коринѳскихъ друзей узналъ Ивика и горько пожалѣлъ о гибели пѣвца, которому на

голову онъ надѣялся возложить сосновый вѣнецъ, какъ народную награду за пѣсни. Всѣ греки были поражены этимъ событіемъ; народъ съ дикимъ крикомъ окружилъ пританов, судей города, требуя кары убійцамъ. Но какъ отыскать ихъ? Они смѣло могли разгуливать въ толпѣ, или даже въ храмѣ приносить жертвы съ другими. Но вотъ народъ наполнилъ ступени амфитеатра:

«Шумя, какъ смутный океанъ,
Надъ рядомъ рядъ, сидятъ народы;
И движутся, какъ въ бурю лѣсъ,
Людьми кипящи переходы
Всходя до синевы небесъ».

Всѣ смотрятъ на сцену въ священномъ ужасѣ: мѣрно и медленно выступаетъ хоръ Эвменидъ (Эринній), поражая своимъ высокимъ станомъ. Онѣ идутъ въ черныхъ мантіяхъ, и тощими руками двигаютъ тускло-горящіе факелы; ихъ лица блѣдны, какъ у мертвецовъ, а въ волосахъ крутятся змѣи съ раскрытою пастью. Зрители онѣмѣли, когда хоръ запѣлъ свою пѣснь, грозя казнью убійцамъ:

«Не мните скрыться — мы съ крылами;
Вы въ лѣсъ, вы въ бездну — мы за вами,
И спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
Растерянныхъ бросаемъ въ прахъ.
Вамъ покаянье не защита;
Вашъ стонъ, вашъ плачь — веселье намъ;
Терзать васъ будемъ до Коцита,
Но не покинемъ васъ и тамъ».

Хоръ удалился той же медленной и мѣрной стопою, а зрители все еще хранили гробовую тишину.

«И все, и все еще въ молчаньѣ....
Вдругъ на ступеняхъ восклицанье:
«Парѳеній, слышишь?... Крикъ вдали...
То Ивиковы журавли!»
И небо вдругъ покрылось тмою;
И воздухъ весь отъ крылъ шумитъ,
И видятъ... черной полосою
Станица журавлей летитъ».

При словѣ «Ивикъ» народъ очнулся отъ оцепенѣнія. «То судъ Эвменидъ!» крикнули всѣ и схватили какъ того, кто произнесъ

слово, такъ и того, кому оно было сказано. Обоихъ тутъ же уличили въ убійствѣ.

Эта баллада до малѣйшихъ подробностей изображаетъ лишь явленія, возможныя въ греческой жизни. Мѣстный праздникъ въ честь морскаго бога съ его играми, любовь народа къ поэзіи и пѣснямъ, представленія подъ открытымъ небомъ, самое изображеніе Эвменидъ — все согласно съ исторіею. Но возможно ли самое событіе? правдоподобно ли, чтобы сначала журавли, а потомъ Эвмениды (чистый вымыселъ фантазіи) разыграли такую роль въ наказаніи за уголовное преступленіе? Тутъ важны не журавли, не Эвмениды (Эринніи), а народное чувство и воображеніе грековъ. Событіе, конечно, представляетъ не болѣе, какъ игру случая, но чтобы этотъ случай сложился такъ, какъ онъ представленъ въ поэмѣ, для него необходимы были чисто-греческая обстановка и греческія возрѣнія на жизнь. Поэта Ивика убиваютъ въ священномъ лѣсу Посидона, подъ самымъ городомъ: тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Злодѣй не разбираетъ мѣста; священные лѣса, бережно хранимые, всегда отличались дикостью и уединеніемъ, удобнымъ для убійства. Нѣтъ ничего чрезвычайнаго и въ томъ, что журавли въ это время летѣли по небу. Чуя сѣверную зиму, они, какъ перелетныя птицы, обыкновенно тянутся на югъ длинными вереницами, стадо за стадомъ. Но страннымъ кажется, что Ивику вздумалось обратиться къ нимъ передъ смертью. Въ своемъ безпомощномъ положеніи, онъ, пожалуй, могъ воображать передъ собою отсутствующихъ лицъ, призывать родныхъ, друзей, а то бесѣдовать съ журавлями! Тутъ Шиллеръ очень вѣрно выставилъ наивное, поэтическое чувство грека. Ивикъ, какъ поэтъ, привыкъ олицетворять и неодушевленные предметы; его воображеніе постоянно работаетъ, создавая живые образы: вся природа для него проникнута человѣческимъ смысломъ. Сближеніе съ природой путемъ поэзіи, вымысла, для народа, въ его первоначальномъ развитіи, замѣняетъ науку. Тутъ, конечно, знаніе еще смѣшано со всевозможными суевѣріями; но и въ созданіяхъ фантазіи вы видите живое чувство дѣйствительности. Ивикъ на пути своемъ не встрѣтилъ ни одного одушевленнаго существа, кромѣ журавлей. Въ своихъ поэтичекихъ думахъ; онъ уже обращался къ нимъ передъ появленіемъ убійцъ: нѣтъ ничего удивительнаго, что та же мысль мелькнула у него въ минуту смерти. Но самимъ убійцамъ воззваніе Ивика показалось столь необычайнымъ, что они невольно его запомнили. Здѣсь опять высказалась греческая художественная натура.

«Парфеній, слышишь? Крикъ въ дали...
То Ивиковы журавли».

Это, конечно, было сказано не съ насмѣшкой, а также подъ поэтическимъ впечатлѣніемъ минуты. Убійцы были, наравнѣ съ другими зрителями, увлечены игрою Эвменидъ: ихъ любовь къ зрѣлищамъ уже видна изъ того, что они пошли въ театръ. Нельзя сказать, чтобы на нихъ подѣйствовала нравственная идея представленія, и въ нихъ вдругъ заговорила совѣсть, когда они безпечно сидѣли посреди народа. Но ихъ воображеніе было живо настроено и послѣдними словами Ивика и своимъ опаснымъ положеніемъ посреди толпы, негодующей на убійство, и поразительнымъ сценическимъ представленіемъ, на которое они смотрѣли съ такимъ же участіемъ, какъ и прочіе греки. Чуть надъ театромъ раздался крикъ журавлей, одинъ изъ убійцъ не могъ удержаться, чтобъ не сказать слово, обличившее тайну. Оно было сказано безъ дальней думы, безъ особой цѣли, по одному случайному стеченію сходныхъ обстоятельствъ, производившихъ впечатлѣніе. Въ зрителяхъ, конечно, дѣйствовало оскорбленное нравственное чувство: они думали объ Ивикѣ, искали преступниковъ и тѣмъ болѣе были раздражены, что не представлялось и надежды открыть ихъ; но не будь и въ нихъ живо настроена фантазія, они не обратили бы такого вниманія на слова, которыя, казалось, не заключали ничего таинственнаго: «журавли, Ивикъ» — кто сталъ бы тутъ доискиваться особеннаго смысла? журавли летѣли тогда въ виду зрителей, объ Ивикѣ всѣ толковали; отчего бы не удовольствоваться объясненіемъ, что Ивикъ воспѣлъ бы и журавлей, нарушающихъ своимъ крикомъ торжественность представленія? Но зрители были увлечены грозною пѣснію Эвменидъ; въ ту минуту имъ представлялась только картина мщенія, воздаянія за убійство, и слышанныя слова тотчасъ были истолкованы въ эту сторону. Съ своей стороны убійцы, когда ихъ вдругъ схватили, уже повѣрили, что надъ ними совершился судъ Эвменидъ и не стали оправдываться. Такъ они были поражены случайнымъ совпаденіемъ истины и вымысла! Судъ Эвменидъ дѣйствительно совершился; но мы видимъ, сколько шаткаго и сомнительнаго въ подобномъ отыскиваніи правды съ помощью поэтическихъ вымысловъ, подъ вліяніемъ фантазіи, наклонной къ чудесному и вѣрющей въ свои собственныя созданія: при случаѣ разъяренная толпа, ища, на комъ бы выместить свое негодованіе, могла бы такъ

обвинить совершенно невинныхъ людей, не съумѣвшихъ, подъ впечатлѣніемъ различныхъ чувствъ, хорошо оправдаться.

И такъ въ балладахъ Шиллера, взятыхъ изъ греческихъ преданій, мы находимъ изображеніе нѣкоторыхъ сторонъ греческой жизни. Поэтъ изучалъ эту жизнь и умѣлъ переноситься въ нее своимъ чувствомъ; поэтому, при разборѣ его балладъ, намъ и приходилось болѣе говорить о понятіяхъ грековъ, чѣмъ о возрѣніяхъ на жизнь самого Шиллера.

Мы приведемъ теперь нѣкоторые общіе выводы для эпическихъ произведеній изъ сдѣланныхъ нами разборовъ.

1. Предметы эпоса тѣ же, какіе намъ являются при всякомъ наблюденіи окружающей жизни: природа и человѣкъ. Но такъ какъ поэзія выставляетъ намъ общій смыслъ явленій въ цѣломъ, то и природа сама по себѣ, въ ограниченномъ смыслѣ этого слова, безъ отношенія къ наблюдающей личности, еще не даетъ матеріала для эпоса, и мы не знаемъ ни одной естественно-исторической поэмы. Электричество, свѣтъ, теплота и другія научныя обобщенія, извѣстныя подъ названіемъ силъ, не могутъ быть представлены образно, какъ типы, или дѣйствующія лица; образцы минераловъ, растеній и животныхъ съ ихъ свойствами составляютъ предметъ описаній, въ которыхъ нѣтъ мѣста творческому вымыслу. Ландшафтная же поэзія, какъ и ландшафтная живопись, мало имѣетъ значенія.

2. Слѣдовательно, эпосъ начинается тамъ, гдѣ мы наблюдаемъ вліяніе природы на человѣка. Борьба съ природою и ея послѣдствія, умственное безсиліе и апатія или живая дѣятельность, побѣждающая всѣ препятствія, — вотъ первоначальное, самое простое содержаніе эпоса.

3. Въ этомъ отношеніи эпосъ сходенъ съ исторіею. Его по преимуществу можно назвать историчеткимъ родомъ поэзіи. Изображая историческое въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то есть, извѣстныхъ лицъ и извѣстныя событія, онъ въ поэтическихъ образахъ знакомитъ насъ съ духомъ эпохи, съ народною жизнію, безъ чего, какъ извѣстно, возможно только поверхностное, внѣшнее изложеніе событій.

4. Въ обширномъ смыслѣ, эпосъ охватываетъ всю народную и общественную жизнь, представляя типы, какъ общечеловѣческіе, такъ и мѣстные, частные (напр. дѣйствующія лица въ повѣстяхъ: Старосвѣтскіе помѣщики, Бѣжинъ лугъ, Капитанская дочка). Чѣмъ

полнѣе, пластичнѣе и отчетливѣе изображенiе жизни, тѣмъ болѣе въ произведенiи эпическаго, тѣмъ совершеннѣе эпосъ.

5. Общiя названiя эпическихъ произведенiй: басня, поэма, (иногда историческая) и повѣсть (или романъ) обнимаютъ собою всѣ главные роды эпоса. Но у разныхъ народовъ и въ разное время были еще многiя особыя названiя, зависѣвшiя частiю отъ содержанiя, частiю отъ формы произведенiй. Нѣкоторыя изъ этихъ особыхъ названiй сохранились и донынѣ. Такъ идилiей называютъ изображенiе простыхъ нравовъ, наивныхъ, преимущественно простонародныхъ характеровъ. Идиллическими будутъ дѣтскiя сцены, мирныя мечты о счастiи, нѣжныя, семейныя отношенiя, и проч. Слово это взято съ греческаго; напротивъ, названiе «баллада» заимствовано изъ среднихъ вѣковъ. Но всѣ эти виды поэтическихъ сочиненiй не отличаются ни въ чемъ существенномъ и по мысли могутъ быть чрезвычайно разнообразны.

2. Народный эпосъ.

(V пѣснь Одиссеи, былины объ Ильѣ Муромцѣ, слово о полку Игоревомъ).

Чтобы опредѣлить содержанiе и характеръ народнаго эпоса, мы разсмотримъ пятую пѣснь греческой поэмы Одиссеи, переведенной Жуковскимъ. Содержанiе ея слѣдующее: Одиссей, одинъ изъ греческихъ вождей, сражавшихся подъ Троею, послѣ взятiя этого города греками, плыветъ на кораблѣ къ родному острову, Итакѣ, гдѣ уже десять лѣтъ ждали его жена Пенелопа съ сыномъ Телемакомъ. Буря разбила его корабль, и онъ попалъ на цвѣтущiй островъ богини Калипсо. Пѣснь начинается разсказомъ о томъ, какъ, едва заря Эосъ взошла на небо, вставши изъ моря, боги собрались на совѣтъ подъ предсѣдательствомъ «въ тучахъ гремящаго» Зевеса. Аѳина тутъ стала упрекать всѣхъ боговъ и самаго Зевеса за то, что они забыли Одиссея, добраго, мудраго царя, котораго противъ воли держитъ у себя Калипсо, не пуская на родину. Сынъ Крона (Зевесъ), «собиратель тучь», тотчасъ велѣлъ своему посланнику Эрмiю (Меркурiю) объявить «прекраснокудрявой» нимфѣ, что Одиссею, «постоянному въ бѣдахъ», пришелъ срокъ возвратиться домой, и предсказалъ, какъ это исполнится. Эрмiй привязалъ къ ногамъ «золотыя подошвы», которыя, какъ легкiй вѣтеръ, носили его надъ водой и надъ землею, и слетѣлъ съ эѳира къ морю. Онъ быстро помчался по волнамъ, «какъ птица-рыболовъ, когда она, во

время бури жадно хватаетъ рыбъ изъ глубины безплодносоленой бездны, купая въ ней сильныя крылья». Достигнувъ острова, онъ поднялся «съ широкотуманной зыби» на твердую землю, и пошелъ берегомъ къ темному гроту нимфы. У ней на очагѣ пылали кедръ и дерево жизни, и весь островъ былъ накуренъ благовонiемъ; она сама сидѣла «съ золотымъ челнокомъ за узорною тканью» и пѣла звонкопрiятнымъ голосомъ. Пещеру окружали густою зеленью тополи, ольхи и кипарисы, и въ нихъ гнѣздились «длиннокрылыя птицы, крикливыя морскiя вороны, что шумной стаей ходятъ по взморью, добывая себѣ пищи». Виноградъ съ тяжелыми гроздьями окинулъ зеленою сѣтью стѣны грота, а по лугамъ, полнымъ сочныхъ травъ, бѣжали четыре ручья. Мѣсто было такъ прекрасно, что и безсмертный богъ имъ залюбовался бы. Эрмiй вступилъ въ гротъ. Калипсо тотчасъ его узнала и пригласила сѣсть «на богатоукрашенныхъ креслахъ»; но Одиссея тамъ не было: «онъ сидѣлъ одиноко на утесистомъ берегу и плакалъ, устремивъ помраченный слезами взоръ на на пустынное море». Нимфа спросила гостя, зачѣмъ онъ прилетѣлъ, но, по обычаю, не дожидаясь отвѣта, стала угощать его нектаромъ и амврозiей. Эрмiй, вдоволь покушавъ, объявилъ Калипсо волю Зевеса:

«Посланъ Зевесомъ, не самъ произвольно сюда прилетѣлъ я —
Кто произвольно захочетъ измѣрить безплоднаго моря
Степь несказанную, гдѣ не увидишь жилищъ человѣка,
Жертвами чтущаго насъ, приносящаго намъ экатомбы? (сто быковъ на жертву)».

Нимфа, узнавъ, что дѣло идетъ объ Одиссеѣ, содрогнулась и «бросила крылатое слово»: Какъ вы безжалостны къ намъ, ревнивые боги! вамъ завидно, что я прiютила у себя смертнаго мужа.... Одиссей, потерявъ спутниковъ, былъ выброшенъ сюда волнами; «я помогла ему, заботилась о немъ, хотѣла сдѣлать его милымъ супругомъ, давъ ему и безсмертье, и вѣчноцвѣтущую младость»; но ужъ никто не смѣетъ отклонять отъ себя повелѣнiй Зевеса, держащаго эгиду; пусть Одиссей вновь предастся невѣрному морю, я помочь не въ силахъ: у меня нѣтъ ни корабля, ни мореходныхъ людей, съ которыми онъ могъ бы безопасно пройти по хребту «многоводнаго» моря. Эрмiй повторилъ повелѣнiе и удалился. Тогда Калипсо отправилась къ Одиссею. «Онъ все сидѣлъ на прибрежномъ утесѣ, капля за каплей медленно утекала его жизнь въ постоянной

тоскѣ по отчизнѣ; цѣлые дни проводилъ онъ, обративъ очи, полныя слезъ, на пустыню безплоднаго моря». Калипсо утѣшаетъ его:

«Слезы отри, злополучный, и больше не трать въ сокрушеньи
Сладостной жизни: тебя отпустить благосклонно хочу я»; —

и она совѣтуетъ ему связать крѣпкій плотъ, на которомъ онъ могъ бы отправиться по морю. Одиссей, «постоянный въ бѣдахъ», содрогнулся: «Въ мысляхъ твоихъ не отъѣздъ мой, а нѣчто иное, богиня!» Онъ не вѣритъ, чтобъ на плоту можно было переплыть широкую бездну страшнаго моря, и требуетъ, чтобъ Калипсо поклялась ему. Калипсо, богиня богинь, улыбнулась;

«Щеки ему потрепавши рукою, она отвѣчала:
Правду сказать, ты хитрецъ, и чрезмѣрно твой умъ остороженъ».

Она клянется землею, небомъ и подземной водою Стикса, самой ненарушимой для боговъ клятвой, что не замышляетъ ему никакого вреда.

«Нѣтъ, я совѣтую то, что сама для себя избрала бы,
Если бъ въ такомъ же была, какъ и ты, затрудненьи великомъ;
Правда святая и мнѣ дорога; не желѣзное, вѣрь мнѣ,
Бьется въ груди у меня, а горячее, нѣжное сердце».

Одиссей пошелъ за Калипсою въ гротъ; тамъ она усадила его въ креслахъ, оставленныхъ Эрміемъ, предложила ему пищи, какою насыщаются люди, между тѣмъ какъ ей рабыни подали благовонной амврозіи со сладкимъ нектаромъ. Когда оба утолили голодъ, богиня Калипсо сказала: Многохитростный мужъ, благородный Одиссей! ты хочешь возвратиться въ милую землю отцевъ и покинуть меня; но если бъ зналъ, какія напасти тебя ожидаютъ, то вѣрно остался бы со мною въ моемъ тихомъ жилищѣ:

«Былъ бы тогда ты безсмертенъ. Но сердцемъ ты жаждешь свиданья
Съ вѣрной супругой, о ней ежечасно крушась и печалясь.
Думаю только, что я ни лица красотою, ни стройнымъ
Станомъ не хуже ея; да и могутъ ли смертныя жены
Съ нами богинями спорить своею земной красотою?»

Одиссей подтвердилъ, что разумная Пенелопа не можетъ равняться красотою съ вѣчноюной, безсмертной богиней; но онъ всетаки печалится и крушится и больше ничего не желаетъ, какъ

увидѣть домъ свой: если жъ ему суждено утонуть, то онъ твердо встрѣтитъ свою гибель. Такъ наступилъ вечеръ. На другое утро, едва изъ мрака вышла молодая, съ пурпурными перстами, Эосъ, Одиссей всталъ, одѣлся «въ хитонъ и хламиду». Поднялась и богиня: она одѣла плечи «свѣтлосеребрянной ризой изъ тонковоздушной ткани, обвила станъ золотымъ, драгоцѣннымъ поясомъ и опустила съ головы покрывало»; потомъ начала собирать Одиссея въ дорогу. Она выбрала ему по рукѣ «крѣпкій, мѣдный топоръ, заостренный съ обѣихъ сторонъ, плотно насаженный, съ красиво сработанной ручкой изъ оливы», принесла острую скобель и показала внутри острова множество черныхъ тополей, ольхъ и старыхъ, дооблачныхъ сосенъ, изсохшихъ на солнечномъ знoѣ, легкихъ для плаванья. «Одиссей срубилъ двадцать бревенъ, очистилъ ихъ и гладко выскоблилъ острою мѣдью, потомъ обтесалъ по снуру. Между тѣмъ Калипсо вернулась съ буравомъ. Онъ пробуравилъ брусья, сплотилъ ихъ, сшивъ длинными болтами и просунувъ большими шипами; сдѣлалъ широкое дно, какъ мужъ, опытный въ корабельномъ искусствѣ, связалъ крѣпкія ребра плотными брусьями и сбилъ въ гладкую палубу толстыя, дубовыя доски; потомъ поставилъ мачту съ поперечною райной, сдѣлалъ руль, чтобъ управлять судномъ, для защиты отъ моря окружилъ плотъ плетнемъ изъ ракитныхъ сучьевъ и бросилъ на дно различнаго грузу для тяжести. Тогда богиня богинь, Калипсо, принесла ему толстой парусины: онъ устроилъ парусъ, прикрѣпивъ къ нему всѣ необходимыя веревки, и наконецъ могучими рычагами сдвинулъ плотъ на священное море». Работа продолжалась четыре дня; на пятый, освѣжившись баней, Одиссей сталъ собираться въ дорогу. Калипсо принесла ему на плотъ три мѣха: одинъ съ виномъ, другой съ водою, третій съ хлѣбомъ и со всякимъ лакомствомъ, и призвала для него попутный, благовѣющій вѣтеръ. Одиссей распустилъ парусъ и радостно поплылъ; онъ бодрствовалъ, обращая руль могучей рукою и не спускалъ глазъ со звѣздъ. Богиня велѣла ему «неусыпно соглашать путь съ Медвѣдицей, оставляя ее по лѣвую руку» (т. е. Одиссей долженъ былъ плыть съ запада на востокъ, такъ какъ созвѣздіе Медвѣдицы находится на сѣверѣ). Онъ спокойно проплылъ семнадцать дней, и вотъ чернымъ щитомъ на туманномъ морѣ показалась ему гористая земля Феакіанъ. Въ это время «могучій колебатель земли», морской богъ Посидонъ, возвращаясь отъ блаженныхъ Эѳіоплянъ, завидѣлъ на морѣ Одиссея, страшно тряхнулъ лазурнокудря-

вой головою и воскликнулъ: Дерзкій! неужели, пока я праздновалъ въ землѣ Эѳіоплянъ, боги на зло мнѣ согласились помочь Одиссею? Онъ поднялъ великія тучи, взбуровилъ трезубцемъ воды и воздвигъ бурю, скликавъ отовсюду противные вѣтры. Одиссей ужаснулся, задрожали колѣни и сердце; онъ увидѣлъ, какъ справедливы были слова Калипсо, и сталъ жалѣть, что не погибъ подъ Троею, защищая тѣло Ахиллеса. Но поднялась большая волна и разшиблась надъ его головою; плотъ быстро закружился, мачта сломилась подъ тяжелымъ ударомъ противныхъ вѣтровъ, далеко въ море снесло и развившійся парусъ и райну; самого Одиссея отъ руля сорвало въ воду. Долго онъ не могъ выбиться изъ волнъ, стѣсненный платьемъ, даннымъ ему на прощаньи Калипсою, наконецъ вынырнулъ, извергая изъ устъ горькую морскую воду, которая обильнымъ потокомъ побѣжала съ его бороды и кудрей; онъ вспомнилъ свой плотъ, погнался за нимъ, ухватился и взлѣзъ на палубу. Но волны перебрасывали плотъ туда и сюда, по волѣ вѣтровъ, «подобно тому, какъ шумный осенній Борей носитъ по широкой равнинѣ изсохшій, густо скатавшійся репейникъ». Въ этой бѣдѣ увидѣла Одиссея морская богиня Левкотея, легкокрылымъ ныркомъ поднялась съ моря, взлетѣла на твердосколоченный плотъ и сказала:

«Бѣдный! за что Посидонъ, колебатель земли, такъ ужасно
Въ сердцѣ разгнѣванъ своемъ и съ тобой такъ упорно враждуетъ;
Вовсе однако тебя не погубитъ онъ, сколькобъ ни тщился.
Самъ на себя положися теперь (ты, я вижу, разуменъ)»,

и она даетъ Одиссею чудотворное покрывало, совѣтуя раздѣться и броситься въ море. Одиссей сталъ раздумывать: «Не новую ли хитрость задумала богиня? какъ мнѣ бросить плотъ? берегъ еще не близко.... пока цѣлъ плотъ, не сойду съ него». Но едва онъ сказалъ это, поднялась изъ бездны тяжкая, гороогромная волна, грянула— «и брусья плота разорвались, какъ разлетается лежавшая кучей сухая солома, вдругъ разорвавшись отъ быстраго вихря». Одиссей поймалъ одно изъ бревенъ и осѣдлалъ, какъ коня, бѣжавшаго на волю; онъ снялъ платье, одѣлъ грудь покрываломъ и, простерши руки, бросился въ волны. Видѣлъ это могучій колебатель земли, тряхнулъ лазурнокудрявой головой и промолвилъ:

«По морю бурному плавай теперь на свободѣ, покуда
Люди, любезные Зевсу, тебя благосклонно не примутъ;
Будетъ съ тебя! не останешься, думаю, мной недоволенъ».

Сказавъ это, онъ погналъ длинногривыхъ коней и умчался къ своимъ свѣтлозданнымъ чертогамъ. Тогда Аѳина стала укрощать волны; два дня и двѣ ночи Одиссея носило бурею, на третій море стихло. Поднятый кверху волной, онъ быстро взглянулъ впередъ и увидѣлъ не вдалекѣ землю. Онъ обрадовался, «какъ радуются дѣти, видя исцѣленье отца, пораженнаго тяжкимъ недугомъ», быстрѣе поплылъ, но, на такомъ разстояніи, какъ внятенъ человѣческій голосъ, услышалъ шумъ буруновъ: берегъ усѣянъ былъ крутыми утесами и рифами, о которые свирѣпо расшибались волны. Одиссей пришелъ въ ужасъ: пристать къ берегу не было возможности, а если плыть вдали, моремъ, выжидая, не попадется ли гдѣ нибудь отлогій берегъ, то грозила опасность погибнуть отъ бури или жертвою какого нибудь морскаго чудовища. Когда онъ такъ раздумывалъ, его вдругъ помчало волной на утесистый берегъ; его кости раздробились бы, если бъ богиня Аѳина не научила его схватиться руками за ближній утесъ: вися на камнѣ со стономъ, онъ ждалъ, чтобъ пробѣжала волна; она прошла, но, отразясь, на возвратѣ сшибла его съ утеса и отбросила въ темное море. «Къ рѣзкому утесу лоскутьями прилѣпилась кожа Одиссеевыхъ рукъ, подобно тому, какъ множество крупинокъ камня прилипаетъ къ ножкамъ полипа, если его силой вырвешь изъ вѣтвистаго ложа». Одиссей поспѣшно вынырнулъ въ бокъ изъ волны, которая вновь катила на камни, и поплылъ всторону, отыскивая отлогій берегъ; наконецъ онъ увидѣлъ себя передъ устьемъ рѣки, гдѣ у берега была тишь, и обратился съ мольбою къ рѣчному богу. Вышедши изъ моря, онъ безъ чувствъ упалъ на землю; но, когда вернулась память, онъ бросилъ въ море покрывало, данное богинею, сталъ лобызать землю и раздумывалъ, гдѣ прилечь ему: на берегу потока пришлось бы страдать отъ утренняго инея и холода, а въ лѣсу могутъ растерзать звѣри. Ему удалось найти двѣ крѣпко сплетенныя оливы; Одиссей угнѣздился подъ ними и легъ, приготовивъ ложе изъ опалыхъ листьевъ. «Онъ закопался въ ихъ грудѣ, подобно тому, какъ пахарь скрываетъ въ полѣ подъ золой неугасшую головню, далеко отъ жилаго мѣста, чтобъ сохранить сѣмя пламени безопасно отъ пожара». Такъ, согрѣвшись, Одиссей крѣпко заснулъ.

Изъ мѣстъ, означенныхъ въ нашемъ изложеніи вносными знаками, обратимъ прежде всего вниманіе на тѣ, въ которыхъ мы находимъ пластичныя подробности описанія. Сюда во первыхъ относятся множество эпитетовъ, изъ которыхъ иные употребляются по-

стоянно: Одиссей, постоянный въ бѣдахъ; Зевесъ, собиратель тучь; нимфа прекраснокудрявая, широкотуманная зыбь, безплодносоленая бездна моря, длиннокрылыя птицы, и проч. Для того же нагляднаго изображенія служатъ частыя сравненія: Эрмій, когда несется по волнамъ, сравнивается съ птицей рыболовомъ; заря выходитъ изъ мрака, какъ дѣвушка съ розовыми пальчиками; плотъ Одиссея носило, какъ репейникъ по полю; брусья его разлетѣлись, какъ сухая солома отъ вихря; Посидонъ тряхнулъ лазурнокудрявой головой и трезубцемъ взбуровилъ воды, а потомъ погналъ длинногривыхъ коней (олицетвореніе моря); Одиссей зарылся въ опалыхъ листьяхъ и спасался отъ холоду, какъ поселянинъ прячетъ головню подъ золою, и проч. Замѣтимъ особенную точность въ этихъ сравненіяхъ. Эрмій, летящій надъ водой, представленъ, какъ птица рыболовъ; но этимъ не ограничивается изображеніе: описана самая птица съ ея сильными крыльями и какъ она хватаетъ рыбъ изъ моря, взволнованнаго бурею; описано и самое море — «безплодносоленая бездна». Подобныя же подробности мы находимъ во всѣхъ описаніяхъ и въ самомъ изображеніи чувствъ. Это и составляетъ истинную эпическую пластику, которой образцы даютъ намъ поэмы Гомера. Но обратимся къ содержанію. Здѣсь мы прежде всего имѣемъ дѣло съ народными вѣрованіями. Мы видимъ, какъ греки представляли своихъ боговъ, какія придавали имъ свойства. Передъ нами «въ тучахъ гремящій» Зевесъ, первый по власти: ему покоряются всѣ прочіе боги и смертные; далѣе являются: Посидонъ, богъ моря, Эрмій и Аѳина, а изъ второстепенныхъ божествъ: Калипсо и Левкотея. Боги, какъ извѣстно, первоначально служили у грековъ олицетвореніемъ силъ природы: это видно и въ Зевесѣ, какъ «собирателѣ тучь», богѣ грома и молніи. Но въ поэмѣ онъ представляетъ уже не одну грозную стихію: онъ управляетъ Олимпомъ и землею, собирая на совѣтъ другихъ боговъ, подобно тому, какъ въ старину греческіе цари совѣщались съ подчиненными имъ князьками и владѣльцами (пастырями народа); онъ оказываетъ справедливость доброму мужу, Одиссею, рѣшая вмѣстѣ съ Аѳиною, что пора положить конецъ его блужданіямъ. Не смотря на свое первенство, онъ предоставляетъ другимъ богамъ много свободы говорить и дѣйствовать. Аѳина съ ѣдкимъ упрекомъ замѣчаетъ на совѣтѣ, что каждый смѣло можетъ дѣлать беззаконія, если боги не хотятъ помочь Одиссею; Зевесъ на это только говоритъ: «Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетѣло.... вѣдь ты сама рѣшила даровать Одиссею счастливый возвратъ». Въ Зевесѣ, какъ мы видимъ, уже высказываются нѣкоторыя нравственныя и общественныя понятія грековъ. Ближе къ старинному представленію о богахъ, какъ о грозной силѣ природы, — Посидонъ. Онъ разгнѣванъ на Одиссея и мститъ ему, изображая собою безпощадное могущество морскихъ волнъ, съ которыми трудно бороться человѣку при малыхъ средствахъ образованія. Однако и онъ не до конца губитъ Одиссея; увидѣвъ, какъ герой бросился вплавь, онъ говоритъ: «Будетъ съ тебя! не останешься, думаю, мной недоволенъ». Посидонъ потѣшилъ свою силу; остальное надо предоставить искусству человѣка. И такъ въ поэмѣ Одиссея мы замѣчаемъ уже то развитіе народныхъ понятій, когда боги являются болѣе милостивыми, благодѣтельными и вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ человѣческій образъ. Пока народъ еще безсиленъ въ борьбѣ съ природою, онъ всюду воображаетъ чудовищъ, которыя властвуютъ надъ людьми и опустошаютъ землю; но побѣдивъ искусствомъ грубыя силы природы, обезпечивъ нѣсколько свою жизнь отъ вредныхъ вліяній, онъ уже ставитъ человѣка съ его умомъ и нравственными свойствами выше всякой неразумной стихіи: иначе говоря, нравственная сила въ человѣкѣ — терпѣніе, искусство — беретъ перевѣсъ надъ физическою, болѣе зрѣлый разумъ надъ дѣтской пугливой фантазіей. У грековъ это новое направленіе выразилось въ поклоненіи красотѣ, въ обожаніи человѣческой формы: такъ и боговъ своихъ они стали представлять во всемъ человѣкоподобными (что называютъ антропоморфизмомъ). Аѳина усердно покровительствуетъ Одиссею, поощряя его на всякое отважное дѣло: она искренно сочувствуетъ его неутомимой твердости въ борьбѣ со всякой опасностью. Рядомъ съ грознымъ Посидономъ, и въ морѣ, этой зыбкой, неблагопріятной человѣку стихіи, нашлась благодѣтельная богиня, Левкотея. На Олимпѣ боги спорятъ и разговариваютъ совершенно, какъ люди, и Эрмій, какъ всякій гонецъ, жалуется Калипсо на долгій путь по безплодному морю, гдѣ нельзя питаться дымомъ жертвъ, и съ аппетитомъ принимается за угощеніе, предложенное богиней. Но болѣе всего это человѣкоподобіе мы замѣчаемъ въ Калипсо. Вся ея личность какъ будто олицетворяетъ собою то вліяніе, какое имѣла на человѣка кроткая природа острововъ Средиземнаго моря. Калипсо есть созданіе того свѣтлаго Олимпа, какой описанъ въ VI пѣснѣ Одиссеи:

«Олимпъ, гдѣ обитель свою, говорятъ, основали
Боги, гдѣ вѣтры не дуютъ, гдѣ дождь не шумитъ хладоносный,

Гдѣ не подъемлетъ метелей зима, гдѣ безоблачный воздухъ
Легкой лазурью разлитъ и сладчайшимъ сіяньемъ проникнутъ».

Прекрасное мѣсто, гдѣ жила Калипсо, представлено въ согласіи съ ея красотою, съ ея нѣжнымъ, дружелюбнымъ характеромъ. Спасши Одиссея отъ гибели, она лелѣетъ его, какъ любимаго человѣка, обѣщаетъ ему безсмертье и вѣчную молодость. По своему женскому чувству, она предполагаетъ зависть въ богахъ, когда Эрмій приноситъ ей вѣсть объ ихъ рѣшеніи. Боги какъ будто знаютъ цѣну ея любви, ревнуя къ ней Одиссея. Но какъ ей ни горько, она довольна тѣмъ, что можетъ утѣшить милаго, устроивъ его возвратъ на родину. Когда Одиссей сначала ей не вѣритъ, она не оскорбилась: напротивъ ласково треплетъ его по щекѣ, любуясь умомъ и осторожностью героя. Боги любятъ видѣть умъ, находчивость, разсудительность во всѣхъ дѣлахъ жизни. Какъ заботливо она потомъ умоляетъ его остаться, съ какой наивной простотою говоритъ о красотѣ своей! Но Одиссей неумолимъ въ своей твердой рѣшимости возвратиться на родину, и она, забывъ всякій эгоизмъ, хлопочетъ ужъ только о томъ, чтобы по возможности облегчить ему трудное плаваніе: приноситъ топоръ, буравъ, парусину, даетъ всякихъ запасовъ и призываетъ попутный вѣтеръ на дорогу.

Другая сторона греческой жизни, съ какою знакомитъ насъ Одиссея, заключается въ описаніи семейнаго и общественнаго быта, какимъ онъ является въ патріархальный періодъ народнаго развитія, когда люди жили еще въ первобытной простотѣ, подобно Калипсо въ ея пещерѣ. Тутъ мы узнаемъ, что ѣли греки, во что одѣвались, какъ устроивали пиры, чѣмъ занимались въ дому, и внѣ дома, узнаемъ весь образъ ихъ жизни, нравы, обычаи. Въ разобранной нами пѣснѣ сюда относятся слѣдующія подробности. Самыя совѣщанія боговъ на Олимпѣ, какъ мы уже замѣтили, подобны совѣщаніямъ вождей, владыкъ народа, подъ руководствомъ главнаго между ними, имѣвшаго царскую власть, но объ этомъ подробнѣе можно узнать изъ другихъ пѣсенъ, особенно изъ поэмы «Иліада». Кромѣ этаго мы знакомимся съ нѣкоторыми чертами домашней жизни и съ первобытнымъ искуствомъ грековъ. Подобно Калипсо, первые обитатели Греціи, конечно, селились около мѣстъ, богатыхъ растительностію и водою, часто въ какихъ нибудь гротахъ, согрѣваясь въ холодное время огнемъ, разведеннымъ на очагѣ. Постепенно они научились употребленію мѣди, а потомъ и желѣза. У Калипсо уже есть мѣдный топоръ, буравъ и другія принадлежности

хозяйства. Съ этимъ стали появляться и нѣкоторыя искуства. Эрмій сидитъ уже въ искусно отдѣланныхъ креслахъ. Главнымъ занятіемъ женщины было тканье. У Калипсо есть парусина и другія ткани. Описаніе ея одежды, какъ у богини, нѣсколько пріукрашено; но, конечно, женская одежда вообще отличалась большею тонкостью нитей и роскошью: драгоцѣнный поясъ былъ необходимой ея принадлежностью; женщины употребляли и головныя покрывала, какія до сихъ поръ носятъ на югѣ. Одиссей одѣтъ былъ въ хитонъ (нижняя одежда, въ родѣ льняной рубашки) и въ хламиду (верхняя одежда, въ родѣ плаща) — обыкновенный нарядъ древнихъ грековъ. Но самое видное мѣсто въ пѣснѣ занимаетъ описаніе первобытнаго плаванья на плотахъ, какое въ тихую погоду было возможно между островами Средиземнаго моря, близъ береговъ Греціи. При плаваніи встарину дѣйствительно узнавали путь по солнцу и по звѣздамъ, какъ дѣлаетъ Одиссей. Пѣснь подробно изображаетъ, какъ Одиссей выбиралъ и рубилъ деревья для плота, какъ тесалъ ихъ, строгалъ, сколачивалъ, и проч. Въ этомъ восхваленіи плотничьяго мастерства мы видимъ серьезную идею. Народъ, который въ своихъ пѣсняхъ вспоминалъ съ такою любовью о первыхъ попыткахъ и трудахъ человѣка въ борьбѣ съ природою, конечно, самъ глубоко понималъ и цѣнилъ человѣческое искуство: ничто не дѣлается вдругъ, и грекамъ слѣдовало быть отличными плотниками, прежде чѣмъ прославиться во всемъ древнемъ мірѣ своими могучими кораблями, великолѣпными городами и храмами. Величая своего народнаго героя, какъ искуснаго плотника, они вообще воздавали честь искуству, поставившему ихъ такъ высоко въ сравненіи съ другими народами. Одиссей и въ другихъ отношеніяхъ является представителемъ народнаго греческаго генія. Не смотря на счастливую жизнь съ богинею Калипсо, какой позавидовали бы боги, онъ цѣлые дни сидитъ одиноко на берегу, глядя въ слезахъ на безплодное море. Вѣчно цвѣтущая юность среди блаженной праздности, нѣги и наслажденій его не привлекаетъ: ему нужны дѣятельность и борьба, нужно увидѣть свою Пенелопу, устроить свой домъ. Въ этомъ состоитъ его нравственный характеръ. Въ патріархальный вѣкъ семейный долгъ, семейныя отношенія стояли еще выше гражданскихъ: греки и подъ Троей сражались за похищеніе супруги Менелая, Елены, и Одиссей, какъ герой, до конца борется за семью, одолѣвая всѣ трудности, чтобы возвратиться на родину и истребить жениховъ Пенелопы. И съ какою энергіей принимается онъ за дѣло,

чуть появилась надежда достигнуть цѣли. Строя плотъ, сдвигая его могучими рычагами въ море, онъ выказываетъ всю силу неутомимаго, опытнаго работника. Крѣпкою рукою ворочаетъ онъ руль и по звѣздамъ направляетъ путь къ востоку. Поднялась буря; волны, какъ былинку, перебрасываютъ его съ мѣста на мѣсто: онъ держится до послѣдней минуты. Его снесло въ море, но послѣ долгой борьбы, онъ выбился изъ волнъ и поймалъ плотъ свой; когда разбило плотъ, онъ схватился за бревно, потомъ поплылъ вдоль берега, успѣвши во время уцѣпиться за камень и спастись отъ буруна. Это подробное описаніе борьбы Одиссея съ волнами указываетъ намъ, что греки въ постоянномъ, неутомимомъ мужествѣ видѣли главное достоинство своего героя: «постоянный въ бѣдахъ» и служитъ обыкновеннымъ эпитетомъ Одиссея. Другою чертой его мы находимъ: обдуманность, осторожность, постоянную работу мысли въ какомъ бы то ни было трудномъ положеніи. Одиссей начинаетъ сомнѣніемъ всякое дѣло: онъ сначала не вѣритъ словамъ Калипсо, чтобы можно спастись на плоту; онъ точно также не вѣритъ Левкотеѣ, совѣтовавшей ему броситься вплавь во время бури. Избитый волнами, онъ находитъ время сообразить, что нужно схватиться за утесъ, когда его понесло буруномъ; вися со стономъ на утесѣ, онъ и тутъ обдумываетъ свое положеніе. Когда, полуживой, онъ очнулся на берегу, онъ прежде всего соображаетъ, гдѣ удобнѣе укрыться на ночь, и не предается безполезному отчаянью. Этими двумя сторонами характера: своимъ неутомимымъ мужествомъ и постоянной разсудительностью Одиссей и становится для насъ представителемъ древнегреческаго типа; эти свойства и создали въ древнихъ грекахъ все ихъ могущество и славу. Мы видѣли здѣсь, какъ народный эпосъ обнимаетъ собою всю народную жизнь и съ внутренней, религіозно нравственной стороны и со стороны внѣшней, семейной и общественной; но, по требованію поэзіи, все это представлено въ похожденіяхъ, въ думахъ, въ дѣйствіяхъ одного избраннаго героя, который олицетворяетъ собою все, что есть существеннаго въ народномъ характерѣ.

Въ примѣръ народнаго эпоса приведемъ еще разсказъ изъ нашихъ русскихъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ. Мы здѣсь не будемъ излагать всего ихъ содержанія, а укажемъ только главныя черты избраннаго нами типа *). Илья Муромецъ постоянно странствуетъ

*) Я здѣсь пользовался изложеніемъ былинъ, помѣщеннымъ въ моей книгѣ:

въ полѣ на своемъ конѣ богатырскомъ, въ полѣ разставляетъ онъ шатеръ, варитъ себѣ кашицу и опочиваетъ. Конь у него могучій: какъ стегнетъ его Илья по тучнымъ бедрамъ, онъ первый скокъ ступилъ за пять верстъ, а другаго скоку и не найти. Въ Ильѣ очень наглядно представлены удаль и сила: онъ самъ возьметъ себѣ мѣсто за столомъ у князя Владиміра; изъ трехъ дороженекъ онъ всегда выберетъ самую опасную, но за то прямую (Разск. изъ рус. ист., вып. I, стр. 129). По одному преданію, свою силу Илья получилъ въ наслѣдство отъ стараго богатыря Святогора, у котораго учился всѣмъ ухваткамъ богатырскимъ (стр. 132); по другому разсказу — отъ таинственныхъ каликъ перехожихъ чрезъ чародѣйскій напитокъ (стр. 131). Взявъ благословенье у отца—матери, онъ выѣзжаетъ изъ дому и кладетъ заповѣдь не кровавить рукъ, не вынимать безъ нужды изъ налучна тугаго лука. Такъ онъ и поступаетъ со Збутомъ; разбойниковъ также только пугаетъ, выстрѣливъ въ сыръ-кряковястый дубъ; но подъ Черниговымъ разрушаетъ заповѣдь, чтобъ освободить городъ отъ темной бусурманской силы (стр: 133). Потомъ онъ ѣдетъ прямою дорогою въ Кіевъ и очищаетъ ее отъ Соловья-разбойника. Илья не зарится на золото, не беретъ золотой казны отъ разбойниковъ, — награды отъ черниговскихъ бояръ и выкупа отъ дѣтей Соловья (стр. 133, 134). Въ Кіевѣ онъ ведетъ себя гордо передъ княземъ Владиміромъ: оскорбляется, когда не вѣрятъ его подвигу, буйствуетъ, когда его не приглашаютъ на пиръ (стр: 135, 136, 137). Но за то онъ служитъ землѣ вѣрно и безкорыстно. Нѣтъ удалѣе Ильи между кіевскими богатырями, некого послать въ поле, когда крайняя опасность грозитъ Кіеву (стр. 136). Изъ подвиговъ Ильи, во время его служенія Кіеву, особенно замѣчательны: борьба съ поганымъ Идолищемъ и съ царемъ Калиномъ, которые изображаютъ собою бусурманскую, особенно татарскую силу (стр: 137, 138, 139). Если мы сравнимъ это изображеніе рускаго богатыря съ тѣмъ, что узнали изъ разсказовъ объ Одиссеѣ, то увидимъ здѣсь также слѣдующія стороны народной жизни: миѳологическія преданія народа, героическія черты народнаго типа, жизнь общественная и историческая. Въ нашихъ былинахъ мы не найдемъ такого отчетливаго изображенія древнихъ бо-

«Разсказы изъ русской исторіи», (выпускъ I, изд. 3-е, стр. 128). Если не имѣть въ виду подробнаго разбора народнаго слога, то, полагаю, этого изложенія достаточно для настоящей цѣли.

жествъ, какъ въ Одиссеѣ: съ христіанствомъ память объ нихъ уже стала исчезать, да у славянъ и не было вообще такого сильнаго творческаго воображенія, какъ у грековъ, чтобы создать разнообразный міръ высшихъ существъ, подобный человѣческому. Въ преданіяхъ объ Ильѣ полубогомъ, богатыремъ «выше лѣсу стоячаго» является Святогоръ. Онъ олицетворяетъ собою грубую физическую силу и долженъ, умирая, уступить свое мѣсто Ильѣ, въ которомъ находимъ уже болѣе кроткія, человѣчныя черты. Въ подобной же противуположности къ Ильѣ стоитъ Идолище, который самъ хвастаетъ своимъ громаднымъ ростомъ: самое его названіе напоминаетъ объ одномъ изъ языческихъ божествъ. Соловей-разбойникъ, что сидитъ на девяти дубахъ, залегая прямоѣзжую дорогу въ Кіевъ, и убиваетъ всѣхъ своимъ свистомъ, также изображаетъ какую то губительную силу природы. Напротивъ, въ каликахъ перехожихъ, избавляющихъ Илью отъ недуга, мы видимъ благодѣтельныя существа. Изъ предъидущаго явно, что въ нашихъ народныхъ вѣрованіяхъ высшія существа являются болѣе зловредными, безпощадными къ человѣку, а не такъ какъ у грековъ, милостивыми, и мы знаемъ, что еще при Владимірѣ приносились языческимъ богамъ человѣческія жертвы. Этотъ взглядъ произошелъ отъ того, что самая природа Россіи своею дикостью и суровостью вызывала человѣка на тяжелую борьбу и не вознаграждала такъ его усилій, какъ роскошная природа береговъ Средиземнаго моря. Особенно трудно было бороться съ нею при недостаткѣ образованія, а мирному развитію народа постоянной помѣхой были опустошенія, какія русскіе терпѣли отъ кочующихъ ордъ, приходившихъ многочисленными толпами изъ Азіи на Россію. Новый, болѣе кроткій взглядъ на жизнь внесла христіанская религія, и съ нею утвердилось понятіе о языческихъ божествахъ, какъ о силахъ, враждебныхъ человѣку: дѣйствіе этихъ враждебныхъ силъ народъ и перенесъ на азіатскихъ пришельцевъ, съ которыми онъ теперь боролся, какъ прежде съ дикою природою. Идолище уже является вождемъ чудовищной татарской ватаги; Соловей представляетъ собою какого то дикаго разбойника. Понятно, что при подобныхъ обстоятельствахъ, то есть, подъ вліяніемъ суроваго климата и въ борьбѣ съ азіятскими ордами, въ народѣ должна была развиться преимущественно физическая крѣпость и удаль. Въ нашихъ богатыряхъ мы и находимъ, вмѣсто всегда обдуманной Одиссеевой энергіи и его строительнаго искусства, выраженіе этой широкой удали. Соотвѣтственно такому характеру, самый слогъ нашихъ былинъ отличается не столько пластичной изобразительностью, сколько живостью, бойкостью выраженій, дающихъ краткую, но меткую характеристику предмета. Подъ Черниговымъ силушки чернымъ-черно: *пуще огня разгорѣлось сердце* богатырское. Взялъ Илья сабельку и сталъ по силушкѣ *погуливать*: куда ни повернется, *дѣлалъ улицы* а мѣстами и *частыя площади*. Потомъ ѣдетъ онъ въ Кіевъ по дорогѣ, гдѣ *сѣрый звѣрь не прорыскивалъ, черный воронъ не пролетывалъ*. Когда конь Ильи упалъ на колѣнки отъ свиста Соловья, богатырь на него прикрикнулъ: «*Ахъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ*! и билъ его по тугимъ ребрамъ. Въ описаніи удалыхъ похожденій и состоитъ главное содержаніе нашихъ былинъ; потому въ нихъ являются на первомъ мѣстѣ: добрый конь, палица въ 90 пудовъ, тугой лукъ со стрѣлами и проч, между тѣмъ какъ Одиссея изображаетъ намъ болѣе плоды мирной гражданственности: домашнія занятія и пиры, плотничью работу, разнообразныя издѣлія искуства, общественныя игры, и проч: Другая греческая поэма, Иліада, содержитъ уже описаніе битвъ грековъ съ троянцами: но и въ ней столькоже дано мѣста изображенію нравовъ, обычаевъ, разныхъ семейныхъ и общественныхъ отношеній. Въ характерѣ Ильи Муромца есть однако сторона, какой не находимъ въ греческомъ героѣ, Одиссеѣ. Это добрыя черты снисхожденія къ врагамъ, обѣщаніе не проливать крови христіанской, готовность совершенно безкорыстно служить міру-землѣ, сражаться «за вдовъ, сиротъ и малыхъ дѣтей». Такія черты отчасти уже служатъ выраженіемъ мягкой, славянской натуры, отчасти развились подъ вліяніемъ христіанства.

Примѣромъ поэмы съ болѣе полнымъ, общественнымъ и историческимъ содержаніемъ служитъ у насъ «Слово о полку Игоревомъ». Мы не будемъ разбирать ее въ подробности, а укажемъ только, на какія стороны можно обратить въ ней вниманіе. Здѣсь также выступаетъ на видъ: 1) миѳологическая сторона, 2) историческая *).

Разсматривая сторону миѳологическую, то есть, народныя вѣрованія, мы должны указать слѣдующее:

А. Поэма еще сохраняетъ память о нѣкоторыхъ языческихъ бо-

*) Подлинникъ поэмы помѣщенъ въ христоматіяхъ Буслаева, Галахова, Скопина; изложеніе историческаго содержанія и дословный переводъ ея можно найти въ моей книгѣ: «Разсказы изъ русской исторіи», (вып. I, стр. 54—74). Сюда же относятся историческія преданія объ Іоаннѣ Грозномъ (вып. II, стр. 175).

гахъ: пѣвецъ Боянъ названъ внукомъ Волоса, бога стадъ (Разс. изъ русс. ист. вып. I, стр. 65); русскіе являются внуками Дажьбога, солнца (стр. 68): тоже значеніе имѣетъ слово «Хорсъ» (стр. 72); вѣтры — внуки Стрибога (стр. 66).

Б. Подъ вліяніемъ природы, всѣ удалые люди представлены оборотнями: такъ Боянъ носится птицею по деревьямъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками (стр. 64); дружинники Всеволода скачутъ, какъ сѣрые волки по землѣ, ища себѣ чести, а князю славы, а самъ Всеволодъ названъ Буйтуромъ (стр. 65); Игорь-соколъ, избивающій птицъ (стр. 68); Всеславъ всюду поспѣваетъ, рыская лютымъ звѣремъ, волкомъ, (стр. 71, 72); Игорь во время бѣгства изъ плѣна является то горностаемъ, то волкомъ, то соколомъ (стр. 73). Плачущая Ярославна незнаемой кукушкой тоскуетъ о своемъ мужѣ и взываетъ къ вѣтру, къ Днѣпру, къ солнцу. (стр. 72, 73). Тутъ мы видимъ, какъ и неодушевленнымъ предметамъ придана таинственная сила.

В. Если, только превращаясь въ животныхъ, человѣкъ пріобрѣталъ особое могущество, то, понятно, что животныя обладали высшимъ даромъ предсказывать то добро, то зло: добровѣстными были соловьи, дятлы, зловѣщими — орлы, галки, вороны, волки, лисицы, (стр. 66, 73, 74). Зловѣщими являются и буря, и вѣтеръ, вѣющій на полки Игоря, и затмѣніе солнца (стр. 66). Участіе природы видимъ и въ описаніи второй битвы: послѣ того, какъ русскіе разбиты, трава никнетъ отъ жалости, а дерево съ печалью къ землѣ преклонилось. Въ чисто народномъ духѣ еще сравненія битвы съ посѣвомъ и съ брачнымъ пиромъ (стр. 67, 68).

Что касается стороны общественной или исторической, то тутъ намъ представляется много любопытнаго изъ русской жизни XII-го столѣтія.

А. Мы знакомимся съ обычаемъ гусляровъ воспѣвать удалыя дѣла князей. Одинъ пѣвецъ одушевлялся примѣромъ другаго; для пѣвца Игорева образцемъ отчасти служилъ Боянъ, жившій до него за сто лѣтъ: какъ пускаютъ десять соколовъ на стадо лебедей, Боянъ вскладалъ вѣщіе персты на живыя струны, а онѣ сами князьямъ рокотали славу. Если былины слагались чисто-народными пѣвцами, то въ Словѣ о полку Игоревомъ уже является пѣвецъ изъ княжеской дружины.

Б. Такимъ образомъ главною цѣлію пѣвца было прославить удалой походъ князя Игоря противъ половцевъ, выставить и другихъ

современныхъ князей. Удаль Игоря очерчена у него живыми чертами. Не смотря на затмѣніе солнца, онъ смѣло говоритъ: «Братія и дружина! хочу преломить копье въ концѣ поля половецкаго и либо сложить свою голову, либо испить шлемомъ изъ Дону». Съ такою же отвагой, во время второй битвы, онъ ворочаетъ бѣгущіе полки, жалѣя о миломъ братѣ Всеволодѣ, который одинъ бился неутомимо. Его удаль еще живо представлена при описаніи того, какъ онъ бѣжалъ изъ плѣна. Тутъ и рѣка Донецъ удивляется князю, говоря: «Князь Игорь! не мало тебѣ величія, а Кончаку досады, а русской землѣ веселія!» (стр. 65, 68, 73). Еще подробнѣе выставленъ въ битвѣ братъ Игоря, Всеволодъ съ его дружиною, Курянами, которые «подъ трубами повиты, подъ шлемами взлелѣяны, у копій вскормлены». Всеволодъ забылъ и свой княжескій почетъ, и милую жену, и жизнь для чести и славы (стр. 65, 67). Святославъ, двоюродный братъ Игоря, старшій въ родѣ и великій князь кіевскій, хорошо изображенъ съ его думою о землѣ; предчувствуя бѣду, онъ видитъ зловѣщій сонъ: онъ видитъ во снѣ жемчугъ — предвѣстіе горя, и что его покрываютъ чернымъ покровомъ, что доски расшатались въ его теремѣ (стр. 69, 70). Изъ другихъ современныхъ князей живѣе обрисованы Всеволодъ-Большое гнѣздо и Ярославъ Осмомыслъ (стр. 70, 71). Изъ прежнихъ князей характеристично представленъ Всеславъ съ его неукротимой удалью (стр. 71, 72).

В. Кромѣ князей и самое событіе изображено съ историческою точностью: мы видимъ тутъ, что пѣвецъ Игоревъ, какъ и самъ говоритъ, болѣе держался дѣйствительности, чѣмъ замышленія Бояна. Затмѣніе солнца, сборы въ походъ, самый походъ въ степи, гдѣ русскому войску сопутствуютъ разные звѣри, первая удачная битва, буря другаго дня, описаніе того, какъ со всѣхъ сторонъ нагрянули половцы, получивъ извѣстіе о грабежѣ стана, отчаянная храбрость Всеволода, печальное окончаніе второй битвы, скорбь и упреки Святослава, что Игорь и Всеволодъ безъ его вѣдома ушли въ степи, бѣгство Игоря изъ плѣна съ помощью половца Овлура, — все это представлено, хотя и въ краткихъ чертахъ, но вполнѣ согласно съ описаніемъ того же событія, какое находимъ въ Ипатьевской лѣтописи.

Г. Особенное значеніе поэмѣ придаетъ патріотическое чувство пѣвца: его скорбь о бѣдствіяхъ земли русской. Мы видимъ здѣсь, что онъ не увлекается доблестью князей: народъ, русскіе, судьба родины не менѣе его занимаютъ. Тутъ, при выраженіи личнаго чувства пѣвца, поэма во многихъ мѣстахъ принимаетъ лирическій ха-

рактеръ. Пѣвецъ опечаленъ междоусобіями князей и раззореніемъ какое русская земля терпѣла на югѣ отъ половцевъ, на сѣверѣ отъ литовцевъ: «тогда по русской землѣ рѣдко слышался голосъ пахаря, но часто каркали вороны, дѣля трупы; князья говорили братъ брату: «это мое, а то мое» — и сами на себя ковали крамолу, а поганые со всѣхъ концовъ приходили съ побѣдами на русскую землю» (стр. 67, 68, 71, 72). Пѣвецъ обращается къ современнымъ князьямъ, чтобы они отомстили за землю русскую, за обиду сего времени, за раны Игоря (стр. 70). Подобныя воззванія придаютъ поэмѣ живой характеръ современности.

Изъ всего предъидущаго легко вывести, какое содержаніе и значеніе имѣетъ народный эпосъ.

1) Обнимая всю жизнь народа, онъ во-первыхъ представляетъ много «чудеснаго» въ описаніяхъ и разсказахъ; но «чудесное» здѣсь не служитъ пустымъ украшеніемъ, а является естественно, какъ выраженіе первоначальныхъ народныхъ вѣрованій. Еще не будучи въ силахъ разъяснить умомъ своимъ величественныхъ явленій природы, народъ придаетъ имъ сверхъестественную силу, видитъ въ нихъ сверхъестественное дѣйствіе на жизнь. Такъ на землѣ и въ водахъ являются высшія существа, то вредящія, то покровительствующія человѣку; самыя животныя одарены особымъ, чародѣйскимъ могуществомъ. Въ поэмѣ, созданной образованнымъ человѣкомъ, «чудесное» становится уже простымъ олицетвореніемъ какой нибудь идеи. Шиллеръ, напримѣръ, представилъ, какъ журавли обличили убійцъ Ивика; но изъ поэмы ясно видно, что тутъ дѣйствовало поэтическое чувство грека, а журавли остались обыкновенными журавлями. Если звѣри и говорятъ въ басняхъ, то никто не подумаетъ приписать имъ человѣческую способность рѣчи.

2) Содержаніе народнаго эпоса подтверждаетъ намъ съ большей силою только то, что мы сказали вообще объ эпосѣ. Служа отраженіемъ жизни, онъ представляетъ духъ извѣстной эпохи и характеръ народа въ его семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ. По народному эпосу, мы смѣло можемъ судить о степени развитія народа, о его взглядахъ на міръ, о его нравахъ и обычаяхъ, и о той исторической обстановкѣ, среди которой онъ развивался. Для самого народа, въ его первоначальномъ развитіи, эпосъ замѣняетъ исторію, слѣдовательно, заключаетъ самую полную характеристику народныхъ думъ и дѣлъ, какъ плодъ народнаго сознанія.

3) Изъ этого уже слѣдуетъ, что и событіе, о которомъ идетъ разсказъ въ народной поэмѣ, должно имѣть важное значеніе въ жизни народа. Такова и дѣйствительно была для древнихъ грековъ осада Трои, когда отдѣльныя греческія племена, сознавъ свое національное единство, въ первый разъ соединились вмѣстѣ для одного подвига. Къ этому событію относятся и всѣ разсказы о похожденіяхъ героевъ, объ ихъ блужданіи по морямъ при возвращеніи на родину. Греки, какъ приморскіе жители, естественно плѣнялись разсказами о странствованіяхъ по разнымъ невѣдомымъ землямъ. Въ господствѣ надъ моремъ прежде всего заключалась ихъ общественная сила. Въ нашей жизни такими событіями была вѣковая борьба съ разными азіятскими пришельцами, особенно съ татарами, господство Кіева, какъ средоточія древней Руси, и проч.

4) Если событіе, какъ бы оно ни было украшено вымысломъ, уже заключало въ себѣ все, что выразилось самаго существеннаго въ народной жизни, въ данную эпоху, то понятно, что и герой поэмы олицетворялъ собою какъ народъ вообще, такъ и характеръ эпохи. Такими героями у грековъ являются въ Иліадѣ — Ахиллесъ и другіе вожди, въ Одиссеѣ — Одиссей, у насъ Илья Муромецъ, представитель простаго народа. Въ чувствахъ и дѣйствіяхъ подобныхъ героевъ естественно повторяется то, что чувствовалъ и дѣлалъ народъ въ самыя рѣшительныя минуты своей жизни. Отъ того онъ хранитъ о нихъ память съ такою любовью.

3. Сказка и басня, повѣсть, романъ.

(Сказки о лисѣ, о котѣ, о щукѣ-зубастой, о бабѣ-ягѣ, и проч.; образцы повѣстей, Донъ-Кихотъ Сервантеса, Мертвыя души Гоголя).

Мы знаемъ, что въ народныхъ вѣрованіяхъ солнце, вѣтеръ, громъ, вода — стихіи, отъ которыхъ зависитъ вся жизнь земледѣльца, внушая особое уваженіе, являются высшими божествами. По своему таинственному, непонятному для народа, дѣйствію, по громаднымъ измѣненіямъ, какія онѣ производятъ на землѣ, эти общія силы природы должны были возбуждать наиболѣе суевѣрнаго страху. Напротивъ, животныя, съ которыми народъ, еще въ кочевомъ быту, находился въ постоянномъ, тѣсномъ сближеніи, казались ему доступнѣе по свойствамъ своего инстинкта, сходнаго съ умомъ малообразованнаго человѣка; слѣдовательно на нихъ, даже въ полудикомъ состояніи, онъ скорѣе могъ смотрѣть, какъ на обыкновенныя существа, въ жизни которыхъ не болѣе чудеснаго, чѣмъ

въ его собственной жизни. Здѣсь однако надо различать животныхъ дикихъ и домашнихъ. Въ самыхъ древнихъ преданіяхъ, дикія животныя: волкъ, медвѣдь, орелъ, воронъ, лебедь, змѣя, какъ самыя сильныя, или опасныя, или вообще замѣчательныя по особенностямъ своей жизни, пользуются наибольшимъ почетомъ: съ ними народъ соединяетъ понятіе о высшемъ, чародѣйскомъ могуществѣ. Но по мѣрѣ того, какъ народъ улучшаетъ свою жизнь, покоряя дикую природу, и въ его преданіяхъ хитрость, ловкость, умъ берутъ перевѣсъ надъ грубою силою. Изъ дикихъ животныхъ лиса, по своей изворотливости, вездѣ первенствуетъ надъ волкомъ и медвѣдемъ. Домашнія животныя: конь, собака, котъ, козы, пѣтухъ выступаютъ на первый планъ, одаренныя разумомъ и чувствомъ. При этомъ взглядѣ на природу раскрывается самое обширное поле для сказки, въ которой главное мѣсто занимаетъ такъ называемый *животный эпосъ*. Народъ съ простодушнымъ сочувствіемъ подмѣчаетъ въ животныхъ всѣ свойства, напоминающія его собственный младенческій умъ, — и, радуясь своимъ наблюденіямъ, создаетъ особенную поэму, гдѣ, въ разсказахъ о похожденіяхъ звѣрей, обыкновенно выставлена та же вѣчная борьба за свое существованіе, какую ведетъ болѣе слабое существо съ разными враждебными ему силами. Однако въ первоначальныхъ сказкахъ нѣтъ того примѣненія къ жизни человѣка, по которому звѣри изображались бы съ поучительною цѣлію, или для осмѣянія человѣческихъ пороковъ: хотя и въ положеніяхъ, нерѣдко взятыхъ изъ обстоятельствъ собственной жизни, народъ знакомитъ насъ съ дѣйствительною природою животныхъ. У волка съ лисой была кадочка медку. Лежитъ лиса, да украдкой постукиваетъ хвостикомъ. «Кума, кума, кто-то стучитъ», говоритъ волкъ. — А, знать, меня на повой зовутъ (повивать, принимать младенца). Вышла кума изъ избы, да прямехонько къ меду, нализалась и вернулась назадъ. «Что Богъ далъ?» спрашиваетъ волкъ — *Початочекъ*, отвѣчаетъ лиса. Во второй разъ она также обманула волка, и на вопросъ его сказала, что родился *Середышекъ*, а когда доѣла весь медъ, то вышелъ *Поскребышекъ*. Здѣсь примѣненіе къ человѣку самое общее, между тѣмъ хитрый характеръ звѣря выступаетъ съ большою наглядностью. Лиса бѣжитъ отъ собаки и мимоходомъ видитъ на воротахъ пѣтушка. «Пѣтушокъ, пѣтушокъ, слѣзь сюда, говоритъ она: я тебя исповѣдаю — у тебя семьдесятъ женъ, ты завсегда грѣшенъ». Пѣтухъ слѣзъ; она хвать его и скушала. Она помогаетъ своею хитростью мужику избавиться отъ медвѣдя; но мужикъ и ее перехитрилъ: далъ ей въ награду мѣшокъ, куда вмѣстѣ съ курами посадилъ собаку. Отъ собаки лиса бросилась бѣжать и спряталась въ свою нору, да и разговариваетъ сама съ собою: «Ноги, что вы дѣлали?—Мы бѣжали.—А вы, глазки?—Мы глядѣли. А вы, уши? — Мы слушали. А ты, хвостъ? — Я, говоритъ, тебѣ подъ ноги мѣшался, чтобы ты упала». Лиса осердилась на хвостъ и высунула его изъ норы; а собака все ждала, хвать лису за хвостъ, вытащила ее изъ норы и разорвала. Тутъ описаніе звѣря основано только на томъ, что собакѣ всего удобнѣе поймать лису за ея длинный, пушистый хвостъ; но народъ не можетъ представить дѣла такъ, чтобы лиса нечаянно попалась: во всѣхъ ея дѣйствіяхъ такъ много смысла, и навѣрно она съ намѣреніемъ высунула свой хвостъ изъ норы. Она думала избавиться только отъ хвоста и ошиблась; но на животный инстинктъ и нельзя расчитывать больше. Изображеніе звѣрей, по однимъ ихъ природнымъ свойствамъ, находимъ мы также въ сказкѣ: «Теремокъ мышки». Лиса, одолѣвая самыхъ сильныхъ звѣрей, не спасается отъ собаки. Подобнымъ же удальцемъ, охранителемъ мирныхъ звѣрей, является котъ. По одной сказкѣ, онъ избавляетъ пѣтушка отъ лисы (Сказки Афанасьева, выпускъ II, 3). Онъ странствуетъ съ козломъ и бараномъ (см. сказку: Котъ, козелъ и баранъ, вып. III) и очень хитро спасаетъ себя и своихъ товарищей отъ волковъ и медвѣдя. Котъ труслив и жаденъ, но самая трусость служитъ ему на помощь: какъ брыснетъ онъ на дерево, то и медвѣдь съ испугу свалился. Въ лѣсу онъ невиданный звѣрь и пугаетъ своей необычайностью. Когда кабанъ хотѣлъ зацѣпить лису, она ему промолвила: «Я скажу Котонайлу Ивановичу!» — Что такой за звѣрь! подумалъ кабанъ и пошелъ своей дорогой. Въ лѣсу онъ живетъ въ брачномъ союзѣ съ лисою (см. сказку: Котъ и лиса, вып. III); но тогда, какъ котъ сидитъ дома и мурлыкаетъ, его супруга ходитъ на промыселъ. Она и волка и медвѣдя пугаетъ своимъ грознымъ мужемъ, что вцѣпится въ цѣлаго быка, а все кричитъ: «мало, мало» (мяу, мяу). Удача кота столько же зависитъ отъ глупости сыльныхъ звѣрей, сколько и отъ собственной его смышлености. Сказка о Щукѣ зубастой уже болѣе переноситъ насъ въ бытъ народный. Народилась она на Шекснѣ, стала по рѣкѣ похаживать, да лещей, окуней полавливать. Собралась вся мелкая рыбица, думу думаетъ, какъ перевести зубастую щуку, пришелъ на совѣтъ Ершъ Ершовичь и сказалъ: «не житье намъ въ Шекснѣ, уберемтесь-ка въ мелкія рѣчки.» Поднялись рыбки въ мелкія рѣчки;

на дорогѣ хитрый рыбарь много изъ ихъ братьи изловилъ на удочку и сварилъ ушицу. Да и щука на Шекснѣ не сдобровала: какъ не стало мелкой рыбицы, пошла она хватать червячковъ и сама попалась на крючокъ. Въ этой сказкѣ, не смотря на то, что все дѣло идетъ о рыбахъ, уже замѣтенъ намекъ на то общественное состояніе, когда слабому небыло житья отъ сильнаго, да и сильный проваль, пока не являлся другой его сильнѣе. Сказка о Ершѣ Щетинниковѣ уже прямо знакомитъ насъ со стариннымъ судебнымъ порядкомъ *). Такимъ образомъ, сначала представляя звѣрей въ ихъ естественныхъ свойствахъ, животный эпосъ постепенно избираетъ цѣлію осмѣяніе пороковъ, обращается въ *сатиру*, при чемъ служитъ изображеніемъ общественнаго быта съ его неустройствами: тутъ звѣри уже олицетворяютъ собою характеры людей, преимущественно въ ихъ животныхъ наклонностяхъ. Изъ сказки образуется басня. Таже лиса у Крылова изображаетъ въ разныхъ видахъ лицемѣріе. Она льстиво восхваляетъ ворону, чтобы выманить у нея кусочикъ сыру, вмѣстѣ съ куманькомъ-мужичкомъ ловитъ рыбокъ и жаритъ ихъ на сковродѣ, а когда грозный левъ поймалъ обоихъ за этимъ дѣломъ, то говоритъ: «это караси, все жители воды... мы всѣ пришли сюды поздравить, добрый царь, тебя съ твоимъ приходомъ... они отъ радости, тебя увидѣвъ, пляшутъ...» Лиса, пользуясь глупостью судей, даетъ также совѣтъ утопить щуку, вмѣсто того, чтобы повѣсить ее за плутни. Волкъ представляетъ собою грубое насиліе и сдираетъ шкурки съ овечекъ, и т. д. Такимъ образомъ въ баснѣ главнымъ предметомъ служитъ изображеніе не звѣрей въ ихъ естественныхъ свойствахъ, а того или другаго общечеловѣческаго, или общественнаго порока. Для правдоподобія здѣсь достаточно какого нибудь одного качества (лукавство лисы, жадность волка, вѣрность собаки, глупая подражательность и безобразіе обезьяны, и проч.), по которому животное становится символомъ подобнаго же человѣческаго свойства: всѣ подробности описанія и разсказа уже относятся къ человѣку. Щука ѣстъ мелкихъ рыбъ, ее приносятъ въ лохани и присуждаютъ утопить — вотъ и все, что взято изъ жизни щуки; но она плутуетъ, снабжая лисынькѣ рыбный столъ, на нее поступило множество жалобъ, уликъ представленъ цѣлый возъ и виноватую судятъ по формѣ; на судѣ лиса является прокуроромъ. Тутъ ужъ такія подробности,

*) См. Разсказы изъ русской исторіи, вып. II, стр. 279 — 288.

въ которыхъ мало общаго даже со сказкою о щукѣ зубастой. Слѣдовательно, все искуство баснописца заключается въ умѣньи подмѣтить и передать характерныя черты общественныхъ нравовъ въ той тѣсной рамкѣ, какую представляетъ аллегорія, взятая изъ животнаго міра. Такъ какъ басня изображаетъ намъ не болѣе, какъ одинъ какой-нибудь характерный случай изъ обыденной жизни, то и для аллегоріи необходимо лишь самое общее сходство между міромъ человѣческимъ и животнымъ, и звѣри могутъ быть выбраны не только изъ родной природы, но и чужеземные, напр. левъ, обезьяна, павлинъ, и проч. *) Мы замѣтили, что старинная сказка, имѣя предметомъ преимущественно міръ животныхъ, постепенно обращается въ сатиру: для народа становятся уже не занимательны одни только свойства и обычаи звѣрей, напоминающія его собственную удаль, ловкость, изворотливость; его болѣе занимаютъ чисто людскія отношенія: униженіе слабаго передъ сильнымъ, людская неправда, гордыня богача, и т. п. Тутъ животныя служатъ лишь средствомъ къ осмѣянію пороковъ и къ тому, чтобы прикрыть слишкомъ рѣзкую правду безобидной аллегоріей: разумѣй, дескать, что дѣло идетъ не о людяхъ, а о звѣряхъ. Сказка сохраняетъ до позднѣйшаго времени и старинныя преданія о богатыряхъ и о стихійныхъ божествахъ, но уже иначе, чѣмъ былина. Былина, вмѣстѣ съ историческою пѣснію, имѣетъ болѣе серьезный, возвышенный поэтическій складъ: тутъ видно, какъ народъ сознаетъ всю важность событій, о которыхъ разсказываетъ, и глубокій смыслъ своихъ старинныхъ вѣрованій. Илья Муромецъ такъ описанъ: «Изъ-за горъ высокихъ, изъ-за лѣсовъ темныхъ, не бѣлая заря занималась, не красное солнце выкатилось, выѣзжалъ добрый молодецъ, Илья Муромецъ, на своемъ конѣ богатырскомъ: у него поѣздка молодецкая, вся поступка богатырская.» Былина о Соловьѣ Будимировичѣ, который пріѣзжаетъ въ Кіевъ изъ-за моря на кораблѣ, начинается такъ:

«Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ-море;
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.»

Въ исторической пѣснѣ мы находимъ тотъ же, болѣе возвышенный полетъ мысли, напримѣръ:

*) Болѣе подробностей о баснѣ можно найти въ моей книгѣ: «Новая русская литература», статья о Крыловѣ.

«За славной за рѣченькой Утвою,
По горамъ было Утвинскимъ,
По раздольицамъ широкимъ,
Распахана была пашенька яровая,
Не плугомъ была пашня пахана, не сохою,
А вострыми Мурзавецкими копьями,
Не бороною была пашенька взборонована,
А коневыми рѣзвыми ногами;
Не рожью посѣяна была пашенька, не пшеницей,
А посѣяна была пашенка яровая,
Казачьими буйными головами;
Не поливой она всполивана
Ни осеннимъ сильнымъ дождечкомъ,
Всполивана была пашенка
Козачьими горючьми слезами.»

И такъ въ былинѣ, въ пѣснѣ, находимъ поэтическіе образы болѣе избранные, соотвѣтственные самому стихотворному складу, потому что и случаи изъ жизни представлены болѣе рѣдкіе и общіе, имѣющіе отношеніе къ судьбѣ всего народа. Напротивъ, сказка о томъ же, напримѣръ, Ильѣ Муромцѣ повѣтствуетъ, какъ объ обыкновенномъ человѣкѣ: «Въ славномъ было городѣ Муромѣ, въ селѣ Карачаровѣ, жилъ крестьянинъ Иванъ Тимофеевичъ. У него было любимое дѣтище, Илья Муромецъ; сидѣлъ онъ сиднемъ тридцать лѣтъ, и какъ минуло тридцать лѣтъ, то сталъ онъ ходить на ногахъ крѣпко и ощутилъ въ себѣ силу великую, и сдѣлалъ себѣ сбрую ратную, копье булатное, и осѣдлалъ коня добраго богатырскаго». Такъ разсказъ идетъ и далѣе, неразмѣренной рѣчью; онѣ совсѣмъ лишенъ той поэтической обстановки, какую находимъ въ былинахъ. Но передавая въ сказкѣ содержаніе старинныхъ былинъ, народъ большею частію уже забываетъ объ ихъ прежнемъ глубокомъ значеніи: тутъ сказка служитъ ему забавой, развлеченіемъ въ минуту отдыха; въ этомъ смыслѣ онъ и говоритъ: «пѣсня быль, а сказка складка» *). Но кромѣ того сказка у народа имѣетъ и свою серьезную цѣль, по которой она также является былью. Мы уже указывали на ея значеніе при изображеніи общественныхъ недостатковъ. Сказка вообще сходитъ съ той идеальной высоты, на какой стоитъ народная пѣснь, чтобы служить потребностямъ обыденной жизни. Она изображаетъ, какъ злая мачиха посылаетъ свою падчерицу къ Бабѣ-Ягѣ на погибель (тутъ Баба-Яга представляетъ какое то миѳическое существо, котораго значеніе для народа потеряно); добрая дѣвочка умѣла всѣмъ услужить въ домѣ, куда послана: дала работницѣ платочекъ, коту-ветчинки, бросила собакамъ хлѣбца, подлила маслица воротамъ подъ пяточки, перевязала ленточкой березку — и всѣ они помогли ей спастись отъ лихой вѣдьмы (сказки Аѳанасьева, вып. I, стр. 13 — 16). Или изъ трехъ братьевъ младшій, забитый, котораго считаютъ дуракомъ, оказывается и умнѣе всѣхъ и добрѣе: онъ за другихъ безстрашно идетъ ночью сторожить на могилу отца, и за это награжденъ чуднымъ конемъ, попадаетъ въ царскіе чертоги, женится на царевнѣ, и проч. (вып. II, сказка 25). Или правдивый и криводушный спорятъ между собою, какъ лучше жить: правдой или кривдой? Всѣ кто ни попадался имъ на дорогѣ, толковали, что кривдой жить лучше, и правдивый вполнѣ испыталъ на себѣ, какъ мало люди цѣнятъ правду: его заставляли много работать и плохо награждали за трудъ; криводушный, потѣшаясь надъ нимъ, выкололъ ему глаза за кусокъ хлѣба. Но правдивый все таки не разувѣрился въ томъ, что лучше жить правдой, все смиренно переносилъ, и наконецъ, при содѣйствіи чуда, получилъ свою награду (сказка о правдѣ и кривдѣ, вып. I, — 10). Или народъ зло надсмѣхается надъ человѣкомъ, который все дѣлаетъ не впопадъ, надъ глупой женою, которая вѣчно противорѣчитъ мужу, чтобы только поставить на своемъ (Набитый дуракъ, вып. II, 9, сказка о злой женѣ, вып. I, 9). Изъ этого видно, что сказка переноситъ насъ въ ежедневную жизнь, знакомитъ насъ съ обыкновенными, семейными или общественными отношеніями между людьми (каковы отношенія между мужемъ и женою, родителями и дѣтьми, богатымъ и бѣднымъ, злымъ, лукавымъ и прямодушнымъ); она такимъ образомъ замѣняетъ былину при изображеніи жизни въ ея обыденныхъ явленіяхъ.

*) Это особенно замѣтно въ сказкахъ, которыя представляютъ много чудеснаго и фантастическаго. Въ нихъ уже утраченъ первоначальный смыслъ преданія, но пока старыя, религіозныя преданія еще были живы въ народѣ, и эти сказки, вѣроятно, имѣли важный характеръ миѳа, легенды, какъ нѣкоторыя изъ духовныхъ стиховъ.

Съ отношеніемъ, въ какомъ былина находится къ сказкѣ, сходно по формѣ и отношеніе поэмы къ повѣсти или роману. Но намъ нужно сначала объяснить, откуда произошло самое слово: романъ. Мы представили образецъ народной поэмы въ Одиссеѣ Гомера; русская былина составляетъ также поэму, въ которой изображается уже русская жизнь, русскій народный характеръ: и такъ у каж-

даго народа есть свои поэмы, былины, пѣсни, знакомящія насъ съ бытомъ, развитіемъ и дѣлами этого народа. Въ древнее время, до Рожд. Христ., были двѣ наиболѣе образованныхъ націи: греческая и римская; въ новое время, послѣ Р. Х., на сцену являются германцы, которыхъ племена, смѣшавшись съ римлянами, образовали, кромѣ нынѣшнихъ германцевъ, англійскую, французскую, итальянскую и испанскую націи. Древніе германцы поселились въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили римляне, и стали во всемъ подражать имъ, какъ болѣе образованному народу: они переняли и латинскій языкъ, но передѣлали его по своему, смѣшавъ съ языкомъ, на которомъ прежде говорили. Такъ образовался новый языкъ, *романскій*, вмѣсто прежняго латинскаго (т. е. римскаго); отъ романскаго и произошли: англійскій, французскій, итальянскій, и проч. Время, когда это случилось, называется средними вѣками. Въ средніе вѣка, въ X, XI и XII вѣкѣ, на новомъ романскомъ языкѣ, появилась и особая *романская или романтическая* литература, изображавшая нравы, обычаи, жизнь тѣхъ народовъ, которые заняли мѣсто древнихъ римлянъ; а жизнь ихъ, въ краткихъ словахъ, состояла въ слѣдующемъ. Въ сильно укрѣпленномъ замкѣ, большею частію на горѣ, обиталъ какой нибудь могучій владѣлецъ, графъ или баронъ; около него, подъ его покровительствомъ, жили другіе дворяне-владѣльцы, менѣе сильные, его вассалы. Эти вассалы не были совершенными подданными своего покровителя, или сюзерена, но несли извѣстную для него службу, сопровождая его въ походахъ, съѣзжались къ нему въ замокъ для разныхъ воинскихъ потѣхъ. Народъ уже былъ въ полной зависимости отъ этихъ дворянъ-владѣльцевъ и не имѣлъ никакихъ правъ. Въ средніе вѣка, съ утвержденіемъ христіанской вѣры, пріобрѣло огромную силу и духовенство. Дѣйствуя за одно съ дворянами, оно образовало изъ всѣхъ этихъ владѣльцевъ сословіе рыцарей, которыхъ главною цѣлію было защищать христіанскую вѣру. Въ рыцаряхъ религіозная ревность соединялась со страстью къ похожденіямъ. Дома они все время проводили въ воинскихъ упражненіяхъ: ѣздили на охоту, ломали копья на особенно устроенныхъ поединкахъ, называемыхъ турнирами, или заводили распри между собою. Но раздавался кличь монаховъ, — и рыцари цѣлыми толпами съ всѣмъ народомъ шли въ землю невѣрныхъ водворять христіанство, или отправлялись на освобожденіе Гроба Господня отъ власти арабовъ. Они давали клятву вездѣ защищать слабѣйшихъ и угнетенныхъ: вдовъ, сиротъ и женщинъ; но не

всегда вѣрно ее хранили, занимаясь столько же грабежемъ, сколько и христіанскими дѣлами. Другою чертою рыцарства было обожаніе женщины. Каждый рыцарь избиралъ себѣ даму, въ честь которой и совершалъ свои подвиги: одолѣть противника на турнирѣ и этимъ заслужить благосклонность своей дамы было высочайшимъ для него счастьемъ; еще непосвященный въ рыцари, будучи пажемъ, онъ пріучался къ учтивости, къ любезности въ замкѣ какого нибудь владѣльца, исполняя, какъ вѣрный слуга, всѣ приказанія хозяйки дома. Все, что́ было лучшаго въ рыцарствѣ, Шиллеръ очень живо представилъ въ своихъ балладахъ изъ средневѣковой жизни, переведенныхъ у насъ Жуковскимъ. Въ балладѣ: «Кубокъ» представлено, какъ молодой пажъ кидается въ кипящую пучину, чтобы добыть кубокъ, брошенный туда царемъ для испытанія отваги своихъ рыцарей. Къ счастію, кубокъ зацѣпился въ подводной скалѣ; юноша успѣлъ схватить его, быстро былъ выброшенъ волною и, невредимъ, явился на свѣтъ. Его разсказъ о подводныхъ чудовищахъ такъ занялъ царя, что этотъ второй разъ бросилъ кубокъ и возбудилъ юношу на новый подвигъ, обѣщая въ награду дочь свою, которая стала умолять за него. Отважный пажъ ревностно устремился въ пучину и больше не возвращался. Такъ для отваги и красоты рыцари порою жертвовали жизнію. Ихъ гордость и понятіе о чести Шиллеръ изображаетъ въ другой балладѣ: «Звѣринецъ». Въ своемъ циркѣ король Францискъ устроилъ обыкновенное въ тѣ грубыя времена зрѣлище: бой дикихъ звѣрей. Тутъ присутствовала вся его блестящая свита, множество великолѣпно-одѣтыхъ дамъ и рыцарей; на арену выпустили льва, тигра, двухъ барсовъ, — и едва со страшнымъ рыканьемъ и ворчаньемъ улеглись звѣри, въ самую средину ихъ летитъ съ балкона женская перчатка. Молодая Кунигунда, бросивъ ее, обратилась къ рыцарю Делоржу съ лицемѣрною улыбкой: «если, мой рыцарь, ты меня любишь, какъ говоришь, то возврати мнѣ перчатку». Рыцарь, не говоря ни слова, спускается на арену, смѣло беретъ перчатку и возвращается къ собранью. При такой отвагѣ, всѣ зрители онѣмѣли; удальца встрѣтили громкимъ рукоплесканьемъ, и сама Кунигунда обратилась къ нему съ нѣжнымъ привѣтомъ, но, взглянувъ на нее холодно, онъ бросилъ ей перчатку въ лицо и сказалъ: «не нужно награды». Однако подобные случаи могли быть развѣ исключеніемъ: рыцари обыкновенно считали за честь совершать всевозможныя сумасбродства для дамы. Участіе пѣвцовъ на торжественныхъ пирахъ

довольно живо представлено Шиллеромъ въ балладѣ: «Графъ Габсбургскій». На пиру, во время избранія въ императоры Рудольфа, приглашенъ былъ пѣвецъ повеселить собраніе какою нибудь пѣснею. Онъ началъ разсказъ о томъ, какъ однажды лѣсомъ шелъ священникъ съ дарами, спѣша причастить умирающаго. Но на пути разлился отъ дождей потокъ, чрезъ который онъ не могъ перебраться. Вдругъ видитъ онъ: выѣзжаетъ изъ чащи рыцарь на статномъ конѣ, отправляясь вмѣстѣ съ ловчимъ на охоту. Узнавъ о положеніи священника, рыцарь, сосѣдній графъ, уступилъ ему коня а самъ пересѣлъ на сѣдло къ ловчему. Священникъ перебрался черезъ ручей, исполнилъ требу и возвращаетъ коня графу; но графъ не принялъ его обратно, сказавъ: «не хочу, чтобы конь мой служилъ пустой забавѣ, служивши Господу Богу». Окончивъ этотъ разсказъ, пѣвецъ привѣтствуетъ новаго императора и обѣщаетъ ему много благъ за его благочестіе. Умиленный Рудольфъ закрылъ мантіей глаза, въ которыхъ выступили слезы — оказалось, что онъ и былъ рыцаремъ, когда-то подарившимъ священнику коня, а въ лицѣ пѣвца узнали самого священника. Пѣвцы, во времена рыцарства, дѣйствительно учавствовали на каждомъ праздникѣ. Ихъ званіе было почетнымъ, и многіе изъ графовъ и даже королей сами сочиняли пѣсни. Пѣвцы ходили изъ замка въ замокъ и величали похожденія рыцарей: предметовъ для пѣсенъ было много, потому что рыцари все время проводили въ странствованіяхъ, въ походахъ, въ битвахъ. Такъ составились цѣлыя поэмы, въ которыхъ однако было болѣе вымышленнаго, чѣмъ дѣйствительнаго: тутъ древнія греческія и римскія сказки соединились со сказками, заимствованными съ сѣвера отъ германцевъ и съ востока отъ арабовъ, христіанскія преданія и легенды съ языческими. Въ романтическихъ поэмахъ, кромѣ воспоминаній о битвахъ съ арабами въ Испаніи и на дальнемъ востокѣ, заключались большею частію разсказы о небывалыхъ и невозможныхъ подвигахъ, которымъ однако всѣ вѣрили, потому что фантазія въ то время преобладала надъ разсудкомъ. Безконечныя любезности, какія рыцарь говорилъ и оказывалъ своей дамѣ, еще согласовались съ дѣйствительностію; но далѣе представляли, что рыцарь сражался для нея съ драконами, съ великанами, съ волшебниками, которые ей вредили; на каждомъ шагу встрѣчалъ онъ козни чародѣйства и долженъ былъ побѣждать ихъ силою вѣры и оружіемъ; онъ одинъ одолѣвалъ цѣлыя войска невѣрныхъ, какъ у насъ Илья Муромецъ, или пускался въ дальній океанъ, открывалъ новыя земли

и становился ихъ властелиномъ; онъ подвергалъ себя самымъ ужаснымъ истязаніямъ ради своей дамы, или изъ религіозной ревности, отыскивая таинственную чашу Грааль, въ которую, при распятіи, капала кровь Спасителя; онъ попадалъ то въ темныя подземелья, то носился по воздуху, то встрѣчалъ волшебные сады и замки, гдѣ окружали его толпы красавицъ. Поводомъ ко всѣмъ этимъ вымысламъ были частію старинныя миѳическія вѣрованія, частію нѣкоторые случаи изъ скитальческой жизни рыцарей, сильно разукрашенные воображеніемъ: такъ рыцари, отправляясь въ Малую Азію, дѣйствительно завоевывали новыя земли, гдѣ наслаждались всею роскошью востока, забывая о родинѣ. Однако къ концу среднихъ вѣковъ, въ XIV, XV и XVI вѣкѣ, нравы измѣнились: на мѣстѣ прежнихъ дворянъ-владѣтелей, жившихъ въ недоступныхъ замкахъ, возвысились города съ ихъ ремесленниками и купцами; короли взяли власть въ свои руки и стали для собственной выгоды заботиться о порядкѣ, о законѣ, о томъ, чтобы мирные граждане были избавлены отъ хищничества сильныхъ. Напротивъ, прежніе рыцари, искавшіе подвиговъ чести, стали предаваться грабежу, такъ какъ неспособны были ни къ какому другому дѣлу, кромѣ воинскихъ потѣхъ; защищать вдовъ, сиротъ, женщинъ имъ уже не приходилось, потому что объ этомъ болѣе или менѣе заботилась полиція; самое ихъ воинское искусство упало, такъ какъ люди болѣе прежняго стали цѣнить мирные промыслы и торговлю, мирную семейную жизнь въ городахъ: деньги и выгоды общежитія уже предпочитали славѣ удалыхъ похожденій. Съ распространеніемъ огнестрѣльнаго оружія и вся обстановка рыцарства по немногу исчезла: пѣхота взяла перевѣсъ надъ конницей; тяжелые шлемы съ забралами, латы, копья уже мало помогали въ битвѣ. Тогда и прежнія романтическія поэмы, описывавшія похожденія рыцарей, стали казаться смѣшными или вредными произведеніями фантазіи: ихъ уже передѣлывали въ обыкновенный романъ, служившій для развлеченія, или, что еще чаще, для осмѣянія пороковъ дворянства, духовенства и старинныхъ рыцарскихъ нравовъ. Изъ такихъ сатирическихъ романовъ наиболѣе извѣстенъ «Донъ-Кихотъ» Сервантеса. Сервантесъ въ своемъ романѣ описываетъ обыденную жизнь современныхъ ему испанцевъ (конца XVI вѣка), изображаетъ мирный характеръ сельскаго пастора, остроумнаго цырюльника, удалаго, веселаго студента, странствующихъ комедіянтовъ. У него живо описаны особенно нравы и обычаи простаго народа: сельская свобода, жизнь какой нибудь при-

дорожной корчмы, толки и занятія поселянъ; но въ живыхъ картинахъ онъ представляетъ и праздную жизнь тогдашнихъ богатыхъ дворянъ, жадныхъ до всевозможныхъ развлеченій. Во всемъ разсказѣ нѣтъ ничего чудеснаго; даже съ намѣреніемъ тамъ, гдѣ бы вы могли ожидать что нибудь сверхъестественное, все объясняется очень прозаично: таинственное ночное видѣніе въ лѣсу съ лицами въ длинныхъ мантіяхъ, несущими при свѣтѣ факеловъ гробъ, оказывается простымъ погребеніемъ; въ чортѣ, управляющемъ повозкой, наполненной странными фигурами, мы узнаемъ комедіянта съ его собратіей, которые не сняли костюмовъ, потому что въ ближайшей деревнѣ собирались начать то же представленіе, и т. д. Не такъ смотритъ на все это Донъ-Кихотъ, ищущій похожденій. Не глупый отъ природы, онъ начитался рыцарскихъ романовъ и задумалъ по нимъ дѣйствовать: онъ разсуждаетъ умно, гдѣ дѣло не касается его страсти къ отжившему рыцарству; но поступаетъ совсѣмъ нелѣпо. Донъ-Кихотъ, будучи бѣднымъ дворяниномъ, провелъ всю жизнь въ глуши, безъ дѣла, читая только старые романы, составленные по рыцарскимъ поэмамъ и служившіе праздною забавою для публики. Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ вдругъ самъ захотѣлъ сдѣлаться странствующимъ рыцаремъ: добылъ себѣ какую-то клячу, ржавыя латы, копье, смастерилъ шлемъ, подговорилъ добродушнаго поселянина Санхо-Пансу быть своимъ оруженосцемъ, избралъ себѣ и даму сердца въ лицѣ одной крестьянки изъ Тобозо, на которую когда-то заглядывался. Такъ странствуетъ онъ по разнымъ мѣстамъ, пугая однихъ, смѣша другихъ своею дикой фигурой и вооруженіемъ, котораго уже никто болѣе не носилъ. Его похожденія и встрѣчи и даютъ поводъ Сервантесу описывать народные нравы. Донъ-Кихотъ во всѣхъ своихъ поступкахъ соображается со старыми поэмами и романами: принимаетъ гостинницу за рыцарскій замокъ, и потому не платитъ за ночлегъ, вѣтряная мельница кажется ему великаномъ, стадо барановъ — рыцарскимъ войскомъ. Защищая невинность, онъ на дорогѣ освобождаетъ мошенниковъ, которыхъ вели на цѣпи, и одинъ изъ этихъ плутовъ потомъ его самого обкрадываетъ; онъ встрѣчаетъ карету, окруженную всадниками, и, увидѣвъ въ ней дамъ, воображаетъ, что тутъ сидитъ похищенная принцесса. Онъ нападаетъ на мирныхъ всадниковъ, которые, будучи не храбраго десятка, защищаются отъ него подушками, взятыми изъ возка; дамы, принимая его за сумасшедшаго, дрожатъ въ страхѣ и наконецъ умоляютъ оставить ихъ въ покоѣ; Донъ-Кихотъ отпускаетъ

путешественниковъ съ условіемъ, чтобъ они тотчасъ ѣхали и заявили о его храбрости прекрасной дамѣ, Дульцинеѣ Тобозо. Въ такихъ случаяхъ онъ постоянно сыплетъ высокопарными фразами, взятыми изъ рыцарскихъ поэмъ и романовъ. Но не всегда Донъ-Кихоту сходятъ такъ легко его продѣлки: ему не разъ приходится терпѣть побои. Сервантесъ и не щадитъ своего героя, осмѣивая въ немъ давно отжившую идею. Въ другихъ отношеніяхъ онъ отдаетъ ему полную справедливость: Донъ-Кихотъ храбръ, безстрашенъ, великодушенъ, идеально-честенъ и безкорыстенъ, начитанъ и говоритъ чрезвычайно краснорѣчиво; но всѣ эти прекрасныя качества пропадаютъ даромъ, потому что онъ дѣйствуетъ, слѣдуя своей призрачной фантазіи, а не тому, чего требовала окружающая жизнь. Въ противоположность ему Санхо-Панса простой, необразованный поселянинъ, но со здравымъ смысломъ. Онъ сопутствуетъ Донъ-Кихоту отчасти изъ любви къ праздной жизни, отчасти по легковѣрію, въ надеждѣ на какую нибудь прибыль, такъ какъ рыцарь насказалъ ему много чудесъ изъ романовъ. По своему невѣжеству, Санхо вѣритъ, что его господинъ сдѣлается обладателемъ какого нибудь царства, а ему дастъ въ управленіе островъ, но здравый смыслъ не дозволяетъ ему учавствовать въ сумасбродствахъ Донъ-Кихота. Онъ все видитъ обыкновенными глазами и говоритъ обыкновенною рѣчью, усыпая ее множествомъ простонародныхъ пословицъ. Донъ-Кихотъ, вспомнивъ, что въ старыхъ романахъ много говорится о томъ, какъ рыцари услуживали своей дамѣ, посылаетъ Санхо съ привѣтомъ къ Дульцинеѣ Тобозо, съ извѣстіемъ, что ея рыцарь по прежнему ее обожаетъ и на зло всѣхъ чародѣйскихъ козней совершаетъ для нея чудные подвиги. Санхо слышалъ что-то о крестьянкѣ, которую Донъ-Кихотъ такъ романически называлъ Дульцинеей, но не зналъ даже, жива ли она, да и самъ рыцарь только вообразилъ эту Дульцинею, о которой въ дѣйствительности у него едва сохранялось смутное воспоминаніе. Куда же было отправиться Санхо? Зная, что всѣ противорѣчія напрасны, онъ ускакалъ на своемъ ослѣ и гдѣ-то по близости проспалъ цѣлыя сутки, потомъ вернулся къ господину. — «Что-жъ? видѣлъ ты эту несравненную, божественную красоту? спрашиваетъ Донъ-Кихотъ: какъ ты ее встрѣтилъ? Я думаю, на эстрадѣ великолѣпнаго замка она вышивала золотомъ и шелками драгоцѣнную ткань?»—«Нѣтъ, отвѣчалъ Санхо, я встрѣтилъ ее на заднемъ дворѣ: она сѣяла муку». — «Возможно ли, чтобы такая высокая особа занималась та-

кимъ низкимъ предметомъ? что-жъ? тебя по крайней мѣрѣ ослѣпилъ лучезарный блескъ прелестнаго лица ея?» — «Да, говоритъ Санхо, только я не замѣтилъ этого блеску: отъ рѣшета, которое она держала, поднялась такимъ облакомъ мучная пыль, что совсѣмъ затмила эту лучезарную прелесть». Въ другой разъ Донъ-Кихотъ ѣдетъ съ Санхо большою дорогой и видитъ вдали карету съ флагами; онъ сейчасъ вообразилъ, что тутъ кроется что-то недоброе и ему надо сразиться. «У меня есть всюду скрытые враги, волшебники, сказалъ онъ: Санхо! подай шлемъ». А Санхо въ это время купилъ на дорогѣ мягкаго овечьяго сыру и одной рукой уплеталъ его, а другою несъ шлемъ. Услышавъ зовъ господина и боясь, чтобы тотъ не сталъ бранить его за такое неприличное оруженосцу занятіе, онъ въ попыхахъ бросилъ сыръ въ шлемъ и подалъ его Донъ-Кихоту. Рыцарь поспѣшно нахлобучилъ на голову шлемъ, и сыворотка потекла по лицу его. Почувствовавъ на головѣ мокроту и холодъ, онъ ужаснулся. «Что это? волшебство? мозгъ мой таетъ что ли, или я такъ потѣю?» Онъ снялъ шлемъ, взглянулъ внутрь, понюхалъ и воскликнулъ: «Это ты, негодяй-оруженосецъ, наклалъ мнѣ сюда овечьяго сыру?» — «Я? отвѣчалъ Санхо совершенно спокойно: зачѣмъ мнѣ класть его въ вашъ шлемъ? будь у меня сыръ, я положилъ бы его скорѣе себѣ въ ротъ.... Нѣтъ, сударь! видно, и у меня есть волшебники, которые, зная, что я ваше орудіе, хотятъ вредить мнѣ: они то и наклали сыру въ шлемъ, чтобы вы на меня гнѣвались». — «Все возможно! все возможно!» возразилъ Донъ-Кихотъ, отирая лицо со вздохомъ. Потомъ онъ надѣлъ опять шлемъ и грозно бросился къ каретѣ, требуя у извощика, чтобъ этотъ остановился. Извощикъ сталъ говорить, чтобы онъ не мѣшалъ ему, что онъ везетъ огромныхъ львовъ, подаренныхъ алжирскимъ беемъ его величеству королю: львы очень голодны, и онъ торопится пріѣхать на мѣсто, чтобы накормить ихъ. Тутъ Донъ-Кихоту вспала въ голову безумная мысль сразиться со львами. Долго шли переговоры съ вожакомъ, который всѣми силами убѣждалъ его не идти на явную гибель и не вводить его въ отвѣтственность. Санхо между тѣмъ ускакалъ подальше. Не видя ни откуда помощи, вожакъ наконецъ принужденъ былъ открыть переднюю клѣтку. Донъ-Кихотъ слѣзъ съ коня и уже стоялъ передъ нею въ позитурѣ, со шпагою на-голо. Левъ въ это время дремалъ: ослѣпленный свѣтомъ, онъ раскрылъ громадную пасть, зѣвнулъ, высунулъ длиннѣйшій языкъ, облизалъ всю морду и потомъ повернулся къ Донъ-Кихоту задомъ. Этимъ и

кончилась битва, потому что вожакъ убѣдилъ рыцаря, что врагъ, отказываясь отъ сраженія, признаетъ себя побѣжденнымъ. Донъ-Кихотъ все-таки выказалъ тутъ необычайную отвагу и съ гордостью сталъ называть себя львинымъ рыцаремъ, тогда какъ прежде назывался рыцаремъ печальнаго ордена.

Мы видимъ, что въ романѣ Сервантеса безпощадная насмѣшка надъ всякой безпутной фантазіей, надъ всякой безцѣльною удалью: Санхо, не смотря на его невѣжество, отдано преимущество за простой здравый смыслъ, которымъ онъ обладаетъ. Мы видимъ также, что вмѣсто сверхъестественныхъ подвиговъ геройства здѣсь описаны обыкновенныя дѣла людей съ ихъ зломъ и добромъ въ неприкрашенномъ видѣ. Такъ романъ прежде всего отличается тѣмъ, что уклоняется отъ всего чудеснаго, свойственнаго поэмѣ. Сервантесъ даже предаетъ осмѣянію все чудесное, потому въ средніе вѣка оно еще имѣло огромную силу и характеръ новаго времени выразился именно тѣмъ, что перестали вѣрить всякимъ бреднямъ. Въ средніе вѣка сожигали множество людей, признаваемыхъ колдунами и колдуньями, думали, что жизнь человѣка зависитъ отъ звѣздъ, которыя такъ или иначе сложились на небѣ при его рожденіи, считали возможнымъ вызывать духовъ и бесѣдовать съ ними, вѣрили, что мертвецы по ночамъ выходятъ изъ могилъ пугать живыхъ людей, что травы и камни обладаютъ чудесными свойствами обогащать человѣка или переносить его съ мѣста на мѣсто, что не бывалые змѣи и драконы летаютъ по воздуху, и т. д. Пока всѣ эти простодушныя вѣрованія принадлежали народу, они еще имѣли свой смыслъ и поэтическую прелесть, но когда общество, стало устраиваться, въ умахъ книжниковъ и людей ученыхъ, они послужили къ самому дикому изувѣрству: къ обманамъ, къ преслѣдованіямъ, къ совершенному потемнѣнію разсудка. Санхо-Панса былъ также суевѣренъ, но онъ не дѣйствовалъ по системѣ, какъ Донъ-Кихотъ, и потому не дѣлалъ столько глупостей. Но Донъ-Кихотъ занимался еще невинною игрою, чаще всего дававшею только поводъ къ смѣху, а были религіозные фанатики, которымъ вѣрили, когда они въ своихъ книгахъ съ величайшею точностью и подробностью объясняли, какъ отличить человѣка, который имѣлъ сношенія съ нечистымъ духомъ, отъ обыкновеннаго смертнаго: этимъ средствомъ возможно было обвинить и погубить, кого угодно. Между тѣмъ образованіе все болѣе распространялось: открыли новыя земли и увидѣли, что чудесъ нигдѣ нѣтъ, что при-

рода вездѣ одна и таже; промышленный духъ заставилъ поближе вглядѣться въ природу и узнать, какую дѣйствительно можно извлечь изъ нея пользу; изобрѣтены и разные инструменты (микроскопъ, телескопъ) для ближайшаго изслѣдованія явленій. Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія свѣдѣнія стали быстрѣе распространяться, и наконецъ приняли за правило вѣрить только тому, что можно изслѣдовать собственнымъ опытомъ, видѣть на дѣлѣ, а не въ одномъ воображеніи. Тогда исчезъ міръ призраковъ и фантазій, и образованное общество уже не завлекалось вымыслами о таинственныхъ, небывалыхъ предметахъ. Чтоже оставалось дѣлать роману, замѣнившему мѣсто древней поэмы? Изображать людей въ ихъ обыкновенныхъ занятіяхъ и стремленіяхъ, съ ихъ ежедневными дѣлами и страстями. Однако вліяніе старой, романтической поэзіи еще на долго осталось на романѣ; еще и теперь, въ обыкновенномъ разговорѣ, подъ романомъ разумѣютъ безконечныя описанія любви, нѣжностей и удивительныхъ похожденій. Но не въ этомъ истинная задача романа: въ его изображеніе, конечно, входитъ любовь, какъ и всякое человѣческое чувство; но цѣль его не забавлять игрою чувствъ и эффектныхъ положеній, а въ живыхъ образахъ *выставить развитіе характера въ томъ или другомъ общественномъ положеніи.* Въ народной поэмѣ, какъ мы видѣли, тоже изображается жизнь, но въ болѣе крупныхъ, общихъ чертахъ: въ ней являются герои, полубоги, цари, пастыри народовъ, или князья, графы, вожди войскъ, могучіе богатыри; предметомъ изображенія здѣсь служитъ преимущественно война, подвиги силы и отваги: Одиссея только мимоходомъ рисуетъ намъ семейную жизнь, общественные нравы и дѣла искуства; главною задачею поэмы все таки представить богатырскую удаль въ борьбѣ съ природою и людьми; Иліада же почти исключительно наполнена описаніемъ битвъ. Это происходитъ отъ того, что, при первомъ своемъ развитіи, народъ дѣйствуетъ безразличною массою, олицетворяя въ своемъ вождѣ, начальникѣ племени или князѣ всѣ свои свойства и стремленія, а стремленій этихъ немного: народу нужнѣе всего отстоять въ тяжелой борьбѣ свою независимость и жизнь; искуство еще не научило его легко побѣждать природу, а добыча, взятая съ бою отъ другихъ племенъ, кажется ему самымъ легкимъ средствомъ къ обогащенію; отъ того въ этотъ періодъ въ народѣ такъ цѣнится физическая сила, отчаянное мужество, широкая удаль и воинская хитрость. Этими качествами преимущественно и обладаютъ народные герои. Но съ развитіемъ общества война становится лишь горькой необходимостью; мирныя занятія искуствами, ремеслами, мирныя заботы общества, какъ лучше устроить отношенія между людьми, чтобы одинъ другому не мѣшалъ жить и трудиться, выступаютъ на первый планъ, — и тогда героями являются художники, изобрѣтатели, изслѣдователи природы, люди науки. Но, и безъ всякаго геройства, каждый отдѣльный человѣкъ, на сколько его жизнь служитъ выраженіемъ того или другаго общественнаго состоянія, или разъясняетъ вопросъ о нравственномъ развитіи человѣка вообще, заслуживаетъ полнаго вниманія: изъ жизни простаго работника точно также можно узнать, въ какомъ положеніи общество, какова его степень развитія, каковы его нравственныя стремленія, какъ страсти и нужда то побуждаютъ человѣка къ дѣятельности, то ведутъ къ гибели, какъ въ столкновеніяхъ одного класса людей съ другимъ высказывается характеръ каждаго. Такимъ образомъ, въ развитомъ обществѣ, частная жизнь каждаго самаго на видъ незначительнаго члена получаетъ общее значеніе. Слѣдовательно, въ настоящее время романъ вполнѣ замѣняетъ древнюю поэму. Въ немъ дѣйствующія лица большею частію простые смертные, близкіе къ намъ люди, какихъ мы ежедневно можемъ встрѣтить въ обществѣ; но такія именно лица и необходимы для эпическаго произведенія, когда жизнь раздробилась на множество частныхъ интересовъ, одинаково достойныхъ вниманія и при всемъ томъ замкнутыхъ въ тѣсномъ кругу по сословіямъ, по занятіямъ, по разнообразнымъ общественнымъ отношеніямъ. Возьмемъ въ примѣръ хоть исторію женщины. Романъ можетъ представить ее въ томъ положеніи, когда она трудомъ пріобрѣтаетъ себѣ самостоятельность, какъ гувернантка, какъ артистка, или въ семейной борьбѣ, въ столкновеніяхъ семейной жизни, или подъ вліяніемъ свѣтскихъ условій, какъ жертву приличія и моды, или въ кругу извѣстнаго сословія, какъ купчиху, чиновницу, помѣщицу, или съ ея сантиментальнымъ, романическимъ характеромъ, и т. д. Во всѣхъ подобныхъ частныхъ явленіяхъ современная жизнь и достигаетъ эпической полноты: это не значитъ, чтобы жизнь измельчала, а только, что вслѣдствіе своего развитія она очень усложнилась. И прежде женщина трудилась, боролась съ нуждою, нянчила дѣтей; но удальцамъ, искавшимъ похожденій, до всего этого было мало дѣла: они, правда, отстаивали честь семьи, окружали женщину, какъ въ средніе вѣка, призрачнымъ обожаніемъ; но большею ча-

стію она оставалась только работницей въ домѣ, рабою. Теперь семейная жизнь устроилась иначе: она въ маломъ видѣ представляетъ тоже общество съ его заботами, господствующими стремленіями и разнообразной игрою страстей. Тутъ и самый незначительный фактъ получаетъ эпическое значеніе, т. е. имѣетъ какое нибудь примѣненіе къ общей жизни народа: такъ въ приведенномъ нами примѣрѣ излишняя болѣзненная мечтательность и сантиментальность указывали бы на замкнутую жизнь женщины, на вредное вліяніе дурныхъ романовъ, какіе распространены въ обществѣ, и т. д. Отъ таланта автора зависитъ наглядно выяснить это отношеніе частнаго факта къ цѣлой жизни: безъ того и самыя крупныя, самыя поразительныя событія теряютъ значеніе. Такъ какъ подобныя крупныя событія, въ которыхъ высказываются болѣе могучіе характеры (какъ, напримѣръ, борьба за независимость, какой нибудь важный общественный переворотъ), встрѣчаются и теперь въ жизни народа, то они могли бы служить предметомъ поэмы; но поэма, такимъ образомъ возможная и въ настоящее время, здѣсь существенно не отличается отъ романа. Въ ней также должно быть исключено все чудесное (поддѣлка подъ чудесное въ видѣ разныхъ аллегорическихъ изображеній богини войны или свободы, или грозныхъ стихій отзывается только искуственностью); остается изображеніе дѣйствительныхъ фактовъ въ ихъ общемъ значеніи. Но романъ, входя во всѣ подробности жизни, лучше выполняетъ это дѣло. Мы здѣсь ничего не говоримъ о такъ называемой лирической поэмѣ, которую разсмотримъ впослѣдствіи. Повѣсть имѣетъ совершенно одинаковое содержаніе и значеніе съ романомъ: она отличается только меньшимъ объемомъ, представляя болѣе простые характеры, или отдѣльные, не сложные случаи изъ жизни.

Мы уже подробно разбирали повѣсти: Старосвѣтскіе помѣщики, Бѣжинъ Лугъ и Капитанская дочка, такъ что здѣсь намъ нѣтъ нужды приводить новыхъ образцевъ для разбора. Мы тогда объясняли также, какъ при изображеніи человѣческой жизни, высказываются черты общечеловѣческія и личныя, общественныя, народныя и историческія. Все это вполнѣ можно примѣнить къ повѣсти, или къ роману, какъ къ эпическому произведенію. Въ каждой изъ упомянутыхъ повѣстей мы здѣсь напомнимъ только ихъ эпическія черты.

А Старосвѣтскіе помѣщики. Здѣсь идеей автора было показать, какъ развились характеры Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны при извѣстной обстановкѣ жизни. Жизнь ихъ мелкая, прошедшая безъ всякаго слѣда, событіе повѣсти также незначительно; тѣмъ не менѣе авторъ, изображая со всею полнотою эти характеры, умѣлъ выставить ихъ общій смыслъ. Мы видимъ съ одной стороны, какъ вдали отъ всѣхъ житейскихъ дрязгъ, на лонѣ мирной природы, развиваются черты дружелюбія, кротости, крѣпкой семейной привязанности и привычки; съ другой — какъ праздная, недѣятельная жизнь, посвященная исключительно ѣдѣ, дѣлаетъ человѣка равнодушнымъ ко всякому улучшенію въ своемъ быту и ведетъ его къ однимъ суевѣрнымъ страхамъ. Но тутъ общее не только въ общечеловѣческомъ смыслѣ: вѣчное печеніе и соленіе Пульхеріи Ивановны напоминаетъ узкія заботы о домашнемъ хозяйствѣ, занимавшія женщину въ нашемъ старинномъ быту; ея суевѣріе основано на невѣжественномъ народномъ предразсудкѣ; вѣчная халатная праздность, равнодушіе къ своему деревенскому благоустройству и единственная забота о питаніи въ Афанасіи Ивановичѣ принадлежатъ отчасти къ чертамъ стариннаго помѣщичьяго быта. Гоголь даетъ все это чувствовать, углубляясь до малѣйшихъ подробностей въ изображаемую имъ жизнь. Вспомнимъ только описаніе комнатъ съ ихъ разнообразно поющими дверями, бесѣды двухъ старичковъ, подробнѣйшее изложеніе того, какъ цѣлый день и даже ночью кушалъ и закусывалъ Афанасій Иванович и какъ Пульхерія Ивановна все вновь его угощала, какъ она дѣлала свое завѣщаніе передъ смертью, и проч. Все это чисто эпическія картины.

Б. Бѣжинъ Лугъ. Тутъ эпическимъ характеромъ проникнуто живое изображеніе мѣстной природы и пылающаго костра съ окружавшими его мальчиками. Въ цѣломъ картина ночи обрисована съ пластической наглядностью. Далѣе изъ жизни и характера мальчиковъ взята только одна сторона суевѣріе — черта довольно видная въ нашемъ простомъ народѣ; при этомъ отчасти указаны и причины суевѣрныхъ страховъ въ обаяніи, какое производитъ природа, особенно ночью, и въ невѣжественномъ непониманіи ея законовъ. Самое суевѣріе описано очень разнообразно: во 1-хъ по дѣйствію, какое оно производило на характеръ каждаго изъ мальчиковъ, во 2-хъ по предметамъ, къ которымъ оно относилось: тутъ представлены народныя повѣрія о лѣшемъ, о водяномъ, о русалкѣ, и проч. Частный разсказъ и здѣсь принимаетъ общее значеніе объясняя намъ, какъ народъ понимаетъ природу; въ характерахъ

мы также находимъ нѣкоторыя общія черты народнаго развитія: щегольство и праздность болѣе богатаго мальчика, флегматическую мечтательность и кротость въ другомъ, забитость и резонерство въ третьемъ, отвагу и удаль въ четвертомъ.

В. Капитанская дочка. Эта повѣсть можетъ служить намъ примѣромъ исторической повѣсти. Что касается ея исторической основы, то объ этомъ уже довольно было говорено въ нашемъ разборѣ. Требованія историческаго романа или повѣсти ни въ чемъ существеннымъ не отличается отъ требованій обыкновеннаго романа. Авторъ остается вѣренъ исторіи, на сколько это совмѣстно съ условіями поэтическаго творчества: малѣйшую подробность въ своемъ произведеніи ему необходимо основать на точномъ изученіи памятниковъ; однако это не связываетъ его поэтической фантазіи. Возьметъ ли онъ фактъ въ исторической послѣдовательности, или какъ нибудь переставитъ въ немъ второстепенныя подробности, онъ все равно долженъ кое-что выкинуть, многое дополнить, чтобы изобразить картину, знакомящую насъ съ общимъ смысломъ событія. Его эпическіе образы совершенно переносятъ насъ въ минувшую жизнь, въ духъ эпохи; но общій смыслъ событія будетъ намъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ полнѣе авторъ освѣтитъ общественную жизнь изображаемаго имъ вѣка, борьбу частныхъ интересовъ въ избранномъ событіи. Таковы романы Вальтеръ-Скота: Айвенго, Веверлей, Вудстокъ, и проч: Мы узнаемъ изъ нихъ древнюю жизнь шотландскихъ горцевъ, борьбу древнихъ англосаксовъ съ пришельцами изъ Франціи, норманнами, разные обычаи рыцарскаго вѣка, борьбу свободныхъ пуританъ, приверженцевъ Кромвеля, съ приверженцами короля; но тутъ же обрисованы и семейная жизнь, и вліяніе событій на частныя дѣла. Въ эпическомъ изображеніи Пугачева у Пушкина мы находимъ живыя подробности при описаніи состоянія крѣпостей, приступа, Бердской слободы, осады Оренбурга; однако народный характеръ Пугачева выясненъ мало, потому что мы не видимъ прямаго источника всѣхъ его поступковъ. Въ романической исторіи Гринева представленъ уже совсѣмъ исключительный случай, во многомъ даже противорѣчащій общему духу эпохи. За то, въ изображеніи частной жизни, характеры коменданта, его жены и другихъ жителей крѣпости, также какъ характеръ Савельича, обрисованы многими удачными эпическими чертами. Общая задача повѣсти все-таки неопредѣленна: чтобы представить только похожденія Гринева и его страданія за любовь, не было нужды въ исторической основѣ, тутъ можно-бы избрать какой угодно кругъ жизни. Такимъ образомъ повѣсть представляетъ не цѣльное эпическое произведеніе, а только рядъ болѣе или менѣе удачныхъ картинъ.

Въ заключеніе, въ примѣръ болѣе сложнаго произведенія, разсмотримъ еще романъ или поэму Гоголя: «Мертвыя души» *). Гоголь назвалъ свое твореніе поэмою, вѣроятно, желая этимъ показать, что типы избраны имъ изъ широкаго круга жизни и имѣютъ общее значеніе въ историческомъ развитіи народа. Собственно говоря, эта поэма представляетъ намъ помѣщичій бытъ подъ вліяніемъ стариннаго крѣпостнаго права и кромѣ того живо рисуетъ провинціальный чиновничій міръ. Изображеніе въ ней сатирическое, то есть, въ нравахъ взяты однѣ темныя стороны. Болѣе общее значеніе имѣетъ идея: показать, какъ разживаются люди, — выставленная въ лицѣ Чичикова: страсть къ пріобрѣтенію и неразборчивость средствъ, какія для этаго употреблялись, было одною изъ болѣзней современнаго Гоголю общества. Осмѣяніе, какому Гоголь подвергаетъ всѣ эти стороны жизни, явно показываетъ, что общество уже достигло живаго сознанія своихъ несовершенствъ и что въ немъ долженъ былъ по немногу совершиться переворотъ къ лучшему. Такимъ образомъ глубоко прочувствованный смѣхъ, равный «невидимымъ міру слезамъ», здѣсь составляетъ подвигъ, или по крайней мѣрѣ готовность къ подвигу, достойному поэмы. Но изъ нашего объясненія того значенія, какое имѣетъ романъ, видно, что Гоголь напрасно думалъ придавать болѣе важности своему произведенію, называя его поэмою. Это можно объяснить развѣ тѣмъ, что въ его время у насъ было въ ходу множество самыхъ пустыхъ романовъ, описывавшихъ одни любовныя похожденія. Его произведеніе есть романъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Обобщая явленія жизни въ крупные типы, Гоголь тѣмъ не менѣе вездѣ выставляетъ людей въ ихъ обыденныхъ дѣлахъ и разговорахъ, и чѣмъ проще, чѣмъ обыденнѣе эти дѣла и разговоры, тѣмъ нагляднѣе и сильнѣе высказывается въ нихъ общая идея жизни. Мы не будемъ подробно описывать содержанія и характеровъ, а укажемъ важнѣйшія эпическія черты въ романѣ: «Мертвыя души», Прежде всего живымъ типомъ является передъ нами Павелъ Ивано-

*) Нѣкоторыя подробности объ этомъ произведеніи, также какъ и обо всѣхъ повѣстяхъ Гоголя можно заимствовать и изъ моей книги: «Новая русская литература».

вичъ Чичиковъ, скупающій у помѣщиковъ мертвыя души, то есть, умершихъ крестьянъ, которыя по ревизскимъ сказкамъ еще не вписаны умершими. Онъ думаетъ разбогатѣть, заложивъ ихъ, какъ живыхъ въ Опекунскій совѣтъ: все дѣло, конечно, должно совершиться только на бумагѣ. Эти «мертвыя души» составляютъ главный узелъ завязки и потому являются всюду, давая движеніе разсказу. Для нихъ Чичиковъ разсыпается въ нѣжностяхъ передъ чувствительнымъ помѣщикомъ Маниловымъ, который свысока, болѣе для того, чтобы сказать фразу, замѣчаетъ касательно подобной продажи: «Не будетъ ли эта негоція несоотвѣтствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи»? однако любезно передаетъ ихъ Чичикову въ спискѣ, даже связанномъ розовой ленточкой. Объ нихъ идетъ жаркій разговоръ съ крѣпколобой Коробочкой; старуха прямо спрашиваетъ: «Нешто хочешь ты ихъ откапывать изъ земли»? и предлагаетъ вмѣсто нихъ пеньку, замѣчая, что «можетъ, въ хозяйствѣ понадобятся» а Чичиковъ, вразумляя ее, толкуетъ: «Мертвые въ хозяйствѣ! развѣ воробьевъ пугать по ночамъ въ вашемъ огородѣ»? Удалой Ноздревъ принимаетъ дѣло о покупкѣ по своему: онъ предлагаетъ поставить души на карты, или промѣнять свою старую шарманку на бричку Чичикова и въ придачу дать души. Собакевичъ спокойно торгуется, выжимая у Чичикова, сколько возможно было взять, и потомъ еще расхваливаетъ свой товаръ. Толки о мертвыхъ душахъ далѣе производятъ между чиновниками города страшную тревогу своимъ таинственнымъ значеніемъ и даже служатъ причиною смерти прокурора. Такъ удачно избрана Гоголемъ эта простая завязка, что съ одной стороны она даетъ случай разнообразно высказаться характерамъ, съ другой совершенно наглядно выставляетъ идею романа — показать общія злоупотребленія, господствовавшія въ чиновничьемъ мірѣ, особенно, дурной обычай разживаться на щетъ казны, и тѣ противорѣчія съ разумомъ и нравственностью, какія мы находимъ въ старинномъ крѣпостномъ правѣ. Характеръ Павла Ивановича очерченъ очень тонко и обстоятельно. Еще на школьной скамьѣ привыкъ онъ подавлять свои наклонности, терпѣливо прислуживаясь учителю, сберегая каждую копейку и придумывая разныя средства, какъ увеличить свой маленькій капиталецъ. Онъ отказывался отъ всякаго лакомства, отъ всякой игрушки, сидѣлъ въ классѣ неподвижно и, хотя плохо учился, умѣлъ заслужить благосклонность своего наставника. Послѣ того началась тяжелая служба на ничтожномъ мѣстѣ, гдѣ не было никакихъ средствъ выбиться въ люди; Чичиковъ и тутъ нашелся: послѣ многихъ неудачныхъ опытовъ прислуживанія побѣдилъ наконецъ каменное сердце начальника и занялъ высшую должность. Потомъ мы находимъ его уже на тепленькомъ мѣстечкѣ при таможнѣ: разсчитывая на порядочный кушъ, онъ неутомимо преслѣдуетъ контрабандистовъ, чтобы заслужить довѣренность начальства. Долго терпитъ онъ, пока не входитъ съ ними въ сношенія, напавъ на случай разбогатѣть разомъ. Но изъ пустаго обстоятельства, когда при большемъ комфортѣ уже далъ волю страстишкамъ, онъ поссорился съ товарищемъ дѣлежа; тотъ донесъ на него, и Чичиковъ едва успѣлъ обдѣлать свое дѣло такъ, чтобы безъ позора выйти въ отставку, но капиталъ его пропалъ: остался лишь кое какой десятокъ тысячь рублей, да бричка съ конями. Онъ однако не унываетъ, и, какъ герой, уже вышедшій на торную дорогу, не хочетъ вновь пріобрѣтать по мелочамъ, а думаетъ рискнуть на большое дѣло и ѣдетъ въ самую глушь Россіи покупать мертвыя души на выводъ. Гоголь живьемъ рисуетъ намъ Чичикова, какимъ создала его жизнь. Испытанный, потертый въ житейскихъ дрязгахъ, онъ остороженъ, степененъ, приличенъ во всѣхъ поступкахъ, держитъ себя скромно, говоритъ обдуманно, и сладкая любезная улыбка не сходитъ съ устъ его. Съ какой аккуратностью занимается онъ своимъ туалетомъ! какъ старается облагородить свою физіогномію! Въ трактирѣ онъ обстоятельно распросилъ о сосѣднихъ помѣщикахъ, о повальныхъ болѣзняхъ и другихъ случаяхъ смертности между крестьянами; городскимъ властямъ онъ отдалъ визиты и каждому умѣлъ понравиться, сказавъ какое нибудь льстивое, пріятное слово. Такъ устроившись въ своемъ новомъ лагерѣ, Чичиковъ выступилъ въ походъ. Въ обхожденіи его съ помѣщиками мы видимъ туже деликатность, пріятность манеръ и солидность. Но здѣсь ужъ онъ попалъ на первобытную, невоздѣланную почву, гдѣ съ пріемами чиновничьей свѣтскости не подѣлаешь много. Онъ принужденъ былъ сообразоваться съ обстоятельствами; передъ Маниловымъ сравнивалъ себя съ ладьею, обуреваемою волнами; съ Коробочкой говорилъ безцеремонно и даже рѣзко, какъ дѣловой человѣкъ съ барыней, которая, кромѣ своихъ куръ и свиней, ничего не смыслитъ; къ неотесанному Собакевичу подбирался онъ очень осторожно, и когда увидѣлъ, что этотъ человѣкъ глухъ ко всему, кромѣ грубаго разсчета, то торговался съ нимъ очень убѣдительно; въ скаредномъ Плюшкинѣ Чичиковъ восхвалялъ береж-

ливость и умѣренность: и посѣтилъ-то онъ его, наслышавшись о его рѣдкомъ управленіи имѣніями,—на что Плюшкинъ сурово отвѣтилъ: «Завели пренеприличный обычай ѣздить другъ къ другу, въ хозяйствѣ-то упущенія... да и лошадей ихъ корми сѣномъ! Я давно ужъ отобѣдалъ, а кухня у меня низкая, прескверная, и труба-то совсѣмъ развалилась;» только съ буйнымъ Ноздревымъ онъ принужденъ былъ сохранять оборонительное положеніе, но здѣсь всякая тактика была безполезна: человѣкъ, который при первомъ знакомствѣ говорилъ вамъ: «свинтусъ ты, скотоводъ этакой!... поцалуй меня, душа... смерть тебя люблю», конечно, не могъ поддаться на любезности. Вообще при сношеніяхъ съ помѣщиками Чичикову приходилось имѣть дѣло съ грубымъ матеріаломъ: тутъ господствовалъ или узкій копеечный разсчетъ, не способный ни къ какимъ сентиментальнымъ увлеченіямъ, или крайняя распущенность. За то съ чиновниками города Чичиковъ сходится, какъ съ милыми ближними и родными: они называютъ его не иначе, какъ нашъ Павелъ Ивановичь, дорогой, безцѣнный, мамочка, и онъ отзывается объ нихъ чрезвычайно сочувственно. Тутъ не одна привычная лесть: чиновники угощаютъ его, оказываютъ ему всевозможныя услуги и дѣломъ и совѣтами, особенно когда стали предполагать въ немъ милліонера. Въ нихъ онъ могъ бы вполнѣ найти оправданіе житейской пословицы: «рука руку моетъ», еслибы предпринялъ общее съ ними дѣло. У Гоголя рѣзко выставлена та противуположность, съ какою сначала встрѣчаютъ Чичикова въ городѣ и какъ принимаютъ его потомъ, когда объ немъ пошли темные слухи: всеобщій восторгъ, умиленіе, рукопожатія, лобызанія внезапно смѣнились холодной принужденностью, опасливыми взглядами, суровымъ отказомъ отъ дома, какъ будтобы Чичиковъ былъ отъявленнымъ вольнодумцемъ, въ родѣ Чацкаго. Но это совершенно естественно: чѣмъ любезнѣе и родственнѣе могъ онъ казаться городскимъ властямъ, тѣмъ болѣе должна была возмущать ихъ мысль, что этотъ прекрасный человѣкъ какъ то поддѣлъ ихъ. Раскрой они, въ чемъ дѣло, герою бы, конечно, не сдобровать: онъ послужилъ бы жертвою въ искупленіе собственныхъ грѣховъ передъ высшимъ начальствомъ. Но дѣло было небывалое, странное; распросы и изслѣдованія того, что такое мертвыя души, еще болѣе его запутали. Привыкшіе къ своей рутинѣ, чиновники потерялись среди путаницы разнородныхъ толковъ и ударились въ фантазію: сюда присоединился страхъ отвѣтственности, потому что самыя слова «мертвыя

души» отзывались чѣмъ то уголовнымъ. Тутъ выступаютъ и провинціальныя дамы съ ихъ мелкимъ соперничествомъ, страстью къ нарядамъ и сплетнямъ, съ ихъ праздной сентиментальностью и грубымъ разсчетомъ. Онѣ разнесли молву, что Чичиковъ думаетъ похитить губернаторскую дочку, потому что на балу онъ оказалъ ей явное предпочтеніе. Такъ поднялась суматоха, принудившая Чичикова по-добру по-здорову удалиться изъ города. Въ изображеніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ Гоголь доходитъ до самыхъ тонкихъ подробностей: широкая программа, имъ избранная, даетъ ему возможность рисовать жизнь самыми типичными чертами; но каждая картина у него закончена съ полной гармоніей, и нѣтъ въ ней ни вычурности, ни туманныхъ пятенъ: все ясно, просто и строго опредѣленно. Вспомнимъ только похожденія Чичикова при посѣщеніи Коробочки: разговоры съ конемъ подгулявшаго кучера Селифана, его лаконическія слова «вишь ты и перекинулась», когда онъ вывалилъ Чичикова въ грязь, ночлегъ у Коробочки, ея комната съ боемъ часовъ, похожимъ на шипѣніе змѣй, съ перинами, взбитыми до потолка, съ видомъ въ окно на курятникъ, гдѣ гулявшая свинья, уплетая арбузныя корки, мимоходомъ съѣла и цыпленка. Какъ ни забавны эти подробности, вы чувствуете, что онѣ здѣсь вставлены обдуманно и серьезно для характеристики извѣстнаго рода помѣщицы. Также живо представлены обѣдъ у Манилова и у Собакевича, хозяйство Плюшкина, страданія, вытерпѣнныя Чичиковымъ у Ноздрева, его посѣщеніе палаты, гдѣ совершалъ онъ купчую, завтракъ у полицмейстера, губернаторскій балъ, дамскія сплетни, совѣщанія чиновниковъ, когда разнеслась молва о мертвыхъ душахъ. Какъ тонко подмѣчены всѣ слабости провинціальныхъ сплетницъ въ разговорѣ дамы пріятной во всѣхъ отношеніяхъ и просто пріятной дамы! какъ тутъ обстоятельна и вѣрна даже вся второстепенная обстановка до собачки, треснутой платкомъ за ея неугомонный лай, до вышитой подушки съ рыцаремъ, у котораго носъ вышелъ лѣстницей. Какъ оригиналенъ, въ собраніи чиновниковъ, разсказъ почтмейстера о капитанѣ Копейкинѣ! долго велъ свою уснащенную рѣчь почмейстеръ, доказывая, что Копейкинъ и Чичиковъ одно лицо, и все собраніе его слушало, пока, уже по окончаніи разсказа, не замѣтили, что Копейкинъ былъ безъ ноги и слѣдовательно, вся его исторія не идетъ къ дѣлу. Типы помѣщиковъ избраны и описаны съ особеннымъ стараніемъ, и подъ руководствомъ общей идеи. Въ Маниловѣ мы видимъ праздную

сантиментальность и мечтательность при совершенномъ пренебреженіи къ хозяйству и вообще ко всякому практическому дѣлу: онъ сонливо проводилъ жизнь въ пустыхъ грезахъ, напримѣръ, о томъ, какъ бы устроить отъ дома подземный ходъ, или каменный мостъ черезъ прудъ съ лавками, о сладостяхъ пріятнаго, любезнаго обхожденія и дружбы, въ глупыхъ нѣжностяхъ съ женою, въ постоянномъ неподвижномъ куреніи трубки. Всѣ у него были препочтеннѣйшіе и прелюбезнѣйшіе люди, и самого Чичикова онъ осыпалъ учтивостями и сладкими комплиментами при первомъ знакомствѣ. Чуть касалось какого нибудь дѣла, Маниловъ совершенно терялся. Онъ не зналъ даже, сколько у него умерло крестьянъ, съ тѣхъ поръ какъ подавали ревизію, и ничуть не удивился, когда и прикащикъ его не могъ на это отвѣтить. Послѣ сытнаго обѣда онъ безпечно покоился въ креслахъ, когда Чичиковъ смутилъ его вопросами о мертвыхъ душахъ. «Я не могу постичь, началъ онъ,.... извините.... я, конечно, не могъ получить такого блестящаго образованія, какое, такъ сказать, видно во всякомъ вашемъ движеніи; не имѣю высокаго искуства выражаться.... Можетъ быть, здѣсь... въ этомъ, вами сейчасъ выраженномъ изъясненіи... скрыто другое... Можетъ быть, вы изволили выразиться такъ для красоты слога?» Маниловъ такъ и уступаетъ даромъ мертвыя души, ничего не понявъ и убѣжденный только словами Чичикова, что это хорошо и даже польза казнѣ, потому что она получитъ законныя пошлины при сдѣлкѣ. Ноздревъ безпутный человѣкъ другаго рода: буйствуетъ, передергиваетъ въ картишки, гуляетъ по ярмаркамъ, со всѣми дружится и тутъ же дерется. Съ тѣми, которые его прибьютъ, или которыхъ онъ самъ приколотитъ, онъ тотчасъ сходится, какъ ни въ чемъ не бывало, и дружески говоритъ: «чтожъ ты, подлецъ, не зайдешь ко мнѣ». Такъ мало всякихъ нравственныхъ убѣжденій въ характерѣ подобныхъ людей. Ноздревъ встрѣтился Чичикову послѣ поѣздки на ярмарку, въ одномъ архалукѣ, безъ цѣпочки, безъ часовъ, безъ экипажа и лошадей, такъ какъ все спустилъ въ карты, и даже съ однимъ подерганнымъ бакенбардомъ: онъ особенно хвасталъ знакомствомъ съ поручикомъ Кувшинниковымъ, съ которымъ пилъ мертвую. Затащивъ почти насильно Чичикова къ себѣ, онъ уже угощаетъ его разными крѣпкими винами съ цѣлію обдѣлать его въ банчикъ, между тѣмъ таскаетъ по своимъ владѣніямъ, показывая кобылъ, гнѣдаго жеребца, пустыя стойла, волчонка на привязи, котораго онъ откармливалъ сырымъ мясомъ, разныхъ

собакъ, удивительныхъ крѣпостью черныхъ мясовъ и бочковатостью ребръ, слѣпую суку, границу владѣній, состоящую изъ столба и канавы, до которой нужно было идти по тряскому болоту. При этомъ онъ хвастаетъ немилосердо, говоря, что за жеребца далъ 10,000 рублей, что и лѣсъ, который былъ дальше границы, и все за лѣсомъ принадлежитъ ему, и т. д. При предложеніи Чичикова касательно мертвыхъ душъ естественно должна была высказаться вся юркость Ноздрева. Сначала онъ приступаетъ къ Чичикову, чтобы этотъ сказалъ, на что ему мертвыя души, и когда гость придумалъ причину, кричитъ: «Ну, врешь, врешь!... Ну, да вѣдь я знаю тебя: вѣдь ты большой мошенникъ—позволь мнѣ это сказать тебѣ по дружбѣ! Ежелибы я былъ твоимъ начальникомъ, я бы тебя повѣсилъ на первомъ деревѣ». Потомъ онъ предлагаетъ разомъ купить у него за 4000 руб. жеребца, (а душъ дастъ въ придачу) каурую кобылу и сѣраго коня за 2000, собакъ, шарманку за 900 рублей, и проч: «Когда ты не хочешь на деньги, такъ вотъ что, слушай: я тебѣ дамъ шарманку и всѣ, сколько ни есть у меня, мертвыя души, а ты мнѣ дай свою бричку, и триста рублей придачи» — Ну, вотъ еще! отвѣчалъ Чичиковъ а я-то въ чемъ поѣду?— «Я тебѣ дамъ другую бричку. Вотъ пойдемъ въ сарай, я тебѣ покажу ее! Ты ее только перекрасишь, и будетъ чудо бричка». Таковъ Ноздревъ. Напротивъ Коробочка, Собакевичь и Плюшкинъ представляютъ другія натуры, уже не разслабленныя, не размашистыя, а болѣе сосредоточенныя, такъ сказать, будто съёженныя въ грубомъ коконѣ, въ своихъ мелкихъ, эгоистичныхъ разсчетахъ. Коробочка глупа, суевѣрна, проста до такой степени, что изъ своей глуши ѣдетъ въ городъ узнавать, по чемъ ходятъ мертвыя души; но все-таки, хоть изъ скопидомства, усердно заботится о своемъ хозяйствѣ. Плюшкинъ же олицетворяетъ собою отвратительный типъ скупца, у котораго все гніетъ и гибнетъ безъ пользы. Коробочка боится уступить души за безцѣнокъ и борется между этимъ опасеніемъ и мыслью о явной выгодѣ сдѣлки, которой сущности никакъ понять не можетъ, а потерять хоть копейку для нея былобы истиннымъ бѣдствіемъ: такъ она углубилась въ свое хозяйство. Плюшкинъ же съ радостью уступаетъ души, вѣря, что Чичиковъ беретъ ихъ изъ великодушной глупости, и только внѣ себя восклицаетъ: «Ахъ, батюшка! ахъ, благодѣтель мой!... Вотъ утѣшили старика. Ахъ, господи ты мой!» Онъ такъ разнѣжился, что даже хочетъ поподчивать Чичикова и достаетъ изъ шкапа графинчикъ

съ ликеромъ, весь въ пыли, какъ въ фуфайкѣ: «Еще покойница дѣлала.... мошенница ключница совсѣмъ было его забросила и даже не закупорила, каналья! Козявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь соръ то повынулъ и теперь вотъ чистенькая, я вамъ налью рюмочку.» Собакевичъ—медвѣдь, который всѣхъ ругаетъ и живетъ себѣ на здоровье, зная только, какъ сытно ѣсть да сколачивать копейку. За обѣдомъ онъ отвалилъ себѣ къ щамъ огромный кусокъ няни, съѣлъ половину бараньяго бока съ кашей, ватрушку величиной больше тарелки, индюка съ яйцами, рисомъ, печенками и всякимъ добромъ и только побраниваетъ французскую кухню. Чичиковъ очень осторожно и издалека повелъ съ нимъ разговоръ о душахъ; но Собакевичъ едва понялъ, въ чемъ дѣло, очень спокойно, какъ будто рѣчь шла о хлѣбѣ, сказалъ: «Вамъ нужно мертвыхъ душъ?... Извольте, я готовъ продать» — и съ перваго разу запросилъ по сту рублей за штуку. Пораженный гость только воскликнулъ: «по сту!» однако сказалъ свою цѣну, и надбавляя по полтинѣ, дошелъ до двухъ съ полтиною. «Да чего вы скупитесь! продолжалъ Собакевичъ: право, не дорого! Другой мошенникъ обманетъ васъ, продастъ вамъ дрянь, а не души; а у меня, что ядреный орѣхъ, всѣ на отборъ... и проч.»

Примѣровъ нами приведенныхъ достаточно, чтобы показать, съ какой отчетливой пластикой рисуетъ Гоголь и типы всѣхъ помѣщиковъ, какъ рельефно выступаетъ у него каждый характеръ.

Изо всего сказаннаго нами о сказкѣ, баснѣ, повѣсти и романѣ можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Сказка первоначально составляла преимущественно животный эпосъ: въ ней безъ всякой насмѣшки и безъ поучительной цѣли изображались животныя въ ихъ естественныхъ свойствахъ, во многомъ сходныхъ со свойствами человѣка въ его младенческомъ состояніи; съ одной стороны — грубая физическая сила, съ другой — хитрость, ловкость, удаль тутъ представлены въ постоянной борьбѣ между собою, и животныя домашнія все болѣе берутъ перевѣсъ надъ дикими. Сказка сохраняла также древнія, религіозныя вѣрованія народа: въ этомъ смыслѣ она называлась обыкновенно миѳомъ или легендою (примѣръ русскихъ миѳовъ или легендъ можно видѣть и въ такъ называемыхъ стихахъ, которыя поются странниками).

2) Имѣя первоначально тѣсную связь съ былиною, при развитіи общества, сказка все болѣе принимала другой характеръ: она, служа къ изображенію общественныхъ отношеній, становилась сатирою, въ которой чаще всего, подъ видомъ звѣрей, подвергались осмѣянію

люди съ ихъ пороками (насиліе, неправый судъ, лукавый обманъ), или она обращалась въ нравственную повѣсть, служившую къ тому, чтобы показать разницу между добромъ и зломъ. Иногда сказка представляла тутъ не болѣе, какъ разсказъ, передѣланный изъ старыхъ преданій не столько для поученія, сколько для празднаго развлеченія. Вообще, во всѣхъ этихъ преобразованіяхъ, сказка замѣняетъ старую былину, переходя, согласно новымъ потребностямъ общества, къ изображенію обыденной жизни, между тѣмъ какъ для изображенія болѣе рѣдкихъ, крупныхъ событій въ народной жизни служитъ историческая пѣснь.

3) Изъ сатирической сказки образовалась басня, художественное произведеніе небольшаго объема, въ которомъ, въ образѣ звѣрей и другихъ предметовъ природы, осмѣиваютъ какой нибудь людской недостатокъ. Въ баснѣ избираютъ какое нибудь одно свойство животнаго по сходству съ извѣстнымъ человѣческимъ порокомъ, и животное съ этимъ свойствомъ изображаютъ на столько, сколько нужно для аллегоріи; но главнымъ содержаніемъ басни служитъ все-таки изображеніе людскихъ отношеній. Искусство баснописца состоитъ въ томъ, чтобы метко обозначить какую нибудь черту нравовъ, не насилуя аллегоріи, то есть, ограничиваясь однимъ удачно обрисованнымъ свойствомъ въ животномъ и въ человѣкѣ.

4) Объ романѣ должно замѣтить слѣдующее:

А. По формѣ, его отношеніе къ поэмѣ сходно съ отношеніемъ сказки къ былинѣ, то есть, романъ изображаетъ жизнь въ простомъ разсказѣ объ обыкновенныхъ людяхъ съ ихъ обыденными дѣлами, тогда какъ поэма представляетъ событія со стороны общей, идеальной.

Б. Названіе «романъ» произошло отъ старинной романической или романтической поэмы, которая въ средніе вѣка явилась на романскомъ языкѣ и изображала тогдашніе рыцарскіе нравы. Въ этой поэмѣ было много чудеснаго, сказочнаго, и предметомъ восхваленія служили преимущественно любовь и воинскіе подвиги. Съ измѣненіемъ нравовъ и развитіемъ жизни, она обратилась въ простой романъ, гдѣ тѣ же забытыя похожденія рыцарей служили, какъ въ сказкѣ, пустой забавой, или, что чаще, направлены были къ осмѣянію современныхъ нравовъ, особенно пороковъ дворянства и духовенства.

В. Такъ какъ романъ сталъ выраженіемъ новой жизни, въ которой дѣятельность человѣка уже направлена была къ мирному труду, къ полезнымъ открытіямъ, къ лучшему устройству общества,

то въ немъ исчезло все чудесное и таинственное, и онъ все болѣе становился изображеніемъ общественныхъ нравовъ, человѣка въ его борьбѣ нравственной и житейской.

Г. Въ этомъ новомъ значеніи романъ въ настоящее время вполнѣ замѣняетъ собою поэму, хотя и не отрицаетъ ея возможности. Изображая жизнь и дѣятельность самыхъ незначительныхъ личностей, онъ все возводитъ къ высшей идеѣ о нравственномъ развитіи человѣческаго общества. Онъ тутъ слѣдуетъ тому же пути изслѣдованія, на которомъ величіе природы одинаково является въ самыхъ микроскопическихъ предметахъ, какъ и въ блескѣ молній, въ громадномъ движеніи океана, въ безчисленныхъ звѣздахъ, и проч. Съ другой стороны великія явленія жизни, представляемыя въ поэмѣ въ самыхъ крупныхъ чертахъ, въ романѣ нисходятъ до представленія обыденной борьбы за существованіе, но этимъ лишь нагляднѣе и живѣе высказывается ихъ внутреннее значеніе.

Д. Какъ эпическая поэма нынѣ не отличается отъ романа ни въ чемъ существенномъ, такъ и повѣсть есть тотъ же романъ лишь менѣе значительнаго объема. Романъ обыкновенно рисуетъ все сложное развитіе человѣческихъ характеровъ въ круговоротѣ жизни; повѣсть же избираетъ болѣе простой характеръ, или отдѣльные эпизоды изъ жизни.

ЛИРИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

(Образцы изъ народныхъ пѣсенъ и стихотвореній Кольцова, образцы изъ стихотвореній Пушкина, Лермонтова, Шильонскій узникъ Жуковскаго, и проч.).

Чтобы вникнуть въ сущность лирики, мы сначала разсмотримъ нѣсколько изъ русскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ пѣснѣ «Ахъ вы вѣтры, вѣтры буйные!» (Сахаровъ, Семейныя пѣсни, № 12) дѣвица обращается къ буйнымъ осеннимъ вѣтрамъ и проситъ ихъ отнести къ другу вѣсточку, что не радостную, печальную. «Какъ вечоръ-то молодешенькѣ мнѣ мало спалось, много видѣлось, не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся: ужъ кабы у меня, у младешеньки, распаялся мой золотъ перстень, выкатился дорогой камень, расплелася моя руса коса, выплеталася лента алая, подареньице друга милаго». Чувство здѣсь выражено съ краткостью и наивною простотою. Въ разлукѣ съ ея избраннымъ дѣвушку выдаютъ замужъ за немилаго:

перстень и расплетаніе косы служатъ символомъ супружества. Въ невольномъ порывѣ душевной тоски дѣвушка обращается къ вѣтрамъ: больше не съ кѣмъ ей переслать вѣсточки. Вѣтры вообще вѣстники горя; въ другой пѣснѣ говорится:

«Наши радости буйный вѣтръ унесъ
И развѣялъ ихъ по чисту полю».

Безсонная грустная дума кончается тяжелымъ сномъ (мнѣ мало спалось, много видѣлось), но видно ужъ не во снѣ, а на яву разрушилась надежда дѣвицы на счастливую свадьбу, когда распаялся золотой перстень, данный ей другомъ. По перстню она гадаетъ, надъ нимъ раздумываетъ о своемъ счастьи. Другая пѣснь такъ это описываетъ: «Кабы знала я, кабы вѣдала непріятство друга милаго, нелюбовь друга сердечнаго, не сидѣла бы поздно вечеромъ, я не жгла-бъ свѣчи воску яраго, не ждала бы я друга милаго, не топила бы красна золота, не лила бы золота кольца, и не тратила бы золотой казны». Русая коса-дѣвичья краса: ее распускаютъ передъ свадьбой, чтобы потомъ укрутить вокругъ головы

«Разовьютъ тебя, косыньку, на шесть доль,
Заплетутъ тебя, косыньку, на двѣ косы,
Укрутятъ тя, косыньку, вокругъ головы,
Повяжутъ по косынькѣ бабью красоту.
Бабья красота на печи въ углу,
Дѣвичья красота въ полѣ на лугу».

Мы видимъ, что въ разобранной нами пѣснѣ нѣтъ подробныхъ описаній: о всѣхъ предметахъ упоминается только по ихъ отношенію къ чувству; вмѣсто новыхъ подробностей мы чаще замѣчаемъ синонимическія повторенія одной и той же мысли, что и естественно тамъ, гдѣ человѣкъ останавливается на предметѣ своего чувства (не радостную, печальную; много видѣлось, сонъ привидѣлся, и проч.); повторенія тѣхъ же словъ (Ахъ вы, вѣтры, вѣтры буйные) имѣютъ тоже значеніе, если только не относятся, какъ и употребленіе излишнихъ союзовъ, къ безъискусственности народной пѣсни. Пѣснь, «Ты рябинушка, ты, кудрявая», изображаетъ намъ грусть-тоску молодца (Сах. Сем. п. № 8). Она начинается обращеніемъ къ рябинушкѣ, подъ которою находится могила дѣвицы. «Ты когда взошла, когда выросла? ты когда цвѣла? когда вызрѣла? — Я весной взошла, лѣтомъ выросла; я весной цвѣла, лѣтомъ вызрѣла». Этотъ

разговоръ съ рябинушкой служитъ только вступленіемъ: онъ выражаетъ живое движеніе чувства, обращеннаго на предметъ, составляющій обстановку дѣйствія; вмѣсто того, чтобы просто сказать «подъ рябинушкой, на могилѣ дѣвицы, тоскуетъ молодецъ», рябинушка сначала должна промолвить слово о себѣ, какъ будто бы и она своимъ цвѣтомъ высказывала горькое участіе къ погибшей. «Подъ тобою ли, подъ рябинушкой, что не макъ цвѣтетъ, не трава растетъ, не огонь горитъ — ретиво сердце молодецкое. Ахъ, горитъ, горитъ, какъ смола кипитъ, по душѣ, по лебедушкѣ, по голубушкѣ красной дѣвицѣ». Скопленіе отрицательныхъ сравненій здѣсь изображаетъ во всей силѣ грустную картину: цвѣтетъ рябинушка, но не о цвѣтѣ она напоминаетъ; не огонь ли подъ нею? (огонь въ полѣ означалъ бы присутствіе человѣка) — нѣтъ! огнемъ разгорѣлась только душа молодца. Переходъ отъ цвѣта къ огню кажется слишкомъ рѣзкимъ, но безъискусственная поэзія допускаетъ подобные быстрые переходы. Огонь, свѣтъ, тепло-обыкновенные метафоры при выраженіи чувства. «Ты гораздъ, добрый молодедъ, огонь высѣкать, говоритъ дѣвица: часты искры сыплются, скоро трутъ загорается». Въ другомъ мѣстѣ молодецъ про свою любовь говоритъ такъ: «Не горятъ въ небѣ по два солнышка, не свѣтятъ по два мѣсяца, не любить два раза молодцу». Лебедушка, голубушка — также обыкновенныя слова для выраженія нѣжныхъ отношеній. Дѣвушка изображаетъ ими и свою вѣрность: «нѣтъ у горлинки двухъ голубчиковъ, у лебедушки двухъ лебедиковъ, у меня не быть двумъ милымъ дружкамъ». И такъ всѣ сравненія и олицетворенія здѣсь также назначены къ изображенію чувства. Оно высказывается послѣ болѣе спокойнаго описанія порывистымъ восклицаніемъ: «Ахъ горитъ, горитъ, какъ смола кипитъ!» но и отъ самаго начала мы видимъ его движеніе въ разнообразныхъ переходахъ рѣчи. Пѣснь начинается обращеніемъ къ рябинушкѣ; потомъ находимъ описаніе, обильное сравненіями; потомъ восклицаніе съ выразительной метафорой и нѣсколькими ласкательными, изображающими тоску любви. Послѣ этого естественно слѣдуетъ обращеніе къ дѣвицѣ отъ лица добраго молодца: «Ты душа-ль, душа, красна дѣвица! на зарѣ, зарѣ утренней, при восходѣ красна солнышка, не простившись съ отцемъ, съ матерью, не видавшись съ добрымъ молодцомъ, жизнь оставила, скончалася». Молодецъ далѣе обращается къ вѣтрамъ, (ой, вы вѣтры, вѣтры теплые!), чтобы они подули не съ юга, а съ сѣвера, развѣяли мать сыру-землю по чисту полю широкому,

раскрыли гробову доску и дали ему въ послѣдній разъ попрощаться съ душой дѣвицей. Обиліе синонимовъ (заря утренняя, восходъ солнышка, жизнь оставила, скончалася) и здѣсь означаетъ сосредоточенность мысли на одномъ предметѣ; переходъ отъ дѣвицы къ вѣтрамъ естественно выражаетъ душевную тревогу: въ порывѣ тоски одинокій молодецъ призываетъ силу природы, которая, казалось, могла бы исполнить его желаніе. Драматическая форма, гдѣ выведено само говорящее лице, уже не представляетъ мысли въ той послѣдовательности, какъ это бываетъ при описаніи или въ разсказѣ: тутъ человѣкъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ чувства, и мысль быстро перелетаетъ отъ предмета къ предмету, слѣдуя движенію страсти. Чѣмъ сильнѣе выражается страсть, тѣмъ болѣе мы замѣчаемъ этой кажущейся непослѣдовательности въ рѣчи, тѣмъ скорѣе разсказъ принимаетъ драматическую форму. Это и видно въ разобранной нами піесѣ, гдѣ послѣ разсказа, примѣненнаго къ душевному состоянію молодца, выступаетъ и онъ самъ со своимъ чувствомъ. Разговорную форму принимаетъ и пѣснь: «Ни въ умѣ было, ни въ разумѣ» (Сах. Сем. п. № 43), гдѣ женщина жалуется на свою горемычную судьбу въ чужихъ людяхъ. Она сначала извѣщаетъ, что у ней и въ помышленьи не было идти за мужъ: соизволилъ батюшка, похотѣлось матушкѣ ради ближняго перепутьица. Послѣ этого прямо приведены слова матушки: «и я въ торгъ пойду, побывать зайду, изъ торгу пойду, ночевать зайду; я спрошу у своей дитятки: каково жить въ чужихъ людяхъ?» Горюющая женщина тотчасъ же на этотъ вопросъ отвѣчаетъ, какъ будто бы матушка стояла у нея передъ глазами и ее спрашивала, а не сама она съ собою бесѣдовала одиноко. — «Государыня, моя матушка! отдавши въ люди стала спрашивать: въ чужихъ людяхъ надо жить умѣючи, держать голову поклонную, ретиво сердце покорное. Ахъ, вечеръ меня больно свекоръ билъ, а свекровь ходя похваляется. Хорошо учить чужихъ дѣтей, нероженыхъ, нехоженыхъ, невспоенныхъ и невскормленныхъ». Послѣднія слова объ ученьи чужихъ дѣтей говоритъ дочь, но они имѣютъ такой смыслъ, какъ будто бы ихъ высказывала матушка: въ думахъ дочери представляется и то, что сказала бы матушка, узнавъ о ея житьѣ-бытьѣ горемычномъ. Подъ живымъ дѣйствіемъ чувства, и неодушевленные предметы олицетворяются, и отсутствующія лица съ ихъ рѣчами являются въ ясныхъ образахъ; но при впечатлѣніи, происходящемъ изъ глубины души, въ минуты сердечныхъ тревогъ, эти внѣшніе образы не могутъ быть полны и

пластично разносторонни: они всегда представляются, какъ воспоминанiе одного опредѣленнаго случая, рѣзко выдаются одной какой нибудь стороною. Въ пѣснѣ «Ахъ, кабы на цвѣты не морозы» (Сах. Сем. п. № 44) замужняя женщина упрекаетъ также батюшку, какъ виновника ея несчастнаго брака. «Ахъ, кабы на цвѣты не морозы, и зимой бы цвѣты разцвѣтали; ахъ, кабы на меня не кручина, ни о чемъ бы я не тужила, не сидѣла бы я подпершися, не глядѣла бы я въ чисто поле.» Вотъ простой образъ тоскующей женщины: ея радость увяла, какъ цвѣты; ея мысли блуждаютъ далеко отъ дому; ей хотѣлось бы вырваться изъ этого круга жизни, гдѣ ей все постыло. Но такъ ужъ рѣшила родительская воля. «И я батюшкѣ говорила, я свѣту своему доносила: не давай меня, батюшка, за мужъ, не давай, государь, за неровню; не мечись на большое богатство, не гляди на высоки хоромы. Не съ хоромами жить — съ человѣкомъ, не съ богатствомъ жить мнѣ — съ совѣтомъ.» Въ своемъ грустномъ раздумьи женщина припоминаетъ лишь одно обстоятельство своей свадьбы: какъ, вполнѣ сознавая, что согласiе всего необходимѣе въ семейной жизни, она упрашивала батюшку не выдавать ее за мужъ изъ разсчету. Вотъ все, что при данномъ чувствѣ, могло представиться ея воображенiю. Народная пѣснь, иногда представляя причину грусти въ семейномъ неустройствѣ, рисуетъ намъ и общее чувство бездолья. Человѣкъ знаетъ, что его жизнь почему то устроилась не такъ, какъ бы слѣдовало, что во всякомъ дѣлѣ встрѣчаетъ онъ неудачу. Если причины такого печальнаго состоянiя многочисленны и сложны, то онъ часто самъ не можетъ опредѣлить ихъ: тоска, наполняющая душу, кажется ему безпричинной. Тоже бываетъ и съ радостью, которая происходитъ не отъ одного какого нибудь осязательнаго случая, а отъ общаго благосостоянiя человѣка: мы радуемся полнотѣ жизни, какая разлита въ природѣ, радуемся всему прекрасному въ окружающемъ насъ мiрѣ, не замѣчая темныхъ сторонъ его. Уже самое свойство чувства состоитъ въ томъ, что оно даетъ намъ сознавать лишь самый общiй смыслъ явленiя, часто еще не вполнѣ разгаданный разумомъ: радость и печаль останавливаютъ насъ на предметѣ, препятствуя его изслѣдовать, а спокойное разсужденiе нерѣдко ихъ ослабляетъ или и совсѣмъ уничтожаетъ; глубокая радость или печаль часто неожиданно, какъ бы чудесно, охватываетъ душу, будучи послѣдствiемъ многаго извѣданнаго и испытаннаго въ жизни. Народъ, въ бѣдной своей жизни, рѣдко могъ предаваться мечтамъ

о наслажденiи; чаще его пѣснь принимала грустное настроенiе. «Ты безсчастный, добрый молодецъ, безталанная твоя головушка! что ни въ чемъ то мнѣ, братцы, талану нѣтъ, ни въ торгу, братцы, ни въ товарищахъ, что ссылаютъ меня съ корабля долой!» (Сах. Удал. п. № 16) Самъ ли виноватъ въ этомъ молодецъ, или другiе виноваты, онъ не даетъ себѣ отчета: онъ во всемъ винитъ судьбу, то есть, какую то непонятную силу, которая какъ будто ужъ опредѣлила ему напередъ терпѣть горе. Его ссылаютъ съ корабля долой, говоря: «отъ тебя ли отъ безсчастнаго сине море взволновалося, всѣ волны въ морѣ разыгралися.» Добрый молодецъ предлагаетъ товарищамъ пристать къ берегу, срѣзать съ ракитоваго куста по прутику, сдѣлать по жеребью и кинуть въ море. «Ужъ какъ всѣ жеребьи поверхъ воды, а безсчастнаго какъ ключь ко дну.» И такъ товарищи были правы, прогоняя отъ себя молодца: отъ него на самомъ дѣлѣ происходило все несчастье. Мы видимъ, что общее чувство горя здѣсь высказывается въ идеѣ судьбы, которой ужъ ничѣмъ не измѣнишь: даже самое невозможное, чтобы ракитовые прутики тонули, становится тутъ возможнымъ. Для изображенiя этой идеи избранъ и общiй случай, въ которомъ она моглабы быть представлена всего нагляднѣе. Образъ, объясняющiй идею, часто берется въ этомъ случаѣ и не изъ дѣйствительности: его вымышляютъ согласно съ требованiемъ мысли. Тутъ главное дѣло въ томъ, чтобы только наглядно было выражено чувство: для образа же достаточно самаго общаго правдоподобiя. Въ другой пѣсни о горѣ, оно олицетворяется еще живѣе въ видѣ злаго демона, всюду преслѣдующаго человѣка. «Охъ, въ горѣ жить не кручинну быть, а и горе, горе, гореваньице! Охъ, въ горѣ жить, не кручинну быть, нагому ходить — не стыдитися, а и денегъ нѣту — передъ деньгами, появилась гривна — передъ злыми дни.» Такъ восклицаетъ молодецъ, когда скорбь одолѣла его душу. Ему прежде всего представляется безвыходность своего положенiя, невозможность найти какую нибудь радость, когда ходишь въ лохмотьяхъ, безъ денегъ, когда утѣшаться долженъ тѣмъ, что авось либо появится гривна, а появится, такъ жди большей напасти. Все это невозможно, и безталанному не видать удачи. «Не бывать плѣшаку кудрявому, не бывать гулякѣ богатому, не отростить дерева суховерхаго, не откормить коня сухопараго, не утѣшить дитя безъ матери, не скроить атласу безъ мастера. Ай горе горе, гореваньице!» Такъ сильно высказана здѣсь безнадежность въ сравненiяхъ, взя-

тыхъ уже не изъ фантазіи, а изъ дѣйствительныхъ случаевъ, выражающихъ разрушеніе, неудачу, бездолье. Бѣдность здѣсь не причиною, а только послѣдствіемъ и наиболѣе виднымъ свойствомъ безталанности: молодецъ далѣе изображаетъ неукротимое горе, какъ самостоятельную личность, которая неотступно слѣдуетъ за человѣкомъ, куда бы ни пошелъ онъ. Это значитъ, что горе создаютъ въ жизни многія разнообразныя обстоятельства, а не одна бѣдность; его идея возникаетъ изъ общаго чувства, изъ общаго сознанія горемычной жизни. «А и лыкомъ горе подпоясалось, мочалами ноги изопутаны! А я отъ горя въ темны лѣса — а горе прежде въ лѣсъ зашелъ; а я отъ горя въ почестной пиръ — а горе зашелъ, впереди сидитъ, а я отъ горя на царевъ кобакъ — а горе встрѣчаетъ ужъ пиво тащитъ. Какъ я нагъ-то сталъ, насмѣялся онъ.» Слѣдовательно, олицетвореніе горя (какъ про какого нибудь богатыря, про него говорится: *зашелъ*, *сидитъ*, и проч.) здѣсь служитъ только къ изображенію печальнаго безвыходнаго положенія, отъ какой бы причины оно ни происходило — образъ, производящій мрачное, глубокое впечатлѣніе: на всѣхъ путяхъ, въ пустынной глуши и въ людномъ собраніи, и въ веселомъ кружку пирующихъ, стоитъ на самомъ видномъ мѣстѣ этотъ неотступный товарищъ, опоясанный лыкомъ, выказывая свои тощія ноги, спутанныя мочалами, и лукаво посмѣивается надъ пришельцемъ, который думалъ отъ него укрыться! Въ другомъ случаѣ пѣснь касается уже опредѣленнаго событія изъ жизни добраго молодца и тогда принимаетъ характеръ грустнаго разсказа или жалобы на извѣстныя печальныя обстоятельства. Грустное ея содержаніе уже съ самаго начала обозначено какимъ нибудь сравненіемъ съ предметомъ, или обращеніемъ къ предмету изъ окружающей природы. «Ахъ палъ туманъ на сине море, вселилася кручина въ ретиво сердце, не схаживать туману со синя моря, злодѣйкѣ кручинѣ съ ретива сердца.» Такъ начинается разсказъ о молодцѣ, умирающемъ въ полѣ отъ боевыхъ ранъ. Самое описаніе очень кратко: «въ чистомъ полѣ стояла зеленая дубровушка, тутъ на курганѣ раскладенъ огонечекъ, возлѣ него постланъ войлочекъ, на войлочкѣ лежитъ добрый молодецъ, припекаетъ свои ранушки боевыя, кровавыя.» Въ этомъ положеніи молодца, пѣснь обращаетъ вниманіе на одну сторону, дѣйствительно, самую грустную: онъ умираетъ далеко отъ родныхъ, отъ жены и дѣтей, которыхъ оставляетъ сиротами. Издалеча приходятъ къ нему братцы-товарищи, зовутъ молодца на святую Русь; отвѣтъ

держитъ добрый молодецъ: «Подите, братцы, на святую Русь; приходитъ ли мнѣ смерть скорая, отцу матери скажите челобитьице, роду-племени по поклону всѣмъ, молодой женѣ скажите волюшку свою на всѣ на четыре на сторонушки, малымъ дѣтушкамъ благословеньице. Ахъ, не жаль то мнѣ роду-племени, не жаль то мнѣ молодой жены, мнѣ жаль то малыхъ дѣтушекъ, остались дѣтушки малешеньки, глупешеньки, натерпятся холода и голода. (Сем. п. № 9). Мы видимъ, какъ естественно высказывается здѣсь народное чувство: забота о дѣтяхъ болѣе всего тревожитъ молодца передъ смертью; другихъ жалобъ отъ него никакихъ не слышно. Дѣятельная жизнь уже пріучила его пренебрегать опасностями; умереть — для него простое, обыкновенное дѣло. Горевать о женѣ, о родныхъ ему не приходится: онъ давно отвыкъ отъ всякихъ ласкъ въ суровыхъ испытаніяхъ жизни; довольно, если онъ исполнитъ свой долгъ, пославъ имъ по поклону. Но объ малыхъ дѣтушкахъ онъ не можетъ вспомнить безъ тоски: при полномъ равнодушіи къ своей участи, въ немъ осталось еще теплое отцовское чувство. Хотя пѣснь и принимаетъ здѣсь эпическую форму разсказа; но мы видимъ что главнымъ его предметомъ — грустное раздумье о судьбѣ добраго молодца, умирающаго на чужбинѣ. Болѣе живымъ, лирическимъ характеромъ отличается пѣснь удальцевъ изъ шайки Стеньки-Разина (Сах. Удал. п. № 10). «Ахъ, туманы вы, туманушки вы туманы мои, непроглядные, какъ печаль тоска ненавистные! Изсушили туманушки молодцовъ, сокрушили удалыхъ до крайности! Ты взойди, взойди, красно солнышко, надъ горой взойди надъ высокою, надъ дубровушкой надъ зеленою, надъ урочищемъ добраго молодца, что Степана свѣтъ Тимофеевича, по прозванью Стеньки Разина. Ты взойди, взойди, красно солнышко, обогрѣй ты насъ, людей бѣдныхъ: мы не воры и не разбойнички, Стеньки Разина мы работнички; мы весломъ махнемъ — корабль возьмемъ, кистенемъ махнемъ — караванъ собьемъ, мы рукой махнемъ — дѣвицу возьмемъ.» Тутъ чувство вылилось прямо изъ того положенія, въ какомъ находились удальцы; блуждая по лѣсамъ, сторожа на берегахъ Волги проходящія суда, они терпѣли и дождь, и холодъ, и всякую невзгоду въ своей бездомной жизни. Все это были большею частію голыши-горемыки, которыхъ то голодъ, то общественныя неурядицы заставляли бѣжать въ разбойничьи шайки Стеньки Разина. Отвыкнувъ отъ сельскаго труда, потерявъ въ своемъ дикомъ скитальчествѣ всякое понятіе объ обязанностяхъ въ отношеніи къ

обществу, которое ихъ отвергло, они жили грабежемъ и въ грабежѣ ставили свою удаль. Но въ самой жалобѣ на невзгоды этой скитальческой жизни, въ самой шуткѣ по поводу своего разбойничьяго ремесла, не смотря на ея грубую удаль, проглядываетъ смутное сознаніе, что молодецкія силы были потрачены не на добро, что изъ нихъ можно бы сдѣлать лучшее употребленіе.

По примѣрамъ, нами приведеннымъ, мы теперь ясно можемъ указать особенности лирики въ ея отличіи отъ эпоса.

1. Эпосъ представляетъ жизнь во всей полнотѣ, чувства и дѣла въ одно время, и притомъ такъ, что дѣла, то есть, внѣшняя историческая сторона жизни, занимаютъ первое мѣсто; въ лирикѣ преобладаетъ внутренній міръ чувства, думы и сердечныя тревоги, вызванныя дѣлами или событіями жизни.

2. Изъ этого уже видно, что и въ лирикѣ мы знакомимся съ дѣйствительною жизнью. Какія нибудь мелкія, случайныя, или даже вымышленныя, томленія и раздраженія чувства не должны имѣть въ ней мѣста: въ ней мы находимъ отголосокъ глубокихъ, общечеловѣческихъ радостей и страданій, или выраженіе народнаго и общественнаго сознанія. Мы видѣли изъ разобранныхъ нами пѣсенъ, что народная лирика, рядомъ съ общими чувствами любви и грусти, выставляетъ разныя стороны народнаго быта: семейный разладъ, горемычную удаль, и проч.

3. Но факты дѣйствительной жизни, отражаясь въ чувствѣ, не могутъ являться съ той послѣдовательностью и полнотою, какъ при спокойномъ созерцаніи. Представленные по отношенію къ чувству, они поражаютъ насъ одной какой нибудь стороною, немногими чертами, которыя ярко выступаютъ на видъ. Но въ данномъ случаѣ эти черты обыкновенно самыя крупныя и характерныя и непосредственно вводятъ насъ въ сущность предмета, потому что глубокое, серьезное чувство отвергаетъ все мелкое, случайное, незначительное въ явленіяхъ. То, чего эпосъ достигаетъ спокойно-пластичнымъ, обстоятельнымъ изображеніемъ, лирика стремится достигнуть силою и глубиною своихъ образовъ.

4. Имѣя дѣло съ человѣческимъ чувствомъ, которое съ его объективной стороны, какъ тайную пружину дѣйствій, изображаетъ и эпосъ, лирика касается и такихъ сторонъ этаго чувства, которыя въ эпосѣ моглибы найти выраженіе лишь при полномъ разъясненіи обстоятельствъ, изъ которыхъ онѣ проистекли. Сюда относятся часто еще не совсѣмъ опредѣленные, но могучіе стремленія и порывы,

служащіе выраженіемъ дѣятельной, безсознательной силы, какъ, напримѣръ, въ народныхъ думахъ о судьбѣ, въ жалобахъ на безталанность, — общее чувство прожитаго и испытаннаго, которое живо указываетъ на смыслъ явленій, часто даже не совсѣмъ вѣрно разъясняя ихъ сущность; сюда относятся сомнѣнія, догадки, надежды, въ которыхъ человѣкъ еще только строитъ идеалъ своего будущаго.

5. Формы лирики тѣже, что и въ эпосѣ: описаніе, разсказъ, разговоръ; но эти общія формы здѣсь измѣняются сообразно съ требованіемъ поэтическаго рода. Въ лирическомъ описаніи выдаются наиболѣе рѣзкія черты, изображающія предметъ по его дѣйствію на чувство; лирическій разсказъ точно также касается лишь тѣхъ подробностей въ событіи, которыми было вызвано извѣстное, душевное настроеніе лица. Всего чаще лирика принимаетъ разговорную форму; но этотъ разговоръ имѣетъ характеръ бесѣды съ самимъ собою и изображаетъ болѣе внутреннюю борьбу чувствъ, чѣмъ внѣшнее столкновеніе характеровъ. Однако разговорная форма здѣсь рѣдко является во всей чистотѣ: отрывочныя восклицанія, обращенія, вопросы обыкновенно перемѣшаны съ описаніемъ и разсказомъ. Это придаетъ лирическому произведенію внѣшній видъ безпорядочнаго изложенія; но связь и послѣдовательность здѣсь заключается въ естественномъ развитіи чувства, а не служитъ однимъ отраженіемъ внѣшней связи между предметами. Имѣя цѣлію вѣрно передать лишь впечатлѣніе, производимое предметомъ, лирика свободнѣе допускаетъ вымыселъ, чѣмъ эпосъ: въ ней легче олицетворяются неодушевленные предметы, и отсутствующія, даже умершія лица говорятъ, какъ бы присутствовали. Сильныя метафоры, синонимы, смѣлыя аллегоріи принадлежатъ преимущественно лирикѣ.

Чтобы полнѣе разъяснить характеръ лирики, мы разсмотримъ и художественныя лирическія произведенія, созданныя не народомъ, а принадлежащія извѣстнымъ писателямъ. Къ русской народной пѣснѣ, и по содержанію и по формѣ своихъ произведеній, всего болѣе приближается Кольцовъ; но въ его пѣсняхъ уже видна искустная отдѣлка, и чувство развито несравненно утонченнѣе. Въ стихотвореніи «Кольцо» дѣвица такъ выражаетъ тоску свою: «Я затеплю свѣчу воску яраго, распаяю кольцо друга милаго. *Загорись, разгорись роковой огонь*, распаяй, растопи чисто золото. Безъ него для меня ты не надобно; *безъ него, на рукѣ — камень на сердцѣ*. Что взгляну, то вздохну, затоскуюся, и *зальются глаза горькимъ*

горемъ слезъ. Возвратится ли онъ? Или вѣсточкой *оживитъ ли меня* безутѣшную? Нѣтъ надежды въ душѣ... ты *разсыпься же золотою слезой память милова*! Невредимо, черно, на огнѣ кольцо, и *звенитъ по столу память вѣчную»*. Дѣвица, по народному обычаю, хочетъ топить кольцо; но оно на огнѣ только чернѣетъ. Это простое дѣйствіе даетъ Кольцову случай развить мысль со всею тонкостью. Дѣвица, топитъ кольцо, но потому что безъ друга оно словно камень на сердцѣ. Пусть роковой огонь скорѣе уничтожитъ эту тяжелую память, но слезы льются неудержимо и говорятъ другое. Кольцо невредимо, черно: такъ и память осталась на вѣки, но горестная, безотрадная память. Въ выраженіяхъ; «зальются глаза горькимъ горемъ слезъ, разсыпься золотой слезой память милаго, звенитъ по столу память вѣчную» мы видимъ смѣлыя метафоры, составленныя въ народномъ духѣ, но авторъ глубже вникалъ въ смыслъ сердечныхъ движеній, и подробнѣе рисуетъ, какъ чувство охватываетъ всего человѣка, выражаясь невольными слезами. Кольцовъ представляетъ и горемычную долю замужней женщины; она у него жалуется: «Для того ли молодость соблюдали, нѣжили, за стекломъ, отъ солнышка, красоту лелѣяли, — чтобъ я вѣкъ свой замужемъ горевала, плакала, безъ любви, безъ радости сокрушалась, мучилась.» Но чаще любитъ онъ изображать мирныя надежды на семейное счастіе, основанное на взаимной любви и согласіи. «Не возьму я въ толкъ, не придумаю.... отчего же такъ не возьму я въ толкъ? Охъ, въ несчастный день, въ безталанный часъ безъ сорочки я родился на свѣтъ!» Такъ у Кольцова косарь начинаетъ свою жалобу въ бесѣдѣ съ самимъ собою. Синонимическія повторенія, отрывочность рѣчи, восклицанія здѣсь показываютъ сильное волненіе чувства. Косарь не понимаетъ, отчего у него такой разладъ въ жизни, тогда какъ онъ здоровъ, полонъ жизни, готовъ за троихъ работать. «У меня ль плечо шире дѣдова; грудь высокая — моей матушки. На лицѣ моемъ кровь отцовская въ молокѣ зажгла зорю-красную; кудри черныя лежатъ скобкою; что работаю — все мнѣ спорится.» Этому изображенію здоровой красоты и мужеской силы соотвѣтствуетъ и прекрасный образъ Грунюшки, дочки старосты: «Лицо бѣлое — заря алая, щеки полныя, глаза темные.» Косарь любитъ Грунюшку, ему не нужно богатства старосты, и она лишь объ немъ тоскуетъ; но старикъ отецъ отказалъ на-отрѣзъ: свадьбѣ не бывать. И такъ съ одной стороны здоровье, молодость, цвѣтущая полнота жизни, искренняя любовь и согласіе рядомъ съ

красотою; съ другой одинъ хилый, старческій разсчетъ, — и на сторонѣ этаго разсчета перевѣсъ силы. Какъ разрѣшить такую загадку? Косарь могъ сказать: «Не возьму я въ толкъ, не придумаю!» Онъ однако не падаетъ духомъ, не идетъ съ горя гулять въ лѣса, чтобъ растратить безъ пользы свою молодецкую силу, а отправляется работать въ Донскія степи. «Ахъ ты, степь моя, степь привольная! Широко ты, степь, пораскинулась, къ морю-Черному понадвинулась. Въ гости я къ тебѣ не одинъ пришелъ: я пришелъ самъ-другъ съ косой вострою; мнѣ давно гулять по травѣ степной, вдоль и поперегъ съ ней хотѣлося».... Цѣль косаря — добыть денегъ: авось либо ими разжалобитъ онъ старосту. И здѣсь исканіе выгоды, любовь къ золотой казнѣ являются въ двухъ противуположныхъ образахъ. Съ одной стороны разсчетливая жадность къ деньгамъ, не имѣющая иной цѣли, кромѣ самыхъ денегъ; съ другой энергическій трудъ, при которомъ пріобрѣтеніе казны важно только, какъ средство къ достиженію цѣли, а цѣль эта, дающая всю силу, весь жаръ труду, есть устроить свое семейное счастіе, свой прекрасный міръ дѣятельной любви и прочнаго согласія. Въ этомъ выражается широкая удаль косаря: «Раззудись, плечо! размахнись, рука! Ты пахни въ лицо, вѣтеръ съ полудня! освѣжи, взволнуй степь просторную! зажужжи, коса, засверкай кругомъ! зашуми, трава подкошоная; поклонись, цвѣты, головой землѣ! наряду съ травой вы засохните, какъ по Грунѣ я сохну, молодецъ.» Какъ много свѣжести и могучей красоты въ этомъ образѣ удалаго молодца, столь удачно поставленномъ рядомъ съ цвѣтущей картиною природы! и человѣкъ и природа тутъ одинаково полны цѣльной, неистощенной силы. Мы видимъ, что эти образы, также какъ идея, ихъ проникающая, взяты прямо изъ народной жизни; но въ томъ сознательномъ представленіи идеи, какое находимъ въ стихотвореніи, уже выражается искуство болѣе развитаго человѣка. Художественность и состоитъ въ болѣе глубокомъ пониманіи и болѣе полномъ, гармоническомъ изображеніи идеи, выработанной самою жизнью. Иногда Кольцовъ рисуетъ и буйную удаль, представляя такія желанія молодца: «Еслибъ молодцу ночь да добрый конь, да булатный ножъ, да темны лѣса! Снаряжу коня, наточу булатъ, затяну чекмень, полечу въ лѣса: стану въ тѣхъ лѣсахъ вольной волей жить, удалой башкой въ околоткѣ слыть.» Но и этотъ удалецъ кончаетъ свои думы такъ: «лучшежъ воиномъ за царевъ законъ, за крещеный міръ, сложить голову.» Что касается общаго

чувства горемычности, то оно обрисовано у Кольцова чисто народными чертами. Въ его образахъ, не менѣе выразительныхъ, мы однако замѣчаемъ болѣе разнообразія. Изображая, какъ злая бѣда горами качаетъ, губитъ безъ разбору и всюду отыщетъ человѣка: и въ чистомъ полѣ, и въ темномъ лѣсѣ, Кольцовъ говоритъ: «Чуешь только сердцемъ: придетъ, сядетъ рядомъ, объ руку съ тобою пойдетъ и поѣдетъ... и щемитъ, и ноетъ, болитъ ретивое: все изъ рукъ вонъ — плохо, нѣтъ ни въ чемъ удачи.» Тутъ представлена не одна безпощадная сила бѣды, а въ подробностяхъ развито самое ея дѣйствіе на чувство, и образъ горемычнаго обозначенъ болѣе цѣльными чертами: «Къ старикамъ на сходку выйдти приневолятъ— старыя лаптишки безъ онучь обуешь, кафтанишка рваный на плечи нятянешь, бороду вскосматишь, шапку нахлобучишь, тихомолкомъ станешь за чужія плечи.... пусть не видятъ люди прожитаго счастья.» Если народная пѣснь изображала, какъ, опоясанное лыкомъ, горе всюду назойливо мечется на глаза людей, то не менѣе характеристично и представленіе того, какъ оно прячется отъ взора людскаго. Кольцовъ рисуетъ намъ и сознаніе силы, и могучій порывъ къ дѣятельности, какъ начало борьбы съ темною, неразумною судьбою. По народнымъ пѣснямъ такія черты мы болѣе угадываемъ, чѣмъ находимъ въ изображеніи. Народъ чаще увлекается безсознательной удалью и дѣйствуетъ, не раздумывая много; у Кольцова же добрый молодецъ восклицаетъ: «Доля жъ, моя доля! гдѣ ты запропала? до поры, до время въ воду камнемъ пала? Поднимись, что силы, размахни крылами: можетъ наша радость живетъ за горами.» Или удалой, наскучивъ своимъ вялымъ бездѣйствіемъ, спрашиваетъ: «Долголь буду я сиднемъ дома жить, мою молодость ни на что губить?... Иль у сокола крылья связаны, иль пути ему всѣ заказаны? (Дума Сокола).» Значитъ, прежде всякихъ испытаній жизни, доводящихъ человѣка до печальной думы о бездольи, является вопросъ: «какъ жить? какъ найти свое счастье? къ чему лучше направить свою дѣятельность?» Тамъ, гдѣ человѣкъ не въ состояніи рѣшить этаго вопроса, гдѣ его душу не освѣтила ясная и живая мысль, или препятствія къ достиженію цѣли кажутся ему неодолимыми, онъ, не смотря на весь свой душевный пылъ, чувствуетъ безсиліе воли. Это Кольцовъ изображаетъ въ стихотвореніи «Путь». У добраго молодца много думъ въ головѣ, много огня въ сердцѣ: у него есть слуги и казна и лихой вороной ужъ осѣдланъ, и все-таки онъ говоритъ: «Да на путь — по душѣ — крѣпкой воли

мнѣ нѣтъ, чтобъ въ чужой сторонѣ на людей поглядѣть; чтобъ порой предъ бѣдой за себя постоять, подъ грозой роковой назадъ шагу не дать; и чтобъ съ горемъ въ пиру, быть съ веселымъ лицомъ; на погибель идти — пѣсни пѣть соловьемъ!» И такъ у молодца есть всѣ средства къ борьбѣ: и горячая голова, и молодая сила, и деньги; да онъ не знаетъ на что рѣшиться, за что бороться, для какого дѣла жертвовать собою. Въ такой недѣятельности, конечно, тоже нѣтъ проку, и молодецъ по своему развитію выше лишь тѣмъ, что не пускается въ безразсчетный разгулъ. Для сельскаго быта Кольцовъ рѣшаетъ свой вопросъ о пути, прославляя мирный и счастливый деревенскій трудъ. Простой человѣкъ и не ищетъ многаго: ему прежде всего необходимо, чтобы онъ могъ безъ помѣхи трудиться, получая за свою работу вознагражденіе, достаточное для безбѣдной жизни. Гдѣ возможенъ такой трудъ, тамъ на первый разъ есть исходъ для дѣятельнаго человѣка въ его исканіи доли: другія, высшія потребности являются уже при большемъ довольствѣ. Кольцовъ побуждаетъ лѣниваго, безпечнаго мужика къ труду въ своей пѣснѣ: «Что ты спишь, мужичокъ?» Онъ указываетъ ему на весеннія работы сосѣдей и какъ ему самому необходимо, необходимѣе, чѣмъ другимъ, приняться за работу. Для этаго поэтъ напоминаетъ ему о томъ, что онъ сталъ теперь, и чѣмъ былъ прежде. Жалкое положеніе поселянина, запустившаго свое хозяйство, описано очень рѣзкими чертами: «На гумнѣ — ни снопа, въ закромахъ — ни зерна; на дворѣ, по травѣ — хоть шаромъ покати. Изъ клѣтей домовой соръ метлою посмелъ, и лошадокъ, за долгъ, по сосѣдямъ развелъ. И подъ лавкой сундукъ опрокинутъ лежитъ; и погнувшись изба, какъ старушка, стоитъ.» Словомъ, во всемъ видно полное запустѣніе. Хотя Кольцовъ здѣсь совершенно переносится въ кругъ изображаемой жизни, но его лирическое настроеніе видно въ обращеніяхъ къ поселянину: «Встань, проснись, подымись.... вспомни время свое, и проч.» Въ своей ревности къ пользѣ работящаго человѣка, поэтъ напоминаетъ ему, какъ прежде бойко промышлялъ онъ произведеніями своего труда (это выражено метафорой: *твое время* катилось золотою рѣкой по полямъ и лугамъ, по селамъ, по торговымъ людямъ) и какъ вездѣ встрѣчали его съ почетомъ. Теперь эти выгоды труда: почетъ и прибыль уже не принадлежатъ ему: его хлѣбъ гніетъ въ полѣ нескошенный, а сосѣди ужъ давно окончили работы и, съ зимнимъ путемъ, продаютъ, собираютъ казну, пьютъ бражку ковшикомъ.

Принимая поучительный характеръ, здѣсь лирика все-таки не нарушаетъ требованій поэзіи: живой образъ праздной апатіи въ ея противуположности съ заботливой дѣятельностью занимаетъ здѣсь болѣе мѣста, чѣмъ всякое поученіе. Тѣмъ же одушевленіемъ къ труду исполнена «Пѣсня пахаря». Кольцовъ прекрасно изображаетъ въ ней бодраго мужичка за полевой работой въ бесѣдѣ со своей лошадью. На утренней зарѣ, оживленный свѣтлымъ лучемъ солнца, весело пашетъ онъ поле, «готовитъ зернушку колыбель святую» и понукаетъ сивку: «Ну, тащися, сивка!» Съ какой простою прелестью высказывается и мирная надежда пахаря! «Выйдетъ въ полѣ травка — выростетъ и колосъ, станетъ спѣть, рядиться въ золотыя ткани. Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь, зазвенятъ здѣсь косы; сладокъ будетъ отдыхъ на снопахъ тяжелыхъ!» Таковы надежды самого Кольцова, но чтобъ эти радостныя картины труда не были одной привлекательной идилліей, а вполнѣ вѣрнымъ отраженіемъ жизни, нужно, чтобы, съ большимъ образованіемъ, народъ еще многому научился: и какъ съ успѣхомъ совершать свой трудъ, и какъ съ успѣхомъ пользоваться его плодами.

Изъ сравненія художественной лирики Кольцова съ народною теперь для насъ ясно слѣдующее.

1) У простаго народа мы не замѣчаемъ отдѣльныхъ сочинителей, а есть пѣвцы, которые сохраняютъ старыя пѣсни: то, что̀ придумаетъ одинъ, добавляетъ другой; такъ пѣсня изустно расходится въ народѣ, и, принявъ опредѣленную форму, поется всѣми уже безъ существенныхъ измѣненій. То обстоятельство, что всѣ принимаютъ пѣсню, какъ свое собственное произведеніе, уже доказываетъ ея всеобщее значеніе для народа: она не просто выражаетъ мысли, или чувства отдѣльныхъ лицъ, а то, что̀ болѣе или менѣе думаютъ и чувствуютъ всѣ; она служитъ выраженіемъ общаго смысла жизни. Въ художественной лирикѣ уже является отдѣльное лице, извѣстный поэтъ со своимъ чувствомъ; но мы видѣли, какъ Кольцовъ, избравъ предметомъ народную жизнь, совершенно переносится своимъ чувствомъ въ явленія этой жизни: каждую минуту мы видимъ его личность и тутъ же забываемъ о немъ, чтобы думать о народѣ. Это значитъ, что въ личномъ чувствѣ Кольцова всѣ внѣшніе предметы, съ ихъ истиннымъ значеніемъ, отражаются, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ; чувство только придаетъ жаръ, свѣтъ, блескъ той сторонѣ предмета, съ которой онъ долженъ явиться. Изъ этаго уже легко вывести заключеніе, что личность поэта, выступающая въ лирикѣ,

на столько имѣетъ значенія, на сколько она способна воспринять, возсоздать въ себѣ все, наиболѣе значительное въ жизни.

2) Однако художественный поэтъ, какъ лице, принадлежащее къ образованному обществу, не просто беретъ изъ жизни только готовое, а смотритъ и въ даль: онъ старается глубже вникнуть въ смыслъ явленій; онъ расширяетъ и обобщаетъ идею, которой семена едва посѣяны въ жизни; по чертамъ настоящаго онъ старается предъугадывать будущее. Такимъ образомъ у художественнаго поэта, вмѣстѣ съ болѣе полнымъ выраженіемъ идеи, являются и образы, болѣе утонченные, сложные и гармонически развитые. Въ лирикѣ Кольцова мы уже имѣли случай замѣтить это совершенство образовъ. Тоже самое можно сказать и про эпосъ: вспомнимъ только отношеніе романа къ древней поэмѣ.

Въ своемъ художественномъ направленіи лирика принимаетъ самое разнообразное содержаніе. Если романъ, какъ мы видѣли, касается самыхъ мелкихъ подробностей частной жизни, то и въ лирикѣ поэтъ изображаетъ всю исторію своего внутренняго развитія. Отдѣльныя событія въ этомъ невидимомъ мірѣ надеждъ, желаній, стремленій, страданій могутъ быть порою очень незначительны и все таки не лишены смысла по отношенію къ какому нибудь общечеловѣческому чувству. Такъ поэтъ высказываетъ свою мирную любовь къ природѣ, свое восхищеніе передъ тѣмъ или другимъ прекраснымъ созданіемъ искуства, свои надежды на счастіе въ сочувствіи къ любимому человѣку, и т. д. Все это, безъ примѣненія къ какой нибудь широкой жизненной идеѣ (какова, напримѣръ, идея о сельскомъ трудѣ у Кольцова), большею частію относится къ тѣсному кругу личныхъ, случайныхъ ощущеній; но и тутъ поэтъ — художникъ всегда найдетъ выразительныя черты, объясняющія намъ какое нибудь движеніе человѣческаго сердца. Въ примѣръ можно привести пѣсню Пушкина: «Зимній вечеръ».

«Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя;
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя;
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То какъ путникъ запоздалый
Къ намъ въ окошко застучитъ,
Наша ветхая лачужка
И печальна и темна....
Чтоже ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна? и проч.»:

Въ каждомъ стихотвореніи мы прежде всего ищемъ идеи. Не красивая картинка бури рядомъ съ образомъ старушки, которая, сидя въ убогой лачугѣ, дремлетъ надъ своимъ веретеномъ, насъ здѣсь занимаетъ: въ разнообразномъ описаніи бури, гдѣ для сравненія прибраны и звѣрь, и дитя, и путникъ, мы видимъ, какое тревожное чувство производило это явленіе въ поэтѣ, какъ тоскливо сжималось его сердце при каждомъ завываніи вѣтра. Отсюда вѣрность переданнаго впечатлѣнія. Воображеніе поэта сильно возбуждено, ему хотѣлось бы высказаться, найти отзывъ своему душевному томленію въ родственныхъ звукахъ, и онъ обращается къ своей старушкѣ — нянѣ, чтобъ она затянула русскую пѣсню, такую же заунывную, какъ эти смѣшанные голоса бури. Но старушка дремлетъ подъ шумъ вьюги, которая произвела на ея нервы совсѣмъ другое дѣйствіе, и поэтъ, въ той же тоскливой тревогѣ, возбуждая ее, говоритъ:

«Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя: гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй».

Мы видимъ, съ какой простотою и истиной передано здѣсь впечатлѣніе, произведенное, при извѣстной обстановкѣ, извѣстнымъ явленіемъ природы: большаго мы и не можемъ требовать отъ мимолетнаго, случайнаго чувства, которое заставляетъ человѣка порою углубляться въ самого себя, помимо всѣхъ его отношеній къ другимъ людямъ. Такое же значеніе имѣетъ и стихотвореніе «Предчувствіе». Поэтъ предчувствуетъ разлуку съ милымъ, дорогимъ ему существомъ и спрашиваетъ самъ себя:

«Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье,
Понесу ль на встрѣчу ей
Непреклонность и терпѣнье
Гордой юности моей?»

Въ раздумьи о близкой, неизбѣжной разлукѣ, онъ хотѣлъ бы выказать силу души въ сердечномъ равнодушіи: если эта странная судьба такъ сурово отнимаетъ у него всякую радость, то и онъ будетъ суровъ; онъ не разслабнетъ сердцемъ въ борьбѣ съ горемъ, не будетъ страдать безполезно. Или, можетъ, легко оставаться равнодушнымъ, когда душа истомлена долгой борьбою, привыкла къ постоянной смѣнѣ радости и горя? Но въ самую минуту разлуки сердце его смягчилось, другая болѣе отрадная мысль просіяла въ душѣ, и онъ говоритъ:

«Ангелъ кроткій, безмятежный,
Тихо молви мнѣ: прости;
Опечалься, взоръ свой нѣжный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Замѣнитъ душѣ моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юныхъ дней.»

Собственно говоря, случай, здѣсь представленный, ни для кого не могъ бы имѣть значенія, кромѣ самого поэта, но мы понимаемъ, какое обаяніе чистая, нѣжная красота можетъ имѣть на человѣка, какъ тихая, кроткая ласка вызываетъ въ утомленной душѣ сознаніе бодрости и силы, и мы любуемся выраженіемъ добраго чувства, хотя оно и не захватываетъ насъ глубоко, касаясь лишь общихъ движеній сердца, которыя переносятъ насъ въ личную жизнь человѣка, взятаго совершенно отдѣльно отъ общества. Болѣе глубокое значеніе находимъ въ стихотвореніи «Пророкъ.» Тутъ поэтъ высказываетъ свое стремленіе къ усовершенствованію, чтобы сдѣлаться достойнымъ возвѣщать слова истины. Сила поэтическаго одушевленія выставлена еще въ слѣдующей піесѣ:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ:
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы.»

Подъ Аполлономъ съ его лирою здѣсь можно разумѣть возбужденіе человѣка ко всякой доброй, прекрасной и возвышенной идеѣ. Не надо думать, что человѣкъ въ безмятежной праздности и ничтожествѣ можетъ ждать, пока подобная идея сама придетъ къ нему: сами такія идеи не приходятъ. Онѣ добываются наукой, трудомъ, горячимъ чувствомъ самопожертвованія. Смыслъ стихотворенія лишь тотъ, что человѣкъ совершенно ничтоженъ, пока добрая идея не озаритъ его голову. Но если ужъ онъ рѣшилъ, что его задача изучать и объяснять людямъ все истинно-прекрасное въ природѣ, въ искуствѣ, въ жизни, служить истинѣ и добру, помогая просвѣщать умы, закоснѣлые въ невѣжествѣ, улучшать по мѣрѣ силъ жалкую участь бѣднаго, гонимаго, то ужъ тутъ нѣтъ мѣста мелкимъ потѣхамъ себялюбія, молчанію и хладному сну: душа пробудилась, рвется изо всѣхъ оковъ на просторъ въ сознаніи могучей мысли. Пушкинъ представляетъ, что поэтъ, заслышавъ голосъ Аполлона (т. е. бога поэзіи), чувствуетъ себя одинокимъ среди пустой толпы, ищущей однихъ забавъ, равнодушенъ къ людскимъ толкамъ, не слѣдуетъ за толпою въ ея рабскомъ поклоненіи разнымъ идоламъ: богатству, знатности, силѣ, и бѣжитъ въ пустынныя мѣста. Тутъ Пушкинъ беретъ дѣйствіе идеи на душу лишь по отношенію къ личному чувству, и потому представляетъ лишь первую минуту пробужденія души въ любви къ прекрасному, къ величественнымъ явленіямъ природы. Въ такія мгновенія человѣкъ естественно уходитъ въ самого себя, желая дать себѣ отчетъ въ своемъ призваніи. Но, по словамъ того же Пушкина, пророкъ изъ пустыни выходитъ въ свѣтъ «глаголомъ жечь сердца людей»: искреннее чувство можетъ выразиться лишь въ энергическомъ дѣлѣ.

Мы видимъ, что лирика, иногда, не изображая внѣшнихъ отношеній, всетаки касается тѣхъ движеній чувства, которыя, такъ сказать, подготовляютъ человѣка къ дѣятельности. Эти движенія чувства, конечно, принадлежатъ къ той же области личныхъ ощущеній, которая для насъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Мы уже имѣли случай замѣтить, какъ Кольцовъ изъ этаго тѣснаго круга своей личности переходитъ во внѣшній міръ, рисуетъ намъ обще-народное чувство, какъ свое собственное. Но жизнь простолюдина еще слишкомъ бѣдна нравственными потребностями; слѣдовательно, и чувство касается лишь немногихъ предметовъ, безъ которыхъ человѣку жить было бы совершенно невозможно. Кольцовъ, изображая эту жизнь, и не шелъ дальше идеи о мирномъ сельскомъ

трудѣ, идеи о согласіи и любви въ семьѣ, да кое какихъ темныхъ стремленій къ лучшему, выражаемыхъ въ жалобахъ на горемычность. Въ образованномъ обществѣ мы находимъ другое: чѣмъ оно развитѣе, тѣмъ жизнь его становится сложнѣе. Борьба разнообразныхъ нравственныхъ стремленій, при самостоятельномъ развитіи каждой личности, представляетъ иногда самую пеструю, запутанную картину. На вопросы: чего желать? къ чему стремиться? является тысячи отвѣтовъ, которые нерѣдко противорѣчатъ одинъ другому. Тутъ дѣйствуютъ идеи красоты, идеи правды, которыя, въ ихъ примѣненіи къ дѣйствительиости, принимаютъ все новыя формы. Человѣкъ долженъ долго вырабатывать ихъ въ своемъ сердцѣ, прежде чѣмъ ему станетъ вполнѣ ясно, чего, въ силу ихъ, онъ можетъ разумно требовать отъ людей и отъ жизни. Переходъ отъ личныхъ, случайныхъ ощущеній къ болѣе глубокому общему чувству, гдѣ человѣку живѣе представляются потребности своихъ ближнихъ, чѣмъ свои собственныя радости и надежды, здѣсь несравненно труднѣе и стоитъ не малой борьбы. Высшія идеальныя стремленія, охватывая чувство, первоначально даже примѣшиваются къ другимъ эгоистическимъ наклонностямъ человѣка: въ жаждѣ счастія, въ исканіи полной душевной гармоніи, онъ создаетъ свой отдѣльный мірокъ, бережетъ свой идеалъ для себя и наслаждается его красотой съ полнымъ равнодушіемъ къ людямъ. Подобный идеалъ, отчужденный отъ жизни, легко искажается въ туманныя, неопредѣленныя грезы, или въ мечты о чисто чувственномъ наслажденіи. Переходя со своимъ идеаломъ въ жизнь, человѣкъ уже желаетъ отстоять его передъ грубымъ эгоизмомъ общества, возмущаясь равнодушіемъ людей, которые всѣ свои заботы направили къ личной выгодѣ, къ мелкой игрѣ лжи и обмана. Но эта борьба за идеалъ первоначально выражается лишь самымъ общимъ протестомъ противъ испорченности свѣта: поэтъ высказываетъ свое недовольство жизнію, свое отчужденіе отъ свѣта, ищетъ удовлетворенія своему чувству въ прекрасныхъ явленіяхъ природы, въ характерахъ, полныхъ наивной простоты и энергіи. Изъ нашихъ поэтовъ у Лермонтова мы находимъ это начало раздора между идеаломъ и дѣйствительностью. Въ піесѣ «Выхожу одинъ я на дорогу» представлена прекрасная картина тихой, звѣздной ночи. Поэтъ весь предается созерцанію этой красоты:

«Ночь тиха; пустыня внемлетъ Богу
И звѣзда съ звѣздою говоритъ».

Но ему почему-то тяжело, грустно: онъ одинокъ, онъ уже утомился искать сочувствія въ людяхъ; съ горестью приходится ему сознаться, что ждать больше нечего и жалѣть не о чемъ, — и онъ хотѣлъ бы только забыться и заснуть....

«Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы,
Я-бъ желалъ на вѣки такъ заснуть, —
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь, —
Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ,
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ».

И такъ поэтъ, не найдя примѣненія своему идеалу въ жизни, обращаетъ все свое страстное чувство къ природѣ; въ гармоніи съ нею, въ созерцаніи ея вѣчной красоты, онъ надѣется сохранить свою цвѣтущую молодость и силу. Неистощимая въ своемъ творчествѣ природа должна освѣжить, обновить душу, увядающую среди холодныхъ, мелкихъ разсчетовъ свѣта: между людьми исчезаютъ прахомъ всѣ прекрасныя думы; здѣсь же, въ пустынѣ, дѣйствуютъ могучія силы, въ самомъ снѣ и торжественномъ безмолвіи ночи чуешь ихъ тайное движеніе, какъ будто бы любовь ихъ невидимо охраняла. Такого могучаго покоя желалъ бы и поэтъ. Мы видимъ, что въ стихотвореніи выражено энергическое чувство, но нѣтъ еще дѣятельнаго начала, по которому поэтъ вновь обращался бы къ жизни: онъ ищетъ лишь наслажденія красотою. Та же мысль въ піесѣ «Когда волнуется желтѣющая нива». Видъ зрѣлой нивы, шумъ лѣса, видъ малиновой сливы, скрытой подъ тѣнью зеленаго листка, или серебристаго ландыша, обрызганнаго душистой росою, ключь, который, играя по оврагу, какъ будто лепечетъ таинственную, сказочную быль, — всѣ эти, то граціозныя, то величественныя явленія успокоиваютъ и оживляютъ душу поэта; онъ говоритъ:

«Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога....»

Въ извѣстномъ разсказѣ «Три пальмы» также представлено, что пальмы роскошно росли въ степи и родникъ питалъ ихъ студеной водою; но имъ вздумалось роптать на свое одиночество, — что ни одно живое существо не любовалось ихъ могучей красотою: вотъ пришелъ человѣкъ и срубилъ ихъ для своего костра. Если прикосновеніе человѣка такъ гибельно для прекраснаго, то понятно, почему поэтъ заботливо лелѣетъ въ тиши свои поэтическія думы, и даже, среди общества, когда при шумѣ музыки и пляски, при дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣчей, мелькаютъ передъ нимъ бездушные образы людей, стянутыя приличіемъ маски, онъ уносится далеко отъ этой суеты, припоминаетъ себя ребенкомъ въ деревнѣ, въ саду съ разрушенной теплицей. (Первое января):

«Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится — и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучь, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими ногами.
И странная тоска тѣснитъ ужъ грудь мою:
Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
Съ глазами полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодаго дня
За рощей первое сіянье».

Въ этой картинѣ много плѣнительнаго: обаяніе природы, молодая, свѣжая красота, конечно, благотворнѣе дѣйствуютъ на душу, чѣмъ искусственный блескъ бала, стянутыя приличіемъ маски; но мы уже видимъ здѣсь, какъ, въ противуположность картинѣ испорченнаго общества, мало имѣетъ значенія образъ, взятый изъ случайныхъ, личныхъ, ощущеній. Если дѣло идетъ только о наслажденіи красотою, то, пожалуй, и бальный шумъ, прекрасная музыка, граціозныя движенія танцующихъ, пестрота богатыхъ нарядовъ могутъ увлечь воображеніе: для всего этого можно забыть бездушіе свѣтскихъ красавицъ, какъ, любуясь природою, мы забываемъ многія ея темныя стороны, — и намъ не совсѣмъ понятно негодованіе, съ какимъ поэтъ обращается къ толпѣ, мѣшающей его прекраснымъ грезамъ:

«О какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!»

Если же дѣло шло не объ одномъ чувствѣ истинной красоты, а и обо всѣхъ нравственныхъ требованіяхъ, вытекающихъ изъ него

для жизни, то поэтъ долженъ былъ во многомъ отрѣшиться отъ своей личности и глубже вникнуть въ то, какія именно разумныя отношенія возникаютъ между людьми, какъ прекрасно развивается и образуется чувство человѣка, когда онъ слѣдуетъ добрымъ внушеніямъ природы, а не устроиваетъ свою жизнь по модѣ, по эгоистическому разсчету. Съ другой стороны поэту пришлось бы и полнѣе объяснить все нравственное безобразіе общества, которому чуждъ разумный голосъ природы. Такъ лирика, переходя отъ личныхъ ощущеній къ изображенію жизни, или изображаетъ нравственные идеалы, наиболѣе необходимые для общества въ данную минуту, или съ негодованіемъ бичуетъ порокъ, становится сатирой. И въ томъ и въ другомъ случаѣ поэтомъ руководитъ не какая нибудь сухая, заданная мораль, а горячая любовь къ людямъ, горячее сочувствіе ко всему прекрасному. Но, высказывая одно отчужденіе отъ свѣта, поэтъ впадаетъ въ неразумную крайность: онъ безъ разбора осуждаетъ людей, видя въ нихъ начало всякаго зла, какъ будто на самомъ дѣлѣ можно было бы отказаться отъ общества и жить въ лѣсахъ со звѣрями. Сознавая свое превосходство, поэтъ говоритъ:

«Укоръ невѣждъ, укоръ людей
Души высокой не печалитъ;
Пускай шумитъ волна морей,—
Утесъ гранитный не повалитъ.
Его чело межъ облаковъ;
Онъ двухъ стихій жилецъ угрюмый,
И, кромѣ бури да громовъ,
Онъ никому не ввѣритъ думы».

Если такая могучая энергія характера скрыта въ человѣкѣ, то мы ждемъ отъ него дѣятельности для общества, а не одинокихъ думъ и мечтаній. Лермонтовъ самъ понималъ непрочность себялюбивыхъ грезъ, когда осуждалъ ихъ въ молодомъ мечтателѣ (Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой):

«*Какое дѣло намъ*, страдалъ ты или нѣтъ:
На что намъ знать твои волненья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
Разсудка злыя сожалѣнья?»

Поэтъ указываетъ на толпу, которая играючи идетъ привычной дорогой; ни малѣйшаго слѣда заботъ ни на комъ незамѣтно,

«А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ,
Тяжелой пыткой неизмятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья иль утраты».

И такъ личныя страданія человѣка ничтожны передъ общимъ горемъ бѣдной толпы, которая, въ тяжеломъ трудѣ, не имѣетъ времени ни мечтать, ни наслаждаться природой. Мы уже объяснили, что вообще личныя думы имѣютъ на столько значенія, на сколько они выражаютъ развитіе человѣческаго чувства въ его стремленіи къ прекрасному. При этомъ развитіи человѣкъ наконецъ достигаетъ сознанія, что его собственныя мечты о счастіи, его любовь къ прекрасному могутъ осуществиться лишь при одномъ условіи: чтобы и счастье другихъ людей было возможно, чтобъ и жизнь другихъ слагалась по идеѣ красоты и правды. Привыкнувъ наблюдать стремленія, надежды, радость и горе своихъ ближнихъ, онъ, естественно, переносится чувствомъ въ эту общую жизнь; его личная радость, личное горе невольно обращены къ тому, что способствуетъ, или препятствуетъ общему благу. Идеалъ, въ его общихъ основаніяхъ, остается прежнимъ: природа, любовь, красота въ немъ нисколько не теряютъ своего значенія; но для его осуществленія могутъ также хорошо служить образы, взятые изъ обыденнаго круга жизни, какъ и созданные свободною фантазіей: содержаніе этихъ образовъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ имѣетъ тѣсную связь съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ. Тутъ исполняется то, что Лермонтовъ говорилъ про поэта:

«Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣковой,
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ».

Но чтобы въ образованномъ обществѣ поэзія достигла такого значенія, необходимо, чтобы это общество было очень развито: на первый разъ довольно, если она, не чуждаясь жизни, выражаетъ сочувствіе къ людямъ, какъ объ этомъ говоритъ Некрасовъ:

«А ты, поэтъ! избранникъ неба,
Глашатай истинъ вѣковыхъ,
Не вѣрь, что неимущій хлѣба
Не стоитъ вѣщихъ струнъ твоихъ!

Не вѣрь, чтобъ вовсе пали люди,
Не умеръ Богъ въ душѣ людей,
И вопль изъ вѣрующей груди
Всегда доступенъ будетъ ей!
Будь гражданинъ! служа искусству,
Для блага ближняго живи,
Свой геній подчиняя чувству
Все-обнимающей любви;
И если ты богатъ дарами,
Ихъ выставлять не хлопочи:
Въ твоемъ трудѣ заблещутъ сами
Ихъ животворные лучи.
Взгляни: въ осколки твердый камень
Убогій труженикъ дробитъ,
А изъ подъ молота летитъ
И брызжетъ самъ собою пламень!»

Въ этомъ направленіи развивается *общественная лирика*, отличаясь отъ отвлеченно-художественной тѣмъ, что примѣняетъ свой общечеловѣческій идеалъ къ явленіямъ окружающей дѣйствительности; это мы и находимъ у Некрасова въ стихотвореніяхъ: Муза, Маша, Въ больницѣ, Несжатая полоса, Плачь дѣтей, На Волгѣ, Несчастные, и проч.... Въ примѣръ того, какъ отъ личныхъ ощущеній здѣсь чувство переходитъ къ общимъ явленіямъ, мы приведемъ еще небольшую піесу:

«Ночь. Успѣли мы всѣмъ насладиться.
Что жъ намъ дѣлать? Не хочется спать.
Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаемъ, чего пожелать.
Пожелаемъ тому доброй ночи,
Кто все терпитъ, во имя Христа,
Чьи не плачутъ суровыя очи,
Чьи не ропщутъ нѣмыя уста,
Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ,
Кто бредетъ по житейской дорогѣ
Въ безразсвѣтной, глубокой ночи,
Безъ понятья о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи».

Мы видимъ, что среди веселаго пира, посреди разнообразныхъ наслажденій, поэта смутила мысль, что не всѣ такъ безпечно радуются и счастливо пользуются матеріальными и нравственными благами: есть бѣдняки, которыхъ вся забота состоитъ въ добываніи насущнаго хлѣба; въ грубомъ, тяжеломъ трудѣ имъ не приходила въ голову и мысль о какихъ нибудь высшихъ потребностяхъ, душа ихъ дремлетъ непробудно, и горемычная жизнь дала имъ выработать лишь одну печальную силу терпѣнья. Какъ назвать этихъ людей братьями, если мы думаемъ только о своемъ наслажденіи? Вотъ вопросъ, который невольно представится любящему сердцу. Вмѣсто описанія пира и довольства, какое чувствуетъ человѣкъ, сознавая свою завидную долю, мы находимъ въ стихотвореніи добрую мысль о молитвѣ за этихъ бѣдняковъ. Но слѣдуя одному отвлеченно художественному чувству, поэтъ, можетъ, сталъ бы восхвалять только радости пира, подобно древнему, римскому поэту Катуллу:

«Пьяной горечью Фалерна
Чашу мнѣ наполни, мальчикъ!
Такъ Постумія велѣла,
Предсѣдательница оргій.
Ты же прочь, рѣчная влага,
И струей, вину враждебной,
Строгихъ постниковъ довольствуй:
Чистый намъ любезенъ Бахусъ».

Подобные образы лишены всякаго нравственнаго смысла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и художественное ихъ значеніе совершенно ничтожно.

Въ заключеніе мы должны еще упомянуть о томъ родѣ произведеній, которыя называютъ «лирической поэмой». Указывая на стихотвореніе Кольцова «Урожай», мы отнесли его къ эпосу, между тѣмъ, какъ оно вышло изъ того же настроенія, что и «Косарь, Пѣснь пахаря, Что ты спишь, мужичокъ?» Въ стихотвореніи «Урожай» только болѣе выставлена внѣшняя жизнь, самый трудъ земледѣльца въ его объективномъ значеніи, безъ прямого отношенія къ чувству. Тутъ невозможно поставить строгую границу между лирикой и эпосомъ: личное чувство, все глубже проникая въ окружающую дѣйствительность, наконецъ совершенно исчезаетъ въ создаваемыхъ имъ образахъ: въ свѣтлой водѣ отражающая среда становится почти незамѣтна. Но тамъ, гдѣ поэтъ беретъ болѣе общій, широкій кругъ явленій, гдѣ идея стоитъ на виду, выражаясь въ самыхъ рѣзкихъ фактахъ, и образъ для нея болѣе вымышленъ, чѣмъ взятъ изъ дѣйствительности, мы всегда можемъ найти слѣды извѣ-

стнаго личнаго настроенія. Если мы говорили, что, кромѣ романа, въ настоящее время еще возможна поэма, то это и будетъ «лирическая поэма». Ея необходимость и значеніе вытекаетъ изъ слѣдующаго. Романъ раскрываетъ идею, которая уже заключается въ явленіяхъ жизни, изображая эти явленія со всею эпической подробностью и полнотою: для него дѣйствительный образъ имѣетъ такую же важность, какъ и самая идея. Но въ своемъ поэтическомъ воззрѣніи на жизнь писатель можетъ дальше и больше углубляться въ идею, чѣмъ то дозволяетъ тѣсный кругъ опредѣленныхъ фактовъ, необходимыхъ для романа; онъ предъугадываетъ ея осуществленіе въ будущемъ, указываетъ такія въ ней послѣдствія, на которыя есть едва лишь слабый намекъ въ жизни, или, желая ярче ее выставить, сосредоточиваетъ исключительно на ней всю свою фантазію. Для этого поэтъ свободно беретъ образы изъ области вымысла, или изъ исторіи, не имѣя однако въ виду исторической точности, или и изъ явленій окружающей жизни въ ихъ самомъ общемъ значеніи. Эту задачу можно выполнить и въ свободной формѣ романа; но во 1-хъ, здѣсь не всегда необходимо такое подробное до мелочей развитіе образовъ, какое предполагаетъ романъ, во 2-хъ, то, что въ романѣ многимъ покажется неестественнымъ (по причинѣ его обыкновенной объективности изображенія), легко будетъ допущено въ формѣ лирическаго вымысла, въ 3-хъ, на вымыслѣ здѣсь сосредоточены жаръ и сила, вытекающія изъ личнаго настроенія, что въ извѣстныхъ случаяхъ требуетъ особой, поэтической формы. Лирическая поэма принадлежитъ столько же эпосу, сколько лирикѣ: въ ней разсказъ представляетъ развитіе характера, или какое нибудь событіе, явленіе жизни со всѣми красками той дѣйствительности, среди которой поставлены лица, или къ которой явленіе относится, но въ этой постановкѣ характеровъ и событій высказывается и личное воззрѣніе поэта, чувство, его одушевляющее: оно даетъ извѣстный тонъ и лирическое движеніе всему разсказу. Таковы отчасти разобранныя нами произведенія Шиллера «Жалоба Цереры и Ивиковы журавли». Въ нихъ, взявъ самый общій смыслъ греческой жизни, поэтъ выразилъ идеи о могучемъ творчествѣ природы и о нравственномъ значеніи искусства, — идеи, которыя для его современниковъ представляли особый интересъ. Нагляднѣе лирическое настроеніе выражается въ поэмахъ Байрона. Такова поэма «Шильонскій узникъ», переведенная Жуковскимъ. Байронъ изображаетъ въ ней всѣ ужасы страданій человѣка, заключеннаго въ

тюрьмѣ. Узникъ, пострадавшій за вѣру, прикованъ къ цѣпи вмѣстѣ съ двумя братьями: онъ рядомъ съ ними, но не можетъ подать имъ руку, не можетъ даже въ сумракѣ тюрьмы отличить ихъ. Будучи старшимъ, онъ переживаетъ обоихъ братьевъ: сначала въ его присутствіи умираетъ средній братъ, потомъ младшій. Неподвижный на своей цѣпи, онъ съ отчаяньемъ слѣдилъ за смертью перваго, но вотъ медленно, кротко угасаетъ и другой, любимецъ отца, нѣжный образъ матери, для котораго узникъ щадилъ и жизнь свою. Тутъ овладѣла имъ нестерпимая мука.

Невольнымъ ужасомъ объятъ,
Я вслушиваюсь.... тишина!...
Кричу, какъ бѣшеный... стѣна
Откликнулась — и умеръ гулъ.
Я цѣпь отчаянно рванулъ —
И вырвалъ. Къ брату.... брата нѣтъ....
Онъ на столбѣ, какъ вешній цвѣтъ,
Убитый хладомъ, предо мной
Висѣлъ съ поникшей головой.

Слѣдующая за тѣмъ картина мрачнаго отчаянья принадлежитъ къ могучимъ образамъ, какіе можно встрѣтить только у Байрона. Въ сознаніи узника все перепуталось, перемѣшалось; мысль, подавленная горемъ, начала создавать дикій хаосъ.

«То не было ни ночь, ни день,
Ни блѣдный свѣтъ тюрьмы моей,
Столь ненавистный для очей:
То было тьма безъ темноты,
То было бездна пустоты
Безъ протяженья и границъ,
То были образы безъ лицъ,
То страшный міръ какой-то былъ
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ промысла, безъ благъ и бѣдъ,
Ни жизнь, ни смерть — какъ сонъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и нѣмой».

Узникъ потерялъ понятіе о всѣхъ окружавшихъ его предметахъ; передъ нимъ кружились какіе-то неопредѣленные образы, но, равнодушный ко всему, онъ не различалъ уже ни добра, ни зла, ни

теченія времени: душа замерла на одномъ тяжеломъ, безвыходномъ, безграничномъ чувствѣ горя и запустѣнія. Въ такомъ положеніи, казалось, уже близко умопомѣшательство, какъ вдругъ въ узкомъ окошечкѣ тюрьмы послышался голосъ птички. Это прикосновеніе живой природы мгновенно освѣжило душу; мысли узника потекли прежнимъ порядкомъ. Но съ возвращеннымъ сознаніемъ жизнь его стала еще горемычнѣе.

«И люди наконецъ пришли
Мнѣ волю бѣдную отдать....
За что и какъ? о томъ узнать
И не помыслилъ я: давно
Привыкъ считать я за одно;
Безъ цѣпи ль я, въ цѣпи ль я былъ,
Я безнадежность полюбилъ,
И имъ я холодно внималъ,
И равнодушно цѣпь скидалъ».

Что можетъ быть печальнѣе этого положенія, до котораго люди довели своего собрата? но Байронъ идетъ еще далѣе: онъ совершенно естественно представляетъ, что узникъ, выпускаемый на волю, не просто остается безчувственъ ко всему на свѣтѣ; онъ жалѣетъ о своей тюрьмѣ, гдѣ схоронилъ все для себя дорогое. Байронъ не безъ цѣли выставлялъ такъ рѣзко страданія, униженіе человѣка: онъ желалъ открыть людямъ глаза, внушить имъ добрыя чувства, уваженіе къ человѣческой личности. Онъ восхваляетъ все прекрасное въ жизни, величаетъ природу, искусства Италіи и Греціи, народъ въ его борьбѣ за независимость; но въ то же время любитъ рисовать мрачныя картины людской слабости, самовластія, эгоизма. Отъ того характеръ многихъ его произведеній грустный и мрачный: такое лирическое настроеніе мы замѣчаемъ и въ піесѣ «Шильонскій узникъ». Пушкинъ въ своей прекрасной пѣснѣ «Къ морю» удачно очертилъ образъ Байрона.

«Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой».

Такъ начинаетъ поэтъ свою пѣсню: прощаясь съ Чернымъ моремъ, онъ слышитъ въ его волнахъ заунывный голосъ друга, вспоминаетъ, какъ бродилъ по берегамъ, внимая «гласу бездны» и рисуетъ его могущество:

«Безпечный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользитъ безпечно средь зыбей;
Но ты взыгралъ неодолимый
И стая тонетъ кораблей!»

Этотъ образъ моря напоминаетъ поэту Байрона. Пушкинъ сначала уносится мыслію по волнамъ къ острову Св. Елены, гдѣ передъ тѣмъ умеръ Наполеонъ, и тутъ же приходитъ ему на мысль смерть Байрона, который скончался въ борьбѣ за независимость Греціи вскорѣ послѣ Наполеона.

«И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.
Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ.
Шуми жъ, взволнуйся непогодой!
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.
Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ;
Какъ ты, могучъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ».

Мы окончили свой обзоръ лирическихъ произведеній. Ясно, что главнымъ ихъ свойствомъ служитъ не столько *отчетливость образовъ*, сколько *цѣлость впечатлѣнія*, производимаго чувствомъ, непринужденно вылившимся изъ души. Пушкинъ говоритъ, обращаясь къ морю:

«Твой грустный шумъ; твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ».

Слова «грустный, призывный» немного намъ рисуютъ, но, какъ поэтическія краски, они превосходно ложатся на тонѣ цѣлаго стихотворенія: въ нихъ слышится тоска по той могучей силѣ и свободѣ, какую напоминаетъ безграничное море.

Въ своемъ историческомъ развитіи лирика, какъ и эпосъ, принимала безконечно разнообразныя формы. Отъ древнихъ грековъ сохранились названія: *элегія*, — стихотвореніе грустнаго содержанія,

гдѣ поэтъ выражаетъ свою тоску о какомъ нибудь потерянномъ благѣ, *идиллія* (идиллія относится столько же къ эпосу, сколько къ лирикѣ: то же можно сказать и про *балладу*, большею частію составляющую родъ лирической поэмы); отъ среднихъ вѣковъ мы имѣемъ названія: *сонетъ*, — небольшая пѣсня, которая отличается только особымъ расположеніемъ рифмъ, и *романсъ* — стихотвореніе, которое у арабовъ и испанцевъ означало родъ исторической пѣсни, а въ нынѣшнее время означаетъ легкую пѣсенку, назначенную для музыкальнаго выполненія.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

1. Общія свойства драмы.

(РАЗБОРЪ ДРАМЫ ПУШКИНА: «СКУПОЙ РЫЦАРЬ»).

Для опредѣленія, что такое драма, мы сначала разберемъ небольшое драматическое произведеніе Пушкина: «Скупой рыцарь.» Его содержаніе слѣдующее. Въ сценѣ первой молодой рыцарь, Альберъ, разсматриваетъ свой пробитый на турнирѣ шлемъ и горюетъ, что ему больше нельзя надѣть его. Онъ вышибъ изъ сѣдла своего противника, да что толку? и конь его хромаетъ... а въ домѣ нѣтъ ни гроша: старый, скупой отецъ не даетъ ни копейки. Альберъ въ своемъ горѣ толкуетъ со слугою, Иваномъ, какъ бы добыть денегъ у еврея, у котораго ужъ не разъ занималъ. Кстати пришелъ еврей. Онъ не рѣшается давать безъ заклада: пришлось бы разсчитывать на смерть стараго барона, а этотъ еще можетъ прожить долго. Альберъ съ отвращеніемъ говоритъ о скупости отца, и лукавый еврей, видя страстное желаніе сына получить скорѣе наслѣдство и также соображая о своей выгодѣ, очень хитро и осторожно подаетъ мысль, нельзя ли отравить барона. Альберъ возмущается этой мыслію и прогоняетъ еврея. Вторая сцена происходитъ въ подвалѣ. Скупой баронъ восторженно наслаждается видомъ своихъ сундуковъ, полныхъ золота; но въ тоже время его душу начинаетъ томить совѣсть, онъ также мучительно вспоминаетъ, что послѣ смерти сокровища его будутъ расхищены. Въ третьей сценѣ мы находимъ Альбера у герцога. Отвергнувъ пред-

ложеніе еврея, онъ рѣшился жаловаться на отца герцогу. Герцогъ призываетъ барона и, велѣвъ сыну скрыться въ сосѣдней комнатѣ, увѣщеваетъ старика именемъ его дружбы со своимъ дѣдомъ отпустить сына ко двору съ приличнымъ содержаніемъ. Баронъ въ волненіи начинаетъ обвинять сына, что тотъ хотѣлъ убить его, обокрасть... Альберъ все слышалъ и не вытерпѣлъ. Онъ уличаетъ отца во лжи, этотъ бросаетъ ему перчатку. Альберъ готовъ драться съ отцомъ; но герцогъ, возмущенный такою сценою, велитъ ему уйти съ глазъ. Баронъ испыталъ въ эти минуты столько внезапныхъ потрясеній, что скоропостижно умираетъ. Чтобы понять драматическую завязку этой піесы, намъ необходимо сначала объяснить характеры. Здѣсь довольно вѣрно выставлены нравы рыцарскаго вѣка, когда въ буйной удали видѣли главную добродѣтель и вся честь заключалась въ блескѣ оружія, въ роскоши богатыхъ праздниковъ: въ противуположность необузданной расточительности, возможны были и такія лица, какъ баронъ, которые дрожали надъ каждою копейкой, когда другіе бросали деньги изъ тщеславія. Альберъ, что называется, добрый малый, — храбрый, веселый юноша, которому хочется хорошенько отпраздновать свою молодость, пожить широко. Онъ не золъ отъ природы: отсылаетъ послѣднюю бутылку вина больному кузнецу, въ крайности не хочетъ брать денегъ у еврея, когда этотъ намекнулъ объ отравленіи отца; но на немъ видна и испорченность общества, среди котораго онъ живетъ. Отецъ такъ говоритъ про него: «безумецъ, расточитель молодой, развратниковъ разгульныхъ собѣседникъ... онъ сойдетъ сюда (т. е. въ подвалы) съ толпой ласкателей придворныхъ, жадныхъ; укравъ ключи у трупа моего, онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ, и проч.» Въ отцѣ, конечно, тутъ болѣе всего высказывается жадность къ деньгамъ, но и самъ Альберъ даетъ понять, что съумѣетъ употрѣбить богатства отца. На что же онъ употребитъ ихъ? Разумѣется, на пиры, на то, чтобы поддержать себя на турнирахъ, при дворѣ герцога. Въ юношескихъ стремленіяхъ Альбера мы ничего не находимъ, кромѣ этаго тщеславія: такое употребленіе денегъ немногимъ лучше ихъ безполезнаго лежанія въ сундукахъ барона. Альберъ во всемъ нуждается, потому что отецъ не даетъ ему денегъ; изъ этаго уже видно, что онъ велъ праздную жизнь и самъ не могъ себѣ ничего заработать: бѣдности стыдится онъ не потому, что она могла бы доказывать его недѣятельность, безпечность, неспособность, а потому, что ему нельзя, какъ прочимъ рыцарямъ,

сидѣть въ атласѣ и бархатѣ за герцогскимъ столомъ. Слѣдовательно, отецъ долженъ поддерживать въ немъ свое рыцарское достоинство; въ этомъ смыслѣ онъ говоритъ, отправляясь жаловаться герцогу: «пускай отца заставятъ меня держать, какъ сына, не какъ мышь, рожденную въ подпольѣ». Выходитъ, что рыцарская гордость не мѣшала бы ему жить на счетъ отца, котораго онъ презираетъ и на смерть котораго разсчитываетъ. На слова еврея: «Пошли вамъ Богъ скорѣй наслѣдство» — онъ съ сердечнымъ сочувствіемъ восклицаетъ: Amen! Не имѣлъ ли поводъ еврей предложить ему и средство скорѣе достигнуть этаго? Альберъ въ негодованіи хочетъ повѣсить бездѣльника, прогоняетъ его и потомъ говоритъ:

«Вотъ до чего меня доводитъ
Отца роднаго скупость! Жидъ мнѣ смѣлъ
Что предложить!»

Но кромѣ отцовской скупости, тутъ виною и легкомысліе самого Альбера. Въ надеждѣ на веселую жизнь, онъ искренно радовался бы смерти отца; жидъ же предлагаетъ все покончить разомъ: одинъ тутъ немногимъ лучше другаго. Далѣе, въ обхожденіи Альбера съ евреемъ видна пошлая рыцарская спѣсь:

«А, пріятель!
Проклятый жидъ, почтенный Соломонъ,
Пожалуйка сюда: такъ ты, я слышу,
Не вѣришь въ долгъ....
Иль рыцарскаго слова
Тебѣ, собака, мало?»....

Вотъ съ какими привѣтствіями обращался Альберъ къ человѣку, котораго услугами пользовался. Жидъ, хоть и изъ разсчета, рисковалъ своими деньгами: онъ могъ надѣяться на уплату лишь въ случаѣ смерти барона и все терялъ, еслибы Альберъ умеръ. Его слова: «весь разорился я, все рыцарямъ усердно помогая; никто не платитъ» были не просто придуманы, чтобы скрыть деньги. Тутъ могла заключаться и правда. Въ рыцарскій вѣкъ, кто былъ послабѣе, тотъ и подвергался насилію: евреевъ преслѣдовали еще изъ религіозной ненависти. Отверженные, лишенные всякихъ правъ, но все-таки нужные рыцарямъ по своему умѣнью наживать деньги промыслами (сами рыцари ни къ какому мирному труду не были способны), — евреи жили въ совершенномъ униженіи и естественно

не считали преступленіемъ, гдѣ возможно, обманывать тѣхъ, кто унижалъ ихъ. При полномъ отчужденіи отъ людей, при невѣрности своего положенія, они только и знали одну страсть къ пріобрѣтенію, и тутъ дозволяли себѣ всякія средства. Забавно читать, какъ выведенный Пушкинымъ жидъ дрожитъ за свои деньги, но надо помнить, что и Альберъ безъ всякаго права хочетъ принудить его дать взаймы. Тутъ одно изъ двухъ: или Альберу совсѣмъ не слѣдовало имѣть дѣла съ бездѣльникомъ Соломономъ, или ужъ дружелюбно сносить всѣ послѣдствія подобныхъ сношеній, не гордясь болѣе своимъ рыцарствомъ. Характеръ скупаго барона выставленъ въ немногихъ, но рѣзкихъ чертахъ: въ противуположность своему сыну, онъ весь сосредоточился на страсти къ золоту, весь замкнулся въ себѣ; онъ служитъ деньгамъ, по словамъ Альбера: «какъ алжирскій рабъ, какъ песъ цѣпной.» Пушкинъ совершенно естественно выводитъ его въ бесѣдѣ съ самимъ собою: баронъ не сталъ бы довѣрять, какъ его сынъ своему слугѣ, скрытныхъ думъ своихъ. Онъ счастливъ, что въ шестой сундукъ, еще не полный, можетъ всыпать горсть золота: богатства его растутъ, и онъ, какъ царь, возсѣдаетъ надъ ними... Зачѣмъ ему ихъ тратить? Сберегая ихъ, онъ сильнѣе чувствуетъ свое могущество; онъ знаетъ, что каждую минуту можетъ ими покорить себѣ и красоту, и трудъ, и геній... Такъ изъ самаго сердца человѣка объясняетъ Пушкинъ непонятную страсть скупости. Деньги тѣмъ дороже барону, что онѣ пріобрѣтены черезъ слезы и преступленія другихъ: добывая ихъ, онъ самъ долженъ былъ во всемъ себѣ отказывать, и кромѣ того терпѣть угрызенія совѣсти.

«Да! еслибы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ — я захлебнулся бъ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ....»

Сознавая это, какъ же могъ онъ такъ любить свое золото? Но человѣкъ, ослѣпленный страстью, ужъ всегда живетъ обманомъ воображенья. Какъ, голодая въ своей канурѣ, баронъ думалъ, что наслаждается всѣми благами міра, такъ и здѣсь онъ видитъ свое геройство въ томъ, что презрѣлъ угрызенія совѣсти, что выстрадалъ себѣ богатство. При мысли о страданіяхъ ближнихъ, какихъ оно стоило, ему все-таки страшно отпирать сундукъ, но тѣмъ силь-

нѣе въ немъ пробуждается желаніе отдаться вполнѣ своей страсти, вознаградить себя пріятными ощущеніями и за этотъ страхъ, и за всѣ горькія воспоминанія, — и онъ уже отпираетъ всѣ сундуки, зажигая свѣчу передъ каждымъ. Наслажденіе длится недолго.... баронъ вспоминаетъ, что съ его смертью сынъ все захватитъ въ свои руки, и опять начались прежнія тяжелыя мучительныя думы, и этими страданіями все болѣе скована душа въ одной охватившей ее страсти. Безъ сомнѣнія, баронъ испытывалъ все, о чемъ говорилъ: ему не передъ кѣмъ было лицемѣрить. Но его страданія безплодны, безполезны, и служатъ ко вреду какъ для него, такъ и для другихъ. Таково ужъ свойство всѣхъ себялюбивыхъ, эгоистичныхъ порывовъ сердца: дѣлая зло ближнему, тутъ человѣкъ часто не щадитъ и себя, жертвуя всякимъ существеннымъ благомъ для минутной обманчивой утѣхи.

Четвертымъ дѣйствующимъ лицомъ въ драмѣ служитъ герцогъ, который однако представляетъ собою довольно общій, блѣдный типъ благоразумнаго правителя: онъ болѣе нуженъ для развязки драмы. Эта драма, какъ мы видѣли, состоитъ всего изъ трехъ сценъ: болѣе и не было нужно для маленькаго эпизода, какой въ ней представленъ. Дѣйствіе въ ней основано на борьбѣ двухъ противуположностей: Альбера, съ его юношеской жаждою удовольствій и безденежьемъ и барона, съ его старческою жадностью къ деньгамъ. Всѣ сцены имѣютъ цѣлость и единство, служа полнымъ изображеніемъ этой идеи скупости, въ которой заключается и завязка и развязка драмы. Въ первой сценѣ мы подготовлены къ появленію барона, узнавая, въ какое безотрадное положеніе поставленъ его сынъ скупостью отца (выставлять подробно другія стороны въ характерѣ и жизни Альбера не было цѣлью Пушкина); во второй мы узнаемъ всю внутреннюю жизнь этой души, подавленной мучительной страстью къ золоту; въ третьей сценѣ дѣло идетъ къ развязкѣ, и главною причиною смерти барона служитъ таже скупость. Давая такимъ образомъ движеніе всѣмъ сценамъ, эта идея заключаетъ въ себѣ начало борьбы, необходимой въ драмѣ. Грубый эгоизмъ барона прежде всего выражается на его отношеніяхъ къ сыну: Пушкинъ избралъ одни эти родственныя отношенія, хотя и многое другое можно было бы изобразить на основаніи той же идеи. Сначала, въ разговорѣ со слугою Иваномъ, Альберъ высказываетъ свое отчаяніе, что шлемъ его испорченъ: онъ и сшибъ Делоржа, взбѣсившись за поврежденный шлемъ, причиною герой-

ства была скупость. Тоже въ немъ раздраженіе мы видимъ далѣе, когда онъ узнаетъ, что бездѣльникъ Соломонъ не даетъ болѣе въ долгъ безъ залога, а все кряхтитъ, да жмется. Игра страсти еще живѣе высказывается въ сценѣ съ жидомъ. Альберъ тутъ увлекается до того, что съ восторгомъ привѣтствуетъ мысль о смерти отца; но предложеніе жида вдругъ его отрезвило. Въ тонѣ, въ намекахъ, въ осторожности, съ какими выражено это предложеніе, чрезвычайно много драматическаго движенія.

Жидъ.

А можно бъ....

Альберъ.

Что?

Жидъ.

Такъ, думалъ я, что средство

Такое есть....

Альберъ.

Какое средство?

Жидъ велъ дѣло издали, постепенно: отказавъ въ деньгахъ, онъ не безъ намѣренія напоминаетъ Альберу, что отецъ его, можетъ быть, проживетъ еще тридцать лѣтъ. Онъ хорошо улучилъ минуту, чтобы начать говорить о средствѣ. Тонкая черта заключается и въ томъ, какъ неохотно Соломонъ произноситъ слово: ядъ. Онъ описываетъ только капли, отъ которыхъ человѣкъ умираетъ безъ рѣзи въ животѣ, безъ тошноты, безъ боли. «Твой старичокъ торгуетъ ядомъ?» спрашиваетъ Альберъ. — «Да.... и ядомъ», отвѣчаетъ жидъ уклончиво. Простодушный Альберъ не скоро понялъ, въ чемъ дѣло, но, понявъ, разразился жестокою бранью. Испуганный жидъ ужъ готовъ дать взаймы. Альберъ кричитъ: «Вонъ, песъ!» однако, и по уходѣ Соломона, борется самъ съ собою, взять ли деньги? — наконецъ отвергаетъ ихъ и идетъ жаловаться къ герцогу. И такъ вся сцена развивается просто и исполнена живыхъ переходовъ отъ одного ощущенія къ другому. Съ самаго ея начала до конца мы видимъ, что человѣкъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ страсти, и разговоръ поддерживается постоянной борьбою чувствъ въ Альберѣ. Рѣчи лицъ то длиннѣе, то короче, смотря потому, сосредоточенъ ли человѣкъ на одномъ предметѣ, или что

нибудь узнаетъ, рѣшаетъ. Такъ Альберъ довольно долго говоритъ о своемъ турнирѣ, о пробитомъ шлемѣ, какъ о настоящемъ поводѣ къ горю; потомъ длиннѣе другихъ его рѣчь о скупости отца и та, которую онъ произноситъ въ сердечномъ волненіи по уходѣ жида; длиннѣе рѣчь Соломона о своемъ положеніи, о возможной долговѣчности барона. Отрывисто идетъ разговоръ съ Иваномъ о томъ, дастъ ли жидъ взаймы, о средствѣ, какое жидъ предлагаетъ, и проч. Вторая сцена вся состоитъ изъ одной рѣчи барона въ подвалѣ. Такъ какъ здѣсь скупой старикъ разговариваетъ самъ съ собою, то и не выведено другихъ лицъ; но и этотъ разговоръ драматиченъ по самому положенію барона, по внутренней борьбѣ, въ немъ происходящей: и здѣсь есть вопросы и отвѣты, только возникающіе изъ движенія чувства въ одинокомъ человѣкѣ. Собираясь прибавить горсть золота въ неполный сундукъ, баронъ съ восторгомъ думаетъ о своемъ богатствѣ и спрашиваетъ: «что не подвластно мнѣ?» Среди этаго умиленія золотомъ возникаютъ изъ души новые вопросы: «какъ оно добыто? какихъ слезъ и преступленій оно стоило?» Но вотъ баронъ отпираетъ сундукъ, и его волнуетъ вмѣстѣ съ радостью невольная боязнь: онъ трепещетъ, какъ человѣкъ, находящій въ убійствѣ пріятность. При видѣ золота новое торжество и вслѣдъ за тѣмъ новый вопросъ: «но кто во слѣдъ за мной приметъ власть надъ моей державой? по какому праву сынъ расточитъ мое богатство?» При этихъ мысляхъ страсть возбуждена сильнѣе, рѣчь становится болѣе порывистой:

«Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
Что сердце у меня обросло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла, — совѣсть,
Незваный гость, докучный собесѣдникъ,
Заимодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ!»

Мы видимъ, что, не смотря на то, что въ этой сценѣ нѣтъ обыкновеннаго столкновенія между лицами, въ ней заключается средоточіе всей драмы: тутъ выставлена внутренняя жизнь лица, отъ котораго зависитъ дѣйствіе. Мы изъ этой сцены понимаемъ,

какъ мало могъ надѣяться Альберъ на какую нибудь помощь со стороны отца, почему тутъ не было мѣста дѣтской любви или уваженію, и почему, взявъ во вниманіе рыцарскіе обычаи, онъ былъ правъ, обращаясь съ жалобою къ герцогу. Съ другой стороны и все дѣйствіе третьей сцены вытекаетъ изъ предъидущаго: намъ нужно было знать, въ какой мѣрѣ баронъ былъ жаденъ къ деньгамъ, чтобы понять развязку драмы. Въ третьей сценѣ герцогъ берется усовѣстить барона, который былъ друженъ съ его дѣдомъ и у котораго онъ самъ ребенкомъ часто сиживалъ на рукахъ. Старикъ, ничего не подозрѣвая, охотно явился на вызовъ герцога: въ немъ заговорило чувство старой преданности; онъ даже разнѣжился при воспоминаніяхъ о прежней придворной службѣ. Но вотъ герцогъ начинаетъ толковать о сынѣ, желаетъ его видѣть при дворѣ, совѣтуетъ дать ему приличное содержаніе... и баронъ начинаетъ мѣшаться, все болѣе хмурится, придумываетъ разныя отговорки. Онъ сначала объясняетъ, что сынъ его не любитъ общества, потомъ, — что онъ недостоинъ милостей, проводитъ время въ буйствѣ. Герцогъ все настаиваетъ на своемъ, и у старика захватило духъ; ему уже кажется, что у него хотятъ отнять все его золото. Онъ не знаетъ, что болѣе придумать для отвращенія грозящей бѣды; совѣсть, стыдъ передъ герцогомъ—все исчезло: баронъ сначала съ волненіемъ, потомъ рѣшительно говоритъ, что сынъ его преступникъ, что онъ хотѣлъ убить его... мало убить!.. онъ хотѣлъ его *обокрасть*. Альберъ не вынесъ этаго слова: онъ выскочилъ изъ сосѣдней комнаты и называетъ отца лжецомъ. Тутъ произошла сцена, кончившаяся внезапною смертью барона. Вся драматическая борьба здѣсь выходитъ изъ отношеній барона къ герцогу. Баронъ преданъ герцогу, счастливъ его вниманіемъ и вдругъ узнаетъ, какой жертвы отъ него требуютъ. Въ отчаяніи онъ прибѣгаетъ ко лжи, не ожидая, что сынъ явится уличить его. Честь его оскорблена, онъ бросаетъ перчатку; но въ тоже время не можетъ не чувствовать, что самъ нарушилъ рыцарскую честь своею ложью. Уже прежде его нѣсколько смутили слова герцога про сына: «Убить! такъ я суду его предамъ, какъ чернаго злодѣя!» Теперь оказывается, что сынъ слышалъ весь разговоръ, что герцогъ за одно съ Альберомъ. То, что баронъ бросилъ перчатку, не возстановитъ его въ мнѣніи герцога: это было одно безумство. Позоръ услышать отъ сына: «вы лжете» и не имѣть никакой возможности отвѣтить на эти слова съ достоинствомъ — вотъ что прежде всего сразило барона.

Баронъ.

Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣлъ!..
Ты могъ отцу такое слово молвить!..
Я лгу и передъ нашимъ государемъ!..
Мнѣ, мнѣ... иль ужъ не рыцарь я?..

Альберъ.

Вы лжецъ.

Старикъ не могъ вынести этаго потрясенія; но тутъ же дѣйствовала другая, еще болѣе ужасная для него мысль. Ему въ эту минуту должна была еще ярче представиться необходимость дать денегъ на содержаніе сына; гордость, съ какою онъ вызывалъ Альбера на поединокъ, вынуждала бы его также показать, что онъ ничуть не жалѣетъ денегъ. Словомъ, онъ чувствовалъ, что такъ или иначе у него выжимаютъ золото, скопленное потомъ и кровью. Эта мысль окончательно его убила. Баронъ умираетъ, восклицая: «душно!.. душно!.. гдѣ ключи? ключи, ключи мои?»

Изъ сдѣланнаго нами разбора мы можемъ вывести для драмы слѣдующія основанія.

1. При разборѣ эпоса, мы изъ многочисленныхъ примѣровъ уже могли видѣть, что среди эпическаго разсказа встрѣчаются и драматическія сцены (въ Мертвыхъ Душахъ: споръ Чичикова съ Коробочкой, съ Ноздревымъ, въ Одиссеѣ: разговоръ Одиссея съ Калипсо, и проч.); но онѣ являются въ связи съ разсказомъ, выражая лишь тотъ моментъ дѣйствія, гдѣ изображаемыя лица съ ихъ страстями приходятъ въ столкновеніе между собою, или вызваны къ внутренней борьбѣ въ своихъ чувствахъ (думы Одиссея, когда его плотъ разбитъ; думы Евгенія, когда послѣ наводненія онъ не находитъ домика, гдѣ жила Параша). Драма же представляетъ отдѣльно и независимо эти мгновенія внѣшней и внутренней борьбы въ событіи. Слѣдовательно, она беретъ событіе не во всей его полнотѣ, какъ эпосъ, а въ тѣхъ выдающихся частяхъ, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ указанной нами борьбѣ, — не все развитіе характеровъ, а ихъ выраженіе въ минуту борьбы, рѣшающей такъ или иначе судьбу человѣка. Въ драмѣ «Скупой рыцарь» событіемъ служитъ извѣстное столкновеніе отца съ сыномъ; но изображеніе турнира, изображеніе того, какъ стыдно было сидѣть Альберу въ латахъ за герцогскимъ столомъ, какъ прежде обращался онъ къ еврею, что всякій разъ думалъ еврей, давая ему взаймы и какъ въ

немъ появилась мысль предложить ядъ, какъ баронъ собиралъ свои деньги, съ какими мыслями Альберъ шелъ къ герцогу, что думалъ баронъ, когда его призвали, и многія другія подробности, при случаѣ возможныя въ разсказѣ, были бы неумѣстны въ живомъ представленіи дѣйствія, гдѣ все описательное и повѣтствовательное входитъ на столько, на сколько это не препятствуетъ естественному теченію разговора. Если Альберъ и упоминаетъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ турнира, то имѣя въ виду только высказать, какъ дорожилъ онъ шлемомъ, какъ ему нужны деньги для покупки новаго шлема, но подробное описаніе его отваги, возбужденной отчаяньемъ, его горькихъ думъ по этому случаю замедлило бы быстрый ходъ дѣйствія. Еврей говоритъ о своемъ знакомцѣ Товіи, приготовляющемъ ядъ: для характеристики человѣка, съ какимъ Альберъ имѣлъ дѣло, важно бы поподробнѣе описать и этаго Товія; но такое описаніе въ данную минуту отвлекло бы наше вниманіе отъ предложенія, на которомъ сосредоточенъ весь интересъ сцены. Точно также, еслибы баронъ сталъ подробно разсказывать о томъ, что стоило ему пріобрѣтеніе богатства, то вся сцена передъ сундуками съ золотомъ была бы потеряна: мы уже не присутствовали бы при той внутренней борьбѣ, какую онъ испытывалъ и какая выражалась въ быстрыхъ переходахъ отъ одного чувства къ другому. И такъ описаніе и разсказъ входятъ въ драму, только какъ выраженіе личныхъ впечатлѣній человѣка въ минуту дѣйствія, поэтому они большею частію отрывочны и далеко не знакомятъ насъ со всею обстановкою дѣйствія. Взявъ какое нибудь эпическое произведеніе, мы теперь легко опредѣлимъ, что изъ него могло бы войти въ драму. Въ повѣсти «Старосвѣтскіе помѣщики» лишь послѣднія сцены передъ смертію Пульхеріи Ивановны нѣсколько отличаются драматическимъ характеромъ: тутъ есть событіе, въ которомъ наиболѣе выразилась вся сущность характера выставленныхъ лицъ, тутъ есть борьба и рѣшеніе судьбы. Изъ остальнаго пришлось бы взять лишь отдѣльныя, поясняющія черты, потому что драма не представляетъ всего развитія характеровъ, всей жизни человѣка; однако характеры, такъ какъ они бываютъ поставлены въ драматическомъ дѣйствіи, для котораго мы предполагаемъ самые рѣшительные случаи жизни, уже выражаютъ собою, что въ этомъ развитіи, въ этой жизни было самаго существеннаго. Изъ поступковъ Альбера, изъ признаній и дѣйствій барона мы можемъ ясно видѣть, что дѣлали бы они и въ другихъ случаяхъ.

2. Съ эпосомъ драма имѣетъ то сходство, что она представляетъ жизнь объективно, то есть, безъ всякаго отношенія къ личному настроенію поэта: здѣсь изображаются дѣйствительныя чувства выведенныхъ лицъ, согласно ихъ положенію, а не чувства самого поэта, слѣдовательно и внутренній міръ становится внѣшнимъ съ личной точки зрѣнія; но, переносясь въ характеры дѣйствующихъ лицъ, мы всюду находимъ лирическое въ выраженіи ихъ чувствъ, ихъ самыхъ сокровенныхъ стремленій. Такъ какъ предметомъ драмы служитъ извѣстное внѣшнее событіе, гдѣ человѣческая воля высказывается въ дѣйствіи, то и изображеніе душевныхъ порывовъ входитъ въ нее на столько, на сколько это согласно съ ходомъ дѣйствія: здѣсь берется не то чувство, которое, зарождаясь въ глубинѣ души и производя все новые ряды представленій, погружаетъ человѣка въ самосозерцаніе, а страсть, устремляющая человѣка на дѣло. Въ драмѣ лицо не можетъ много раздумывать съ самимъ собою, обстоятельства тотчасъ заставляютъ его рѣшиться на какое нибудь дѣло, или, если человѣкъ нерѣшителенъ, то его дѣятельность выражается въ сопротивленіи событію, увлекающему его въ свой круговоротъ: таковы условія жизни, представляемой въ драмѣ. Поэтому здѣсь, какъ неумѣстны излишнія описанія и разсказы, такъ неумѣстны и излишнія изліянія чувствъ. Изображеніе барона въ подвалѣ, среди его богатствъ, еще не составитъ драмы: драма заключается въ столкновеніи личныхъ стремленій этаго человѣка со стремленіями другихъ лицъ: не будь онъ вызванъ на эту внѣшнюю борьбу, его внутренняя борьба не выступила бы на сцену. Такимъ образомъ лирическое здѣсь тѣсно связано въ одно цѣлое съ эпическимъ, и изъ этаго сліянія двухъ элементовъ: жизни чувства и внѣшнихъ побужденій выходитъ жизнь дѣйствія. Мы уже видѣли, какъ лирическое входитъ въ эпосъ и наоборотъ эпосъ въ лирику; мы указали, какъ драматическое появляется въ эпосѣ. Но изъ нашего разбора лирическихъ пѣсенъ также ясно было видно, что внутренняя драма составляетъ главное ихъ содержаніе. Тутъ все дѣло касается формы. Обращаясь со своимъ чувствомъ къ явленіямъ дѣйствительной жизни, поэтъ создаетъ лирическій эпосъ; останавливаясь преимущественно на внутренней борьбѣ чувства, онъ можетъ представить въ лицахъ всѣ явленія этой борьбы и такимъ образомъ создать лирическую драму. Этотъ новый видъ поэзіи опять различно измѣняется, смѣшиваясь съ эпосомъ, съ обыкновенною драмою; но лирика, и въ формѣ

драмы, останется лирикой: она болѣе назначена для пѣнія, чѣмъ для представленія. Другія искуства, музыка и пластика имѣютъ свою драму въ оперѣ и балетѣ. Опера собственно не принадлежитъ къ произведеніямъ слова: въ ней рѣчь имѣетъ второстепенное значеніе, совершенно подчиняясь музыкѣ. Балетъ есть развитіе плясоваго искуства: и въ обыкновенной пляскѣ тѣлодвиженія должны бы выражать чувство гармоніи, проистекающее изъ различнаго настроенія души: здѣсь любовь, грусть, радость, надежда, всѣ душевные порывы находятъ успокоеніе въ гармоническомъ сочетаніи звуковъ и тѣлодвиженій.

3. И такъ для драмы необходимо событіе, въ которомъ выражалась бы опредѣленная идея борьбы; необходимы характеры, способные выразить эту идею въ дѣйствіи. Мы видѣли, какъ въ драмѣ: «Скупой рыцарь» лица съ ихъ характерами поставлены въ такое положеніе, что ихъ чувство ежеминутно возбуждено, что волею неволею они принуждены искать себѣ выхода изъ трудныхъ обстоятельствъ, отстаивая свои интересы. Опредѣленная идея борьбы и даетъ единство дѣйствію; лица, какъ бы они себѣ ни противорѣчили подъ вліяніемъ страсти или внѣшнихъ побужденій, при этомъ остаются отъ начала до конца съ однимъ и тѣмъ же опредѣленнымъ характеромъ: каждая перемѣна въ ихъ настроеніи вытекаетъ изъ сущности ихъ природы. Въ другомъ какомъ либо единствѣ тутъ нѣтъ нужды: мы не требуемъ, чтобы дѣйствіе происходило въ одномъ мѣстѣ, или обнимало опредѣленный срокъ времени; мы легко переносимся воображеніемъ въ самыя противуположныя мѣста и соединяемъ въ одно цѣлое происшествія нѣсколькихъ лѣтъ. Событіе драмы, о которомъ мы говорили, создается болѣе характерами дѣйствующихъ лицъ, чѣмъ внѣшними обстоятельствами: все случайное имѣетъ здѣсь второстепенное значеніе. Могло, напримѣръ, случиться, что у Альбера не былъ бы пробитъ шлемъ на турнирѣ; что Соломонъ далъ бы ему взаймы денегъ, что баронъ не былъ бы въ близкихъ отношеніяхъ съ герцогомъ, и проч. Но это и не составляетъ чего либо существеннаго въ драмѣ: по противуположности въ характерахъ Альбера и барона и по ихъ взаимнымъ отношеніямъ столкновеніе было необходимо, хотя могло бы произойти и другимъ образомъ. Внѣшнія обстоятельства даютъ только толчекъ дѣйствію. Слѣдовательно, завязка и развязка, вытекая изъ идеи борьбы, также заключается преимущественно въ характерахъ. Баронъ умираетъ въ присутствіи герцога; герцогъ былъ

нуженъ, чтобы такъ сильно подѣйствовать на его чувство; но уже во второй сценѣ мы видѣли, съ какимъ отчаяніемъ думалъ онъ о томъ, что расточительный сынъ будетъ ему наслѣдовать. Эта мысль, при малѣйшемъ внѣшнемъ толчкѣ, могла произвести смертельное пораженіе мозга.

4. Дѣйствіе драмы можетъ быть болѣе или менѣе сложно, смотря по сложности событія и характеровъ. Слѣдовательно, для его выраженія необходимо большее или меньшее количество сценъ. Сцены состоятъ изъ отдѣльныхъ «явленій», которыя разграничиваются приходомъ или уходомъ какого нибудь лица. Отдѣльныя явленія (Альберъ со слугою, Альберъ съ Соломономъ, Альберъ по уходѣ Соломона), если они многочисленны, составляютъ уже не сцену, а называются «дѣйствіемъ». Смотря по сложности событія, явленія группируются въ одно, въ два, въ три и болѣе дѣйствій. Далѣе форма драмы, какъ мы знаемъ, состоитъ въ разговорѣ: «разговоръ, или діалогъ», изображаетъ столкновеніе лицъ въ борьбѣ; если же лицо занято исключительно внутренней борьбою, то оно выражаетъ свои чувства въ «монологѣ». Монологи въ драмѣ могутъ быть болѣе или менѣе многочисленны, смотря по характеру дѣйствія, но они конечно, никогда не преобладаютъ надъ діалогами. Разговорная форма исключаетъ много такого, что входитъ въ описаніе и повѣствованіе. Съ одной стороны то, что въ эпосѣ бываетъ предметомъ разсказа (напримѣръ, въ Старосвѣтскихъ помѣщикахъ, смерть Пульхеріи Ивановны), въ драмѣ должно быть представлено въ дѣйствіи (на сколько это возможно по условіямъ сценическаго искуства); съ другой изображеніе мѣста, гдѣ происходитъ дѣйствіе, одежды, наружности лицъ, ихъ движеній и другихъ внѣшнихъ обстоятельствъ (напримѣръ, громъ, буря, сіяніе мѣсяца, и проч.) входитъ въ разговоръ только случайно и отрывочно; плохо было бы, если бы авторъ съ намѣреніемъ заставилъ своихъ лицъ извѣщать обо всемъ этомъ. Мы не знаемъ ни подвала, ни сундуковъ, о которыхъ говорилъ баронъ, ни выраженія его лица при борьбѣ различныхъ чувствъ; изъ немногихъ словъ его мы едва можемъ догадываться о волненіи, съ какимъ бросилъ онъ перчатку, да о перчаткѣ онъ и не упоминаетъ: мы и не знали бы, что нужно поднять Альберу, еслибы въ скобкахъ не было поставлено: «бросаетъ перчатку». Изъ этаго уже видно, что драматическій разговоръ, какъ выраженіе непосредственнаго дѣйствія, гдѣ авторъ не является намъ на помощь со своими описаніями, требуетъ живаго

представленія на сценѣ. Такимъ образомъ рядомъ съ требованіями драмы, какъ извѣстнаго поэтическаго произведенія, являются требованія ея сценическаго представленія. Вся внѣшняя обстановка дѣйствія (предметъ описаній и разсказа въ эпосѣ) становится намъ наглядною съ помощью декорацій и костюмовъ, выраженіе лицъ и всѣ движенія страсти (при чемъ особенно важную роль играетъ тонъ голоса) мы узнаемъ изъ мимики и искусной игры актеровъ. Справедливо говорятъ, что искусный актеръ вновь создаетъ характеры, уже созданные поэтомъ.

2. Драма Пушкина «Борисъ Годуновъ» въ историческомъ отношеніи.

Въ поясненіе сказаннаго нами о драмѣ мы еще остановимся на трагедіи Пушкина: «Борисъ Годуновъ». Это трагедія историческая, слѣдовательно намъ необходимо нѣсколько ознакомиться съ событіями, въ ней представленными, и потомъ просмотрѣть, что въ этихъ событіяхъ выбралъ Пушкинъ для изображенія *). Сначала изложимъ событія по разсказу Костомарова (Смутное время, Вѣстникъ Европы, мартъ 1866).

Послѣ смерти Іоанна Грознаго, въ 1584 году, вступилъ на престолъ разслабленный сынъ его Ѳеодоръ, неспособный къ правленію. При немъ, какъ мы уже знаемъ, всю власть захватилъ въ свои руки одинъ изъ приближенныхъ бояръ, Борисъ Годуновъ, родной братъ его жены, царицы Ирины. Какъ шуринъ царя, Борисъ ловко устранилъ отъ участія въ управленіи другихъ сильныхъ бояръ, Романовыхъ, Мстиславскаго, Шуйскихъ. Шуйскіе пытались было чрезъ митрополита хлопотать, чтобы царь развелся съ бездѣтною Ириною, но они обвинены въ измѣнѣ; приверженецъ ихъ, митрополитъ Діонисій, лишенъ сана, и его мѣсто занялъ Іовъ, благопріятель Бориса, получившій вслѣдъ за тѣмъ новый, не бывалый до того времени на Руси, санъ патріарха. Такъ распоряжался Борисъ, прокладывая себѣ дорогу къ престолу. Помѣхой къ достиженію этой цѣли могъ быть только малолѣтній сынъ Грознаго, Дмитрій, рожденный отъ осьмой жены его изъ роду Нагихъ. Хотя и

*) Я здѣсь не буду входить въ подробное объясненіе характеровъ и драматической завязки трагедіи; читатель найдетъ объ этомъ подробности въ моей книгѣ «Новая русская литература».

было объявлено, что Дмитрій не имѣетъ права наслѣдовать Өеодору, и его удалили изъ Москвы на житье въ Угличь, вмѣстѣ съ матерью и дядями; но народъ все-таки видѣлъ въ немъ царевича, и Нагіе еще надѣялись съ помощью его возвыситься. Борисъ, по выбору Клешнина, (котораго потомъ обвиняли, какъ главнаго распорядителя въ убійствѣ царевича) отправилъ въ Угличь смотрителемъ надъ хозяйствомъ Нагихъ дьяка Михайла Битяговскаго вмѣстѣ съ сыномъ его Данилою, Никитою Качаловымъ и Данилою Третьяковымъ. Эти лица, преданные Борису, конечно, должны были наблюдать за всѣмъ, что дѣлалось въ Угличѣ: мать царевича и ея братья постоянно съ ними ссорились, требовали отъ Михайлы Битяговскаго прибавки содержанія, а тотъ имъ отказывалъ. Вдругъ въ маѣ 1591 года пришло въ Москву извѣстіе, что царевичь зарѣзанъ. На слѣдствіе тотчасъ отправлены упомянутый выше Клешнинъ и Василій Шуйскій (Шуйскіе считались врагами Бориса, но Василій былъ его родственникомъ). Они донесли слѣдующее. 15-го мая, послѣ обѣдни, въ 12-мъ часу утра, въ Углицкой Спасской церкви зазвонили въ набатъ: приказала звонить царица. Толпы народа, думая, что пожаръ, съ рогатинами, дубинами, топорами, бросились ко двору, гдѣ жилъ Дмитрій. Тутъ раздался крикъ: «царевичь зарѣзанъ». На заднемъ дворѣ кормилица Орина Жданова держала мертваго ребенка: царица въ безпамятствѣ колотила полѣномъ мамку царевича, Василису Волохову. По ея приказанію посадскіе схватили эту женщину и стали ругаться надъ нею, сбивъ съ нея волосникъ. Парица и ея братья кричали, что царевича зарѣзали сынъ этой мамки, Осипъ Волоховъ, Никита Качаловъ и Битяговскіе. Цародъ безъ разбору бросился убивать всѣхъ, на кого ему указывали. Заперли ворота, чтобъ никто не ушелъ. Михайла Битяговскій съ сыномъ тогда обѣдалъ у себя дома. Услышавъ звонъ, онъ поспѣшилъ ко двору. Одинъ изъ дворцовыхъ служителей отперъ ему ворота. Едва народъ увидѣлъ ихъ, какъ бросился на нихъ и, подстрекаемый Михайлою Нагимъ, умертвилъ обоихъ: одного въ брусяной избѣ, другаго въ разрядной, куда они думали скрыться. Тутъ же убили Третьякова и Никиту Качалова. Тѣло царевича отнесли въ церковь Спаса; сюда привели и сына мамки, Осипа Волохова, который скрывался у жены Битяговскаго. Царица закричала, «вотъ убійца царевича!» — и народъ, не давъ проговорить ему слова, убилъ его въ церкви. Осталась въ живыхъ лишь сильно избитая Василиса Волохова. По показаніямъ Шуйскаго, ни мать, ни дяди

царевича не присутствовали при самомъ событіи: они въ то время обѣдали. Свидѣтелями были только: мамка, кормилица, постельница и четыре мальчика жильца, постоянно игравшіе съ царевичемъ. Всѣ они единогласно объявили, что царевичь игралъ ножемъ въ тычку и зарѣзался въ припадкѣ падучей болѣзни. Изъ Нагихъ одинъ Михайла утверждалъ, что Дмитрія закололи Осипъ Волоховъ, Никита Качаловъ и Данила Битяговскій, хотя самъ не видѣлъ этого. По суду, Нагихъ сослали въ дальнія мѣста; угличанъ, виновныхъ въ смутѣ, казнили; всѣхъ жителей Углича перевели на жительство въ Сибирь, въ городъ Пелымь. Но народная молва обвиняла въ убійствѣ Бориса. По позднѣйшимъ разсказамъ лѣтописей дѣло было такъ. 15-го мая мамка вывела ребенка на нижнее крыльце. Осипъ Волоховъ, взявъ Дмитрія за руку, спросилъ: «у тебя, государь, на шеѣ новое ожерельѣ?» Ребенокъ поднялъ голову, указалъ пальцемъ на ожерелье и сказалъ: «нѣтъ, старое». Тутъ Волоховъ ударилъ его ножемъ по шеѣ и только ранилъ. Кормилица съ крикомъ бросилась на ребенка; Данила Битяговскій и Качаловъ сильно ее ударили и оттащили прочь, потомъ дорѣзали царевича и убѣжали. Разсказывали еще, что народъ, подвергая истязаніямъ нѣкоторыхъ изъ слугъ убійцъ, принудилъ ихъ сознаться, что Борисъ Годуновъ подговорилъ ихъ на убійство. Что народъ, по разсказамъ Нагихъ и другихъ бояръ, и также сосланныхъ угличанъ, приписывалъ Борису намѣреніе погубить царевича,— это достовѣрно; нѣтъ также сомнѣнія, что никому такъ не нужна была смерть Дмитрія, какъ Годунову; но и до сихъ поръ остается неразъясненнымъ, учавствовалъ ли Борисъ въ этомъ дѣлѣ, или слишкомъ усердные слуги поторопились исполнить тайное его желаніе, или и впрямь царевичь закололся въ припадкѣ болѣзни, играя ножемъ, и Нагіе обвинили Битяговскаго и прочихъ лишь изъ ненависти. Какъ бы то ни было, Борисъ теперь уже могъ смѣлѣе разсчитывать на царство; онъ обращался къ волхвамъ и звѣздословамъ, спрашивая ихъ о будущемъ; они, прислуживаясь, говорили ему: «ты родился въ царскую звѣзду и будешь царемъ въ великой Россіи.»

Семь лѣтъ спустя, въ 1598 году, умеръ Өедоръ. Борисъ уже прежде склонилъ всѣхъ на свою сторону. Патріархъ Іовъ былъ всѣмъ ему обязанъ и прямымъ его разсчетомъ было держать сторону Бориса. За одно съ патріархомъ дѣйствовало и большинство духовенства. Запретивъ свободный переходъ крестьянъ отъ одного

владѣльца къ другому въ Юрьевъ день, Борисъ привлекъ къ себѣ
мелкихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые болѣе всего тер-
пѣли отъ крестьянскаго выхода. Московская чернь была ему пре-
дана, такъ какъ онъ щедро осыпалъ ее милостями. Вскорѣ послѣ
смерти Дмитрія, случился въ Москвѣ большой пожаръ, и Годуновъ
почти всѣхъ обстроилъ на свой счетъ. Огромныя его богатства
служили къ тому, чтобы пріобрѣтать себѣ приверженцевъ. Послѣ
смерти Ѳедора не было сомнѣнія въ томъ, кого изберутъ на цар-
ство; но Борисъ задумалъ разыграть комедію. Сначала, по обычаю,
управленіе осталось въ рукахъ Ирины; но царица отказалась отъ
престола и ушла въ Ново-дѣвичій монастырь. Тогда бояре, собрав-
шись въ Кремлѣ, объявили народу, что правленіе переходитъ въ
боярскую думу: народъ въ отвѣтъ на это сталъ кричать: «Не хо-
тимъ ни князей, ни бояръ, знаемъ одну царицу! пусть патріархъ
избираетъ, кого ему Богъ укажетъ.» Іовъ воспользовался этимъ
случаемъ и сказалъ, что подобаетъ просить на царство Бориса
Ѳедоровича. Доброжелатели Бориса въ толпѣ тотчасъ поддержали
криками патріарха, и бояре не смѣли противорѣчить. Всѣ отпра-
вились въ Ново-дѣвичій монастырь, куда лицемѣрно укрылся Бо-
рисъ къ сестрѣ. Патріархъ, въ витіеватой рѣчи, сталъ умолять его
принять престолъ и «не дать Божіихъ церквей на оскверненіе,
православныхъ христіанъ на расхищеніе.» Борисъ съ постнымъ ви-
домъ отвѣчалъ, что и не помышлялъ о царствѣ, а вся его забота
лишь о томъ, какъ бы устроить праведную душу пресвѣтлаго го-
сударя, Ѳедора Ивановича. Нѣсколько разъ патріархъ предприни-
малъ торжественныя хожденія въ Ново-дѣвичій монастырь, за нимъ
дворяне, преданные Борису, водили своихъ женъ и дѣтей, но все
напрасно: Борисъ со вздохами отказывался. Тогда Іовъ рѣшилъ,
что надо подождать сорокоуста, такъ какъ Борисъ Ѳедоровичъ те-
перь предался молитвѣ за своего благодѣтеля. Дѣло заключалось
въ томъ, что новый царь хотѣлъ быть избранъ всею землею. По-
собники Бориса поѣхали по разнымъ городамъ наблюдать, чтобы
въ Москву пріѣзжали все такіе люди, которые сказали бы за него
свое слово. Изъ выборныхъ сошлось до 100 настоятелей монасты-
рей, 119 дворянъ и очень немного изъ народу: громадное боль-
шинство принадлежало классамъ, преданнымъ Годунову. На зем-
скомъ соборѣ Іовъ началъ длинную рѣчь и, не давъ никому раз-
суждать, сказалъ въ заключеніе, что у всѣхъ одинъ совѣтъ, одна
мысль: не хотѣть и не искать никого, кромѣ Бориса Ѳедоровича.

Приверженцы патріарха стали толковать о добродѣтеляхъ Бориса, и Іовъ подъ конецъ объявилъ измѣнникомъ всякаго, кто захочетъ искать другаго государя. Три дня назначено было поститься и служить молебны; на четвертый день, въ понедѣльникъ сырной недѣли, рѣшено идти соборомъ въ Ново-дѣвичій монастырь. Пособники Бориса бѣгали между чернью и объявляли, что кто не пойдетъ просить, съ того возьмутъ пени 2 рубля. Такимъ образомъ за выборными понеслась громадная сила московской черни: мужчины, женщины, дѣти. Борисъ опять отвѣчалъ на мольбы: «не думайте, чтобы я помышлялъ на высоту царства». Тогда патріархъ рѣшилъ, что и на другой день во вторникъ, нужно идти съ иконою Божіей матери. «Если Борисъ Ѳедоровичъ не согласится, говорилъ онъ, то мы прекратимъ божественное служеніе въ церкви.» На этотъ разъ пристава согнали еще болѣе народу. На встрѣчу шествію вышелъ Борисъ, поклонился до земли и сказалъ: «О святой отецъ и государь мой, Іовъ! почто сотворилъ такой многотрудный подвигъ?» — «Не мы этотъ подвигъ сотворили, отвѣчалъ патріархъ, а пречистая Богородица возлюбила тебя: не будь противенъ волѣ Божіей.» Борисъ ушелъ въ келью къ сестрѣ; отслуживъ обѣдню, и патріархъ туда явился. Толпа народа стояла на дворѣ; приближенные смотрѣли въ окно и давали знаки приставамъ: эти заставляли народъ съ воплями кланяться и плакать. Многіе за недостаткомъ слезъ мазали глаза слюнями; тѣхъ, которые неохотно вопили, пособники Бориса понуждали пинками въ спину. Между тѣмъ соборъ продолжалъ умолять Бориса и его сестру. Ирина наконецъ изъявила согласіе, чтобы ея братъ принялъ царство. «Неужели тебѣ, моей государынѣ, молвилъ Борисъ, угодно возложить на меня такое бремя, о чемъ мнѣ никогда и на мысль не приходило. Я хотѣлъ всегда при тебѣ оставаться и зрѣть святое, пресвѣтлое лице твое?» — Сотвори по волѣ Божіей, — отвѣчала Ирина. Борисъ наконецъ согласился принять престолъ, и патріархъ съ духовенствомъ и боярами стали торжественно изъявлять свою радость. Борисъ пробылъ въ монастырѣ весь постъ и всю пасху; лѣтомъ онъ ходилъ съ войскомъ противъ крымцевъ болѣе для того, чтобы высказать свою пышность и щедрость: сраженія не было, но всякій день учреждались пиры, на которыхъ обѣдали до 10,000 человѣкъ. Въ сентябрѣ онъ вѣнчался на царство, при чемъ громко воскликнулъ, обращаясь къ патріарху: «Богъ свидѣтель, отче: въ моемъ царствѣ не будетъ нищихъ и бѣдныхъ» и, взявшись рукою за во-

ротникъ рубашки, прибавилъ: «и эту послѣднюю раздѣлю со всѣми.» Въ первые два года правленія Борисъ дѣйствительно удивлялъ всѣхъ своею щедростью. Онъ освободилъ на годъ поселянъ отъ всѣхъ податей, далъ торговымъ людямъ на два года право безпошлинной торговли, велѣлъ выдать служилымъ людямъ двойное годовое жалованье. Кромѣ многихъ льготъ Борисъ не скупился и на милостыню; онъ кормилъ и одѣлялъ множество неимущихъ. Особенную милость оказывалъ онъ иностранцамъ, съ цѣлію приманить ихъ въ московскую службу: изъ нихъ составлена была охранная, придворная стража. Сознавая преимущество европейскаго образованія, онъ выписывалъ изъ за границы аптекарей, лекарей, зодчихъ, литейныхъ мастеровъ. Но, дѣлая все это, Борисъ имѣлъ въ виду одну свою личную пользу, утвержденіе своей власти: иноземное войско должно было поддерживать его безопасность; иноземные лекаря, безъ воли царя, не имѣли права лечить кого нибудь даже изъ бояръ. Точно также онъ заботился о томъ, чтобы утвердить престолъ въ своемъ родѣ: для этаго вездѣ имя своего сына, Ѳедора, онъ ставилъ рядомъ со своимъ именемъ; Ѳедоръ принималъ участіе въ пріемѣ пословъ и въ другихъ дѣлахъ управленія. Борисъ старался дать ему европейское образованіе, и до насъ сохранился чертежъ земли Московской, составленный Ѳедоромъ. Чтобы возвысить себя между европейскими государями, Борисъ отправлялъ къ нимъ богатыя посольства; онъ хотѣлъ выдать дочь свою, Ксенію, за датскаго царевича, Іоанна: молодой женихъ пріѣхалъ въ Москву, встрѣченъ былъ съ большимъ почетомъ; но, къ горести Ксеніи, вскорѣ умеръ, простудившись на охотѣ. Наконецъ, устроивая свои дѣла, Борисъ придумалъ даже особую молитву о своемъ здравіи: ее предписано было читать на каждомъ пиру, во время питья заздравной чаши.

Такъ два года прошли мирно и спокойно; но вотъ наступилъ 1600 годъ, и Борисъ замѣтно измѣнился. Уже прежде родовитые бояре съ неудовольствіемъ смотрѣли на господство такого человѣка, какъ зять ненавистнаго опричника временъ Іоанна Грознаго, Малюты Скуратова. Многіе изъ нихъ происходили отъ Рюрика или Гедимина, и слѣдовательно, по знатности рода, имѣли болѣе правъ на престолъ, чѣмъ Борисъ, происходившій отъ татарскаго мурзы Четя. Къ царскому дому близко стояли и Романовы, родственники первой жены Грознаго, Анастасіи. Не будучи въ силахъ открыто бороться съ Борисомъ, бояре втайнѣ поддерживали всякую молву,

которая могла вредить ему: его обвиняли въ поджогахъ, въ отравленіяхъ, въ убійствахъ, и, когда онъ достигъ престола, слухъ о томъ, что онъ замышлялъ на жизнь царевича Дмитрія, все болѣе усиливался. Вдругъ, въ 1600 году, стали толковать, что вмѣсто Дмитрія убитъ былъ другой мальчикъ, а царевичъ скрывается, спасенный своими приверженцами. Борисъ былъ добръ въ надеждѣ привлечь народъ на свою сторону. Теперь, не зная, кто именно виновникъ враждебныхъ слуховъ, онъ сталъ подозрителенъ и жестокъ. Онъ прежде всего напалъ на Богдана Бѣльскаго, который при Грозномъ былъ воспитателемъ Дмитрія. Бѣльскій, строя въ степяхъ городъ Борисовъ, въ шутку похвастался: «царь Борисъ въ Москвѣ царь, а я царь въ Царевѣ-Борисовѣ.» Его за это призвали въ Москву; царь опозорилъ его, приказавъ своему доктору шотландцу выщипать его густую бороду, и сослалъ на низъ Волги. Потомъ обвинили въ измѣнѣ братьевъ Романовыхъ, дѣтей любимаго народомъ Никиты Романовича. Лѣтописи разсказываютъ, будто одинъ изъ ихъ холопей, по наущенію Семена Годунова, донесъ, что они хотятъ отравить царя зельемъ. Братьевъ разослали въ дальнія мѣста: удалого, ловкаго и начитаннаго Ѳедора Никитича насильно постригли въ Сійскомъ монастырѣ подъ именемъ Филарета. Сослано въ Сибирь и семейство Пушкиныхъ, по доносу своихъ холопей. Но ненавистные слухи все усиливались: Борису уже доносили, что Дмитрій, подъ покровительствомъ невѣдомыхъ людей, спасался въ Польшѣ. Царь приказалъ устроить на западной границѣ караулы: всѣхъ стали задерживать; было схвачено и замучено много невинныхъ людей. По московскимъ улицамъ ходили донощики и подслушивали, что́ говоритъ народъ: «доносили, говоритъ лѣтописецъ, и попы, и дьяконы, и чернецы, жены на мужей, дѣти на отцовъ, отцы на дѣтей.» Обвиняемыхъ подвергали пыткамъ, заключали въ темницы, ссылали. Холопы, доносившіе на господъ, получали ихъ помѣстья въ награду, и это все болѣе подстрекало ихъ къ доносамъ. Между тѣмъ, послѣ недолгаго льготнаго времени, народу стало тяжелѣе отъ налоговъ и разныхъ злоупотребленій. Борисъ сначала преслѣдовалъ пьянство, но запрещена была лишь частная продажа вина, а отъ казны оно по прежнему продавалось на кружечныхъ дворахъ, и число гулящихъ людей все увеличивалось. Въ угожденіе богатымъ, Борисъ постановилъ, что вольный человѣкъ, прослуживъ у господина добровольно около полугода, дѣлался его вѣчнымъ холопомъ. Это повело ко многимъ насиліямъ. Случалось, призовутъ мастеровъ въ домъ ра-

ботать, или просто заманятъ въ гости, поятъ, кормятъ, а потомъ вынудятъ кабалу. Рабы обкрадывали господъ, бѣгали въ другой городъ, вновь продавались въ холопство другимъ и третьимъ, или спасались на Украйну, въ казацкую вольницу, которая жила по стариннымъ вѣчевымъ порядкамъ. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, какъ оно ни было въ то время необходимо, также умножило число бѣглыхъ. Но болѣе всего этому содѣйствовалъ страшный голодъ, посѣтившій Россію въ 1601, въ 1602 годахъ. Ранніе морозы послѣ дождей побили недозрѣвшій хлѣбъ, такъ что не собрано ни зерна. Бѣдные ѣли кошекъ, мышей, всякую падаль; вареная человѣчина продавалась въ пирогахъ на московскихъ рынкахъ. Путникъ, остановившійся гдѣ нибудь въ корчмѣ на ночлегъ, подвергался опасности быть убитымъ и съѣденнымъ. Тогда господа сами стали прогонять своихъ многочисленныхъ холопей; толпы народу бѣжали искать хлѣба и грабили по дорогамъ. Во всѣхъ этихъ несчастіяхъ обвиняли Бориса, который напрасно думалъ облегчить бѣду, раздавая въ Москвѣ милостыню. Эта раздача дала лишь средство разжиться дьякамъ; ихъ сообщники, являясь въ лохмотьяхъ, получали деньги, а настоящіе бѣдняки не могли дотолпиться. Холопы опальныхъ бояръ также скитались тысячами, приставая къ разбойничьимъ шайкамъ. Но толпами бѣглецовъ особенно наполнилась Сѣверская страна, которую еще во время Грознаго называли «прежде погибшею Украйной.» Оттуда въ 1603 году явился страшный разбойникъ Хлопка, котораго съ трудомъ одолѣли подъ самою Москвою, выславъ цѣлое войско. Казаки на Волгѣ также разбойничали большими шайками, и въ 1604 году уже грозили Годунову, что придутъ на Москву съ царемъ Дмитріемъ.

Украинскіе казаки уже прежде пускались на удалыя дѣла, поддерживая разныхъ самозванцевъ въ Молдавіи: самозванство было имъ не новостью. Поэтому они охотно приняли вѣсть о появленіи человѣка, который, вышедъ изъ Россіи, объявлялъ себя спасшимся отъ гибели сыномъ Грознаго. Это случилось такимъ образомъ. Въ 1600 и 1601 годахъ, когда Борисъ устраивалъ на границѣ заставы, по Кіеву сталъ бродить, въ видѣ странника, молодой монахъ. Онъ сначала поступилъ во дворъ къ князю Острожскому, а потомъ перешелъ къ близкимъ къ нему панамъ Гойскимъ. Гойскіе были аріане, т. е. признавали единаго Бога, отвергали божественность Христа и всѣ таинства и вообще допускали свободомысліе въ дѣлахъ вѣры. Въ аріанскую школу, учрежденную ими въ Гощѣ, гдѣ они сами

жили, поступилъ и молодой странникъ, сбросивъ монашеское платье. Тутъ навыкъ онъ искуству въ стрѣльбѣ и верховой ѣздѣ, на что болѣе всего обращали вниманіе при воспитаніи въ панскихъ дворахъ, научился нѣсколько латинскому языку, вообще усвоилъ обычаи образованнаго шляхтича и аріанское равнодушіе къ вѣрѣ. Оставивъ Гойскихъ, онъ скоро опредѣлился на службу къ знатному пану Адаму Вишневецкому, который, по обычаю польской знати, держалъ у себя громадную дворню, и, владѣя множествомъ имѣній, велъ разгульную жизнь, задавалъ пиры и радъ былъ пуститься на всякое удалое предпріятіе. Московскій пришелецъ, лѣтъ двадцати отъ роду, худощавый, небольшаго роста, съ русыми волосами, имѣлъ кругловатое, смуглое лице съ большимъ расплюснутымъ носомъ, съ бородавкой подъ носомъ, съ голубыми, задумчивыми глазами; онъ умѣлъ говорить красно, съ одушевленіемъ. Поживши не долго въ числѣ слугъ Вишневецкаго, онъ заболѣлъ, или притворился больнымъ, призвалъ къ себѣ русскаго священника и сказалъ ему: «если умру, похороните меня съ честію, какъ царскихъ дѣтей; послѣ моей смерти, возьми бумагу у меня изъ подъ постели и тогда все узнаешь; но пока я живъ, никому не говори объ этомъ». Священникъ тотчасъ же все разсказалъ Вишневецкому. Тотъ пришелъ самъ, сталъ распрашивать больнаго, досталъ изъ подъ его постели свитокъ и узналъ, что передъ нимъ сынъ Грознаго. Повѣрилъ ли панъ, или нѣтъ, но самолюбіе заставило его вѣрить. Чуть юноша выздоровѣлъ, Адамъ далъ ему богатое платье, слугъ, парадную карету съ шестью лошадьми и повезъ его къ своему брату Константину Вишневецкому, а между тѣмъ обо всемъ донесъ королю. Названый Дмитрій разсказывалъ, что его спасъ отъ Борисовыхъ убійцъ его пѣстунъ, подмѣнивъ другимъ мальчикомъ, что онъ тайно воспитывался у одного боярскаго сына, а потомъ ходилъ изъ монастыря въ монастырь и, когда Борисъ узналъ о его существованіи, то онъ ушелъ въ Украйну. Тутъ одинъ московскій человѣкъ и одинъ ливонецъ, будто-бы видѣвшіе Углическаго Дмитрія, признали его за истиннаго царевича по родимому пятнышку на плечѣ, по бородавкѣ на щекѣ, и проч. Самозванецъ тогдаже отправилъ Григорія Отрепьева возбуждать противъ Бориса Донскихъ казаковъ. Этотъ Григорій былъ сынъ Галицкаго боярскаго сына Богдана, жилъ въ дѣтствѣ у Романовыхъ и у князя Черкасскаго, постригся въ монахи, чтобы спастись отъ преслѣдованій, ходилъ изъ монастыря въ монастырь, потомъ жилъ въ Чудовомъ монастырѣ въ дьяконахъ, откуда патріархъ бралъ его къ себѣ во

дворъ для книжнаго письма. Скоро онъ бѣжалъ изъ Чудова монастыря, и, сговорившись съ двумя иноками, Варлаамомъ и Мисаиломъ (или Михайломъ) отправился за рубежъ въ Кіевъ, жилъ нѣсколько времени въ Печерскомъ монастырѣ, потомъ въ Острогѣ и наконецъ въ Гощѣ. По русскимъ извѣстіямъ, этотъ Григорій и былъ самозванцемъ. Въ такомъ случаѣ надо предполагать, что онъ передалъ свое имя другому монаху, потому что при самозванцѣ и впослѣдствіи находился человѣкъ, по имени Григорій Отрепьевъ. Еслиже тотъ, кто называлъ себя Дмитріемъ, былъ вовсе не Отрепьевъ, то надо думать, что Борисъ и патріархъ получили не точныя извѣстія, объявивъ всенародно, что самозванецъ бѣглый монахъ Гришка, «впавшій въ ересь и въ чернокнижіе.» Какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣнія, что Лжедимитрій первоначально воспитывался въ Россіи и пользовался поддержкою знатныхъ людей, которые, конечно, дѣйствовали чрезъ неизвѣстныхъ, второстепенныхъ лицъ. Многіе изъ людей, признавшихъ его въ Польшѣ, можетъ быть, видѣли его прежде въ Россіи и считали за истиннаго царевича, да и самъ самозванецъ врядъ ли не былъ искренно увѣренъ въ своемъ царскомъ происхожденіи.

Польскій король, получивъ извѣстіе о появленіи царевича, потребовалъ его къ себѣ. Константинъ Вишневецкій, не торопясь, съ огромною свитой отправился въ путь и завезъ Дмитрія къ своему тестю Юрію Мнишку, Сендомирскому воеводѣ, въ Самборъ. Тутъ начались пиры въ великолѣпномъ палацѣ Мнишка, украшенномъ золотомъ, искусной рѣзною работою, драгоцѣнными коврами, и проч. На пирахъ присутствовали цѣлыя толпы шляхты, и Дмитрій умно толковалъ гостямъ о преслѣдованіяхъ, какимъ подвергался, о своихъ надеждахъ. «Такими были Киръ и Ромулъ, говорилъ онъ,— бѣдные, ничтожные пастухи, а потомъ основали царскіе роды и заложили великія государства». Шляхта обѣщала служить ему. Удалое польское веселье: шумная музыка, молодецкіе танцы, сопровождаемые криками, стуками, хлопаньемъ въ ладоши, ударами металлическихъ подковъ, страстность и свобода всѣхъ движеній, красота и любезность польскихъ дамъ, украшенныхъ дорогими цѣпями, перстнями, кружевами,—все это отуманило голову молодаго бѣглеца, не видѣвшаго на Руси ничего подобнаго. Между всѣми красавицами отличалась ловкостью старшая дочь Мнишка, Марина (другая его дочь, Урсула, была за мужемъ за Константиномъ Вишневецкимъ)—дѣвица небольшаго роста, съ черными волосами, съ правильными чертами

лица; въ ея прижатыхъ губахъ выражалась энергія характера, а во взорахъ много ума, чуждаго всякой страстности. Она употребила всѣ усилія, чтобы завлечь мнимаго царевича и легко этаго достигла. Дмитрія опутывали и съ другой стороны. Въ то время въ Польшѣ господствовали іезуиты и Мнишекъ изъ разсчету дѣйствовалъ, какъ усердный католикъ. Дѣло шло о томъ, чтобы распространить духовную власть римскаго папы и на Россію; забравъ Дмитрія въ руки, іезуиты надѣялись съ помощью его утвердиться въ Москвѣ. Самозванецъ понималъ ихъ силу и старался угодить имъ: онъ написалъ два письма къ папскому нунцію Рангони въ Краковъ, ища его покровительства. Въ 1604 году, въ мартѣ, онъ наконецъ и самъ прибылъ съ панами въ Краковъ. Король Сигизмундъ принялъ его ласково, но не рѣшился прямо обѣщать помощи, какъ это ни казалось выгодно. Дмитрій говорилъ Сигизмунду: «Многіе московскіе бояре мнѣ доброжелательствуютъ, многіе знаютъ о моемъ спасеніи и настоящихъ намѣреніяхъ; вся земля Московская оставитъ похитителя и станетъ за меня.» Онъ нѣсколько разъ видѣлся и съ Рангони: нунцій обнималъ и цѣловалъ его, просилъ всѣхъ пановъ помогать ему, и напоминалъ, чтобы, согласно своему обѣщанію, онъ крѣпко заботился о распространеніи латынской вѣры: папа въ письмѣ также благословлялъ Дмитрія на это дѣло. Къ нему приставили ксендза Савицкаго, который показывалъ ему величіе римско-католическаго богослуженія и утверждалъ его въ мысли соединить восточную церковь съ западною. Но названный царевичь былъ равнодушенъ къ вѣрѣ и только по наружности выказывалъ себя вѣрнымъ ученикомъ іезуитовъ. Въ Краковѣ являлись къ нему съ Дону двое атамановъ, Корѣла и Нѣжаковъ, посланные казаками, чтобы провѣдать, истинный ли онъ Дмитрій, какъ объ этомъ толковалъ монахъ, прибывшій отъ самозванца изъ Польши. Казаки принесли извѣстіе, что Борисъ мучитъ, тайно умерщвляетъ ядомъ за одно слово о Дмитріи. Видя почетъ, какимъ окруженъ самозванецъ, они объявили ему готовность служить всѣмъ тихимъ Дономъ. Дмитрій вернулся изъ Кракова въ Самборъ и тутъ произошло объясненіе съ Мариною. Разсказываютъ, что однажды вечеромъ онъ увидѣлъ ее въ саду и упалъ передъ нею на колѣни. Марина протянула руку, чтобы поднять его, и сказала: «Моя рука слаба для вашего дѣла; вамъ нужны руки, владѣющія оружіемъ.» Она мучила его до того, что онъ заболѣлъ отъ любви. Марина оказывала къ нему участіе и всетаки говорила: «Перестаньте думать обо мнѣ; побѣдите своихъ враговъ

и тогда думайте, какъ побѣдить мое сердце». Разсказываютъ даже, что изъ за нея Дмитрій выходилъ на дуэль съ какимъ-то княземъ. Тутъ достовѣрно только то, что самозванецъ сильно былъ увлеченъ Мариною и что самъ Мнишекъ не раньше соглашался выдать за него дочь, какъ онъ достигнетъ престола. Мнишекъ былъ весь въ долгахъ, и самозванецъ далъ запись, что выплатитъ ему 100,000 польскихъ злотыхъ; будущей женѣ онъ обѣщалъ Новгородъ и Псковъ во владѣніе.

Между тѣмъ граматы отъ самозванца тайкомъ распространяли въ Россіи, и народъ сильно волновался. Дмитрій спѣшилъ выступить въ походъ. Король, по причинѣ мира съ Россіею, не могъ дать ему помощи; но вольные паны и шляхта, имѣя право служить, кому угодно, собрались въ числѣ 3,000 человѣкъ; къ нимъ присоединилось 2,000 казаковъ, — и это войско двинулось къ Днѣпру. Тутъ отъ Донскихъ казаковъ вновь явились послы; они привели съ собою скованнаго дворянина Хрущова. Плѣнникъ, чуть увидѣлъ Дмитрія, воскликнулъ: «Теперь я вижу, что ты истинный царевичъ; ты похожъ лицемъ на отца своего государя Ивана Васильевича». Самозванецъ велѣлъ снять съ него оковы и сталъ его распрашивать. Хрущовъ сообщилъ, что Борисъ по прежнему старается скрывать отъ народа появленіе Дмитрія. Октября 16 самозванецъ вступилъ въ Московское государство, Моравскъ и Черниговъ одинъ за другимъ добровольно сдались ему. Жители и ратные люди связали воеводъ, хотѣвшихъ сопротивляться. Подъ Черниговымъ, во время переговоровъ о сдачѣ, казаки разграбили посадъ; Дмитрій принудилъ ихъ возвратить пограбленное. Сѣверская область издавна была мѣстомъ, куда скрывались люди недовольные московскимъ порядкомъ, и жители вездѣ выходили на встрѣчу Дмитрію съ хлѣбомъ-солью, готовые жертвовать для него жизнью. Но храбрый и умный воевода, Петръ Басмановъ умѣлъ удержать Новгородъ-Сѣверскъ въ повиновеніи Борису; всѣ попытки самозванца взять городъ приступомъ не удались. За то спѣшили изъявить ему преданность другіе города: Рыльскъ, Сѣвскъ, Курскъ, Кромы. Войско Дмитрія теперь умножилось до 15,000, и онъ все оставался у Новгородъ-Сѣверска, напрасно ожидая, что жители сдадутся. Басмановъ кричалъ со стѣны полякамъ, подъѣзжавшимъ съ предложеніемъ о покорности: «Вашъ Дмитрій — воръ и измѣнникъ; вотъ, его скоро посадятъ на колъ со всѣми единомышленниками». Между тѣмъ Борисъ, съ помощью разныхъ жестокихъ истязаній, успѣлъ собрать войско до 50,000 и

поручилъ начальство надъ нимъ знатному, но неспособному воеводѣ Мстиславскому. Въ концѣ декабря это войско сошлось подъ Новгородъ-Сѣверскомъ съ дружинами самозванца. Первое нападеніе сдѣлала польская конница; потомъ русскіе, подъ предводительствомъ Дмитрія, разстроили правое крыло Мстиславскаго. Борисовы воины сражались неохотно и скоро уступили малочисленному непріятелю поле битвы; самъ Мстиславскій тяжело раненъ въ голову. Московскихъ людей погибло, какъ говорятъ, до 6,000. Присутствуя при ихъ погребеніи, Дмитрій плакалъ надъ убитыми земляками. Послѣ этого, не смотря на успѣхъ дѣла, большая часть поляковъ оставила самозванца, потому что онъ не имѣлъ средствъ заплатить имъ жалованье, но за то къ нему прибыли 12,000 запорожцевъ. Самозванецъ двинулся къ Сѣвску. Сюда передвинулась и рать московская, остановившись при Добрыничахъ, въ числѣ около 70,000; у Дмитрія по прежнему было не болѣе 15,000. Поляки совѣтовали не начинать нападенія; но самозванецъ присталъ къ думѣ казацкой, желавшей боя. Москвичи, у которыхъ, кромѣ Мстиславскаго, былъ теперь вождемъ Василій Шуйскій, успѣли изготовиться къ битвѣ: направо поставлены были татары съ московскими людьми въ числѣ 20,000; налѣво 30,000 москвичей; въ срединѣ 10,000 и пушки. Оставивъ позади себя 8,000 запорожцевъ для поданія помощи и 4,000 казаковъ нѣсколько далѣе, на случай отступленія, Дмитрій съ польскимъ отрядомъ и 2,000 русскихъ устремился въ лощину, чтобы напасть на правую сторону московскаго войска. Первые ударили поляки и смяли было русскихъ; но московскіе стрѣлки, сдѣлавъ залпъ, остановили на время непріятеля, хотя и мало кого убили. Въ это время запорожцы, которые должны были помогать Дмитрію, какъ говорятъ, подкупленные Борисомъ, обратились въ бѣгство. Между тѣмъ нѣмцы замѣтили малочисленность непріятеля и съ крикомъ «Hilf Gott» устремились впередъ, а за ними и русскіе. Французскій капитанъ, Маржеретъ, служившій въ иноземной дружинѣ Бориса, разсказываетъ, что отрядъ Дмитрія былъ совершенно уничтоженъ и, еслибы 4,000 казаковъ не задержали на время преслѣдующихъ, то онъ самъ попался бы въ плѣнъ. Конь подъ нимъ былъ убитъ, и Рубецъ-Масальскій, одинъ изъ воеводъ, съ самаго начала принявшихъ его сторону, едва успѣлъ подать ему своего коня. Ратные люди Бориса, одержавъ побѣду, стали дѣлать страшныя неистовства: убивали женщинъ, дѣтей, вѣшали за ноги по деревьямъ, разстрѣливали изъ луковъ для потѣхи. Наконецъ они стали осаждать Кромы, гдѣ

укрылись вновь собранные отряды Дмитрія. Борисъ въ это время занимался пытками, думая истребить молву о Дмитріи, и становился день ото дня все мрачнѣе, угрюмѣе, недоступнѣе. Онъ, кажется, самъ сомнѣвался, не есть ли Дмитрій истинный царевичъ, потому что не довѣрялъ никому изъ окружающихъ. Однако невозможно было скрывать дѣла, когда царское войско нѣсколько разъ уже сражалось съ самозванцемъ, и вотъ явилось отъ патріарха объявленіе, что называющій себя Дмитріемъ есть бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ. Его стали проклинать въ церквахъ, но народъ продолжалъ волноваться; Борису доносили и о шатости въ войскѣ. Напрасно осыпалъ онъ наградами воеводъ, особенно Басманова, защитника Новгородъ-Сѣверска; напрасно обращался къ ворожеямъ и предсказателямъ: его дѣла шли все хуже. Разсказываютъ, что въ Москвѣ тогда славилась какая-то затворница, Алена юродивая. Борисъ поѣхалъ къ ней спросить о своей судьбѣ. Алена велѣла принести четвероугольный брусокъ, пропѣть надъ нимъ погребальную пѣснь и сказала: «Вотъ что ждетъ Бориса». Царь еще больше предался отчаянію. Однажды въ тоскѣ онъ позвалъ къ себѣ Басманова, клялся передъ нимъ, что Дмитрій не истинный царевичъ, умолялъ его уничтожить злодѣя и обѣщалъ свою дочь въ замужество, а въ приданое Казань, Астрахань, Сибирь. Басмановъ разсказалъ объ этомъ царскому родственнику, Семену Годунову. Семенъ, мучимый завистью, хитро замѣтилъ: «Охъ! мнѣ сонъ былъ, что этотъ Дмитрій истинный царевичъ». Басмановъ началъ колебаться. Скоро судьба Бориса рѣшилась. 13 апрѣля 1605 года онъ всталъ здоровый; принимая пословъ, хорошо поѣлъ за праздничнымъ обѣдомъ и потомъ отправился на вышку, откуда часто обозрѣвалъ Москву. Вдругъ сбѣжалъ онъ съ вышки, крича, что чувствуетъ колотье и дурноту. Прежде чѣмъ успѣлъ придти докторъ, у него полилась кровь изъ ушей и изъ носа; онъ упалъ безъ чувствъ и скоро скончался. Престолъ наслѣдовалъ шестнадцатилѣтній сынъ его Ѳеодоръ. Прежде всего къ войску отправили новаго воеводу, Басманова. Оно по прежнему осаждало маленькій городъ Кромы, гдѣ въ землянкахъ засѣло около 600 казаковъ, подъ начальствомъ Корелы. Между обоими лагерями происходили постоянныя, довольно дружескія сношенія: толпы москвичей перебѣгали къ самозванцу. Казаки дѣлали удачные вылазки и опять безвредно укрывались въ землянкахъ. Когда пріѣхалъ Басмановъ съ митрополитомъ Исидоромъ приводить войско къ присягѣ, то началось большое волненіе: многіе вовсе не хотѣли присягать, митрополитъ долженъ былъ

удалиться. Басмановъ, видя, въ какомъ положеніи дѣла, отправилъ повинное письмо въ Путивль къ Дмитрію. Дмитрій выслалъ подъ Кромы отрядъ казаковъ и поляковъ; между тѣмъ Запорскій, начальникъ польскаго отряда, придумалъ хитрость: онъ отпустилъ впередъ ловкаго москвича съ граматою, гдѣ было сказано, чтобы кромчане не унывали, что 40,000 поляковъ подъ начальствомъ Жолкевскаго уже близко къ Путивлю. Посланный пробирался такъ, что его схватили въ московскомъ станѣ. Воеводы, прочитавъ грамату, всему повѣрили. Басмановъ сталъ совѣщеваться съ Голицыными и съ Михайломъ Салтыковымъ, какъ передаться Дмитрію. Рѣшено, чтобы Прокопій Ляпуновъ, уже явно возставшій со своими рязанцами, и кромскіе казаки напали на станъ и связали воеводъ, которые будто бы насильно измѣняли Ѳедору. Такъ и сдѣлано: въ войскѣ началась страшная сумятица; но преданныхъ дѣтямъ Годунова осталось мало: ихъ разогнали просто батогами. Послѣ того Дмитрій переѣхалъ въ Тулу; его вездѣ встрѣчали съ восторгомъ. Въ Москвѣ ждали его съ нетерпѣніемъ. Наконецъ прибыли отъ него посланные, Плещеевъ и Пушкинъ. Ихъ съ посада торжественно повели на Красную площадь, гдѣ они должны были читать грамату самозванца. Дѣло кончилось возстаніемъ всей Москвы. Толпа народа бросилась въ Кремль и разграбила дворецъ; въ цѣлой Москвѣ начался грабежъ и пьянство. Ѳедора, его сестру и мать народъ не тронулъ: ихъ только перевезли въ старый Борисовъ домъ, гдѣ и оставили подъ стражей. Тутъ пробыли они десять дней. Василій Голицынъ и Рубецъ-Мосальскій, прибывъ въ Москву, поручили Молчанову и Шерединову, покончить съ Ѳедоромъ и царицей: ихъ удавили. Народу же объявлено, что они сами отравились. Ксенія осталась жива.

Изъ обзора событій, нами сдѣланнаго, теперь легко видѣть, что избралъ и что опустилъ Пушкинъ въ своей драмѣ. Онъ сначала беретъ моментъ избранія Годунова: толки бояръ, волненіе народа, послѣднюю сцену передъ Новодѣвичьимъ монастыремъ, чувствительное обращеніе къ боярамъ уже избраннаго Бориса. Тутъ взято лишь послѣднее рѣшеніе дѣла; всѣ предшествующія обстоятельства опущены, мы ничего не знаемъ о томъ, какъ усиливался Борисъ при Ѳедорѣ; объ убіеніи царевича Дмитрія лишь мимоходомъ говорится въ бесѣдѣ бояръ; изъ всѣхъ подробностей избранія выставлена только сцена, когда Борисъ согласился принять престолъ. По условіямъ драмы, нельзя было изображать весь постепенный ходъ событій; но выборъ подробностей зависѣлъ и отъ идеи: идеею же Пушкина было

представить кару за преступленіе. Отъ того еще въ первой сценѣ, особенную силу получаютъ у него слова Воротынскаго:

«Конечно, кровь убитаго младенца
Ему ступить мѣшаетъ на престолъ».

Пушкинъ, слѣдуя Карамзину, признаетъ несомнѣннымъ, что Борисъ чрезъ убійство достигъ престола; въ дальнѣйшихъ событіяхъ, то есть, въ появленіи самозванца, въ неудачахъ Бориса, въ его смерти и въ гибели его сына, онъ видитъ только достойное воздаяніе, оправданное и мученіями совѣсти въ самомъ преступникѣ. Понятно, что вслѣдъ за сценами избранія Бориса слѣдуетъ сцена въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ монахъ Пименъ пишетъ безпристрастный разсказъ объ убіеніи царевича, а молодой инокъ Григорій (у Пушкина, какъ и у Карамзина, Гришка Отрепьевъ и есть самозванецъ), слыша этотъ разсказъ, воспламеняется на рѣшительное дѣло: онъ бѣжитъ изъ монастыря, чтобы для своей удали найти широкое поприще; ему кажется, что онъ призванъ отомстить Борису. Здѣсь опять отъ насъ скрыта предъидущая жизнь Григорія, и онъ является только въ минуту рѣшительнаго дѣла. Далѣе слѣдуютъ сцены изъ жизни Бориса и Григорія, гдѣ они выступаютъ въ борьбѣ другъ съ другомъ; но такъ какъ эти два главныхъ дѣйствующихъ лица не сходятся между собою, и Григорій является Борису, въ образѣ Дмитрія, болѣе, какъ призракъ мучащей его совѣсти, то со стороны Бориса выведена преимущественно внутренняя борьба, со стороны Григорія — его живая, кипучая дѣятельность человѣка, который вѣритъ въ свою судьбу, потому что ему все удается. О правленіи Бориса, о другихъ его дѣлахъ мы узнаемъ только мимоходомъ. Сначала Борисъ одинокій, мрачный, бесѣдуетъ съ колдунами: онъ утомленъ неудачами, онъ не предчувствуетъ ничего добраго, онъ силится упрекать неблагодарный народъ, судьбу, но совѣстъ говоритъ ему другое. Вслѣдъ за тѣмъ мы узнаемъ, что Борисъ не даромъ опасался бѣды: Григорій, для поимки котораго были устроены и заставы на границѣ, ловко умѣлъ уйти отъ преслѣдовавшихъ его приставовъ. Драма опускаетъ далѣе всѣ обстоятельства скитальчества Григорія: изъ слѣдующей сцены видно, что онъ уже въ Польшѣ и признанъ истиннымъ царевичемъ. Но, по предположенію Пушкина, Борисъ ничего не зналъ о бѣглецѣ: патріархъ самъ распорядился, чтобы его преслѣдовать, какъ еретика, не желая безпокоить государя. Это нужно было Пушкину для его драматическихъ цѣлей: извѣстіе о самозванцѣ вдругъ обрушилось на голову Бориса въ ту минуту, когда его совѣсть не на долго задремала. У лукаваго Шуйскаго пируютъ друзья: бояринъ Пушкинъ остается на-единѣ съ хозяиномъ послѣ пиру и сообщаетъ ему вѣсть о появленіи самозванца. Бояринъ Пушкинъ говоритъ съ негодованіемъ о жестокостяхъ Бориса и мы угадываемъ, что на его преданность нельзя разсчитывать; о готовности же Шуйскаго волновать народъ мы уже знаемъ изъ первой сцены. Вотъ сколько опасностей грозитъ Годунову, а онъ забылся въ кругу своей семьи: зловѣща для него горесть Ксеніи объ умершемъ женихѣ, но за то какъ утѣшительны успѣхи сына, рисующаго чертежъ земли московской! этотъ сынъ, съ помощью науки, прославитъ и поддержитъ его родъ на престолѣ. А чѣмъ поддерживалъ себя Борисъ? Вотъ, Семенъ Годуновъ ужъ дѣлаетъ доносъ по извѣстіямъ, полученнымъ отъ слуги Пушкина: о пріѣздѣ гонца изъ Кракова, о пирѣ у Шуйскаго, и проч. Но Шуйскій и самъ не промахъ: онъ понимаетъ, что извѣстія о самозванцѣ нельзя скрывать ни минуты; Борисъ еще силенъ, не худо его задабривать, да и вообще Шуйскій держится правила: вредить тайно, а явно угождать тому, кто въ силѣ. Онъ спѣшитъ предъупредить боярина Пушкина, тотчасъ донося царю, о чемъ сообщено ему по дружбѣ. Эта сцена полна драматическаго движенія. Борисъ сначала думаетъ перехитрить Шуйскаго, представляется, будто все знаетъ, смущаетъ его своимъ спокойствіемъ, готовъ уличить его, какъ преступника на допросѣ. Но вотъ произнесено имя: Дмитрій — и царь растерялся, въ попыхахъ высылаетъ сына, дрожитъ, и своимъ ужасомъ, своимъ гнѣвомъ выдаетъ себя передъ Шуйскимъ. Мы видимъ, что врагъ, его губившій, находился столько же извнѣ, сколько въ немъ самомъ. Съ особеннымъ мастерствомъ здѣсь выставлена изворотливость Шуйскаго. Когда царь, требуя, чтобы онъ открылъ всю правду о смерти царевича, грозитъ ему страшною казнью, такою казнью, «что царь Иванъ Васильичъ отъ ужаса во гробѣ содрогнется», Шуйскій нисколько не смутясь, съ наружнымъ смиреніемъ, отвѣчаетъ:

Не казнь страшна, страшна твоя немилость!
Передъ тобой дерзну ли я лукавить?

И такъ эта сцена служитъ средоточіемъ дѣйствія: тутъ внутренняя борьба въ Борисѣ достигаетъ высшей степени, тутъ опредѣляется его судьба, послѣ чего дѣло клонится къ развязкѣ. По идеѣ поэта оставалось выставить постепенные успѣхи Григорія и

постепенное паденіе Бориса и его рода: такъ будетъ удовлетворенъ законъ возмездія. Слѣдующія затѣмъ сцены изъ пребыванія Григорія въ Польшѣ не всѣ существенно необходимы для разъясненія заданной Пушкинымъ идеи; но поэтъ здѣсь увлекся живымъ, дѣятельнымъ характеромъ самозванца и представилъ въ существенныхъ чертахъ всѣ его отношенія къ разнымъ лицамъ: къ іезуитамъ, къ польской шляхтѣ, къ московскимъ людямъ и къ казакамъ, пришедшимъ служить ему, къ Мнишку и особенно къ Маринѣ. Во всемъ видны: его умѣнье принаровиться къ обстоятельствамъ, его бойкій умъ, ласковость и страстность. Самозванецъ переходитъ границу, и Борисъ разсуждаетъ въ думѣ, какія принять противъ него мѣры; но сознаніе вины и здѣсь не даетъ ему покою: Борисъ сильно смутился, когда патріархъ предложилъ перенести тѣло Дмитрія въ Москву. Въ параллель этому внутреннему паденію царя выставлена и внѣшняя неудача: не смотря на храбрость иноземной дружины, служившей въ войскѣ Бориса, оно подъ Новгородъ-Сѣверскимъ разбито самозванцемъ, который, въ противоположность клевретамъ Годунова, велитъ и въ битвѣ «щадить кровь русскую». Мы далѣе узнаемъ изъ сцены передъ соборомъ въ Москвѣ, что народъ сочувствуетъ Дмитрію и ненавидитъ Бориса. Эта ненависть рѣшаетъ все, и Дмитрій могъ спокойно отдыхать, разбитый подъ Сѣвскомъ. Онъ изъ словъ плѣнника Рожнова узналъ, чѣмъ держится Борисъ, понялъ, что нечего бояться людей, которые повинуются изъ одного страху, и смѣло пустился въ битву. Послѣ несчастнаго сраженія, онъ жалѣетъ только о своемъ конѣ, бранитъ измѣнившихъ запорожцевъ и восхищается храбростью своихъ непріятелей-нѣмцевъ, а потомъ безпечно засыпаетъ подъ открытымъ небомъ. Эта безпечность особенно поражаетъ рядомъ съ вѣчною тревогою Бориса. Побѣда не утѣшила царя; онъ знаетъ, что послѣ нея Дмитрій опять ожилъ; онъ думаетъ послать къ войску Басманова и готовится новою строгостью сдерживать народъ. Но видно тяжело достались эти думы Борису, видно ужъ потеряны были для него всѣ надежды, когда онъ говорилъ: «грабь и казни— тебѣ не будетъ хуже». Борьба истомила Бориса; онъ внезапно умираетъ и передъ смертью даетъ наставленія сыну царствовать, какъ царствовалъ самъ. Напрасныя заботы! участь Ѳедора уже была рѣшена: кара, постигшая отца, отразилась и на сынѣ. Въ концѣ драмы какъ будто народъ выступаетъ рѣшителемъ дѣла; бояринъ Пушкинъ говоритъ Басманову:

«Но знаешь ли, чѣмъ сильны мы, Басмановъ?
Не войскомъ, нѣтъ, не польскою помогой,
А мнѣніемъ — да, мнѣніемъ народнымъ».

Но въ драмѣ вовсе не представлены отношенія Дмитрія къ народу, также какъ и причины ненависти народной къ Годунову: казни и пытки, къ которымъ прибѣгалъ Борисъ, являются не столько причиною, сколько слѣдствіемъ народнаго нерасположенія. Народъ здѣсь выведенъ лишь для того, чтобы казнить Бориса и его родъ за убійство царевича.

Въ краткомъ нашемъ очеркѣ мы указали, въ чемъ состоитъ связь сценъ и единство драматическаго дѣйствія въ драмѣ: «Борисъ Годуновъ». Мы видѣли, что, не смотря на пестроту и разнообразіе сценъ, въ ихъ выборѣ поэтъ руководствовался какъ опредѣленною идеею, такъ и требованіями драмы. Отъ событій 1598 года онъ прямо переходитъ къ событіямъ 1603, 1604 и 1605 годовъ: драма обнимаетъ около семи лѣтъ времени, и мѣсто дѣйствія въ ней постоянно мѣняется. Этаго требовала ужъ историческая борьба, изображенная въ драмѣ: она одновременно совершалась въ Москвѣ и въ Польшѣ, въ Сѣверской области и въ другихъ мѣстахъ Россіи, во дворцѣ и на площади, въ палатахъ бояръ или пановъ и на полѣ битвы. Но историческая борьба у Пушкина служитъ собственно только обстановкою драмы; въ характерахъ Бориса и Григорія онъ болѣе выставляетъ общую борьбу чувствъ: съ одной стороны честолюбца, безсильно созидающаго идеалъ власти въ разладѣ съ своею совѣстью, съ другой удалаго юношу, который жаждетъ дѣятельности и до того полонъ вѣры въ свое призваніе, что даже обманъ кажется ему невиннымъ, необходимымъ средствомъ. Борисъ такъ высказываетъ себя въ борьбѣ съ самимъ собою, когда получилъ извѣстіе о самозванцѣ,

«Ухъ, тяжело!.. дай духъ переведу!
Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лице
Мнѣ кинулась и тяжко опускалась...
Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду
Все снилося убитое дитя!
Да, да — вотъ что! теперь я понимаю.
Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?
Кто на меня? Пустое имя, тѣнь —
Ужели тѣнь сорветъ съ меня порфиру,
Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?
Безумецъ я! Чегожъ я испугался?

На призракъ сей подуй — и нѣтъ его,
Такъ рѣшено: не окажу я страха;
Но презирать не должно ничего...
Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!»

Однако призракъ до конца преслѣдуетъ Бориса. Такимъ образомъ, и по характеру борьбы, это лице высказывается преимущественно въ монологахъ. Напротивъ, какъ выраженіе вѣчнодѣятельной силы рока, Григорій мало бесѣдуетъ съ собою: онъ и силенъ тѣмъ, что увлекается какимъ-то безсознательнымъ порывомъ къ дѣйствію. Единственный его монологъ, гдѣ онъ грозитъ Борису, очень кратокъ.

«Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда».

Григорій сознаетъ, что гнусно дѣйствовать обманомъ; но его успокоиваетъ увѣренность, что онъ избранникъ судьбы въ этомъ судѣ надъ Борисомъ; онъ гордо говоритъ Маринѣ:

«Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла;
Вокругъ меня народы возмутила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла».

Но и здѣсь Пушкинъ дѣлаетъ намекъ на грядущую кару за обманъ, заставляя народъ безмолвствовать, когда, убивъ Ѳедора, Мосальскій говоритъ толпѣ: «Чтожъ вы молчите? Кричите: да здравствуетъ царь Дмитрій Ивановичъ!»

И такъ идеальная борьба характеровъ занимаетъ первое мѣсто въ драмѣ; но, полнѣе выставивъ рядомъ съ нею борьбу историческую, поэтъ могъ бы избрать много другихъ сценъ, кромѣ тѣхъ, которыя у него находимъ. По отношенію къ Борису можно бы подробнѣе выставить его происки при достиженіи престола, кое-что изъ его дѣятельности во время голода, гоненіе на Бѣльскаго, Романовыхъ, и проч., возстаніе разбойника Хлопки (такъ какъ тутъ важенъ не Дмитрій, а вообще волненіе народа), попытки Бориса узнать, кто самозванецъ, его послѣднія усилія отстранить бѣду, и

проч. По отношенію къ самозванцу важны: то, или другое разъясненіе боярскаго заговора, котораго онъ былъ орудіемъ, замыслы польскихъ пановъ и іезуитовъ, ему помогавшихъ, но особенно то участіе, съ какимъ встрѣчалъ его народъ, о чемъ у Пушкина лишь мимоходомъ упомянуто: эпизоды изъ его жизни въ Путивлѣ и въ Тулѣ, изъ событій подъ Кромами, которыя важнѣе битвъ подъ Новгородъ-Сѣверскимъ и при Добрыничахъ. Сличивъ съ историческимъ разсказомъ то, что представлено у Пушкина, мы на каждую сцену сдѣлаемъ слѣдующія краткія замѣчанія. Первая сцена между Шуйскимъ и Воротынскимъ указываетъ на отношенія бояръ къ Борису. Пушкинъ, какъ мы знаемъ, только намекаетъ на боярскія козни; между тѣмъ интриги бояръ занимаютъ первое мѣсто въ событіяхъ того времени. Избраніе Бориса представлено правильно, но не разъяснено, *какой* именно *народъ* принималъ тутъ участіе, не выставлено дѣйствіе партіи, и также нисколько не обрисовано лицемѣріе Бориса. Сцена въ Чудовомъ монастырѣ прекрасна по выполненію, но въ характерѣ Пимена представленъ болѣе древній типъ лѣтописца: московское духовенство, вмѣстѣ съ Іовомъ, какъ мы знаемъ, принимало дѣятельное участіе въ событіяхъ и не чуждалось, какъ Пименъ, мірской суеты. Григорій (если онъ и былъ названнымъ Дмитріемъ), конечно, не въ Чудовомъ монастырѣ, въ бесѣдѣ съ отшельникомъ лѣтописцемъ, обдумалъ свой замыселъ; ему должны были помогать въ этомъ сильные люди. Іовъ представленъ простодушнымъ монахомъ, совершенно чуждымъ мірскихъ дѣлъ: въ немъ хорошо изображенъ лишь общій характеръ монаха; но мы знаемъ, что онъ былъ кромѣ того однимъ изъ видныхъ дѣятелей того времени, держа сторону Бориса. Врядъ ли могъ онъ не извѣстить царя о мнимой ереси Григорія, когда еще съ 1600 года Борисъ отыскивалъ самозванца, притомъ царь все равно узналъ бы объ этомъ другимъ путемъ чрезъ своихъ пособниковъ. О бесѣдахъ Бориса съ колдунами мы знаемъ изъ исторіи: не совсѣмъ только правдоподобно мучительное въ немъ сознаніе своей вины, когда всѣ его поступки противорѣчили этому. Неблагодарность народа, на какую жалуется Борисъ въ своемъ монологѣ, остается загадкой, потому что не разъяснены его отношенія къ народу. Сцена въ корчмѣ на литовской границѣ вымышлена Пушкинымъ, но совершенно согласно съ духомъ времени; что касается Григорія, то онъ, конечно, не могъ блуждать такъ безпомощно и одиноко, когда ему приходилось одолѣть столько опасностей. Всѣ сцены, гдѣ является

Шуйскій, полны драматическаго интересу, но не совсѣмъ согласны съ исторіей: о бѣгствѣ мнимаго Дмитрія въ Литву извѣстно было гораздо прежде и боярамъ, и Борису: царь могъ ужаснуться послѣдствій, какія произойдутъ для него, если въ дѣлѣ приметъ участіе Польша, могъ дрожать при мысли о сочувствіи русскихъ къ Дмитрію, но врядъ ли пугался самаго имени, какъ страшнаго призрака своей совѣсти, когда казни и пытки, какимъ подвергалъ онъ множество народу, не смущали его совѣсти. Сцены съ самозванцемъ въ Польшѣ вообще согласны съ исторіей, но лице сына знаменитаго Курбскаго вымышленное: воевода Хрущовъ, взятый въ плѣнъ, поклонился самозванцу позднѣе, чѣмъ Корела со своими казаками. Въ страстной любви Дмитрія къ Маринѣ вымышлено лишь то, что онъ признался ей въ своемъ ничтожномъ происхожденіи. Пушкинъ представляетъ, что на царскомъ совѣщаніи въ Москвѣ патріархомъ сдѣлано предложеніе перенести тѣло Дмитрія: это случилось не при Борисѣ, а уже въ правленіе Шуйскаго. Разговоръ Маржерета съ Розеномъ въ битвѣ подъ Новгоодъ-Сѣверскимъ, конечно, вымышленъ Пушкинымъ; но оба эти лица дѣйствительно были въ московскомъ станѣ и сражались храбро, предводительствуя иноземной дружиной. Крикъ нѣмцевъ: «Hilf Gott» есть обыкновенное, общее воззваніе; но исторически объ немъ упоминается въ битвѣ при Добрыничахъ. Дальнѣйшія сцены всѣ вообще согласны съ исторіей. Замѣтимъ только, что дворянинъ Пушкинъ не игралъ такой значительной роли, какую придаетъ ему поэтъ, какъ своему предку; но расторопность его видна изъ того, что Дмитрій отправилъ его, вмѣстѣ съ Плещеевымъ, съ граматою въ Москву. Борисъ передъ смертью не говорилъ рѣчи сыну, но рѣчь вообще согласна съ его характеромъ. Прочія отступленія легко замѣтить изъ сличенія съ историческими извѣстіями. Въ этихъ отступленіяхъ Пушкинъ иногда только удовлетворялъ требованіямъ поэтическаго творчества, иногда переиначивалъ факты согласно своей идеѣ, или вымышлялъ за недостаткомъ историческихъ данныхъ.

ТРАГИЧЕСКОЕ И КОМИЧЕСКОЕ ВЪ ПОЭЗІИ.

(КОМЕДІИ ГОРЕ ОТЪ УМА И РЕВИЗОРЪ).

Мы знаемъ, что поэзія удовлетворяетъ нашему творческому чувству, которое выражается въ стремленіи къ прекрасному. Наблюдая природу или явленія человѣческой жизни, мы замѣчаемъ, что нѣкоторые предметы оживляютъ, плѣняютъ насъ могучимъ выраженіемъ силы, стройностью частей и внутреннимъ согласіемъ съ разумною цѣлью; а цѣль эта всегда одна: поддержать жизнь во всей ея полнотѣ и неувядаемой свѣжести. Блескъ ли солнца, ласково сіяющаго на ясномъ небѣ, видъ ли румяныхъ плодовъ въ цвѣтущей зелени, или добрая улыбка ребенка, или честное дѣло самопожертвованія,—все это возбуждаетъ въ насъ различнаго рода пріятныя чувства, потому что во всемъ этомъ видны: сила, здоровье, согласіе съ разумомъ. Соединяя подобныя черты въ предметахъ въ цѣльный, гармоническій образъ, мы составляемъ положительный идеалъ прекраснаго. Но бываютъ могучія явленія въ природѣ и въ жизни, которыя однако дѣйствуютъ разрушительно: сила, разрушая, большею частію и сама истощается, гибнетъ. Это разрушеніе лежитъ не столько въ сущности предмета, потому что мы предполагаемъ силу всегда созданной для творчества, а въ тѣхъ условіяхъ жизни, по которымъ всякое движеніе, созиданіе, развитіе сопровождается борьбою: предметъ долженъ занять свое мѣсто въ кругу другихъ явленій; занимая его, онъ долженъ что нибудь вытѣснить, потому что въ природѣ нѣтъ пустаго пространства; но и другой предметъ безъ противодѣйствія не уступаетъ ему своего мѣста. Море своими волнами топитъ корабли, отнимаетъ у человѣка землю, обработанную долгимъ трудомъ, и то же море питаетъ тысячи живыхъ существъ, доставляетъ намъ средства къ быстрому сообщенію между самыми отдаленными странами. Море въ своихъ грозныхъ явленіяхъ повинуется только движенію вѣтра, а вѣтеръ, ломающій снасти, вырывающій съ корнемъ деревья, въ тоже время надуваетъ паруса, гонитъ тучи, которыя оплодотворяютъ землю, разноситъ всюду семена растеній. Изъ этаго мы видимъ, что та же сила, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть плодотворной или губительной. Оттого, гдѣ бы мы ни видѣли выраженіе силы, хотя бы и въ разрушеніи, мы склонны плѣняться ея могуществомъ (если только

этому не препятствуетъ страхъ): мы легко переносимся мыслію къ идеѣ о пользѣ, какую могла бы принести она. Напротивъ, все, въ чемъ мы видимъ разладъ, безсиліе, мертвую неподвижность, внушаетъ намъ отвращеніе: хилое дерево, болото, покрытое кочками, какой нибудь гадъ кажутся намъ безобразны именно потому, что въ нихъ мы предполагаемъ недостатокъ живой, производительной силы, мелочность, слабость, или видимъ сходство съ другими, непріятными для насъ, предметами. Красота разрушается и въ красивыхъ предметахъ, если съ ними соединено непріятное ощущеніе, напримѣръ, дурнаго запаха, сѣраго, или блѣднаго мертвеннаго цвѣта, и проч. Но въ нравственномъ мірѣ всѣ эти явленія красоты и безобразія имѣютъ особый характеръ. Здѣсь мы не можемъ такъ безразлично относиться къ предмету, который случайно приноситъ то вредъ, то пользу. Предполагая разумныя основанія во всякой дѣятельности, мы, какъ необходимое условіе положительной красоты, ставимъ, чтобы сила была непремѣнно благотворною, то есть, всегда служила нравственнымъ цѣлямъ. Но нравственная идея заключается въ болѣе или менѣе упорной борьбѣ со зломъ. Разрушеніе зла, сколько отъ этого временно ни страдали бы частные интересы, становится благомъ. Насъ прежде всего плѣняетъ могучій, энергическій характеръ человѣка, готоваго жертвовать всѣмъ, выносить всякія страданія для доброй, благородной цѣли. Если человѣкъ какъ нибудь заблуждался въ своихъ понятіяхъ о добрѣ, мы называемъ его фанатикомъ, но всегда найдемъ извѣстную долю величія въ полномъ безкорыстіи поступковъ, въ полномъ самопожертвованіи. Однако, въ борьбѣ съ жизнью, подобные энергическіе люди часто истощаютъ всѣ свои силы, терпя отъ эгоизма, злобы, мелкихъ интригъ своихъ собратій, или и отъ собственныхъ, грустныхъ ошибокъ, если ложь увлекла ихъ обманчивымъ видомъ истины. Въ этой судьбѣ человѣка, призваннаго къ добру, прежде всего заключается *трагическое;* мы назовемъ трагическимъ и всякое его положеніе, гдѣ вопросъ для него идетъ о жизни, или смерти, хотя бы за тѣмъ онъ остался побѣдителемъ. Но если онъ былъ узкимъ, вреднымъ фанатикомъ, лишь въ его страданіяхъ, въ его гибели можно найти трагическое, потому что трагизмъ всегда требуетъ нашего сочувствія, участія къ человѣку, а это невозможно, когда мы видимъ, что зло побѣждаетъ. Если не страстная энергія въ дѣятельности, то простая стойкость въ перенесеніи всякой обиды за правду даетъ трагическія черты характеру. Трагизмъ зависитъ также отъ

чисто-внѣшнихъ обстоятельствъ, когда человѣку безъ вины приходится испытать какое нибудь страшное бѣдствіе, жестокую потерю, и проч. То, что мы называемъ игрою судьбы, здѣсь имѣетъ мѣсто рядомъ съ внутренними причинами, происходящими отъ характеровъ. Говоря о физическихъ явленіяхъ, мы замѣтили, что сила плѣняетъ насъ, не смотря на вредъ, ею причиняемый. Это имѣетъ примѣненіе и къ нравственному міру; но здѣсь мы ищемъ сочувствія къ характеру, и человѣкъ, явно дѣлающій зло, чтобы возбуждать наше участіе, долженъ имѣть какія нибудь нравственныя стремленія. Здѣсь собственно и открывается самое обширное поле для трагическаго. Большинство людей съ сильнымъ характеромъ не герои, преданные исключительно добру, а смертные, подверженные многимъ человѣческимъ недостаткамъ. Въ ихъ дѣйствіяхъ мы часто находимъ больше эгоизму, личнаго разсчету, чѣмъ прямаго безкорыстія; излишняя страстность нерѣдко увлекаетъ ихъ къ ошибкамъ, въ которыхъ гордость не дозволяетъ имъ сознаться; и въ своихъ добрыхъ увлеченіяхъ они порою столько высказываютъ себялюбія, что впадаютъ въ противорѣчіе съ собою. Но тамъ, гдѣ мы видимъ много ума и энергіи воли, не можетъ совершенно заглохнуть и нравственное чувство: мыслящій человѣкъ, дѣйствуя своекорыстно или ошибочно, невольно ставитъ себя въ такое положеніе, гдѣ приходится ему срывать съ себя маску, самому разрушать дѣло рукъ своихъ. Мелкій себялюбецъ во всемъ довольствуется одной внѣшностью: наружнымъ почитаніемъ, наружными ласками, или и безо всего этого грубо ищетъ одной денежной выгоды, ради которой готовъ на всякое униженіе; человѣкъ съ болѣе глубокимъ чувствомъ желалъ бы имѣть власть и надъ умами своихъ ближнихъ, и не въ одномъ только лживомъ лицемѣріи, а искренне связать свой личный разсчетъ съ какою нибудь полезною идеей. Но тутъ-то и является враждебная для него стихія добра, надъ которою нельзя самовластно распоряжаться: въ свободномъ нравственномъ мірѣ царитъ одна правда, и нѣтъ никакихъ уступокъ для примиренія съ ложью. Такъ начинается борьба, гдѣ само упрямое самолюбіе казнитъ себя безпощадно, гдѣ съ ненасытною жаждою власти честолюбецъ самъ упускаетъ изъ рукъ эту власть, когда, уже одолѣвши всѣ препятствія, достигъ ея. Тотъ, у кого въ головѣ нѣтъ другой идеи, кромѣ заботы объ удовлетвореніи чувственныхъ потребностей и грубыхъ животныхъ инстинктовъ, можетъ спокойно пресмыкаться въ своемъ болотѣ; но чуть какія либо нравственныя стремленія примѣшались

къ обыкновеннымъ эгоистичнымъ цѣлямъ, внутренній раздоръ наполняетъ душу, все въ человѣкѣ и вокругъ него колеблется, рушится, и онъ падаетъ съ подгнившихъ подмостковъ, на которыхъ думалъ возвыситься надъ міромъ. Въ этомъ колебаніи и паденіи есть что-то необходимое, неизбѣжное, роковое, и въ самой борьбѣ порою выражается много могучихъ силъ, бываютъ напряжены всѣ способности души въ предчувствіи грозной развязки, которая выпадаетъ по требованію нравственнаго закона, также какъ по естественному сцѣпленію обстоятельствъ. Такъ миримся мы съ разрушительною силою, видя, какъ подъ бурею возникаютъ семена добра, и гроза разрѣжаетъ душную атмосферу: человѣкъ или самъ себя казнитъ за свой черствый эгоизмъ, хоть, можетъ, причины его страданій и кажутся чисто внѣшними, или, самъ того не желая, помогаетъ добру, такъ что, по утѣшительному противорѣчію жизни, все дѣло личнаго эгоизма обращается въ пользу тѣхъ добрыхъ стремленій, которыя онъ ненавидѣлъ. И такъ трагическое заключается въ упорной борьбѣ на жизнь и на смерть, въ столкновеніи силъ, постоянно враждующихъ между собою: личнаго самовластія, произвола, или личнаго стремленія къ счастію, и общей правды, или необходимости.

То, что мы сказали о трагическомъ, можно примѣнить къ драмамъ Пушкина: Скупой рыцарь и Борисъ Годуновъ. Въ драмѣ «Скупой рыцарь» баронъ грубый эгоистъ, въ которомъ страсть къ золоту заглушаетъ всякое человѣческое чувство: онъ способенъ былъ обвинить въ воровствѣ роднаго сына, увлекаемый этою страстію. Но Пушкинъ придаетъ ему нѣкоторыя нравственныя черты: баронъ сознаетъ, что дѣлалъ зло, собирая всякими неправдами деньги; совѣсть порою грызетъ его сердце. Кромѣ того въ немъ есть хоть и ложно направленная энергія характера, своего рода самоотверженіе, съ какимъ онъ отказывается отъ всѣхъ прихотей и желаній для скопленія богатства; золото онъ копитъ не по одной безсмысленной жадности къ деньгамъ, а видитъ въ немъ какую-то идею величія, власти. Притомъ сердце барона способно хоть изрѣдка трогаться, какъ, напримѣръ, при воспоминаніи о его отношеніяхъ къ отцу герцога; онъ сохранилъ въ душѣ и рыцарскую гордость. При всѣхъ этихъ условіяхъ возможенъ трагическій характеръ, то есть, возможна борьба, при которой въ самомъ паденіи человѣкъ возбуждаетъ въ насъ нѣкоторую долю участія. Не имѣй баронъ человѣческихъ чертъ, нами указанныхъ, онъ не страдалъ бы такъ надъ

своими сундуками; сознаніе позора, что онъ обвиненъ сыномъ и долженъ былъ лгать передъ герцогомъ, не потрясло бы его такъ жестоко. И такъ, при его смерти, мы можемъ жалѣть, что человѣкъ съ подобной энергіей воли не употребилъ на что нибудь лучшее жизнь свою. Въ характерѣ Бориса Годунова, холоднаго честолюбца, который поддерживалъ свою власть хитростью и жестокостью, Пушкинъ основаніемъ борьбы также ставитъ его возвышенный умъ, способный понимать пользу образованія, его искусство въ управленіи, но болѣе всего страданія совѣсти за совершенное преступленіе. Годуновъ самъ себя подвергаетъ постоянной пыткѣ, и мы не желаемъ ему другой, болѣе жестокой казни.

Мы уже замѣчали, что характеръ Бориса, какъ историческаго лица, съ этой внутренней борьбою, представленъ довольно отвлеченно. Его чувствительность и важность нѣсколько искусственны, Когда Шуйскій, напримѣръ, стѣсняется присутствіемъ Ѳедора, чтобы сообщить ему тайну, онъ гордо говоритъ: «царевичъ можетъ знать, что вѣдаетъ князь Шуйскій»: но узнавъ, въ чемъ состояла тайна, Борисъ восклицаетъ въ волненіи: «Димитрія! какъ? этого младенца? Димитрія! царевичъ, удались». Такой хитрый и практическій человѣкъ, какъ Годуновъ, врядъ ли бы сталъ важничать передъ Шуйскимъ, гдѣ дѣло касалось тайнаго извѣстія: онъ, конечно, не все довѣрялъ сыну, еще учившемуся географіи; во вторыхъ, и страхъ передъ однимъ именемъ Димитрія не слишкомъ могъ смутить того, кто всякій день вымышлялъ новыя пытки и казни. Если взять во вниманіе историческіе факты, то болѣе трагическаго заключалось въ слѣдующемъ положеніи Бориса: онъ употребилъ всѣ усилія на то, чтобы угодить народу, чтобы прослыть умнымъ царемъ и заставить забыть имя царевича Димитрія, и вдругъ онъ узнаетъ, что около него строятся ковы, что въ народѣ все болѣе распространяются ненавистные для него толки и приверженцы самозванца растутъ, грозя отнять у него власть, добытую имъ съ трудомъ. Въ стихахъ:

«Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умѣютъ только мертвыхъ» —

заключалось болѣе трагической основы; но эти слова Борисъ произноситъ мимоходомъ, безъ особеннаго волненія.

Противуположность трагическаго представляетъ *комическое*, смѣшное: это другая сторона той же медали. Собственно говоря, въ при-

родѣ нѣтъ ничего ничтожнаго и безсильнаго: для искуснаго наблюдателя и грязное болото заключаетъ богатый міръ явленій изъ царства животнаго и растительнаго, и въ безобразномъ гадѣ есть гармоничяское соотвѣтствіе съ цѣлію. Понятіе о безобразіи, о безсиліи мы составляемъ лишь по сравненію одного предмета съ другимъ, по нашему личному ощущенію. Суета муравьевъ намъ кажется ничтожною по сравненію съ дѣйствіями волковъ, медвѣдей и другихъ крупныхъ животныхъ, прыганье лягушки — безобразнымъ рядомъ съ легкими, живыми прыжками зайчика, векши. Составивъ свой идеалъ силы и красоты, мы всюду въ природѣ замѣчаемъ противорѣчіе въ однихъ и тѣхъ же явленіяхъ. Насъ поражаетъ неуклюжесть медвѣдя рядомъ съ его громадностью и физическою силою, длинныя ноги насѣкомаго при крошечномъ туловищѣ, умъ лисы рядомъ съ ея животной натурой. Это постоянное противорѣчіе между малымъ и большимъ, между утонченнымъ и грубымъ и служитъ источникомъ смѣшнаго. Нравственный міръ въ другомъ родѣ представляетъ намъ то же самое. «Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ» говорятъ люди, и это въ извѣстномъ отношеніи справедливо. Трагическое требуетъ величественнаго въ характерахъ; но чѣмъ болѣе великаго и могучаго выражается въ борьбѣ, тѣмъ должны быть замѣтнѣе слабыя, ничтожныя стороны въ явленіяхъ, среди которыхъ борьба происходитъ. Однако тамъ, гдѣ мы увлечены жалостью, скорбью, гнѣвомъ и другими подобными чувствами, нѣтъ мѣста смѣху: противорѣчіе между великимъ и малымъ намъ здѣсь бросается въ глаза лишь на мгновеніе, служа къ тому, чтобы сильнѣе дать почувствовать, что есть роковаго, ужаснаго въ судьбѣ человѣка; оно скорѣе служитъ поводомъ къ смѣху въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы не скованы ожиданіемъ какой нибудь печальной развязки. И такъ смѣшное, комическое не составляетъ главнаго содержанія въ трагическомъ представленіи: по близкой связи того и другаго, оно здѣсь служитъ трагическимъ цѣлямъ, то, по закону противуположности, оттѣняя рѣзче все серьезное въ явленіяхъ, то давая роздыхъ чувству, утомленному созерцаніемъ тяжелой борьбы. Забавно положеніе барона, когда герцогъ требуетъ, чтобы онъ прислалъ съ приличнымъ содержаніемъ ко двору своего сына; но чѣмъ оно забавнѣе, тѣмъ тяжелѣе впечатлѣніе производитъ слѣдующая за тѣмъ развязка. Въ сценѣ Бориса Годунова съ Шуйскимъ нѣкоторыя комическія черты представляетъ личность Шуйскаго съ его изворотливостью и лукавствомъ; но все, что тутъ есть смѣшнаго, служитъ

лишь къ тому, чтобы показать безпомощное положеніе Бориса, мучимаго страшнымъ призракомъ Дмитрія. Другія сцены, напримѣръ: въ корчмѣ, на литовской границѣ, съ юродивымъ на площади, и проч. разнообразятъ дѣйствіе, подготовляя къ новымъ трагическимъ явленіямъ. Въ область комическаго, собственно говоря, входитъ мелкая борьба страстей, гдѣ дѣйствуютъ личности, хоть, можетъ быть, очень способныя и дѣловыя, но съ пошлымъ, себялюбивымъ характеромъ. Тупая неподвижность и глупое самодовольство, чисто животныя наклонности къ грубымъ наслажденіямъ, жалкая игра самолюбія, въ которой человѣкъ только и думаетъ о томъ, какъ бы выставить свои внѣшнія, случайныя преимущества, или выдаетъ и недостатки за добродѣтель, лицемѣріе и обманъ всѣхъ родовъ, голый разсчетъ во всякомъ словѣ и дѣлѣ — вотъ тѣ стороны жизни, которыя даютъ содержаніе комизму. Подъ обаяніемъ трагическаго, ужаснаго въ судьбѣ человѣка, мы бываемъ поражены мелкостью ежедневныхъ явленій, среди которыхъ рѣшаются серьезныя задачи жизни; наблюдая эти ничтожныя явленія, мы страдаемъ, негодуемъ за лучшіе идеалы, въ нихъ уничтоженные и затоптанные въ грязь, за оскорбленное достоинство человѣка. Безъ хорошо сознаннаго идеала, конечно, мы не могли бы подмѣтить и всѣхъ безобразныхъ сторонъ жизни; слѣдовательно противорѣчіе между высокимъ назначеніемъ жизни и ея ничтожнымъ содержаніемъ и здѣсь служитъ источникомъ смѣшнаго. Но все великое, серьезное, трагическое здѣсь не выставлено на видъ, а скрыто лишь въ идеѣ; къ его пониманію мы приходимъ обратнымъ путемъ, видя уничтоженіе прекраснаго идеала. Такимъ образомъ, по самому свойству комическаго, чѣмъ полнѣе и рельефнѣе выставлена житейская пошлость, тѣмъ искреннѣе и задушевнѣе смѣхъ, вытекающій изъ сознаннаго нами противорѣчія въ явленіяхъ, и, слѣдовательно, тѣмъ нагляднѣе выступаетъ въ нашемъ сознаніи идея прекраснаго. Тутъ дѣйствуетъ обыкновенный законъ противуположности при возбужденіи представленій: грубый взяточникъ напоминаетъ намъ о безкорыстномъ дѣятелѣ, низкій лицемѣръ о правдивомъ человѣкѣ, и проч. Наша веселость въ этомъ случаѣ оправдывается тѣмъ, что мы радуемся при видѣ позора и униженія, какому преданъ порокъ, когда обнаружены всѣ его козни. Отъ того такъ мелокъ комизмъ, основанный на представленіи однихъ внѣшнихъ недостатковъ (большой носъ, неловкость въ обращеніи) безъ всякаго отношенія къ какой нибудь нравственной идеѣ. Близкая связь между трагическимъ и комическимъ

видна и изъ того, что вездѣ въ обществѣ рядомъ съ какими нибудь новыми стремленіями къ идеалу усиливалась и насмѣшка. Тамъ, гдѣ люди думали о томъ, какъ бы улучшить свою жизнь, они, недовольные настоящимъ, то создавали себѣ картины счастливаго быта въ тѣсномъ сближеніи съ природой, то, обращаясь къ дѣйствительности, рѣзко осуждали общественные пороки: такъ *идиллія* являлась одновременно съ *сатирой*. Въ идилліи человѣкъ, удаляясь отъ окружающей суеты, предавался своимъ прекраснымъ грезамъ. Но чуть съ этими грезами выходилъ онъ въ жизнь, начиналась тяжелая борьба; одинъ за другимъ разбивались его идеалы, и тутъ, въ круговоротѣ страстей, разыгрывалось все, что было *трагическаго* въ характерахъ. Другіе люди шли инымъ путемъ: въ своемъ стремленіи къ лучшему, они не пытались строить новый міръ, не сходный съ дѣйствительностью, пока не было разрушено окружающее зло; они только дѣйствовали оружіемъ насмѣшки.

Изъ предъидущаго уже понятно, что трагическое и комическое можетъ заключаться какъ въ эпосѣ, такъ въ лирикѣ и въ драмѣ, Въ повѣсти «Старосвѣтскіе помѣщики» комическое основано на томъ жалкомъ пониманіи жизни, гдѣ кромѣ спанья и заботы о ѣдѣ люди ничѣмъ не заняты. Тутъ комизмъ добродушный, потому что и характеры выведены кроткіе, незлобные. Въ описаніи смерти и похоронъ Пульхеріи Ивановны комическое смѣшано съ трагическимъ, что происходитъ не столько отъ характеровъ, сколько отъ положенія лицъ: Гоголь показываетъ намъ, какъ и въ жизни, самой бѣдной по содержанію, рѣшаются великіе вопросы судьбы человѣческой. Таже смѣсь трагическаго съ комическимъ въ повѣсти «Бѣжинъ лугъ», гдѣ съ одной стороны ничтожныя причины суевѣрныхъ тревогъ въ человѣкѣ могутъ казаться забавными, съ другой—мы видимъ очень печальныя послѣдствія для жизни отъ этой на видъ заманчивой вѣры въ чудесное. Въ повѣсти «Капитанская дочка» комичны сцены изъ жизни въ Бѣлогорской крѣпости; напротивъ въ сценахъ съ Пугачевымъ есть много и трагическаго. Болѣе серьезный и строгій комизмъ мы находимъ въ поэмѣ:« Мертвыя души». Въ народныхъ лирическихъ пѣсняхъ мы часто видимъ, какъ трагическое бываетъ усилено комическими чертами: таковы въ пѣсняхъ горькія шутки по поводу смерти, бездолья, и проч. Иронія, юморъ, сарказмъ составляютъ разные виды комическаго. Сатирой чаще всего называютъ лирическое выраженіе негодованія противъ пороковъ.

Драму, по преобладанію одного изъ этихъ двухъ началъ, раздѣляютъ на трагедію и комедію. Слѣдовательно, слово «драма» есть общее названіе для того и другаго рода сочиненій; но у французовъ это слово принималось еще въ особенномъ, частномъ значеніи. Въ старину въ трагедіи считали необходимымъ выставлять полководцевъ, царей, героевъ; обыкновенные лица встрѣчались лишь въ комедіи. Но потомъ стали изображать трагическое и въ жизни обыкновенныхъ людей: это драматическое изображеніе и называли «драмою» въ тѣсномъ смыслѣ слова. Нѣкоторые и донынѣ раздѣляютъ драматическія сочиненія на три разряда: трагедію, драму и комедію. Трагедія въ этомъ случаѣ представляетъ событія изъ жизни болѣе общей, исторической,—драма беретъ ихъ изъ обыденной общественной и семейной жизни. Чувствительныя драмы съ пѣснями встарину назывались мелодрамами: теперь *мелодраматическими* называютъ такія изображенія чувства, гдѣ оно является въ искаженномъ, преувеличенномъ видѣ. У французовъ, какъ особенные виды комедіи, развились также *фарсъ*, *водевиль*. И тотъ и другой видъ относятся къ низшему разряду комическаго, гдѣ взяты во вниманіе болѣе смѣшныя положенія, чѣмъ смѣшныя черты въ характерахъ. Фарсъ забавляетъ насъ людскими странностями, какой нибудь случайной путаницей въ дѣлахъ, происшедшей отъ недогадливости, глупости, недоразумѣній между лицами: такова въ нѣкоторыхъ сценахъ комедія Гоголя «Женидьба»; водевиль отличается еще тѣмъ, что въ него входятъ куплеты, назначенные для пѣнія. Нѣкоторые поэтому различали комедію положеній и высшую комедію, или комедію характеровъ; но въ этомъ раздѣленіи нѣтъ ничего существеннаго: собственно говоря, фарсъ и водевиль должны также изображать характеры, хотя и въ болѣе мелкихъ чертахъ, въ отношеніяхъ частныхъ и семейныхъ. *Карикатурнымъ* въ комедіи называютъ всякое преувеличенное изображеніе смѣшнаго съ преднамѣренною цѣлью.

Въ заключеніе, чтобы пояснить сущность комическаго, мы кратко разсмотримъ идею и развитіе содержанія въ комедіяхъ «Горе отъ ума» и «Ревизоръ» *). Мы знаемъ, что для драмы необходимо единство дѣйствія: ея опредѣленная идея высказывается въ болѣе или менѣе сложномъ событіи, которое во всѣхъ частяхъ необходимо для

*) Объясненіе характеровъ въ этихъ комедіяхъ см. въ моей книгѣ: «Новая русская литература» (стр. 210 — 229 и стр. 335 — 362).

полнаго разъясненія этой идеи: идея драмы и событіе тутъ совершенно совпадаютъ. Событіемъ въ комедіи «Горе отъ ума» служитъ появленіе образованнаго человѣка, Чацкаго, усвоившаго себѣ лучшія понятія о чести и благородной гордости, въ кругу Фамусова, низкопоклонника, искателя выгодныхъ мѣстъ и отличій. Что два такихъ противуположныхъ человѣка сошлись вмѣстѣ, объясняется семейными отношеніями: Чацкій воспитывался въ семьѣ Фамусова, и, пробывъ три года за границею, по возвращеніи, пріѣхалъ за просто въ близкій ему домъ; кромѣ того онъ былъ очень друженъ съ дочерью Фамусова, Софьею, съ которою въ дѣтствѣ игралъ и учился. Грибоѣдовъ представляетъ еще болѣе: что Чацкій страстно любилъ Софью. Эта любовь кажется не совсѣмъ естественною послѣ трехлѣтней разлуки, во время которой Чацкій ни словомъ о себѣ не напомнилъ; но такъ было нужно для того, чтобы представить пріѣздъ Чацкаго неожиданнымъ для Софьи, чтобы и для него самого было неожиданнымъ то, что онъ нашелъ въ домѣ Фамусова. Софья уже забыла о немъ и, слѣдуя глупымъ романамъ, которыхъ начиталась, вошла въ нѣжныя, сантиментальныя отношенія съ чиновникомъ, служившимъ у отца ея, смиренникомъ Молчалинымъ, угождавшимъ всякому въ своихъ лакейскихъ разсчетахъ. Пустая, жадная до свѣтскихъ удовольствій, Софья вообразила въ Молчалинѣ идеалъ скромнаго, послушнаго обожателя, между тѣмъ какъ онъ въ тоже время ухаживалъ за ея горничной. И такъ Чацкій, сверхъ ожиданія, долженъ былъ испытать холодное равнодушіе тамъ, гдѣ надѣялся встрѣтить привязанность, ласку; кромѣ того, по возвращеніи изъ за границы, ему пришлось сильнѣе прежняго почувствовать противорѣчіе съ тѣмъ невѣжественнымъ, испорченнымъ обществомъ, въ которое вступилъ онъ: борьба старыхъ и новыхъ понятій, усиленная раздоромъ въ сердцѣ Чацкаго, вслѣдствіе его неудачной любви, — вотъ что собственно служило основаніемъ комедіи. Положеніе Чацкаго должно бы быть трагическое, а комизмъ могъ заключаться лишь въ пошлыхъ, себялюбивыхъ разсчетахъ Фамусова, Молчалина, Софьи и другихъ лицъ изъ ихъ кружка: въ присутствіи честнаго и разумнаго человѣка тѣмъ яснѣе выказывалась ихъ пошлость. Посмотримъ же, какъ проведена эта идея борьбы въ комедіи и на сколько она выразилась въ самомъ событіи. Въ первомъ дѣйствіи мы узнаемъ отношенія Софьи къ Молчалину; въ столкновеніи обоихъ съ Фамусовымъ намъ становятся ясны: свѣтски-изворотливый характеръ Софьи, мелкая, трусливая душонка Молчалина и отцовскій эгоизмъ Фамусова, который дрожитъ не за нравственность своей дочери, а только опасается, какъ бы она не увлеклась сочувствіемъ къ бѣдному человѣку. Но борьба собственно начинается съ появленіемъ Чацкаго. На его задушевный привѣтъ Софья отвѣчаетъ сухо, принужденно, отшучивается, когда онъ вызываетъ ее на искренность, и наконецъ прямо выражаетъ къ нему презрѣніе, когда онъ, перебирая всѣхъ знакомыхъ, сталъ надсмѣхаться надъ Молчалинымъ. Чацкій при первой встрѣчѣ долженъ былъ понять, что ему нечего ждать ласки и сочувствія отъ женщины, которая была ему дороже всего на свѣтѣ. Вотъ первый для него ударъ; но и всѣ лица, окружавшіе Софью, были ему чужды по своимъ понятіямъ. Въ разговорѣ съ нею, онъ самъ живо очертилъ ихъ, и согласенъ былъ терпѣть ихъ только потому, что между ними есть родные Софьи.

Жить съ ними надоѣстъ, а въ комъ не сыщешь пятенъ?
Когдажъ постранствуешь, воротишься домой,
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

Чацкій, встрѣчая ѣдкой насмѣшкой общество Фамусова, еще все думаетъ какъ нибудь съ нимъ ужиться. Это однако оказалось невозможнымъ, — какъ мы видимъ изъ втораго дѣйствія. Фамусовъ требуетъ, чтобы Чацкій служилъ и *прислуживался*, если хочетъ съ нимъ породниться. Подробно объясняя, какъ, для разныхъ выгодъ по службѣ, нужно *сгибаться въ перегибъ*, Фамусовъ и на дѣлѣ, ухаживая за Скалозубомъ, подаетъ примѣръ самоуниженія и хитрой, разсчетливой лести. Чацкій не вытерпѣлъ, прямо высказалъ свои честныя убѣжденія, — и навелъ только страхъ на Фамусова, который называетъ его честность развратомъ; Скалозубъ же ничего не понялъ изъ страстной рѣчи Чацкаго противъ дикихъ, безпутныхъ невѣждъ, осуждающихъ всякіе благородные порывы. Наконецъ, когда Софья падаетъ въ обморокъ при видѣ маленькой неудачи съ Молчалинымъ, уже не было никакого сомнѣнія въ томъ, кого она любитъ. Чацкому не приходилось болѣе оставаться въ этомъ кругу: оставаясь, онъ самъ дѣлался комическимъ лицомъ, какъ это мы и видимъ въ третьемъ и четвертомъ дѣйствіи. Тутъ онъ продолжаетъ докучать Софьѣ своею любовью, такъ что она изъ ненависти объявляетъ его сумасшедшимъ; онъ безплодно остритъ надъ гостями Фамусова и ораторствуетъ противъ модной одежды; наконецъ онъ разражается негодованіемъ противъ общества, когда убѣ-

дился на дѣлѣ въ нѣжныхъ отношеніяхъ Софьи къ Молчалину, какъ будто все его негодованіе происходило изъ одного личнаго раздраженія. Явно, что завязки, основанной на любви, было недостаточно, чтобы выставить борьбу между старыми и новыми понятіями: такая завязка имѣла бы смыслъ, если бы Софья сочувствовала Чацкому и такимъ образомъ невольно вызывала его на борьбу съ обществомъ. Въ противномъ случаѣ мы ожидаемъ другихъ причинъ къ столкновенію, болѣе серьозныхъ, чѣмъ одно раздраженное самолюбіе Чацкаго. Третье и четвертое дѣйствіе лучшія въ драмѣ, какъ по живости сценъ, такъ и по разнообразію выставленныхъ характеровъ; но въ нихъ Чацкій дѣйствуетъ очень мало, или играетъ незавидную роль; между тѣмъ какъ по смыслу комедіи ему тутъ и слѣдовало бы высказаться полнѣе. Вся игра драмы тутъ основана на мелкой, свѣтской интригѣ, гдѣ хорошо обрисованы пошлыя личности, составлявшія кружокъ Фамусова; но мы болѣе не видимъ никакой борьбы за благородныя идеи, представителемъ которыхъ долженъ служить Чацкій, и не знаемъ, почему именно, отказавшись отъ своихъ странныхъ притязаній на Софью, онъ не могъ бы ужиться со Скалозубами, Загорѣцкими, и проч. То, что Чацкій говорилъ такъ краснорѣчиво во второмъ дѣйствіи, не подтверждается его поступками, то есть, не выбрано событія, гдѣ бы Чацкій выказалъ всю силу своихъ убѣжденій, между тѣмъ какъ выставлены на видъ его мелочность и придирчивость. Но, оставивъ въ сторонѣ идею борьбы между старыми и новыми понятіями, которая, какъ мы видимъ, не выполнена, мы найдемъ въ комедіи Грибоѣдова живое столкновеніе лицъ въ ихъ мелкихъ интересахъ, хотя и безъ строго опредѣленной завязки. Вся завязка тутъ въ томъ, что Фамусовъ устроиваетъ балъ, собирая около себя всякихъ уродовъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніи, чтобы поддержать себя въ обществѣ. Въ ряду удачныхъ сценъ мы видимъ, какъ эти лица, сходясь между собою, выставляютъ на показъ то грубое невѣжество и жалкую ограниченность понятій, какъ Скалозубъ, то беззастѣнчивую привычку ко лжи, пошлое фатовство и праздную суетливость, какъ Загорѣцкій и Репетиловъ, то пустую страсть къ баламъ, къ сплетнямъ, завистливую злость, грубый разсчетъ, не прикрытый приличіемъ, какъ Наталья Дмитревна, Хлестова, графиня внучка, княгиня, и проч.

Въ драмѣ Гоголя «Ревизоръ» напротивъ комическая завязка естественно вытекаетъ изъ событія, въ ней представленнаго, и въ

продолженіи всего дѣйствія только съ нимъ связана. Вводя новое лице, чуждое тому кругу жизни, который выставленъ на посмѣяніе, Грибоѣдовъ не далъ ему прямаго участія въ драматическомъ дѣйствіи: Чацкій служитъ лишь предметомъ сплетни, но такимъ предметомъ могъ бы быть и всякій другой, потому что сама сплетня мало имѣетъ отношенія къ идеямъ и убѣжденіямъ Чацкаго; только во второмъ дѣйствіи онъ заставилъ довольно живо высказаться Фамусова. Напротивъ появленіе Хлестакова въ драмѣ Гоголя приводитъ въ движеніе всѣ лица, возмущаетъ до глубины стоячую тину жизни въ уѣздномъ городѣ: тутъ даже Бобчинскій и Добчинскій на мигъ являются героями, даже самыя невѣдомыя, темныя личности какъ нибудь себя заявляютъ. Хлестаковъ однако общаго съ Чацкимъ имѣетъ только то, что онъ такое же новое, невиданное лице посреди людей, которыхъ пугаетъ собою. Но Чацкій могъ быть страшенъ испорченному обществу силою своихъ благородныхъ убѣжденій; Хлестаковъ же, самое пошлое изъ лицъ комедіи, приводитъ въ трепетъ чиновниковъ уѣзднаго города однимъ обаяніемъ власти, какую они въ немъ предполагаютъ. Тѣмъ живѣе высказывается грубая натура людей, которые способны сознавать свои грѣшки лишь въ ожиданіи грозящей кары закона, тѣмъ нагляднѣе выступаютъ самые грѣшки, когда, сознавая ихъ, чиновники могли принять перваго проѣзжаго за ревизора. Будучи совершенно незнакомы съ петербургскимъ, чиновничьимъ міромъ, городничій съ братіей, подъ вліяніемъ страха, вполнѣ поддались обману, и чѣмъ нелѣпѣе дѣйствовалъ Хлестаковъ, тѣмъ охотнѣе вѣрили въ его высокое положеніе. Это происходило отъ того, что, не смотря на рѣшительное несходство съ чиновниками уѣзднаго города, Хлестаковъ имѣлъ много съ ними родственнаго по той распущенности нравовъ, какую олицетворялъ собою. По ихъ понятію, сила должна была выражаться въ полномъ безправіи, и если ихъ характеры болѣе сосредоточены, если, пользуясь чужимъ добромъ, они не бросали денегъ на вѣтеръ изъ пустаго тщеславія, то Хлестакову дозволялось жуировать и безпутствовать сколько угодно, потому что для нихъ онъ стоялъ выше всякаго закона. И такъ это новое лице выбрано какъ нельзя лучше, чтобы выказать всю сущность мнѣній и дѣлъ изображаемаго общества; кромѣ того въ параллель чиновничьимъ нравамъ уѣзднаго города, Хлестаковъ представляетъ все, что есть безобразнаго въ мелкой суетѣ столичнаго міра. Въ комедіи Гоголя нѣтъ добродѣтельныхъ лицъ; но рѣзко обрисованная пошлость въ каждой сценѣ

даетъ чувствовать высокій идеалъ правды, какой задалъ себѣ авторъ. Ожидаемая кара закона служитъ естественной завязкой дѣйствія въ обществѣ служебныхъ лицъ, которые безцеремонно его попираютъ; а Хлестаковъ своимъ появленіемъ присоединяетъ къ этому еще другую нравственную кару, какую они способны были испытывать: они узнаютъ, что, не смотря на всю свою опытность въ обманѣ, сами были жестоко обмануты. Съ этою завязкой дѣйствіе развивается послѣдовательно и стройно. Въ первомъ актѣ мы подготовлены къ борьбѣ совѣщаніемъ чиновниковъ, ожидающихъ ревизора; тутъ же началась и тревога, когда Бобчинскій и Добчинскій извѣстили, что мнимый ревизоръ пріѣхалъ. Второй актъ вводитъ насъ въ жизнь Хлестакова: мы видимъ мелкую борьбу въ человѣкѣ, который прокутился до того, что долженъ ожидать тюрьмы, и всетаки мечтаетъ пустить пыль въ глаза при случаѣ. Послѣ жалкаго положенія, въ какомъ онъ находился, тѣмъ естественѣе его самоувѣренность, когда городничій пріѣхалъ къ нему съ поклономъ; но онъ сначала немного затрудняется, не зная, какъ принять предложенія городничаго, думаетъ, не приглашаютъ ли его въ тюрьму — борьба минутная, потому что Хлестаковъ не привыкъ долго останавливаться ни на одной мысли. Третій актъ служитъ средоточіемъ дѣйствія. Съ одной стороны Хлестаковъ тутъ выказываетъ всю свою прыть; послѣ хорошаго угощенія, при почетѣ, которымъ его окружаютъ, душа его раскрывается на распашку, и тутъ, изъ его наивнаго хвастовства, мы узнаемъ, сколько мелочнаго, пошлаго, глупаго было въ самой жизни. Съ другой стороны, въ той же мѣрѣ, уѣздные чиновники обнаруживаютъ свое раболѣпство, хитрую изворотливость въ надеждѣ провести предполагаемаго начальника и сами окончательно поддаются обману. Страхъ, какой навелъ на нихъ Хлестаковъ своею болтовнею, побудилъ ихъ къ тому, чтобы дать щедрую взятку, отъ которой не отдѣлался и попечитель бого-угодныхъ заведеній, хотя уже угощалъ Хлестакова въ своей больницѣ. Это и составляетъ содержаніе четвертаго акта, гдѣ также узнаемъ о притѣсненіяхъ, какія терпѣлъ народъ отъ городничаго. Между тѣмъ Хлестаковъ по своему исполняетъ роль карателя: обобравъ чиновниковъ, онъ начинаетъ ухаживать за дочерью городничаго, признается ей въ чувствахъ и, когда мать подсторожила его на этомъ признаніи, проситъ ея руки. Такъ подготовляется развязка пятаго акта. Городничій торжествуетъ, что не только успѣлъ расположить въ свою пользу мнимаго ревизора, но и достигъ неслыханнаго счастія съ нимъ породниться: онъ уже грезитъ о генеральскомъ чинѣ, о лентахъ, о жизни въ Петербургѣ,—и вдругъ оказалось, что все было обманъ и недоразумѣніе. Дѣло кончилось величайшимъ для него позоромъ, такъ какъ собрались уже гости поздравлять его, а между тѣмъ настоящій ревизоръ пріѣхалъ и зоветъ къ расправѣ. Мы видимъ, что тутъ всѣ подробности сосредоточены около одной мысли и сведены къ одному событію, каждая сцена имѣетъ прямое отношеніе къ появленію ревизора. Почему дѣйствіе, во всѣхъ его частностяхъ, слагается такъ, а не иначе, мы всегда можемъ здѣсь объяснить какъ характеромъ и положеніемъ Хлестакова, такъ характеромъ и положеніемъ городничаго и прочихъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи.